

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

NAUCHNYI DIALOG

Научный диалог

2021. № 6

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011 г., Роскомнадзор
Год основания	2012
Периодичность	12 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	<ul style="list-style-type: none"> • WoS <Emerging Sources Citation Index> • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • EBSCO • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620050, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620098, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	cnior@bk.ru

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

Тематика	07.00.00 Исторические науки	
	10.01.00 Литературоведение	
	10.02.00 Языкознание	
География авторов выпуска	Брно (Чешская Республика)	Нижний Новгород
	Владивосток	Ростов-на-Дону
	Вологда	Санкт-Петербург
	Екатеринбург	Симферополь
	Елец	Тюмень
	Ижевск	Улан-Удэ
	Кемерово	Уфа
	Кострома	Челябинск
	Курск	Череповец
	Москва	Якутск
	Мытищи	Ярославль
Авторы, имеющие ученую степень	86 %	

ISSN 2225-756X

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

2021. № 6

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Informa- tion Technologies and Mass Com- munications)	PI № FS 77-47018 of 18.10.2011
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Presence in Citation Bases, indexa- tion	<ul style="list-style-type: none"> • WoS <Emerging Sources Citation Index> • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	<ul style="list-style-type: none"> • EBSCO • Science Index (Rus) — All published articles are publicly available for reading and citing on the jour-nal’s website and in the National E-Library • CyberLeninka
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

Главный редактор

Татьяна Валерьевна Леонтьева, д-р филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, канд. филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)
Александр Геннадиевич Нестеров, д-р исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Сергей Николаевич Пяткин, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Алессандро Витале, д-р наук, профессор (Италия, Милан)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, д-р филологических наук, профессор (Болгария, София)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Владимировна Гусейнова, д-р педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

Редакционный совет

10.02.00 Языкознание

Александр Константинович Киклевич, д-р филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)
Арто Мустайоки, д-р философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)
Биляна Марич, д-р филологических наук, доцент (Сербия, Белград)
Вадим Витальевич Сдобников, д-р филологических наук, доцент (Россия, Нижний Новгород)
Евгения Викторовна Терехова, д-р филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, д-р филологических наук, профессор (Болгария, София)
Нина Марковна Разинкина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Москва)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Рenate Ратмайр, д-р филологических наук, профессор (Австрия, Вена)
Татьяна Геннадьевна Никитина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Псков)
Татьяна Николаевна Бунчук, канд. филологических наук, доцент (Россия, Сыктывкар)
Тимур Беньюминович Радбиль, д-р филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

10.01.00 Литературоведение. Журналистика. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Александр Самуилович Кацев, д-р филологических наук, профессор (Кыргызстан, Бишкек)
Андреана Борисова Ефимова, д-р наук, профессор (Болгария, София)
Галина Ивановна Родина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Евгения Николаевна Кузьмина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Новосибирск)
Иво Поспишил, д-р наук (Чешская Республика, Брно)
Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)
Павел Федорович Лимеров, канд. филологических наук, доцент (Россия, Сыктывкар)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Алексеевна Савоськина, канд. филологических наук, доцент (Украина, Измаил)

07.00.00 Исторические науки. Этнография. Этнология

Александр Геннадиевич Нестеров, д-р исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Алессандро Витале, д-р наук, профессор (Италия, Милан)
Альбина Советовна Жанбосинова, д-р исторических наук, профессор (Казахстан, Усть-Каменогорск)
Андрей Александрович Иванов, д-р исторических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Юрий Дмитриевич Анчабадзе, д-р исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Английский перевод аннотаций: Ирина Волгина

EDITOR-IN-CHIEF:

Tatyana Valeryevna Leontyeva, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

SCIENCE EDITORS

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Anna Viktorovna Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)
Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Tatyana Vladimirovna Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL BOARD

LINGUISTICS

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)
Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)
Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)
Evgeniya Viktorovna Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)
Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Nina Markovna Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)
Tatyana Gennadyevna Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)
Tatyana Nikolayevna Bunchuk, PhD in Philology, associate professor (Russia, Syktyvkar)
Timur Benyuminovich Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)
Vadim Vitalyevich Sdobnikov, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. JOURNALISM. FOLKLORE

Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Aleksandr Samuilovich Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)
Andreana Borisova Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Galina Ivanovna Rodina, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Arzamas)
Evgenia Nikolayevna Kuzmina, Doctor of Philology, professor (Russia, Novosibirsk)
Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno))
Olga Yurevna Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)
Pavel Fyodorovich Limerov, PhD in Philology, associate professor (Russia, Syktyvkar)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Tatyana Alekseyevna Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)

HISTORY. ETHNOGRAPHY. ETHNOLOGY

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Albina Sovetovna Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)
Andrey Aleksandrovich Ivanov, Doctor of History, professor (Russia, St. Petersburg)
Yuri Dmitriyevich Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

Содержание

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Березович Е. Л., Леонтьева М. О.</i> Лексика, обозначающая поясницу и поясничную боль в русских говорах: общий обзор	9
<i>Беспалова Е. А., Ельникова А. В.</i> Библейские фразеологизмы с антропонимическим компонентом в современных медиатекстах	29
<i>Иоанесян Е. Р.</i> К типологии слов и конструкций со значением высокой степени	43
<i>Казаков Г. А.</i> Лексические аспекты русских переводов Библии	59
<i>Конева Н. В., Стародумова Е. А.</i> Текстовая скрепа кроме того: контекстные модификации	78
<i>Лаврова С. Ю., Ермакова Л. А.</i> Внутренняя речь персонажа как основной способ организации художественного дискурса Кадзуо Исигуро (на материале романа «Остаток дня»)	92
<i>Никитин О. В.</i> «Оказывается, что “Словарь Островского” в Главлите еще не подписан...» (из переписки Н. С. Ашукина и С. И. Ожегова 1940—1960-х годов)	113
<i>Селеменева О. А.</i> Система мифонимов в поэзии И. А. Бунина	136
<i>Сигал К. Я.</i> Метаязыковая установка и синтаксис вторичного текста (на материале стихотворных пародий А. А. Иванова)	151

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Богданова О. В., Власова Е. А.</i> Полижанровые стратегии «Прогулок с Пушкиным» А. Терца (А. Синявского)	173
<i>Бурцева М. А.</i> Картина мира в готическом рассказе Э. Ф. Бенсона «Гейвонов канун»	192
<i>Каплун М. В.</i> Пьесы на сюжет о Тамерлане и Баязете на русской сцене конца XVII — начала XVIII веков: североевропейские источники	207
<i>Лушников Г. И., Осадчая Т. Ю.</i> Фрагментарность современного художественного нарратива (на материале англоязычной прозы)	225
<i>Сухих О. С., Юхнова И. С.</i> Мотивы повести А. С. Пушкина «Пиковая дама» в романе А. В. Иванова «Ненастье»	240
<i>Толкачева С. В.</i> Символика времени в русском свадебном фольклоре Удмуртии	251
<i>Ушакова Е. В.</i> Двойничество в романе М. Спарк «Пособники и подстрекатели»	267

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Апрыщенко В. Ю., Лагошина Н. А.</i> Переселение британских и ирландских католиков в континентальную Европу в XVI — XVIII веках	281
---	-----

<i>Архипова Н. Е.</i> Иоанно-дамаскинское церковно-певческое братство в Нижнем Новгороде в начале XX века	302
<i>Беспалова К. А.</i> Французские военнопленные на юге Советской России весной и летом 1919 года	317
<i>Бурнашева Н. И., Ковлеков И. И.</i> Государственное управление горной отраслью промышленности Якутии в 1920-е годы: принципы и приоритеты развития	332
<i>Васильченко М. А., Вацулик Я.</i> Богдан Павлу и его деятельность в России (1915—1919 гг.)	347
<i>Кимеева Т. И., Абрамова П. В., Насонов А. А.</i> Интерпретация и реконструкция традиционной обрядности с позиции семиотического подхода (на примере шорского обряда шачыг)	361
<i>Никифоров Ю. С.</i> Между инновацией и догматизмом: партхозактив как актор взаимодействия регионов и центра в контексте трансформации социально-экономической сферы СССР 1970-х — начала 1980-х годов	378
<i>Плеханова А. М., Ширавов А. А.</i> Становление банковского дела в Западном Забайкалье в XIX веке: купеческие инициативы	392
<i>Попов А. Д.</i> «Маршруты дружбы»: организация международного туризма в странах социалистического лагеря в 1950—1980-х годах	408
<i>Райнхардт Р. О.</i> Дипломатическая служба итальянского дипломата Дж.-К. де Лудольфа (1805—1861)	426
<i>Соболева А. Н.</i> Изба-читальня как сельский культурный центр в Бурят-Монгольской АССР в 1920—1930-е годы	436
<i>Суслова Л. Н., Яркова И. В., Буканова Р. Г.</i> Повседневная жизнь населения Сибирской губернии в контексте реформ Петра I в первой четверти XVIII века	448

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

.....

Анна Владиславовна Ельникова, студент (Курск)
Григорий Александрович Казаков, доктор английского языкознания
(Москва)
Евгения Рафаэлевна Иоанесян, д-р филол. наук (Москва)
Екатерина Анатольевна Беспалова, канд. филол. наук (Курск)
Елена Алексеевна Стародумова, д-р филол. наук (Владивосток)
Елена Львовна Березович, д-р филол. наук (Екатеринбург)
Кирилл Яковлевич Сигал, д-р филол. наук (Москва)
Любовь Алексеевна Ермакова, канд. филол. наук (Кострома)
Мария Олеговна Леонтьева, лаборант-исследователь (Екатеринбург)
Наталья Владимировна Конева, руководитель центра (Владивосток)
Олег Викторович Никитин, д-р филол. наук (Мытищи)
Ольга Александровна Селеменева, д-р филол. наук (Елец)
Светлана Юрьевна Лаврова, д-р филол. наук (Череповец)

Березович Е. Л. Лексика, обозначающая поясницу и поясничную боль в русских говорах : общий обзор / Е. Л. Березович, М. О. Леонтьева // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 9—28. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-9-28.

Berezovich, E. L., Leontyeva, M. O. (2021). Vocabulary for Lower Back and Lumbar Pain in Russian Dialects: an Overview. *Nauchnyi dialog*, 6: 9-28. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-9-28. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-9-28

Лексика, обозначающая поясницу и поясничную боль в русских говорах: общий обзор

Березович Елена Львовна
orcid.org/0000-0002-1688-2808
член-корреспондент

Российской академии наук
доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка, общего
языкознания и речевой коммуникации
berezovich@yandex.ru

Леонтьева Мария Олеговна
orcid.org/0000-0002-8695-7617
лаборант-исследователь
кафедры русского языка, общего
языкознания и речевой коммуникации
marileonteva@yandex.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:
Работа выполнена при поддержке гранта
РНФ № 20-18-00223 «Этимологизация
и семантическая реконструкция
русской диалектной лексики»

Vocabulary for Lower Back and Lumbar Pain in Russian Dialects: an Overview

Elena L. Berezovich
orcid.org/0000-0002-1688-2808
Corresponding Member

of the Russian Academy of Sciences
Doctor of Philology, Professor
Department of Russian Language, General
Linguistics and Speech Communication
berezovich@yandex.ru

Maria O. Leontyeva
orcid.org/0000-0002-8695-7617
Research Assistant
Department of Russian Language, General
Linguistics and Speech Communication
marileonteva@yandex.ru

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation, project
No. 20-18-00223 “Etymologization and
Semantic Reconstruction
of Russian Dialect Lexicon”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлен семантико-мотивационный и этимологический анализ русских диалектных обозначений поясницы и поясничной боли. Материал извлечен из словарей русских говоров, из неопубликованных картотек Топонимической экспедиции Уральского университета по территориям Русского Севера и Верхнего Поволжья, а также фольклорно-этнографических источников, связанных с народной медициной. Рассматриваются основные семантико-мотивационные модели, лежащие в основе обозначений нижней части спины, в которых могут быть отражены представления о «топографии» этой части тела, соотносённости со смежными телесными областями, о функциях поясницы, о болевых симптомах. Отмечается, что в «поясничной» лексике основное место принадлежит названиям поясничной боли, обилие которых определяется характером земледельческого труда. Показано, что в нескольких названиях содержится указание на локализацию боли, но в большинстве случаев передается характер боли — режущий, колющий, ноющий и проч. Авторы анализируют языковой материал в комплексе с фольклорно-этнографическим: текстами заговоров, ритуал-диалогов, описаниями магических лечебных практик. Выявляются знаковые комплексы, внутри которых обозначения болевых симптомов проецируются на способы, средства и орудия лечения. В таких комплексах может реализовываться принцип этимологической магии, согласующийся с представлениями о «колдовском» происхождении болевых симптомов. Предлагаются мотивационно-этимологические решения для темных слов.

Ключевые слова:

русская диалектная лексика; соматизмы; названия болезней; семантико-мотивационная реконструкция; этимология; этнолингвистика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The semantic-motivational and etymological analysis of the Russian dialectal designations of lumbar and lumbar pain is presented. The material was extracted from dictionaries of Russian dialects, from unpublished card files of the Ural University toponymic expedition to the territories of the Russian North and the Upper Volga region, as well as folklore and ethnographic sources related to folk medicine. The main semantic-motivational models underlying the designation of the lower back, which can reflect the idea of the “topography” of this part of the body, correlation with adjacent bodily areas, the functions of the lower back, and pain symptoms are considered. It is noted that in the “lumbar” vocabulary the main place belongs to the names of lumbar pain, the abundance of which is determined by the nature of agricultural labor. It has been shown that several names contain an indication of the localization of pain, but in most cases the nature of the pain is conveyed — cutting, stabbing, aching, etc. The authors analyze linguistic material in combination with folklore and ethnographic: texts of conspiracies, ritual dialogues, descriptions of magical healing practices. Sign complexes are identified, within which the designations of pain symptoms are projected onto methods, means and tools of treatment. In such complexes, the principle of etymological magic can be realized, consistent with the concept of the “witchcraft” origin of pain symptoms. Motivational and etymological solutions for dark words are proposed.

Key words:

Russian dialect vocabulary; somatisms; names of diseases; semantic and motivational reconstruction; etymology; ethnolinguistics.

Лексика, обозначающая поясницу и поясничную боль в русских говорах: общий обзор

© Березович Е. Л., Леонтьева М. О., 2021

1. Вводные замечания

Наивная соматическая терминология, как известно, имеет развитую вариативность: ряд идеограмм получает множественное лексическое воплощение. Это свойство кажется парадоксальным для старейшей и базовой терминосистемы любого естественного языка, однако его наличие объясняется, во-первых, тем, что многие соматические значения экспрессивны, во-вторых (и это главное), тем, что семантическая система наивной анатомии, будучи асимметричной по отношению к смысловому пространству научной анатомической лексики, особо акцентирует те смыслы, которые важны для наивного сознания, поскольку выражают представления, к примеру, о болевых зонах человеческого тела, об участках, связанных с ношением определенных видов одежды, и проч. Если говорить о русской диалектной соматической лексике, то априорно можно предполагать, что одной из ее специфических черт является «отзывчивость» лексической системы на такой «запрос», как номинация частей тела, несущих наибольшую физическую нагрузку при крестьянском труде. В настоящей статье изучаются закономерности языковой концептуализации и категоризации представлений о нижней части спины и ее заболеваниях, которые отражаются в лексике русских говоров.

2. Обозначения нижней части спины в русских говорах: основные семантико-мотивационные модели

Нижняя часть спины получает огромную нагрузку при жатве, кошении, молотье, переноске тяжестей и проч. Боль в этом месте, сама по себе острая и неприятная, обращает на себя внимание также в связи с тем, что сковывает движения и приводит к утрате работоспособности. Типовые контексты, связанные с обозначениями поясницы, как правило, указывают на болезненные ощущения или на ограничения в подвижности: влг. *Вихлецо́ было больное, не повернёшься* [СГРС, т. 2, с. 120], костр. *Ревматизм замучил, пояс ломит* [Ганцовская, 2013, с. 313], арх. *На сги́бу болько. Спина в сги́бу болит* [СРНГ, т. 37, с. 16] и т. д.

Представления о нижней части спины в наивном сознании содержат различные варианты категоризации этой телесной зоны. Обычно номини-

руется поясница или крестец. В ряде случаев одна номинация объединяет оба эти значения: твер. *захрястье* [СРНГ, т. 11, с. 166], костр. *крёсти* [ЛКТЭ], нижегор., влад., яросл., ворон., костр. *поперёк*, вост. *поперёк* [Даль, т. 3, с. 299; СРНГ, т. 29, с. 305] и др., ср. также показательный контекст из словаря В. И. Даля: *У меня поперек болит* [Даль, т. 3, с. 299]. Иногда ‘поясница’ объединяется со значением ‘спина’ (смол., брян., орл. *серёдина* [СРНГ, т. 37, с. 202]); в некоторых случаях объединяются значения ‘заплечье’ и ‘поясница’ (влад. *запартки* [СРНГ, т. 10, с. 303]). Есть ситуации, когда дефиниция объединяет три и более переплетающихся смысловых компонентов, ср. определения, которые В. И. Даль дает слову *забедры* (без указ. м.) — ‘заплечье, крестец, поясница’ [Даль, т. 1, с. 567] и *закукры* (без указ. м.) — ‘зад тела, забедры, спина, крестец и верхняя часть ляшек’ [Там же, с. 607]. Такое объединение вызвано не только смежностью органов, но и их функциями: *закукры*, скажем, упоминаются практически только в контекстах, связанных с переноской каких-то грузов.

Таким образом, смысловая диффузность определяется тем, что провести четкую категоризацию «спинных» частей для наивного сознания не столь необходимо: важнее указать на функциональную или болезненную область. При этом локализация боли может быть довольно приблизительной: пояснично-крестцовое сплетение является частью нервной системы, имеющей большую пространственную протяженность, соответственно, патологические процессы затрагивают разные его составные части, см. подробнее в [БМЭ, т. 27, с. 16, 21]. Следует также отметить, что слово *спина* (и слова, обозначающие ее части), по классификации Н. Д. Арутюновой, относится к «топографическим единицам» или «пространствам» (ср. еще, к примеру, *щека*); такие «пространства» в рамках соматической лексики противопоставляются «функциональным деталям организма» (*палец, рука, хвост*) [Арутюнова, 1999, с. 16]. «Пространства» не имеют четких границ, поэтому для обозначающих слов закономерна подвижность в семантике (метонимия, сужение и расширение значения).

Наиболее часто обозначения получает *собственно поясница* — это, как подсказывает лексический материал, самая нужная для наивного сознания смысловая конкретизация. Слово *поясница*, являющееся производным от *пояс*, имеет внутреннюю форму «то, что опоясано», ср. выразительную трактовку Даля: ‘природный перехват стана человеческого, поперечная полоса над крестцовой костью, по последним позвонкам, меж ребер и таза; по сему месту ложится пояс, опояска у мужчин’ [Даль, т. 3, с. 389]. При этом *поясница* номинирует практически то же, что *талия* (для определения последней Даль тоже использует емкое и точное слово *перехват*), но смысловое разведение этих слов проходит по линии «*визуальное*» // «*физиоло-*

гическое»: талия акцентирует внимание на визуально воспринимаемой области *перехвата* (что особо значимо для пошива одежды), а *поясница* переводит наш взгляд вовнутрь, концентрируясь главным образом на этой зоне как локусе боли. Характерна пословица, приводимая В. И. Далем: *С наше пожилеши, узнаеши поясницу (которую ломит под старость)* [Даль, т. 3, с. 388]. Для примера приведем подряд контексты, которые даются в «Словаре вологодских говоров» к словам *поясіна* и *поясніка* ‘поясница’: влг. *Поясина ноет — спасу нет, спина не разгибается; Устала, аж поясины не чую; Не советую, робята, девок маленьких любить, целоваться — нагибаться, поясина заболит; Так бежала, что в поясину как вдарит, дак упала и не встать; У всех стариков, поди-ка, к погоде-то поясника болит* [СВГ, т. 8, с. 32]. Получается, что поясница становится «заметной» и номинативно значимой главным образом тогда, когда болит.

Какие *лексические средства* — помимо базового общенародного обозначения¹ — используются в говорах *для обозначения поясницы*?

Наш обзор не претендует на полноту, мы выделим лишь основные и наиболее характерные мотивационные линии.

Наиболее распространены номинации, в которых актуализирован признак «*топографии*» этой части тела. Лексическими средствами определяется положение поясницы по отношению ко всему телу: она трактуется как место «посередине» или «сзади», ср. смол., брян. орл. *серёдина*, брян., смол. *середінка* [СРНГ, т. 37, с. 202], арх. *зідниця* [АОС, т. 16, с. 271] etc. С указанием на «серединное» положение поясницы соотносится представление о «перекрестном» характере расположения этой телесной области (поясницы или крестца), которая «делит» тело пополам: это отражается в костр. *крёсти*, *кресты́* [ЛКТЭ], калин. *кресты́, кресты́* [СРНГ, т. 15, с. 235, 236], донск. *крѣст*² [БТСДК, с. 241], перм. *хрестѣ* [СПГ, т. 2, с. 512] ‘поясница; крестец’, нижегор., влад., яросл., вост., ворон., костр. *пóперѣк*, *пóперѣг*, *попáрок* [СРНГ, т. 29, с. 298], белгород. *перекрёсток*, *перекрёсток* ‘нижняя часть спины, крестец’ [ООСБ, с. 203].

1 В диалектной среде фиксируются также словообразовательные варианты общенародного слова: костр. *поясѣнка*, новг., влг. *поясіна* [СРНГ, т. 31, с. 47], ворон., орл., тул., калуж., амур. *поясніка* [Там же, с. 48], etc.; отмечен и результат метонимического развития производящего слова — костр. *пояс* ‘поясница’ [Ганцовская, 2013, с. 313].

2 Данные наименования — диалектные варианты литер. *крестец* (от *крест*), однако, в некоторых случаях, вероятно, помимо характерного для диалектной фонетики чередования *к // х*, проявляется дополнительный признак характерного хруста костей в этом месте: твер. *захрястье* ‘крестец, поясница’ [СРНГ, т. 11, с. 166], рязан. *хрестѣц* ‘крестец’ [Деулино, с. 588], смол. *хрѣстки* ‘поясница’ [ССГ, т. 11, с. 71], костр. *хрестѣц* ‘крестец’ [Ганцовская, 2018, т. 2, с. 188]; ср. также влг. *хресток*, *хрясток* ‘позвонок’ [КСГРС].

Встречаются также обозначения поясницы (крестца) через указание на соотношенность со смежными телесными областями: *зábёдры* ‘поясница’ [СРНГ, т. 9, с. 250], пск., твер. *подхребёток* ‘крестец’ [СРНГ, т. 28, с. 243], твер. *захрящевица* ‘крестец, поясница’ [СРНГ, т. 11, с. 167] и др.

Сходны в номинативном отношении случаи метонимического переноса с названий смежных областей: краснояр. *карók* ‘поясница’ [СРГЦК, т. 2, с. 181] — ср. смол. *корók* ‘бедро’ [СРНГ, т. 14, с. 359]; арх. *крыльце* ‘поясница’ — ср. диал. шир. распр. *крыльца* ‘заплечье’ [СРНГ, т. 15, с. 346] etc. Метонимия может быть основана также на переносе с названий позвоночника: влг. *хрепёт* ‘поясница’ [КСГРС] — ср. общенародное *хребет*. Для тобол., свердл., оренб. *разбór* ‘поясница’ [СРНГ, т. 33, с. 268] можно допустить первичное значение ‘позвоночник’, поскольку последний мыслится как состоящий из «разбираемых» звеньев¹, (вообще, для лексемы *разбор* семантика позвоночника тоже фиксируется, но значения могут даваться в словарях не в должной последовательности: так, в [СРГСУ, т. 7, с. 52] ‘позвоночник’ отмечен после значения ‘поясница’).

Ряд «топографических» наименований поясница унаследовала от обозначений частей спины животных. Так, тюмен. *хóлка* ‘поясница’ [СРГЮТО, т. 2, с. 347]² появилось, вероятно, в результате расширения значения общенар. *холка* ‘возвышение, горбик при переходе шеи животного (лошади, быка и др.) в хребет’. Перм. *рёница* [СПГ, т. 2, с. 289], костр. *рúница* ‘поясница’ [ЛКТЭ] могли развиваться из общенар. *рёница* ‘хвостовая часть позвоночника животных, покрытая шерстью’, ‘основание хвоста животного’, ср. также иркут., бурят., пск. *сурёница* ‘основание у хвоста лошади; поясница’ [СРНГ, т. 42, с. 276], р. Урал *рёнис* ‘кончик хвоста коровы’ [СРНГ, т. 35, с. 69] и др. Еще один случай реализации модели ‘нижняя часть спины животного’ > ‘нижняя часть спины человека’ иллюстрируют вятск. *хлѹб*, *хлѹп* ‘поясница’ (а также смол. *хлубец* ‘крестец’) [СРНГ, т. 50, с. 257]. Эти слова вторичны по отношению к *хлѹп*, *хлѹль* (без указ. м.) ‘кончик крестца у птицы, хвостец’ [Даль, т. 4, с. 1193] (а также *хлѹп* южн. сиб. ‘грудная кость птицы’, влг. ‘очищенная тушка рябчика’, твер., дон., брянск. ‘тушка птицы без конечностей, шеи и головы’ [СРНГ, т. 50, с. 261] и др.), которые относятся к гнезду экспрессивного глагола звукоподражательного происхождения *xlupati [ЭССЯ, т. 8, с. 39, 40].

1 Такая внутренняя форма особенно ожидаема при номинировании скелетов животных и рыб, которые «обозримы» для человека, ср., к примеру, влг. *чѣтка* ‘позвоночник рыбы’, ‘позвонок’ [КСГРС] при *чѣтки* ‘шнурок с бусинами или узелками’, этимологически связанном с *чѣт*, *считать* (последнее семантически сходно с *перебирать*).

2 Ср. также другие «человеческие» соматические значения этого слова, например, севернорус., урал., сиб. *хóлка* ‘часть ноги человека от таза до коленного сгиба; ляжка, бедро’ [СРНГ, т. 51, с. 162—164].

Еще один блок мотивационных признаков отражает представление о «**функционале**» поясницы. «Перекрестное» расположение пояснично-крестцового отдела позвоночника обеспечивает подвижность туловища (эта особенность отражается в влг. *вихлѣцъ*, *вихлецо* [СГРС, т. 2, с. 120], перм. *вихлѣк* [СРГСПермК, т. 1, с. 243], влг. *вѣхлеть* ‘поясница’, яросл., влг., свердл., арх. *вихлѣцъ* ‘копчик’ [СРНГ, т. 4, с. 304], и др.), а также обеспечивает возможность наклоняться, ср. название поясницы арх. *сгѣб* [СРНГ, т. 37, с. 16].

3. Лексика «поясничной боли»

Если названные выше признаки отражают объективные свойства поясницы, то признак боли является объективно-субъективным, а потому его воплощение наиболее интересно в плане лингвопрагматики. Как уже говорилось, мотивационная сторона ряда обозначений поясницы связана с характерными болезненными ощущениями в этой телесной области. Эти наименования есть смысл рассматривать в комплексе со всей «**лексикой поясничной боли**» (связанной с болевыми симптомами, способами лечения и др.); такое рассмотрение определяется самой логикой наивной категоризации. Нужно отметить, что эта смысловая зона хорошо разработана в диалектной системе — и шире, в знаковом языке народной культуры. Так, в словаре «Славянские древности» описаны многие способы лечения поясницы, говорящие о сформированности «болевого портрета» этой части тела, а также «методик» избавления от этой боли, ср. [СД, т. 1, с. 220, 310, 403; т. 2, с. 125, с. 194, 195, 321, 553, 652; т. 3, с. 122, 215, 219, 434, 493, 554, 624; т. 4, с. 17, 161; т. 5, с. 98, 645].

Сразу стоит обратить внимание на то, что народные приемы лечения поясничной боли нередко основаны на *магии*, в том числе *языковой*. Приведем некоторые примеры. Так, в Белоруссии и в Боснии для снятия боли в пояснице расстилают на земле пояс, перегоняют через него увиденную весной первую ящерицу, а затем подпоясываются им [СД, т. 5, с. 645]. Магическое взаимодействие слов *поясница* и *пояс* лежит также в основе жатвенного обычая, зафиксированного в Белозерье: жницы обвязывались жгутом из колосьев как поясом, обращались непосредственно к пояснице и просили: «У Овдотьи у рабы да поясинка не боли! Во веки веков. Аминь!» [Усачева, 2006, с. 310]. Магические практики могут основываться также на других лексических стимулах: к примеру, южные славяне в праздник Воздвижения Креста Господня постятся, чтоб предотвратить боли в пояснице: этот обычай основан на взаимодействии омонимичных болг. *крѣст* ‘крест’ и ‘поясница’ [СД, т. 1, с. 401; т. 2, с. 652]. В этот языковой ряд включается и другое однокоренное слово — болг. *крѣстец* ‘сноп’, ср. магический при-

говор: «Кръстец кръст да боли, нас да не ни боли» <Пусть поясница болит (у снопа), а у нас не болит> [Усачева, 2006, с. 310]. Возможно, сюда стоит отнести еще один пример: в Пермской губернии от боли в пояснице пили отвар из растения *христововы ребра* ‘василек скабиозовидный’ [Колосова, 2009, с. 154]; думается, здесь сказывается притяжение к слову *крестец* (в русских говорах часто *хрест*, *хрестец* etc.).

О хорошей включенности представлений о поясничной боли в концептуальный мир мифопоэтической традиции славян говорит и тот факт, что лечебные «поясничные» ритуалы соотносятся с метеорологической магией, свидетельствующей об их исключительной древности: так, во многих зонах славянского мира следовало при первом ударе грома перекатываться по земле, чтоб при жатве не болела поясница [СД, т. 1, с. 560]; ср. также практически повсеместно распространенную примету, согласно которой ломота в пояснице является предвестницей плохой погоды.

Использование магических практик во многом определяется тем, что поясничная боль — вследствие своей остроты и внезапности — может трактоваться как «насланная» нечистой силой, появившаяся вследствие сглаза и проч., ср. череп. *доспешка*, *доспелось* ‘о болезнях, наступающих внезапно’: «Все эти случаи приписываются участию нечистой силы. <...> сразу отнялась поясница, например, ревматизм поясничных мышц, — окружающие решают: “Это ему доспелось”, а в уме про себя прибавляют: “от нечистого”» [Герасимов, 1910, с. 35]. О «нечистом» происхождении поясничной боли говорит и тот факт, что этот вид боли — среди прочих — может получать наименование *пры́тка*, ср. иркут. заговор «От поясницы»: «Магушка заря-зарница, красная девица, мать сыра земля, сними с меня, с рабы Божьей, прытку стрешну, поперешну, дённу, полудённу, ношну, полуношну» [РКОФСДВ, с. 456, № 707]; сев.-рус., ср.-рус., сиб. *пры́тка* (*пры́тка*) означает именно внезапную болезнь, вызванную колдовством, сглазом [СРНГ, вып. 32, с. 16—17]; ср. также далее о слове *хомут* etc.

Рассмотрим *русские диалектные обозначения поясничной боли*. Так же, как в случае с названиями поясницы, мы не ставим своей задачей дать исчерпывающий перечень этой лексики. Нам важно выяснить основные мотивационные модели и установить логику языковой концептуализации представлений о лечении поясницы.

Прозрачны в мотивационном отношении слова, содержащие указание на *локализацию боли*: р. Урал *пояснѣца*, ворон. *поясничник* ‘боль в пояснице’ [СРНГ, т. 31, с. 48]. Учитывая наличие таких названий, можно предложить интерпретацию темного перм. *хомѣч* ‘радикулит’: *Сейчас радикулит, а раньше-то хомич звали; а лечили-то его раньше — топором рубили. Вот мама болела хомичом: легла она на порог, животом легла, ей*

востриём-то тихонько рубят. Соседка пришла: чё рубишь? — Хомич. — Руби пуще, чтобы век не было. Рубили-то не взаболь, а нарочно, не по-настоящему [СПГ, т. 2, с. 509]. В этом названии прослеживаются следы эвфемизации, поскольку оно оформлено как имя собственное (ср. патронимический суффикс *-ич*); семантика слова (обозначение сильного болевого синдрома, который лечится магическими приемами) тоже «играет» на эту версию. Чтобы понять, каково значение корневого *хом-*, следует привлечь близкое по семантике смол. *хомя́к* ‘нижний позвонок’: *Хомяк ломит* [ССГ, т. 11, с. 68; СРНГ, т. 51, с. 264]. Это слово, по всей видимости, следует генетически отождествить с омонимичным влг. *хомя́к* ‘небольшая возвышенность, бугорок’ [СРНГ, т. 51, с. 264] (ср. также новосиб. *хомя́к* ‘основа сохи или плуга, к которой крепятся сошник, ручки’ [Там же]) и рассматривать в кругу других лексем с корневым *хом-*, которые обозначают разного рода возвышенности, бугры, наросты, опухоли, вздутия и проч., являясь закономерным для диалектной фонетики следствием упрощения исходного *холм*, ср. арх., влг., *хám*, арх. *хомáн* ‘кочка’ [КСГРС], сев.-двин. *хом*, влг. *хомóк* ‘холм, бугор’, нижегор. *хом*, влг. *хомі́на*, *хомóчек* ‘бугорок, шишка, кочка’, влг. *хомáк* ‘опухоль, шишка’, пск. *хомолóк* ‘верхушка чего-л.’, вят. *хомякі́* ‘расстроенные регулы’ etc. [СРНГ, т. 51, с. 246—247]. Если рассматриваемый соматизм *хомя́к* этимологически связан с этими словами, то в качестве мотивационного признака следует признать свойство округлости и выпуклости нижнего позвонка. Название радикулита *хомич* производно, по всей видимости, от *хом* в значении ‘позвонок’ или ‘вздутие’.

В основной массе названий передается *характер боли*. Боль в пояснице, как правило, ощущается как «режущая», «подобная забиваемому гвоздью», «секущая», «стреляющая», «колющая», «грызущая», «ломающая»: пск. *как гвоздь, вбитый в пояснице* [СППП, с. 92], тобол. *как ножом (ножами)* [СРНГ, т. 27, с. 87], новг. *пострёл* [СРНГ, т. 30, с. 237], смол. *коляні́ца* [СРНГ, т. 14, с. 223], новг. *гры́жа* [СРНГ, т. 7, с. 74], ирк. *секу́н* [СРНГ, т. 37, с. 128] — ср. костр., ряз. *сéчь* ‘болеть (о частях тела)’ [Там же, с. 254], арх. *ломáчко ломает: В поле нажнёшь, дак так ломачко ломает — и не разогнёшься* [СГРС, т. 7, с. 126], новг. *костолóмщице* [СРНГ, т. 15, с. 78]¹ etc. Сразу стоит отметить, что названия симптомов такого рода могут проецироваться (по законам этимологической магии, которые упоминались выше) на обозначения способов лечения болезни, ср., к примеру, байк. *колóтья*, которые в целях излечения надо *прикалывать: А спина, ми-*

1 Лексические единицы из этого списка обозначают острую боль в пояснице, симптомы радикулита или ревматизма (в последнем случае, разумеется, речь идет не только о пояснице, но в номинативном плане эта лексика «ведет себя» так же, как «радикулитная»).

лая, болит, это **колотья**. Я крестиком прикалываю. Причитаешь вот так и прикалываешь. В пояснице, бывает, **колет**, поясницу **колет** или в лопатке **колет**. Вот берёшь крестик, причитаешь молитву и говоришь: “**Колотья, колотья**, Идите на зелёные болотья, На пески сыпучие, На леса дремучие Из раба такого-то, Из костей, Из мошшей, Из красной крови, С жёлтой кости, Из синего мяса...” Вот **приколешь**, три разочки **прикалываешь**. Раз приговоришь, потом второй раз, потом третий раз. Обдуешь спину, **приколешь**. Так обдуешь её. Это **колотья**, тоже сглаз бывает [СГРСБС, т. 4, с. 141—142]. Аналогично лечится *усовь* (колючая) — ‘колотье в пояснице и в боках’ (костр.): Возьму я спицу железную, Востреё у спицы медное, Пойду *усовь колоть*. “Усовь, ты *усовь колючая*, Ты меня *колешь раз*, я тебя — два; Ты меня — два, я тебя — три <...> Приговаривая эти слова, покалывают больное место каким-либо острым орудием, лучше всего “громовой стрелкой” [Виноградов, 1908, с. 74—75].

Орудия «прикалывания» могут быть разными: например, спица, спичка, веретено. Так, в Курской губернии отмечен заговор, произнесение которого сопровождается надавливанием веретена на больное место: Ты *калотисча*, Ты *ламотисча*, Выди ты на эта *виритёнисча* [Халанский, 1904, с. 115]. Отметим, что ряд *колотья* / *усовь колючая* (название болезни) — *колоть* (обозначение характера боли) — *прикалывать* (название способа лечения) может быть на междialeктном уровне дополнен словом *кол*, обозначающим внешний симптом болезни (ср. селигер. *поставить спину колом* ‘о приступе радикулита’: Женья, у меня что-то спину колом поставило — поостыла, небось [Селигер, вып. 3, с. 71]), а также лексемой *колотик*, называющей средство лечения (яросл. *колóтик* ‘пресноводная губка, бодяга (употребляется в народной медицине как средство от болей в пояснице и т. п.)’ [ЯОС, т. 5, с. 53]¹).

С учетом прозрачных отношений в гнезде *кол*- можно проанализировать еще одно слово, совмещающее в своей семантике указание на характер боли (оно является первичным в мотивационном плане) и на способ лечения (это дает вторичные коннотативные смыслы): р. Урал *тяпóк* ‘болезнь поясницы’: *Тяпóк — болезнь, вот в спину ударит, называется чемир* [Малеча, т. 4, с. 294]. Это слово производно от простореч. *тяпать* ‘рубить, сечь, ударять топором, ножом’, брян., печор. ‘ставить топором зарубки, насечки’ [СРНГ, т. 46, с. 94] и т. п., ср. также яросл., костр., иван., одесск., калин. *тяпóк* ‘один удар топором или ножом по предмету, который нужно

1 М. К. Герасимов то же самое определяет так: новг. *колотик* — ‘слизь, оседающая на древесных сучьях и вообще на всяких предметах, находящихся долгое время в реке под водою; по словам употреблявших эту слизь, вскоре после втирания обнаруживается сильное покалывание в нагретых частях тела’ [Герасимов, 1898, с. 170].

разрубить или разрезать' [Там же, с. 99]. Таким образом, первичная семантика здесь — «то, что болит колющей болью, “тяпает”»; в качестве семантической параллели можно привести один из глаголов, обозначающих боль в пояснице и сопоставляющих ее с ударом топора: новг. *тjюкну́ть* ‘ударить, кольнуть (об острой, внезапной боли)’: *Его в поясницу тjюкнуло* [СРНГ, т. 46, с. 18]. Эта первичная семантика проецируется во вторичную, отражающую народный способ лечения, основанный на симпатической магии: *Лечили раньше тяпок так: клали на порог вверх спиной, на позвоночник клали дощечку в четверть и били по ней топором с молитвой* (р. Урал) [Малеча, т. 4, с. 294]. Эта проекция имеет лексическое закрепление, поскольку слова *тяпок*, *тяпка* означают, помимо прочего, орудия с режущим действием, ср. литер. *тя́пка* ‘ручное орудие для окучивания, прополки картофеля и некоторых других культур’, ‘сечка для рубки капусты, мяса и т. п.’, новосиб. *тяпо́к* ‘тяпка, мотыга’, р. Урал ‘сечка для рубки капусты’, волгогр., ворон. ‘било цепа’ и др. [СРНГ, т. 46, с. 99]. Сказанное помогает проинтерпретировать саратов. *типун* ‘боль в пояснице’ (не отмеченное, к сожалению, диалектными словарями), которое выступает в таком же «лечебном» контексте, как и *тяпок*: — *Что, бабушка, рубишь?* — *Рублю типун*. — *Руби хорошенько* [Минх, 1890, с. 55]. Вероятно, *типун* < *тяпун (это достоверно, если учесть безударную позицию и диалектную фонетику саратовских говоров), а это тоже закономерная форма от *тяпать*. Кажется, нет оснований этимологически идентифицировать это слово с литер. *типун*, имеющим иное происхождение (об этом подробнее см. в [Березович, 2007, с. 305—306]), хотя вторичное притяжение здесь могло быть.

«Колющие» и «тяпающие» лексемы в мотивационном отношении ясны — и будут очень важны для нас в последующих рассуждениях, поскольку сыграют роль источника семантико-мотивационных параллелей.

Боль в пояснице может трактоваться не только как режущая, но и как ноющая, длительная: ворон. *неустані́ха* [СРНГ, т. 21, с. 198]; ср. также карел. *волком выть* ‘сильно ныть, болеть’: *Нагибаться не могу, волком воет поясница* [СРГК, т. 1, с. 306], прибайк. *Болею сёдня шибко, поясница ноет, как чёрна собака живёт там, всё говоренье отнялось* [ФСРГПриб, с. 47].

С восприятием болевых симптомов связано, по всей видимости, и новг. *уём* ‘боль в пояснице’: *Уём в поясницы, не сунуться, не разогнуться* [НОС, с. 1223]. Возможно, это слово имеет внутреннюю форму «то, что “унимает” (движения), сковывает, “схватывает”», ср. арх., яросл., смол. *уём* ‘сдерживание, унимание кого-л., чего-л.’, яросл. *уёму нетутки* ‘невозможно сдерживать движения кого-л.’: *Наша лошадь до того бежкая, что, скажи, просто уёму нетутки* [СРНГ, т. 46, с. 323]. Менее вероятное прочтение внутренней формы этого слова — «то, что нуждается в унятии».

Восприятие боли в пояснице как «схватывающей» отражено во многих контекстах, ср., к примеру, иван. *Поясница-то у меня болела хватчее, чем сердце* [СРНГ, т. 50, с. 60], арх. *Утін <боль в пояснице> прихватил, немножко согнулся* [КСГРС].

Представления о сковывающем характере поясничной боли отражены и в вят. *хомут* ‘болезнь поясницы как бы от натянутого на нее обруча. На-саживается болезнь эта людям из злобы людьми же’ [Магницкий, 1883, с. 28, № 213]. Здесь перед нами не просто метафора по способу действия: в народной культуре славян хомут, как известно, обладает богатой символикой, при этом «у русских “надевание хомута” известно как вредоносная деятельность ведьмы, колдуна; *надеть / посадить хомут / хомутец* ‘сглазить, наслать болезнь’ (вят., перм., урал., в.-сиб.); *хомут, хомутец, хомуток (удавка)* (сиб., забайк.) — вид порчи, сопровождаемой появлением опухолей, красной полосы вокруг живота или гениталий <...>. Ведьма *хомутинница, хомутница* (в.-сиб.) насылает болезнь, увечье, тоску, “надевает хомут” на предметы — печь не топится, ружье не стреляет, овощи портятся» [СД, 5, с. 456]. Таким образом, эта номинация является еще одним свидетельством того, что поясничная боль имеет, по народным представлениям, колдовское происхождение.

Характер боли, по-видимому, является мотивирующим для новг. *полевой опор* ‘боль в спине в результате полевых работ’ [Герасимов, 1898, с. 62], ср. также влг. *опор* ‘боль в руке или ноге’ [СРНГ, т. 23, с. 279]. «Опорное» слово *опор* имеет корень *пир-* // *пер-* // *пор-* // *пр-* (ср. праслав. **perti*, **pъrъ* [Фасмер, т. 3, с. 240—241, 355]), при этом в соответствующем гнезде отмечается, среди прочего, семантика нажима, надавливания, толкания, напряжения, усилия, «распираания»; особенно важно, что такая семантика наблюдается у продолжений приставочного глагола **obperti*, к числу которых принадлежит собственно слово *опор* [ЭССЯ, т. 28, с. 185—186]¹. Этот смысловой субстрат, конечно, может продуцировать семантику болевого симптома. Определение *полевой* интересно тем, что указывает на «ситуационный фон» боли в спине, то есть на физическую работу в поле. Очень важно и показательно, что так же, как в случае с *тяпком*, наименование болезненных ощущений оказывается неразрывно связанным с обозначением «орудия» лечения, которым становится подпорка (кол) в заборе, ср. выдержку из знаменитой работы историка медицины Г. И. Попова: «Из неодушевленных предметов иногда имеют способность *снимать болезнь* простые **подпорки** (выделено нами. — *Е. Б., М. Л.*), стоящие около за-

1 Характерны также слова с приставкой *у-*, семантически наиболее близкие лексике с приставкой *о-* (литер. *упорный* и др. лексические единицы со значением натуги, напряжения etc. [СРНГ, т. 47, с. 275]).

боров и домов. Для этого при поясничной боли больному следует только потереться об них обнаженной поясницей. В тех случаях, когда эта боль носит название *опор*, на нее хорошее действие, очевидно, по созвучию, оказывает дверной запор. Больному надо встать раньше всех, взять этот запор и, потирая им больную поясницу, приговаривать: “Запор ты, запор, возьми с меня *опор*” (Кадник. у. Волог. г.)» [Попов, 1903, с. 212]. Добавим, что использование запора в целях магического излечения вызвано также, вероятно, его способностью *запирать* боль, ср. отношения аттракции в лексическом ряду *опор* — *подпорка* — *запор*.

Мотивация «полевой болезни» просматривается и в костр., олон. *ужин* ‘болезнь радикулит’, ср. также костр. *ужин схватит* ‘наступит, одолеет приступ радикулита’ [СРНГ, т. 46, с. 337—338]. К олонекской фиксации слова дается такое пояснение: «Ломота спины, поясницы; называется так потому, что чаще всего случается у женщин в период жнитва, от тяжелой работы» [Там же, с. 338]. Слово производно от глагола *жать*, эта же словообразовательная модель представлена в юж.-рус., ср.-рус., сиб. *ужин* ‘количество сжатого хлеба, урожай’ [Там же, с. 337]; ср. с аналогичным словообразованием *зажин*, *пережин*, *отжинки* и проч., отсюда внутренняя форма — «то, что происходит в результате жатвы». Реконструированную внутреннюю форму поддерживает также калуж. *ужин-трава*: *Ужин-трава растет под орешником по перелогам — от земли видно, что яичный желток. Она полезна от зубной болезни, или у кого пуп болит* [Там же, с. 338]. «Жатвенная» мотивация здесь поддерживается указанием на «боль в пупе», которая чаще всего в народе трактуется как следствие «надсады» при жатве. Есть только один момент, который смущает нас при рассуждениях о слове *ужин*: дело в том, что это слово обладает большим внешним сходством с лексемой *утин*, которая является самым популярным обозначением боли в пояснице в русских говорах, см. [СРНГ, т. 48, с. 158]; более того, *ж* и *т* можно спутать графически. Все это заставляет подозревать, что форма *ужин* может быть результатом графической ошибки. Однако эта форма фиксируется на разных территориях, обладает словообразовательной и семантической достоверностью, что позволяет все-таки предпочесть версию о ее объективном существовании.

С некоторыми из приведенных обозначений боли в пояснице в мотивационном отношении напрямую соотносятся названия самой этой телесной области. Так, названия *полевой опор* и *ужин*, в которых акцентируется причина боли — физическая нагрузка во время полевых работ, могут способствовать пониманию происхождения дон. *орбвое* (орёвое, орлбвое) *мёсто* ‘поясница’: *Кагда прастужаисси, то аровая места колить* [БТСДК, с. 340; СРНГ, т. 23, с. 344, 345]. Это темное наименование (к тому же пред-

ставляющее собой, вероятно, гапакс). Тем не менее в качестве производящего можно предполагать диал. шир. распр. *орать* ‘пахать; боронить; рыть землю’ [СРНГ, т. 23, с. 329], в этом случае сочетание *оровое место* мотивировано признаком болезненности при пахоте. Семантически это вполне оправдано, но смущает, что отглагольное прилагательное **оровой* не фиксируется вне этого сочетания (хотя оно вполне вероятно, ср. многократно отмечаемые в говорах формы типа *оромый, орамый, оральный* и проч.). Что касается вариантов *орёвый* и *орловый*, то они могли появиться в результате дестимологизации, хотя для формы *орловый* возможна производность от слов с -л- (из этого же гнезда) типа пск., твер. *орёл* ‘пахарь’ [СРНГ, т. 23, с. 334].

Отдельно следует выделить редкие случаи *заимствования*. Это, во-первых, приамур. *куян* ‘радикулит’ [СРГП, с. 140], которое является заимствованием из бурят. *хуян(с)* ‘онемение, одеревенение (рук или ног), невралгия’ ~ монг. *хуян* ‘ломота в суставах’ и др. [Аникин ЭСС, с. 341]. Во-вторых, олон. *райнатуса* ‘ломота в пояснице’ [Куликовский, с. 99], прионеж. *райнайдукса* ‘поясница’ [СРГК, т. 5, с. 439]. Источником олонечского слова, согласно М. Фасмеру (ссылающемуся на Я. Калиму), служит люд. *raipaiitta* (от инф. *raipaidau* ‘заболеть’ или отглагольного существительного на -us) [Фасмер, т. 3, с. 437]. С. А. Мызников расширяет круг сопоставлений, приводя также ливв. *raipata* ‘схватить (о болях в пояснице)’, *raippavus* ‘прострел, боли в пояснице’ («Прострел режут на трех порогах — больной ложится животом на порог три раза, и знахарь каждый раз проводит, режет топором по больному месту поясницы»), карел. твер. *raipata* ‘прихватить, схватить (о внезапной боли в пояснице)’ и др. [РДЭС, с. 653—654]. Значение ‘поясница’, по всей видимости, вторично по отношению к «болевому» [Там же, с. 654].

4. Выводы

Как видим, народные названия собственно поясницы как «телесного пространства» в большинстве своем тривиальны и метонимически перенесены с названий других частей тела. Это объяснимо: поясница является внутренней телесной границей, поэтому здесь важны именно номинации, указывающие на ее относительное расположение. Наиболее интересны в мотивационном и этнолингвистическом плане обозначения не столько самой поясницы, сколько поясничной боли, особенно выделенной в народной языковой картине мира (как в ее обыденном варианте, так и мифопоэтическом), в которой видное место занимают «переживания», связанные с практикой земледельческого труда. Характерно, что названия поясничной боли могут образовывать неразрывные комплексы с обозначениями самой

части тела, где локализуются симптомы, а также способов и средств лечения. В таких символических комплексах может реализовываться принцип этимологической магии, согласующийся с представлениями о «колдовском» происхождении болевых симптомов. Это можно увидеть на двух наиболее «развернутых» примерах, называющих слова, в семантическом и символическом пространстве которых указанные закономерности проявляются наиболее ярко. Речь идет о диалектизмах *утѣн* и *чѣмер*: оба слова многозначны, но в своей смысловой парадигме имеют значение ‘боль в пояснице’; эти лексемы (а также их дериваты) могут обозначать и саму телесную область, «вписаны» в комплекс магических практик. Такой параллелизм позволяет прояснить мотивационные отношения как на лексическом уровне, так и на уровне культурной символики, поскольку в обоих «лексико-символических» гнездах есть темные участки. Эти слова будут рассмотрены в нашей следующей статье.

Источники и принятые сокращения

1. Аникин ЭСС — Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков / А. Е. Аники. — Москва ; Новосибирск : Наука, 2000. — 765 с.
2. АОС — *Архангельский* областной словарь / под ред. О. Д. Гецово́й. — Москва : МГУ, 1980 — . — Вып. 1 —.
3. БМЭ — *Большая* медицинская энциклопедия : [в 30 т.] / гл. ред. Б. В. Петровский. — Москва : Советская энциклопедия, 1974—1989.
4. БТСДК — *Большой* толковый словарь донского казачества. — Москва : Русские словари : Астрель : Издательство АСТ, 2003. — 608 с.
5. *Ганцовская Н. С.* Костромские говоры : в 2 т. / Н. С. Ганцовская. — Кострома : Костромской государственный университет, 2018.
6. *Ганцовская Н. С.* Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи / Н. С. Ганцовская. — Санкт-Петербург : Наука, 2013. — 650 с.
7. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. — Санкт-Петербург; Москва : Издательство М. О. Вольфа, 1880—1882 (1989).
8. Деулино — *Словарь* современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И. А. Оссовецкого. — Москва, 1969. — 612 с.
9. КСГРС — *Картотека* Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
10. Куликовский Г. И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении / Г. И. Куликовский. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1898. — 151 с.
11. ЛКТЭ — *Лексическая* картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
12. *Малеча Н. М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков: в 4 т. / Н. М. Малеча. — Оренбург : Оренбургское книжное издательство, 2002—2003.

13. НОС — *Новгородский* областной словарь / подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. — Санкт-Петербург : Наука, 2010. — 1435 с.
14. ООСБ — *Кошарная* С. А. Опыт областного словаря Белгородчины : дифференциально-сопоставительный словарь : 3 700 слов / С. А. Кошарная, А. С. Алейник, А. И. Медведева. — Белгород : Эпицентр, 2017. — 336 с.
15. РДЭС — *Мызников* С. А. Русский диалектный этимологический словарь : лексика контактных регионов / С. А. Мызников. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2019. — 1076 с.
16. РКОФСДВ — *Русский* календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока : песни, заговоры / сост. Ф. Ф. Болонев, М. Н. Мельников, Н. В. Леонова. — Новосибирск : Наука. Сиб. предприятие РАН, 1997. — 605 с.
17. СВГ — *Словарь* вологодских говоров : в 12 т. / под ред. Т. Г. Паникаровской. — Вологда : ВГПИ/ВГПУ, 1983—2007.
18. СГРС — *Словарь* говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2001. — Т. 1: А—Б. — 250 с.
19. СГРСБС — *Афанасьева-Медведева* Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири : в 20 т. / Г. В. Афанасьева-Медведева. — Санкт-Петербург : Наука, 2007—.
20. СД — *Славянские* древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 1995—2012.
21. Селигер — *Селигер* : материалы по русской диалектологии : словарь / под ред. А. С. Герда. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2003—2020. — Вып. 1—8.
22. СПГ — *Словарь* пермских говоров : в 2 вып. / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. — Пермь : Книжный мир, 2000.
23. СППП — *Словарь* псковских пословиц и поговорок / сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Санкт-Петербург, 2001. — 178 с.
24. СРГК — *Словарь* русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Гerd. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1994—2005. — Вып. 1—6.
25. СРГП — *Словарь* русских говоров Приамурья / отв. ред. Ф. П. Филин. — Москва : Наука, 1983. — 340 с.
26. СРГСПермК — *Словарь* русских говоров севера Пермского края / гл. ред. И. И. Русинова. — Пермь, 2011. — Вып. 1: А—В. — 363 с.
27. СРГСУ — *Словарь* русских говоров Среднего Урала : в 7 т. / под ред. А. К. Матвеева. — Свердловск, 1964—1987.
28. СРГЦК — *Словарь* русских говоров центральных районов Красноярского края / под ред. О. В. Фельде (Борвальдт), С. П. Васильевой. — Красноярск, 2003—2010. — Т. 1—5.
29. СРГЮТО — *Словарь* русских старожильческих говоров юга Тюменской области : в 2 т. / под ред. С. М. Беляковой. — Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2014.
30. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. — Москва; Ленинград : Наука, 1965. — Вып. 1: А. — 302 с.
31. ССГ — *Словарь* смоленских говоров / отв. ред. Л. З. Бояринова, А. И. Иванова. — Смоленск : СГПИ/СГПУ, 1974—2005. — Вып. 1—11.

32. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. — Москва, 1986—1987.
33. ФСРГПриб — *Фразеологический* словарь русских говоров Прибайкалья / сост. С. С. Аксенова, Н. Г. Баканова, Н. А. Смолякова ; науч. ред. Н. Г. Баканова. — Иркутск : Иркутский государственный университет, 2006. — 295 с.
34. ЭССЯ — *Этимологический* словарь славянских языков : праславянский лексический фонд / отв. ред. акад. О. Н. Трубачев, А. Ф. Журавлев, Ж. Ж. Варбот. — Москва : Наука, 1974—. — Вып. 1—.
35. ЯОС — *Ярославский* областной словарь : в 10 вып. / под ред. Г. Г. Мельниченко. — Ярославль : ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1981—1991.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — 896 с.
2. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура : этнолингвистические исследования / Е. Л. Березович. — Москва : Индрик, 2007. — 599 с.
3. Виноградов Н. Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. (по старинным рукописям и современным записям) / Н. Н. Виноградов // Живая старина. — 1908. — Вып. 2. — С. 5—89.
4. Герасимов М. К. Материалы по народной медицине и акушерству в Череповецком уезде Новгородской губернии / М. К. Герасимов // Живая старина. — 1898. — Вып. 2. — С. 158—183.
5. Герасимов М. К. Словарь уездного череповецкого говора (Новгородской губернии) / М. К. Герасимов // Сборник Отделения русского языка и словесности. — 1910. — Т. 87, № 3. — С. 1—111.
6. Колосова В. Б. Лексика и символика славянской народной ботаники : этнолингвистический аспект / В. Б. Колосова. — Москва : Индрик, 2009. — 350 с.
7. Магницкий В. К. Поверья и обряды (запуки) в Уржумском уезде Вятской губернии / В. К. Магницкий. — Вятка : Губернская типография, 1883. — 58 с.
8. Минх А. Н. Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губернии / А. Н. Минх // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. — 1890. — Т. 19, Вып. 2. — С. 1—152.
9. Попов Г. И. Русская народно-бытовая медицина : по материалам Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева / Г. И. Попов. — Санкт-Петербург : Типография А. С. Суворина, 1903. — 404 с.
10. Усачева В. В. Вербальная магия в аграрных обрядах славян / В. В. Усачева // Славянский и балканский фольклор : семантика и прагматика текста. — Москва : Индрик, 2006. — С. 280—318.
11. Халанский М. Г. Народные говоры Курской губернии / М. Г. Халанский // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. — Санкт-Петербург : Типография Императорской академии наук, 1904. — Т. 76, № 5. — С. 1—385.

MATERIAL RESOURCES

Anikin ESS — Anikin, A. E. (2000). *Etymological dictionary of Russian dialects of Siberia: borrowings from the Uralic, Altai and Paleo-Asian languages*. Moscow; Novosibirsk: Nauka. 765 p. (In Russ.).

- AOS — Getsova, O. D. (ed.). (1980 —). *Arkhangelsk Regional Dictionary, 1* —. Moscow: Moscow State University. (In Russ.).
- BME — Petrovsky, B. V. (ed.). (1974—1989). *Big Medical Encyclopedia, 30*. Moscow: Soviet Encyclopedia. (In Russ.).
- BTSDK — *Big explanatory dictionary of the Don Cossacks*. (2003). Moscow: Russian dictionaries. 608 p. (In Russ.).
- Dal, V. I. (1880—1882). *Explanatory dictionary of the living Great Russian language*. St. Petersburg; Moscow: M. O. Wolf Publishing House. (In Russ.).
- Deulino — Ossovetzky, I. A. (ed.). (1969). *Dictionary of modern Russian folk dialect (village Deulino, Ryazan district, Ryazan region)*. Moscow, 1969. 612 p. (In Russ.).
- ESSYA — Trubachev, O. N., Zhuravlev, A. F., Warbot, J. J. (eds.). (1974—). *Etymological Dictionary of Slavic Languages: Proto-Slavic Lexical Fund, 1—*. Moscow: Science. (In Russ.).
- Fasmer, M. (1986—1987). *Etymological dictionary of the Russian, 4*. Moscow. (In Russ.).
- FSRGPrb — Aksenova, S. S., Bakanova, N. G., Smolyakova, N. A. (eds.). (2006). *Phraseological dictionary of Russian dialects of the Baikal region*. Irkutsk: Irkutsk State University. 295 p. (In Russ.).
- Gantsovskaya, N. S. (2013). *Dictionary of dialects of the Kostroma Trans-Volga region: the interfluvium of Kostroma and Unzha*. St. Petersburg: Nauka. 650 p. (In Russ.).
- Gantsovskaya, N. S. (2018). *Kostroma dialects, 1—2*. Kostroma: Kostroma State University. (In Russ.).
- Gerd, A. S. (ed.). (2003—2020). *Seliger: materials on Russian dialectology: dictionary, 1—8*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University. (In Russ.).
- KSGRS — *Card file of the Dictionary of dialects of the Russian North* (Department of the Russian language, general linguistics and speech communication, Ural Federal University, Yekaterinburg). (In Russ.).
- Kulikovskiy, G. I. (1898). *Dictionary of the regional Olonets dialect in its everyday and ethnographic application*. St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences. 151 p. (In Russ.).
- Lexical card file of the Toponymic Expedition of the Ural Federal University* (Department of the Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University, Yekaterinburg). (In Russ.).
- Malecha, N. M. (2002—2003). *Dictionary of dialects of the Ural (Yaik) Cossacks, 4*. Orenburg: Orenburg Book Publishing House. (In Russ.).
- Myznikov, S. A. (2019). *Russian dialect etymological dictionary: vocabulary of contact regions*. St. Petersburg: Nestor-History. 1076 p. (In Russ.).
- NOS — Levichkin, A. N., Myznikov, S. A. (eds.). (2010). *Novgorod Regional Dictionary*. St. Petersburg: Nauka. 1435 p. (In Russ.).
- OOSB — Kosharnaya, S. A., Aleinik, A. S., Medvedeva, A. I. (2017). *Experience of the regional dictionary of the Belgorod region: differential-comparative dictionary: 3,700 words*. Belgorod: Epicenter. 336 p. (In Russ.).
- RKOFSDV — Bolonev, F. F., Melnikov, M. N., Leonova, N. V. (eds.). (1997). *Russian calendar-ritual folklore of Siberia and the Far East: songs, conspiracies*. Novosibirsk: Science. Sib. enterprise RAS. 605 p. (In Russ.).
- SD — Tolstoy, N. I. (ed.). (1995—2012). *Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary, 5*. Moscow: International Relations. (In Russ.).

- SGRS — Matveev, A. K., Ruth, M. E. (eds.). (2001). *Dictionary of dialects of the Russian North, 1: A—B*. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University. 250 p. (In Russ.).
- SGRSBS — Afanasyeva-Medvedeva, G. V. (2007—). *Dictionary of dialects of Russian old-timers of Baikal Siberia, 20*. St. Petersburg: Science. (In Russ.).
- SPG — Borisova, A. N., Prokosheva, K. N. (eds.). (2000). *Dictionary of Perm dialects*. Perm: Book World. (In Russ.).
- SPPP — Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (eds.). (2001). *Dictionary of Pskov proverbs and sayings*. St. Petersburg. 178 p. (In Russ.).
- SRGK — Gerd, A. S. (1994—2005). *Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent regions, 1—6*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University. (In Russ.).
- SRGP — Filin, F. P. (ed.). (1983). *Dictionary of Russian dialects of the Amur region*. Moscow: Nauka. 340 p. (In Russ.).
- SRGSPermK — Rusinov, I. I. (ed.). (2011). *Dictionary of Russian dialects of the north of the Perm Territory, 1: A—B*. Perm. 363 p. (In Russ.).
- SRGSU — Matveev, A. K. (ed.). (1964—1987). *Dictionary of Russian dialects of the Middle Urals*. Sverdlovsk. (In Russ.).
- SRGTsK — Felde (Borvaldt), O. V., Vasilyeva, S. P. (eds.). (2003—2010). *Dictionary of Russian dialects of the central regions of the Krasnoyarsk Territory, 1—5*. Krasnoyarsk. (In Russ.).
- SRGYUTO — Belyakova, S. M. (ed.). (2014). *Dictionary of Russian old-timers' dialects of the south of the Tyumen region, 2*. Tyumen: Tyumen State University Publishing House. (In Russ.).
- SRNG — Filin, F. P., Sorokoletova, F. P., Myznikova, S. A. (eds.). (1965). *Dictionary of Russian folk dialects, 1: A*. Moscow; Leningrad: Science. 302 p. (In Russ.).
- SSG — Boyarinova, L. Z., Ivanova, A. I. (eds.). (1974—2005). *Dictionary of Smolensk dialects, 1—II*. Smolensk: SGPI/SGPU. (In Russ.).
- SVG — Panikarovskaya, T. G. (1983—2007). *Dictionary of Vologda dialects, 12*. Vologda: VGPI/VGPU. (In Russ.).
- YaOS — Melnichenko, G. G. (1981—1991). *Yaroslavl Regional Dictionary, 10*. Yaroslavl: YaGPI im. K. D. Ushinsky. (In Russ.).

REFERENCES

- Arutyunova, N. D. (1999). *Language and the world of man*. Moscow: Languages of Russian culture. 896 p. (In Russ.).
- Berezovich, E. L. (2007). *Language and traditional culture: ethnolinguistic studies*. Moscow: Indrik. 599 p. (In Russ.).
- Gerasimov, M. K. (1898). Materials on folk medicine and obstetrics in the Cherepovets district of the Novgorod province. *Living antiquity, 2*: 158—183. (In Russ.).
- Gerasimov, M. K. (1910). Dictionary of the uyezd cherepovets dialect (Novgorod province). *Collection of the Department of Russian Language and Literature, 87/3*: 1—111. (In Russ.).
- Khalansky, M. G. (1904). Folk dialects of the Kursk province. In: *Collection of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences, 76/5*. Saint Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 1—385. (In Russ.).

- Kolosova, V. B. (2009). *Lexicon and symbolism of Slavic folk botany: ethnolinguistic aspect*. Moscow: Indrik. 350 p. (In Russ.).
- Magnitsky, V. K. (1883). *Beliefs and rituals (zapuki) in the Urzhum district of the Vyatka province*. Vyatka: Provincial printing house. 58 p. (In Russ.).
- Minkh, A. N. (1890). Folk customs, rituals, superstitions and prejudices of the peasants of the Saratov province. *Notes of the Imperial Russian Geographical Society for the Department of Ethnography*, 19/2: 1—152. (In Russ.).
- Popov, G. I. (1903). *Russian folk medicine: based on materials from the Ethnographic Bureau of Prince V. N. Tenishev*. St. Petersburg: A. S. Suvorin's printing house. 404 p. (In Russ.).
- Usacheva, V. V. (2006). Verbal magic in the agrarian rites of the Slavs. In: *Slavic and Balkan folklore: semantics and pragmatics of the text*. Moscow: Indrik. 280—318. (In Russ.).
- Vinogradov, N. N. (1908). Conspiracies, amulets, salutary prayers, etc. (according to old manuscripts and modern records). *Living antiquity*, 2: 5—89. (In Russ.).

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Беспалова Е. А. Библейские фразеологизмы с антропонимическим компонентом в современных медиатекстах / Е. А. Беспалова, А. В. Ельникова // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 29—42. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-29-42.

Bespalova, E. A., Elnikova, A. V. (2021). Thorny. *Nauchnyi dialog*, 6: 29-42. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-29-42. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-29-42

Библейские фразеологизмы с антропонимическим компонентом в современных медиатекстах

Беспалова Екатерина Анатольевна

orcid.org/0000-0001-7218-0635

кандидат филологических наук, доцент
kbspalova@yandex.ru

Ельникова Анна Владиславовна

orcid.org/0000-0002-3920-4487

студент

elnikova2000@icloud.com

Юго-Западный
государственный университет
(Курск, Россия)

Biblical Phraseological Units with an Anthroponym in Modern Media Texts

Ekaterina A. Bespalova

orcid.org/0000-0001-7218-0635

PhD in Philology, Associate Professor
kbspalova@yandex.ru

Anna V. Elnikova

orcid.org/0000-0002-3920-4487

student

elnikova2000@icloud.com

Southwest State University
(Kursk, Russia)

© Беспалова Е. А., Ельникова А. В., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются особенности употребления библейских фразеологизмов с компонентом-антропонимом в современных медиатекстах, представленных в газетном корпусе Национального корпуса русского языка. Актуальность исследования обусловлена тем, что оно может способствовать накоплению знаний о специфике функционирования в современном медиадискурсе языковых единиц, аккумулирующих культурные смыслы. Проанализированы частотность употребления и особенности структурно-семантической деривации фразеологизмов библейского происхождения в газетных текстах последнего времени. Проведенный анализ пополняет лингвистические данные о механизмах оперирования фразеологическим материалом. Выявлены наиболее частотные в газетных текстах библейские фразеологизмы с антропонимическим компонентом. Показано, что наиболее характерным семантическим преобразованием исследуемых единиц выступает развитие фразеологического значения за счет выдвижения на первый план семы, не входящей в значение выражения. Среди других семантических изменений отмечены также буквализация и упрощение значений оборотов. Установлено, что ведущим способом структурной трансформации библейских фразеологизмов выступает расширение компонентного состава. Делается вывод о том, что трансформация фразеологизмов в медиатекстах связана с необходимостью усилить воздействие на читателя, повысить интенсивность передаваемой в высказывании экспрессии, обновить образность фразеологизма и преодолеть его тенденцию к клишированности.

Ключевые слова:

медиатекст; библейский фразеологизм; фразеологическая единица; антропоним.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The features of the use of biblical phraseological units with an anthroponym component in modern media texts presented in the newspaper corpus of the National Corpus of the Russian language are considered. The relevance of the study is due to the fact that it can contribute to the accumulation of knowledge about the specifics of functioning in the modern media discourse of linguistic units that accumulate cultural meanings. The frequency of use and features of the structural-semantic derivation of phraseological units of biblical origin in newspaper texts of recent times are analyzed. The performed analysis replenishes linguistic data on the mechanisms of operating with phraseological material. The most frequent biblical phraseological units with an anthroponymic component in newspaper texts are revealed. It is shown that the most characteristic semantic transformation of the studied units is the development of phraseological meaning due to the highlighting of the seme, which is not included in the meaning of the expression. Among other semantic changes, literalization and simplification of the phrase values were also noted. It was found that the leading method of structural transformation of biblical phraseological units is the expansion of the component composition. It is concluded that the transformation of phraseological units in media texts is associated with the need to strengthen the impact on the reader, increase the intensity of the expression transmitted in the utterance, update the figurativeness of the phraseological unit and overcome its tendency to cliché.

Key words:

media text; biblical phraseologism; phraseological unit; anthroponym.

Библейские фразеологизмы с антропонимическим компонентом в современных медиатекстах

© Беспалова Е. А., Ельникова А. В., 2021

1. Введение

Важным направлением современных лингвистических исследований выступает описание лингвопрагматических особенностей языковых единиц, способных аккумулировать культурные смыслы. К их числу, несомненно, относятся фразеологизмы библейского происхождения с компонентом-антропонимом, изучение функционирования которых в российском медиадискурсе может способствовать накоплению знаний о специфике их лингвопрагматики и в связи с этим представляется актуальным.

Библейская фразеология восходит к Священному Писанию, книгам Ветхого и Нового Заветов. Библия представляет собой универсальный текст, она служит источником крылатых фраз и пословиц [Mieder, 2004, р. 10] и идиоматики разных языков. Фразеология библейского происхождения «включает в себя устойчивые, воспроизводимые в речи, раздельно-оформленные обороты, которые <...> обладают экспрессивностью, эмоционально-оценочными характеристиками и имеют переносные значения» [Дубровина, 2012, с. 11]. Процессу фразеологизации фрагментов Библии и отдельных сюжетов способствовало их «содержательное богатство <...> и известность» [Ловяникова, 2006, с. 4].

Для обозначения библейских фразеологизмов в научной литературе применяются различные термины, в том числе *библейзм*. Однако соответствующее понятие включает в себя, помимо библейских фразеологизмов и крылатых фраз, отдельные слова, которые стали метафорами и символами (*рай, ад, пророк* и т. п.). Поэтому в данной работе мы не используем термин *библейзм* для обозначения фразеологических единиц и употребляем в качестве синонимичных терминосочетания *библейский фразеологизм* (далее — БФ), *библейская фразеологическая единица*, *фразеологизм библейского происхождения* и подобные им.

Под *фразеологизмом*, или *фразеологической единицей* (далее — ФЕ), понимается семантически связанное сочетание слов, которое воспроизводится «в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава» [Телия, 2000, с. 559].

Библеизм-антропоним может являться компонентом БФ, такие фразеологизмы и являются предметом нашего рассмотрения. ФЕ с ономасти-

ческим компонентом составляют важную часть библейской фразеологии; антропонимы в составе фразеологизма «пропитаны» культурной информацией» [Хохлина, 2011, с. 34]. В составе такого фразеологизма имя собственное выступает базовым компонентом, оно «легко распознается, тем самым позволяет провести ассоциацию с соответствующим библейским сюжетом» [Лу Юйся, 2019, с. 14]. Антропонимический компонент, именующий соответствующего персонажа Священного Писания, формирует фразеологическое значение выражения, «является символом определенных качеств человека или маркером происходивших событий» [Мжельская, 2008, с. 8].

Фразеологизмы с компонентом-антропонимом распределены нами по нескольким тематическим группам в зависимости от источника возникновения: ФЕ, этимологически связанные с мифологией и древними эпосами, Библией, мировой и русской литературой, историческими событиями [Беспалова, 2021б, с. 30]. В данной работе мы рассмотрим группу ФЕ библейского происхождения, продолжая таким образом ряд исследований, в которых нами анализировалась специфика функционирования ФЕ, содержащих антропонимический компонент мифологической, литературной, исторической этимологии (см. [Беспалова, 2021а]).

В медийном пространстве активно функционируют библейские фразеологизмы, транслирующие «заложенные в первоисточнике идейные, нравственные, этические смыслы, созвучные с освещаемыми в медиатекстах проблемами современного общества» [Третьякова, 2017, с. 177].

Употребление в современных медиатекстах фразеологии библейского происхождения является свидетельством актуализации в русской речи этой части фразеологического фонда языка, широко использовавшейся его носителями до 1917 года и запрещенной по идеологическим причинам в советское время. С конца XX века началась «закономерная активизация использования библейской фразеологии» [Субочева, 2007, с. 3].

Библейские фразеологизмы с компонентом-антропонимом помогают журналисту выразить отношение к обсуждаемой ситуации через образы, номинируемые прецедентными именами, и вызываемые ими в сознании носителей языка ассоциации. Обращение к библейским событиям и персонажам дает возможность авторам показать похожую современную ситуацию более наглядно. Использование фразеологизмов выступает «показателем языкового мастерства журналиста», способом «дополнить информационную составляющую чувственно-интуитивным описанием, <...> выразить нужные смыслы и коннотации» [Борисова и др., 2018, с. 204].

Материалом нашего исследования послужили медиатексты, входящие в газетный корпус Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

Названный материал релевантен выбранным единицам исследования, так как газетные тексты ввиду их типологических характеристик позволяют наглядно продемонстрировать, как фразеологизмы, восходящие к Библии, соотносятся с современной речью, актуализируются или нет в контексте прецедентные ситуации и имена, сохраняют ли они узкую форму и содержание или же трансформируются. Газетный корпус НКРЯ в 2020 году был пополнен текстами российских СМИ по 2018 год включительно, что в значительной мере приблизило содержащийся в нем языковой материал к реальному времени.

На основе фразеологических словарей («Русская фразеология», «Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов») нами составлен перечень библейских фразеологизмов с компонентом — именем собственным или его дериватом, насчитывающий 70 единиц; из них только 28 ФЕ встречаются в газетном корпусе, остальные архаичны и неупотребительны (при этом мы анализируем контекстные фиксации тех из них, которые встречаются в газетном корпусе более десяти раз, то есть материал репрезентативен).

В ходе исследования применялись методы наблюдения, сплошной выборки, количественного, контекстуального и семантического анализа, систематизации и классификации материала.

2. Особенности употребления БФ *Ноев ковчег* в медиатекстах

Употребление БФ в современных медиатекстах может быть как узким, соотносящимся с исходным прецедентным текстом Библии, так и авторским, модифицированным. Преобразование БФ отражает тенденцию творческого использования языка его носителями, что вызвано постепенной утратой фразеологизмами их экспрессивно-выразительных свойств, стиранием образности. В целях сохранения «потенциала коммуникативно-прагматического воздействия на аудиторию устойчивые выражения подвергаются различным видам трансформации» [Реунова, 2015, с. 15].

При описании специфики функционирования БФ ключевыми аспектами выступают частотность (БФ будут описаны от наиболее частотных к наименее частотным) и наличие структурно-семантических дериваций, то есть «образование новых форм и новых значений от данного БФ» [Гак, 1997, с. 60].

Наиболее частотный фразеологизм *Ноев ковчег* встречается в медиатекстах 169 раз. В узусе он имеет 3 значения, и в газетном корпусе находим примеры употребления во всех этих значениях: (1) 'помещение, переполненное множеством людей или животных, оказавшихся в тесном сосед-

стве' (*Все эти фрики соберутся в <...> ресторане «Золотая пинта» — Ноевом ковчеге* (НГ, 19.02.2017)), (2) 'разнородная по своему составу группа людей или животных' (... *никто бы не смог провести в федеральный парламент этот политический «Ноев ковчег», <...> оппозиционную партию* (МК, 23.11.2016)), (3) 'средство или место спасения' [ЭСБФ, с. 441] (... *метрополитен столицы превращается в Ноев ковчег — единственное место спасения для тех, кто выжил в результате ядерной войны* (Труд-7, 19.01.2010)).

Популярно использование данного БФ в качестве названия материальных и нематериальных объектов: *мегахранилище биологических материалов «Ноев Ковчег»* (lenta.ru, 16.11.2017), *коллекция украшений L'Arche de Noé («Ноев ковчег»)* (lenta.ru, 31.08.2017), *приют для диких животных «Ноев ковчег»* (lenta.ru, 19.07.2017), *благотворительный фонд «Ноев ковчег»* (gazeta.ru, 18.02.2016) и т.п.

Встречаются упоминания прецедентной ситуации из Библии (*рассказ <...> напоминает <...> историю о Ноевом ковчеге* (КП, 19.08.2013)), в том числе неточности в обращении к исходной ситуации (*«Кадыров повторил миссию Ноя и вывел свой народ из моря скорби и бед», — вещал голос, а на экране плыл ... Ноев ковчег»* (КП, 12.05.2011)).

Частотно использование БФ *Ноев ковчег* для номинации самого артефакта — исторического (отдельной темой публикаций служат поиски *Ноева ковчега*: *Сегодня российская экспедиция «Арабат-2004» отправляется на поиски Ноева ковчега* (Труд-7, 22.07.2004)) или воссозданного в наши дни (*В Армении <...> планируется построить точную копию Ноева ковчега* (gazeta.ru, 22.05.2017)).

Среди структурных преобразований БФ отмечаем расширение компонентного состава, цель которого — «конкретизировать единицу, увеличить экспрессивный потенциал», актуализировать или интенсифицировать внутреннюю форму ФЕ «для придания усилительного оттенка» [Ломакина, 2015, с. 213]: *своеобразный Ноев ковчег в условиях экономического потопы* (РБК Daily, 16.12.2008), *легендарный Ноев ковчег* (Труд-7, 10.02.2005), *современный «Ноев ковчег»* (КП, 31.08.2005) и т.д.

В нескольких случаях наблюдается переосмысление БФ за счет семантического сдвига, выдвижения на первый план одной из сем, которая не является ведущей в образном фразеологическом значении. В результате такая сема определяет изменившееся значение всего оборота: это семы 'большой размер' (... *мастера бутерброд размером с Ноев ковчег, мы испытываем чувство вины перед собой* (КП, 21.08.2013)), 'древние люди, предки людей' (... *соглашаюсь с тем, что люди произошли от обезьян, но*

от тех, что из Ноева ковчега (КП, 04.02.2013). В приведенных контекстах наблюдается индивидуально-образное употребление БФ, их сознательное преобразование», или «авторская этимология» [Мелерович и др., 2001, с. 21—22].

3. БФ *Соломоново решение*, *суд Соломона*, *мудрый как Соломон* в газетных текстах

БФ *Соломоново решение* встречается в газетном корпусе 91 раз. От библеизма — прецедентного имени *Соломон* образованы 3 БФ: *мудрый как Соломон* (9), *Соломоново решение* (91), *суд Соломона* (6), последние два из них связаны с одним прецедентным сюжетом (Соломон рассудил двух женщин в их споре, кто является матерью ребенка).

В газетном корпусе находим примеры употребления БФ *Соломоново решение* в традиционном для узуса значении ‘мудрое, хотя на первый взгляд и парадоксальное решение сложного вопроса’ [Бирих и др., 1998, с. 492]: *В результате император принял «соломоново решение»: миссию не отменять* (lenta.ru, 14.02.2018). Однако особо стоит отметить тенденцию неоднократного употребления БФ в семантически упрощенном варианте, когда в значении выражения отсутствует сема ‘мудрость, парадоксальность’, а превалирует акцент на самом решении как факте: *Назрановский городской суд принял соломоново решение: назначить Альберту Хамхоеву полтора года условно* (НГ, 16.11.2018) и т.д.

Многokrатно встречаются примеры расширения компонентного состава БФ: *настоящее соломоново решение* (lenta.ru, 21.07.2016), *поистине соломоново решение* (Комсомольская правда, 13.11.2010), *самое соломоново из всех возможных решений* (Труд-7, 24.05.2003). В одном случае данное структурное преобразование сопровождается семантизацией, то есть контекст позволяет раскрыть смысл БФ «с помощью авторского толкования и дополнительных языковых средств» [Реунова, 2015, с. 18]: *мудрое государственное общепонятное соломоново решение* (Известия, 11.01.2013).

Интересен пример использования прецедентного имени в игре слов для создания иронического контекста: *Судья Соломон Соломонович Соломонов выносит последнее свое решение* (КП, 29.10.2004).

ФЕ *суд Соломона* встречается в газетном корпусе при упоминании прецедентной библейской ситуации (*Результат соломонова суда был превосходен* (Известия, 23.10.2009)) или в названиях произведений живописи («*Суд Соломона*» Рубенса (КП, 04.05.2011)).

БФ *мудрый как Соломон* отмечен только в форме без союза как: *мудрый царь Соломон* (КП, 16.09.2013), *мудрый Соломон* (КП, 11.10.2012).

4. Фразеологизмы с компонентами-антропонимами

Христос и Адам в текстах СМИ

На основе библеизма-антропонима *Христос* образовано 9 фразеологизмов, отмеченных нами во фразеологических словарях; из них 6 БФ архаичны и в газетном корпусе не встречаются (*виноват как Иисус Христос перед жидями, ждать как Христова праздника* и др.). 3 БФ активны в медиаречи: *явление Христа народу* (35 употреблений), *как у Христа [Бога] за пазухой* (19), *Христа славить* (14). Однако БФ *явление Христа народу* встречается только в качестве наименования известной картины А. Иванова. Не отмечены случаи употребления выражения *славить Христа* во фразеологическом значении: оборот многократно используется буквально (... *славят имя Христа в эту ночь также верующие Иерусалимской, Сербской и Грузинской православных церквей* (КП, 06.01.2014) или же с добавлением семы уничижительности и отрицательной коннотации (... *вусмерть пьяные, ездили славить Христа по Москве в санях, запряженных свиньями* (НГ, 09.06.2017)).

БФ *как у Христа [Бога] за пазухой* встречается в газетных текстах в узуальном фразеологическом значении ‘жить беззаботно, в полной безопасности’ [Бирих и др., 1998, с. 608]: *Композитор Лядова <...> живет в загородном особняке <...>, как у Христа за пазухой* (НГ, 08.06.2017). Но чаще наблюдаем контексты с авторской этимологией, в которых происходит семантическое преобразование БФ посредством добавления семы, не входящей в смысловую структуру фразеологизма: семы ‘умиротворенно’ (*Помню <...> счастливое умиротворение, будто кто-то укрыл тебя навсегда от всего плохого... Как у Христа за пазухой* (о Третьяковской галерее) (Труд-7, 18.08.2007)); семы ‘обеспеченно материально’ (... *люди, создающие своими руками богатство огромного государства, должны бы жить, как у Христа за пазухой... — Наша зарплата, к сожалению, измеряется не в каратах, которые мы выдаем на-гора* (Труд-7, 07.02.2007)).

Прецедентное имя *Адам* служит базовым компонентом 13 БФ. Из них употребительны в современной медиаречи 4 БФ: *Адамово яблоко* (19 вхождений), *от Адама* (13), *в костюме Адама* (13), *Адамова голова* (7).

ФЕ *Адамово яблоко* ‘кадык’ [Бирих и др., 1998, с. 647] встречается в газетном корпусе в узуальном значении (*Актриса вспоминает, что адамово яблоко-то у нее всегда было* (Труд-7, 15.08.2002)), в этом же значении выражение используется в названиях различных проектов: *роман «Адамово яблоко», сиквел «Адамова яблока»* (Известия, 08.07.2013) и др.

БФ *от Адама* ‘с глубокой древности, с давних пор; с самого начала’ [Бирих и др., 1998, с. 19] употребляется в медиатекстах как в буквальном значении (*Ной — последний из <...> патриархов, происходящих по прямой*

линии от Адама (lenta.ru, 23.01.2018)), так и во фразеологическом (*Да мы все рождаемся больными — от Адама до наших дней!* (Труд-7, 06.07.2006)). Встречается и пример развития двойного семантического плана, когда имя реального человека, известного экономиста, накладывается на форму БФ: *Аргументы правых идут от Адама, причем отнюдь не библейского, а реального — Адама Смита* (КП, 30.03.2013).

ФЕ в *костюме Адама* ‘о голом, нагом, ни во что не одетом человеке’ [Бирих и др., 1998, с. 309] употребляется в узусе с шутливой коннотацией и в таком значении отмечена нами в газетном корпусе: ... *у нее на груди трогательно свернулся фотограф в костюме Адама* (Известия, 14.01.2014). БФ встречается и в расширенном компонентном составе: ... *наблюдать его бегущим в костюме, максимально приближенном к одеянию Адама* (lenta.ru, 28.09.2017). Иронический подтекст может развиваться за счет игры слов в контексте: *Я бы пришел на маскарад в костюме Адама* (КП, 27.12.2002) (*маскарад* предполагает наличие *костюма*, а *костюм Адама* — его отсутствие).

Фразеологизм *Адамова голова* ‘эмблема, изображающая череп с двумя скрещенными под ним костями’ [ЭСБФ, с. 20] характерен только русского языка, то есть является безэквивалентным. В газетном корпусе он не встречается в чисто фразеологическом значении, однако отмечен пример семантизации БФ: *С набалдашиком в виде «адамовой головы», то есть черепа* (lenta.ru, 06.12.2015). Показательно, что трижды данное устойчивое сочетание употреблено в диалектном значении: *Это редкое растение <...> называется по-разному: адамова голова, мужской корень, сонное зелье* (Труд-7, 10.08.2006).

5. Библейские фразеологизмы, образованные от прецедентных имен *Иуда, Лазарь, Фома*, в современных медиатекстах

От прецедентного имени *Иуда* образованы 7 БФ. В них реализуются разные черты одной и той же прецедентной ситуации из Библии. Употребительны в современных медиатекстах два фразеологизма — *Иудин поцелуй* (отмечен 20 раз), *Иуда-предатель* (14).

Иудин поцелуй / *поцелуй Иуды* ‘предательский поступок, лицемерно прикрытый проявлением любви, дружбы’ [ЭСБФ, с. 263] — квинтэссенция, символ предательства в тексте Библии, который вошел в мировую культуру. Это объясняет активное использование выражения в качестве названий различных произведений искусства: картина Караваджо «*Поцелуй Иуды, или Взятие Христа под стражу*» (lenta.ru, 16.12.2016), фильм «*Поцелуй Иуды*» (lenta.ru, 14.01.2016), программа «*Поцелуй Иуды*» (Труд-7, 26.05.2001) и т. д. Авторы также обращаются непосредственно к преце-

дентной ситуации Библии, можно наблюдать буквализацию значения выражения: *После чего подошел и поцеловал Учителя. По этому условному знаку Иисус Христос был схвачен, а в нашем языке появилось выражение «поцелуй Иуды»* (РИА Новости, 27.04.2005). Используется оборот и во фразеологическом значении: *Однако со спартаковских трибун раздались возгласы: — Поцелуй Иуды!* (КП, 10.07.2005).

БФ *Иуда-предатель* используется авторами публикаций разнообразными способами. Это и узуальное фразеологическое употребление (*называют улицу <...> именем иуды-предателя Мазепы...* (НР 2, 16.03.2009), и упоминание исходной библейской ситуации (*Иуда считается предателем Христа* (КП, 21.02.2012)) или прецедентного имени (*По преданию, в этот день родился Иуда-предатель* (НР 2, 01.04.2011), актуализация библиемы ‘самоубийца’ в контексте (*Она смотрит на вольного самоубийцу как на духовного потомка Иуды предателя, который <...> «шел удавился»* (РИА Новости, 03.10.2008).

Библизм *Лазарь* служит основой для образования 7 ФЕ, из них активен в медиатекстах последний фразеологизм (отмечены 34 употребления).

Евангельский сюжет о жизни, смерти и *воскрешении [восресении] святого Лазаря* широко используется в мировой культуре, что отражено и в анализируемых медиатекстах: выражение используется в качестве различных названий: роман *«Воскрешение Лазаря» Владимира Шарова* (НГ, 18.05.2016), *«Воскрешение Лазаря» Шуберта* (Известия, 27.06.2013) и др. Не раз встречаем и обращение к исходной библейской ситуации: *Воскрешение Лазаря подняло народную популярность Иисуса Христа* (Труд-7, 14.04.2005). Наиболее частотно использование выражения для описания процедуры богослужения, то есть в религиозном контексте: *В субботу <...> на Утрени и Литургии вспоминается воскрешение Иисусом Христом Лазаря* (РИА Новости, 01.03.2009). Отмечаем и пример развития фразеологического значения за счет добавления семы ‘появление после исчезновения’ (*Он троекратно повторил чудо воскрешения Лазаря. Первым объявился сенатор Лихи* (Известия, 12.07.2010)), однако примеров употребления БФ в собственно фразеологическом узуальном значении в газетном корпусе нами не выявлено.

Фома неверующий — прозвище, которое получил один из учеников Христа; в языке это выражение закрепилось в значении ‘человек, которого трудно заставить поверить чему-либо; сомневающийся во всём скептик’ [ЭСБФ, с. 683]. В газетном корпусе находим примеры употребления БФ во фразеологическом значении (... *хотим попотчевать ими того Фому неверующего* (СС, 11.06.2008)), образования сравнительных конструкций с этим оборотом (*Вот ты, Степан, чисто как Фома неверующий!* (Изве-

ствия, 24.07.2012)), обращения к прецедентному имени (*Факт существования Эболы и ее опасность также подвергаются сомнениям в лучших традициях Фомы Неверующего* (lenta.ru, 21.10.2014)), а также расширения компонентного состава (*немного Фомой неверующим* (Труд-7, 18.10.2003), *самый последний Фома неверующий* (КП, 16.07.2002)).

6. Выводы

Проведенный анализ особенностей функционирования библейских фразеологизмов с ономастическим компонентом позволяет выявить типичные механизмы их использования в медиатекстах. Помимо узального употребления, авторы публикаций прибегают к различного рода трансформациям фразеологических единиц.

Среди библейских фразеологизмов с антропонимическим компонентом нами выявлены наиболее частотные, по данным газетного корпуса НКРЯ, единицы: *Ноев ковчег*, *Соломоново решение*, *Иудин поцелуй*, *как у Христа за пазухой*, *Фома неверующий*, *в костюме Адама*.

Преобразование БФ в газетных текстах происходит за счет семантических и структурных трансформаций.

Наиболее характерным семантическим изменением БФ выступает развитие фразеологического значения за счет выдвижения на первый план семы, нетипичной для общего значения оборота, иначе говоря, авторская этимология (например, сем ‘большой размер’ и ‘кризисное состояние’ для БФ *Ноев ковчег*, семы ‘умиротворенно’ для БФ *как у Христа за пазухой*, семы ‘появление после исчезновения’ для БФ *воскрешение Лазаря*).

Другим семантическим преобразованием является упрощение значения БФ (*Соломоново решение* в значении ‘решение’).

Кроме того, отмечены случаи буквализации значения БФ, обращения к исходной прецедентной ситуации Библии (*Ноев ковчег*, *поцелуй Иуды*, *воскрешение Лазаря*).

Ведущим способом структурного преобразования БФ в медиатекстах является расширение компонентного состава (*самое соломоново из всех возможных решений*; *в костюме, максимально приближенном к одеянию Адама*; *самый последний Фома неверующий*).

Библейские фразеологизмы с компонентом-антропонимом стали символами, знаками номинируемых ими прецедентных библейских ситуаций, которые нашли отражение в культуре разных стран; это объясняет их широкое использование в качестве наименований различных проектов и произведений (*мегахранилище биологических материалов «Ноев Ковчег»*; *«Суд Соломона» Рубенса*; *сиквел «Адамова яблока»*; *программа «Поцелуй Иуды»*).

Трансформация БФ в медиатексте преследует такие цели, как усиление воздействия на читателя, повышение интенсивности передаваемой в высказывании экспрессии, обновление образности фразеологизма и преодоление его клишированности.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

МК — Московский комсомолец.

НГ — Новая газета.

НР 2 — Новый регион 2.

СС — Советский спорт.

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. Бирих А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. — Санкт-Петербург : Фолио-Пресс, 1998. — 704 с. — ISBN: 5-288-02132-5.

2. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 21.01.2021).

3. ЭСБФ — *Дубровина К. Н.* Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов / К. Н. Дубровина. — Москва : Флинта ; Наука, — 2010. — 808 с. — ISBN: 978-5-9765-0028-0.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беспалова Е. А. Ономастические фразеологизмы, основанные на прецедентной ситуации, в современных медиатекстах / Е. А. Беспалова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. — 2021а. — Т. 11. — № 1. — С. 17—28. — ISSN 2223-151X.

2. Беспалова Е. А. Фразеологизмы мифологического происхождения с компонентом — прецедентным именем: особенности строения и употребления (на примере газетных текстов) / Е. А. Беспалова // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2021б. — № 69. — С. 29—46. — DOI: 10.17223/19986645/69/2.

3. Борисова Е. Г. Новые тенденции фразеобразования в медиасфере / Е. Г. Борисова, А. Я. Есаян // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке : материалы международной научной конференции. — Тула : ТППО, 2018. — С. 203—209. — ISBN: 978-5-6040106-4-8.

4. Гак В. Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами) / В. Г. Гак // Вопросы языкознания. — 1997. — № 5. — С. 55—65.

5. Дубровина К. Н. Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре / К. Н. Дубровина. — Москва : Флинта : Наука, — 2012. — 264 с. — ISBN: 978-5-9765-0983-2.

6. Ловяникова В. В. Ономастическая фразеология немецкого языка в лингвокультурологическом аспекте / В. В. Ловяникова // Язык. Текст. Дискурс. — 2006. — № 4. — С. 75—82.

7. Ломакина О. В. Фразеология в языке Л. Н. Толстого: лингвистический комментарий и лексикографическое описание : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.01 / О. В. Ломакина. — Санкт-Петербург, 2015. — 383 с.

8. Лу Юйся. Библийские фразеологизмы в русском языке на фоне китайской культуры : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Лу Юйся. — Москва, 2019. — 22 с.

9. Мелерович А. М. Фразеологизмы в русской речи : словарь: ок. 1000 единиц / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. — 2-е изд., стереотип. — Москва : Русские словари : Астрель, 2001. — 856 с. — ISBN: 5-271-00448-1.

10. Мжельская О. К. Семантическая специализация и концептуализация заимствований (на материале ономастических компонентов библийской фразеологии) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / О. К. Мжельская. — Барнаул, 2008. — 18 с.

11. Реунова Е. В. Лингвопрагматический анализ библеизмов в русском, испанском, итальянском, французском и английском языках : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Е. В. Реунова. — Москва, 2015. — 22 с.

12. Субочева А. Н. Системный анализ библийских фразеологизмов из лексикографических трудов В. И. Даля : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / А. Н. Субочева. — Москва, 2007. — 18 с.

13. Телия В. Н. Фразеологизм / В. Н. Телия // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — 2-е изд. — Москва : Большая Российская энциклопедия. — 2000. — С. 559—560.

14. Третьякова И. Ю. Библийские фразеологизмы в медиатекстах / И. Ю. Третьякова // Человек в информационном пространстве: понимание в коммуникации : сборник научных трудов. — Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2017. — С. 176—183. — ISBN: 978-5-00089-221-3.

15. Хохлина М. Л. Лингвокультурный потенциал фразеологических единиц в «чужим» антропонимическим компонентом / М. Л. Хохлина // Вестник Томского государственного университета. — 2011. — № 349. — С. 34—37.

16. Mieder W. Proverbs : A Handbook / W. Mieder. — Westport : Greenwood Press, CT, 2004. — 305 p.

MATERIAL RESOURCES

Birikh, A. K., Mokienko, V. M., Stepanova, L. I. (1998). *Russian phraseology. Historical and etymological reference book*. Sankt-Peterburg: Folio-Press. 704 p. ISBN: 5-288-02132-5. (In Russ.).

ESBF — Dubrovina, K. N. (2010). *Encyclopedic Dictionary of Biblical Phrases*. Moscow: Flinta; Nauka. 808 p. ISBN: 978-5-9765-0028-0. (In Russ.).

NKRYa — *Russian National Corpus*. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed 21.01.2021). (In Russ.).

REFERENCES

Bespalova, E. A. (2021b). Phraseologisms of mythological origin with a component — a precedent name: features of structure and use (on the example of newspaper texts). *Tomsk state university journal of philology*, 69: 29—46. DOI: 10.17223/19986645/69/2. (In Russ.).

- Bespalova, E. A. (2021a). The usage of phraseological units with onomastic components, based on a precedent situation in modern media texts. *Proceedings of South-West State University. Series Linguistics and Pedagogical*, 11 (1): 17—28. ISSN: 2223-151X. (In Russ.).
- Borisova, E. G., Esayan, A. Ya. (2018). New trends in phraseology in the media sphere. In: *Polyparadigmatic contexts of phraseology in the XXI century: Proceedings of an international scientific conference*. Tula: TPPO. 203—209. ISBN: 978-5-6040106-4-8. (In Russ.).
- Gak, V. G. (1997). Features of biblical phraseological units in the Russian language (in comparison with French biblical terms). *Voprosy yazykoznaniiya*, 5: 55—65. (In Russ.).
- Dubrovina, K. N. (2012). *Biblical phraseological units in Russian and European culture*. Moscow: Flinta: Nauka. 264 p. ISBN: 978-5-9765-0983-2. (In Russ.).
- Khokhlina, M. L. (2011). Linguocultural potential of phraseological units in the “alien” anthroponymic component of the state university. *Tomsk State University Journal*, 349: 34—37. (In Russ.).
- Lovyannikova, V. V. (2006). Onomastic phraseology of the German language in the linguocultural aspect. *Language. Text. Discourse*, 4: 75—82. (In Russ.).
- Lomakina, O. V. (2015). *Phraseology in the language of L.N. Tolstoy: linguistic commentary and lexicographic description: author's abstract of Doct. Diss.* Sankt-Peterburg. 383 p. (In Russ.).
- Lu Yuxia. (2019). *Biblical phraseological units in Russian against the background of Chinese cultur: author's abstract of PhD Diss.* Moscow. 22 p. (In Russ.).
- Melerovich, A. M., Mokienko, V. M. (2001). *Phraseologisms in Russian speech*. Moscow: Russkie slovari; Astrel. 856 p. ISBN: 5-271-00448-1. (In Russ.).
- Mieder, W. (2004). *Proverbs: A Handbook*. Westport: Greenwood Press, CT. 305 p.
- Mzhelskaya, O. K. (2008). *Semantic specialization and conceptualization of borrowings (based on the material of onomastic components of biblical phraseology): author's abstract of PhD Diss.* Barnaul. 18 p. (In Russ.).
- Reunova, E. V. (2015). *Linguistic pragmatic analysis of biblicalisms in Russian, Spanish, Italian, French and English: author's abstract of PhD Diss.* Moscow. 22 p. (In Russ.).
- Subocheva, A. N. (2007). *Systematic analysis of biblical phraseological units from the lexicographic works of V. I. Dal: author's abstract of PhD Diss.* Moscow. 18 p. (In Russ.).
- Teliya, V. N. (2000). Phraseologism. In: *Linguistics. Big encyclopedic dictionary*. (2nd ed.). Moscow: Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya. 559—560. (In Russ.).
- Tretyakova, I. Yu. (2017). Biblical phraseological units in media texts. In: *Man in the Information Space: Understanding in Communication: Collection of Scientific Papers*. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky. 176—183. ISBN: 978-5-00089-221-3. (In Russ.).

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Иоанесян Е. Р. К типологии слов и конструкций со значением высокой степени / Е. Р. Иоанесян // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 43—58. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-43-58.

Ioanesyan, E. R. (2021). Typology of Words and Constructions with a High Degree of Meaning. *Nauchnyi dialog*, 6: 43-58. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-43-58. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-43-58

К типологии слов и конструкций со значением высокой степени

Иоанесян Евгения Рафаэлевна
orcid.org/0000-0002-4950-6315
доктор филологических наук
ведущий научный сотрудник
ioanevg@mail.ru

Институт языкознания
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Typology of Words and Constructions with a High Degree of Meaning

Evgeniya R. Ioanesyan
orcid.org/0000-0002-4950-6315
Doctor of Philology
Leading Researcher
ioanevg@mail.ru

Institute of Linguistics of the Russian
Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

© Иоанесян Е. Р., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению семантики единиц, выражающих значение интенсивности. В работе используется понятие лексической функции Magn модели «Смысл ↔ Текст». Лексические функции являются инструментом для описания ограниченной лексической сочетаемости. Magn — абстрактное типовое значение ‘очень’, ‘интенсивность’ ‘высокая степень’, которое выражается при значительном числе разных слов, причем во многих случаях идиоматическим образом. Лексические единицы, выражающие смысл ‘очень’ / ‘большой’ / ‘интенсивный’, представлены в разных языках большим количеством слов и конструкций. Обозначение интенсивности во многих языках имеет лексически обусловленные варианты выражения, часто лингвоспецифичные. В работе дается краткий обзор основных моделей образования значения интенсивности в языке, приводятся примеры лингвоспецифичных единиц. Новизна исследования определяется представлением в работе новых моделей образования смысла Magn и лингвоспецифичных выражений этого смысла. Актуальность исследования обусловлена тем, что изучение моделей образования значения интенсивности находится в русле современных исследований по изучению семантической эволюции, построению типологии семантических переходов, выявлению особенностей картины мира разных языков, созданию объяснительных моделей языка.

Ключевые слова:

семантика; полисемия; семантическая деривация; семантическая типология; идиоматичность; языковая картина мира.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the study of the semantics of units expressing the value of intensity. The concept of the lexical function Magn of the “Meaning ↔ Text” model is used in the article. Lexical functions are a tool for describing limited lexical collocation. Magn is an abstract typical meaning of ‘very’, ‘intensity’, ‘high degree’, which is expressed in a significant number of different words, and in many cases in an idiomatic way. Lexical units expressing the meaning of ‘very’ / ‘large’ / ‘intense’ are represented in different languages by a large number of words and constructions. The designation of intensity in many languages has lexically determined variants of expression, often linguistic specific. A brief overview of the main models of the formation of the meaning of intensity in a language, examples of linguistic-specific units are given. The novelty of the research is determined by the presentation in the work of new models of the formation of the meaning of Magn and linguistic-specific expressions of this meaning. The relevance of the study is due to the fact that the study of models of the formation of the value of intensity is in line with modern research on the study of semantic evolution, the construction of a typology of semantic transitions, the identification of the features of the picture of the world of different languages, the creation of explanatory models of the language.

Key words:

semantics; polysemy; semantic derivation; semantic typology; idiomaticity; linguistic picture of the world.

К типологии слов и конструкций со значением высокой степени

© Иоанесян Е. Р., 2021

1. Вводные замечания

Целью данной статьи является представление семантических моделей образования слов со значением высокой степени.

Смысл 'очень' во многих языках имеет идиоматичные, лексически обусловленные варианты выражения, часто лингвоспецифичные. С другой стороны, наблюдаются и некоторые общие тенденции в обозначении указанного смысла в разных языках. Это определяет интерес и актуальность изучения слов со значением высокой степени.

2. Основные положения

1. Лексическая функция Magn

В работе используется понятие лексической функции (далее — ЛФ) модели «Смысл ↔ Текст» И. А. Мельчука [Мельчук, 1974; Мельчук, 1995; Мельчук, 2012; Mel'čuk et al., 2020]. Лексическая функция — это «весьма общий и достаточно абстрактный смысл 'f', который выражается особой лексемой у в зависимости от лексемы x, при которой он выражается: $f(x) = y$ » [Мельчук, 2012, с. 115]. Идее интенсификации, значению 'очень' / 'большой' / 'интенсивный' соответствует лексическая функция Magn: к Magn'ам «относятся слова, идиоматично выражающие смысл 'очень' при некотором ключевом слове» [Кустова, 2011, с. 256]. Так, русское прилагательное *железный* является значением ЛФ Magn для русских слов *здоровье*, *дисциплина*, *воля*, *хватка* и т. д. Лексические функции универсальны, однако их значения часто различаются у семантически близких лексем в разных языках: лексические функции характеризуют «the idiomatic, that is, language specific substitutability and cooccurrence relations of the entry lexeme L» [Мельчук, 1995, с. 32]. Например, французское прилагательное *infatigable* — 'неутомимый' выступает в функции Magn'а при словах *activité* — 'активность', *ardeur* — 'пыл, страстность', *bougeotte* — 'непоседливость', *patience* — 'терпение', *perseverance* — 'настойчивость': «*Activité, ardeur, bougeotte, patience, persévérance infatigable*» [TR]. Ср. невозможность использования прилагательного *неутомимый* в роли Magn'а при русских эквивалентах указанных французских существительных: *не-

утомимая активность, *неутомимый пыл / страстность, *неутомимая непоседливость, *неутомимое терпение, *неутомимая настойчивость.

II. Модели образования Magn'ов

II.1. В этом разделе приводится обзор уже описанных моделей образования Magn'ов¹, при этом особое внимание уделяется лингвоспецифичности выражения этого смысла в разных языках.

Как отмечается в статье [Кустова, 2011, с. 263], существует два основных механизма образования Magn'ов: 1. Парадигматический — аналогия. Сюда относятся метафорические (*беспросветный, бесконечный, солидный*) и компаративные (*царский, телячий, лошадиный*) Magn'ы. 2. Синтагматический — метонимия. Указанные два механизма реализованы в разных более частных моделях, например:

А. Экспериенциальные Magn'ы — *леденящий страх, леденящий ужас; жгучая тоска, жгучая обида*. В основе этого класса Magn'ов лежит экспериенциальная реакция человека на ситуацию: «Именно благодаря своей экспериенциальной “составляющей” человек “замечает” большую степень признаков у окружающих предметов и ситуаций и реагирует на нее <...> типы экспериенциальных реакций образуют модели, в которые метафорически встраивается высокая степень признака самых разных ситуаций» [Кустова, 2011, с. 260].

Как отмечалось, значения ЛФ Magn у семантически близких лексем в разных языках часто различаются. Но и функционирование близких по значению единиц в роли Magn'ов в разных языках может отличаться. Ср., использование в роли экспериенциального Magn'а французского прилагательного *glacial* ‘леденящий’ и его русского аналога *леденящий*: *Ironie glaciale* [TR], *леденящая ирония. В русском языке в подобном случае используются другие прилагательные, напр., *убийственный*. Так, в [КСРИД] при слове *ироничный* в качестве Magn'а указано наречие *убийственно*. Лингвоспецифичным является употребление в функции Magn'а и производного наречия *glacialement*: *glacialement hautain* [TR], **леденяще высокомерный*. Другим примером подобного рода является французское прилагательное *cuisant* — ‘жгучий, обжигающий’, которое выступает в роли Magn'а при словах *chagrin* — ‘печаль’, *remords* — ‘угрызения совести’, *défaite* — ‘поражение’, *humiliation* — ‘унижение’: «*Chagrin, remords cuisant, défaite, humiliation cuisante*» [TR]. Ср. рус. **жгучая печаль, *жгучие угрызения совести, *жгучее поражение, *жгучее унижение*.

Б. Метонимические Magn'ы, построенные по отрицательно-модальной модели: «Степень Р такова, что невозможно R, ср. *невыразимый, неопиcуемый* <...> степень Р такова, что невозможно описать, выразить» [Ку-

1 Наиболее полное исследование представлено в статье Г. И. Кустовой [Кустова, 2011].

стова, 2011, с. 264]. Эта модель представлена во многих языках, например, рус. *неисчислимый*, франц. и исп. *incalculable* — ‘не поддающийся исчислению, подсчёту’ и др. Франц. *incalculable*: «A. Qui ne peut être calculé <...> B. P. ext. Très considérable. *Avantage, force incalculable*» [TR], ‘А. Такой, который невозможно подсчитать. В. Очень большой. Огромное преимущество, большая сила’. Исп. *incalculable*: «1. Que no se puede calcular. 2. Muy grande: *Este cuadro es de un valor incalculable*» [DCD], ‘1. Не поддающийся исчислению. 2. Очень большой. *Эта картина имеет огромную ценность*’.

Magn’ы этого вида часто являются лингвоспецифичными. Примером такого рода является французское прилагательное *incassable* — букв. ‘небьющийся / такой прочный, что нельзя сломать’: «Qui, de par sa constitution, ne peut être brisé. *Lunettes incassables; verre incassable*» [TR], ‘то, что по своему строению не может быть сломано, разбито. *Небьющиеся очки, небьющийся стакан*. *Il existe des machines à laver incassables* (Frédéric Beigbeder. 99 francs (1997—2000)). Существуют сверхпрочные стиральные машины [НКРЯ]. *Incassable* выступает также в роли Magn’a: «*Tout le monde connaît <...> leur mépris incassable pour les spéculations* (BLOY, *Salut par Juifs*, 1892, p. 19)» [Там же], ‘Всем известно <...> их полное презрение к спекуляциям’; *mépris incassable* — букв. ‘небьющееся презрение’.

Необычный пример отрицательно-модальной модели представлен латинским прилагательным *tenax* (от *teneo* ‘держать’): ‘липкий, клейкий’ → Magn. *Липкий Р* — это такой Р, от которого трудно, невозможно избавиться, «отлепиться». *Tenax*: «3. *tenace, adhérent*. 4. fig. *ira tenax* Ov. P. 1, 9, 28, *colère implacable*» [DLFG], ‘3. клейкий, липкий’. 4. перен. *ira tenax* — страшный гнев’. «*Solide, fort. — memoria tenacissima*, Quint. 1, 1, 19: *mémoire très tenace*» [JWH], ‘крепкий, сильный; *memoria tenacissima* — очень крепкая память’.

В. Метонимические Magn’ы, построенные по имплицативной-метонимической модели, «характеризующие высокую степень через ее импликацию <...> ‘Степень Р так высока, что вызывает следствие R’» [Кустова, 2011, с. 263]. *Удивительная сила, возмутительная ложь, изумительная точность* — ‘такая большая сила, ложь, точность, что вызывают удивление, возмущение, изумление’¹. Частные виды этой модели представлены в статье [Иоанесян, 2019a].

Обозначение интенсивности по этой модели часто имеет лингвоспецифические способы выражения. Примером такого рода является высту-

1 См., другое обоснование возникновения смысла ‘очень’ у слова *удивительно* в [Григорьева, 2000, с. 256]: «Лексемы из подгруппы *удивительно, поразительно* и т. п. предполагают, что высокая степень некоторого свойства в силу своей неожиданности производит на говорящего сильное впечатление».

пающее в функции Magn'a англ. наречие *annoyingly* ≈ 'досаждающе, раздражающе', *annoy smb.* — раздражать кого-л.; досаждать кому-л.: (a) *Yes, sure, all of that, but to drop their troubles into such neat conceptual boxes would be to simplify a situation that is both agreeably and annoyingly messy* (New York Times Dec 20, 2012) [Vocabulary.com]. (б) *The second problem is that subscribers are annoyingly disloyal* (Economist Apr 5, 2018) [Там же].

Как и для многих других Magn'ов, производных от имен негативных эмоций, впоследствии сфера действия этого наречия расширилась — *annoyingly* стало выступать в функции Magn'a не только при словах, обозначающих отрицательно оцениваемые свойства, но и при словах, обозначающих позитивные качества: (a) *She was moving around just fine and even seemed almost annoyingly upbeat for someone who'd just lived through what she did* (Lauren Weisberger. *The Devil Wears Prada*, 2003). Но передвигалась вполне уверенно и настроение у нее было на удивление бодрое [НКРЯ]. (б) *Stella English The perfect Apprentice candidate: disciplined, hard-working, never been in the boardroom, only once on the losing team, annoyingly likeable* (The Guardian Nov 24, 2010) [Vocabulary.com]. (в) *At 65, Springfield is annoyingly handsome even today* (The Guardian Aug 27, 2015) [Там же].

Г. Субъектные Magn'ы, например, *бездушный эгоизм*, отличаются тем, что «характеристика субъекта метонимически «перемещается» к абстрактному существительному в качестве Magn'a <...> у субъекта нет души, а не у эгоизма» [Кустова, 2011, с. 261—262]. Приведем пример лингвоспецифичной единицы этого класса Magn'ов. Французское прилагательное *éperdu* относится к классу симптоматических единиц, обозначая реакции, состояние человека, растерявшегося, потерявшего голову под влиянием сильной эмоции — счастья, радости, удивления, восхищения и т. п.: «Qui a l'esprit profondément troublé par une émotion violente. *Éperdu de bonheur, de joie*» [PR, p. 599], «Déséparé, profondément troublé par une vive émotion <...> *éperdu d'étonnement*» [TR]. На следующем этапе прилагательное выступает в значении показателя сильной эмоции, субъектного Magn'a: «Il se dit aussi d'un Sentiment violent ou d'un Geste, d'un air qui marque la violence de la passion. *Amour éperdu*» [AC 1835], 'Также о сильной эмоции или о жесте, внешнем виде, которые свидетельствуют о силе эмоции. *Сильная любовь*'. *Amour éperdu* — букв. 'растерявшаяся, потерявшая голову любовь': субъектный Magn. Затем сфера употребления прилагательного расширяется — оно начинает употребляться в роли «обычного» Magn'a при единицах других классов, например: «2. Très violent (sentiment) → extrême, passionné, vif, violent. *Un besoin éperdu de bonheur*» [PR, p. 599], '2. Очень сильный (о чувстве) → чрезмерный, сильный. *Огромная потребность в любви*', «*Un désir éperdu*» [TR], 'огромное желание'.

II.2. В этом разделе представлены новые, выделенные нами, модели образования Magn'ов, которые, по нашему мнению, представляют интерес в типологическом аспекте.

А. Импликативные модели, характеризующие высокую степень эмоции, состояния человека через их симптоматические проявления — реакцию человека на эту эмоцию или внешние признаки такого состояния¹: ‘Степень эмоции Р так высока, что способна вызвать симптом R’. Модель этого типа представлена французскими конструкциями *Adj à V_{inf}*, где Adj — прилагательное, обозначающее какое-л. свойство, V_{inf} — инфинитивная форма симптоматического глагола. Например: (а) *Barbare à donner le frisson* — ‘очень жестокий’, букв. ‘такой жестокий, что вызывает дрожь’ (пример из [Tutin, 2012, с. 605]). Дрожь, является одним из симптомов страха. (б) *Faux à vomir* — ‘очень лживый’, букв. ‘такой лживый, что вызывает тошноту’; тошнота является симптомом отвращения. Ср. рус. *до беспамятства* (влюбиться до беспамятства), *до слез* (растрогать до слез) и т. п.

Б. Модели, в основе которых лежат инцидентные следствия. Как показывает материал, одним из источников развития у слова смысла ‘очень’ или противоположного смысла — ‘слабая степень’, AntiMagn, являются инцидентные следствия соответствующей прототипической ситуации. Мы называем инцидентными следствиями стандартные ассоциации, которые в картине мира данного языка связывают данную ситуацию (или компонент этой ситуации) с некоторой другой². Инцидентные следствия лингвоспецифичны. Ниже приводится несколько примеров модели образования Magn'ов или AntiMagn'ов, в основе которой лежат инцидентные следствия.

Как представляется, робость и скромность человека ассоциируются во многих языках со слабостью, а следовательно, с малой величиной, AntiMagn³. И именно это лежит в основе семантических переходов ‘скромный’ / ‘робкий’ → AntiMagn.

Б.1. Переход ‘скромный’ → AntiMagn:

1. Рус. *скромный*: «5. Небольшой, незначительный» [Ефремова, 2006]. *Наум Коржавин значительную часть своих скромных доходов тратил тоже на эти шкурки* (Владимир Войнович. Дело № 34840 (1999)) [НКРЯ].

2. Когнаты, происходящие от лат. *modestus*, имеют значения ‘скромный’ и ‘небольшой’, напр., ит. *modesto*: «1. а. Di persona che non ama met-

1 См. подробнее о симптоматической лексике в функции Magn'a [Иоанесян, 20196].

2 Ср. с определением инцидентных следствий в [Падучева, 2004, с. 131].

3 См, напр., определение русского *слабый* в [Ожегов и др., 2006]: «3. Малый, незначительный. *Слабый ветер*».

tere in mostra i propri meriti <...> Quantitativamente scarso, esiguo, limitato: *m. salario; m. ricompensa*» [VT], ≈ ‘О человеке, который не любит выстав- лять свои заслуги напоказ <...> Количественно ограниченный: *скромный оклад, скромное вознаграждение*’. Франц. *modeste* ‘скромный’ также име- ет значение ‘небольшой’: «3 De peu d’importance. ⇒ petit. *Des gens d’une qualité intellectuelle très modeste*» [PR, p. 1098], ≈ ‘небольшой величи- ны → маленький. *Люди небольшого интеллекта*’. См. также англ. *modest*: «Mid. 16th century from French *modeste*. 1. Unassuming or moderate in the estimation of one’s abilities or achievements. *He was kind, generous and always modest about his achievements*. 2. of an amount, rate, or level relatively moder- ate, limited, or small. *Employment growth was relatively modest*» [OD].

Б.2. Переход ‘робкий’ → AntiMagn.

1. Рус. *робкий*: «перен. Проявляющийся не в полную силу» [Ефремо- ва, 2006]. *Когда после первых робких успехов экспедиции началась поло- са сплошных неудач, Корнилов <...> решил, что место, где они копают, конечно, безнадёжное* (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть) [НКРЯ]. См. также перевод немецкого *leicht* — ‘легкий, неболь- шой’ — русским прилагательным *робкий*: *Selbst die leichte Hoffnung <...> sie werde mir beim Verlassen ihrer Kammer ihr elektrisch beleuchtetes Gesicht zeigen, mußte ich begraben* (Günter Grass. Blechtrommel, 1959). Даже *робкую надежду*, что, уходя, она хоть покажет свое лицо при электрическом свете, мне пришлось оставить [НКРЯ].

2. Франц. *timide* и *timident* — ‘робкий’ и ‘робко’, исп. *Timido* — ‘роб- кий’ имеют также смысл ‘небольшой’. Например, *timido*: «De poca inten- sidad» [DCD], ‘маленькой интенсивности’, «Ligero, débil, leve: *el enfermo manifestaba una tímida mejoría*» [DLLE], ‘легкий, слабый: у больного от- мечены небольшие улучшения’.

3. Англ. *timid* и *timidly* (тоже восходящие к лат. *timidus*) используются в качестве AntiMagn’a. Хотя в толковых словарях это значение у них не выделяется, примеры их употребления в этой функции встречаются часто: *But progress has been timid and slow*. Times, Sunday Times (2008) [Collins Online English Dictionary]. *Still, for all the fresh creative thinking, the concerts of the Mostly Mozart orchestra at David Geffen Hall remained, over all, timidly conventional* (New York Times Aug 20, 2017) [Vocabulary.com].

Б.3. Переход ‘наглый’ → ‘Magn’.

Наглость, беззастенчивость, в отличие от робости, ассоциируются с силой и большой интенсивностью. См., например, рус. *наглый* и *нагло*, *беззастенчивый* и *беззастенчиво*, у которых в [КСРИД] отмечено значе- ние Magn: *нагая агрессия / ложь, наглый обман, нагло врать / издевать- ся, беззастенчивый лжец / обман, беззастенчиво лгать* и т. д. (см. другое

объяснение возникновения смысла *Magn* у этих единиц в [Кустова, 2011, с. 265]).

Интересный пример обратного семантического перехода *Magn* → ‘наглый’ представлен в истории французского прилагательного *insolent* (от лат. *insolens*), выступающего в значениях ‘очень большой’ и ‘наглый’, например: (а) «*Avoir une chance insolente: incroyable, inouï*» [SD, p. 439], ‘иметь огромный шанс: невероятный, неслыханный’; (б) «*Air, ton insolent*» [PR, p. 915], ‘наглое выражение лица, наглый тон’. Исходное значение прилагательного — ‘необычный, непривычный’. Далее от значения ‘необычный’ произошел переход к значению ‘чрезмерный, слишком большой’, а от этого последнего — к значению ‘наглый’. Именно так описано развитие прилагательного в словаре [EL]: «ÉTYMOLOGIE: Lat. *insolentem*, <...> *inaccoutumé*; de là on passe au sens de immodéré, excessif, puis à celui d’un insolent; toutes ces acceptions sont dans le latin», ≈ ‘Этимология. Лат. *insolentem*, <...> непривычный; отсюда переход к значению чрезмерности, затем — к наглости; эти значения были и в латыни’. Аналогичная полисемия отмечается и у наречия *insolemment*.

Б.4. Переход ‘грубый’ → ‘*Magn*’.

Грубость ассоциируется в разных языках с силой, что и определяет существование переходов этого вида, напр., *грубая ошибка*, *грубый просчет*. Как отмечается в [Рахилина и др., 2009, с 423], в основе указанной семантической деривации лежит конвенциализованная импликатура: «грубо разговаривать предполагает идею громкости, агрессивности, из чего рождается представление об интенсивности действия и, соответственно, большой степени» [Там же]. Интересно, что в основе появления значения *Magn* у французского прилагательного *grossier* ‘грубый’ толковые словари усматривают другую ассоциативную связь: ‘грубый человек’ → ‘очень глупый, невежественный, неловкий, неумелый’ → ‘очень плохо выполняет определенные действия, делает большие ошибки’. Например: «Qui n’a pas été dégrossi, poli par la culture, l’éducation. ♦ Par ext. Cour. Digne d’un esprit peu subtil, peu cultivé. ⇒ gros, maladroit. *Faute, erreur grossière*. ⇒ *grave, lourde. Ignorance grossière* [PR, p. 811], ≈ ‘Некультурный, необразованный. Перен. То, что характерно для неутонченного, малообразованного человека → неумелость, неловкость. *Грубая ошибка* → большая, серьезная ошибка. *Грубое невежество*’. «GROSSIER, se dit encore figurément, au sens moral, De ce qui suppose beaucoup d’ignorance, de sottise, de déraison ou de maladresse. *Erreur grossière*» [AC 1835], ‘GROSSIER используется также в переносном смысле — о том, что предполагает большое невежество, глупость, неразумие, неумелость. *Грубая ошибка*’. В дальнейшем сфера использования *grossier* в функции *Magn*’a расширяется (напр., *con-*

tradiction grossière — ‘грубое противоречие’), что характерно для многих степенных слов.

Б.5. Полисемия французских *étroit* и *étroitement*, испанского *estrecho* выявляет еще одну ассоциативную связь, существующую между двумя разными ситуациями в картине мира этих языков. Одно из значений французского прилагательного *étroit*, унаследованное от лат. *strictus*, — ‘узкий’, напр., *un étroit sentier* ‘узкая тропинка’. Конституирующий компонент другой группы значений прилагательного *étroit* — смысл ‘недостаток пространства’: «Gén. avec l'idée péj. d'un manque d'espace» [TR]¹, ≈ ‘идея недостаточности пространства’. Это лежит в основе его значений ‘тесный’: *vêtements trop étroits* ‘слишком тесная одежда’, *logement étroit* ‘тесная квартира’, *être logés bien à l'étroit* ‘жить в тесноте’. Выделяется еще один круг употреблений прилагательного, в котором сочетание *étroit* + S имеет значение ≈ ‘такое S, элементы которого плотно прилегают друг к другу’. Например, *un nœud étroit* — ‘тугой узел’; ср. рус. *тугой узел, канат, коса*. Как представляется, плотное прилегание частей объекта друг к другу ассоциируется с сильной связью между ними, а также с крепкостью, прочностью, силой самого объекта. Это лежит в основе появления значения Magn у прилагательного *étroit* в сочетаниях типа *une étroite alliance* — ‘прочный союз’, *une étroite cohésion* — ‘большая сплоченность’, *une étroite collaboration* — ‘тесное сотрудничество’ и т. п. Показательно, что именно пространственной близостью компонентов объясняется возникновение рассматриваемого значения французского прилагательного в словаре [TR]: «avec l'idée d'une union que favorise le peu d'espace ou de distance entre les choses ou les êtres», ≈ букв. ‘с идеей о слиянии, сплочении, которым благоприятствует маленькое расстояние между вещами или людьми’.

Испанское прилагательное *estrecho* — когнат французского прилагательного *étroit*, имеющее значения ‘узкий’, ‘тесный’, ‘сжатый’, тоже выступает в функции Magn’a: «Referido esp. A una relación, que es muy íntima o que se asienta en fuertes vínculos: *Trabajamos en estrecha colaboración*» [DCD], ‘Относится в основном к близким отношениям или к отношениям, которые основаны на крепких связях. *Тесное сотрудничество*’.

В. Модели, в основе которых лежат импликации соответствующей прототипической ситуации. Прототипическая ситуация может быть источником разнообразных импликаций, которые не отражены в значении слова, но лежат в основе других значений этого слова (см. [Кустова, 2000, с. 108]). Пример перехода «X → импликация из X → Magn» представлен в семанти-

1 «Étymol. et Hist. Ca 1100 [si chevalchent] es treiz «en rangs serrés» [TR], ‘Этим. ист. 1100 es treiz «верхом сомкнутыми рядами»; сомкнутые ряды — ‘сближенные вплотную’.

ческом развитии слов с компонентом ‘знание’¹. Этот переход представлен, например, в рус. *известный, знатный, знатно, славиться*, франц. *fameux, fameusement*, англ. *famously, notorious, notoriously, renowned, well-known, famously*, ит. *noto*, исп. *notorio* и др.

Прототипическая ситуация известности включает компонент ‘выделенность объекта из объектов того же класса по какому-то признаку’ (см. толкование этого прилагательного в [Бабаева, 2000, с. 143]). Импликацией этой ситуации является выделенность объекта по масштабности, величине. При словах, обозначающих градуируемые признаки, словах качественной, количественной и оценочной семантики масштабность может означать только высокую степень. Это лежит в основе перехода ‘известный / знаменитый’ → *Magn*. Примеры указанного перехода, без описания механизма, лежащего в его основе, приведены в статье [Иоанесян, 2018], поэтому мы ограничимся одним примером из французского языка. Прилагательное *fameux* — ‘известный, знаменитый’ в процессе развития получило значение ‘большой’: «Il se dit aussi dans le langage familier pour désigner un excès. *Un fameux ivrogne. Un fameux imbécile*» [EL], ≈ ‘разг. для обозначения сильной степени. *Законченный пьяница. Откровенный дурак*’.

3. Заключение

Целью данной статьи было представление семантических моделей образования слов со значением высокой степени. В работе используется термин *Magn*, являющийся названием лексической функции в модели «Смысл ↔ Текст». Лексическая функция *Magn* — абстрактное типовое значение ‘очень’, ‘интенсивность’ ‘высокая степень’, которое выражается при значительном числе разных слов, часто идиоматическим образом. Лексические единицы, выражающие смысл ‘очень’ / ‘большой’ / ‘интенсивный’, представлены в разных языках большим количеством слов и конструкций. Это обусловлено тем, что многие из них «являются не только степенными, но и экспрессивно-оценочными словами» [Кустова, 2011, с. 264]. Во многих языках обозначение интенсивности имеет лексически обусловленные варианты выражения, которые часто лингвоспецифичны. В статье дан обзор уже представленных в литературе механизмов образования значения интенсивности с примерами лингвоспецифичных вариантов выражения этого смысла в разных языках. Кроме того, предложены три новые модели: 1. Импликативные модели, характеризующие высокую степень эмоции, состояния человека через их симптоматические проявле-

1 См. примеры семантических переходов, базирующихся на компонентах прототипической ситуации, в разделе «Типы семантических переходов, лежащих в основе номинации эмоций» коллективной монографии «Представление эмоциональной сферы человека на материале разных языков» [Иоанесян и др., 2020].

ния. Например: *douloureux à hurler* — ‘очень мучительный’, ‘настолько мучительный, что вызывает желание завывать’; *douloureux* — ‘мучительный’; *hurler de douleur* — ‘вопить от боли’. 2. Модели, в основе которых лежат инцидентные следствия ситуации — стандартные ассоциации, связывающие в картине мира языка эту ситуацию с некоторой другой. Так, например, в разных языках грубость ассоциируется с силой, интенсивностью, это определяет семантический переход ‘грубый’ → ‘Magn’, например, *грубый промах, грубое нарушение*. 3. Модели, в основе которых лежат импликации соответствующей прототипической ситуации. В основе семантического перехода ‘известный’ / ‘знаменитый’ → Magn лежит импликация ситуации известности некоторого объекта, а именно его выделенность по величине, масштабу. Значение интенсивности часто имеет лингвоспецифичные варианты выражения в разных языках. Вместе с тем существуют и общие модели образования этого значения. Это определяет интерес к изучению единиц со значением высокой степени в типологическом аспекте.

Источники и принятые сокращения

1. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. — Москва : АСТ, Астрель, Харвест, Lingua, 2006. — Режим доступа : <http://slovari.gramota.ru>.
2. КСРИД — Кустова Г. И. Словарь русской идиоматики : сочетания слов со значением высокой степени [Электронный ресурс] / Г. И. Кустова. — Режим доступа : <http://dict.ruslang.ru/magn.php>.
3. НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>.
4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : 4-е изд., доп. [Электронный ресурс] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — Москва : А ТЕМП, 2006. — Режим доступа : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova>.
5. AC 1835 — *Dictionnaire de l'Académie française* : la 6e édition [Electronic resource]. — Paris : Imprimerie et librairie de FIRMIN DIDOT frères, 1835. — Access mode : https://french_academie.fracademic.com.
6. *Collins Online English Dictionary* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>.
7. DCD — *Diccionario Clave* : diccionario de uso del español actual (con sinónimos y antónimos) : 9th Edition [Electronic resource]. — Ediciones SM, 2012. — Access mode : <http://clave.smdiccionarios.com>.
8. DLFG — *Gaffiot F. Dictionnaire latin-français* [Electronic resource] / F Gaffiot. — Paris : Hachette, 1934. — Access mode : <http://www.lexilogos.com>.
9. DLLE — *Diccionario de la lengua española* [Electronic resource]. — Espasa-Calpe, 2005. — Access mode : <https://www.wordreference.com>.
10. EL — *Litttré E. Dictionnaire de la langue française* : en cinq tomes [Electronic resource] / E. Littré. — Paris : Hachettes, 1872—77. — Access mode : <http://artflx.uchicago.edu>.

11. JWH — *Jeanneau G.* Dictionnaire Latin-Français [Electronic resource] / G. Jeanneau, J.-P. Woittrain, J. Hassid. — Access mode : <http://www.prima-elementa.fr>.
12. OD — *Oxford Dictionary of English* [Electronic resource]. — Oxford University Press, 2016. — Access mode : <https://en.oxforddictionaries.com>.
13. PR — *Le Petit Robert* Dictionnaire alphabétique & analogique de la langue française / P. Robert, J. Rey-Debov, A. Rey. — Paris : Dictionnaire LE ROBERT, 1970. — 1967 p.
14. SD — *Genouvrier E.* Synonymes : dictionnaire / E. Genouvrier, C. Désirat, T. Hordé. — Paris : Éditions Larousse, 2007. — 844 p.
15. TR — *Le Trésor de la langue française informatisé* [Electronic resource]. — Access mode : <http://atilf.atilf.fr>.
16. Vocabulary.com [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.vocabulary.com/dictionary>.
17. VT — *Vocabolario Treccani* [Electronic resource]. — Istituto dell'Enciclopedia Italiana, 2013. — Access mode : <http://www.treccani.it/vocabolario>.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабаева Е. Э. Известный 2, знаменитый 1, легендарный, прославленный / Е. Э. Бабаева // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка : второй выпуск / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — С. 143—147.
2. Григорьева С. А. Очень, весьма, сильно 2 / С. А. Григорьева // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка : второй выпуск / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — С. 256—261.
3. Иоанесян Е. Р. Лексические единицы с компонентом 'знание' : один тип производных значений / Е. Р. Иоанесян // Научный диалог. — 2018. — № 7. — С. 66—80. DOI : 10.24224/2227-1295-2018-7-66-80.
4. Иоанесян Е. Р. Один тип производных значений эмоциональных предикатов / Е. Р. Иоанесян // Когнитивные исследования языка : вып. XXXVI : Понимание. Интерпретация. Когнитивное моделирование : сборник научных трудов в честь 70-летия В. З. Демьянкова / общ. ред. Е. С. Кубрякова. — Тамбов : Державинский, 2019а. — С. 452—459.
5. Иоанесян Е. Р. Представление эмоциональной сферы человека на материале разных языков / Е. Р. Иоанесян, Н. К. Рябцева, М. Л. Ковшова, П. С. Дронов, О. С. Орлова. — Москва-Ярославль : Канцлер, 2020. — 244 с.
6. Иоанесян Е. Р. Симптоматическая лексика в функции Magn / Е. Р. Иоанесян // Научный диалог. — 2019б. — № 2. — С. 34—48. — DOI : 10.24224/2227-1295-2019-2-34-48.
7. Иоанесян Е. Р. Симптоматическая лексика со встроенной эмоцией / Е. Р. Иоанесян // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 91—104. — DOI : 10.24224/2227-1295-2020-7-91-104.
8. Кустова Г. И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений / Г. И. Кустова // Вопросы языкознания. — 2000. — № 4. — С. 85—109.
9. Кустова Г. И. Слова со значением высокой степени : семантические модели и семантические механизмы (Magn'ы — прилагательные) / Г. И. Кустова // Слово и язык : сборник статей к 80-летию акад. Ю. Д. Апресяна / под. ред. И. М. Богуславского. — Москва : Языки славянских культур, 2011. — С. 256—268.

10. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст» / И. А. Мельчук. — Москва : Наука, 1974. — 314 с.
11. Мельчук И. А. Русский язык в модели «Смысл ↔ Текст» / И. А. Мельчук. — Москва — Вена : Школа Языки русской культуры, Венский славистический альманах, 1995. — 682 с.
12. Мельчук И. А. Язык : от смысла к тексту / И. А. Мельчук. — Москва : Языки славянской культуры, 2012. — 176 с.
13. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 608 с.
14. Рахилина Е. В. Модели семантической деривации многозначных качественных прилагательных : метафора, метонимия и их взаимодействие / Е. В. Рахилина, О. С. Карпова, Т. И. Резникова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009». — Москва : РГГУ, 2009. — Вып. 8 (15). — С. 420—425.
15. Mel'čuk I. An Advanced Introduction to Semantics : a Meaning-Text Approach / I. Mel'čuk, J. Milićević. — Cambridge University Press, 2020. — 450 p.
16. Tutin A. Les collocations dans le champ sémantique des émotions : la régularité plutôt que de l'idiosyncrasie / A. Tutin // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты : сборник статей в честь 80-летия И. А. Мельчука / под. ред. Ю. Д. Апресяна. — Москва : Языки славянской культуры, 2012. — С. 602—612. — ISBN : 978-5-9551-0593-2.

MATERIAL RESOURCES

- AC 1835 — *Dictionary of the French Academy: the 6th edition*. Paris. (1835). Imprimerie et librairie de FIRMIN DIDOT frères. Available at: [https:// french_ academie. fracademic.com](https://french_academie.fr/academic.com). (In French).
- Collins Online English Dictionary. Available at: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>.
- DCD — *Key Dictionary: dictionary of current Spanish usage (with synonyms and antonyms): 9th Edition*. (2012). Ediciones SM. Available at: <http://clave.smdiccionarios.com>. (In Spanish).
- DLFG — Gaffiot, F. *Latin-French dictionary*. (1934). Paris: Hachette. Available at: <http://www.lexilogos.com>. (In French).
- DLLE — *Spanish dictionary*. (2005). Espasa-Calpe. Available at: <https://www.wordreference.com> (In Spanish).
- EL — Littré, E. (1872—77). *Dictionary of the French language: in five volumes*. Paris: Hachettes. Available at: <http://artflx.uchicago.edu>. (In French).
- Efremova, T. F. (2006). *Modern explanatory dictionary of the Russian language: in 3 volumes*. Moscow: AST, Astrel, Harvest, Lingua. Available at: <http://slovari.gramota.ru>. (In Russ.).
- JWH — Jeanneau, G., Woitrain, J.-P., Hassid, J.-C. *Latin-French Dictionary*. Available at: <http://www.prima-elementa.fr>. (In French).
- KSRID — Kustova, G. I. *Dictionary of Russian idioms: combinations of words with a high degree*. Available at: <http://dict.ruslang.ru/magn.php>. (In Russ.).
- OD — *Oxford Dictionary of English*. Oxford University Press, 2016. Available at: <https://en.oxforddictionaries.com>.
- Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (2006). *Explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow: A TEMP. Available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova>. (In Russ.).

- PR — Le Petit Robert. (1970). *Alphabetical & analogue dictionary of the French language*. Paris: Dictionnaire LE ROBERT. 1967 p. (In French).
- RNC — *National Corpus of the Russian Language*. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>. (In Russ.).
- SD — Genouvrier, E., Désirat, C., Hordé, T. Synonymes. (2007). *Dictionary*. Paris: Éditions Larousse. 844 p. (In French).
- TR — *The computerized treasury of the French language*. Available at: <http://atilf.atilf.fr>. (In French).
- Vocabulary.com*. Available at: <https://www.vocabulary.com/dictionary>.
- VT — *Treccani Vocabulary: institute of the Italian Encyclopedia*. (2013). Available at: <http://www.treccani.it/vocabolario>. (In Italian).

REFERENCES

- Babaeva, E. E. (2000). Famous 2, famous 1, legendary, illustrious. In: Y. D. Apresyan (ed.). *New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language: second edition*. Moscow: Languages of Russian culture. 143—147. (In Russ.).
- Grigorieva, S. A., (2000). Very, very, strongly 2. In: Y. D. Apresyan (ed.). *New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language: second edition*. Moscow: Languages of Russian culture. 256—261. (In Russ.).
- Ioanesyan, E. R. (2018). Lexical units with a ‘knowledge’ component: one type of derivative meanings. *Nauchnyi dialog*, 7: 66—80. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-7-66-80.
- Ioanesyan, E. R. (2019a). One type of derived values of emotional predicates. In: E. S. Kubyakova (ed.). *Cognitive studies of language: issue. XXXVI: Understanding. Interpretation. Cognitive modeling*. Tambov: Derzhavinsky Publishing House. 452—459. (In Russ.).
- Ioanesyan, E. R. (2019b). Symptomatic vocabulary in the function Magn. *Nauchnyi dialog*, 2: 34—48. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-34-48. (In Russ.).
- Ioanesyan, E. R. (2020). Symptomatic vocabulary with built-in emotion. *Nauchnyi dialog*, 7: 91—104. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-91-104. (In Russ.).
- Ioanesyan, E. R., Ryabtseva, N. K., Kovshova, M. L., Dronov, P. S., Orlova, O. S. (2020). *Representation of the emotional sphere of a person on the material of different languages*. Moscow-Yaroslavl: Chancellor. 244 p. (In Russ.).
- Kustova, G. I. (2000). Cognitive models in semantic derivation and the system of derived meanings. *Questions of linguistics*, 4: 85—109. (In Russ.).
- Kustova, G. I. (2011). Words with a high degree of meaning: semantic models and semantic mechanisms (Magn’y — adjectives). In: I. M. Boguslavsky (ed.). *Word and language*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. 256—268. (In Russ.).
- Melchuk, I. A. (1974). *Experience of the theory of linguistic models «Meaning ↔ Text»*. Moscow: Nauka. 314 p. (In Russ.).
- Melchuk, I. A. (1995). *Russian language in the model «Meaning ↔ Text»*. Moscow—Vienna: School Languages of Russian culture, Vienna Slavic Almanakh. 682 p. (In Russ.).
- Melchuk, I. A. (2012). *Language: from meaning to text*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 176 p. (In Russ.).
- Mel’čuk, I., Miličević, J. (2020). *An Advanced Introduction to Semantics: A Meaning-Text Approach*. Cambridge University Press. 450 p.

- Paducheva, E. V. (2004). *Dynamic models in the semantics of vocabulary*. Moscow: Languages of Slavic culture. 608 p. (In Russ.).
- Rakhilina, E. V., Karpova, O. S., Reznikova, T. I. (2009). Models of semantic derivation of polysemantic qualitative adjectives: metaphor, metonymy and their interaction. *Computer linguistics and intellectual technologies*. Moscow: RGGU. 8(15): 420—425. (In Russ.).
- Tutin, A. (2012). Collocations in the semantic field of emotions: regularity rather than idiosyncrasy. In: *Meanings, texts and other exciting plots*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 602—612. (In French).

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Казаков Г. А. Лексические аспекты русских переводов Библии / Г. А. Казаков // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 59—77. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-59-77.

Kazakov, G. A. (2021). Lexical Aspects of Russian Bible Translations. *Nauchnyi dialog*, 6: 59-77. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-59-77. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-59-77

Лексические аспекты русских переводов Библии

Казаков Григорий Александрович
orcid.org/0000-0002-6481-2564
доктор английского языкознания (PhD)
старший преподаватель
кафедры английского языка № 3
g.kazakov@my.mgimo.ru

Московский государственный
институт международных отношений
(университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

Lexical Aspects of Russian Bible Translations

Grigory A. Kazakov
orcid.org/0000-0002-6481-2564
Doctor of English Linguistics (PhD)
Senior Lecturer
Department of English No. 3
g.kazakov@my.mgimo.ru

Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

© Казаков Г. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению лексических аспектов русских переводов Библии XIX—XXI веков в сопоставительном освещении и является продолжением исследования, ранее проведенного на английском материале. Приводится исторический обзор существующих на русском языке переводов (синодальный перевод и предшествовавшие ему тексты, Новый Завет епископа Кассиана, Библия Всемирного библейского переводческого центра, «центральноазиатский перевод», перевод свидетелей Иеговы, Библия Международного библейского общества, современный перевод Российского библейского общества, «Заокская Библия»), особое внимание уделяется современным изданиям. Образцы текстов сопоставляются по лексическим параметрам адаптивности, терминологичности, стиля и буквальности. По результатам сопоставления предлагается классификация рассмотренных переводов, устанавливаются их типологические особенности и связи между собой. Лексический характер переводов интерпретируется с точки зрения их социалингвистического эффекта (общественного восприятия). Полученные данные подтверждают ранее обнаруженную в англоязычных Библиях закономерность — обратную взаимосвязь между адаптивностью, с одной стороны и терминологичностью, высоким стилем и буквальностью перевода, с другой. Выявлено, что по лексическим характеристикам наиболее различны между собой синодальный и «центральноазиатский» переводы, что, вероятно, объясняется их ориентированностью на церковную традицию и миссионерские цели соответственно.

Ключевые слова:

перевод Библии; русские Библии; лексика; адаптивность; терминологичность; стиль; буквальность; сопоставление; священный текст.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the study of the lexical aspects of Russian Bible translations of the 19th—21st centuries in comparative coverage and is a continuation of a study previously conducted by reference to English Bibles. A historical overview of the existing Russian translations is given (the Synodal translation and the texts preceding it, the New Testament of Bishop Cassian, the Bible of the World Bible Translation Center, the “Central Asian translation”, the translation of Jehovah’s Witnesses, the Bible of the International Bible Society, the modern translation of the Russian Bible Society, the “Zaoksky Bible”). Special attention is paid to modern editions. Samples of texts are compared according to the lexical parameters of adaptiveness, terminologicalness, style and literalness. On the basis of this comparison, a classification of the considered translations is proposed, and their typological features and interconnections are established. The lexical nature of translations is interpreted in terms of their sociolinguistic effect (public perception). The data obtained confirms the pattern previously found in the English-language Bibles — the inverse relationship between adaptiveness on the one hand and terminologicalness, high style and literalness of the translation on the other. In terms of lexical characteristics, the Synodal and the “Central Asian” translations differ most from each other, which is probably due to their focus on church tradition and missionary goals, respectively.

Key words:

Bible translation; Russian Bibles; lexicon; adaptiveness; terminologicalness; style; literalness; comparison; sacred text.

Лексические аспекты русских переводов Библии

© Казаков Г. А., 2021

1. Введение

Библия, возможно, является наиболее разработанным и в то же время неисчерпаемым предметом исследований в истории и теории перевода. К настоящему времени на русском языке существует семь полных переводов Библии, не считая множества переводов отдельных ее частей (Нового Завета, Псалтири, других ветхозаветных книг), что создает большой материал для сопоставительного анализа. Однако если история первого из этих переводов — синодального — хорошо известна, остальные изучены очень мало.

Интересно, что подобная диспропорция существует и в английском языке, где Библия короля Якова получила преимущественное внимание исследователей по сравнению с многочисленными другими, особенно современными, переводами, хотя в целом английская сравнительная библеистика значительно более развита, см., например: [McArthur, 1992, с. 119—123]. Возможно, здесь имеет место типологическое сходство: основное внимание уделяется традиционному национальному переводу, тогда как остальные версии текста остаются в его тени.

Данная работа представляет собой попытку внести посильный вклад в восполнение этого пробела. Статья имеет своей целью применить к русским Библиям методику исследования, ранее опробованную на английском материале [Казаков, 2019], а именно: кратко охарактеризовать существующие переводы; сопоставить их образцы по единым лексическим параметрам; интерпретировать полученные результаты с точки зрения их социолингвистического эффекта.

2. Славянская Библия

Русскому переводу Священного Писания предшествовала славянская Библия. Начало ее истории связано с деятельностью братьев-миссионеров Кирилла и Мефодия в 860-е годы и их учеников позднее. Результатом их работы стал старославянский язык — своего рода искусственный язык на древнеболгарской лексической основе. Для кирилло-мефодиевского перевода характерна буквальность передачи грамматических конструкций греческого оригинала. При переводе языковых единиц, обозначающих новые понятия христианской религии и культурно-исторические реалии, авторы

славянского перевода предпочитали способ заимствований, например: *ипокрит* (лицемер), *олкарнос* (жертвоприношение плодов), *олокавтома* (жертва всесожжения), *плинт* (кирпич) [Рижский, 2007, с. 56].

Кирилло-мефодиевская школа перевела на созданный ею старославянский язык не всю Библию, а основные тексты, необходимые для богослужения. В XIV веке в Константинополе был подготовлен отредактированный славянский кодекс новозаветных книг (Чудовский Новый Завет). Однако вся Библия в славянском переводе впервые была собрана в один свод только в 1499 году в Новгороде в результате деятельности ученого кружка под руководством архиепископа Геннадия (Геннадиевская Библия). Первой печатной славянской Библией стала Острожская Библия, изданная в 1580—1581 годах на Волыни по инициативе князя Константина Острожского. В 1663 году этот текст был с незначительными поправками переиздан в Москве (Московская Библия).

В 1712 году Петр I повелел подготовить новое издание Библии на церковнославянском языке, исправив его по греческой Септуагинте. Через десять лет выправленная версия была готова, но последовал новый указ: сохранить на полях старое чтение исправленных мест, «дабы не было от неспокойных человек нарекания и к народной смуте» [Рижский, 2007, с. 151]. Эта новая директива, равно как и последовавшая вскоре смерть Петра, остановили дело издания Библии почти на 30 лет. Исправленное издание появилось только в 1751 году при Елизавете Петровне и получило название Елизаветинской Библии (этот текст сохраняется в богослужбном употреблении Русской Православной Церкви).

3. Перевод Российского библейского общества начала XIX века

Эклектизм, вызванные буквализмом темные места, труднодоступность славянской Библии и увеличивавшийся разрыв между живым русским и книжным церковнославянским языком вызвали необходимость в переводе Библии на русский общенациональный язык. Ответом на эту потребность стало учреждение в 1813 году Российского библейского общества (РБО). Первоначально Общество занималось переизданием славянской Библии и распространением ее по низкой цене, а также переводом Священного Писания на языки «малых народов» Российской империи. Однако уже в 1815 году по возвращении своем из-за границы Александр I, довольный успехами Библейского общества, передал Синоду через князя А. Н. Голицына свое желание «доставить россиянам способ читать слово Божие на природном своем российском языке» [Чистович, 2012, с. 25]. При этом русский перевод предполагался для домашнего чтения и учебных целей, богослужбное же употребление церковнославянских текстов остава-

лось неизменным. Синод поручил Комиссии духовных училищ организовать перевод силами преподавателей духовных академий, а его редактирование и издание предоставил Библейскому обществу. Комиссия составила для переводчиков и редакторов подробную инструкцию, которую можно свести к следующим основным принципам:

- избегать буквализма;
- без обоснованной необходимости не употреблять церковнославянизмов;
- в случае введения в перевод еврейских и греческих заимствований при первом их упоминании давать к ним пояснения;
- культурные реалии объяснять в примечаниях;
- соблюдать литературные жанры переводимого текста.

К 1824 году многотысячными тиражами на русском языке вышли все тексты Нового Завета, Псалтырь; был подготовлен и отпечатан (но не поступил в продажу) перевод первых восьми книг Ветхого Завета. Переводы были встречены в российском обществе высоким спросом и поддержкой, о чем свидетельствуют многочисленные восторженные отзывы со всех концов России, в том числе от архиереев Православной Церкви [Чистович, 2012, с. 30—32]. Но в 1824 году для библейского дела в России наступил «роковой перелом». Политические интриги против князя Голицына по ассоциации приняли форму враждебности к возглавлявшемуся им Библейскому обществу, а эта враждебность, в свою очередь, перешла в неприятие дела библейских переводов вообще. В результате князь Голицын был смещен со своих должностей, отпечатанный тираж Восьмикнижия сожжен и все переводы приостановлены. В 1826 году при новом императоре Николае I Библейское общество было закрыто. Остановленное на официальном уровне, дело библейских переводов было продолжено в России частными лицами.

4. Перевод протоиерея Герасима Павского

Первым автором систематического частного перевода библейских книг на русский язык можно считать протоиерея Г. Павского. На своих занятиях по еврейскому языку в Санкт-Петербургской духовной академии он разбирал со студентами ветхозаветные писания, переводил их на русский язык, сличал греческий текст с еврейским подлинником. За годы своего преподавания он перевел практически все книги Ветхого Завета. После увольнения Павского от преподавания в академии несколько студентов решили свести воедино конспекты его лекций и отпечатать их малым тиражом. Однако в 1841 году на адрес киевского, московского и петербургского митрополитов пришел анонимный донос на «нелегальное» издание.

Началось следствие, закончившееся уничтожением тиража и санкциями в отношении участников дела. Главными претензиями к переводу были:

1) неотражение христианской интерпретации ветхозаветных пророчеств (так, еврейское слово *Мессия* везде передавалось как *Помазанник*, а не *Христос*, что не давало повода воспринимать это слово как собственное имя Сына Божия);

2) употребление просторечных русских слов (например, Ис 58:1 *кричи во все горло, не умолкай*) [Чистович, 2012, с. 137];

3) критический подход переводчика к авторству и исторической датировке отдельных частей текста (Павский переставлял главы и стихи исходя из анализа их хронологии).

Павский в свою защиту подчеркивал, что его перевод «чисто филологический» и предназначался для узкого круга церковных ученых. Его труд стал первым опытом перевода ветхозаветных книг на русский язык профессиональным филологом и оказал влияние на последующих переводчиков.

5. Перевод архимандрита Макария (Глухарева)

Следующим энтузиастом библейских переводов в России стал архимандрит Макарий (Глухарев), в 1829 году отправленный в Сибирь для организации первой православной миссии на Алтае. Свой перевод он начал с ветхозаветной книги Иова, как бы продолжая труд Российского библейского общества, которое довело свой перевод именно до этой книги. В 1837 году он послал переведенную книгу в Комиссию духовных училищ, одновременно отправив письмо на имя императора (!), в котором обосновывал необходимость перевода Библии на русский язык и просил поддержки своему начинанию. То же самое два года спустя Макарий проделал с переводом книги Исаяи. Долгое время на письма архимандрита от властей ответа не приходило, но в 1841 году наконец последовало определение Святейшего Синода, порицавшее архимандрита за его активность в библейском деле и предписывавшее Макарию переводить в Алтайской миссии Священное Писание «не на русское наречие, а на язык инородцев, которым он проповедует» [Чистович, 2012, с. 233].

Как и прот. Г. Павский, архим. Макарий считал необходимым систематический перевод с одного источника, а именно с еврейского подлинника, а не смешение в переводе разных опорных текстов (еврейского, греческого, латинского и славянского, как это было в славянской Библии и в переводе Библейского общества). В русле этого же мнения он полагал, что, помимо перевода на русский язык, будет полезен и новый, «совершеннейший» славянский перевод, последовательно выполненный с греческого оригинала.

Основное лексическое различие между двумя переводами состояло в том, что Макарию было свойственно использовать славянизмы в тех местах, где Павский употреблял русские слова нейтрального или разговорного стиля, например: у Павского *баран* — у Макария *овен*, *над сводом* — *над твердью*, *и вот* — *и се*.

С текстологической точки зрения, перевод архим. Макария не был полностью самостоятельным, так как алтайский проповедник имел опору в переводе Павского и только редактировал последний. Но, по мнению Б. А. Тихомирова, в этом-то парадоксальным образом и заключается заслуга архимандрита: труд о. Макария «предстает логическим завершением переводческой работы его предшественников. Он довел до конца дело РБО и прот. Г. Павского, так что можно констатировать, что в России уже в первой половине XIX века был осуществлен полный перевод Библии на русский язык» [Тихомиров].

6. Синодальный перевод

Сразу после восшествия на престол Александра II в 1856 году Святейший Синод по инициативе митрополита Московского Филарета принял решение о возобновлении русского перевода Библии. Работа была распределена между четырьмя духовными академиями (Санкт-Петербургской, Московской, Киевской и Казанской). Основным принципом был перевод с оригинальных языков (Ветхий Завет — с еврейского, Новый Завет — с греческого) «под руководством греческой Библии», то есть Септуагинты [Чистович, 2012, с. 338]. Таким образом, как и во всех предшествующих официальных изданиях библейских книг, перевод был основан на соединении нескольких текстов в один. Этот синтез должен был, во-первых, гарантировать христианскую интерпретацию догматически важных ветхозаветных отрывков, а во-вторых, минимизировать расхождения между русской и славянской Библией.

В отношении выбора лексики и стиля от перевода требовалась верность оригиналу, идиоматичность и соответствие литературной норме языка, что было выполнено далеко не в полной мере: переводу свойственны «точность, доходящая до буквальной передачи оригинала» и «излишнее употребление слов, принадлежащих церковно-славянскому языку» [Чистович, 2012, с. 338, 334], например, *храмины из брения* вместо *дома из глины* (Иов 4:19), *лядвечи* вместо *бедра* (Иов 15:27), *сделал брение из плюновения* вместо *смешал слюну с землей* (Ин 9:6), *и се* вместо *и вот* (Мф 3:17) и т.п. Упрекая синодальный перевод в непоследовательности как в смысле текстовой эклектики, так и в смысле разнородной языковой формы, И. А. Чистович, его современник, тем не менее, признавал, что этот перевод имеет

«значение важного церковного памятника, который есть вместе и народный памятник» [Чистович, 2012, с. 334]. Первая часть перевода — Четвероевангелие — вышла в печати в 1860 году, а целая Библия в одном томе «по благословению Святейшего Синода» увидела свет в 1876 году.

7. Русские Библии в XX—XXI веке

Синодальный перевод не рассматривался его авторами и современниками как окончательный и неизменный. В 1917 году, после крушения монархии, впервые за несколько столетий был созван Поместный Собор Русской Церкви. На Соборе обсуждалась необходимость пересмотра славянского и русского переводов Библии, однако революционные события и гонения на Церковь «заморозили» библейский вопрос в России практически на все время советской власти.

Первое издание Библии в СССР состоялось только в 1956 году как перепечатка синодального перевода в новой орфографии и с незначительными исправлениями по части языка (например, в дееспричастиях отбрасывался суффикс *-ши* / *-вши*: *нашедши* — *найдя*, *увидевши* — *увидев* и т. п.). Перед выходом издания редакционная комиссия через «Журнал Московской Патриархии» объявила свои принципы: приоритет Септуагинты, близость к славянскому тексту, созвучие церковной традиции [Рижский, 2007, с. 239]. Представляется вероятным, что появление этого издания стало возможным в связи с активизацией внешних связей Русской Православной Церкви: советскому руководству нужно было продемонстрировать международному сообществу, будто бы в СССР есть свобода вероисповедания.

Примерно в это же время в Париже под руководством епископа Кассиана (Безобразова), ректора Свято-Сергиевского богословского института, готовился новый самостоятельный перевод Нового Завета на русский язык. В 1953 году вышла первая часть перевода — Евангелие от Матфея, в 1970 году — весь Новый Завет. Перевод производился с критического греческого текста Нестле–Аланда. По части языка переводчики руководствовались одновременно тремя стремлениями: до буквальности точно передать греческий текст, сохранить стиль Синодальной Библии, но при этом устранить ее устаревшие обороты, — что привело к конструкциям, порой звучащим неестественно с точки зрения живого русского языка [Селезнев, 1994, с. 102]. Несмотря на этот недостаток, текст епископа Кассиана стал первым в XX веке русским переводом Нового Завета, выполненным на основе современных научных принципов перевода Библии.

Возрождение библейского дела на территории России произошло в конце 1980-х годов в связи с социально-политическими переменами

в СССР. Предвестниками этого возрождения стали переводы отдельных книг Ветхого Завета, опубликованные в советских литературных журналах в 1970—1980-е годы как опыты переложения древневосточной поэзии. В 1990 году было воссоздано Российское библейское общество, которое, помимо переиздания синодального, славянского и др. старых переводов, организовало подготовку нового перевода Библии на современный русский язык. Однако первыми после синодального полными переводами Библии стали издания, подготовленные за границей.

В 1993 году Всемирный библейский переводческий центр в США опубликовал «Современный перевод Библии» (БВПЦ), выполненный, предположительно, не с оригинальных языков, а с английского. Это издание и предшествовавшая ему новозаветная часть (1989) получили отрицательные отзывы в научной литературе в связи с допущенными в них многочисленными ошибками и нарушениями норм русского литературного языка [Десницкий, 2015, с. 233; Селезнев, 1994, с. 103].

В 2003 году вышел в свет так называемый «центральноазиатский»¹ перевод Библии на русский язык (*Central Asian Russian Scriptures*) под названием «Священное Писание. Смысловой перевод Таурата, Книги Пророков, Забура и Инджила». Перевод позиционирует себя как небуквальный и обращен к русскоязычным жителям Средней Азии из мусульманской среды. Миссионерская направленность перевода объясняет некоторые его особенности: все имена арабизированы (*Иисус Христос — Иса Масих, Авраам — Ибрахим, Моисей — Муса, Соломон — Сулейман, Матфей — Маттай*); христианские понятия вводятся в таких формулировках, чтобы не вызвать неправильного понимания у читателя, принадлежащего исламской культурной традиции (*Сын Божий — Сын Небесного Отца*); нерелигиозные реалии передаются более общими словами (*проконсул — правитель, сотник — римский офицер, драхма — серебряная монета*) [Хухуни и др., 2017, с. 363—365].

В 2007 году свидетелями Иеговы был опубликован «Перевод Нового мира»² — русская версия английского *The New World Translation of the Holy Scriptures*. В богословски значимых местах этот перевод сознательно подстраивает библейский текст под иеговистское вероучение (в частности, отрицание божественности Христа) [Десницкий, 2015, с. 240—243]. Видимо, в качестве обоснования этого подхода Р. Фурули выдвигает тезис, что «любой перевод Библии будет так или иначе отражать богословские взгляды переводчика» [Фурули, 2011, с. 312] — однако за рамками данного

1 Используются также названия *среднеазиатский* и *восточный*.

2 В России с 2018 года включен в Федеральный список экстремистских материалов.

утверждения остается то, что предвзятость интерпретации ограничивается научным методом.

В том же 2007 году появился полный перевод Библии, подготовленный Международным библейским обществом (МБО, следует отличать от Объединенных библейских обществ). По характеру и стилю его можно сопоставить с английской *New International Version*, изданной в 1978 году той же организацией. В силу общего источника («Слово Жизни», 1991) новозаветная часть русской Библии МБО во многом совпадает с «центральноазиатским» переводом [Десницкий, 2015, с. 234, 243].

В 2011 году как результат трудов возрожденного Российского библейского общества был опубликован «Современный русский перевод» Библии в одном томе (до того по мере готовности в печати выходили отдельные библейские книги). В предисловии издатели сообщают, что текст стремится передать не словесную форму, а смысл и стилистическое многообразие оригинала, и «предназначен прежде всего для миссионерских, учебных и духовно-просветительских целей» [БРБО, с. 7]. Его новозаветная часть, подготовленная В. Н. Кузнецовой и впервые полностью изданная в 2001 году под названием «Радостная Весть» (РВ), вызвала полемику своих критиков и сторонников в связи с использованием сниженной лексики (*дурак, брюхо, проститутка*) и заменой устоявшихся церковных терминов более общими синонимами (*благодать — доброта, крещение — омовение, каяться — обратиться к Богу*), что обосновывалось стремлением освободить восприятие читателя от привычных ассоциаций, которые эти слова имеют в современном языке. Хотя схожие черты характерны для БВПЦ, «центральноазиатского» перевода и частично Библии МБО, они не привели к подобной общественной дискуссии. Повышенное внимание к современному переводу РВО, надо полагать, связано с осознанием его исторического значения как второго после синодального, выполненного собственно в России.

В 2015 году вышел в свет еще один полный перевод Библии на русский язык под редакцией М. П. Кулакова и — после смерти последнего — его сына М. М. Кулакова, выполненный на базе духовной академии адвентистов в Заокском. В основу работы был положен принцип: переводить «буквально, насколько возможно, и свободно, насколько необходимо» [ЗБ, с. 7]. В отличие от многих современных переводов, «Заокская Библия» использует курсив для выделения слов, не имеющих точного соответствия в оригинале. Данная особенность, видимо, связана с желанием продемонстрировать детали исходного текста, что, однако, не всегда свободно от конфессиональной трактовки [Десницкий, 2015, с. 253].

8. Сопоставительное исследование

Предыдущие исследования позволили выделить такие лексические аспекты перевода священных текстов, как адаптивность (приспособление к культуре целевой аудитории), терминологичность (использование устоявшихся богословских терминов), стиль (употребление архаизмов или, наоборот, просторечия) и буквальность (дословная передача языковых форм оригинала) [Казаков, 2016, с. 35—37]. Ниже названные параметры применяются для сопоставления отрывков основных русских переводов Библии. Полученный таким образом материал можно представить в следующем виде (табл. 1).

Как можно видеть, в Мф 18:24 все рассматриваемые тексты, кроме ЦП, переводят античную единицу измерения (греч. *μυρίων τάλαντων*) неадаптивно как *десять тысяч талантов*; БРБО добавляет уточнение — *серебра* (видимо, чтобы подчеркнуть здесь денежное значение слова *талант*), а ЦП использует обобщенное описание *огромная сумма*. В Мк 14:5 греч. *δηναρίων τριακοσίων* СП, ПКБ, БМБО, БРБО и ЗБ передают как *триста динариев*, тогда как в ЦП мы видим *серебряные монеты* (генерализация). Интересно, что в не рассматриваемой здесь отдельно РВ в обоих местах также значатся *серебряные монеты* — *много миллионов* (талант) и *триста с лишним* соответственно — но в БРБО эти отрывки вошли в отредактированном неадаптивном виде.

Деян 14:23 позволяет сравнить перевод трех терминологических элементов. Переводя греч. *χειροτονήσαντες*, СП в духе церковной традиции говорит о *рукоположении* местной иерархии, ПКБ — о *поставлении*, ЦП, БМБО и БРБО — о *назначении*, а ЗБ — об *избрании*. Относительно слова *πρεσβυτέρος* СП, ПКБ и ЗБ сохраняют термин *пресвитеры*, тогда как в других переводах используются более общие слова *старейшины* (ЦП и БРБО) и *старшие* (БМБО). Греч. *ἐκκλησίαν* СП, ПКБ, БМБО и ЗБ передают как *церковь*, БРБО — как *община*, ЦП — как *община верующих*. В 1 Тим. 3:2, 8 термин *епископ* (в греч. тексте стоит форма *ἐπίσκοπον*) используют только СП и ПКБ; более современные переводы обобщенно говорят о *руководителе* (БРБО — о *руководителе церкви*), а ЗБ (может быть, отражая конфессиональные взгляды редакторов) предлагает функциональное описание *совершающий пастырское служение*. Греч. *διακόνους* как *диаконов* переводят СП, ПКБ и БМБО; «смысловые» ЦП и БРБО называют их *помощниками*, а ЗБ вновь обобщенно-описательно *другими служителями церкви*. Примечательно, что в отрывке из Деян БРБО говорит об *общине*, а в 1 Тим — о *церкви*, а также что БМБО обходится без *епископов* и *пресвитеров*, но сохраняет *диаконов*.

Таблица 1

Материал исследования: сопоставление отрывков русских переводов Библии¹

	Синодальный перевод (СП)	Перевод еп. Кассиана Безобразова (ШКБ)	Центрально-азиатский перевод (ЦАП)	Библия в переводе МБО (БМБО)	Библия в современном переводе РБО (БРБО)	Заокская Библия (ЗБ)
Мф 18:24	... когда начал он считать, приведен был к нему некто, который должен был ему десять тысяч талантов	... когда же начал он считаться, приведен был к нему один, который должен был десять тысяч талантов	Когда царь начал расчёт, то первым к нему привели того, кто был должен ему огромную сумму	Когда царь начал расчёт, то первым к нему привели того, кто был должен ему десять тысяч талантов	Когда начались денежные расчеты, к нему привели одного человека, который был должен ему десять тысяч талантов серебра	Когда занялся он этим, привели к нему того, кто должен был ему десять тысяч талантов
Мк 14:5	Ибо можно было бы про-дать его более нежели за триста динариев и раздать нищим	Ведь мирю это можно было бы продать больше чем за триста динариев и дать нищим	Ведь его можно было продать больше чем за триста серебряных монет , а деньги раздать нищим	Ведь его можно было про-дать больше чем за триста динариев , а деньги раз-дать нищим	Ведь эти благово-ния можно было продать за триста с лишним динариев , а деньги раз-дать бедным!	Благовоние это можно было бы продать за триста с лишним динариев и раз-дать <i>эти деньги</i> нищим
Деян 14:23	Руководили же им пресвитеры к каждой церкви , они помолились с постом	И поставив им в каждой церкви пресвитеров , они, по-молившись с постом, предали их Господу, в Которого уверовали	Павел и Варнава в каждой общине верующих назначили по несколько старейшин и,	Павел и Варнава в каждой церкви назначили старших и, помолив-шись с постом,	В каждой общине они назначали старейшин , воз-лагая на них руки и, после молитвы и поста, поручали	И, избрав им пресвитеров в каждой церк-ви , с молитвой и постом поручи-ли их <i>заботе</i>

¹ Текст приводится по данным интернет-сайтов <https://bible.by> и <https://bibleonline.ru>. Выделение полужирным шрифтом наше. — Г. К.

	и передали их Господу, в Которого уверовали	И поставив им в каждой церкви пресвитеров, они, помолвившись с постом, передали их Господу, в Которого уверовали	помолвившись с постом, поручили их заботе Повелителя Исы, в Которого те поверили	передали их Господу, в Которого они уверовали	Господу, в которого те уверовали	Господа, в Которого те уверовали
1 Тим 3:2, 8	Но епископ должен быть безупречен... Диаконы также должны быть честными...	Епископ же должен быть безупречен... Нужно, чтобы диаконы были также с достоинством...	Но руководителем должен быть человек, которого не за что осудить... То же самое касается и мощников руководителей. Они должны уважаться людьми...	Но руководителем должен быть человек, которого не за что осудить... То же самое касается и диаконов. Они должны быть уважаемыми людьми...	Итак, руководителем церкви должен быть человек безупречной жизни... Его помощники тоже должны быть людьми достойные...	Но совершающий пастьерское служение должен быть человеком безупречной жизни... И другие служители церкви тоже должны быть людьми достойными...
Мф 5:3, 6	Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное... Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся	Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное... Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они будут насыщены	Благословенны те, кто осознаёт свою нужду во Всевышнем, потому что они подданные Царства Всевышнего... Благословенны те, кто ощущает голод и жажду по праведности, потому что они насытятся	Блаженны нищие духом, потому что им принадлежит Царство Небесное... Блаженны те, кто ощущает голод и жажду по праведности, потому что они насытятся	Блаженные нищие духом! Царство Небесное — для них... Блаженны те, что жаждут исполнения воли Господней! Жажду их Бог утолит	Блаженны нищетою духа своего томимые, ибо их есть Царство Небесное... Блаженны алчущие, жаждущие правды, ибо они насытятся

Ин 9:6	Сказав это, Он плонул на землю, сделал смесь из слюны и помазал брением глаза слепому	Сказав это, Иса плонул на землю, сместал слюну с землей и помазал ею глаза слепому	Сказав это, Иисус плонул на землю, сместал слюну с землей , помазал ему глаза этой грязью...	После этих слов Иисус сместал слюну с землей слюну Свою и, помазав этим глаза слепому...
Мф 16:17	Тогда Иисус сказал ему в ответ : блажен ты, Симон, сын Ионы, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах	Тогда Иса сказал : — Счастливы ты, Шимон, сын Ионы, потому что это было открыто тебе не людьми , а Моим Небесным Отцом	Ты счастливый человек, Симон, сын Ионы, — сказал Он, — потому что тебе открыли это не люди , а Мой Небесный Отец	Блажен ты, Симон, сын Ионы, — сказал ему Иисус. — Ведь не разум человеческий открыл тебе это, но Отец Мой Небесный
Рим 12:20	Итак, если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его; ибо, делая это, ты собираешь горящие уголья на голову его .	Напротив: «Если враг твой голоден — накорми его, если он хочет пить — дай ему напиться. Поступая так, ты устыдишь его, и он будет стограть со стыда »	Наоборот, «если твой враг голоден, накорми его, жаждет — напой его. Этим ты заставишь его гореть со стыда »	И более того: «Если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его; поступая так, собираешь уголи соберешь ты ему на голову»

В Мф 5:3, 6 большинство переводов используют возвышенное слово *блаженны*, ЦП — несколько менее архаичное *благословенны* (для сравнения в РВ — *как счастливы*). Известное выражение о *нищих духом* передано в этой традиционной форме в СП, ПКБ, БМБО и БРБО; ЗБ вводит некоторую детализацию *нищетою духа своего томимые*. ЦП предлагает свою собственную трактовку: *те, кто осознает свою нужду во Всевышнем*. Четвертая заповедь блаженства повествует в возвышенном стиле об *алчущих и жаждущих правды* в СП, ПКБ и ЗБ (последняя заменяет *правду* на *праведность*). ЦП и БМБО передают это с помощью нейтральной лексики: *те, кто ощущает голод и жажду по праведности*. БРБО формулирует свое понимание данного стиха: *те, что жаждут исполнения воли Господней*. В отличие от торжественного характера отрывка из Нагорной проповеди, в Ин 9:6 описывается приземленное действие, которое СП передает свойственным только ему образом: *сделал брение из плюновения*. В остальных переводах мы видим нейтральные выражения *сместал слюну с землей* (ЗБ добавляет *Свою*) и *сделал смесь из слюны* (ПКБ).

В Мф 16:17 содержится избыточная греческая конструкция *ἀποκρίθεις... εἶπεν* (букв. *отвечая сказал*). СП сохраняет оба компонента (*сказал ему в ответ*), ПКБ использует один глагол *ответил*, остальные переводы — *сказал*. Библейское словосочетание *плоть и кровь* используется буквально только в СП и ПКБ, в то время как ЦП, БМБО и БРБО неидиоматически заменяют его на обычных *людей*, а ЗБ предлагает свой вариант *разум человеческий*. В Рим 12:20 фразеологизм о *горящих углях* буквально передан в СП, ПКБ, БМБО и ЗБ (в первых двух — с формой множ. числа *уголья*). ЦП и БРБО в том же месте используют смысловой перевод *устыдить, заставить гореть со стыда*.

Подсчет количества описанных выше проявлений адаптивности, терминологичности, более высокого стиля и буквальности в рассмотренных отрывках позволяет представить результаты сопоставления текстов по лексическим аспектам в следующем графическом виде (табл. 2). Расположение ячеек слева направо означает увеличение указанного признака.

Таблица 2

Результаты исследования: градация русских переводов Библии по лексическим параметрам

Менее адаптивные	СП, ПКБ, БМБО, ЗБ		БРБО		ЦП		Более адаптивные	
Менее терминологичные	ЦП, БРБО		БМБО, ЗБ			ПКБ	СП	Более терминологичные

<i>Менее высокий стиль</i>	ЦП	БМБО, БРБО	ПКБ, ЗБ	СП	<i>Более высокий стиль</i>
<i>Менее буквальные</i>	ЦП, БРБО	БМБО, ЗБ	ПКБ	СП	<i>Более буквальные</i>

9. Выводы

По результатам проведенного исследования представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Лексические аспекты играли существенную роль в восприятии текста на протяжении всей истории русских переводов Библии, хотя основным фактором их оценки была богословская интерпретация переводческих решений.

2. Сопоставление образцов основных русских переводов подтверждает ранее обнаруженную на английском материале закономерность, согласно которой существует обратная взаимосвязь между адаптивностью, с одной стороны, и терминологичностью, высоким стилем и буквальностью, с другой [Казаков, 2019, с. 623].

3. По лексическим характеристикам наиболее различны между собой синодальный и «центральноазиатский» переводы, что, вероятно, объясняется их ориентированностью на церковную традицию и миссионерские цели соответственно. При этом к синодальному тексту тяготеет перевод епископа Кассиана, а к «центральноазиатскому» — современный перевод Российского библейского общества.

4. В рассмотренных примерах Новый Завет епископа Кассиана практически полностью совпадает в лексическом выборе с синодальным переводом, что подтверждает представление о ПКБ как о ревизии СП, несмотря на то, что ПКБ был выполнен с другого текста-источника [Десницкий, 2015, с. 232].

5. Перевод Международного библейского общества и «Заокская Библия» занимают на лексической шкале промежуточное положение, что, видимо, связано с компромиссным подходом, избранным их редакторами при работе с текстом. В отношении Библии МБО это подтверждает параллель с английской *New International Version*, также находящейся где-то посередине между традиционной Библией короля Иакова и вольно-смысловой *Good New Bible*.

6. Отдельные наблюдения над редакционными правками, внесенными в «Радостную Весть» при включении ее в состав Библии РБО, позволяют предположить, что последующие издания этого перевода будут двигаться в сторону центра в библейском спектре (впрочем, этот вопрос заслуживает отдельного исследования).

Дальнейшее изучение русских переводов Библии, в особенности новейших, могло бы пойти по пути сопоставления большего числа отрывков (в частности, из Ветхого Завета) и большего числа переводов по указанным и другим параметрам в соотношении с целями и богословскими предпосылками переводчиков. Открытыми также остаются вопросы о текстовом источнике и редакционной истории некоторых переводов. Данное направление представляется перспективной областью исследований, которая может не только ввести в научный оборот новые данные, но и послужить развитию религиозного взаимопонимания в современном обществе.

Источники и принятые сокращения

1. БВПЦ — *Библия* Всемирного библейского переводческого центра [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://bible.by/wbtc> (дата обращения: 21.04.2021).
2. БМБО — *Библия* Международного библейского общества [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://bible.by/nrt> (дата обращения: 21.04.2021).
3. БРБО — *Библия* Российского библейского общества — Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета : канонические. — Москва : Российское библейское общество, 2011. — 1407 с.
4. ЗБ — *Заокская Библия* — Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в современном русском переводе / под ред. М. П. Кулакова, М. М. Кулакова. — Москва : Библейско-богословский институт, 2018. — 1856 с.
5. ПКБ — *Перевод* епископа Кассиана (Безобразова) — Новый Завет на греческом и русском языках. — Москва : Российское библейское общество, 2002. — 797 с.
6. РВ — *Радостная Весть* : Новый Завет в переводе с древнегреческого. — Москва : Российское библейское общество, 2009. — 608 с.
7. СП — *Синодальный перевод* — Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета : канонические. — Москва : Российское библейское общество, 2001. — 1233 с.
8. ЦП — *Центральноазиатский перевод* — Священное Писание. Восточный перевод [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://bibleonline.ru/bible/cars> (дата обращения: 21.04.2021).

ЛИТЕРАТУРА

1. Десницкий А. Современный библейский перевод: теория и методология / А. Десницкий. — Москва : Издательство ПСТГУ, 2015. — 432 с.
2. Казаков Г. А. Лексические аспекты английских переводов Библии / Г. А. Казаков // Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах. — Москва : Гнозис, 2019. — С. 614—624.
3. Казаков Г. А. Сакральная лексика в системе языка / Г. А. Казаков. — Москва : Книжный дом Университет, 2016. — 142 с.
4. Рижский М. И. Русская библия : история переводов библии в России / М. И. Рижский. — Санкт-Петербург : Авалон : Азбука-классика, 2007. — 256 с.
5. Селезнев М. Г. Альтернативы Синодальному переводу? / М. Г. Селезнев // Мир Библии. — 1994. — № 1 (2). — С. 102—104.

6. Тихомиров Б. А. К истории отечественной Библии [Электронный ресурс] / Б. А. Тихомиров. — Режим доступа: <https://biblia.ru/AboutBible/TranslationsInRussia/art201403.html> (дата обращения: 04.02.2021).
7. Фурули Р. Как богословие и предвзятость влияют на перевод Библии / Р. Фурули. — Москва : Библист, 2011. — 343 с.
8. Хухуни Г. Т. Библейский перевод и проблема транскulturации: репрезентация реалий для исламской аудитории / Г. Т. Хухуни, И. И. Валуйцева, А. А. Осипова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. — 2017. — Т. 14, № 3. — С. 359—368. — DOI: 10.22363/23128011-2017-14-3-359-368.
9. Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык / И. А. Чистович. — Москва : Либроком, 2011. — 347 с.
10. McArthur T. The Oxford Companion to the English Language / T. McArthur (ed.). — New York : Oxford University Press, 1992. — 1184 p.

MATERIAL RESOURCES

- BMBO — *Bible of the International Bible Society*. Available at: <https://bible.by/nrt> (accessed: 21.04.2021). (In Russ.).
- BRBO — *Bible of the Russian Bible Society — Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments: canonical*. (2011). Moscow: Russian Bible Society. 1407 p. (In Russ.).
- BVPC — *Bible of the World Bible Translation Center*. Available at: <https://bible.by/wbtc> (accessed: 21.04.2021). (In Russ.).
- CP — *Central Asian translation — Holy Scripture. Eastern translation*. Available at: <https://bibleonline.ru/bible/cars> (accessed: 21.04.2021). (In Russ.).
- PCB — *Translation of Bishop Cassian (Bezobrazov) — New Testament in Greek and Russian*. (2002). Moscow: Russian Bible Society. 797 p. (In Russ.).
- RV — *Good News: New Testament translated from ancient Greek*. (2009). Moscow: Russian Bible Society. 608 p. (In Russ.).
- SP — *Synodal translation — Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments: canonical*. (2001). Moscow: Russian Bible Society. 1233 p. (In Russ.).
- ZB — *Zaoksky Bible — Kulakov, M. P., Kulakov, M. M. (eds.). Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments in modern Russian translation*. Moscow: Bible-Theological Institute. 1856 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Chistovich, I. A. (2011). *History of translation of the Bible into Russian*. Moscow: Librokom. 347 p. (In Russ.).
- Desnitsky, A. (2015). *Modern biblical translation: theory and methodology*. Moscow: Publishing house PSTGU. 432 p. (In Russ.).
- Furuli, R. (2011). *How theology and bias affect the translation of the Bible*. Moscow: Bibleist. 343 p. (In Russ.).
- Kazakov, G. A. (2016). *Sacred lexicon in the system of language*. Moscow: University Book House. 142 p. (In Russ.).

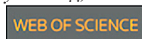

- Kazakov, G. A. (2019). Lexical aspects of English Bible translations. In: *Logical analysis of language. The concept of faith in different languages and cultures*. Moscow: Gnosis. 614—624. (In Russ.).
- Khukhuni, G. T., Valuytseva, I. I., Osipova, A. A. (2017). Biblical translation and the problem of transculturation: representation of realities for an Islamic audience. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Educational issues: languages and specialties*, 14/3: 359—368. DOI: 10.22363/23128011-2017-14-3-359-368. (In Russ.).
- McArthur, T. (ed.). (1992). *The Oxford Companion to the English Language*. New York: Oxford University Press. 1184 p.
- Rizhsky, M. I. (2007). *Russian Bible: the history of Bible translations in Russia*. St. Petersburg: Avalon: Azbuka-classic. 256 p. (In Russ.).
- Seleznev, M. G. (1994). Alternatives to the Synodal Translation? *World of the Bible*, 1 (2): 102—104. (In Russ.).
- Tikhomirov, B. A. *On the history of the Russian Bible*. Available at: <https://biblia.ru/About-Bible/TranslationsInRussia/art201403.html> (accessed: 04.02.2021). (In Russ.).

Конева Н. В. Текстовая скрепа *кроме того* : контекстные модификации / Н. В. Конева, Е. А. Стародумова // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 78—91. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-78-91.

Koneva, N. V., Starodumova, E. A. (2021). Textual Bond 'krome toga' [moreover]: Contextual Modifications. *Nauchnyi dialog*, 6: 78-91. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-78-91. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-78-91

Текстовая скрепа *кроме того*: контекстные модификации

Конева Наталья Владимировна ¹
orcid.org/0000-0002-4391-1264
руководитель центра тестирования
иностранных граждан института
иностранных языков
natakas2010@gmail.com

Стародумова Елена Алексеевна ²
orcid.org/0000-0002-5891-8805
доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка и литературы
starodumova@list.ru

¹ Владивостокский государственный
университет экономики и сервиса
(Владивосток, Россия)

² Дальневосточный
федеральный университет
(Владивосток, Россия)

Textual Bond 'krome toga' [moreover]: Contextual Modifications

Natalia V. Koneva ¹
orcid.org/0000-0002-4391-1264
Head of the Center
for Testing Foreign Citizens,
the Institute of Foreign Languages
natakas2010@gmail.com

Elena A. Starodumova ²
orcid.org/0000-0002-5891-8805
Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian
Language and Literature
starodumova@list.ru

¹ Vladivostok State University
of Economics and Service
(Vladivostok, Russia)

² Far Eastern Federal University
(Vladivostok, Russia)

© Конева Н. В., Стародумова Е. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается служебная единица *кроме того* с точки зрения функционирования в тексте. Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, включенностью исследования в изучение лингвистики текста и языковых единиц, выполняющих функции средств связи в тексте, с другой стороны — недостаточностью специальных описаний текстовых скреп в исследовательских и лексикографических источниках. Новизна исследования видится в том, что предпринята попытка описать общие закономерности функционирования скрепы *кроме того* в тексте, выявлены характерные контексты. Анализируется описание данного слова в научной литературе и лексикографии. В ходе анализа выявлено, что единица *кроме того* функционирует в роли текстовой скрепы со значением присоединения. Всего установлено 5 контекстных модификаций. Три модификации связаны со степенью значимости информации в присоединяемом комментарии. Еще две модификации относятся к текстоформирующей функции, выполняемой скрепой *кроме того*. Для выявления особенностей функционирования изучаемой скрепы проанализированы примеры её употребления в различных публицистических и художественных текстах.

Ключевые слова:

текстовая скрепа; кроме того; контекстные модификации; текст; контекст; присоединение.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The service unit *moreover* is considered from the point of view of functioning in the text. The relevance of the study is due, on the one hand, to the inclusion of the research in the study of the linguistics of the text and linguistic units that serve as means of communication in the text, on the other hand, to the lack of special descriptions of text clips in research and lexicographic sources. The novelty of the research is seen in the fact that an attempt was made to describe the general regularities of the functioning of the bond *moreover* in the text, characteristic contexts were identified. The description of this word in scientific literature and lexicography is analyzed. In the course of the analysis, it was revealed that the unit also functions as a text bond with the value of attachment. A total of 5 contextual modifications have been established. Three modifications are related to the degree of significance of the information in the attached comment. Two more modifications relate to the text-forming function, which is performed by the bond *moreover*. To identify the features of the functioning of the studied bond, examples of its use in various journalistic and literary texts were analyzed.

Key words:

textual bond; moreover; contextual modifications; text; context; addition.

Текстовая скрепа *кроме того*: контекстные модификации

© Конева Н. В., Стародумова Е. А., 2021

1. Введение

Изучение внутритекстовых связей и их имплицитных и эксплицитных показателей в течение достаточно долгого времени остается одним из актуальных направлений лингвистики текста. В данной работе речь пойдет об одном из средств межфразовой связи — текстовой скрепе *кроме того*. Существует широкое и узкое понимание термина *текстовая скрепа*. В широком значении термин *скрепа* встречается в трудах Т. А. Колосовой и М. И. Черемисиной, которые используют его для обозначения средства связи частей предложения и частей текста [Черемисина и др., 1987]. Термин *текстовая скрепа* получил распространение благодаря трудам А. Ф. Прияткиной, которая употребляет его для обозначения лексико-фразеологических единиц, служащих средством текстовой связи и выражающих отношения между высказываниями внутри абзаца, между частями текста, оформленными в виде абзаца, или соотносящих между собой другие части текста независимо от их размера [Прияткина, 2007а, 2007б]. В нашей работе мы вслед за А. Ф. Прияткиной и другими исследователями Дальневосточной синтаксической школы [Тюрин, 2016; Откидыч, 2017; Пилюгина, 2019] будем использовать термин *скрепа* в узком понимании.

По нашему мнению, языковая единица *кроме того* соответствует признакам текстовой скрепы: она выражает отношения между частями текста, может занимать позицию в начале или середине высказывания, употребляться как изолированно, так и в сочетании с другими служебными единицами.

Цель данной статьи — установить общие закономерности функционирования скрепы *кроме того*. В качестве источника материала использовался Национальный корпус русского языка (далее — НКРЯ).

2. *Кроме того* в лексикографических источниках и исследовательской литературе

Единица *кроме того* не представлена в толковых словарях как отдельная вокабула, но отмечена в качестве устойчивого сочетания в словарных статьях вокабулы *кроме*. В ряде словарей современного русского языка *кроме того* квалифицируется как вводное словосочетание в значении ‘к тому же’ [Ожегов и др., 2006, с. 308; БТС, с. 472; СлРЯ, т. 2, с. 134;

Ефремова, 2000]. В специальном словаре Р. П. Рогожниковой «Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову» *кроме того* описывается в роли вводного слова, которое «употребляется для выделения дополнительного сообщения» [ТССЭС, 2003, с. 200].

В «Русской грамматике» 1980 года скрепа *кроме того* отмечена как одно из средств выражения факультативно-комментирующих отношений. *Кроме того* «модифицирует соединительное значение в соответствии со своей лексической семантикой. Сообщаемое во второй части подается в виде примечания к сказанному, служит уточняющим пояснением или поправкой к предшествующей части» [Русская грамматика, 1980, т. 2, с. 631—632]. Приводится пример: *Кожа акулы очень ценится... для полировки дерева; кроме того, ей обивают разные вещи (Гонч.)* [Там же].

С точки зрения семантики единица *кроме того* рассматривается в работе М. В. Ляпон «Смысловая структура сложного предложения и текст: к типологии внутритекстовых отношений». Исследуя реляционные связи в сложном предложении и тексте, М. В. Ляпон относит *кроме того* к группе реляционных средств, обслуживающих отношения присоединения (такие как комментирование, аргументация, разъяснение, пояснение, конкретизация). *Кроме того* рассматривается ею как вводная единица, которая приспособляется к выполнению союзной функции и выступает как модификатор «и-отношения». При этом отмечается, что «в рамках сообщения, включающего реляционную единицу этого профиля, информация распределяется таким образом, что вторая часть предстает как уточняющая поправка, факультативное примечание к предшествующей части» [Ляпон, 1986, с. 55].

В Новом объяснительном словаре синонимов русского языка (НОС-СРЯ) устанавливаются более тонкие различия в употреблении *кроме того*. Авторы указывают, что вводный оборот *кроме того* выражает идею добавления и используется в том случае, когда говорящий сначала сообщает о существовании некоторого объекта или ситуации, а затем о существовании еще одного объекта или ситуации. При этом говорящий оценивает основную ситуацию (объект) как нечто значительное, а основную и дополнительную ситуацию (объекты) вместе как нечто еще более значительное [НОССРЯ, 2003, с. 496—500]. Отмечается, что лексема *кроме того* может встречаться и в нейтральных контекстах, которые лишены оценки. В этом случае *кроме того* сближается по функции с метатекстовыми словами и может употребляться с ними для структурирования высказываний [Там же, с. 498]. Это же свойство конструкции *кроме того* описано в монографии Н. П. Перфильевой «Метатекст в аспекте текстовых категорий» [Перфильева, 2006]. Автор квалифицирует *кроме того* как метапоказатель

очередности [Там же, с. 168—169] и отмечает, что с помощью метапоказателя *кроме того* вводится дополнительная, менее значимая по коммуникативной важности информация [Там же, с. 226].

3. Контекстные модификации текстовой скрепы *кроме того*

Нами предпринята попытка выявить общие закономерности функционирования скрепы *кроме того*. В качестве основного значения единицы *кроме того* мы берем «идею добавления», которую выражают все слова, стоящие в одном синонимическом ряду с *кроме того* — *к тому же, сверх того, вдобавок, в придачу* [НОССРЯ, 2003, с. 496]. Мы проанализировали различные контексты употребления скрепы *кроме того* и выявили следующие модификации.

3.1. Комментарий, содержащий дополнительную информацию, менее значимую, чем информация в предтексте.

В лексикографических и исследовательских источниках отмечается, что комментарий, вводимый *кроме того*, обычно носит характер дополнения к сообщению, находящемуся в левом контексте, или усиления более значимого с точки зрения говорящего. Наиболее частотными являются случаи, когда информация, присоединяемая *кроме того*, менее значима, чем информация, содержащаяся в предтексте. Они и были выделены нами в первую группу.

Рассмотрим примеры:

... Жили они всегда бедно. Аня работала по торговой части, однако на таких мизерных должностях, которые позволяли только достать, а не украсть. Павел платил алименты на Таньку и старался больше времени проводить в разъездах, потому что в этом случае к его окладу приплюсовывались командировочные или полевые. **Кроме того**, когда его отряд выполнял топографические изыскания по договорам с колхозами — как правило, проектировку ирригационных осушительных каналов — он всегда мог столкнуться с председателем насчёт того, чтобы купить по себестоимости оковалок мяса или пару мешков картошки (Андрей Волос. Недвижимость, 2000) [НКРЯ].

С помощью скрепы *кроме того* говорящий вводит дополнительную информацию, при этом высказывания правого и левого контекста не противоречат друг другу и относятся к одному субъекту действия (Павел) и одной микротеме (плохое материальное положение героев). Следует отметить, что информация, представленная в правом контексте, менее значительна, чем та, что представлена в левом. В предтексте сообщается о способе дополнительного заработка, к которому вынужден прибегать герой

повествования. В правом контексте вводится дополнительный комментарий, рассказывающий об имеющемся у него способе экономии денежных средств.

Особенно показательны контексты, где автор сам дополнительно указывает на незначительность комментария. Рассмотрим следующие примеры:

*Что могу сказать? Ходим уже два года. Результаты видны даже мне «на глаз» — раньше левое плечо было значительно ниже правого, теперь спинка гораздо ровнее. **Кроме того**, занятия лечебной гимнастикой позволили девочке весьма подтянуться (ну, там, пузико, талия) — **но это уже «побочный эффект»**. Конечно, всё это отнимает массу времени, но заниматься этим надо, тем более, что у вас вторая степень (Наши дети: Подростки, 2004) [НКРЯ].*

Автор текста дает нам указание на то, что информация, присоединяемая *кроме того*, второстепенна: в посттексте он сопровождает это сообщение комментарием: *...но это уже побочный эффект*.

*Трое оказавших вооруженное сопротивление (у них было несколько плохих револьверов против вооруженных винтовками солдат) были в Якутске повешены, а несколько человек, в том числе и Михаил Гоц, приговорены к бессрочной каторге (он, **кроме того**, еще был ранен пулей, прострелившей ему легкое). Позднее, отбыв несколько лет каторги и сибирской ссылки, Михаил Гоц вернулся в Россию и как раз теперь, т. е. в 1900 году, выехал за границу. (В. М. Зензинов. Пережитое, 1953) [НКРЯ].*

В данном примере комментарий, содержащий дополнительную информацию, оформлен в виде вставки, что уже свидетельствует о том, что сообщаемое имеет второстепенное значение.

3.2. Комментарий, присоединяющий дополнительную информацию, равную по значимости информации в предтексте.

Здесь мы выделяем две подгруппы.

3.2.1. К первой относятся случаи, когда говорящий сначала характеризует объект или ситуацию, а затем добавляет еще одну характеристику. При этом информация, содержащаяся в левом и правом контекстах, одинаково значительна, а вместе два контекста создают полную картину. Рассмотрим примеры:

Всё было как следует, как в небольшом по размерам, но богатом театре. Имелась сцена, задёрнутая бархатным занавесом, по темно-вишневому фону усеянным, как звёздочками, изображениями золотых увеличенных десятков, суфлёрская будка и даже публика. Удивило Никанора Ивановича то, что вся эта публика была одного пола — мужского, и вся

почему-то с бородами. *Кроме того*, поражало, что в театральном зале не было стульев, и вся публика сидела на полу, великолепно натертом и скользком (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1929—1940) [НКРЯ].

Говорящий характеризует ситуацию, а именно указывает на причину удивления. *Кроме того* вводит дополнительную причину. При этом и первая, и вторая причины одинаково значительны, а их совокупность подчеркивает степень значительности. То, что эти причины являются равными по значимости, подтверждает, во-первых, использование синонимов *удивлять* и *поражать* (согласно толковым словарям Д. Н. Ушакова и С. И. Ожегова, *поражать* — ‘сильно удивлять’) [Ожегов и др., 2006, с. 564; Ушаков, т. 3, стб. 601], а во-вторых, возможное изменение порядка следования этих причин без потери смысла.

3.2.2. Еще один случай, когда *кроме того* присоединяет информацию (событие, аргумент), равную по значимости содержащейся в предтексте, — это перечисление. Рассмотрим следующий пример:

18 июля 1968 года Роберт Нойс и Гордон Мур покинули компанию Fairchild Semiconductor и основали новую, названную NM Electronics. Каждый из них вложил в предприятие по 245 тыс. долл., *кроме того*, 10 тыс. долл. было получено от венчурного капиталиста Артура Рока и ещё 2,5 млн было привлечено им в качестве долговых обязательств. Позже эта компания стала называться Intel, выкупив торговую марку у Intelco за 15 тыс. долл. (В эти дни // Computerworld, 2004) [НКРЯ].

В этом фрагменте текста перечислены финансовые составляющие создания компании. На наш взгляд, при перечислении денежных сумм логичнее было бы выстроить их в порядке уменьшения или увеличения, но сумма, обозначенная в сообщении, присоединяемом с помощью *кроме того*, значительно ниже той, что указана в предтексте. А далее с помощью *и еще* присоединяется следующая составляющая, и указанная в ней сумма намного превышает названные ранее. Таким образом, здесь при перечислении не использовался принцип от большего к меньшему или наоборот, из чего следует, что все элементы этого списка одинаково значимы для говорящего.

3.3. Комментарий, присоединяющий информацию, более важную, чем в предтексте.

Скрепка *кроме того* может присоединять комментарий, содержащий информацию, более важную или интересную с точки зрения говорящего. Здесь мы выделили три подгруппы.

3.3.1. Чаще всего такой комментарий присоединяется с дополнительными показателями аргументации (частицами *ведь*, *ещё*):

Покурили. Посмотрели друг на друга.

— *Вы мужественный человек, господин Гарднер, — похвалил карлик.*

— *Я, кроме того, ещё и справедливый человек, — напомнил Гарднер. И тут карлик уже ничего не ответил, только подвинул к себе лист рапорта.* (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, 1943—1958) [НКРЯ].

В этом диалоге добавление выражается с помощью сочетания *ещё и*. Именно частица *ещё* используется говорящим для добавления признака к ранее названному [Словарь служебных слов, 2001, с. 20]. А *кроме того* делает акцент на добавочном комментарии и приобретает в этом случае значение «обратите внимание».

Отметим также, что в этом примере *кроме того* смещено внутрь предложения. Это обусловлено актуальным членением и позволяет сделать акцент на субъекте действия.

Но, дорогой мой сосед, вся шутка заключалась в том, что страх владел каждой клеточкой моего тела. И так же точно, как собаки, я боялся и трамвая. Да, хуже моей болезни нет, уверяю вас.

— *Но вы же могли дать знать ей, — сказал Иван, сочувствуя бедному больному, — кроме того, ведь у неё же ваши деньги? Ведь она их, конечно, сохранила?*

Не сомневайтесь в этом, конечно, сохранила. Но вы, очевидно, не понимаете меня? (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1929—1940) [НКРЯ].

В этом примере с помощью *кроме того* говорящий вводит дополнительную причину. При этом причина, содержащаяся в этом комментарии, представляется говорящему более значительной, что подчеркивается частицей *ведь*, которая усиливает дополнительное значение аргументации. В толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой указано, что *ведь* используется с целью подчеркнуть сказанное, «противопоставляя это чему-нибудь другому как мотив, как известное, очевидное или как более целесообразное» [Ожегов и др., 2006, с. 71].

3.3.2. Актуализирующий комментарий

В работе Е. В. Откидыч под *актуализирующим комментарием* понимается «такой комментарий, который акцентирует внимание адресата высказывания на какой-либо информации, кажущейся важной или интересной говорящему» [Откидыч, 2017, с. 63]. По нашим наблюдениям, скрепа *кроме того*, так же как и скрепа *кстати*, исследуемая Е. В. Откидыч, чаще всего присоединяет такой комментарий при совместном употреблении с частицей *именно*, которая дополнительно акцентирует внимание читателя на этом комментарии. Е. А. Стародумова в работе «О релятивных свойствах частиц (синтаксические свойства частицы “ИМЕННО”)» отмечает,

что, используя частицу *именно*, говорящий подчеркивает какой-то факт, на котором делается акцент и который является единственно истинным и важным в данном сообщении [Стародумова, 1981, с. 112]. Рассмотрим пример:

*Возле морга, где как бы логично было найти приют, сновали невеселые люди с мрачными лицам, плакала в платочек безутешная то ли мать, то ли вдова, то ли родственница. В такой компании пить было не очень приятно, **кроме того, именно** возле морга к ним на хвост сел какой-то юноша в грязном сером халате и грязной серой шапочке и не отвязался, пока второй из тех, с кем Игорь подрался в темном переулке, не отдал ему одну непечатую банку пива из своих запасов (А. Б. Сальников. Отдел // Волга, 2015) [НКРЯ].*

В приведенном примере скрепа *кроме того* вводит информацию, которая является субъективно значимой для автора. Слово *именно* в данном случае не только отсылает к предтексту (*возле морга*), но и фиксирует внимание читателя на дополнительном комментарии, подчеркивая его важность.

Вместе с тем этот добавочный комментарий содержит еще одну не менее значимую, по сравнению с изложенной в предтексте, причину того, почему герои повествования не могут остаться распивать спиртные напитки в этом месте. В следующем же предложении данная информация получает развитие. Таким образом, автор обращает внимание на факт, представленный в добавочном комментарии, и увеличивает субъективную значимость вводимой информации, используя слово *именно*.

3.3.3. К третьему подтипу мы отнесли случаи, когда говорящий дополнительно подчеркивает, что информация, содержащаяся в добавочном сообщении, присоединяемом *кроме того*, более значима, чем та, что содержится в предтексте:

*Интерес к Мексике вызван не только и не столько популярностью мексиканских телесериалов у нас в России, сколько ростом экономического потенциала Мексики. Укреплением её суверенитета на международной арене и международного авторитета вашей страны. Всё это делает Мексику привлекательным партнёром. **Кроме того, и это самое главное,** Мексика стабильно развивается экономически. (В. В. Путин. Заявление для прессы по окончании российско-мексиканских переговоров // Дипломатический вестник, 2004) [НКРЯ].*

В этом примере говорящий с помощью скрепы *кроме того* присоединяет дополнительную информацию, а именно указывает на еще одну причину роста интереса к сотрудничеству с Мексикой. При этом говорящий строит аргументацию от менее значимых причин к более значимым.

Комментарий, вводимый с помощью *кроме того*, содержит авторское пояснение о важности именно этой информации. С целью акцентирования внимания на самой важной причине говорящий использует скрепу: *и это самое главное*. Таким образом, комментарий, введенный текстовой скрепой *кроме того*, присоединяет не просто дополнительную, а содержательно важную информацию.

3.4. Завершающий пункт в рассуждении или сообщении: *кроме того* выполняет текстоформирующую функцию.

В русском тексте скрепа *кроме того* может использоваться в структурах с релятивами, выполняющими функцию текстовых разделителей, такими как *во-первых*, *во-вторых*, *в-третьих* и т. д., для выражения последовательности изложения событий и аргументов. В этом случае скрепа *кроме того* может выполнять функцию показателя последовательности, связности в развитии темы, использоваться как средство обозначения пунктов в рассуждении, то есть выступать как «фактор композиционно-смысловой организации текста» [Ляпон, 1986, с. 42—43].

Например:

Ваша анкета — идеальна! Пятый пункт не должен никого смущать!

Во-первых, все царицы в России, начиная с Екатерины Первой, — не из великороссов.

Во-вторых, после успеха Жириновского на выборах наш народ доказал, что он, народ, не антисемит!

Кроме того, если он — сын юриста, русский по матери, то вы — дочь оператора, русская по сыну. Этого более чем достаточно! Вообще, успех ЛДПР отсюда, издалёка, видится по-иному! (Григорий Горин. Иронические мемуары) [НКРЯ].

В этом фрагменте текста с помощью скреп *во-первых*, *во-вторых* и *кроме того* вводятся аргументы в пользу утверждения, что графа «национальность» в анкете не важна. Выделенные скрепы выступают в качестве показателей связности и логичности и оформляют отношения в рамках одной темы. В этом примере *кроме того* используется не просто для введения дополнительной информации об объекте из предыдущего высказывания, но и для структурирования текста и вполне могло бы быть заменено на другое слово с метатекстовой функцией (*в-третьих*, *наконец* и т. п.).

Если бы не прилет Богаченкова, поездка Коломнина получилась бы и вовсе напрасной: **во-первых**, прилетевших встречала представительная делегация; **кроме того**, разговаривать с ним Фархадов не возжелал: очевидно, заочно квалифицировав как штрейкбрехера. И только, поравнявшись с Коломниным, коротко, в никуда, бросил: «Устроюсь, поручу по-

звонить. Назначу вашему Дашевскому время встречи». (Семен Данилюк. Бизнес-класс, 2003) [НКРЯ].

Текст, объединенный скрепами *во-первых* и *кроме того*, содержит одну микротему: причины, по которым поездку можно было бы считать напрасной.

Следует отметить, что во всех подобных случаях с помощью скрепы *кроме того* присоединяется аргумент или сообщение о событии, относящееся к последнему (завершающему) пункту рассуждения. Возможно, это связано с введением в сообщаемое градационного момента (от большей значимости — к меньшей), который отмечен в работе М. В. Ляпон. В этом случае с помощью *кроме того* присоединяется информация менее значимая, чем в левом контексте [Ляпон, 1986, с. 43]. Этим можно объяснить и обычное для таких случаев расположение сообщения, присоединяемого с помощью *кроме того*, в постпозиции.

3.5. Переход к новой микротеме.

Собранный нами материал позволил выделить еще одну группу употреблений скрепы *кроме того*. Исследуемая скрепа способна присоединять комментарий, с которого начинается новая микротема.

В качестве примера рассмотрим фрагмент отзыва на фильм, опубликованного на одном из кинофорумов в интернете:

... Нам показывают миллионера Смирнова — человека, который сам всего добился, воспитавшего сына в одиночку. Петю — сына миллионера, ставшего нобелевским лауреатом по математике, воспитанного и умного парня, который не задирает нос, несмотря на «отцовские капиталы». Олю — интеллигентную, умную и скромную девочку, поступающую в вуз, которая учится к тому же танцам, музыке, английскому, дождавшуюся своего любимого из армии. Колю — простого рабочего парня с завода, отслужившего в армии и вернувшегося в родную общагу, у которого нет мечты. Хочется отдельно сказать про Колю. (Далее автор даёт подробную характеристику этому герою).

... **Кроме того**, в фильме не только про этих героев рассказывает. Еще тут есть девушка Вера, ожидающая своего любимого, который стал известным музыкантом и обещал ей вернуться к ней через год. Есть дедушка в инвалидной коляске, потерявший жену двадцать лет назад. Есть жена алкоголика, мечтающая только о том, чтобы муж пить бросил. Есть мальчишка, мечтающий попасть на «Щелкунчика». Есть мисс телевидение, игриво разыскивающая выгодную партию. И вот смотришь на них всех и надеешься, что все у них будет хорошо. И не только у них, но

и у всех нас — ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО!!! (Коллективный форум: комментарии к фильму «Все будет хорошо», 2008—2011) [НКРЯ].

Сначала автор текста подробно характеризует главных героев, а когда эта микротема уже исчерпана, он с помощью *кроме того* вводит новую микротему — переходит к перечислению и характеристике второстепенных персонажей. При этом он присоединяет информацию, находящуюся в рамках общей темы всего текста. Комментарий, присоединенный *кроме того*, становится следующим звеном рассуждения, дающим тексту новый виток.

4. Заключение

Анализ контекстов функционирования скрепы *кроме того* показал наличие как минимум пяти модификаций. Наши наблюдения подтверждают характеристику конструкции *кроме того*, представленную в исследовательских и лексикографических источниках, в том числе в НООСРЯ, как единицы, имеющей общее значение присоединения. Мы установили, что комментарий, присоединяемый *кроме того*, может различаться по степени важности содержащейся в нём информации. Первые три контекстные модификации выделяются нами по степени значимости присоединяемой информации: комментарий, содержащий дополнительную информацию, менее значимую, чем информация в предтексте; комментарий, присоединяющий дополнительную информацию, равную по значимости информации в предтексте; комментарий, присоединяющий информацию, более важную, чем в предтексте. Но вместе с тем *кроме того* может использоваться автором с целью организации текста. Таким образом, к четвертому типу модификаций относится комментарий, являющийся завершающим пунктом в рассуждении или сообщении, где *кроме того* выполняет текстоформирующую функцию. К пятой модификации мы отнесли комментарий, служащий переходом к новой микротеме. Присоединительное значение скрепы *кроме того* проявляется во всех контекстных модификациях как инвариантное, обеспечивающее ее широкие функциональные возможности.

Источники и принятые сокращения

1. БТС — *Большой толковый словарь русского языка* / ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 1998. — 1536 с.
2. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. — Москва : Русский язык, 2000. — Режим доступа: <https://www.efremova.info> (дата обращения: 05.03.2021).
3. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 07.03.2021).

4. НОССРЯ — *Новый* объяснительный словарь синонимов русского языка / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, Т. В. Крылова и др. — Москва : Языки русской культуры, 2003. — 1488 с.

5. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., дополненное. — Москва : А ТЕМП, 2006. — 944 с.

6. *Словарь служебных слов русского языка* / ред. Е. А. Стародумова. — Владивосток : ДВГУ, 2001. — 363 с.

7. СлРЯ — *Словарь* русского языка : в 4 томах / под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. — Т. 1—4.

8. ТССЭС — *Толковый* словарь сочетаний, эквивалентных слову : около 1500 устойчивых сочетаний русского языка / Р. П. Рогожникова. — Москва : АСТ, 2003. — 415 с.

9. Ушаков — *Толковый* словарь современного русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. — Москва : Советская энциклопедия ; ОГИЗ, 1935—1940. — Т. 1—4.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ляпон М. В.* Смысловая структура сложного предложения и текст : к типологии внутритекстовых отношений / М. В. Ляпон. — Москва : Наука, 1986. — 199 с.

2. *Откидых Е. В.* Функционирование текстовых скреп «кстати» и «между прочим» в монологическом и диалогическом тексте : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. В. Откидых. — Томск, 2017. — 199 с.

3. *Перфильева Н. П.* Метатекст в аспекте текстовых категорий / Н. П. Перфильева. — Новосибирск : НГПУ, 2006. — 285 с.

4. *Прияткина А. Ф.* Текстовые «скрепы» и «скрепы-фразы» (о расширении категории служебных единиц русского языка) / А. Ф. Прияткина // Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции): избранные труды. — Владивосток : Дальневосточный университет, 2007. — С. 334—344.

5. *Прияткина А. Ф.* Текстовые скрепы в словаре служебных слов / А. Ф. Прияткина, Е. А. Стародумова // Сибирский филологический журнал. — 2015. — № 2. — С. 134—141.

6. *Русская грамматика* / ред. Н. Ю. Шведова. — Москва : Наука, 1980. — Том 2. Синтаксис. — 710 с.

7. *Стародумова Е. А.* О релятивных свойствах частиц (синтаксические свойства частицы «ИМЕННО») / Е. А. Стародумова // Синтаксические связи в русском языке / ред. А. Ф. Прияткина. — Владивосток : ДВГУ, 1981. — С. 111—123.

8. *Тюрин П. М.* Текстовые скрепы таким образом и итак в современном русском языке: особенности функционирования и семантики / П. М. Тюрин. — Владивосток : Дальневосточный университет, 2016. — 202 с.

9. *Черемисина М. И.* Очерки по теории сложного предложения / М. И. Черемисина, Т. А. Колосова. — Новосибирск : Наука, 1987. — 197 с.

MATERIAL RESOURCES

- BTS — Kuznetsov, S. A. (ed.). (1998). *Big Explanatory Dictionary of the Russian Language*. St. Petersburg: Norint. 1536 p. (In Russ.).
- Efremova, T. F. (2000). *New dictionary of the Russian language. Explanatory and derivational*. Moscow: Russian language. Available at: <https://www.efremova.info> (accessed: 05.03.2021). (In Russ.).
- SIRYa — Evgenyeva, A. P. (1999). *Dictionary of the Russian language*. Moscow: Russian language: Polygraphresursy. 1—4. (In Russ.).
- NOSSRYA — Apresyan, V. Yu., Apresyan, Yu. D., Boguslavskaya, O. Yu., Krylova, T. V. et al. (2003). *New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language*. Moscow: Languages of Russian culture. 1488 p. (In Russ.).
- Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (2006). *Explanatory dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions*. Moscow: A TEMP. 944 p. (In Russ.).
- RNC — *National Corpus of the Russian Language*. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/> (accessed: 07.03.2021). (In Russ.).
- Starodumova, E. A. (ed.). (2001). *Dictionary of official words of the Russian language*. Vladivostok: FENU. 363 p. (In Russ.).
- TSSSES — Rogozhnikova, R. P. (2003). *Explanatory dictionary of combinations equivalent to a word: about 1500 stable combinations of the Russian language*. Moscow: AST. 415 p. (In Russ.).
- Ushakov — Ushakov, D. N. (ed.). (1935—1940). *Explanatory dictionary of the modern Russian*. Moscow: Soviet encyclopedia; OGIZ. 1—4. (In Russ.).

REFERENCES

- Cheremisina, M. I., Kolosova, T. A. (1987). *Essays on the theory of complex sentences*. Novosibirsk: Nauka. 197 p. (In Russ.).
- Lyapon, M. V. (1986). *Semantic structure of a complex sentence and text: to the typology of intra-textual relations*. Moscow: Nauka. 199 p. (In Russ.).
- Otkidich, E. V. (2017). *Functioning of text clips “by the way” and “by the way” in monologic and dialogical text*. PhD Diss. Tomsk. 199 p. (In Russ.).
- Perfilieva, N. P. (2006). *Metatext in the aspect of text categories*. Novosibirsk: NGPU. 285 p. (In Russ.).
- Priyatkina, A. F. (2007). Text “clips” and “clip-phrases” (on the expansion of the category of service units of the Russian language). In: *Russian syntax in the grammatical aspect (syntactic connections and constructions): selected works*. Vladivostok: Far Eastern University. 334—344. (In Russ.).
- Priyatkina, A. F., Starodumova, E. A. (2015). Text clips in the dictionary of service words. *Siberian Journal of Philology*, 2: 134—141. (In Russ.).
- Shvedova, N. Yu. (ed.) (1980). *Russian grammar, 2. Syntax*. Moscow: Nauka. 710 p. (In Russ.).
- Starodumova, E. A. (1981). On the relational properties of particles (syntactic properties of the “EXACTLY” particle). In: *Syntactic communications in the Russian language*. Vladivostok: Far Eastern State University. 111—123. (In Russ.).
- Tyurin, P. M. (2016). *Textual braces in this way and so in the modern Russian language: features of functioning and semantics*. Vladivostok: Far Eastern University. 202 p. (In Russ.).

Лаврова С. Ю. Внутренняя речь персонажа как основной способ организации художественного дискурса Кадзуо Исигуро (на материале романа «Остаток дня») / С. Ю. Лаврова, Л. А. Ермакова // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 92—112. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-92-112.

Lavrova, S. Yu., Ermakova, L. A. (2021). Character's Inner Speech as Effective Way of Literary Discourse Organization (Novel "The Remains of the Day" by Kazuo Ishiguro). *Nauchnyi dialog*, 6: 92-112. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-92-112. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-92-112

**Внутренняя речь
персонажа как основной
способ организации
художественного дискурса
Кадзуо Исигуро
(на материале романа
«Остаток дня»)**

Лаврова Светлана Юрьевна¹
orcid.org/0000-0003-3628-3463
доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры отечественной
филологии и прикладных коммуникаций
svella1012@mail.ru

Ермакова Любовь Алексеевна²
orcid.org/0000-0002-9263-2747
кандидат филологических наук, доцент
кафедры романо-германских языков
s.eadem@mail.ru

¹ Череповецкий
государственный университет
(Череповец, Россия)

² Костромской
государственный университет
(Кострома, Россия)

**Character's Inner Speech
as Effective Way of Literary
Discourse Organization
(Novel "The Remains
of the Day" by Kazuo
Ishiguro)**

Svetlana Yu. Lavrova¹
orcid.org/0000-0003-3628-3463
Doctor of Philology, Professor
Department of Russian philology
and applied communications
svella1012@mail.ru

Lyubov A. Ermakova²
orcid.org/0000-0002-9263-2747
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Romance-Germanic
Languages
s.eadem@mail.ru

¹ Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)

² Kostroma State University
(Kostroma, Russia)

© Лаврова С. Ю., Ермакова Л. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проанализирована вербализованная внутренняя речь главного персонажа художественного текста романа «Остаток дня» как способ организации художественного дискурса его автора, английского писателя Кадзуо Исигуро. Актуальность исследования обусловлена интересом к анализу внутренней речи персонажей в художественном тексте, отличающейся от естественной внутренней речи субъекта способами языкового выражения, спецификой в структуре повествования. Показано, что исследование внутренней речи персонажа художественного дискурса с помощью таких параметров его измерения, как структурно-композиционный, семантико-концептуальный, коммуникативный, позволяет выявить особенности функциональной роли данного типа речи. Новизна исследования заключается в обосновании того, как внутренняя речь персонажа (интроспекция), являясь значимой единицей композиции, коррелирует с проспекцией и ретроспекцией текста, выступая основной формой повествования. Выявлено четыре базовых концепта, организующих содержательное наполнение внутренней речи персонажа. Рассмотрено рема-тематическое соотношение заглавия романа и основного текста как основы художественного дискурса автора. Особое внимание уделяется модальности внутренней речи персонажа с точки зрения прагматической направленности такого типа речи на адресата-читателя и дискурсивным маркерам, влияющим на процесс интерпретации дискурса.

Ключевые слова:

языковая личность персонажа; вербализованная внутренняя речь персонажа; дискурсивные маркеры; концепт; Великий дворецкий; Кадзуо Исигуро.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines the protagonist's verbalized inner speech in the literary text of the novel "The Remains of the Day" as a way of literary discourse organization by English novelist Kazuo Ishiguro. The relevance of the study is explained by the interest in the analysis of the inner speech of characters in a literary text, which differs from the natural inner speech of an individual in the ways of linguistic expression, the specifics in the structure of the narrative. It is shown that the study of the inner speech of a character of literary discourse using such parameters of its measurement as structural-compositional, semantic-conceptual, communicative, allows us to identify the features of the functional role of this type of speech. The novelty of the research lies in the substantiation of how the character's inner speech (introspection), being a significant unit of composition, correlates with prospect and retrospection of the text, acting as the main form of narration. The article elicits four basic concepts that organize the content of the character's inner speech. The authors of the article offer a close analysis of the theme-theme correlation of the title of the novel and the main text as the basis of the author's literary discourse. Particular attention is paid to the modality of the character's inner speech from the point of view of the pragmatic orientation of this type of speech towards the addressee-reader and discourse markers that influence the process of discourse interpretation.

Key words:

linguistic personality of a character; verbalized inner speech of a character; discursive markers; concept; Great butler; Kazuo Ishiguro.

Внутренняя речь персонажа как основной способ организации художественного дискурса Кадзуо Исигуро (на материале романа «Остаток дня»)

© Лаврова С. Ю., Ермакова Л. А., 2021

1. Введение

Данная работа посвящена лингводискурсивному анализу вербализованной внутренней речи персонажа в романе английского писателя Кадзуо Исигуро «Остаток дня» [Ishiguro, 1999]. **Объектом** нашего исследования является внутренняя речь персонажа художественного текста (далее — ХТ), привлекающая интерес специалистов, занимающихся проблемами порождения и восприятия ХТ, субъектно-речевыми структурами, которые представлены в нем. **Предметом** исследования выступают языковые приёмы репрезентации внутренней речи персонажа в организации художественного дискурса (далее — ХД) романа «Остаток дня». Диалогическая природа сознания человека (по М. М. Бахтину, «быть — значит общаться диалогически» [Бахтин, 1972, с. 45]) обуславливает непреходящую **актуальность** исследований, посвящённых анализу структуры, содержания и функции человеческой речи, как внешней, ориентированной на взаимодействие человека с социальным миром, так и внутренней, ориентированной на диалог с самим собой. В статье ставится **цель** — показать специфику организации внутренней речи (далее — ВР) персонажа ХТ как базового способа создания ХД романа «Остаток дня». Основная **задача** исследования заключается в анализе структурной, семантической и коммуникативной организации дискурса, в пространстве которого ВР персонажа приобретает доминантные черты. **Методологическую базу** исследования составляют как классические работы М. М. Бахтина [Бахтин, 1972], В. В. Виноградова [Виноградов, 1971], Л. С. Выготского [Выготский, 1996], Н. И. Жинкина [Жинкин, 1998], А. А. Леонтьева [Леонтьев, 1969] и др., так и работы современных исследователей И. В. Артюшкова [Артюшков, 2004], С. Г. Лариной [Ларина, 2014], Н. М. Леоновой [Леонова, 2005], Ю. В. Погребняк [Погребняк, 2012], Ю. М. Сергеевой [Сергеева, 2009], О. С. Федотовой [Федотова, 2007] и др. **Материалом** для анализа служит текст романа Нобелевского лауреата Кадзуо Исигуро «Остаток дня», получивший в 1989 году Букеровскую премию. **Теоретическая** значимость работы обусловлена возможностью уточнения теоретических положений, касающихся роли ВР персонажа в координатах не только ХТ, но

и ХД, когда её понимание расширяется за счёт интерпретации в контексте читательской прагматики. *Практически* речевые способы выражения ВР персонажа как одного из повествователей художественного пространства могут изучаться в лингвистике текста, теории дискурса, грамматике речи и других лингвистических дисциплинах. В данном исследовании мы используем *методы* лингвистического анализа текста, контекстуального и концептуального анализа художественного дискурса.

Изучение вербализованной ВР персонажа художественного текста очень важно с лингвистической точки зрения, поскольку позволяет охарактеризовать речевую сторону образа персонажа и понять ту функциональную роль, которую она выполняет в структуре письменного художественного текста.

2. Лингвистический аспект исследования внутренней речи персонажа

Первые исследования, связанные с анализом понятия ВР, предприняты в XX веке известными учёными и носят психолингвистический характер. Так, Л. С. Выготский в программной работе «Мышление и речь» обозначает, в каком русле развивается представление учёных о данном феномене, начиная с понимания ВР как вербальной памяти; как непроизносимой, незвучащей, немой речи; как всего того, что предшествует моторному акту говорения [Выготский, 1996, с. 314—316]. Л. С. Выготский отмечает, что ВР есть особое по своей психологической природе образование и особый вид речевой деятельности, ключом к пониманию которой выступает эгоцентрическая речь [Там же, с. 317—333]. Большую роль для дальнейшей интерпретации понятия имеет определение учёным ВР как речи, оперирующей преимущественно семантикой, а не фонетикой [Там же, с. 346—347], речи с преобладанием смысла слова над его значением, речи с особым синтаксическим строем [Там же, с. 346—353]. Значительными считаются в науке и классические работы психологов и лингвистов П. Я. Гальперина [Гальперин, 1961], Н. И. Жинкина [Жинкин, 1998], А. А. Леонтьева [Леонтьев, 1969], А. Р. Лурии [Лурия, 1979] и др. В работе «О кодовых переходах во внутренней речи» Н. И. Жинкин отмечает, что в процессе использования говорящими натурального звукового языка вырабатывается язык художественного мышления; в язык вводятся новые правила, которые влияют на форму языковой изобразительности описываемых ситуаций, что и фиксируется, например, в художественной прозе [Жинкин, 1998, с. 162]. Современные исследования лингвистов, посвящённые проблематике ВР, достаточно обширны и разноплановы: предметом рассмотрения становятся типологические характеристики ВР [Гусева, 2002], внутренний монолог

как форма интраперсональной коммуникации [Сергеева, 2008, Блох и др., 2009, Кириллова, 2011], конфликт, отраженный во ВР [Ларина, 2014], интериоризованный дискурс как модель ВР [Погребняк, 2011] и др. Общеизвестно, что в лингвистике текста ВР часто рассматривается наряду с речью автора в качестве композиционного *способа организации художественного текста*. ВР естественного языка описывается лингвистами прежде всего как речь вербализованная со своими типологическими разновидностями — несобственно-прямая речь, внутренний монолог, внутренний диалог, которые выступают как некий компонент мысли, необходимый для порождения словесного сообщения, однако непосредственно в коммуникации такая форма речи не участвует. Это некая условная психолингвистическая модель, получающая реальную вербализацию в зафиксированном письменном тексте, чаще всего — художественном [Гусева, 2002]. Лингвистами отмечается, что ВР естественного языка при использовании в художественной литературе не всегда сохраняет свои характерные черты, поскольку преобразуется в так называемую *изображённую* автором текста ВР персонажа. Персонаж ХТ описывается лингвистами с учётом структуры его языковой личности [Давлетова, 2016; Никандрова, 2010]; особенностей языкового конфликта, отражённого в семантике ВР [Ларина, 2014]; прагматики соотношения внутренней и внешней речи и их композиционно-синтаксического взаимодействия [Мартыанова, 2020; Попова, 2002]; и др. Исследователи показывают, что ВР персонажа представляет своеобразную *модель* естественной внутренней речи субъекта [Салимова, 2007]; определяется как *интериоризованный* дискурс [Погребняк, 2011]; характеризуется как особая условно-художественная форма *интраперсонального* общения [Ларина, 2014]; рассматривается как персонажная *интроспекция* [Федотова, 2007]. Изображённая ВР персонажа выступает как продукт художественного речетворчества, с помощью которой автор текста выражает свою субъективную точку зрения на диалогическое повествование. К. Я. Сигал справедливо отмечает, что «за каждой языковой личностью персонажа стоит особая метаязыковая концепция художественного образа, концентрирующая представления писателя о том, как в речевой деятельности опосредуется то или иное социальное лицо» [Сигал, 2021, с. 130]. Рассматриваемый нами главный персонаж романа олицетворяет собой авторское видение универсального английского дворецкого как статусного лица, представляющего этический кодекс слуг в британской лингвокультуре. Исследователь Т. В. Бондаренко изучает ценностные характеристики лингвокультурного типажа «английский дворецкий» и приходит к выводу, что следование профессиональному кодексу определяет основные ценности в поведении данного типажа [Бондаренко, 2009]. Наша работа пока-

зывает, что и в романе «Остаток дня» неоднократное упоминание профессионального кодекса английских дворецких представляет собой значимый компонент содержания ВР персонажа романа. Например: «*The Hayes Society claimed to admit butlers of 'only the very first rank'»* [Ishiguro, 1999, p. 32] (*Общество Хейса заявляло, что допускает в свои ряды дворецких «исключительно высшего класса»*)¹ (здесь и далее в примерах выделения наши. — С. Л., Л. Е.); «*One had to be guided by the judgement of 'the true ladies and gentlemen', argued the Society, or else 'we may as well adopt the proprieties of Bolshevik Russia'»* [Ibid., p. 33] (*Следует руководствоваться концепцией «истинных леди и джентельменов», доказывало общество, в противном случае «нам грозит скатывание до уровня большевистской России»*) и др.

Обратимся к пониманию художественного дискурса данного романа, определяя сферу функционирования ВР персонажа.

3. Художественный дискурс в структуре художественной коммуникации

Художественная коммуникация как одна из форм человеческой коммуникации характеризуется определёнными способами вербализации той информации, которая ее определяет. Общеизвестно, что главными действующими лицами художественной коммуникации в её литературных формах выступают автор — персонаж (и) — читатель. Автор использует естественный человеческий язык для создания такой виртуальной реальности, как ХТ, который представляет собой определённую структуру со знаковым содержанием, оформленную по законам конкретного языка. Являясь фактом литературы, ХТ характеризуется разножанровой направленностью при создании автором творческого продукта — художественного произведения. ХТ находит воплощение в разнообразных жанрах художественной литературы, одним из которых является роман как классическая форма художественного повествования. Обладая целостностью и внутренней завершённостью, художественное произведение понимается как динамичная структура, поскольку внутри ХТ уже заложена дискурсивная форма обращённости к читателю, интертекстуальность, прецедентность и другие значимые признаки вертикального контекста. ХТ, рассматриваемый с прагматической точки зрения, с учётом всех его экстралингвистических показателей, может номинироваться как ХД. В нем осуществляются пересечения интенции автора как адресанта, выражаемой различными способами, одним из которых является точка зрения персонажа, и восприятия текста читателем-адресатом данного дискурса. ХД образуется в том

1 Здесь и далее приводятся переводы цитируемого текста, выполненные В. А. Скороденко, по изданию: [Исигуро, 2020].

случае, когда адресат произведения — читатель становится соавтором художественной коммуникации, декодируя и интерпретируя текст, на основе которого создано произведение. Таким образом, художественная коммуникация как сфера творческой либо интерпретационной деятельности адресанта-адресата позволяет рассматривать данные типы соотношений. В числе главных субъектов ХД — персонажи, речевые характеристики которых могут иметь различные способы репрезентации в тексте.

В работах исследователей, занимающихся анализом специфики ХД романа К. Исигуро «Остаток дня», изучается ретроспективное повествование воспоминаний главного персонажа [Селитрина, 2018], судьба частного человека в контексте современной английской литературы [Белова, 2012], специфика «ненадёжных повествователей», не оценивающих объективно своё прошлое [Сидорова, 2018], обосновывается фикция «английскости» главного персонажа с учётом эталонов поведения, принятыми в японской культуре [Хабибуллина, 2012] и др. В интервью Исигуро отмечает, что в романе «Остаток дня» идеальный дворецкий служит собирательным образом человека, который пытается стереть эмоциональную составляющую своей личности в угоду профессиональному долгу [Vorda et al., 1991, p. 153].

4. Приемы языковой репрезентации внутренней речи персонажа в организации художественного дискурса романа «Остаток дня»

Далее будут охарактеризованы основные приёмы языковой репрезентации ВР персонажа в ХД романа. Обратимся к анализу данного типа речи по следующей модели: 1) дать формулировку *понятия ВР* персонажа; 2) обосновать *композиционно-структурную роль ВР* персонажа; 3) выявить *концептуальное* наполнение данного типа речи; 4) показать *функциональную* перспективу в пространстве ХД романа.

Внутренняя речь персонажа художественного текста понимается нами как субъектно-речевая структура естественного языка, зафиксированная в форме «чужой речи», характеризующаяся диалогичностью и дискурсивностью выражения, содержательно представляющая нормативный обработанный материал, что позволяет определять её как коммуникативную. Обладая данными характеристиками, ВР главного персонажа дворецкого Стивенса может быть названа *изображённой* речью, под которой понимается образ естественной ВР, построенной по воле писателя [Артюшков, 2004]. В романе Исигуро ВР персонажа дворецкого показана в виде диалогов с самим собой, с виртуальным собеседником из числа профессиональных дворецких (актуализирована функция обращения), с другими персонажами текста. Во ВР получают отражение и некоторые описания пейзажа, событий, происходящих в Дарлингтон-холле и во время путе-

шествия дворецкого по северной Англии. Обратимся к специфическим особенностям ХД, которые реализуются в структуре изображённой ВР персонажа. Авторский ХД основан на тексте произведения определенного *жанра*, в нашем случае — это роман, относящийся к *английской психологической прозе*, одной из особенностей которой является субъектное повествование от первого лица. *Хронотоп* романа «Остаток дня» представляет собой *двухуровневое повествование* о дворецком Стивенсе, состоящее из *хронотопа 1 уровня* (реальная жизнь персонажа в координатах «здесь» и «сейчас»: шесть дней путешествия по Англии) и *хронотопа 2 уровня* (воспоминания дворецкого о 35-летнем служении лорду Дарлингтону). Наличие двух хронотопов характеризует «линейную разорванность» текста, организующим центром которого выступает ВР главного персонажа. Вся сюжетная линия романа отражается в данном типе речи: не только хронотоп воспоминаний полностью построен на её основе, но и хронотоп путешествия пронизан рассуждениями героя о прожитой им жизни или воспоминаниями о конкретном вчерашнем дне.

4.1. Роль текстовых категорий в репрезентации внутренней речи персонажа романа «Остаток дня»

Помимо смысловой формы связи компонентов ХД, выявляются способы грамматической связи между ними. Нам представляется продуктивным обращение к понятию «дискурсивных маркеров» (далее — ДМ), «соотносимых с особым классом слов, принципиально важным свойством которых является их непосредственная связь с функционированием дискурса» [Массалина, 2009, с. 212]. Это обусловлено тем фактом, что двухуровневое повествование в романе Исигуро оформляется посредством дискурсивных слов, связующих данные повествования. ДМ способствуют логичной связности дискурса и могут рассматриваться как союзный тип и *когезии*, и *когерентности* [Гальперин, 2007]. *Содержательно-фактуальная* информация, служащая основой ХТ, представлена в обоих хронотопах с учетом ключевых текстовых категорий — *проспекции*, *ретроспекции*, *интроспекции*. Отметим наличие проспекции в хронотопе 1: «*It seems increasingly likely that I really will undertake the expedition that has been preoccupying my imagination now for some days. An expedition, I should say, which I will undertake alone, in the comfort of Mr Farraday's Ford; an expedition which, as I foresee it, will take me through much of the finest countryside of England to the West Country...*» [Ishiguro, 1999, p. 3] (*Все вероятней и вероятней, что я и в самом деле предприиму поездку, которая занимает мои мысли вот уже несколько дней. Поездку, нужно заметить, я предприиму один, в удобнейшем «форде» мистера Фаррадея; направлюсь же в западные графства,*

что, как я ожидаю, позволит по дороге обозреть много красивейших мест сельской Англии); в хронотопе 2: «*If I try, then, to describe to you what I believe made my father thus distinguished, I may in this way convey my idea of what 'dignity' is*» [Ibid., p. 36] (Так вот, если я попробую вам объяснить, что именно делало отца в моих глазах столь выдающейся личностью, я, возможно, сумею раскрыть и свое представление о «достоинстве»). Информация о событии (хронотоп 1) представляется персонажем в контексте будущего времени, даётся через оценочную персональную интроспекцию, выраженную, помимо её содержательной основы, с помощью **дискурсивного комментирующего маркера очевидности (возможности)**: *increasingly likely* (вероятней и вероятней), *really* (в самом деле), *as I foresee it* (как я ожидаю). Выступая как тип линейной связности между конструкциями отрывка текста (его начала), данный маркер представлен через несколько страниц во ВР персонажа и в дальнейшем повествовании при характеристике возможной поездки дворецкого в контексте всё той же проспекции, например: «*...I found myself reconsidering Mr Farraday's kind suggestion*» [Ishiguro, 1999, p. 10] (...я снова вернулся к любезному предложению, которое мне за несколько дней до того сделал мистер Фарадей); «*It seemed in the end there was little else to do but actually to raise the matter again...*» [Там же, p. 12] (В конце концов мне, похоже, не осталось ничего другого, как снова поднять тему поездки...); «*I would of course have to write... <...> I would also need to see to the matter of <...>. Various other questions <...> will need to be settled*» [Ibid., p. 20] (Разумеется, надо будет написать... <...> предстоит также решить вопрос о... <...> Понадобится утрясти и еще кое-что) и т. п. Формируя связность между отдельными отрезками речи первой главы романа, данные ДМ помогают сформировать специфический «рисунок» речевого портрета персонажа, ВР которого полна осторожного комментария слуги по отношению к своему хозяину. Употребления «*If I try, then, to describe to you...*» (Так вот, если я попробую вам объяснить...), «*I may in this way convey my idea*» (Я, возможно, сумею раскрыть и свое представление) (хронотоп 2) выступают в качестве тех же ДМ комментария возможности: персонаж в своей ВР обращается к виртуальным слушателям, пытаясь объяснить в будущем изложении уровень профессионализма своего отца-дворецкого. В связи с тем, что понятие «достоинство» приобретает в дальнейшем в дискурсе дворецкого черты ключевого концептуального признака, характеризующего высокий профессионализм слуги, можем констатировать, что уже в начале романа с помощью ДМ автором оформляется уровень глобальной связности дискурса, его когерентность. Отметим и то, что наполнение хронотопов показывает: в структуре воспоминаний персонажа, репрезентированных с помощью изображённой ВР,

содержательно-фактуальная информация из прошлых событий переоценивается, становясь **содержательно-концептуальной**. Например, после разговора со случайным прохожим дворецкий пытается переосмыслить свою жизнь в новых координатах и разобраться в проблеме необходимости выбора между личностным и статусным: *«It is now some twenty minutes since the man left, but I have remained here on this bench... <...> Perhaps, then, there is something to his advice that I should cease looking back so much, that I should adopt a more positive outlook and try to make the best of what remains of my day. After all, what can we ever gain in forever looking back and blaming ourselves of our lives have not turned out quite as we might have wished?»* [Ibid., p. 256] (Он ушёл минут, наверное, двадцать тому назад, а я остался сидеть на этой скамейке <...> Так, может, стоит прислушаться к его совету — перестать все время оглядываться на прошлое, научиться смотреть в будущее с надеждой и постараться как можно лучше использовать дарованный мне остаток дня? В конце концов, много ли проку от постоянных оглядок на прошлое и сожалений, что жизнь сложилась не совсем так, как нам бы хотелось?). ДМ оценки *«there is something to his advice that I should...»* (стоит прислушаться к его совету), *«try to make the best of what remains of my day»* (постараться как можно лучше использовать дарованный мне остаток дня), *«after all, what can we ever gain in forever looking back»* (в конце концов, много ли проку от постоянных оглядок на прошлое) характеризуют субъективную модальность персонажа как модальность неопределенности (гипотетического будущего, которое никогда не наступит). Вопросительные конструкции звучат как риторические вопросы, обращённые либо к себе самому, либо к невидимому собеседнику. Многолетнее служение дворецкого, олицетворяющее этический статус труда на благо хозяина, начинает понемногу терять свою безукоризненную для Стивенса добродетель. Текстовая категория **проспекции**, получающая вербальное воплощение во ВР персонажа, применяется во всем его дискурсе, начиная с необходимости заранее прокомментировать собственную информацию, вводя её с помощью ДМ, завершая попыткой переоценить смысл полученной информации.

Применение текстовой категории **ретроспекции** связано с представлением содержательно-концептуальной информации в обоих хронотопах в связи с тем, что Стивенс постоянно возвращается к самой значимой для него задаче — **раскрыть понимание сущности «великого дворецкого»**, попутно отметив своё профессиональное служение. Например, в хронотопе 1 при разговоре с прохожим: *«You see, I trusted. I trusted in his lordship's wisdom. All those years I served him, I trusted I was doing something worthwhile. I can't even say I made my own mistakes. Really — one has to*

*ask oneself — what **dignity** is there in that?»* [Ibid., p. 256] (*Я, понимаем, верил. Верил в мудрость его светлости. Все годы службы я верил, что приношу пользу. А теперь я даже не имею права сказать, что сам виноват в своих ошибках. Вот и приходится задаваться вопросом: а много ли в этом достоинства?»*); в хронотопе 2: «*There quickly sprang up, I recall, various butlers, each **claiming to have discovered** methods by which they could surpass Mr Marshall — methods they **made a great show** of keeping secret, as though they were French chefs guarding their recipes»* [Ibid., p. 142] (*Вспоминаю, как дворецкие один за другим похвалялись, будто изобрели методики чистки, оставляющие мистера Маршалла далеко позади, — методики, вокруг которых они устраивали много шума, пряча их от чужих глаз, словно французские кулинары — свои рецепты*). Внешняя речь персонажа (пример 1) с помощью ДМ обращения «*You see, I trusted*» («Я, понимаю, верил») отражает знаковость его ВР, поскольку разговор с реальным слушателем оформлен как диалог с актуализированным адресатом из ВР субъекта. ВР персонажа (пример 2) обосновывает содержательно-концептуальную информацию о превосходном качестве дел, выполняемом «великим дворецким», которая имплицитно задается использованием имени собственного (*мистер Маршалл*), обладатель которого отвечает, по мнению окружающих, такой высокой характеристикой: «*That is to say, I am talking of the likes of Mr Marshall of Charleville House <...>. If you **have ever had the privilege of meeting such men**...*» [Ibid., p. 29] (*То есть я имею в виду такие фигуры, как мистер Маршалл из Чарлевилл-хауса <...>. Если вам выпала честь водить знакомство с такими людьми...*). Основными ДМ, характеризующими ретроспекцию, выступают акценты на детали из прошлого, возврат к сказанному ранее. Дисконтинуум двух хронотопов, в которых пространственно-временные рамки сужаются либо расширяются, происходит перестановка временных планов повествования, объединяет содержательно-фактуальная информация, получающая статус концептуальной в изображённой ВР персонажа.

4.2. Концептуальный и коммуникативный аспекты в организующей роли внутренней речи персонажа художественного дискурса

В раскрытии базовых смыслов интроспекции дворецкого особую роль выполняют художественные концепты текста СЛУЖЕНИЕ, ДОЛГ, ДОСТОИНСТВО, в совокупности определяющие содержание авторского (персонажного) концепта — ВЕЛИКИЙ ДВОРЕЦКИЙ. В них заключены основные ценности персонажа, выраженные с помощью дискурсивных формул, которые, в отличие от десемантизированных, необходимых для связности ДМ, семантически нагружены: «*They wear their **profes-***

sionalism as a decent gentleman will wear his suit: he will not let ruffians or circumstances tear it off him in the public gaze...» [Ibid., p. 44] (Для великих дворецких **профессиональный облик** — то же, что для порядочного джентельмена костюм: он не даст ни бандитам, ни стихиям сорвать его с себя на людях...); «...association with a **truly distinguished household is a prerequisite of 'greatness'**» [Там же, p. 123] (...служба в **истинно великих домах** — подлинно необходимое предварительное условие «величия»); «The great butlers are great by virtue of **their ability to inhabit their professional role and inhibit it to the utmost...**» [Ibid., p. 43] (Великие дворецкие тем и велики, что **способны сживаться со своим профессиональным лицом, срastаться с ним намертво...**) и др. Стивенс с помощью ВР ведет виртуальный разговор с воображаемым собеседником, произносит слова, содержащие убийственную формулировку, выражающую идею уничтожения индивидуальности личности, выполняющей функции служения господину: долг ставится выше человека, его исполняющего. Наличие оценочной шкалы в высшей степени характерно для ХД, соответственно, она ярко представлена и в модальности ВР персонажа. Модальность долженствования определяет практически всё основное субъективное наполнение данной речи. Аксиологическая модальность обоснована модальностью необходимости или долженствования: «It is, of course, the responsibility of every butler to devote his utmost care in the devising of a staff plan. <...> I have myself devised many staff plans over the years, and **I do not believe I am being unduly boastful** if I say that very few ever needed amendment» [Ibid., p. 5—6] (Великий дворецкий, само собой разумеется, несёт ответственность за тщательнейшую разработку схемы распределения обязанностей. <...> Мне за свою жизнь довелось составлять много таких схем, и **я могу без ложной скромности сказать**, что лишь считанные из них приходилось впоследствии дорабатывать). Персонаж на своём собственном примере показывает, что он близок к статусу «великого дворецкого», поскольку самооценка профессиональных действий достаточно высока: «As far as I am concerned, I carried out my duties to the best of my abilities, indeed to a standard which many may consider **'first rate'**» [Ibid., p. 211] (Если уж речь зашла обо мне, то я исполнял свои обязанности по мере сил и на таком уровне, какой многие могут считать **первоклассным**). Четыре основополагающих концепта СЛУЖЕНИЕ, ДОЛГ, ДОСТОИНСТВО, ВЕЛИКИЙ ДВОРЕЦКИЙ последовательно раскрываются во ВР, приобретая авторские черты по мере развертывания диалогов героя с его виртуальными слушателями (читателем из среды дворецких и вторым «я»). Например: «...The whole question is very akin to the question that has caused much debate in our profession over the years: **what is a 'great' butler?** <...> You

will notice I say *'what'* rather than *'who'* is a great butler; for there was actually no serious dispute as to the identity of the men who set standards amongst our generation» [Ibid., p. 29] (...люди моей профессии с жаром обсуждают вот уже долгие годы: что такое «великий» дворецкий? <...> Прошу обратить внимание — я говорю «что», а не «кто» есть великий дворецкий, поскольку не наблюдалось серьезного расхождения во мнениях о том, кто именно олицетворяет собой профессиональный эталон среди представителей нашего поколения); «... if one looks at, say, Mr Marshall or Mr Lane, it does seem to be that the factor which distinguishes them from those butlers who are merely extremely competent is most closely captured by this word 'dignity'» [Ibid., p. 33] (...возьмем, к примеру, мистера Маршалла или мистера Лейна; так вот, я и вправду считаю, что свойство, отличающее их от других дворецких, не более чем прекрасных знатоков своего дела, точнее всего можно выразить словом «достоинство»); «...after one has been in the profession as long as one has, one is able to judge intuitively the depth of a man's professionalism without having to see it under pressure» [Ibid., p. 44—45]. (...прослужив в дворецких с мое, обретаешь способность интуитивно судить о профессиональных достоинствах другого дворецкого, даже не видя того в экстремальных условиях). Концепт «Великий дворецкий» постепенно приобретает на страницах текста индивидуально-авторский смысл, раскрываемый персонажем в характеристике частных концептов служения, долга и достоинства как составляющих ассоциативную фреймовую основу базового, например: «...before being **rewarded at last with the opportunity to serve Lord Darlington**» [Ibid., p. 122] (...пока наконец судьба не **послала мне награду — возможность поступить в услужение к лорду Дарлингтону**); «Let us establish this quite clearly: **a butler's duty is to provide good service. It is not to meddle in the great affairs of the nation**» [Там же, p. 209] (Давайте раз и навсегда договоримся: **долг дворецкого — образцово служить, а не соваться в дела государственной важности**); «...I believe strongly that this *'dignity'* is something one can meaningfully strive for throughout one's career. Those 'great' butlers like Mr Marshall who have it, I am sure, acquired it over many years of self-training and the careful absorbing of experience» [Ibid., p. 34] (...однако же твердо верю: к **достоинству** можно осознанно стремиться на протяжении всей карьеры. Те «великие» дворецкие вроде мистера Маршалла, у кого оно есть, обрели его, не сомневаюсь, путём многолетнего самовоспитания и глубокого осмысления профессионального опыта).

ВР персонажа Стивенса наполнена лексическими повторами, семантически характеризующими ключевое понятие «великого» в представлении как главного персонажа, так и других персонажей-дворецких; при этом ис-

пользуется ДМ *обращения к теме*, которая уже была поднята ранее: «*But let me return to the question that is of genuine interest, this question we so enjoyed debating when our evenings were not spoiled by chatter from those who lacked any fundamental understanding of the profession; that is to say, the question 'what is a great butler?'*» [Ibid., p. 31—32] (*Но позвольте вернуться к вопросу, представляющему подлинный интерес; к вопросу, который мы с таким удовольствием обсуждали, когда наши вечера не омрачала болтовня тех, кому отказано в глубоком понимании нашей профессии, а именно к вопросу о том, «что такое великий дворецкий?»*). Связывая воедино понятия «служение», «долг» и «достоинство», дворецкий Стивенс на протяжении всего повествования доказывает, что великим дворецким может быть тот, кто реализовал свои способности в службе великому человеку: «*A 'great' butler can only be, surely, one who can point to his years of service and say that he has applied his talents to serving a great gentleman — and through the latter, to serving humanity*» [Ibid., p. 123] («*Великим*», конечно же, может быть лишь такой дворецкий, который, сославшись на долгие годы службы, имеет право сказать, что поставил свои способности на службу *великому человеку*, а тем самым — и человечеству»). Отстаивая чистоту политического поведения своего хозяина лорда Дарлингтона, дворецкий Стивенс с жаром убеждает читателя в том, что служил человеку с безупречной репутацией. Например: «*And as for the British Union of Fascists, I can only say that any talk linking his lordship to such people is quite ridiculous. <...> Lord Darlington, you will understand, was the sort of gentleman who cared to occupy himself only with what was at the true centre of things and the figures he gathered together in his efforts over those years were as far away from such unpleasant fringe groups as one could imagine*» [Ibid., p. 146] (*Что касается Британского союза фашистов, могу сказать лишь одно: любые попытки связать его светлость с этими господами попросту смехотворны. <...> Лорд Дарлингтон, прошу вас понять, был из таких джентльменов, кто любит находиться в центре событий, и люди, которых он на протяжении тех лет объединил своими усилиями, невообразимо далеко стояли от гнусных экстремистских группировок подобного толка*). Коммуникативность изображённой ВР персонажа заключается в постоянной диалогичности с виртуальным собеседником-читателем, который становится слушателем закрытых для остальных сокровенных мыслей персонажа. Как видим, и структурно-композиционная, и семантико-концептуальная организация текста показывает, что во ВР персонажа отражаются все важнейшие темы авторского повествования.

Выделенные нами две основные текстовые категории, перспекция и ретроспекция, характеризующие организацию текста и активно отражен-

ные именно в интроспекции ВР персонажа, определяют и коммуникативную организацию дискурса, если мы обратимся к рассмотрению соотношений заглавие — основной текст романа. Коммуникативная организация ХТ традиционно характеризуется по отношению к заглавию как тема-рематическая. Название «**Остаток дня**» прежде всего понимается как тема произведения, выраженная отглагольным существительным *остаток* и существительным с темпоральной семантикой *день*. В прямом смысле это выражение обозначает признак действия того, что осталось, часть отрезка времени, ещё не использованного, то есть вечер как завершающую часть дня. По заглавию мы судим о том, что детерминантное употребление имплицитно включает в свой объём пропозиitivность, обладая темпоральным значением. Читатель, не погружённый до чтения текста в его содержание, ощущая скрытую предикативность названия, воспринимает его в качестве темы текста (романа). ХД романа «Остаток дня» оценивается лишь после прочтения всего текста читателем-интерпретатором как представителем художественной коммуникации. Коммуникативная авторская стратегия прочитывается как рема-тематическая: заглавие ретроспектически выступает рематической доминантой текста в сильной дискурсивной позиции начала. Употребление *остаток дня* приобретает метафорический смысл, обусловленный рематической составляющей: это есть завершающая часть продуктивной жизни человека. Отметим, что, помимо скрытой интроспекции главного персонажа, определённую роль играет речевая характеристика других авторских персонажей, с которыми дворецкий знакомится в процессе путешествия по Англии. Их сюжетообразующая роль заключается в том, чтобы человеку с «остатком дня» «открыть глаза» на его собственную судьбу. Например, в хронотопе 1 собеседник Стивенса высказывает свое мнение относительно «остатка дня» любого человека: «*We've all got to out our feet up at some point. <...> All right, so neither of us are exactly in our first flush of youth, but you've got to keep looking forward. <...> You've got to enjoy yourself. **The evening's the best part of the day.** You've done your day's work. Now you can put your feet up and enjoy it. That's how I look at it. Ask anybody, they'll all tell you. **The evening's the best part of the day***» [Ibid., p. 256] (Всем нам когда-то приходит срок уходить на покой. <...> Согласен, и я и Вы далеко не первой молодости, но нужно глядеть вперёд... <...> Нужно радоваться жизни. **Вечер — лучшее время суток.** Кончился долгий рабочий день, можно отдышать и радоваться жизни. Вот как я на это гляжу. Да Вы любого спросите — услышите то же самое. **Вечер — лучшее время суток**). Точку зрения случайного прохожего, по воле автора романа, также оказавшегося дворецким, не дослужившим до «великого», характеризующую отношение

к «вечеру жизни человека», Стивенс воспроизводит потом в потоке собственной ВР, вспоминая её позже, чем состоялся разговор. Но, подумав над содержанием слов, дворецкий принимает решение — использовать дарованный ему «остаток дня» для того, чтобы научиться грамотно шутить со своим новым хозяином, поскольку тот не очень был доволен отсутствием легкости в диалоге со слугой: «...*bantering is hardly an unreasonable duty for an employer to expect a professional to perform. <...> Perhaps, then, when I return to Darlington Hall tomorrow — Mr Farraday will not himself be back for a further week — I will begin practising with renewed effort. I should hope, then, that by the time of my employer's return, I shall be in a position to pleasantly surprise him*» [Ibid., p. 58] (...у хозяев есть немалые основания, чтобы требовать от профессиональных дворецких умения поддерживать подобную болтовню <...> ...вернувшись завтра в Дарлингтон-холл — а мистер Фарадей задержится ещё на неделю, — я, пожалуй, с удвоенной силой возобновлю тренировки. Поэтому, будем надеяться, к возвращению хозяина я окажусь в состоянии преподнести ему приятный сюрприз).

Таким образом, повествование с помощью репрезентации ВР персонажа завершается. Дворецкий, прекрасно понимая, что у него ещё есть «остаток дня», не находит в себе сил принять свой грядущий «вечер» как отдых от будущих профессиональных забот и осмысление собственной жизни. Стивенс остаётся внутри того пространства, которое его уже поглотило. Статусно-ориентированный дискурс жизни человека подчиняет себе личностно-ориентированную его направленность, о чём и повествует нам субъектно-речевая организация ХД романа Исигуро «Остаток дня».

5. Заключение

Проведя лингводискурсивный анализ вербальной ВР главного персонажа дворецкого Стивенса, можно констатировать, что во всех линиях повествования в ХД романа «Остаток дня» это есть важнейшая, определяющая сущность данного дискурса. Такой тип речи представляет собой образование, созданное на основе естественной ВР человека, обладающее специфическими признаками нормативности, логичности, выверенности с точки зрения выбора лексики, грамотности используемых конструкций, художественной оформленности. На содержание речи оказывает влияние профессиональный статус дворецкого, служащего в элитном английском доме.

Коды ВР персонажа в ХТ работают по аналогии с кодами внешней речи и доступны читателю как полноценная коммуникация, что подтверждает и наличие в диалоговом пространстве ВР персонажа своего виртуального читателя, с которым дворецкий ведет убеждающий разговор. Главной фор-

мой выражения изображённой ВР персонажа выступает внутренний диалог субъекта с самим собой и виртуальными читателями из среды профессиональных дворецких (*for the likes of you and me / таким, как мы с вами; You may be amazed... / Вы, пожалуй, удивитесь...; I hope you will agree... / Вы, полагаю, согласитесь...*), с которыми персонаж считает возможным беседовать и предлагать обоснование своей позиции. Интроспекция дворецкого занимает центральное место в хронотопах с перспективой и ретроспективой, так как в диалогах высказываются все базовые дискурсивные формулы, определяющие этику поведения субъекта.

Другие текстовые категории (глобальная связность, например) характеризуются активным использованием дискурсивных маркеров, способствующих связности дискурса (*«In thinking about this recently, it seems possible that...»* [Ibid., p. 173] (*Когда возвращаешься к событиям задним числом, представляется вероятным...*)), и выражаются с помощью четырёх ключевых концептов (СЛУЖЕНИЕ, ДОЛГ, ДОСТОИНСТВО, ВЕЛИКИЙ ДВОРЕЦКИЙ), содержание которых раскрывается именно во ВР персонажа с помощью лексических повторов, возвращающих читателя к обсуждению категории служения или категории достоинства «великого дворецкого» в хронотопе развёрнутых воспоминаний субъекта.

Коммуникативная роль заглавия текста романа как способа организации авторских интенций позволяет после прочтения всего текста отметить, что его метафорическое наполнение представляет собой глобальную пропозицию пространственно-временного характера — «сжатый» хронотоп, получающий расшифровку в основной части ХД.

ХД Стивенса включает в свой объём личностно-ориентированную направленность, главным доказательством наличия которой является доминирующая эгоцентрическая речь героя, и статусно-ориентированную направленность, поскольку в эгоцентрической речи звучит тема подмена личностного статусным служением.

Источники

1. Исигуро, К. Остаток дня / К. Исигуро ; [перевод с английского В. А. Скороденко]. — Москва : ЭКСМО, 2020. — 330 с.
2. Ishiguro K. The Remains of the Day / K. Ishiguro. — London : Faber and Faber, 1999. — 266 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артюшков И. В. Внутренняя речь и ее изображение в художественной литературе : на материале романов Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 17.05.2004 / И. В. Артюшков. — Москва, 2004. — 46 с.

2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1972. — 318 с.
3. Белова Е. Н. Поэтика романа Кадзуо Исигуро «Не отпускай меня» (к проблеме художественного мультикультуризма) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 21.03.2012 / Е. Н. Белова. — Воронеж, 2012. — 19 с.
4. Блох М. Я. Внутренняя речь в структуре художественного текста / М. Я. Блох, Ю. С. Сергеева. — Москва : МПГУ, 2011. — 180 с.
5. Бондаренко Т. В. Ценностные характеристики лингвокультурного типажа «английский дворецкий»: оценка типажа в современном массовом сознании британцев / Т. В. Бондаренко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия. 2, Языкознание. — 2009. — № 1 (9). — С. 193—196.
6. Виноградов В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов. — Москва : Высшая школа, 1971. — 240 с.
7. Выготский Л. С. Мышление и речь : психологические исследования / Л. С. Выготский. — Москва : Лабиринт, 1996. — 416 с.
8. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — Москва : КомКнига, 2007. — 144 с.
9. Гальперин П. Я. К вопросу о внутренней речи / П. Я. Гальперин // Доклады АПН РСФСР. — 1961. — № 4. — С. 134—138.
10. Гусева Г. В. Типологические характеристики вербализованной внутренней речи : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук: 05.02.2003 / Г. В. Гусева. — Орел, 2002. — 34 с.
11. Давлетова Т. А. Персонаж художественного произведения как языковая личность / Т. А. Давлетова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2016. — № 2. — С. 11—14.
12. Жинкин Н. И. Язык — речь — творчество / Н. И. Жинкин. — Москва : Лабиринт, 1998. — 368 с.
13. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с.
14. Кириллова Т. В. Внутренняя речь в аспекте интраперсональной коммуникации (на материале англоязычной художественной прозы) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук: 03.03. 2011 / Т. В. Кириллова. — Самара, 2011. — 23 с.
15. Леонова Н. М. Прагматика обращенности внутренней речи в немецких и русских художественных текстах : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук: 29.04.2005 / Н. М. Леонова. — Москва, 2005. — 24 с.
16. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. — Москва : Просвещение, 1969. — 214 с.
17. Лурия А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. — Москва : Издательство Московского университета, 1979. — 320 с.
18. Ларина С. Г. Ситуация конфликта и ее отражение во внутренней речи (на материале англоязычной художественной литературы XIX—XX в) : диссертация ... кандидата филологических наук / С. Г. Ларина. — Орехово-Зуево, 2014. — 159 с.
19. Мартыанова И. А. Композиционно-синтаксическое взаимодействие внешней и внутренней речи персонажей в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» / И. А. Мартыанова // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2020. — № 4. — С. 149—160. — DOI: 10.23859/1994-0637-2020-4-97-13.

20. Массалина И. П. Дискурсивные маркеры / И. П. Массалина // Известия Калининградского государственного технического университета / И. П. Массалина. — 2009. — № 15. — С. 211—217.

21. Никандрова И. А. Языковая личность персонажа: лингвистический аспект исследования / И. А. Никандрова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Серия: Филология и искусствоведение. — 2010. — № 2(2). — С. 15—19.

22. Погребняк Ю. В. Характеристики интериоризованного дискурса : автореферат диссертации ... доктора филологических наук: 29.11.2012 / Ю. В. Погребняк. — Волгоград, 2012. — 41 с.

23. Салимова Р. М. Модальность внутренней речи в английских и русских текстах: диссертация ... кандидата филологических наук: 03.05.2007 / Р. М. Салимова. — Уфа, 2007. — 163 с.

24. Селитрина Т. Л. Память и нарратив в романе К. Исигуро «Остаток дня» / Т. Л. Селитрина // Вестник Пермского университета. Серия: Российская и зарубежная филология. — 2018. — Т. 10, № 4. — С. 125—134. — DOI: 10.17072/2037-6681-2018-4-125—134.

25. Сергеева Ю. С. Внутренняя речь как особая форма языкового общения (на материале англоязычной художественной литературы) : автореферат диссертации ... доктора филологических наук: 21.09.2009 / Ю. С. Сергеева. — Москва, 2009. — 35 с.

26. Сигал К. Я. Об одном лексико-синтаксическом маркере языковой личности персонажа / К. Я. Сигал // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 127—146. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-127-146.

27. Сидорова О. Г. Кадзуо Исигуро. Писатель в «зыбком мире» / О. Г. Сидорова // Вопросы литературы. — 2018. — № 4. — С. 301—318. — DOI: 10.31425/0042-8795-2018-4-301-318.

28. Федотова О. С. Лингвостилистические средства реализации интроспекции персонажа в современной англоязычной художественной прозе : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук: 28.09.2007 / О. С. Федотова. — Москва, 2007. — 27 с.

29. Хабибуллина Л. Ф. Японский контекст романа К. Исигуро «Остаток дня» / Л. Ф. Хабибуллина // Филология и культура. — 2012. — № 1 (27). — С. 130—135.

30. Vorda A. An Interview with Kazuo Ishiguro [Electronic resource] / A. Vorda, K. Herzinger, K. Ishiguro // Mississippi Review. — 1991. — Volume 20 (1/2). — P. 131—154. — Access mode: <http://www.jstor.org/stable/20134516> (accessed: 17.04.2021).

MATERIAL RESOURCES

Ishiguro, K. (2020). *The Remains of the Day* [translation from English V. A. Skorodenko]. — Moscow : Eksmo. 330 p. (In Russ.).

Ishiguro, K. (1999). *The Remains of the Day*. London : Faber and Faber. 266 p.

REFERENCES

Artyushkov, I. V. (2004). *Inner speech and its image in fiction: based on the novels of F. M. Dostoevsky and L. N. Tolstoy*: author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 46 p. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1972). *Problems of Dostoevsky's poetics*. Moscow: Art Literature. 318 p. (In Russ.).

- Belova, E. N. (2012). *Poetics of Kazuo Ishiguro's novel "Don't Let Me Go" (to the problem of artistic multiculturalism)*: author's abstract of PhD. Diss. Voronezh. 19 p. (In Russ.).
- Blokh, M. Ya., Sergeeva, Yu. S. (2011). *Internal speech in the structure of artistic text*. Moscow: Moscow State Pedagogical University. 180 p. (In Russ.).
- Bondarenko, T. V. (2009). Value characteristics of the linguocultural type "English butler": assessment of the type in the modern mass consciousness of the British. *Bulletin of Volgograd State University. Series. 2, Linguistics, 1 (9)*: 193—196. (In Russ.).
- Davletova, T. A. (2016). Character of a work of art as a linguistic personality. *Vestnik VSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2*: 11—14. (In Russ.).
- Fedotova, O. S. (2007). *Linguistic stylistic means of implementing character introspection in modern English-language fiction*: author's abstract of PhD. Diss. Moscow. 27 p. (In Russ.).
- Galperin, I. R. (2007). *Text as an object of linguistic research*. Moscow: KomKniga. 144 p. (In Russ.).
- Guseva, G. V. (2002). *Typological characteristics of verbalized internal speech*: author's abstract of PhD. Diss. Orel. 34 p. (In Russ.).
- Halperin, P. Ya. (1961). On the question of internal speech. *Reports of the APN RSFSR, 4*: 134—138. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2002). *Linguistic circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Change. 477 p. (In Russ.).
- Khabibullina, L. F. (2012). The Japanese context of K. Ishiguro's novel "The Remains of the Day". *Philology and Culture, 1 (27)*: 130—135. (In Russ.).
- Kirillova, T. V. (2011). *Internal speech in the aspect of intrapersonal communication (based on the material of English-language fiction)*: author's abstract of PhD. Diss. Samara. 23 p. (In Russ.).
- Larina, S. G. (2014). *Situation of the conflict and its reflection in internal speech (based on the material of English-language fiction of the XIX—XX centuries)*. PhD Diss. Orekhovo-Zuevo. 159 p. (In Russ.).
- Leonova, N. M. (2005). *Pragmatics of the inversion of inner speech in German and Russian literary texts*: author's abstract of PhD. Diss. Moscow. 24 p. (In Russ.).
- Leontyev, A. A. (1969). *Language, speech, speech activity*. Moscow: Education. 214 p. (In Russ.).
- Luria, A. R. (1979). *Language and consciousness*. Moscow: Moscow University Publishing House. 320 p. (In Russ.).
- Martyanova, I. A. (2020). Compositional-syntactic interaction of external and internal speech of characters in the novel by IS Turgenev "Fathers and Sons". *Bulletin of the Cherepovets State University, 4*: 149—160. DOI: 10.23859/1994-0637-2020-4-97-13. (In Russ.).
- Massalina, I. P. (2009). Discourse markers. *Bulletin of the Kaliningrad State Technical University, 15*: 211—217. (In Russ.).
- Nikandrova, I. A. (2010). Linguistic personality of the character: the linguistic aspect of the study. *Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University. Series: Philology and Art Criticism, 2 (2)*: 15—19. (In Russ.).
- Pogrebnyak, Yu. V. (2012). *Characteristics of internalized discourse*: author's abstract of Doct. Diss. Volgograd. 41 p. (In Russ.).

- Salimova, R. M. (2007). *Modality of inner speech in English and Russian texts*. PhD Diss. Ufa. 163 p. (In Russ.).
- Selitrina, T. L. (2018). Memory and narrative in K. Ishiguro's novel "Remains of the day". *Bulletin of Perm University. Series: Russian and Foreign Philology*, 10/4: 125—134. DOI: 10.17072/2037-6681-2018-4-125-134. (In Russ.).
- Sergeeva, Yu. S. (2009). *Internal speech as a special form of linguistic communication (based on the material of English-language fiction)*: author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 35 p. (In Russ.).
- Sidorova, O. G. (2018). Kazuo Ishiguro. A writer in a "shaky world". *Questions of literature*, 4: 301—318. DOI: 10.31425/0042-8795-2018-4-301-318. (In Russ.).
- Sigal, K. Ya. (2021). About one lexico-syntactic marker of the character's linguistic personality. *Nauchnyi dialog*, 2: 127—146. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-127-146. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (1971). *About the theory of artistic speech*. Moscow: Higher school. 240 p. (In Russ.).
- Vorda A., Herzinger, K., Ishiguro, K. (1991). An Interview with Kazuo Ishiguro. *Mississippi*, 20 (1/2): 131—154. Available at: <http://www.jstor.org/stable/20134516> (accessed: 17.04.2021).
- Vygotsky, L. S. (1996). *Thinking and speech: psychological research*. Moscow: Labyrinth. 416 p. (In Russ.).
- Zhinkin, N. I. (1998). *Language — speech — creativity*. Moscow: Labyrinth. 368 p. (In Russ.).

Никитин О. В. «Оказывается, что “Словарь Островского” в Главлите еще не подписан...» (из переписки Н. С. Ашукина и С. И. Ожегова 1940—1960-х годов) / О. В. Никитин // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 113—135. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-113-135.

Nikitin, O. V. (2021). “It Turns Out Glavlit Has Not Yet Signed Off on Ostrovsky Dictionary...” (Correspondence of N. S. Ashukin and S. I. Ozhegov 1940—1960s). *Nauchnyi dialog*, 6: 113-135. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-113-135. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-113-135

«Оказывается, что “Словарь Островского” в Главлите еще не подписан...»
(из переписки Н. С. Ашукина и С. И. Ожегова 1940—1960-х годов)

Никитин Олег Викторович

orcid.org/0000-0003-2815-6691

Scopus AuthorID 57209316536

доктор филологических наук, профессор
кафедры истории русского языка
и общего языкознания
olnikitin@yandex.ru

Московский государственный
областной университет
(Мытищи, Россия)

“It Turns Out Glavlit Has Not Yet Signed Off on Ostrovsky Dictionary...”
(Correspondence of N. S. Ashukin and S. I. Ozhegov 1940—1960s)

Oleg V. Nikitin

orcid.org/0000-0003-2815-6691

Scopus AuthorID 57209316536

Doctor of Philology, Professor
Department of History of the Russian
Language and General Linguistics
olnikitin@yandex.ru

Moscow Region State University
(Mytishchi, Russia)

© Никитин О. В., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируются малоизвестные факты работы Н. С. Ашукина, С. И. Ожегова и В. А. Филиппова над оригинальным лексикографическим изданием 1940-х годов — «Словарем к пьесам А. Н. Островского». Показана связь социокультурной ситуации в стране с научными исследованиями тех лет. Уделено внимание фактам идеологического давления на филологическую мысль. Раскрываются обстоятельства, препятствовавшие выходу в свет словаря. В приложении впервые публикуются подлинные письма участников этого проекта, рассказывающие о неоднозначной ситуации в Главном управлении по делам литературы и издательств (Главлите) и намерении авторов спасти рукопись от гибели. Говорится о дальнейших попытках ученых и их потомков возобновить подготовку издания книги в 1960—1970-е годы. Приведенные в переписке факты комментируются с позиции истории и философии науки, указываются необходимые отсылки, делаются возможные сопоставления с событиями и лицами, упоминаемыми в письмах. Представленный фрагмент лингвистической картины мира рассматривается также в контексте развития языковой личности и ее роли в эпоху диктатора. Обращается внимание на высокую историческую ценность предпринятого труда и его место в лексикографической традиции XX века. Делается вывод о том, что архивные материалы играют ключевую роль в воссоздании реальной картины жизни и деятельности советских ученых, дополняют летопись науки ценными наблюдениями и способствуют объективной оценке достижений филологов, показывают их твердую позицию в отстаивании интересов науки во время главенства идеологизированности в обществе.

Ключевые слова:

словарь; лексикографическая традиция; история языкознания; наука и идеология; переписка; архивные источники.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The little-known facts of the work of N. S. Ashukin, S. I. Ozhegov and V. A. Filippov on the original lexicographic edition of the 1940s — “Dictionary to the plays of A. N. Ostrovsky” is analyzed in the article. The connection between the socio-cultural situation in the country and the scientific research of those years is shown. Special attention is paid to the facts of ideological pressure on philological thought. The circumstances that hindered the publication of the Dictionary are revealed. For the first time, genuine letters from the participants in this project, telling about the ambiguous situation in Glavlit (Soviet Main Administration for Safeguarding State Secrets in the Press) and the intention of the authors to save the manuscript from death are published in the appendix. It tells about further attempts of scientists and their descendants to resume the preparation of the publication of the book in the 1960—1970s. The facts given in the correspondence are commented on from the standpoint of history and philosophy of science, the necessary references are indicated, possible comparisons are made with the events and persons mentioned in the letters. The presented fragment of the linguistic picture of the world is also considered in the key of the development of linguistic personality and its role in the era of dictatorship. Attention is drawn to the high historical value of the undertaken work and its place in the lexicographic tradition of the XX century. It is concluded that archival materials play a key role in reconstructing the real picture of the life and activities of Soviet scientists, supplement the chronicle of science with valuable observations and contribute to an objective assessment of the achievements of philologists, show their firm position in upholding the interests of science during the dominance of ideologization in society.

Key words:

dictionary; lexicographic tradition; history of linguistics; science and ideology; correspondence; archival sources.

«Оказывается, что “Словарь Островского” в Главлите еще не подписан...» (из переписки Н. С. Ашукина и С. И. Ожегова 1940—1960-х годов)

© Никитин О. В., 2021

1. Введение

История создания и публикации «Словаря к пьесам А. Н. Островского» (далее — «Словарь») составляет еще одну потаенную страницу в летописи отечественной филологии XX века, сопряженную с общественными течениями и противоречивыми событиями в культурной жизни страны, влиявшими на конъюнктуру в науке. Авторы этого издания — Н. С. Ашукин, С. И. Ожегов и В. А. Филиппов — авторитетные исследователи литературного быта, театра и словесных традиций русского общества. Они впервые в филологической практике того времени принялись за осуществление интересного замысла — создание словаря драматурга-классика как «круга чтения», энциклопедии культуры. Каждый из них был по-своему удивителен и неповторим.

2. Авторы «Словаря» в контексте эпохи (по материалам переписки и архивным источникам)

Николай Сергеевич Ашукин (1890—1972) широко известен как автор «Крылатых слов» — книги, включившей литературные цитаты и образные выражения и подготовленной вместе с женой Марией Григорьевной Ашукиной [Ашукин и др., 1955]. Но другая сторона его биографии раскрывает этого исследователя как незаурядного представителя Серебряного века русской культуры — поэта, литературного критика, библиографа и архивиста, талантливого очеркиста, московеда, автора книг «А. Блок в воспоминаниях современников и в его письмах» (1924), «Живой Пушкин» (1926), «Декабристы. Историческая повесть» (1928), «Валерий Брюсов» (1929), «Как работал Некрасов» (1933) и многих интересных работ о жизни и творчестве поэтов и писателей. Он создал своего рода историко-литературную мозаику «литературных экскурсий» и портретов уходящей эпохи, рассказал о ее открытиях и утратах, впустил читателя в мир грибоедовской и пушкинской Москвы, являлся вдохновенным рассказчиком-краеведом.

Н. С. Ашукин, судя по переписке с С. И. Ожеговым, который очень высоко ценил своего коллегу, был действительно энциклопедистом старой

школы. Он великолепно чувствовал слово, которое в его памяти оживало красками духовной жизни и превращалось в повесть о былом величии русской культуры. Еще и поэтому познания Н. С. Ашукина в деле изучения текстов произведений А. Н. Островского, питавшего, как известно, особенный интерес к купеческому сословию, пригодились для филологической обработки лексикона XIX века.

В переписке ученых проступают и другие грани личности Н. С. Ашукина: он великолепно владел инструментарием XVIII столетия, знал народно-образную стихию (именно к нему обратился С. И. Ожегов в письмах 6 и 7 с просьбой помочь распознать слова из комедий П. А. Плавильщикова). И в то же время он мог дать полезный совет, например, и по такому необычному вопросу, который возник у его соавтора в связи с необходимостью расшифровать выражение *крухмальные ворота*: «Не знаете ли, где найти материалы о постройках в Москве Триумф<альных> ворот деревянных, начиная с Петра, чтобы узнать, стояли ли на них статуи (Нептуна или других)» (см. подробнее письмо 6 и черновые наброски ответа на просьбу С. И. Ожегова).

Ему же автор «Словаря русского языка» доверял личные проблемы и не стеснялся в выражениях, когда описывал события из своей биографии: «Поздравьте меня — я освободился от замдиректорства. За исполнение этой должности получил официальную благодарность — для смягчения немалой доли обычно-академического хамства, которым сопровождалось мое освобождение» (письмо 9). Имевшиеся в нашем распоряжении архивные материалы свидетельствуют об особой атмосфере доверия, профессиональной чуткости и терпимости. С. И. Ожегов и Н. С. Ашукин дружили семьями и до последнего не хотели расставаться с мыслью об утрате «Словаря к пьесам А. Н. Островского», загубленного крючкотворцами из Главлита и официальной цензурой конца 1940-х — начала 1950-х годов. В одном из последних писем к Н. С. Ашукину от 27 апреля 1964 года Сергей Иванович выражал надежду: «Спасибо за книгу (имеется в виду сборник «Ушедшая Москва» [1964]. — О. Н.). Она, при высокой температуре, пришлась мне очень кстати. Теперь рядом у Вас метро. Обязательно нагреем в ближайшее время. Очень без Вас соскучился. Получив книгу, подумал: а не издать ли *Московский рабочий* нашего Островского?» (письмо 10).

Сергей Иванович Ожегов (1900—1964) — известный лексикограф, специалист по культуре речи, стилистике и социалингвистике — прочно вошел в сознание современников как участник знаменитого «Ушаковского» словаря (1934/1935—1940) и автор однотомного нормативного толкового «Словаря русского языка» (первое издание — 1949 год). Его биография хорошо известна [Граудина, 2001; Костомаров, 2001; Скворцов, 1982;

Скворцов, 2003]. За последние десятилетия были опубликованы статьи и письма по архивным источникам, восстановлена канва событий и дискуссий в лингвистике [Словарь, 2001], свидетелем которых был Сергей Иванович, уточнены его биографические данные, а главное — в научный оборот введено много полезной фактической информации о филологическом «быте» ученых и лексикографической практике 1920—1960-х годов (см., например, недавние работы: [Никитин, 2020а; Никитин, 2020б]). Поэтому здесь мы скажем о другом.

С. И. Ожегов был погружен в словарную работу с ранних лет и воспринимал ее не как «повинность», а как живое творчество. Его умение заниматься словесной эквилибристикой — чувствовать дыхание языка, подбирать нужные смыслы и доискиваться до первоисточника — поражает. Начиная с увлеченности просторечием в 1920-е годы [Ожегов, 2000] и создания первого проекта «Словаря революционной эпохи» [Словарь, 2001, с. 410—412] — до работы вместе с легендарным Д. Н. Ушаковым, правой рукой которого по части дипломатии он был долгие годы. И здесь соавторы ему также доверили эту нелегкую ношу переговорщика с цензорами и издателями: «Влад<имир> Ал<ександрович>дрович [Филиппов] очень надеется на Ваш словарно-главлитовский опыт» (из письма 5).

В переписке с Н. С. Ашукиным С. И. Ожегов необычен: деловитый, мудрый, осторожный, педантичный и одновременно ученый-романтик, подмечающий все краски жизни: «Но в дороге (на теплоходе, смотря на изумительный закат) простудился на непривычном морском ветру» (из письма 10). Он мог быть ироничным по отношению к себе: «Погибаю в Кемери от холода и дождей, от процедур и размеренной еды, притом пресной» (из письма 8), и в то же время пронзительно правдивым, когда обмолвился другу об «обычно-академическом хамстве» (из письма 9). В общении филологов подчеркнуто строгая стилистика, даже сухость письменной речи, когда нужно было срочно решить важный вопрос, сменяется мягкостью и поклонами с благопожеланиями. Их словесные диалоги показывают высокое свойство «филологии духа» личности и не оставляют равнодушным читателя. Все эти *брусяная светличка*, *веретенный бой* (письмо 1), *обоюн*, *колухмастер*, *мучкарить* (письмо 7) и другие изумруды народной речи, обсуждавшиеся в посланиях ученых по поводу издания «Словаря к пьесам Н. А. Островского» и комедий Плавильщикова, исследованию языка и стиля которых С. И. Ожегов посвятил объемную работу [Ожегов, 1949], свидетельствуют о природном интересе и профессиональной наблюдательности лексикографа, его понимании драматургических произведений не просто как текстов для анализа, а художественно осмысленных фотографий эпохи. Сын Ожегова Сергей Сергеевич сочувственно писал

об отце: «Он и сам был частицей этой истории в самом живом и непосредственном смысле слова» [Ожегов, 1993, с. 7¹]. Наверное, Н. А. Островский был близок и понятен «словесной душе» С. И. Ожегова, поднимавшейся ввысь от традиционно русских примет и старинных словечек вроде *зане*, *кружало*, областных речений и народных песен... С. С. Ожегов как будто угадал настроение отца, когда размышлял о нем: «Он имел яркий и своеобразный характер, достойный быть может пера А. Н. Островского, которого он ставил исключительно высоко. Пожалуй, А. Н. Островский был его любимым писателем. Он ценил в нем исключительное дарование драматурга, не уступавшее великим мастерам литературы Шекспиру и Мольеру по своей яркости, образности, богатству языка, динамизму и, главное, глубокому проникновению в самую сущность человеческих страстей. Выбор А. Н. Островского для составления “писательского” словаря был для Сергея Ивановича далеко не случаен» [Там же].

Владимир Александрович Филиппов (1889—1965) — историк театра и критик, заслуженный деятель искусств РСФСР, заместитель директора Центрального Дома актера, в годы Великой Отечественной войны входил в состав президиума Всероссийского театрального общества (ВТО), автор недавно опубликованной по дневниковым записям книги «Очень точно, очень срочно! Фронтовые бригады Всероссийского театрального общества» [Филиппов, 2020]. До революции он учился на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета и увлеченно занимался историей драматургии. В 1912 году находился во Франции, работал в Парижской национальной библиотеке с документами XVIII века, опубликовав позднее статьи о Мольере и о русском актере и театральном деятеле Ф. Г. Волкове и др. [Там же, с. 4—5]. В советское время вышла его книга «Беседа о театре» (1924). Он был успешным, как бы теперь сказали, управленцем: в разные годы занимал должности председателя театральных секций Наркомпроса, заведующего Управлением театров Моссовета и кабинетом А. Н. Островского в ВТО. Преподавательская деятельность В. А. Филиппова началась в Музыкально-драматическом училище Филармонического общества и Московском археологическом институте и продолжалась в советское время в Театральном училище имени М. С. Щепкина, Школе-студии имени В. Немировича-Данченко и ГИТИСе [Там же, с. 5]. Ему принадлежат биографические очерки об актерах А. И. Южине (1941), Прове Садовском (1943), А. А. Остужеве (1945), А. А. Яблочкиной (1947)

1 Здесь и далее при цитировании «Предисловия» С. С. Ожегова к репринтному переизданию «Словаря к пьесам А. Н. Островского» мы используем «ручную» нумерацию, так как в первоисточнике она отсутствует вовсе. Это «Предисловие» помещено перед текстом «Словаря», имеющим свою автономную пагинацию.

и Е. Д. Турчаниновой (1948), книги о мастерах сцены Малого театра «Пять Фамусовых» (1924), «Театральный музей имени А. А. Бахрушина (1955; в соавторстве с Б. Л. Медведевым) и мн. др.

Неудивительно поэтому, что такой крупный специалист по театральному делу был необходим двум словесникам — Н. С. Ашукину и С. И. Ожегову. Ведь по сути они готовили не просто словарь-справочник, а энциклопедию культуры, быта и духовных традиций XIX века, отраженных в классических образцах комедийно-драматических произведений А. Н. Островского. Это, не без уверенности можно сказать, был вызов советской номенклатуре — и искусства, и филологической науки. Все дореволюционное тогда рассматривалось исключительно с марксистских позиций, и такой смелый опыт детального воссоздания колорита ушедшей эпохи с ее культами, обрядами, одеждами, именами подвижников и историческими деятелями мог восприниматься не иначе как ретроградство. Возможно, впоследствии, чтобы как-то сгладить этот перекося в историю и показать современное практическое применение «Словаря», появился «довесок» на титуле (во всяком случае в письмах о нем ничего не говорится): «Справочник для актеров, режиссеров, переводчиков» [Ашукин и др., 1993, с. 1]. С. С. Ожегов, автор «Предисловия» к переизданию «Словаря», справедливо назвал его «энциклопедией русской жизни» [Ожегов, 1993, с. 3]. Вот этот триумф самобытных мастеров искусства никак не вписывался в шеренгу правофланговых деятелей советской науки. Тем более что Н. С. Ашукин и В. А. Филиппов, старшие коллеги С. И. Ожегова, еще застали просвещенческие традиции царского времени, да и С. И. Ожегов с детства впитал семейные устои дореформенной России.

В. А. Филиппов, несомненно, выделялся среди своих коллег особой художественной жилкой и знанием народного театра изнутри: как он сделан, кто стоял у его истоков, что такое сцена, какие великие актеры на ней служили, и главное — фигура самого знаменитого драматурга Малого театра А. Н. Островского, с его лаконичным метким слогом, тончайшей иронией и глубиной проникновения в психологию личности своих героев. Вот что вспоминал о В. А. Филиппове С. С. Ожегов: «Его критические статьи читаются как увлекательные рассказы. Он обладал прекрасным чувством языка и уделял особое внимание писательскому и актерскому мастерству, проблемам сценической речи» [Там же, с. 9].

Как можно понять из переписки ученых, первоначально «Словарь» планировалось выпустить в издательстве ВТО, и работа над ним началась еще до Великой Отечественной войны (письмо 1). В. А. Филиппов был тесно связан с обществом по работе, и, очевидно, полагаясь на его авторитет в мире искусства, Н. С. Ашукин и С. И. Ожегов, надеялись на

успешное продвижение этого начинания. Даже для Главлита, как свидетельствует письмо 5, именно В. А. Филиппов подписывал «Словарь». В опубликованных репринтом гранках издания на титуле было напечатано: «Под общей редакцией Вл. Филиппова» [Ашукин и др., 1993, с. 1]. Он же разужнал имена сотрудников Главлита, читавших там рукопись, и ведал, как можно предполагать, всей подноготной коридоров театральной власти. По мнению С. С. Ожегова, именно В. А. Филиппов был «инициатором и вдохновителем работы над словарем» [Ожегов, 1993, с. 9].

Таким образом, получился весьма удачный тандем не только в смысле профессиональных качеств его участников, но и деловых, ведь приходилось решать и сложные политические проблемы. Лексикография в те годы находилась в эпицентре научных дискуссий и полемики как внутри сообщества филологов, так и далеко за его пределами.

3. «...в силу запрета вышестоящих правительственных органов...»: о судьбе «Словаря» в 1940—1950-е годы

Работа над изданием началась еще до войны. По-видимому, основная часть была уже готова. Н. С. Ашукин в письме С. И. Ожегову от 18 февраля 1941 года сетовал: «... мы нарушаем все сроки; задерживать сдачу словаря уже невозможно», — и просил «ускорить присылку очередных букв» (письмо 1). Н. С. Ашукин напоминал С. И. Ожегову, что им была не сдана еще буква *П*. Объем книги должен был составлять 30 печатных листов. Но что случилось потом, неясно (к сожалению, нам не удалось найти другие письма 1941 года). Об этом же писал и сын С. И. Ожегова: «Книгу набрали, до выхода в свет сигнального экземпляра оставались считанные дни, но... дальше произошло что-то, что по-видимому навсегда останется неизвестным» [Ожегов, 1993, с. 3]. То ли возникли цензурные «придирки» или издательские проблемы, то ли было урезано финансирование, или начавшаяся война не дала авторам реализовать задуманное?..

2 июля 1941 года известный ученый-пушкинист М. А. Цявловский написал рецензию на «Словарь-справочник к пьесам А. Н. Островского», как он назывался тогда. В ней подчеркивалось, что это «весьма нужная, прекрасно составленная книга» [РГАЛИ, ф. 1890, оп. 4, ед. хр., № 144, л. 1]. В качестве одного из достоинств издания М. А. Цявловский отметил обилие текстовых примеров: «... одна цитата часто лучше объясняет значение слова, чем самое подробное толкование» [Там же, л. 2]. Очень важен, по мнению ученого, кроме лексикографического, и «реальный комментарий». Он замечал: «Для такого писателя, как Островский, реалиста и драматурга, реальный комментарий имеет сугубо важное значение. Не говоря уже о том, что он позволяет неизменно глубже понять текст писателя всякому

читателю в чисто практических целях, при постановке пьес Островского на сцене» [Там же, лл. 2—3]. В заключении рецензии М. А. Цявловский сделал пожелание авторам включить иллюстрации, которые «чрезвычайно нужны в такого рода справочнике» [Там же, л. 3].

Значит, и в первые месяцы войны работа над «Словарем» продолжалась, и была надежда выпустить его до начала жестокого лихолетья.

Эта тема вновь возникает в переписке 1945 года. Из нее можно заключить, что ученые и в сложный период продолжали хлопотать о публикации «Словаря». Возникла идея выпустить книгу в издательстве Академии наук, но бюрократическая машина плановой экономики и обычное человеческое равнодушие (а может быть, и зависть коллег, стремившихся реализовать свои проекты) затормозили очередную попытку реализовать намеченное. С. И. Ожегов, сожалея о сложившейся ситуации, сообщал об этом Н. С. Ашукину 2 января 1945 года: «Есть ли новое с Островским? Не писал Вам, потому что кончилось безрезультатно, что в течение месяца надеялся на устройство в Акад. издательство охотно взялось бы за Островского [такое согласование в тексте. — *О. Н.*], но для проведения через РИСО необходимо было включение его в изд<ан>ий план Ин<ститу>та [русского языка]. А он, конечно, перегружен своими опусами, и потому в Отделении отнеслись к этому более чем равнодушно» (письмо 2).

Очевидно, понимая, что без поддержки во властных структурах продвигать «Словарь» будет непросто, С. И. Ожегов обращался за советом к крупному научному и партийному функционеру А. М. Еголину, работавшему в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). «Ему понравилась (с моего изложения) наша книга, — писал С. И. Ожегов Н. С. Ашукину 24 января 1945 года, — и он считает ее очень нужной» (письмо 3). Здесь же ученый сообщал, что А. М. Еголин «обещал полную поддержку и свою рекомендацию издать». Но так ли это было на самом деле? К сожалению, мы пока не имеем других фактов. Но истинная роль А. М. Еголина, который в течение своей карьеры не раз «переворачивался» (достаточно вспомнить, что именно он в августе 1946 года был назначен главным редактором журнала «Звезда» [Постановление № 274, 1946] для исправления идейных «ошибок» прежней редакции, связанных с публикацией произведений А. А. Ахматовой и М. М. Зощенко), в таких делах могла быть совсем другой.

О связи этих деталей мог свидетельствовать такой странный, на первый взгляд, факт, рассказанный С. С. Ожеговым: «Где-то в 1949 году со Старой площади в Театральное общество пришел запрос о Словаре. Кто-то на самом верху проявил интерес к нему. Почему? — можно только догадываться. То ли авторов обвинили в апологетике купеческого быта, то ли

“поступил сигнал” о “религиозной направленности”, то ли еще что-то. Вот из ЦК ВКП(б) и затребовали текст словаря. В Театральном обществе от-тиснули двадцать экземпляров с уже готового набора, несколько оттисков послали в ЦК, а что-то осталось у авторов <...>. Словарь “правительственным органам” не понравился, его запретили, договор с авторами расторгли, набор рассыпали. Редакционно-издательский отдел ВТО известил авторов об этом письмом <...>» [Ожегов, 1993, с. 4]. В опубликованном С. С. Ожеговым документе от 26 января 1950 года говорилось: «В связи с тем, что принятая от Вас рукопись для “СЛОВАРЯ К ПЬЕСАМ ОСТРОВСКОГО” не может быть выпущена в силу запрета со стороны вышестоящих правительственных органов, заключенный вами авторский договор от 25.VII-47 года за № 177 считается расторгнутым» [Там же, с. 5]. Дальше началась тяжба авторов с издательством: письма, суд... О них мы можем говорить, полагаясь только на папку документов под названием «Материалы по иску Ашукина Н. С. и Ожегова С. И. к издательству ВТО о взыскании авторского гонорара за книгу “Словарь к пьесам Островского”: исковое заявление в прокуратуру, решение суда, переписка Ашукина Н. С. и Ожегова С. И. с ВТО и др.» [РГАЛИ, ф. 1890, оп. 4, ед. хр., № 91], сохранившуюся в фонде Н. С. Ашукина, но недоступную для изучения исследователям, так как она, по словам сотрудников этого учреждения, содержит личную информацию и может быть открыта только с разрешения родственников ученого. Таким образом, судьба «Словаря» оказалась предрешена, но кто именно сыграл ключевую роль в разоблачении «вредной» книги, пока неизвестно.

Вернемся к перипетиям издательских дел до этого момента. 15 августа 1945 года С. И. Ожегов сообщал Н. С. Ашукину о новых трудностях: «Положение с ГосЛит. считаю безнадежным. С Ал<ексан>дром Мих<айловичем> [Еголиным] говорил дважды. Составление плана, утверждение его было очень тяжело, говорил он. Чтоб втиснуть нас, и речи нет. После всего этого предпринял я другие шаги, и в изд-ве словарей образуется новый раздел — словари писателей. Вопрос разрешается <...> и, по-видимому, положительно в ближайшие дни. Наш словарь стоит первым. Необходимо в ближайшие же дни показать одну-две буквы словаря» (письмо 4). В конце добавил такую фразу: «Трудно очень общаться», показывающую нездоровую ситуацию вокруг «Словаря».

11 апреля 1949 года Н. С. Ашукин известил С. И. Ожегова о состоянии дела. Из письма понятно, что окончательное решение по «Словарю» затягивалось, авторам чинили все новые и новые препоны: «Оказывается, что “Словарь Островского” в Главлите еще не подписан. Его только сегодня для Главлита подписал Владимир Александрович. Но экземпляр Словаря в Главлите уже читается и снова вызвал у читавших ряд вопросов и за-

мечаний. Основное замечание: «словарь очень мало переделан». Что надо переделать, по-видимому, опять не указано» (письмо 5).

Итак, «Словарь» был фактически загублен «правительственными органами» на самой последней стадии готовности, но его дальнейшая судьба продолжала волновать авторов, не сдававшихся под натиском идеологической машины. Уже после получения письма о расторжении договора они вдвоем продолжали бороться за издание словаря.

4. Ответ В. А. Филиппова Н. С. Ашукину и С. И. Ожегову

В РГАЛИ нами был найден интересный документ, датируемый, по-видимому, августом 1950 года. Это ответ В. А. Филиппова Н. С. Ашукину и С. И. Ожегову на их вопросы [РГАЛИ, ф. 1890, оп. 4, ед. хр., № 78, лл. 12—12 об.]. Публикуем данный текст полностью (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источников), так как он имеет непосредственное отношение к истории исследуемого события и раскрывает неизвестные обстоятельства работы ученых над «Словарем».

Копия

АВТОРАМ «СЛОВАРЯ К ПЬЕСАМ ОСТРОВСКОГО»

Т.Т. АШУКИНУ и С. И. ОЖЕГОВУ

Многоуважаемые Николай Сергеевич и Сергей Иванович!

Ваше письмо от 8 августа с. г. получил. Отвечаю на Ваши вопросы.

1. Было ли получено в свое время разрешение Главлита на сдачу рукописи Словаря в набор?

— Да, конечно, такое разрешение было получено: ведь без наличия разрешения Главлита ни одна типография не может приступить к набору.

2. Какими соображениями руководствовался Главлит, давая разрешение на напечатание 20 экземпляров Словаря?

— В беседе со мной и б<ывшим> заместителем председателя ВТО проф. М. С. Григорьевым представители Главлита, отметив ценность и необходимость издания такого Словаря, вместе с тем подчеркнули ответственность данного издания. Содействуя тому, чтобы Словарь вышел во всех отношениях образцовым, Главлит, дав разрешение отпечатать 20 экземпляров, рекомендовал разослать их на рецензию с тем, чтобы еще раз подвергнуть критическим замечаниям Словарь в соответствии с новейшими взглядами советской науки на ряд затронутых в Словаре тем.

3. Посылались ли экземпляры напечатанного Словаря на рецензии и каковы были отзывы рецензентов?

— Да, посылались. Заслушанные в кабинете Островского ВТО отзывы, указывая ряд отдельных частных дополнений и исправлений, в целом носили положительный характер. Замечания рецензентов вместе с Вашими исправлениями, уточнениями и дополнениями были внесены в издательский экземпляр.

4. Представляло ли издательство ВТО в Главлит исправленный нами экземпляр Словаря на предмет разрешения к печати?

— Нет, не представляло — Главлит читал Словарь только в рукописи и верстке. Но издательство ВТО почему-то сочло 27/V — 1949 года вторично послать в Главлит верстку, в которую не были внесены авторские и редакторские исправления (авторы еще работали в это время над уточнением и дополнением Словаря), почему данная посылка в Главлит не получила никакого ответа. Тем более, что к маю 1949 года еще не был утвержден издательский план ВТО, а Главлит по существующим правилам не рассматривает трудов до утверждения издательских планов.

5. Имело ли когда-либо место запрещение Словаря Главлитом?

— Нет, такого запрещения никогда не было. Главлит, наоборот, дважды давал разрешение: первый раз на сдачу в набор, второй раз на отпечатание 20 экземпляров Словаря, каковы и были отпечатаны в январе 1949 года.

К этому считаю нужным добавить, что вообще какого-либо «запрета со стороны вышестоящих правительственных органов» (как это утверждал зав. РИО ВТО т. Афанасьев Г. В. в официальном (так в тексте письма. — *О. Н.*) уведомлении, полученном авторами 26/I — 1950 г. № 10/5) не было: по авторитетному разъяснению зам. Председателя совета ВТО т. Покровского А. В. от 4 апреля 1950 г. за № 808-и, возникло лишь «сомнение в целесообразности включения в план» 1950 г. Словаря. После ознакомления с рукописью Председателя комитета (так! — *О. Н.*), которому Словарь был послан опять-таки без уже внесенных к этому времени дополнений и исправлений <...> Словарь к пьесам Островского был исключен из издательского плана ВТО.

Проф. В. ФИЛИППОВ

Публикуем далее еще одно письмо В. А. Филиппова Н. С. Ашукину [РГАЛИ, ф. 1890, оп. 4, ед. хр., № 78. л. 13]:

Копия

Многоуважаемый Николай Сергеевич!

В дополнение к письму, ранее мной Вам посланному, считаю нужным сообщить, что мною выяснено со всей точностью, что исправления, внесенные авторами в экземпляр Словаря Островского, были закончены к середине сентября 1949 года, после чего были мной как редактором сведены в один экземпляр, сданный в Изд. Отд. ВТО.

Проф. В. ФИЛИППОВ
28/X — 50 г.

Эти письма В. А. Филиппова показывают, насколько неоднозначной была ситуация и внутри самого коллектива авторов: то, что происходило

«наверху», как следует из первого письма, знал в подробностях только В. А. Филиппов. В этом послании он дал недвусмысленный намек соавторам на «новейшие взгляды советской науки», которые не позволяли выпустить книгу без доработки и повторного рецензирования. Какие это были «течения», сейчас всем известно: клеймились «подонки литературы», «буржуазно-аристократическое эстетство и декаденство», «чуждая советской литературе безыдейность и аполитичность», за ними следовали космополиты — «низкопоклонники» перед Западом, маячила реставрация марризма... В такой удушливой атмосфере проповедовать слово Островского было небезопасно, тем более что задуманная книга не отвечала политическим запросам партии и советского общества, хотя в предисловии к «Словарю» авторы для соблюдения формальной дипломатии и сослались на Постановление ЦК ВКП(б) от 26 августа 1946 года «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению».

5. Судьба «Словаря» в 1970—1990-е годы: долгожданная удача

Несмотря на невозможность выпустить «Словарь в 1940—1950-х годах, издательское затишье в 1960-е, идея опубликовать уже подготовленную к печати книгу была актуальна позднее и жила в сердцах и умах свидетелей той лексикографической битвы. Жена С. И. Ожегова Серафима Алексеевна писала Марии Григорьевне Ашукиной 15 января 1973 года: «Я ничего не делала со Словарем Островского. У Сережи (имеется в виду сын С. И. Ожегова. — *О. Н.*) есть печатный экземпляр Словаря. И вообще о Словаре Вам сообщит Сережа, он в курсе дела» [РГАЛИ, ф. 1890, оп. 3, ед. хр., № 779, лл. 3—2 об.]. 7 мая 1973 года С. А. Ожегова вновь с надеждой смотрит на перспективу выпуска в свет книги: «Очень рада тому, что “лед тронулся” и хотят издать Словарь Островского. Дай Бог, чтобы это сбылось» [Там же, л. 5].

Это удалось сделать только в 1990-е, то есть спустя полвека со времени практического завершения работы над ним. Один экземпляр «Словаря», «изданный» в 1949 году микроскопическим тиражом в 20 экземпляров для служебных целей, сохранился в домашнем архиве С. И. Ожегова. Его сын вспоминал: «Книга стояла на полке, переплетенная в цветастый ситец, и было грустно и горько думать, что она так и не вышла в свет. Годы шли, а моя суматошная жизнь, полная неотложных дел и забот, все не давала мне возможности заняться словарем вплотную. Да и то сказать, пытаться издать его в годы “застоя” было делом безнадежным» [Ожегов, 1993, с. 10].

В конце 1980-х С. С. Ожегов предпринял попытку издать книгу в том самом ВТО. Все отнеслись очень хорошо к такому мероприятию. Удача, казалось, уже совсем близка. В качестве научного редактора пригласили

известного литератора В. Я. Лакшина: «Это было необходимым, поскольку за сорок лет <...> многое изменилось в мире. Вышло полное собрание сочинений А. Н. Островского, и следовало сверить с ним тексты цитат. Обнаружились пропуски в словнике <...>. Наконец, оттиск содержал немало опечаток, и их нужно было тоже исправить» [Там же, с. 11]. Далее, как писал С. С. Ожегов, в 1990 году рукопись «подготовили для передачи в типографию», и началась новая история! «В типографию она так и не попала по совершенно неясным для меня причинам. А потом начались приватизация, коммерциализация (слова-то какие!), и все вообще стало совершенно неясным. Словарь опять “застрял”. Не помогло и письмо в его поддержку, написанное крупнейшими деятелями русского театра и опубликованное газетой “Культура” в октябре 1992 года» [Там же].

И наконец через год «Словарь к пьесам А. Н. Островского» был издан «усилиями тех, кому дорога русская культура, при содействии редакционно-издательской фирмы “Веста” под наблюдением В. П. Шумкова в июне 1993 года в количестве 25 тысяч экземпляров. Из них 500 в переплете нумерованы от руки» — такая торжественная запись предвляла книгу (а на оборотной стороне — портрет А. Н. Островского). Но сделать корректное научное издание не получилось — его отпечатали репринтным способом с чудом сохранившихся гранок 1949 года, «закрыв глаза на те невольные и в общем-то малозначительные упущения, которые были сделаны четыре десятка лет тому назад» [Там же].

Непростая история «Словаря» завершилась удачей: читатели, научные работники, искусствоведы и театральные деятели получили уникальный подарок из времени 1940-х, когда жили настоящие герои. Их имена — Николай Сергеевич Ашукин, Сергей Иванович Ожегов, Владимир Александрович Филиппов.

Однажды в 2000-х, оказавшись на каком-то спектакле в Малом театре, я обратил внимание на столик с буклетами и книгами. Среди них была и та самая «библия» языка Н. А. Островского, в ромашках на голубом фоне с красной виньеткой по середине, где читалось это многострадальное, но бодрое своим филологическим духом имя великой книги — «Словарь к пьесам А. Н. Островского».

6. Заключение

Документальная летопись отечественной лексикографии XX века еще не написана. В ней недостает фактов и анализа тех событий, которые в силу разных обстоятельств оказались закрытыми для широкого поля исследователей. На примере изучения истории создания и публикации «Словаря к пьесам А. Н. Островского» мы показали только один фрагмент лек-

сикографической картины мира середины двадцатого столетия, в которой переплелись события и лица особой филологической эпохи. Её высокие устремления и яркие творческие замыслы часто сталкивались с диктатом идеологии и были обречены на провал. Но сила и мужество подлинных ученых, несмотря на все неудачи в практической реализации издания «Словаря», являются образцом высокой научной культуры, преданности делу филологии. Включение в научный оборот подобных источников позволяет восстановить достоверность многих интересных явлений того времени и заполнить лакуны в истории лингвистики XX века.

7. Приложение: переписка Н. С. Ашукина и С. И. Ожегова

1. Н. С. Ашукин — С. И. Ожегову

[Москва] 18 II 1941

Многоуважаемый Сергей Иванович,
мы нарушаем все сроки; задерживать сдачу словаря уже невозможно; изд-во ВТО переходит (и, кажется, уже перешло) в изд-во «Искусство»; наша задержка может рассматриваться как неисполнение договора, а это, как Вы понимаете, угрожает нам неприятностями. Поэтому прошу Вас ускорить присылку очередных букв.

В присланной Вами букве В почти ни одна карточка у меня не вызывает возражений, — кажется, [...] все надо, но, думаю, что не следует так щедро приводить цитаты к каждому объясняемому слову.

Написанные Вами карточки составляют:

А = 10.800 знаков

Б = 37.400 —

В = 36.000 —

т. е. три буквы заняли уже более двух листов. Объем словаря по договору 30 листов; мною написано около 10 листов; около 2-х (а м<ожет> б<ыть> и больше) напишет Влад<имир> Александрович¹; т<аким> обр<азом> на Вашу долю придется не более 15-ти. Учтите это. Я знаю, что последние буквы алфавита не потребуют много места, но знаю и то, что Вами еще не сдана П. М<ожет> б<ыть> мои опасения выйти из нормы и напрасны. У Вас больше словарной опытности.

Очень прошу Вас не писать на одной карточке по два по три слова. В мне пришлось разрезать, расклеивать, а это очень отнимает время.

И еще: подсчитывайте число знаков каждой карточки, хотя бы и не точно. Несколько слов из моего репертуара я объяснить не умею и прошу об этом Вас. Слова эти следующие: «Пучки, глаголы лысые затылки...». Дм. самозв., ч. II, сд. IV[.] т. V, стр. 453.

Брусная светличка. Комик, д. I, т. VII, с. 411 (я см. в Ист. архитектуры и ничего не нашел; м<ожет> б<ыть> объяснить просто: брусны, брусчатый).

Веретенный бой — Василиса Мел<ентьева>, д. III, явл. 5[.] т. VI, с. 168.

1 Здесь и далее речь идет о соавторе «Словаря» В. А. Филиппове.

Мне думается, что тут какая-то игра словами; *веретеном* наз<ывается>, если я не путаю, какое-то стенобитное орудие. Вам легче навести справки.

Очень прошу Вас позвонить мне.

Привет Н. Ашукин

[Архив РАН, ф. 1516, оп. 2, ед. хр. № 25, лл. 1 — 1 об. — 2, автограф].

2. С. И. Ожегов — Н. С. Ашукину

[Москва] 2/I—45

Дорогой Николай Сергеевич!

Поздравляю Вас с Новым Годом. Трудно очень с Вами общаться. Есть ли новое с Островским? Не писал Вам, потому что кончилось безрезультатно, что в течение месяца надеялся на устройство в Акад. издательство охотно взялось бы за Островского (такое согласование в тексте. — *О. Н.*), но для проведения через РИСО необходимо было включение его в изд<ательск>ий план Ин<ститут>та¹. А он, конечно, перегружен своими опусами, и потому в Отделении отнеслись в этому более чем равнодушно. Вл<адими>ру Ал<ександрови>чу позваниваю, но судьба препятствует: не удалось с ним говорить. Жду от Вас каких-н<ибудь> сообщений, т. к. более чем когда-н<ибудь> изнываю от безденежья, а работаю с трудом: все тянется острый период язвы желудка.

Ваш С. Ожегов

[РГАЛИ, ф. 1890, оп. 3, ед. хр. № 365, л. 3, автограф].

3. С. И. Ожегов — Н. С. Ашукину

[Москва] 24/I—45

Дорогой Николай Сергеевич!

Сегодня я говорил с Ал<ексан>дром Мих<айловичем> Егол<иным>² по поводу Островского. Ему понравилось (с моего изложения) наша книга, и он считает ее очень нужной. Он рекомендует так: обратиться к Чагину³ с соответств<ующим> письмом от Театр<ального> О<бщест>ва с просьбой об издании. Конечно[,] это нужно сделать кому-н<ибудь> из нас лично. Чагин должен будет позвонить, несомненно, об этом Ал<ексан>дру Мих<айловичу>, и последний, в разговоре со мной, обещал полную поддержку и свою рекомендацию издать. Звонил я сегодня Вл<адими>ру Александровичу, но разве сыщешь его! Вы бываете в ВТО, поговорите с ним[,] не откладывая. Лучше действовать по свежим следам.

Ваш С. Ожег<ов>

[РГАЛИ, ф. 1890, оп. 3, ед. хр. № 365, л. 4, автограф].

1 Имеется в виду Институт русского языка АН СССР.

2 Еголин Александр Михайлович (1896—1959) — советский литературовед и партийный деятель, член-корреспондент АН СССР. В 1945 году работал в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), одновременно заведовал кафедрой истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. С 1946 года занимался исправлением «идейных» ошибок журнала «Звезда».

3 Лицо установить не удалось. Очевидно, ответственный работник издательства.

4. *С. И. Ожегов — Н. С. Ашукину*

[Москва] 16/VIII—45

Дорогой Николай Сергеевич!

Не писал Вам и не ответил даже на открытку потому, что не было ничего определенного. За это время было вот что: Чагин окончательно сказал, что об этом годе не может быть и речи. А Вы ведь знаете, что «будущий» год всегда там начинается не раньше мая. Положение с ГосЛит. считаю безнадежным. С Ал<ексан>дром Мих<айловичем>¹ говорил дважды. Составление плана, утверждение его было очень тяжело, говорил он. Чтоб втиснуть нас, и речи нет. После всего этого предпринял я другие шаги, и в изд-ве словарей образуется новый раздел — словари писателей. Вопрос разрешается [...] и, по-видимому, положительно в ближайшие дни. Наш словарь стоит первым. Необходимо в ближайшие же дни показать одну-две буквы словаря. У нас ведь есть 2^й экз. Можно ли его достать? Я думаю, показ (так. — *О. Н.*) из Гослит. не стоит трогать. На днях напишу [...] кому и когда показать. Трудно очень общаться. Арбатская подстанция восстановлена, но тел. у меня так и нет.

Ваш Серг. Ожегов

[РГАЛИ, ф. 1890, оп. 3, ед. хр. № 365, л. 5, автограф].

5. *Н. С. Ашукин — С. И. Ожегову*

[Москва] 11 VI 1949

Дорогой Сергей Иванович!

Оказывается, что «Словарь Островского» в Главлите еще не подписан. Его только сегодня для Главлита подписал Владимир Александрович. Но экземпляр Словаря в Главлите уже читается и снова вызвал у читавших ряд вопросов и замечаний. Основное замечание: «словарь очень мало переделан». Что надо переделать, по-видимому, опять не указано. Влад. Александрович считает необходимым быть в Главлите вместе с Вами. В понедельник — 13-го, он будет в ВТО с четырех часов. Созвонитесь с ним, не откладывая. Он узнал фамилии лиц, читавших Словарь в Главлите, и просил меня сообщить их Вам. Это — Козелова Любовь Михайловна (тел. К 5-26-17) и Волжина (тел. Г 6-58-47).

Пишу Вам на случай, если в понедельник не уловлю Вас по телефону. Ежели в Главлите и на сей раз встретим мы преграды, то следует куда-то подать жалобу. Но куда и как — обо всем этом надо нам всем договориться при встрече.

Влад. Ал<ексан>дрович очень надеется на Ваш словарно-главлитовский опыт. Жму Вашу руку.

Н. Ашукин

[Архив РАН, ф. 1516, оп. 2, ед. хр. № 25, лл. 3 — 3 об., автограф].

---

1 Имеется в виду А. М. Еголин.

6. С. И. Ожегов — Н. С. Ашукину

[Москва] 9/І—50

Дорогой Николай Сергеевич!

Давно нет от Вас известий. Получили ли Вы мое письмо к Новому Году [?] Никак к Вам не выбраться. Вчера звонил Вам по телефону, и откликнулся мужской голос, к^{ото}рый сказал, что торопится уходить и Вас позвать не может, но что ему известно, что Вы встали, но из дому не выходите. Так ли это, и как Ваше здоровье [?] С Афанасьевым я разговариваю аккуратно через каждые три дня, почему и обнаруживается некоторый результат. А именно, он уже ознакомился с нашим делом, но не может найти документов первой выплаты (довоенной?). Я ему сказал, что второй договор аннулировал старый и что выплаты по старому договору пошли в зачет. Для него это было новостью! Просил для окончательного ответа позвонить 10го. Правда, такие окончательные дни уже бывали, однако у них пока не возникала, кажется, еще мысль о принципиальном отказе. Хотя и для этого выход ведь есть же!

Большая к Вам просьба. Не знаете ли Вы что-н^ибудь^о о нижеследующих выражениях из комедий Плавильщикова [:]

1. Самый ты бѣсъ=Сольца (по-видимому, это ругательно, но что значит?) [.]
2. Перепопсал ты меня (т. е., по тексту, опозорил или поставил положение; не связано ли происх^ождение этого с каким-н^ибудь^о старым или церк^овным^о обычаем?) [.]
3. Охреян (кроме Даля, что мне известно, где это и есть ли у Чернышева, я не могу вспомнить. М. б. Вы что-н^ибудь^о знаете?) [.]
4. Сурога ты питерской (есть у Даля, не знаете ли Вы что-н^ибудь^о?) [.]
5. Укромонное место. Не помните ли, где это у Крылова, в какой басне? И откуда это слово?
6. Статуи с крухмальных ворот. Выражение, бывшее в XVIII в. Известные Триумф^альные^е Садов^ые^е ворота со статуями построены Бове только в 1827 г. на Красных воротах, построенных Ухтомским в 1753 г., были ли статуи? Не знаете ли, где найти материалы о постройках в Москве Триумф^альных^е ворот деревянных, начиная с Петра, чтобы узнать, стояли ли на них статуи (Нептуна или других).

С искренним приветом

С. Ожегов

Сурога — у Даля.

Перепопсал — едва ли связ^ано с цер^ковным^о обыч^аем^о.

Ц^{ер}ковно^сл^авянское^е *перепопсати* = пояс, передник. После грехоп^адения^а А^дама^а и Е^вы^ы [...] (Быт 3; 7)

Тр^иумф^альные^е вор^ота^а по проекту Ухтомского сооруж^ены^ы в 1743 (?)

В 1709 г. при П^етре^е І постр^оили^ы семь триумф^альных^е вор^от^о. Украш^ены^ы эмблематич^ескими^и картинами Суда [.] По опис^анию^ю статуй не было (Сол^овьев^ы Ист^ория^а Р^оссии^и). Кн. III, т. XV [...]¹

[РГАЛИ, ф. 1890, оп. 3, ед. хр. № 365, лл. 7 — 7 об. — 8 — 8 об., автограф].

1 Несколько абзацев в конце письма после подписи С. И. Ожегова представляют собой отрывочные записи простым карандашом, сделанные рукой Н. С. Ашукина. Это его ответы на вопросы коллеги, заданные в письме выше.

7. С. И. Ожегов — Н. С. Ашукину

Дорогой Сергей Иванович!

Вчера вновь звонил Афанасьеву, окончательный ответ, конечно, отложен на пятницу. Голос — любезно-благожелательный, что, впрочем, вряд ли может служить показателем положительного решения!

Еще к Вам просьба по Плавильщикову:

Знаете ли Вы что-н<ибудь>, кроме того, что есть у Даля, о словах обоюн и ромода? И форма колухмастер?

Что Вы знаете о слове мучкарить (по тексту вроде того что мучить, плохо от-носиться).

Знаете ли Вы выражения корчить волосы (о модах XVIII в.).

Шва на ней не стало (=распустилась — о плохом поведении).

Виски остучу. Веркисецкий скубент (обучал купца в Москве).

Николай Сергеевич! Только не занимайтесь разысканиями, это Вас затруднит, и мне было бы очень совестно. Напишите то, что сразу возникнет по памяти. Получили ли мое первое письмо? С аналогичными просьбами? Я в ближайшие дни должен сдать статью о языке Плавильщикова — этим и объясняется такая моя поспешность и обилие просьб.

[Москва] 11/I—50

С искренним приветом

С. Ожегов

Звонить Вам не решаюсь. Напишите [,] можно ли?

Корчить волосы — завидовать. В Словаре Ак<адемии> Наук (т. 4, вып. 8, П., 1914): Жар корчит волосы — кривит, сводит в крюк (со ссылкой на Слов<арь> Акад<емии>).¹

[РГАЛИ, ф. 1890, оп. 3, ед. хр. № 365, лл. 9 — 9 об. — 10, автограф].

8. С. И. Ожегов — Н. С. Ашукину

[Кемери] 22.VII.54

Дорогой Николай Сергеевич!

Погибаю в Кемери² от холода и дождей, от процедур и размеренной еды, при-том пресной.

Напишите мне, как дела у Вас? Сдали ли крылатые³ в гослит? Пошла ли бро-шюра в госполите⁴? И вообще о московской жизни.

1 Отмеченный абзац — черновой ответ Н. С. Ашукина на один из вопросов С. И. Ожегова.

2 С. И. Ожегов любил отдыхать в Прибалтике. Кемери — климатический и бальнеогрязевой курорт, с 1959 года входит в состав г. Юрмалы.

3 Имеется в виду книга Н. С. и М. Г. Ашукиных «Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения», выпущенная первым изданием в 1955 году [Ашукин и др., 1955].

4 В те годы — Государственное издательство политической литературы (Госполитиздат). Установить, о какой брошюре идет речь, не удалось. Возможно, задуманная книга так и не была издана.

Поклон Марье Григорьевне¹.

Ваш С. Ожегов
[РГАЛИ, ф. 1890, оп. 3, ед. хр. № 365, л. 12, автограф].

9. С. И. Ожегов — Н. С. Ашукину

[Москва] 22.VI.62

Дорогой Николай Сергеевич!

Очень рад был получить от Вас известие. А неурядиц переездов теперь уж, верно, не избежать... Но, конечно, все образуется. Возможно, что мне тоже это предстоит. Будем тогда поближе к Вам. Но определенности еще нет по времени, да и по существу. Решают инстанции, и в числе оных ВВ². Оказалось, что много зависит от него. Хотя всё и проблематично, но, раз надежды есть, надо думать о конкретностях. Напишите, во сколько обошелся Вам переезд, в частности книги (я забыл[,] к кому надо обратиться — Вы мне говорили).

Поздравьте меня — я освободился от замдиректорства³. За исполнение этой должности получил официальную благодарность — для смягчения немалой доли обычно-академического хамства, которым сопровождалось мое освобождение. Об этом расскажу при свидании. Думаю, что в начале июля [...].

Сердечный мой привет Марье Григорьевне. Трудно, верно, хозяйственно при-
выкать к неустроенному новому месту.

Ваш С. Ожегов
[РГАЛИ, ф. 1890, оп. 3, ед. хр. № 365, лл. 13 — 13 об., автограф].

10. С. И. Ожегов — Н. С. Ашукину

[Москва] 27.IV.64

Дорогой Николай Сергеевич!

Поздравляем Марью Григорьевну и Вас с майским праздником. Несколько дней тому назад мы вернулись в Москву. Путешествовали по южному Крыму совершенно диким способом. Было прохладно, и потому можно было ходить, смотреть, публики везде мало. Но в дороге (на теплоходе, смотря на изумительный закат) простудился на непривычном морском ветру. Сижу поэтому дома.

Спасибо за книгу⁴. Она, при высокой температуре, пришлась мне очень кстати. Теперь рядом у Вас метро. Обязательно нагрянем в ближайшее время. Очень без

1 Ашукина Мария Григорьевна (1894—1980) — вторая жена Н. С. Ашукина, соавтор его книги «Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения» [Ашукин и др., 1955].

2 Имеется в виду В. В. Виноградов (1894/95—1969), в то время директор Института русского языка АН СССР, академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР. В итоге С. И. Ожегов переехал в новую квартиру.

3 С. И. Ожегов находился на должности заместителя директора Института русского языка АН СССР.

4 Очевидно, имеется в виду книга воспоминаний современников о Москве XIX века «Ушедшая Москва», подготовленная к изданию Н. С. Ашукиным (см.: [Ушедшая ..., 1964]).

Вас соскучился. Получив книгу, подумал: а не издаст ли *Московский рабочий* нашего Островского?

Надеюсь, что М<арья> Г<ригорьевна> и Вы здоровы и бодры!

Ваш С. Ожегов

[РГАЛИ, ф. 1890, оп. 3, ед. хр. № 365, лл. 16 — 16 об., автограф].

Источники и принятые сокращения

1. Архив РАН — *Архив* Российской академии наук (Москва). Ф. 1516. (Ожегов Сергей Иванович).
2. РГАЛИ — *Российский* государственный архив литературы и искусства (Москва). Ф. 1890 (Ашукин Николай Сергеевич).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашукин Н. С. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. — Москва : Гослитиздат, 1955. — 668 с.
2. Ашукин Н. С. Словарь к пьесам А. Н. Островского : репринтное издание / Н. С. Ашукин, С. И. Ожегов, В. А. Филиппов. — Москва : Веста, 1993. — 248 с.
3. Граудина Л. К. С. И. Ожегов — известный и неизвестный / Л. К. Граудина // Словарь и культура русской речи : к 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. — Москва : Индрик, 2001. — С. 395—401.
4. Костомаров В. Г. С. И. Ожегов : русская речь и «Русская речь» / В. Г. Костомаров // Словарь и культура русской речи : к 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. — Москва : Индрик, 2001. — С. 17—22.
5. Никитин О. В. «В ответ на Ваш запрос сообщая…» (к 70-летию издания «Словаря» С. И. Ожегова) / О. В. Никитин // Русская речь. — 2020а. — № 2. — С. 115—127. — DOI: 10.31857/S013161170009277-3.
6. Никитин О. В. «Словарь Ваш нужен всем»: письма к С. И. Ожегову 1940—1960-х гг. (к 120-летию со дня рождения ученого) / О. В. Никитин // Вопросы лексикографии. — 2020б. — № 18. — С. 133—149. — DOI: 10.17223/22274200/18/7.
7. Ожегов С. И. О просторечии (к вопросу о языке города) / С. И. Ожегов ; вступительная статья и комментарии О. В. Никитина // Вопросы языкознания. — 2000. — № 5. — С. 93—110.
8. Ожегов С. И. О языке купеческой комедии П. А. Плавильщикова / С. И. Ожегов // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. — Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1951. — Том 2. — С. 55—93.
9. Ожегов С. С. Предисловие / С. С. Ожегов // Ашукин Н. С., Ожегов С. И., Филиппов В. А. Словарь к пьесам А. Н. Островского : репринтное издание. — Москва : Веста, 1993. — С. 3—11 [без нумерации в тексте].
10. Постановление № 274, 1946 — О журналах «Звезда» и «Ленинград» : Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) № 274 от 14 августа 1946 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/USSR/journal.htm> (дата обращения: 04.02.2021)
11. Скворцов Л. И. С. И. Ожегов : пособие для учащихся / Л. И. Скворцов. — Москва : Просвещение, 1982. — 112 с.

12. Скви́рцов Л. И. Сергей Иванович Ожегов / Л. И. Скви́рцов // Отечественные лингвисты XX века : сборник статей / редкол.: Ф. М. Березин (отв. ред.) и др. — Москва : ИНИОН РАН, 2003. — С. 31—53.

13. *Словарь и культура русской речи : к 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова* / [редкол.: Н. Ю. Шведова и др.]. — Москва : Индрик, 2001. — 557 с.

14. Филиппов В. А. Очень точно, очень срочно! / В. А. Филиппов. — Москва : Артист. Режиссер. Театр, 2020. — 112 с.

15. *Ушедшая Москва : воспоминания современников о Москве второй половины XIX века* / [подгот. текста, предисл. и примеч. Н. С. Ашукина]. — Москва : Московский рабочий, 1964. — 432 с.

MATERIAL RESOURCES

Archive of the RAS — *Archive of the Russian Academy of Sciences (Moscow)*. F. 1516. (Ozhegov Sergey Ivanovich).

RGALI — *Russian State Archives of Literature and Art (Moscow)*. F. 1890 (Ashukin Nikolai Sergeevich).

REFERENCES

Ashukin, N. S., Ashukina, M. G. (1955). *Wing words. Literary quotes. Figurative expressions*. Moscow: Goslitizdat. 668 p. (In Russ.).

Ashukin, N. S., Ozhegov, S. I., Filippov, V. A. (1993). *Dictionary to the plays of A. N. Ostrovsky*: reprint edition. Moscow: Vesta. 248 p. (In Russ.).

Dictionary and culture of Russian speech. (2001). Moscow: Indrik. 557 p. (In Russ.).

Filippov, V. A. (2020). *Very accurate, very urgent!* Moscow: Artist. Producer. Theater. 112 p. (In Russ.).

Begone Moscow: Reminiscences of Contemporaries about Moscow in the Second Half of the 19th Century. (1964). Moscow: Moscow worker. 432 p. (In Russ.).

Graudina, L. K. (2001). S. I. Ozhegov — known and unknown. In: *Dictionary and culture of Russian speech*. Moscow: Indrik. 395—401. (In Russ.).

Kostomarov, V. G. (2001). S. I. Ozhegov: Russian speech and “Russian speech”. In: *Dictionary and culture of Russian speech*. Moscow: Indrik. 17—22. (In Russ.).

Nikitin, O. V. (2020a). “In response to your request, I inform you ...” (to the 70th anniversary of the publication of the “Dictionary” by S. I. Ozhegov). *Russian speech*, 2: 115—127. DOI: 10.31857/S013161170009277-3. (In Russ.).

Nikitin, O. V. (2020b). “Your dictionary is necessary for everyone”: letters to S. I. Ozhegov of the 1940—1960s. (to the 120th anniversary of the birth of the scientist). *Russian Journal of Lexicography*, 18: 133—149. DOI: 10.17223/22274200/18/7. (In Russ.).

Ozhegov, S. I. (1951). About the language of the merchant comedy by P. A. Plavilshchikov. In: *Materials and research on the history of the Russian literary language*, 2. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 55—93. (In Russ.).

Ozhegov, S. I. (2000). About common speech (to the question of the language of the city). *Voprosy Jazykoznanija*, 5: 93—110. (In Russ.).

Ozhegov, S. S. (1993). Foreword. In: Ashukin, N. S., Ozhegov, S. I., Filippov, V. A. *Dictionary to the plays of A. N. Ostrovsky: Reprint edition*. Moscow: Vesta. 3—11. (In Russ.).

Resolution № 274, 1946 — *On the magazines “Zvezda” and “Leningrad”: Resolution of the Organizing Bureau of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks No 274, August 14, 1946.* Available at: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/journal.htm> (accessed: 04.02.2021). (In Russ.).

Skvortsov, L. I. (1982). *Ozhegov: a manual for students*. Moscow: Education. 112 p. (In Russ.).

Skvortsov, L. I. (2003). Sergei Ivanovich Ozhegov. In: *Domestic linguists of the XX century: collection of articles*. Moscow: INION RAN. 31—53. (In Russ.).

Селеменова О. А. Система мифонимов в поэзии И. А. Бунина / О. А. Селеменова // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 136—150. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-136-150.

Selemeneva, O. A. (2021). System of Mythonyms in Poetry of Ivan Bunin. *Nauchnyi dialog*, 6: 136-150. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-136-150. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-136-150

Система мифонимов в поэзии И. А. Бунина

Селеменова Ольга Александровна

orcid.org/0000-0002-0488-8428

ResearcherID B-6408-2018

доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка, методики его
преподавания и документоведения
ol.selemeneva2011@yandex.ru

Елецкий государственный университет
им. И. А. Бунина
(Елец, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
и Липецкой области в рамках
научного проекта № 20-412-480003

System of Mythonyms in Poetry of Ivan Bunin

Olga A. Selemeneva

orcid.org/0000-0002-0488-8428

ResearcherID B-6408-2018

Doctor of Philology, Professor
Department of the Russian Language,
Methods of its Teaching and
Documentation
ol.selemeneva2011@yandex.ru

Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia)

Acknowledgments:

The research was funded
by RFBR and Lipetsk Region,
project number 20-412-480003

© Селеменова О. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена одной из проблем литературной ономастики — инвентаризации ономастических единиц художественных текстов как неотъемлемой части словаря языка конкретного писателя. Актуальность выбранной темы обусловлена малоизученностью вопроса мифонимикона поэзии и прозы И. А. Бунина. Новизна работы связана с описанием мифологических имен Бунина-поэта как целостной системы. В основу классификации мифонимов положены пять принципов: источник, из которого использовано имя (таких источников было обнаружено три: этимологические, антропогонические, героические, культовые и др. типы мифов; религиозно-философская литература; разножанровые произведения славянского фольклора); номинируемый образ фантастического объекта (зафиксировано одиннадцать семантических групп: мифоантропонимы, теонимы, демонимы, мифотопонимы, мифогидронимы, мифоорнитонимы и др.); отношение к общезыковому мифонимикону (узуальные, индивидуально-авторские, контекстуальные мифонимы); структурный тип (фиксируются простые, или однословные мифонимы, сложные, представленные билексемой, и составные мифонимы, двухсловные и трехсловные); наличие коннотаций в семантике (обнаружены имена с отрицательным и положительным коннотативным фоном). Автор приходит к выводу, что мифонимы в поэзии И. А. Бунина становятся теми устойчивыми языковыми знаками, которые несут огромный объем историко-культурной информации и обладают богатым ассоциативным потенциалом, аккумулируя специфику мировоззрения писателя, они способствуют моделированию текстового пространства.

Ключевые слова:

литературная ономастика; поэзия И. А. Бунина; мифоним; этимология; семантика; структурный тип; коннотация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to one of the problems of literary onomastics — an inventory of onomastic units of literary texts as an integral part of the vocabulary of the language of a particular writer. The relevance of the chosen topic is due to the poorly studied issue of the mythonymicon of poetry and prose by I. A. Bunin. The novelty of the work is associated with the description of the mythological names of Bunin the poet as an integral system. The classification of mythonyms is based on five principles: the source from which the name was used (there were three such sources: etiological, anthropogonic, heroic, cult and other types of myths; religious and philosophical literature; multi-genre works of Slavic folklore); the nominated image of a fantastic object (eleven semantic groups are recorded: mythoanthroponyms, theonyms, demononyms, mythotonyms, mythohydronyms, mythoornithonyms, etc.); etymology (otonymic, otapellative and special contextual mythological names are marked); structural type (simple or one-word mythonyms, complex, represented by a bilexeme, and compound mythonyms, two-word and three-word ones are fixed); the presence of connotations in semantics (names with negative and positive connotative backgrounds were found). The author comes to the conclusion that mythonyms in I.A.Bunin's poetry become those stable linguistic signs that carry a huge amount of historical and cultural information and have a rich associative potential, accumulating the specifics of the writer's worldview, they contribute to the modeling of the text space.

Key words:

literary onomastics; poetry of I. A. Bunin; mythonym; etymology; semantics; structural type; connotation.

Система мифонимов в поэзии И. А. Бунина

© Селеменова О. А., 2021

1. Введение

Неотъемлемой частью словаря любого художественного текста является имя собственное. Включаясь в «словесную ткань» произведения, оно становится той легко верифицируемой языковой единицей, которая помогает адресату-интерпретатору вскрыть социально-культурное и историко-философское содержание текста, постичь суть авторского замысла, своеобразие восприятия и интерпретации окружающей действительности. Изучением имен собственных в художественных текстах занимается литературная ономастика. В фокус филологических исследований уже более полувека (примерно с 1950—1960-х годов) входят ономастиконы ряда отечественных и зарубежных писателей: Дж. Апдайк, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, С. А. Есенина, В. П. Катаева, М. Ю. Лермонтова, Н. С. Лескова, К. Льюиса, М. Ондатже, Э. По, А. С. Пушкина, У. Теккерея, Л. Н. Толстого, М. И. Цветаевой, А. А. Шаховского, В. Я. Шишкова и др. Не является исключением и ономастикон прозаических и поэтических текстов такого художника слова, как И. А. Бунин [Листрова-Правда, 1995; Яровая, 2000; Краснова, 2005; Морозова, 2018; Гехтляр, 2019 и др.]. Однако, как показывает практика, проприальные имена бунинских текстов описываются фрагментарно и с явным акцентированием роли топонимов и антропонимов в прозаических текстах. Мифонимикон литературного наследия Нобелевского лауреата, представляющий собой систему собственных имен фольклорных, легендарных, мифологических объектов [Суперанская, 1973, с. 143], до сих пор остается неизученным феноменом.

Работы, посвященные частным вопросам семантики, структуры, словообразовательной мотивации, функций мифологических имен в бунинских текстах, встречаются sporadически. Например, С. М. Пронченко отмечает наличие в поэзии И. А. Бунина наряду с антропонимами, топонимами, зоонимами, геортонимами, астронимами и т. д. значительного по объему подкласса мифологических имен [Пронченко, 2015, с. 263]. Ю. Н. Гойко, анализируя лингвокультурные особенности функционирования библионимов в художественных текстах, рассматривает собственное имя *Рахиль* в бунинском стихотворении «Гробница Рахили» (1907) как прецедентную единицу, ставшую для поэта-эмигранта «воплощением концепта надежды, тоски по недостижимому» [Гойко, 2020, с. 141]. А. А. Черкасова, обра-

щаяся к проблеме словообразовательной мотивации сложных составных слов, в качестве иллюстративного примера билексемы с неизменяемой первой частью приводит мифоорнитоним *Жар-Птица* из стихотворения И. А. Бунина «Закат» (1899) [Черкасова, 2009, с. 335]. А С. И. Шашкова указывает на широкую представленность в бунинской поэзии экзотических имен древних богов как следствие многочисленных путешествий автора по Индии, Египту, Цейлону, странам Азии и Ближнего Востока [Шашкова, 2009, с. 343].

Инвентаризация мифологических имен прозы и поэзии И. А. Бунина, принципы их классификации, особенности функционирования, роль в тексте — вопросы, еще не получившие разработки в современных исследованиях по литературной ономастике. Этот факт и обусловил наше обращение к выбранной теме.

Эмпирической базой исследования послужила поэзия И. А. Бунина 1888—1952 годов. Всего было проанализировано 709 стихотворных контекстов, что позволило сформировать авторскую картотеку мифонимов объемом в 146 единиц.

2. Классификация мифонимов Бунина-поэта по источнику и номинируемому образу фантастического объекта

Страсть к чтению, языкам, путешествиям и, как следствие, богатство используемого жизненного материала, эстетизированная философичность, чувство единения своего «я» с Вселенной, вечностью и бесконечностью, непрерываемая связь с милой сердцу «стариной», вероятно, и способствовали многообразию тех источников, из которых И. А. Бунин использовал мифологические имена, творчески переосмысляя стоящие за ними образы. Всего было выявлено три основных источника:

1) этиологические, космогонические, антропогонические, календарные, героические, солярные, культовые мифы. В поэзии И. А. Бунина встречаются проприальные имена из древнегреческой, иранской, германоскандинавской, ведийской и индуистской, шумеро-аккадской, западносемитской, славянской, древнеегипетской, мордовской мифологий: *Гении* (из шумеро-аккадских мифов о потопе); *Ваал* (первоначально из западносемитской мифологии); *Зевес* (из греческой мифологии); *Митра* (из иранской мифологии); *Один* (из скандинавской мифологии); *Перун* (из славянской мифологии); *Ра* (из древнеегипетской мифологии) и др. Например: *О, не пленит теперь его Ваала хохот, / Не обольстит очей ни пурпур, ни виссон!* («Самсон», 1903—1904) [Бунин, 1987, с. 145]; *В сумраке утра проносится призрак Одина — / Там, где кончается свет* («В сумраке утра проносится призрак Одина...», 30.XII.03) [Бунин, 1987, с. 124] и др.;

2) религиозно-философская литература преимущественно монотеистических авраамических религий (ислам, христианство, иудаизм), редко религиозно-философских учений зороастризма и буддизма: *Гавриил* (из иудаистической, христианской, мусульманской религиозной литературы); *Иисус Христос* (из Ветхого Завета); *Даниил* (в иудаизме и христианстве); *Иеремия* (в вехтозаветных преданиях); *Ирем* (из Корана) и др. Например: *Я, Иоанн, ваш брат и соучастник / в скорбях и царстве господ. Был изгнан / На Патмос за свидетельство Христа* («Сын человеческий», <1903—1906> [Бунин, 1987, с. 183] и др.;

3) славянский фольклор: *Кощей* (под влиянием восточнославянских волшебных сказок); *Баба-Яга* (под влиянием восточнославянских волшебных сказок); *Святогор*, *Илья* (из русского былинного эпоса) и др. Например: *Дом был стар, как терем у Кощея, / Расцветала пестрядь у стекла, / И на свет глядела ночь, чернея...* («В первый раз», <1906—1910>) [Бунин, 1987, с. 254]; *Ой, не спит Святогор, — притворяется!* («Святогор», 8.III.13) [Бунин, 1987, с. 277] и др.

Ономастическое пространство поэтических текстов И. А. Бунина включает мифонимы одиннадцати семантических подгрупп. Наиболее обширную подгруппу мифонимов (38 единиц) в бунинской поэзии составляют теонимы — имена богов, входящих в пантеоны различных религий и мифологий: *Геймдаль* (бог из числа асов (основной группы богов), страж богов и мирового древа); *Истара* (богиня плодородия и плотской любви, а также войны и распри); *Роману* (бог дождя и ветра); *Агни* (бог огня, домашнего очага, жертвенного костра); *Адрастея* (богиня возмездия, служительница вечной справедливости); *Ягве* (одно из имен Бога в иудаизме и христианстве) и др. Например: *Геймдаль, ты мудрости алкал — И вот настал твой час торжественный / в лесах, среди гранитных скал* («Геймдаль искал родник божественный», 1906) [Бунин, 1987, с. 199]; *Роману гремел среди небес* («Потоп. Халдейские мифы», 1905) [Бунин, 1987, с. 155] и др.

Практически равноценной теонимам по объему подгруппой выступают мифоантропонимы (32), имена собственные персонажей героического эпоса, ветхозаветных преданий, эсхатологических мифов и т. д., различающиеся не только полом, возрастом, этнической принадлежностью, социальным положением, но и ролью в культурной истории человечества: *Бусуркургалу* (кормчий, управляющий движением ковчега); *Самсон* (сын Маноя, человек, наделенный невиданной физической силой); *Тезей* (царь афинский, в греческой мифологии принадлежащий к поколению героев до Троянской войны); *Агарь* (рабыня-египтянка, наложница Авраама); *Исаак* (сын Авраама и Сары, отец Иакова); *Рахиль* (жена библейского патриарха Иакова) и др. Например: *Путь по пескам от Газы до Арима / Бог оживил*

приметами, как встарь. / Привет Вам, камни — четки пилигрима, / в пустыне ведущие *Азарь!* («Путеводные знаки», <1903—1906>) [Бунин, 1987, с. 188]; *Был ослеплен Самсон, был господом обижен, / Был чадами грехами поруган и унижен / И приведен на пир* («Самсон», 1903—1904) [Бунин, 1987, с. 145] и др.

Ключевыми единицами ряда поэтических текстов И. А. Бунина становятся и мифоперсонимы, хотя количество единиц, формирующих эту группу, невелико (15). К мифоперсонимам мы относим

1) имена персонажей волшебных сказок типа *Баба-Яга, Кощей*;

2) отапельлятивные собственные имена с семей 'лицо', возникшие под влиянием древнейшего механизма антропоморфной метафоры и репрезентирующие связь языка и культуры. Например, в поэзии И. А. Бунина именем *Весна* (стихотворение «В стороне далекой от родного края...», 1893) названа юная девушка-невеста, художавая, голубоглазая и русоволосая. Олицетворение весны как времени расцвета природы и периода юности человека имеет глубокие корни и характерно для многих мифологических систем: греко-римской, славянской, кельтской, английской и др. (богини Весны Флора, Жива, Фрея, Остара и др.). В эту подгруппу можно отнести и такие мифонимы, как *Любовь* (физическая сущность, обладающая создающей силой); *Мороз* (персонификация природной стихии, могущественное человекоподобное существо мужского пола) и др.

Например: *А еще темней мой прогнанный сруб, / Где ни вздуть огня, ни топить не смей, / А в окно глядит только голый дуб, / Под каким яйцо закопал Кощей* («Русская сказка», 15.VIII.21) [Бунин, 1987, с. 365]; *Мнится мне ночью: меж белых берез / Бродит в туманном сиянье Мороз* («Метель», 1887—1895) [Бунин, 1987, с. 67] и др.

Помимо теонимов, мифоантропонимов и мифоперсонимов Бунин-поэт использует:

— демононимы, включающие как имена злых, так и добрых духов, обладающих разумом, волей: *Израфил* (ангел-вестник страшного суда); *Водяной* (злой дух, обитающий в воде); *Эблис* (имя джинна) и др.;

— мифотопонимы — названия различных географических объектов мифологического пространства. В бунинской поэзии эта группа представлена мифоастионимами (названиями мифологических городов), мифохоронимами (собственные имена территорий мифологического пространства, имеющих границы), мифоинсулонимами (названиями мифологических островов), мифодримонимами (названиями мифологических лесных участков) и др.: *Содом* (легендарный библейский город); *Буян* (сказочный остров); *Джиннат* (рай, место вечного пребывания и блаженства праведников); *Эдем* (райский сад) и др.;

— мифогидронимы, включающие преимущественно мифопотамонимы из Корана и Библии: *Алмазная Река* (небесная река, которая берет свое начало от престола Господня); *Ковсерь* (небесная райская река, которая является источником одиннадцати рек Рая);

— мифозоонимы, представляющие проприальные имена фантастических животных: *Кентавр* (фантастическое дикое существо, получеловек-полулошадь, обитатель гор и лесных чащ); *Белый Олень* (мифологический образ животного, олицетворяющего природное начало, любовь и гармонию); *Змей* (морской) (фантастическое существо, громадная рептилия, обитающая в океане) и др.;

— мифоорнитонимы, к которым относятся имена фантастических птиц: *Хугин* (один из двух воронов, служащих Одину); *Жар-Птица* (птица с золотыми и серебряными крыльями, сверкающими глазами) и др.;

— мифохремадонимы, представляющие собственные имена необычных материальных творений богов или людей: *Великий Трон* (грандиозное материальное творение Аллаха, находящееся над Раем и являющееся его потолком, по форме напоминающее трон, символизирующий власть); *Светильник Седьми* (светильник Моисея с семью лампадами) и др.

Например: *А там течет, там льется за туманом / Река всех рек, лазурная Ковсерь, / И всей земле, всем племенам и странам / Сулит покой. Терпи, молись — и верь* («Ковсерь», 1903) [Бунин, 1987, с. 125]; *Рок отметил тебя. На земле ты была не жилища. / Красота лишь в Эдеме не знает запретных границ* («Эпитафия», 19.IX.17) [Бунин, 1987, с. 353] и др.

Единичными примерами в выбранных контекстах представлены мифохрононимы (*Судный день* (последний день существования мира) в стихотворениях «Бессмертный», <1906—1907> и «Судный день», 8.VIII.12) и мифофитонимы (*Древо* (дерево посреди райского сада) в стихотворении «Искушение», 1952).

3. Мифологические имена поэзии И. А. Бунина в отношении к общезыковому мифонимикону

Подавляющее большинство имен бунинского мифонимикона (около 81 %) являются узуальными, общеизвестными, отсылающими к древним текстам о сотворении мира, человека, деяниях богов, героев, цикличности природных изменений, появлении культурных благ (развитие земледелия, возникновение ремесел, добывание огня) и т. д.: *Иса* (в мусульманстве божий пророк и посланник, сын Марйам) [Мифы народов мира, 1998, т. 1, с. 565]; *Локи* (в скандинавской мифологии бог из асов, который враждует с другими богами и проявляет причудливо-злокозненный характер) [Мифы народов мира, 1998, т. 2, с. 67]; *Морфей* (в греческой мифологии крыла-

тое божество, один из сыновей Гипноса) [Мифы народов мира, 1998, т. 2, с. 176]; *Ева* (согласно иудаистическим, христианским и мусульманским религиозно-мифологическим представлениям, жена Адама, первая женщина и праматерь рода человеческого) [Мифы народов мира, 1998, т. 1, с. 419]; *Михаил* (архангел в иудаистической, христианской, а также мусульманской мифологиях) [Мифы народов мира, 1998, т. 2, с. 158] и др. Например: *Как бледен смуглый лик, как долог грустный взор, / Глядящий на меня и кротко и в упор, / Как страшен смертному безгласый час Морфея!* («Морфей», 26.VI.22) [Бунин, 1987, с. 366]; *И стройна, высока, с преклоненными взорами Ева...* («Искушение», 1952) [Бунин, 1987, с. 376].

Отметим, что в стихотворных контекстах И. А. Бунин отдает предпочтение греческим формам различных мифологических имен. Например, в стихотворении «Потоп. Халдейские мифы» (1905) для правителя Шуруппака избирается имя *Ксисутрос* (др.-греч. *Xisouthros*, *Ξίσουθρος*), встречающееся в пересказах месопотамского мифа о потопе, записанного Бероссом (IV—III вв. до н. э.) на греческом языке [Емельянов, 2012, с. 22—23], хотя непосредственно в шумеро-аккадской мифологии использовались имена Зиусудра и Ут-напишти [Мифы народов мира, 1998, т. 1, с. 468]. В заглавии стихотворения «Ормузд» (<1903–1905>) фигурирует греческая форма имени единого бога зороастрийского и ахеменидского пантеонов: Ормузд вместо Ахура Мазда (авест.), Аурамазда (др.-пер.) [Мифы народов мира, 1998, т. 1, с. 141].

В целом графико-фонетический облик части узуальных мифонимов характеризуется трансформациями, сближением произношения с написанием с целью упорядочения звукового строения стихотворной речи, обеспечения эвфонии: *Бусуркургалу* вместо *Бузуркургал*, *Нини* вместо *Ниниб*, *Иазаты* вместо *Язаты* и др. Например: *Со страхом ждал я ночи, / И в страхе затворил я дверь ковчега / И в страхе поручил свою судьбу / Бусуркургалу, кормичему* («Потоп. Халдейские мифы», 1905) [Бунин, 1987, с. 155]; *Туман, всползающий на скаты, / Вершин не в силах досягнуть: / Одним небесным Иазатам / К венцу земли доступен путь* («Эльбрус. Иранский миф», <1905>) [Бунин, 1987, с. 156].

В бунинских стихотворениях наряду с заимствованными мифонимами представлены и индивидуально-авторские (около 4 %). Например, к ним относим мифоорнитоним *Вирь*, которым именуется птица с оперением серо-аспидного цвета, плачущая и скорбно поющая в мрачной глубине загадочного леса: *Когда же лес, одетый тьмой, / Сгустится в ней и тьма сольется / с его могильной бахромой, — / Вирь в темноте тревожно вьется...* («Вирь», 1900) [Бунин, 1987, с. 89] и др. По происхождению мифоним *Вирь*, очевидно, восходит к нарицательному существительному *вирь* в зна-

чении 'лес', фиксируемому в мокшанском и эрзянском языках [Коляденков и др., 1949, с. 54; Щанкина, 1993, с. 29]. Указанное имя собственное, несмотря на невысокую частотность употребления (3 примера), занимает важное место в художественно-эстетической системе Бунина-поэта, поскольку включается в систему средств экспликации орнитологического мифа, связанного с темой памяти, смерти, страдания, возрождения.

В лирических текстах И. А. Бунина достаточно регулярно используется прием онимизации апеллятивов. Лексико-семантическим способом образованы практически все мифонимы, входящие в группу мифоперсонимов, некоторые демононимы и мифотопонимы. Так, мифоперсоним *Смерть* (физическая сущность женского пола; персонификация абстрактного понятия *смерть* встречается в мифах и легендах всех мировых культур, в том числе славянской) образовался путем онимизации апеллятива *смерть* (др.-рус. с XI в. *сьмѣръть*, ст.-сл. *сьмѣръть*) [Черных, 1999, т. 2, с. 179]; демононим *Ангел* (в монотеистических авраамических религиях духовные бесплотные существа, которые служат единому богу) восходит к апеллятиву *ангел* (заимствовано в языки восточных и южных славян из др.-греч. ἄγγελος) [Черных, 1999, т. 1, с. 43]. Например: *Присела на могильнике Савуре / Старуха Смерть, глядит на людный шлях* («Присела на могильнике Савуре...», 1907) [Бунин, 1987, с. 211]; *Возможно ль блаженнее быть? / Но Ангел мятежный, весь буря и пламя, / Летящий над миром, чтоб смертную страстью губить, / Уж мчится над нами!* («Беру твою руку и долго смотрю на нее...», 1898) [Бунин, 1987, с. 74]. Подобные мифологические имена относим к подгруппе контекстуальных (примерно 15 %), но не индивидуально-авторских, поскольку они не являются исключительно принадлежностью и порождением художественно-эстетической системы И. А. Бунина, но между тем играют настолько важную роль, что пишутся с заглавной буквы и становятся ключевыми персонажами лирических текстов.

4. Структура мифонимов в поэтических текстах И. А. Бунина

По структуре в поэзии И. А. Бунина доминируют простые или однословные мифонимы: *Сибилла*, *Нинип*, *Осень*, *Перун*, *Авраам*, *Киприда*, *Хаду*, *Локи*, *Бальдер*, *Морфей*, *Алатырь*, *Ева*, *Улисс*, *Иосиф*, *Сафия* и др. Например: *Нинип* наполнил реки, и несли / Смерть и погибель *Гении* («Потоп. Халдейские мифы», 1905) [Бунин, 1987, с. 155]; *Таинственно шумит лесная тишина, / Незримо по лесам поет и бродит Осень...* («Таинственно шумит лесная тишина...», 1898 [Бунин, 1987, с. 78] и др.

В группу простых мифонимов включаем и ономастические прилагательные, причастия, способные выступать субституентами мифологиче-

ских имен, обычно связанных с религиозно-философскими мотивами (*Иисус Христос, Господь, Аллах*). Так, при именовании Единого Бога автор использует лексические единицы типа *Сидящий, Живущий, Сущий, Вечный* (теонимы разной частотности употребления в стихотворениях «Из Апокалипсиса», 1901; «Тонет солнце, рдяным углем тонет...», 1905; «Кончина святителя», 3.VI.16; «Сын человеческий», <1903—1906>). На процесс номинации, образование ономастических прилагательных и причастий влияет ассоциативное поле лексемы *Бог*. Например: *И се — на небесах перед очами / Стоял престол, на нем же был Сидящий* («Из Апокалипсиса», 1901) [Бунин, 1987, с. 106]; *Разверни же, Вечный, над пустыней / На вечерней тверди темно-синей / Книгу звезд небесных — наш Коран!* («Тонет солнце, рдяным углем тонет...», 1905) [Бунин, 1987, с. 154] и др.

Использует Бунин-поэт и сложные мифонимы, представленные билексемами (термин Р. И. Хашимова), которые «образованы по модели “слово + слово”» и «формально и семантически мотивированы составляющими компонентами» [Черкасова, 2009, с. 335]. Отметим, что сложные мифонимы представляют в бунинской поэзии исключительно двухкомпонентную единицу, первая часть которой может быть как изменяемой, так и неизменяемой: *Ястреб-Гор, Ра-Озирис, Жар-Птица, Афина-Паллада, Баба-Яга* и др. Например: в *подземный мир введет на суд Отца / Сын, Ястреб-Гор* («За гробом», 1906) [Бунин, 1987, с. 193]; *Ра-Озирис, владыка дня и света, / Хвала тебе!* («Ра-Озирис, владыка дня и света...», 1905) [Бунин, 1987, с. 154] и др. Мифологические имена-компози́ты типа *Ястреб-Гор, Ра-Озирис* — языковые единицы, демонстрирующие не только глубокое знание И. А. Бунина мифологических систем разных этносов, но и тягу к словотворчеству в результате переосмысления традиционных сюжетов и образов. Так, в египетской мифологии Ра был верховным солнечным божеством, а Озирис — богом возрождения, плодородия [Мифы народов мира, 1998, т. 2, с. 267, 358]. Сойдя в царство мертвых, Озирис стал судьей душ усопших и богом преисподней. Культ Озириса и культ Ра у древних египтян постепенно эволюционировали и сблизились. В стихотворениях И. А. Бунина отмечается и функционирование мифонимов *Ра* и *Озирис* как простых, однословных, обозначающих соответственно бога солнца и бога мертвых, и мифонима-компози́та *Ра-Озирис*, именующего «владыку дня и света»: *Ра-Озирис, владыка дня и света, / Хвала тебе!* («Ра-Озирис, владыка дня и света...», 1905) [Бунин, 1987, с. 154].

Среди составных мифонимов обнаружены двухсловные и трехсловные единицы, построенные по разным моделям («существительное + существительное», «существительное + существительное + существительное», «прилагательное + существительное»): *Долина Смерти и Огня, Белый*

Олень, Черная Мати, Невестная Лилия, Судный день и др. Например: По раскаленному ущелью, / Долиной Смерти и Огня, / в нагую каменную келью / Пустынный Ангел ввел меня («Молчание», 6.П.1916) [Бунин, 1987, с. 399]; Много смолола я — куры не пели, / Слышу — дверные крюки заскрипели, / Глянула — вижу железные роги, / Черную Мати, косматые ноги («Мачеха», 20.VIII.13) [Бунин, 1987, с. 278] и т. д.

5. Коннотативный аспект при классификации мифонимов поэтических текстов И. А. Бунина

Важным аспектом при систематизации мифологических имен стихотворений И. А. Бунина является и коннотативный аспект их семантики, поскольку мифонимы, выступая ключевыми, легко верифицируемыми читателем языковыми единицами ономастического пространства художественного текста, несут различные дополнительные смыслы и реализуют разнообразные интенции автора. Дополнительные коннотативные «обертоны» мифонимов как имен-символов, языковых и культурных знаков, обладающих объемным значением и актуализирующих широкий ассоциативный фон, могут быть положительными или отрицательными.

Так, составной мифопотамоним *Алмазная Река*, построенный по модели «прилагательное + существительное», несет явно положительную коннотацию. Производящая база первого компонента двухсловного мифонима — *алмаз* — является заимствованием в русский язык (в памятниках письменности встречается примерно с XV века) из тюркских языков и обозначает ‘прозрачный драгоценный камень, отличающийся необыкновенной твердостью’ [Черных, 1999, т. 1, с. 38]. Первоисточником слова был древнегреческий язык, в котором слово *ἀδάμας* значило ‘несокрушимый’. Второй компонент мифонима — *Река* — восходит к апеллятиву *река*, известному в древнерусском языке с XI века и обозначающему ‘массу воды, постоянно текущую в естественных условиях по определенному руслу в определенном направлении’ [Черных, 1999, т. 2, с. 108].

Мифогидроним *Алмазная Река* встречается в контексте стихотворения «Ночь Аль-Кадра», где полноценно и реализует свой экспрессивно маркированный элемент семантики: *Перед Великим Троном / Уже течет, дымясь, Алмазная Река* («Ночь Аль-Кадра», 1903) [Бунин, 1987, с. 126]. Значение мифогидронима аккумулирует семы ‘прозрачность’, ‘твердость’ (*Алмазный* ← *алмаз*), ‘движущаяся’, ‘время’ мотивирующих слов (*Река* ← *река*), благодаря чему и возникает выразительный эффект. Райская *Алмазная Река*, подобно метастабильному минералу и непрекращающемуся водному потоку, становится символом бесконечности жизни.

Вводимые И. А. Буниным в поэтические тексты мифонимы могут нести и отрицательные коннотации. Например, в стихотворении «За гробом» автор использует сложный теоним *Шакал-Анубис*: *Шакал-Анубис будет / Класть на весы и взвешивать сердца: / Бог Озирис, бог мертвых, строго судит* («За гробом», 1906) [Бунин, 1987, с. 193]. Первый компонент теонима восходит к апеллятиву *шакал*, второй — к собственному имени греческого происхождения *Анубис* (др.-греч. Ἄνουβις). В египетской мифологии *Анубис*, *Инпу* (егип. Inpw) был богом погребальных ритуалов, мумификации. Он почитался в образе дикой собаки Саб или черного шакала и, согласно «Текстам пирамид», считал сердца умерших [Мифы народов мира, 1998, т. 1, с. 89]. Используя мифоним, по структуре представляющий композит, и вынося в препозитивное положение лексему *Шакал*, поэт актуализирует отрицательную эмоционально-оценочную нагрузку, ведь апеллятив *шакал* ассоциируется в сознании адресата-интерпретатора произведения с хищником, питающимся падалью, отвратительно воющим и зловонным. В конце стихотворения Бунин трансформирует это мифологическое имя, использует только первый компонент для номинации: *И я взгляну без страха в лик Шакала* («За гробом», 1906) [Бунин, 1987, с. 193].

В поэзии И. А. Бунина к мифонимам, имеющим положительный коннотативный фон, относим *Великий Трон, Весна, Гавриил, Истара, Ковсерь, Степная Ночь, Осень, Сибилла, Агни, Атлант, Геймдаль, Пламень, Датар* и др., а отрицательный — *Смерть, Вирь, Перун, Водяной, Каин, Тьма* и др.

6. Заключение

Таким образом, мифологические имена, зафиксированные в поэтических текстах И. А. Бунина, представляют собой целостную систему, которая может быть описана с опорой на совокупность критериев: *источник* (мифология того или иного этноса, религиозно-философская литература, славянский фольклор); *номинаруемый образ фантастического объекта* (теонимы, мифоантропонимы, мифоперсонимы, демононимы, мифотопонимы, мифогидронимы, мифозоонимы, мифоорнитонимы, мифохремато-нимы, мифофитонимы, мифохрононимы); *отношение к общезыковому мифонимикону* (узуальные, индивидуально-авторские, контекстуальные); *структура* (простые, или однословные мифонимы, сложные мифонимы, представленные билексемой, и составные мифонимы, двухсловные или трехсловные, построенные по разным моделям); *наличие коннотаций в семантике* (с отрицательным коннотативным фоном или положительным). Представленные критерии систематизации мифонимов бунинских поэтических текстов не представляют собой закрытый список. Мифонимы могут описываться и с учетом частотности употребления, роли в структурной

организации стихотворений, включенности в систему средств выражения интертекстуальности и др. параметров.

Мифонимы поэзии И. А. Бунина — это языковые средства репрезентации индивидуально-авторской картины мира, доминантных тем, образов, идей, ключевые знаки бунинского культурного кода, связывающие текстовые пространства и эпохи.

Источники

Бунин И. А. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 1 : Стихотворения 1888—1952. Переводы / И. А. Бунин. — Москва : Художественная литература, 1987. — 687 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гехтляр С. Я. Имена персонажей как содержательный компонент бунинской концепции «Русская деревня» (на материале повестей «Деревня» и «Суходол») / С. Я. Гехтляр // XIII Крымские Международные Михайловские литературно-ономастические чтения. — Симферополь : Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2019. — С. 108—114.

2. Гойко Ю. Н. Библионимы как знаки интертекстуальности : особенности функционирования в поэтическом тексте / Ю. Н. Гойко // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. — 2020. — № 7. — С. 137—146.

3. Емельянов В. В. Бунин — переводчик «Гильгамеша» / В. В. Емельянов // Восьмая международная летняя школа по русской литературе : статьи и материалы. — Санкт-Петербург, 2012. — Т. 8, № 1. — С. 20—28.

4. Коляденков М. Н. Эрзянско-русский словарь / М. Н. Коляденков, Н. Ф. Цыганов. — Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1949. — 292 с.

5. Краснова Т. В. Российская топонимия в художественной прозе И. А. Бунина / Т. В. Краснова. — Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2005. — 246 с.

6. Листрова-Правда Ю. Т. Личные собственные имена и национально-культурная семантика в творчестве И. А. Бунина / Ю. Т. Листрова-Правда // И. А. Бунин и русская культура XIX—XX веков. — Воронеж : КВАДРАТ, 1995. — С. 101—104.

7. Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. Т. 1. А—К / гл. ред. С. А. Токарев. — Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. — 672 с.

8. Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. Т. 2. К—Я / гл. ред. С. А. Токарев. — Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. — 720 с.

9. Морозова Ю. Г. Библийские символы и топонимы в рассказе И. А. Бунина «Роза Иерихона» / Ю. Г. Морозова // Philologos. — 2018. — № 39 (4). — С. 76—81. — DOI: 10.24888/2079-2638-2018-39-4-76-81.

10. Пронченко С. М. Имена собственные в стихотворениях И. А. Бунина: системный подход (к 145-летию со дня рождения писателя) / С. М. Пронченко // Вестник Брянского государственного университета. — 2015. — № 2. — С. 260—267.

11. Солярский П. Ф. Опыт библийского словаря собственных имен : в 5 т. Т. 1. А—Е / П. Ф. Солярский. — Санкт-Петербург : Типолитография Цедербаума и Гольденблома, 1879. — 667 с.

12. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. — Москва : Наука, 1973. — 366 с.
13. Черкасова А. А. Структура билексем и их мотивация (на материале произведений И. А. Бунина) / А. А. Черкасова // И. А. Бунин и русский мир : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 75-летию присуждения Нобелевской премии писателю. — Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2009. — С. 334—339.
14. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. Т. 1. А — Пантомима / П. Я. Черных. — Москва : Русский язык, 1999. — 624 с.
15. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. Т. 2. Панцирь — Ящур / П. Я. Черных. — Москва : Русский язык, 1999. — 560 с.
16. Шашкова С. И. О некоторых нетипичных признаках индивидуального стиля И. А. Бунина / С. И. Шашкова // И. А. Бунин и русский мир : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 75-летию присуждения Нобелевской премии писателю. — Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2009. — С. 339—343.
17. Щанкина В. И. Мокшень-рузонь валкс — Русско-мокшанский словарь / В. И. Щанкина. — Саранск : Мордовское книжное издательство, 1993. — 448 с.
18. Яровая Т. Ю. Личные собственные имена в дореволюционном творчестве И. А. Бунина (отбор и использование) : дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.01 / Т. Ю. Яровая. — Воронеж, 2000. — 258 с.

MATERIAL RESOURCES

Bunin, I. A. (1987). *Collected works: Poems 1888—1952. Translations*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 6/1. 687 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Emeliyanov, V. V. (2012). Bunin — translator of “Gilgamesh”. In: *Eighth International Summer School in Russian Literature: Articles and Materials*. Sankt-Peterburg. 8 (1): 20—28. (In Russ.).
- Cherkasova, A. A. (2009). The structure of billexemes and their motivation (based on the works of I. A. Bunin) In: *I. A. Bunin and the Russian World: Materials of the All-Russian Scientific Conference Dedicated to the 75th Anniversary of the Nobel Prize for the Writer*. Elets: Bunin Yelets State University. 334—339. (In Russ.).
- Chernykh, P. Ya. (1999). *Historical and etymological dictionary of the modern Russian language. A — Pantomima*. Moskva: Russkiy yazyk. 2/1. 624 p. (In Russ.).
- Chernykh, P. Ya. (1999). *Historical and etymological dictionary of the modern Russian language*. Moscow: Russkiy yazyk. 2/2. 560 p. (In Russ.).
- Gekhtlyar, S. Ya. (2019). Names of characters as a meaningful component of the Bunin concept “Russian village” (based on the stories “Village” and “Sukhodol”). In: *XIII Crimean International Mikhailovsky literary-onomastic readings*. Simferopol: V. I. Vernadsky Crimean Federal University. 108—114. (In Russ.).
- Goyko, Yu. N. (2020). Biblicism as signs of intertextuality: features of functioning in a poetic text. In: *Collection of works of the Yakut Theological Seminary*. 7: 137—146. (In Russ.).
- Kolyadenkov, M. N., Tsyganov, N. F. (1949). *Erzyan-Russian Dictionary*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo inostrannykh i natsionalnykh slovarей. 292 p. (In Russ.).

- Krasnova, T. V. (2005). *Russian toponymy in the fiction of I. A. Bunin*. Elels: Bunin Yelets State University. 246 p. (In Russ.).
- Listrova-Pravda, Yu. T. (1995). Personal proper names and national-cultural semantics in the works of I. A. Bunin. In: *I. A. Bunin and Russian culture of the 19—20 centuries*. Voronezh: KVADRAT. 101—104. (In Russ.).
- Morozova, Yu. G. (2018). Biblical symbols and toponyms in the I. A. Bunin's story "The rose of Jericho". *Filologos*, 39 (4): 76—81. DOI: 10.24888/2079-2638-2018-39-4-76-81. (In Russ.).
- Pronchenko, S. M. (2015). Proper names in the poems of I. A. Bunin: a systematic approach (to the 145th anniversary of the birth of the writer). *Bryansk State University Bulletin*, 2: 260—267. (In Russ.).
- Shashkova, S. I. (2009). On some atypical features of the individual style of I. A. Bunin. In: *I. A. Bunin and the Russian World: Materials of the All-Russian Scientific Conference Dedicated to the 75th Anniversary of the Nobel Prize for the Writer*. Elels: Bunin Yelets State University. 339—343. (In Russ.).
- Shchankina, V. I. (1993). *Mokshen-ruzon walks — Russian-Moksha dictionary*. Saransk: Mor-dovskoe knizhnoe izdatelstvo. 448 p. (In Russ.).
- Solyarskiy, P. F. (1879). *A biblical vocabulary experience. A—E*. Sankt-Peterburg: Tipolito-grafiya Tsederbauma i Goldenblyuma. 5/1. 667 p. (In Russ.).
- Superanskaya, A. V. (1973). *General theory of proper name*. Moscow: Nauka. 366 p. (In Russ.).
- Tokarev, S. A. (ed.). (1998). *Myths of the peoples of the world. Encyclopedia. A—K*. Moscow: Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya. 2/1. 672 p. (In Russ.).
- Tokarev, S. A. (ed.). (1998). *Myths of the peoples of the world. Encyclopedia. K—Ya*. Moscow: Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya. 2/2. 720 p. (In Russ.).
- Yarovaya, T. Yu. (2000). *Personal proper names in the pre-revolutionary work of I. A. Bunin (selection and use): PhD Diss.* Voronezh. 258 p. (In Russ.).

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Сигал К. Я. Метаязыковая установка и синтаксис вторичного текста (на материале стихотворных пародий А. А. Иванова) / К. Я. Сигал // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 151—171. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-151-171.

Seagal, K. Ya. (2021). Metalanguage Attitude and Syntax of Secondary Text (Poetic Parodies by A. A. Ivanov). *Nauchnyi dialog*, 6: 151-171. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-151-171. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-151-171

Метаязыковая установка и синтаксис вторичного текста (на материале стихотворных пародий А. А. Иванова)

Сигал Кирилл Яковлевич
orcid.org/0000-0001-9400-4587
доктор филологических наук
главный научный сотрудник
заведующий отделом
экспериментальных исследований речи
kjseagal@yandex.ru

Институт языкознания
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Metalanguage Attitude and Syntax of Secondary Text (Poetic Parodies by A. A. Ivanov)

Kirill Ya. Seagal
orcid.org/0000-0001-9400-4587
Doctor of Philology
chief research scientist
Head of the Department
of Experimental Speech Research
kjseagal@yandex.ru

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

© Сигал К. Я., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается проблема метаязыковой установки (в развитие концепции Д. Н. Узнадзе) и специфики реализации метаязыковой установки в пародии как вторичном тексте на синтаксическом уровне. Актуальность исследования состоит в том, что разработка метаязыкового аспекта речевой деятельности в современной лингвистике нуждается в понятии метаязыковой установки. Кроме того, сейчас необходимо выяснить, как метаязыковая установка реализуется в синтаксической организации вторичных текстов конкретного жанра (в данном случае — пародии). Новизна исследования заключается в создании основ общей теории метаязыковой установки, в обосновании включения метаязыковой установки в речевую структуру пародии, в реконструкции элементов творческой работы пародиста над синтаксисом как исходного (первичного), так и своего (вторичного) текста. В качестве материала для исследования взяты стихотворные пародии А. А. Иванова, в которых метаязыковая установка, находящая реализацию в синтаксисе, поставлена на службу жанрово-стилистическим конвенциям пародии, с одной стороны, и эстетическому целеполаганию пародиста, с другой. При анализе стихотворных пародий А. А. Иванова обнаружено, что синтаксическая реализация метаязыковой установки осуществляется на основе принципов, операций и средств. Подробному анализу подвергнуты четыре стихотворные пародии А. А. Иванова.

Ключевые слова:

метаязыковая установка; синтаксис; художественная речь; вторичный текст; пародия; А. А. Иванов.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The problem of the metalanguage attitude (in the development of the concept of D. N. Uznadze) and the specifics of the implementation of the metalanguage attitude in parody as a secondary text at the syntactic level are considered. The relevance of the research lies in the fact that the development of the metalanguage aspect of speech activity in modern linguistics requires the concept of a metalanguage attitude. In addition, now it is necessary to understand how the metalanguage attitude is realized in the syntactic organization of secondary texts of a particular genre (in this case, parody). The novelty of the research lies in the creation of the general theory of the metalanguage attitude foundations, in substantiating the inclusion of the metalanguage attitude in the speech structure of parody, in the reconstruction of the elements of the parodist's creative work on the syntax of both the original (primary) and his own (secondary) text. The poetic parodies of A. A. Ivanov were taken as material for the study, in which the metalanguage attitude, realized in the syntax, is placed at the service of the genre-stylistic conventions of parody, on the one hand, and the parodist's aesthetic goal-setting, on the other. When analyzing poetic parodies of A. A. Ivanov, it was found that the syntactic realization of the metalanguage attitude is carried out on the basis of principles, operations and means. Four poetic parodies of A. A. Ivanov were subjected to detailed analysis.

Key words:

metalanguage attitude; syntax; artistic speech; secondary text; parody; A. A. Ivanov.

Метаязыковая установка и синтаксис вторичного текста (на материале стихотворных пародий А. А. Иванова)

© Сигал К. Я., 2021

*К 85-летию со дня рождения поэта-пародиста
А. А. Иванова*

Я искренне люблю пародию.
А. А. Иванов

1. Введение

Одной из важнейших особенностей современной лингвистики является пристальное внимание к метаязыковому аспекту речевой деятельности, состоящему в том, что «непосредственным предметом высказываний» выступает «языковой код и его составные элементы» [Якобсон, 1996, с. 21], их структура, семантика и прецеденты употребления. В процессе моделирования метаязыкового аспекта речевой деятельности лингвисты обращаются либо к языку / речи как системе, выделяя особую метаязыковую функцию, «вносящую осознание речевых компонентов и их отношений» [Там же], либо к говорящему / слушающему, осуществляющему метаязыковую рефлексию, то есть «деятельность сознания <...>, направленную на осмысление фактов языка / речи» [Шумарина, 2011, с. 3].

При этом обычно не возникает вопроса о том, благодаря чему метаязыковая функция реализуется применительно к одному и тому же факту языка / речи, запечатленному в неодинаковых жанрово-стилистических контекстах, по-разному (ср., например, наименование синтаксической единицы по ее структурным или семантическим свойствам и ее же имитационно-пародийное употребление), равно как и вопроса о том, что побуждает выводить метаязыковую рефлексию в коммуникацию и особым образом отображать результат одной или нескольких операций ее осуществления в речевой структуре высказывания. Представляется, что, стремясь предложить разумный ответ на оба эти вопроса, лингвист должен быть заинтересован в таком объяснительном инструменте, как понятие «установка» в трактовке Д. Н. Узнадзе, согласно которому установка, идущая от субъекта речи, фиксирована в языке как объективном явлении [Узнадзе, 2001, с. 414].

В настоящей статье выдвигается идея метаязыковой установки как «порождающего начала» [Имедадзе и др., 2014, с. 28], с одной стороны, стимулирующего метаязыковую рефлексия, организующего ее и придающего ей коммуникативную значимость, а с другой стороны, направляющего ее речевую (в данном случае — синтаксическую) объективацию на те или иные принципы, операции (как известно, у Р. О. Якобсона их выделено всего три: парафраза, синонимика, экспликация [Якобсон, 1996, с. 21]) и средства осуществления метаязыковой функции.

Наиболее очевидной метаязыковая установка оказывается при создании одного высказывания на основе и по поводу другого, особенно когда говорящий / пишущий стремится воспроизвести какие-либо языковые / речевые элементы первичного высказывания и намеренно подчеркнуть их имитацию, а возможно, и высмеять их. В подобных, вторичных высказываниях (и целых текстах) метаязыковая установка может быть довольно легко раскрыта как фактор особой реализации не только слов и устойчивых оборотов, но и, например, синтаксических единиц, которые обычно отличаются автоматизмом отбора и — в меньшей степени — употребления. Выяснение роли метаязыковой установки в синтаксисе вторичного текста предпринято в статье на материале пародии. Несмотря на то, что теперь в пародии иногда видят «один из способов, посредством которых происходят нормальные процессы языковой / речевой интеракции (normal processes of linguistic interaction)» [Dentith, 2000, с. 2], нет достаточных оснований для отказа от традиционного понимания пародии как «комического подражания художественному произведению» [ЛЭС, с. 268] либо как «комического образа художественного произведения, стиля, жанра» [Новиков, 2019, с. 5]. Путем анализа синтаксических фактов в статье демонстрируется первостепенное значение метаязыковой установки для речевой организации пародии.

В качестве материала были использованы стихотворные пародии известного русского советского поэта-пародиста Александра Александровича Иванова (1936—1996), бессменного ведущего телепередачи «Вокруг смеха» (1978—1991). Как при жизни поэта, так и в наши дни мастерство пародиста подвергается критике. Так, например, Б. Сарнов упрекал А. А. Иванова в том, что его пародии являются «растянутыми эпиграммами» [Сарнов, 1987, с. 324], в пристрастии к эпиграфам, как бы отказывающим пародии в узнаваемости пародируемого [Там же, с. 302], в неумении «пародировать художественное мышление поэта» [Там же, с. 326] и т. д. Л. Д. Галкин считает, что «баланс между комикованием и морализаторством ему (А. А. Иванову. — К. С.) удавалось найти не всегда» [Галкин и др., 2016, с. 205]. Однако утверждается и другое: «Творчество А. А. Ивано-

ва — это, безусловно, большой этап развития пародии <...> в русской литературе XX века» [Волков, 2009, с. 198]. Стихотворные пародии А. А. Иванова представляют собой благодатный материал для исследования метаязыковой установки, в том числе на синтаксическом уровне реализации. Не случайно тот же Б. Сарнов отмечал, что «лучше всего удаются ему (А. А. Иванову. — К. С.) юмористические сочинения, в которых он высмеивает отдельные завихрения стиля, <...> слишком вольное (а то и просто малограмотное) обращение с языком» [Сарнов, 1987, с. 327]. А. В. Волков констатирует, что А. А. Иванов «создал целый микрожанр “пародии-ошибки”», «целиком построенный на гиперболизации авторских огрехов» [Волков, 2009, с. 194]. Необходимо отметить, что по отношению к синтаксису пародируемых стихотворений метаязыковая установка обычно возникала у А. А. Иванова не столько из-за ошибок, сколько из-за «нечувствия» тем или иным поэтом узусных тенденций синтаксического употребления.

Цель статьи — предложить общую характеристику метаязыковой установки с опорой на концепцию Д. Н. Узнадзе, выявить место метаязыковой установки в речевой структуре пародии как вторичного текста и описать некоторые реализации метаязыковой установки в синтаксисе стихотворных пародий А. А. Иванова.

Актуальность статьи заключается в том, что в ней определяется специфика метаязыковой установки как в общем плане, так и в ее реализации во вторичных текстах конкретного жанра — пародии, а также на конкретном уровне языка / речи — синтаксическом.

Научная новизна статьи состоит во включении идеи метаязыковой установки в общие представления о метаязыковом аспекте речевой деятельности, в уточнении речевой структуры пародии как вторичного текста благодаря метаязыковой установке, в реконструкции элементов творческой работы А. А. Иванова над синтаксисом как исходного (первичного), так и своего (вторичного) текста при создании стихотворной пародии. В связи с этим последним весьма интересно следующее признание А. А. Иванова, искренне сделанное в письме к Б. Сарнову: «Если Вы думаете, что не ищу, не пытаюсь, не бьюсь, то ошибаетесь. Хотя какая-то эксплуатация найденных приемов налицо: увы!» [ПВП, с. 296].

2. К общей теории метаязыковой установки

Согласно общепсихологической концепции Д. Н. Узнадзе, «в случае наличия какой-нибудь потребности и ситуации ее удовлетворения в субъекте возникает специфическое состояние, которое можно характеризовать как готовность его, как установку к совершенно определенной деятельности, направленной на удовлетворение актуальной потребности» [Узнадзе,

2014, с. 212]. Важно отметить, что для обозначения понятия «установка» Д. Н. Узнадзе создает в грузинском языке новое слово — «*ганцкоба*», в семантике которого выделяются такие компоненты, как «настрой», «направленность» или, точнее, «предуготованность» [Имедадзе и др., 2014, с. 20—21]. Грузинская психологическая школа, развивая концепцию Д. Н. Узнадзе, утверждает, что «установка обуславливает деятельность, ибо содержит в себе ее изначальную “программу”, будучи содержанием ее операциональной структуры и основой ее целесообразности» [Шерозия, 1979, с. 51].

Метаязыковая установка существует постольку, поскольку в речевой деятельности говорящего / слушающего возникает потребность выразить свое представление об определенном языковом / речевом факте и / или свое отношение к нему, которая удовлетворяется за счет высказываний, описывающих и / или оценивающих этот языковой / речевой факт. Тем самым метаязыковая установка конституируется направленностью говорящего / слушающего на язык / речь и способностью языка служить средством отражения и означивания самого себя.

Д. Н. Узнадзе подчеркивал, что установка не отделяет субъекта речи от языка, так как «в структуре языка <...> всюду отражена установка, лежащая в его основе» [Узнадзе, 2001, с. 414]. В метаязыковой установке субъект речи выступает как присвоивший себе язык, овладевший его системой, нормой и образцами употребления: далеко не случайно то обстоятельство, что «первичное усвоение ребенком языка обеспечивается параллельным развитием метаязыковой функции» [Яacobсон, 1996, с. 21]. Метаязыковая установка так же, как и собственно «языковая установка» [Узнадзе, 2001, с. 398], нарабатывает свои средства речевой объективации, причем с учетом их жанрово-стилистической специфики, и так или иначе отображается в языке. Однако метаязыковая установка, по сути дела, подчиняет себе языковую установку, на основе которой происходит отождествление того или иного языкового / речевого факта и определение его правильности / неправильности, приемлемости / неприемлемости и т. д., а также его включение в «диалектическую игру приемом» [Тынянов, 1977, с. 226].

По своей природе метаязыковая установка, призванная, привлекая внимание к конкретному явлению языка / речи, приводить к его осознанию, сама является в какой-то мере осознаваемой. В противовес этому Д. Н. Узнадзе утверждал, что «бессознательное не что иное, как установка субъекта» [Узнадзе, 2014, с. 221]. Это противоречие, однако, в какой-то мере «снимается» замечанием Д. Н. Узнадзе о том, что субъекту «благодаря воле <...> удастся <...> вызвать к жизни установку, найденную целесообразной» [Там же, с. 247]. В связи с этим существенен поставленный

Ф. В. Бассиным риторический вопрос: «<...> может ли волевое усилие, роль которого так подчеркивает Д. Н. Узнадзе, быть направленным на нечто неосознаваемое?» [Бассин, 1973, с. 47]. По-видимому, существование метаязыковой установки и, главное, «внутренние закономерности самой этой установки» [Шерозия, 1979, с. 20] свидетельствуют о том, что осознаемость установки как таковой вполне допустима.

Метаязыковая установка имеет двуединое предназначение: с одной стороны, метаязыковая установка обеспечивает фокусировку внимания на языковом / речевом факте, пробуждает рефлексию над ним, а также — при соблюдении надлежащих жанрово-стилистических условий — делает результат метаязыкового рефлексивного акта значимым для коммуникации, а с другой стороны, будучи культурно присвоенной и многократно актуализируемой (ср. об этом [Узнадзе, 2014, с. 247—248]), метаязыковая установка запечатлевается в принципах, операциях и средствах, способствующих ее речевой объективации, формируя механизм реализации метаязыковой функции. Под принципом здесь понимается общее условие воплощения метаязыковой установки, под операцией — процедура, способствующая решению той или иной частной речевой задачи, под средством — языковая единица определенного уровня (в частности, синтаксического) с учетом жанрово-стилистических условий ее употребления в речи.

Метаязыковая установка свойственна актам говорения / слушания и — тем более — письма / чтения, может получать речевое воплощение либо оставаться выраженной лишь в «языке» мысли, ее активность и характер реализации в разных речевых сферах обусловлены тем, насколько одаренной и / или развитой является языковая личность, в каких жанрах речи возникает метаязыковая установка, взаимодействует ли она с какой-либо иной установкой (в частности, с эстетической). Обычно контроль над своей речевой деятельностью, свойственный языковой личности, сам по себе приводит к появлению метаязыковой установки (точнее же, целого ряда метаязыковых установочных состояний). Однако гораздо чаще актуализация метаязыковой установки осуществляется на основе речевого стимула извне, то есть так, как это происходит в речевой пародии, в том числе литературной.

3. Пародия как вторичный текст и метаязыковая установка

В современной лингвистике теория вторичного текста получила мощный импульс развития (ср. особенно [Вербицкая, 2000; Нестерова и др., 2017]). Отмечая, что «вторичный текст <...> определяется категорией сходства / различия», М. В. Вербицкая называет «общее свойство всех вторичных текстов — их имитационность, стилистическую несамостоятель-

ность» [Вербицкая, 2000, с. 50, 53]. По точному наблюдению М. В. Вербицкой, «иногда его (вторичного текста. — К. С.) связь с протословом осуществляется только лингвистически, установить ее можно только по характеру словосочетаний, ритма, синтаксических построений и т. п.» [Там же, с. 50]. Н. М. Нестерова констатирует три уровня несамостоятельности вторичного текста по сравнению с первичным: смысловой, структурный и функциональный. Смысловая несамостоятельность вторичного текста обусловлена «отражением» в нем «информационной структуры первичного текста», структурная — наличием в нем языковых / речевых элементов первичного текста, функциональная — «заменой первичного текста в иной коммуникативной ситуации» [Нестерова и др., 2017, с. 58]. Пародия как особый речевой и литературный жанр является «идеальным» вторичным текстом, для которого характерна реализация метаязыковой установки как раз посредством речевых единиц (в частности, синтаксических), в той или иной мере наследуемых из первичного текста и тем самым несамостоятельных в смысловом, структурном, функциональном (Н. М. Нестерова) и, главное, в стилистическом (М. В. Вербицкая) плане.

Интересно, что именно вторично-текстовый характер пародии описывал Ю. Н. Тынянов, показавший, что в ней наряду с «планом произведения» и «планом <...> пародируемым» совершенно «обязательна невязка этих планов, смещение их» [Тынянов, 1977, с. 201]. Несколько редуцируя описание Ю. Н. Тынянова, Э. Блэк также заявляет, что пародия «в первую очередь эхоична (is pre-eminently echoic)» [Black, 2006, с. 119]. По сути дела, о вторично-текстовом характере пародии говорят и те, кто относит ее к литературной критике [Гроссман, 1930, с. 39—40], разъясняя, что «пародия вырастает из критики и продолжает ее средствами, заимствованными из арсенала самого критикуемого» [Морозов, 1960, с. 70]. Кроме того, вторично-текстовый характер пародии подтверждается (и утверждается) первостепенным эстетическим условием ее восприятия, согласно которому «без постоянного “узнавания” пародируемого — нет пародии» [Там же, с. 50]. Причем это «узнавание» обеспечивается в одном случае остротой памяти и начитанностью, а в другом — таким вспомогательным компонентом текста пародии, как эпиграф. Кстати сказать, А. А. Иванов, обычно писавший пародии на стихи малоизвестных поэтов и вынужденный поэтому прибегать к цитатной демонстрации пародируемого в позиции эпиграфа, в письме Б. Сарнову с сожалением заметил: «Конечно, я понимаю, что пародия, вытекающая из эпиграфа, — второго сорта» [ПВП, с. 296].

Вторичное текстообразование в сфере пародии связано с тем, что «пародист стремится осмеять стиль противника», для чего он демонстрирует

наиболее характерные приемы чуждого ему стиля. «Цель пародии — показать странность приема (“остранение”), нелепость его (на взгляд пародиста), неоправданность <...>» [Бегак, 1930, с. 54]. Снижающее переосмысление в пародии связано, по наблюдениям Ю. Н. Тынянова, с «механизацией словесного приема», «проведенной через повторение его» [Тынянов, 1977, с. 210]. Речевая организация пародии основана тем самым на «гиперболе приема» [Бегак, 1930, с. 61], нередко выражающейся, как, например, в стихотворных пародиях А. А. Иванова, в «нагромождении поэтических шаблонов» [Морозов, 1960, с. 73]. Важно отметить, что механизации в пародии подлежит лишь тот прием (шире — та речевая единица) первичного текста, который вызвал у пародиста метаязыковую установку, приведшую сначала к осмыслению и оценке этого приема, а затем — к его обыгрыванию и пародийному развенчанию во вторичном тексте — пародии. «Пародист зачастую отталкивается от некоторой языковой (намеренной или ненамеренной) аномалии или необычности в пародируемом тексте, усиливая ее <...> Получается “аномалия в квадрате”» [Санников, 1999, с. 34]. Подобное отступление от нормы или от узуса становится стимулом, приводящим к актуализации метаязыковой установки, без которой неосуществимо как пародийное речевое мышление, так и создание пародии как вторичного текста.

Наиболее полная модель речевой структуры пародии, аргументированная в конце XX века [Rossen-Knill et al., 1997], включает четыре акта: «1) интенциональную ре-презентацию (sic! — *К. С.*) объекта пародии; 2) подчеркивание (flaunting) языковой репрезентации; 3) критический акт; 4) комический акт» [Там же, с. 719]. К достоинству этой модели речевой структуры пародии следует отнести ее процессуальность и ориентацию на особенности пародии как жанра, к недостатку — выключенность метаязыковой установки, без которой у пародиста нет и не может быть ни мотива на создание пародии, ни материала для нее — приема. Существенно, что метаязыковая установка не только «запускает» речевое пародирование, но и предопределяет осуществление всех актов, необходимых для речевой структуры пародии. Метаязыковая установка способствует рефлексивному, осознанному обращению с той речевой единицей, которая, будучи взятой из первичного текста, преобразуется в соответствии с целеполаганием пародии, становится в ней доминантой и отображает жанровые особенности пародии как вторичного текста. При том, что метаязыковая установка относится во многом к предречевой работе сознания, связанной с мотивационно-ориентировочной стороной речевой деятельности, необходимость включения метаязыковой установки в собственно речевую структуру пародии вызвана тем, что «рефлексивность ингерентна» для пародии «как

комической <...> трансформации другого текста и требуется самой ее формой (is demanded by the form itself)» [Hannosh, 1989, с. 113].

Основными принципами реализации метаязыковой установки в пародии являются аналогия и контраст. «Аналогия, — замечает Г. И. Лушникова, — предполагает повтор разноуровневых элементов пародируемого объекта. Контраст основан на видоизменении, трансформации или утрировании повторенного, что ведет к контрастной смене модальности с серьезной на шутливо, комически критикующую» [Лушникова, 2010, с. 29]. Представляется, что из этих принципов ведущим является аналогия, которую Э. Итконен справедливо назвал «всепроникающей способностью (a pervasive capacity) человеческого ума» [Itkonen, 2005, с. 218]. Аналогия, обеспечивая структурное и / или смысловое сходство (или близость) речевой единицы (например, синтаксической) в исходном тексте и в пародии, создает прием как таковой. Контраст же формируется за счет того, что Ю. Н. Тынянов назвал механизацией приема, и прежде всего за счет контекста. Кроме того, только аналогия, понятая как процесс (а именно это и происходит при смысловом восприятии пародии), рождает инференцию [Там же, с. 12], состоящую в данном случае в том, что в пародии за каждым приемом видится метаязыковое употребление речевой единицы и тем самым реализация метаязыковой установки, вызванной прототипом этой речевой единицы в исходном тексте.

Если принципы реализации метаязыковой установки в пародии, а именно: аналогия и контраст при ведущей роли аналогии — являются едиными при создании любого вторичного текста пародийного типа, то операции и средства (в том числе синтаксические), на основе которых осуществляется реализация метаязыковой установки в пародии, отличаются разнообразием, причем одна и та же операция может обслуживать употребление разных средств.

4. Реализации метаязыковой установки в синтаксисе стихотворных пародий А. А. Иванова

Б. Сарнов представил творческий подход А. А. Иванова к созданию пародии так: «Произвольно выдрал из живого тела стихотворения две-три строчки <...>, он разворачивает на этой основе самостоятельный юмористический сюжет» [Сарнов, 1987, с. 315—316]. Наблюдения показывают, что А. А. Иванов «выдирает» из первичного текста что-либо вовсе не «произвольно», а в соответствии с возникшей у него метаязыковой установкой, привлечшей его внимание к определенному синтаксическому явлению и побудившей его вычленить несколько «строчек», содержащих тот или иной синтаксический факт, а затем, поместив их в позицию эпи-

графа, создать вторичный текст (пародию), основанный на стилистически выделенном употреблении либо преобразовании конкретной синтаксической структуры. А. А. Иванов ставит метаязыковую установку, вызванную противоречием чужого синтаксического «почерка» своему чувству языка и собственным узусным ожиданиям, на службу эстетической функции, развертывая вторичный текст в сфере художественной речи и обращаясь с тем или иным синтаксическим построением не как с анонимным синтаксическим фактом, а как с приемом, уже обретшим эстетическую значимость в стихотворении-источнике, но по какой-то причине отвергаемым пародистом как языковой личностью. Перейдем к анализу четырех стихотворных пародий А. А. Иванова, в которых метаязыковая установка обусловила отбор (из первичного текста), а также употребление либо преобразование (во вторичном тексте) тех или иных синтаксических структур.

В пародии «Давай не говорить» [АИв, с. 209] А. А. Иванов обращается к стихотворению Марины Тарасовой. Ср. эпиграф:

*Давай не говорить о лете,
лоскутик памяти порви.
Сегодня нет со мной
на свете
ни колоска твоей любви.*

Повтор довольно необычных по своему лексическому наполнению генитивных словосочетаний способствовал актуализации метаязыковой установки А. А. Иванова, предоставив ему средство для такой синтаксической организации пародии, в которой подобные генитивные словосочетания использованы 12 раз. Ср. первые две строфы:

*Судьбы моей поникли перья,
любви загнулся колосок.
Порвалась ниточка доверья,
и выпал дружбы волосок.*

*Подохла в клетке птичка страсти,
котенок ласки не поет.
И щепочка бывшего счастья
В корыте памяти плывет.*

В пародии генитивные словосочетания не столько воспроизводятся (ср., однако: *колосок любви* как цитатное употребление), сколько заново

создаются пародистом благодаря такому лексико-грамматическому построению генитивного словосочетания, при котором позицию главного компонента занимает конкретное имя существительное, а позицию зависимого — абстрактное. Интересно, что словосочетания типа *птичка страсти, котенок ласки* были характерны для пародийного творчества символистов (ср. у Вл. Соловьева: *гуена подозренья, мыши тоски, слоны раздумья* и т. п. [Санников, 1999, с. 127]), то есть в данном случае А. А. Иванов прибегает к пародийному интертексту или — иначе — к пародийным реминисценциям. Ритмика и рифма стихотворной речи в пародии вызвала необходимость перемещения зависимого компонента в препозицию (ср.: *судьбы перья и ниточка доверья*).

Подобные генитивные словосочетания не ограничены выражением атрибутивных отношений, в них также реализуется семантическая «компаративная модель с имплицитно представленным признаком сравнения, где генитив называет субъект сравнения, а опорное слово <...> объект сравнения» [Ушакова, 2005, с. 14]. Имплицитность сравнения превращает генитивные словосочетания в потенциально предикативную структуру, но не способна препятствовать их пониманию как катахрезы. Семантическая непроясненность таких словосочетаний делает их легкой добычей пародиста. Итерация же их в пародии позволяет «сгустить» эффект манерности, велеречивости, желания вызвать сочувствие. Об этом прямо говорится в пародии, чем объективирован один из метапоэтических автоматизмов пародируемого автора:

*Ведь я нашла отличный способ
немножко выжимать слезу...*

Такой эпиграмматический «поворот», позволяющий «“открытым текстом” высказать <...> критику», не только привычен для пародистов [Новиков, 2019, с. 19], но и отражает их стремление выразить метаязыковую установку не через «диалектическую игру приемом» [Тынянов, 1977, с. 226], а непосредственно, путем развертки оценочных метаязыковых высказываний.

В этой пародии А. А. Иванова утрирование достигается не только за счет итерации модели генитивного словосочетания в разных лексических реализациях, но и благодаря семантике предикатного и атрибутивного окружения, связанной преимущественно с обозначением небытия и отрицания.

К операциям, участвующим в реализации метаязыковой установки, здесь следует отнести производство генитивных словосочетаний по мо-

дели (с учетом их лексико-грамматической структуры) и утрирование их лексического наполнения (напротив, в одном случае — цитацию), прямую метаязыковую оценку и итерацию.

Пародию «Ода всякой всячине» [АИВ, с. 147] А. А. Иванов написал стихотворение Новеллы Матвеевой «Трюизмы». Ср. эпиграф:

*«Все едино?» Нет, не все едино:
Пламя, например, отнюдь не льдина...*

*Все едино? Нет, не все едино:
Детский самокат не гильотина.*

*Все едино? Нет, не все едино.
Волк не голубь. Жаба не сардина.*

Метаязыковая установка А. А. Иванова была вызвана повтором разных реализаций модели бисубстантивного предложения с нулевой связкой и отрицанием, причем назойливость повтора усилена вопросно-ответным рефреном. Л. Д. Галкин считает, что «Иванов пеняет Матвеевой на то, что она, обращаясь к взрослому читателю, <...> немотивированно использует приемы детской поэзии» [Галкин и др., 2016, с. 205]. В пародии А. А. Иванова сохраняется рефрен, модель же бисубстантивного предложения с нулевой связкой и отрицанием реализована 19 раз, причем порою с неожиданным лексическим наполнением и чаще всего без разделения предложениями-высказываниями других типов в структуре текста. Ср. первую строфу:

*Все едино? Нет, не все едино:
Хорь не корь. Конец не середина.
Семга не сапог. Балет не драма.
Кобзев не Кобзон. Валет не дама.*

Пародия строится на основе нагромождения лексически все более и более нелепых реализаций модели бисубстантивных предложений с нулевой связкой и отрицанием, призванных выражать «отрицание тождества (“это совсем не то, что”)» [РГ, с. 280]. Понятно, что для того, чтобы установить отрицание тождества, необходимо сравнить один предмет с другим. Об этом А. А. Иванов сообщает посредством метаязыкового риторического вопроса как бы от лица пародируемого поэта, переходя тем самым к другому из средств эпиграммы. Ср.:

Что и с чем еще я не сравнила?

Пародия завершается своеобразным приговором поэту, осуществленным с помощью биинфинитивного предложения с нулевой связкой и отрицанием, также служащего для отрицания тождества [Там же, с. 313]: *Быть поэтом — не играть в бирюльки*. В данном случае аналогия найдена пародистом не столько в структуре, сколько в семантике моделей предложения, в их синонимике (ср.: *Поэзия не игра в бирюльки*).

Эту пародию А. А. Иванова иногда считают «неудачной» [Галкин и др., 2016, с. 204]. Действительно, приводя те или иные трюизмы (ср. название стихотворения Н. Матвеевой), то есть «общеизвестные, избитые истины» [ТСРЯ, с. 1005], поэт был волен облечь их в одну и ту же синтаксическую форму. Причем, наделяя эти синтаксически однотипные предложения пояснительно-иллюстративной функцией при рефрене, Н. Матвеева как бы подготавливает читателя к представлению своего нравственного кредо:

Потому что это «все едино»,
Значит — «все дозволено». И точка [НМ, с. 299].

Однако, эксплуатируя столь редкую в узусе модель предложения и порой не оправдывая узусных ожиданий от ее лексического наполнения (ср.: *Детский самокат не гильотина*), поэт создает условия для актуализации метаязыковой установки пародиста.

Среди операций, обеспечивающих реализацию метаязыковой установки, здесь необходимо отметить прежде всего производство бисубстантивных предложений с нулевой связкой и отрицанием по модели и утрирование их лексического наполнения, а также синонимiku, косвенное метаязыковое сообщение и итерацию.

Пародия «Если **б** да **кабы б**» [АИв, с. 162] написана А. А. Ивановым на стихотворение Анатолия Парпары. Ср. эпиграф:

*Когда **бы** Пушкин в то восстанье
на площади Сенатской был...*

*За ним рванулись дружно **б** роты,
за удаль Пушкина любя...
И долго **б** ликовал, трубя,
неопалимый дух свободы.*

Метаязыковую установку А. А. Иванову удалось вызвать благодаря насыщенности стихотворения частицей *бы* / *б* в полном и в сокращенном (за счет вокального элемента) употреблении. На это указывает название пародии: в отличие от закрепленного во фразеологии выражения *если бы да кабы* с семантикой «насмешки по поводу чего-нибудь неопределенного,

маловероятного» [ТСРЯ, с. 226] А. А. Иванов допускает девокализацию частицы *бы* перед соединительным союзом и повтор девокализованной частицы *б* после устаревшего ирреально-условного союза, в опрошенную основу которого также включена частица *бы*. В пародии А. А. Иванова частица *бы* / *б* употребляется 16 раз, причем только единожды в неусеченном виде. Ср. первую строфу:

*Будь с нами б Пушкин, бард свободы,
дух декабризма б не погиб.
За ним рванулись дружно б роты
и эскадроны б и полки б.*

Частица *бы* / *б* как аналитический показатель условной семантики, «придавая определенное модальное (гипотетическое в самом широком смысле слова) значение всему предложению», «определенным образом характеризует и то неглагольное слово, к которому она непосредственно приключена», в частности «выделяя и противопоставляя его» [Адмони, 1965, с. 226]. Об этом свидетельствует как пародия, так и исходное стихотворение (ср. эпиграф). Пародист, однако, не удовлетворяясь этим, меняет синтаксическое поведение частицы *бы* / *б*. Так, в условных бессоюзных сложных предложениях, где в первой части имеется «замороженная» форма глагола-сказуемого 2-го лица единственного числа императива, частица *бы* / *б* обычно размещается только во второй части. Ср. трансформ: *Будь с нами Пушкин, бард свободы, дух декабризма б не погиб*, где грамматический плеоназм (термин Ш. Балли) устранен. А. А. Иванов, сохраняя частицу во второй части, добавляет ее и в первую часть, выделяя косвенное дополнение. При присоединении однородных членов предложения посредством союза-частицы *и...и* каждый раз добавляется частица *б*. Все это обусловлено, с одной стороны, «ритмической организацией текста» стихотворной пародии, а с другой стороны, «потребностью отражения степени ирреальности передаваемого условной конструкцией содержания» [Сосновцева, 2017, с. 603].

Реализация метаязыковой установки обеспечивается здесь такими операциями, как грамматический плеоназм и итерация.

Пародия «На пути к себе» [АИв, с. 243—244] была вызвана стихотворением Вадима Шефнера. Ср. эпиграф:

*Говорят, что плохая примета
Самого себя видеть во сне.
Прошлой ночью за час до рассвета
На дороге я встретился мне.*

Метаязыковая установка А. А. Иванова приведена в действие совершенно нетипичной субъектно-объектной рамкой предиката, в которой как субъект, так и объект выражены личным местоимением 1-го лица единственного числа. Различие в падежных формах никак не способно преодолеть лексического (и референциального) тождества субъекта и объекта. Пародийное осмысление подобной субъектно-объектной рамки предиката дает основание для того, чтобы представить поэта как эгоцентрика, зачищенного только на себе. Ср. предпоследнюю строфу пародии:

*Я и я очарованы были,
Расставались уже как друзья.
Долго шляпы по воздуху плыли,
Долго я улыбался и я.*

В данном случае принцип аналогии действует не в структурном, а в чисто семантическом плане. Пародист отказывается от имитации и осуществляет преобразование синтаксической структуры, по сути дела, стилистический эксперимент. Исходя из того, что «способом передачи сходства является сочинительная связь» [Чеснокова, 1980, с. 96—97], А. А. Иванов строит, а затем повторяет сочинительную конструкцию, в которой два местоимения *я* связаны соединительным союзом. Это преобразование может быть уместно при таком условии, когда между этими *я* может быть обнаружено «не только подобие, но и различие» [Там же]. В общей теории сочинения отмечалось, что «сочинительной связи типа **he and he* (“он и он”) не может быть, так как различие между этими двумя компонентами не может быть выявлено» [Bhat, 2004, с. 94—95]. Однако в сочинительной конструкции типа *он и он* различие, а именно неодинаковую референциальную идентификацию, все же могут обеспечить разные анафорические связи компонентов (впрочем, в ущерб стилистике!). Для того чтобы в сочинительной конструкции *я и я* (при «чистом» дейкисе, что весьма существенно!) ощущалось различие между компонентами, читатель пародии вынужден учитывать ее юмористический сюжет как таковой.

Операциями, участвующими в реализации метаязыковой установки, здесь являются преобразование в сочинительную конструкцию и итерация.

Анализ стихотворных пародий А. А. Иванова с точки зрения того, как происходит реализация метаязыковой установки в их синтаксической организации, позволяет утверждать, что метаязыковая установка является неотъемлемой и во многом определяющей характеристикой пародии как литературного (и шире — речевого) жанра. При реализации метаязыковой установки в синтаксисе пародии достаточно четко дифференцируются

принципы, операции и средства. Показательно, что операцией, сопровождающей реализацию метаязыковой установки во всех четырех стихотворных пародиях А. А. Иванова, является итерация. По-видимому, это связано с необходимостью фокусировать внимание на том приеме, который актуализировал метаязыковую установку и был положен в основу речевой структуры пародии, обеспечивая «иронический разрез всего текста» [Гроссман, 1930, с. 48]. Однако итерация не специфична именно для синтаксического отображения метаязыковой установки в пародии. Напротив, в двух стихотворных пародиях задействованы такие связанные операции, как производство по модели и утрирование лексического наполнения, обусловленные реализацией именно синтаксических единиц в речи и жанровой «привязкой» их употребления к пародии. Важно также сказать о том, что для пародийной манеры А. А. Иванова характерны такие операции, как прямая метаязыковая оценка и косвенное метаязыковое сообщение, что объясняется тяготением пародиста к эпиграмме, а точнее — к эпиграмматическим «вкраплениям» в тексте стихотворной пародии.

Представляется, что метаязыковая установка, преломленная в синтаксисе пародии как вторичного текста, вносит момент осознания в пародийное текстообразование и в обращение пародиста как языковой личности с синтаксическими структурами, передающими те или иные смысловые отношения и ту или иную стилистическую информацию.

5. Заключение

Итак, по результатам теоретического анализа метаязыковой установки (в духе концепции Д. Н. Узнадзе), а также изучения роли метаязыковой установки в речевой структуре пародии и особенностей реализации метаязыковой установки в синтаксисе стихотворных пародий А. А. Иванова можно сформулировать следующие выводы.

1. Метаязыковая установка представляет собой обусловленную интеракцией субъекта речи и структуры языка готовность к удовлетворению потребности описать и / или оценить определенный факт языка / речи. Обычно актуализация метаязыковой установки происходит благодаря речевому стимулу извне (как, например, в пародии), в котором нарушаются те или иные конвенции современного узуса. Метаязыковая установка, связанная с регулированием наиболее сложной формы речевой деятельности, является осознаваемой. В художественной речи метаязыковая установка взаимодействует с эстетическим целеполаганием и жанровой рефлексией художника слова (в том числе пародиста) как языковой личности.

2. В речевой структуре пародии как вторичного текста метаязыковая установка выступает не только как ингерентная ее составляющая, но и как

«порождающее начало» [Имедадзе и др., 2014, с. 28], определяющее имитацию той или иной речевой единицы в пародии, придание этой имитации намеренно-демонстрационного характера, ее критику и комическое истолкование.

3. Синтаксическая реализация метаязыковой установки в пародии происходит на основе принципов, операций и средств. Важно отметить, что во многом благодаря вычленению операций, участвующих в реализации метаязыковой установки на синтаксическом уровне, можно определить, что именно в употреблении синтаксических средств идет от жанра пародии, а что — от языковой личности пародиста, обнаруживающей, например, стремление к пародийно-эпиграмматическому жанровому синкретизму.

Источники и принятые сокращения

1. АИв — *Иванов А. А.* Антология сатиры и юмора России XX века / А. А. Иванов. — Москва : Эксмо, 2006. — Том 46. — 304 с.
2. ЛЭС — *Литературный энциклопедический словарь* / под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. — Москва : Советская энциклопедия, 1987. — 752 с.
3. НМ — *Матвеева Н. Н.* Избранное : стихотворения ; поэмы / Н. Н. Матвеева. — Москва : Художественная литература, 1986. — 535 с.
4. ПВП — *«Путем взаимной переписки»* : А. А. Иванов — Б. М. Сарнов // Иванов А. А. Антология сатиры и юмора России XX века. — Москва : Эксмо, 2006. — Том 46. — С. 285—300.
5. РГ — *Русская грамматика*. — Москва : Наука, 1980. — Том 2 : Синтаксис. — 709 с.
6. ТСРЯ — *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов* / отв. редактор Н. Ю. Шведова. — Москва : Азбуковник, 2007. — 1175 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони В. Г. Дополнительные функции аналитических форм / В. Г. Адмони // Аналитические конструкции в языках различных типов. — Москва : Ленинград : Наука, 1965. — С. 222—232.
2. Бассин Ф. В. К проблеме осознаваемости психологических установок / Ф. В. Бассин // Психологические исследования, посвященные 85-летию со дня рождения Д. Н. Узнадзе. — Тбилиси : Мецниереба, 1973. — С. 45—51.
3. Бегак Б. Пародия и ее приемы / Б. Бегак // Русская литературная пародия. — Москва : Ленинград : Государственное издательство, 1930. — С. 51—65.
4. Вербицкая М. В. Теория вторичных текстов (на материале современного английского языка) / М. В. Вербицкая. — Москва : МГУ, 2000. — 221 с.
5. Волков А. В. Эпиграмматическая пародия А. Иванова: эволюция жанра в XX в. / А. В. Волков // Известия Уральского государственного университета. Серия 2 : Гуманитарные науки. — 2009. — Том 66. — № 4. — С. 192—199.
6. Галкин Л. Д. Жанры стихотворной пародии и эпиграммы в творчестве А. Г. Архангельского и А. А. Иванова / Л. Д. Галкин, А. Э. Сковрцов // Ученые записки Ка-

занского университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2016. — Том 158. — № 1. — С. 199—207.

7. Гроссман Л. Пародия как жанр литературной критики / Л. Гроссман // Русская литературная пародия. — Москва : Ленинград : Государственное издательство, 1930. — С. 39—48.

8. Имедадзе И. Узнадзе : известный и неизвестный / И. Имедадзе, Р. Сакварелидзе // Узнадзе Д. Н. Философия. Психология. Педагогика: наука о психической жизни. — Москва : Смысл, 2014. — С. 10—28.

9. Лушникова Г. И. Когнитивные и лингвостилистические особенности литературной пародии : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Г. И. Лушникова. — Кемерово, 2010. — 44 с.

10. Морозов А. Пародия как литературный жанр (к теории пародии) / А. Морозов // Русская литература. — 1960. — № 1. — С. 48—77.

11. Нестерова Н. М. О проблеме дифференциации первичных и вторичных текстов / Н. М. Нестерова, Ю. К. Попова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. — 2017. — № 4. — С. 52—61.

12. Новиков В. И. Литературная пародия / В. И. Новиков. — Москва : МГУ, 2019. — 36 с.

13. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — 544 с.

14. Сарнов Б. Бремя таланта : портреты и памфлеты / Б. Сарнов. — Москва : Советский писатель, 1987. — 384 с.

15. Сосновцева Е. Г. Удвоение частицы *бы* в условных конструкциях / Е. Г. Сосновцева // Acta Linguistica Petropolitana : труды института лингвистических исследований. — 2017. — Том 13. — № 3. — С. 590—605.

16. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. — Москва : Наука, 1977. — 574 с.

17. Узнадзе Д. Н. Психология установки / Д. Н. Узнадзе. — Санкт-Петербург : Питер, 2001. — 416 с.

18. Узнадзе Д. Н. Философия. Психология. Педагогика: наука о психической жизни / Д. Н. Узнадзе. — Москва : Смысл, 2014. — 367 с.

19. Ушакова Ю. Ю. Лексическая наполняемость и структурно-семантические особенности компаративных тропов : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Ю. Ю. Ушакова. — Москва, 2005. — 44 с.

20. Чеснокова Л. Д. Связи слов в современном русском языке / Л. Д. Чеснокова. — Москва : Просвещение, 1980. — 110 с.

21. Шерозия А. Е. Психика. Сознание. Бессознательное : к обобщенной теории психологии / А. Е. Шерозия. — Тбилиси : Мецниереба, 1979. — 171 с.

22. Шумарина М. Р. Метаязыковая рефлексия в фольклорном и литературном тексте : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.01 / М. Р. Шумарина. — Москва, 2011. — 47 с.

23. Якобсон Р. О. Язык и бессознательное / Р. О. Якобсон. — Москва : Гнозис, 1996. — 248 с.

24. Bhat D. N. S. Conjunction and personal pronouns / D. N. S. Bhat // Coordinating constructions / M. Haspelmath (ed.). — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2004. — Pp. 89—105.

25. Black E. *Pragmatic stylistics* / E. Black. — Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006. — 166 p.
26. Dentith S. *Parody* / S. Dentith. — London ; New York : Routledge, 2000. — 211 p.
27. Hannosh M. The reflexive function of parody / M. Hannosh // *Comparative Literature*. — 1989. — Vol. 41. — № 2. — Pp. 113—127.
28. Itkonen E. Analogy as structure and process. Approaches in linguistics, cognitive psychology and philosophy of science / E. Itkonen. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2005. — 249 p.
29. Rossen-Knill D. F. The pragmatics of verbal parody / D. F. Rossen-Knill, R. Henry // *Journal of Pragmatics*. — 1997. — Vol. 27. — № 6. — Pp. 719—752.

MATERIAL RESOURCES

- AIv — Ivanov, A. A. (2006). *Anthology of satire and humor of Russia of the XX century*, 46. Moscow: Eksmo. 304 p. (In Russ.).
- LES — Kozhevnikov, V. M., Nikolaev, P. A. (eds.). (1987). *Literary encyclopedic dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia. 752 p. (In Russ.).
- NM — Matveeva, N. N. (1986). *Favorites: poems; poems*. Moscow: Fiction. 535 p. (In Russ.).
- PVP — “By mutual correspondence”: A. A. Ivanov — B. M. Sarnov. (2006). In: Ivanov, A. A. *Anthology of satire and humor of Russia of the XX century*, 46. Moscow: Eksmo. 285—300. (In Russ.).
- RG — *Russian grammar*, 2. *Syntax* (1980). Moscow: Nauka. 709 p. (In Russ.).
- TSRYA — Shvedova, N. Yu. (ed.). (2007). *Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words*. Moscow: Azbukovnik. 1175 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Admoni, V. G. (1965). Additional functions of analytic forms. In: *Analytical constructions in languages of various types*. Moscow: Leningrad: Science. 222—232. (In Russ.).
- Bassin, F. V. (1973). To the problem of awareness of psychological attitudes. In: *Psychological research dedicated to the 85th anniversary of the birth of D. N. Uznadze*. Tbilisi: Metsniereba. 45—51. (In Russ.).
- Begak, B. (1930). Parody and its methods. In: *Russian literary parody*. Moscow: Leningrad: State Publishing House. 51—65. (In Russ.).
- Bhat, D. N. S. (2004). Conjunction and personal pronouns. In: *Coordinating construction*. Amsterdam: Philadelphia: John Benjamins. 89—105.
- Black, E. (2006). *Pragmatic stylistics*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 166 p.
- Chesnokova, L. D. (1980). *Connections of words in modern Russian language*. Moscow: Education. 110 p. (In Russ.).
- Dentith, S. (2000). *Parody*. London: New York: Routledge. 211 p.
- Galkin, L. D., Skvortsov, A. E. (2016). Genres of poetic parody and epigrams in the works of A. G. Arkhangel'sky and A. A. Ivanov. *Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities*, 158(1): 199—207. (In Russ.).
- Grossman, L. (1930). Parody as a genre of literary criticism. In: *Russian literary parody*. Moscow: Leningrad: State Publishing House. 39—48. (In Russ.).
- Hannosh, M. (1989). *The reflexive function of parody*. *Comparative Literature*, 41(2): 113—127.

- Imedadze, I., Sakvarelidze, R. (2014). Uznadze: known and unknown. In: Uznadze, D. N. *Philosophy. Psychology. Pedagogy: the science of mental life*. Moscow: Smysl. 10—28. (In Russ.).
- Itkonen, E. (2005). Analogy as structure and process. Approaches in linguistics, cognitive psychology and philosophy of science. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. 249 p.
- Jacobson, R. O. (1996). *Language and the unconscious*. Moscow: Gnosis. 248 p. (In Russ.).
- Lushnikova, G. I. (2010). *Cognitive and linguo-stylistic features of literary parody*: author's abstract of Doct. Diss. Kemerovo. 44 p. (In Russ.).
- Morozov, A. (1960). Parody as a literary genre (to the theory of parody). *Russian literature*, 1: 48—77. (In Russ.).
- Nesterova, N. M., Popova, Yu. K. (2017). On the problem of differentiation of primary and secondary texts. *Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Problems of linguistics and pedagogy*, 4: 52—61. (In Russ.).
- Novikov, V. I. (2019). *Literary parody*. Moscow: Moscow State University. 36 p. (In Russ.).
- Rossen-Knill, D. F., Henry, R. (1997). The pragmatics of verbal parody. *Journal of Pragmatics*, 27(6): 719—752.
- Sannikov, V. Z. (1999). *Russian language in the mirror of the language game*. Moscow: Languages of Russian culture. 544 p. (In Russ.).
- Sarnov, B. (1987). *Burden of talent: portraits and pamphlets*. Moscow: Soviet writer. 384 p. (In Russ.).
- Sheroziya, A. E. (1979). *Psyche. Consciousness. The Unconscious: Toward a Generalized Theory of Psychology*. Tbilisi: Metsniereba. 171 p. (In Russ.).
- Shumarina, M. R. (2011). *Metalanguage reflection in folklore and literary text*: author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 47 p. (In Russ.).
- Sosnovtseva, E. G. (2017). Doubling a particle would be in conventional structures. *Acta Linguistica Petropolitana: proceedings of the Institute of Linguistic Research*, 13(3): 590—605. (In Russ.).
- Tynyanov, Yu. N. (1977). *Poetics. Literary history. Cinema*. Moscow: Nauka. 574 p. (In Russ.).
- Ushakova, Yu. Yu. (2005). *Lexical filling and structural and semantic features of comparative tropes*: author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 44 p. (In Russ.).
- Uznadze, D. N. (2001). *Psychology of attitude*. St. Petersburg: Peter. 416 p. (In Russ.).
- Uznadze, D. N. (2014). *Philosophy. Psychology. Pedagogy: the science of mental life*. Moscow: Smysl. 367 p. (In Russ.).
- Verbitskaya, M. V. (2000). *Theory of secondary texts (based on the material of modern English)*. Moscow: Moscow State University. 221 p. (In Russ.).
- Volkov, A. V. (2009). Epigrammatic parody of A. Ivanov: the evolution of the genre in the XX century. *Bulletin of the Ural State University. Series 2: Humanities*, 66(4): 192—199. (In Russ.).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА. ФОЛЬКЛОРИСТИКА LITERARY STUDIES. JOURNALISM. FOLKLORE

.....

Галина Игоревна Лушникова, д-р филол. наук (Симферополь)
Елена Вячеславовна Ушакова, канд. филол. наук (Москва)
Елизавета Алексеевна Власова, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)
Ирина Сергеевна Юхнова, д-р филол. наук (Нижний Новгород)
Марианна Викторовна Каплун, канд. филол. наук (Москва)
Марина Анатольевна Бурцева, канд. филол. наук (Якутск)
Ольга Владимировна Богданова, д-р филол. наук (Санкт-Петербург)
Ольга Станиславовна Сухих, д-р филол. наук (Нижний Новгород)
Светлана Викторовна Толкачева, канд. филол. наук (Ижевск)
Татьяна Юрьевна Осадчая, канд. пед. наук (Симферополь)

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Богданова О. В. Полижанровые стратегии «Прогулок с Пушкиным» А. Терца (А. Синявского) / О. В. Богданова, Е. А. Власова // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 173—191. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-173-191.

Bogdanova, O. V., Vlasova, E. A. (2021). Multi-Genre Strategies of “Walking with Pushkin” by A. Terts (A. Sinyavsky). *Nauchnyi dialog*, 6: 173-191. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-173-191. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-173-191

Полижанровые стратегии «Прогулок с Пушкиным» А. Терца (А. Синявского)

Богданова Ольга Владимировна
orcid.org/0000-0001-6007-7657
доктор филологических наук, профессор
olgabogdanova03@mail.ru

Власова Елизавета Алексеевна
orcid.org/0000-0001-5781-7466
кандидат филологических наук
kealis@gmail.com

Российский государственный
педагогический
университет им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

Multi-Genre Strategies of “Walking with Pushkin” by A. Terts (A. Sinyavsky)

Olga V. Bogdanova
orcid.org/0000-0001-6007-7657
Doctor of Philology, Professor
olgabogdanova03@mail.ru

Elizaveta A. Vlasova
orcid.org/0000-0001-5781-7466
PhD in Philology
kealis@gmail.com

The Herzen State Pedagogical
University of Russia
(Saint Petersburg, Russia)

© Богданова О. В., Власова Е. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На материале книги «Прогулки с Пушкиным» Абрама Терца (Андрея Синявского) поставлена цель определить основные стратегии повествования, которые осуществил писатель. Авторы демонстрируют, что наряду с жанровыми определениями «романа», «повести», «эссе» терцевская нарратия опосредована приемами «филологической прозы» и научным дискурсом. Показано, что маркерами научной дискурсивности повествования Синявского-Терца в «Прогулках с Пушкиным» становится ряд характерологических признаков: композиционное членение, выдвижение цели и задач анализа, освещение истории вопроса, избрание методики исследования, определение новизны работы, установление перспектив, обеспечение структурной цельности, соблюдение хронологии в осмыслении материала, использование биобиблиографического аппарата и др. По мнению авторов, опыт Синявского, ученого-исследователя, защитившего диссертацию в МГУ, работавшего в ИМЛИ АН СССР, читавшего лекции в МГУ и Студии МХАТ, наложили отпечаток на характер организации материала в «Прогулках...» и послужили структурным канонем филологического изыскания. Установлено, что «свободная» манера изложения научных наблюдений служит Терцу экспрессивным средством сосредоточения внимания на наиболее острых вопросах отечественной пушкинистики, актуализирующей связь истории и современности (осмысление Терцем собственного творчества, манифестации принципа «чистого искусства», семантизации принципа свободы в рамках литературы соцреализма и др.).

Ключевые слова:

А. Синявский (А. Терц); Прогулки с Пушкиным; жанровые дефиниции; маркеры нарратии; стратегии научного дискурса.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Based on the material of the book “Walking with Pushkin” by Abram Terts (Andrey Sinyavsky), the goal is to determine the main narrative strategies that the writer implemented. The authors demonstrate that along with the genre definitions of “novel”, “novella”, “essay”, the narrative is mediated by the techniques of “philological prose” and scientific discourse. It is shown that markers of scientific discursively narrative Sinyavsky-Terts in “Walking with Pushkin” is the number of characteristic features: composite partitioning, the extension of the goals and objectives of the analysis, the coverage of the history of the problem, selection of research methodology, the definition of the novelty of the work, the establishment of perspectives, providing structural integrity, respect of chronology in understanding material, the use of the bibliographic apparatus, etc. According to the authors, the experience of Sinyavsky, a research scientist, who defended the dissertation at MSU, working in world literature of the Academy of Sciences of the USSR, who read lectures at Moscow state University and the Moscow art theatre Studio, influenced the nature of the material in the “Walking...” and served as canon of structural research. It is established that a “free” manner of presentation of scientific observations is expressive means of focusing attention on the most pressing issues of domestic scientists to update the relationship of history and modernity (his understanding of own creativity, manifestation of the principle of “pure art”, the semantics of the principle of freedom within the literature of socialist realism, etc.).

Key words:

A. Sinyavsky (Abram Terts); Walking with Pushkin; genre definitions; markers of a narration; the strategy of scientific discourse.

Полижанровые стратегии «Прогулок с Пушкиным» А. Терца (А. Синявского)

© Богданова О. В., Власова Е. А., 2021

1. Введение

«Прогулки с Пушкиным» Абрама Терца (Андрея Синявского) написаны в 1966—1968 годах в Дубровлагере — так значится под текстом произведения [Терц, 1992]. Первая публикация «Прогулок...» (на русском языке) состоялась в Лондоне в 1975 году [Терц, 1975], в Париже — в 1977 [Терц, 1977]. В России отдельный фрагмент «Прогулок...», отобранный самим автором, появился в журнале «Октябрь» [Терц, 1990б], целиком — в журнале «Вопросы литературы» [Терц, 1990а].

Появление «Прогулок с Пушкиным» в печати вызвало большой «переполох» [Марченко, 1990, с. 94], разразившийся в литературных кругах, — причем не только постсоветской России, но и среди русской эмиграции (как в Европе, так и в Америке). Роман Гуль скандально определил эссе Терца как «Прогулки хама с Пушкиным» [Гуль, 1982, с. 5], Вольфганг Казак в «Лексиконе» — как «на редкость вызывающую книгу» [Казак, 1991, с. 423], Александр Солженицын назвал «Прогулки...» «изошренными спекуляциями» «эстета-литературоведа» [Солженицын, 1999, с. 638, 635].

В России обсуждение «Прогулок...», организованное Пушкинской комиссией ИМЛИ (АН СССР) им. А. М. Горького и состоявшееся в рамках «Круглого стола» вслед за журнальной публикацией в «Вопросах литературы», имело огромный резонанс и поставило множество дискуссионных вопросов [Обсуждение ..., 1990, с. 77—153]. Фактически именно этот «Круглый стол», участники которого (литературоведы, критики, писатели) стремились «поговорить об этой книге на уровне профессиональном» [Непомнящий, 1990, с. 78], во многом и определил перспективы сегодняшнего восприятия текста Синявского-Терца.

2. Жанрово-дискурсивные и композиционно-нарративные особенности «Прогулок с Пушкиным»

Выступающий на «Круглом столе» С. Бочаров одним из первых высказал мысль о том, что книгу Терца «невозможно обсуждать <...> просто как литературоведческое сочинение о Пушкине»: «само по себе пушкиноведение Синявского-Терца “Прогулки с Пушкиным” — *литература не меньше чем литературоведение*» (курсив наш. — О. Б., Е. В.) [Бочаров,

1990, с. 78]. Сегодня тем более ясно, что при обращении к тексту Терца следует оставаться прежде всего в границах литературного явления и отодвинуть на background представление о том, что «Прогулки с Пушкиным» могли быть восприняты как «событие общественное, политическое» [Обсуждение, 1990, с. 77] (хотя очевидно, что и таковой ракурс актуализируется в отдельных фрагментах текста книги-эссе).

Одной из первых и самых выразительных («скандальных») особенностей, на которую обратили внимание критики и исследователи «Прогулок...», в том числе участники «Круглого стола» в «Вопросах литературы», стала *манера повествования* Терца — речевая «раскрепощенность» и «расхристанность» [Роднянская, 1990, с. 87], «неформальный язык», сильно «сдвинутый в пародию» [Марченко, 1990, с. 95], «совмещение серьезности и смеха», «взгляд остранный, в известном смысле — эпатирующий и карнавальный» [Манн, 1990, с. 99], «фрагментарность», «сдвиги и деформации» [Архангельский, 1990, с. 106], пропитанность текста «политическими реалиями и блатными речениями», «неакадемическими замечаниями» [Бочаров, 1990, с. 78]. По словам Е. Сергеева, книга Терца написана в «скандально-драчливом тоне», пронизана «глубоко личными, чисто субъективными» представлениями, это «мозговая игра», «своего рода буриме», острый «критический выпад» [Сергеев, 1990, с. 85]. В представлении С. Куняева, книга Терца — «запущенная ересь», оформленная «блатным языком» с утверждением «пафоса лагерно-уголовной среды» [Куняев, 1990, с. 101]. И если последние эмоциональные эскапады принять всерьез вряд ли возможно, то суждения авторитетных литературоведов, приведенные выше, действительно близки к истине: язык, речь, манера повествования Терца в разговоре о Пушкине неакадемичны (С. Бочаров) и карнавальны (Ю. Манн), они сознательно ориентированы автором не на поддержание устойчиво сложившейся *академической* пушкинской «мифологии», а на ее развенчание.

Однако возникает вопрос: действительно ли вопрос формы — манеры нарративного изложения — столь важен Синявскому-Терцу? Верно ли, что «развенчание» является главной целью терцевского повествования? И если развенчание, то какого рода: Пушкина? русской литературы? научно-академизма? Или задача Синявского-Терца состояла в ином и только на внешнем (поверхностном) уровне была сопряжена с эпатажем?

Обращает на себя внимание, что размышления Синявского-Терца о Пушкине обретают некое «странное» жанровое оформление, которое в критике не подлежит квалификации. Кто-то называет повествование Терца романом [Розанова, 1990; Куняев, 1990: и др.], кто-то повестью [Вайль и др., 1990; Орлицкий, 1999; и др.], кто-то эссе [Солженицын, 1999; Вол-

гин, 1990; и др.], чаще всего исследователи прибегают к нейтральной дефиниции повествования Терца — просто *книга*. Между тем специалистам очевидно, что признаков романной или повестийной наррации в тексте Синявского нет, подобные определения носят скорее практический («эксплуатационный») характер. Номинация «Прогулок...» как эссе имеет больше мотивационных признаков, но и они не абсолютны. Дефиниция «книга», как понятно, и вовсе обходит жанровые константы и принимает обобщающий абрис.

Между тем если внимательно приглядеться к формальным маркерам повествования Синявского, то становится очевидным, что автор избирает структурно-композиционную форму *научного дискурса*, почти диссертации (бакалаврской или магистерской, кандидатской или докторской), пронизанной узнаваемыми формообразующими узлами и нарративными стратегиями. Жанр «статья» в данном случае, естественно, отвергается по причине объема предлагаемого исследования. Но в этой связи весьма родственной Синявскому-Терцу оказывается определение П. Вайля и А. Гениса — «филологическая проза», которое, правда, возникло позже, применительно к прозе Сергея Довлатова [Генис, 1999, с. 5], однако подобный «анахронизм» не меняет сущности дела — повествование в «Прогулках...» действительно представляет собой образец филологической прозы, применительно к работам Синявского по Пушкину (и Гоголю) пока не нашедшей научной конкретизации, но объединившей воедино интенции художника-творца и литературоведа-исследователя. Понятно, что определение «научная» в данном случае может иметь варианты — псевдонаучная, околонуучная, квазинаучная и др., однако на данном этапе важно акцентировать не меру и глубину научности исследования Синявского-Терца, а стратегию изложения, ракурс избранной жанровой ориентации (номинации).

3. Интертекстуальное поле «Прогулок»

Как известно, в любом произведении первым привлекает внимание перитекст — название книги, имя ее автора, эпиграф (если таковой имеется). Что касается эпиграфа, который открывает текст Терца, кажется, его присутствие противоречит канонам научной наррации. Однако, с одной стороны, именно эпиграф у Синявского обеспечивает связь со знаменитой книгой В. В. Вересаева, с первым Предисловием к документализированной хронике «Пушкин в жизни» (1927), и тем самым подсказывает компетентному реципиенту исходный претекст, на который опирался и от которого отталкивался автор-исследователь (в данном случае — писатель-исследователь). При этом эпиграф к «Прогулкам...», на наш взгляд, взят не непосредственно из Гоголя, но почерпнут именно из Вересаева, из его

пушкинского текста (цитата из «Ревизора» открывает вересаевский текст [Вересаев, 1992, с. 5]). Потому, если бы Синявский под цитатой «”Бывало, часто говорю ему: “Ну, что, брат Пушкин?” — “Да так, брат”, отвечает бывало: “так как-то всё...” Большой оригинал”» поставил не имя Гоголя, а Вересаева, то не очень покривил бы против истины, а, наоборот, сразу обнаружил (предложил) бы условия постмодернистской игры «qui pro quo», которую в дальнейшем будет эксплуатировать повествователь. Так, например, он по-постмодернистски свободно («легко») приписывает строки Пушкина Пастернаку [Терц, 1992, с. 412] или вкладывает известную сентенцию Некрасова в уста Ломоносова [Терц, 1992, с. 399].

С другой стороны, в стратегиях неканонического академизма, который демонстрирует исследование Терца, эпиграф к научной работе утрачивает чужеродность и привносит черты беллетризации, «олитературивания» текста, придает изложению элементы художественности, признаки «филологической прозы». Другими словами — позволяет автору ориентироваться на стандарты научного исследования и одновременно отклоняться от них. Таким образом, эпиграф «Прогулок...» — это первый маркер-сигнал, который указывает на субъективный характер проводимого научного, должного быть объективным, исследования, предпринимаемого Синявским-Терцем. Эпиграф не только композиционно, но и полиграфически отделен от основного текста работы — во всех изданиях, подготовленных самим Синявским или М. В. Розановой [Терц, 1989], он занимает отдельную страницу, располагается изолированно, то есть акцентирован, чтобы не быть пропущенным и не замеченным. Это своеобразный камертон, которым задается тональность всей «прогулки», всего расследования: легкость, приятельство, панибратство. Абрис научного академического исследования а priori растушевывается и преодолевается личностными интонациями изыскателя, ориентированного не на одноличное (= обезличенное) повествование, а на институционный диалогизм (полилогизм, интертекст).

4. Научный дискурс «Прогулок»

Легко заметить, что уже первые строки «Прогулок с Пушкиным» задают установку исследования, формулируют изыскательскую проблему, ставят вопросы, определяют задачи, которые намерен осветить и разрешить автор.

Центральный вопрос исследования: «При всей любви к Пушкину, граничащей с поклонением, нам как-то затруднительно выразить, в чем его гениальность и почему именно ему, Пушкину, принадлежит пальма первенства в русской литературе...» [Терц, 1992, с. 341].

История вопроса: «Позволительно спросить, усомниться (*и многие усомнились*): да так ли уж велик ваш Пушкин, и чем, в самом деле, он знаменит за вычетом десятка-другого ловко скроенных пьес, про которые ничего не скажешь, кроме того, что они ловко сшиты?» [Терц, 1992, с. 341].

Направление исследования: «И, быть может, постичь Пушкина нам проще не с парадного входа, заставленного венками и бюстами с выражением неуступчивого благородства на челе, а с помощью анекдотических шаржей, возвращенных поэту улицей словно бы в ответ и в отместку на его громкую славу» [Терц, 1992, с. 341].

Избранная методика: «Отбросим не идущую к Пушкину и к делу тяжеловесную сальность этих уличных созданий (распространенных анекдотов о Пушкине. — *О. Б., Е. В.*), восполняющих недостаток грации и ума простодушным плебейским похабством. Забудем на время и самую фриivolность сюжетов, к которой уже Пушкин имеет косвенное отношение...» [Терц, 1992, с. 341].

Цель: «Что останется тогда от карикатурного двойника, склонного к шуткам и шалостям и потому более-менее годного сопровождать нас в экскурсии по священным стихам поэта — с тем чтобы они сразу не настроили на возвышенный лад и не привели прямым каналом в Академию наук и искусств имени А. С. Пушкина с упомянутыми венками и бюстами на каждом абзаце? Итак, что останется от расхожих анекдотов о Пушкине, если их немного почистить, освободив от скабрезного хлама?...» [Терц, 1992, с. 341—342].

Рабочая гипотеза: «Вероятно, имелось в Пушкине, в том настоящем Пушкине, нечто, располагающее к позднему панибратству и выбросившее его имя на потеху толпе, превратив одинокого гения в любимца публики, завсегдатая танцулек, ресторанов, матчей...» [Терц, 1992, с. 342].

А прогос: Если учесть, что по форме первые наблюдения Синявско-Терца над Пушкиным — это частные письма к жене, вряд ли с первых страниц готовившиеся к публикации, то можно понять, откуда в тексте появляется блатная лексика и речевые обороты типа: «Да это же наш Чарли Чаплин, современный эрзац-Петрушка, прифрантившийся и насобачившийся хилить в рифму...» [Терц, 1992, с. 342]. Нетрудно предположить, что подобные обороты были теми очень личными ремарками, которыми адресант Синявский пересыпал лагерные письма к жене, рассчитывая на ее живую реакцию. Но впоследствии, когда М. В. Розанова самостоятельно (Синявский еще находился в лагере) отбирала эпистолярные отрывки и группировала их в единое повествование [Розанова, 1990, с. 156], это по *её* прихотливой воле были включены или не включены в целостный текст те или иные «околоблатные» реплики. Показательно ее восклицание: «Это

моя книжка!» [Розанова, 1990, с. 154]. М. В. Розанова действительно очень «по-моему (по-своему)» формировала будущий текст, явно ориентируясь на скандальность предстоящей зарубежной публикации. Поэтому, когда критики разных направлений обвиняют Сияевского в «приблатненной» лексике и «лагерной» стилистике текста, во-первых, в такого рода разговорно-блатных речениях, на наш взгляд, авторства и воли Терца-Сияевского (может быть и) меньше, чем (Терца-)Розановой, во-вторых, подобного рода «вольностей», как ни странно, в тексте до парадоксального мало, они локальны и единичны и представляют собой, на наш взгляд, «следы» частной переписки. В речи терцевского нарратора достаточно других — органичных его фивольности — разговорных форм и оборотов. Атрибутированность же и связь с основным (собственно терцевским) текстом радикальных суждений и образов типа «Чарли-Чаплина» или «нагана» — дело будущего, того времени, когда возможная публикация факсимиле писем Сияевского предоставит материал для уточнения воли автора и своеволия «редактора-составителя». На наш взгляд, частная эмоция Сияевского оказалась достоянием общественного мнения преимущественно по воле Розановой.

Неслучайно последующие размышления Сияевского вновь и быстро (уже в следующей фразе текста — может быть, в новом письме, может быть, в записях следующего дня) возвращаются в русло аналитики и, согласно логике научного дискурса, предлагают ответы на вопросы, которые поставил перед собой автор. Хорошо освоивший методы аналитического осмысления текста (опыт МГУ, ИМЛИ, Студии МХАТ и др.), Сияевский намечает те особенности поэтической манеры Пушкина, которые, с его точки зрения, были истоком и основой мирозерцания Пушкина-поэта.

Заметим, что и в структурно-композиционном плане книга Сияевского-Терца научна, почти диссертационна: она последовательно разделена на главы, отделенные друг от друга пробелами и лигатурой астериска (звездочками ***).

5. «Терцированная» пушкинистика

Уже в первой главе (***) Сияевский-Терц приходит к исходно гипотетическому наблюдению, что самым первым и самым важным впечатлением от поэзии Пушкина становится *легкость* — легкость в жизненных впечатлениях и легкость в рождении поэтического слова. «До Пушкина почти не было легких стихов. Ну — Батюшков. Ну — Жуковский. И то спотыкаемся. И вдруг, откуда ни возьмись, ни с чем, ни с кем не сравнимые реверансы и повороты, быстрота, натиск, прыгучесть, умение гарцевать, галопировать, брать препятствия, делать шпагат и то стягивать, то растягивать стих по требованию, по примеру курбетов, о которых он рассказывает

с таким вхождением в роль, что строфа-балерина становится рекомендацией автора заодно с танцевальным искусством Истоминой» [Терц, 1992, с. 342—343].

Навык ученого-литературоведа хронологически обращает Сиявского к лицейскому периоду в жизни Пушкина и подводит его к пониманию этиологии легкости ранней лирики поэта, которая разовьется в его последующем творчестве. По мысли Сиявского, «Пушкин должен был пройти лицейскую подготовку — приучиться к развязности, развить гибкость в речах заведомо несерьезных, ни к чему не обязывающих и занимательных главным образом непринужденностью тона, с какою вьется беседа вокруг предметов ничтожных, бессодержательных» [Терц, 1992, с. 343]. Кажется, Терц неакадемично бросает: «Он начал не со стихов — со стишков» [Терц, 1992, с. 343]. Однако мотивация исследователя если не по форме, то по существу основательна и убедительна: «Взамен поэтического мастерства, каким оно тогда рисовалось, он учится писать плохо, кое-как, заботясь не о совершенстве своих “летучих посланий”, но единственно о том, чтобы писать их по воздуху — бездумно и быстро, не прилагая стараний...» [Терц, 1992, с. 343]. Сиявский метафорически тонко подмечает: «Установка на необработанный стих явилась следствием “небрежной” и “резвой” (любимые эпитеты Пушкина о ту пору) манеры речи, достигаемой путем откровенного небрежения званием и авторитетом поэта» [Терц, 1992, с. 343].

Филолог внимателен к поэтическому тексту, чуток к пушкинским эпитетам. И вывод об «авторитете поэта» логичен: как известно пушкинистам, в Лицее первым поэтом считался не Пушкин, а Алексей Илличевский, лавры первенства отдавались тому и самим Пушкиным. Зная биографию юного Пушкина, помня о его любовных проказах и юношеском озорстве, действительно можно согласиться, что «дебютант»-лицеист «ставил ни в грош искусство» и «демонстративно отдавал предпочтение бранным дарам жизни» [Терц, 1992, с. 343], любовным страстям и юношеским влечениям. Эротизм, по Сиявскому, во многом предопределяет легкость ранних стихов Пушкина и формирует критерии ученического периода поэта.

Опора для, казалось бы, вольных суждений Сиявского — базовый претекст-хроника В. В. Вересаева, свидетельств очевидцев, в том числе преданных друзей-лицеистов, собранные в книге «Пушкин в жизни».

«Учился Пушкин небрежно и лениво...» [Вересаев, 1992, с. 29].

«...мы все видели и слышали <...> как всегда легкий стих его вылетал подобно “пуху из уст Эола”» [Вересаев, 1992, с. 41].

«Пушкин <...> имеет более блистательные, нежели основательные дарования, более пылкой и тонкой, нежели глубокой ум...» [Вересаев, 1992, с. 76].

«Пушкин <...> способен только к таким предметам, которые требуют малого напряжения, а потому успехи его очень невелики, особливо по части логики...» [Вересаев, 1992, с. 88].

«Очень ленив, в классе не внимателен и не скромнен, способностей не плохих, имеет остроту, но, к сожалению, только для пустословия...» [Вересаев, 1992, с. 91].

О юношеской поэме Пушкина с выразительным названием «Монах»: «Пушкин написал было поэму “Монах”. Кн. Горчаков взял ее на прочтение и сжег, объявив автору, что это недостойно его имени...» [Вересаев, 1992, с. 101]. «Пользуясь своим влиянием на Пушкина, кн. Горчаков побудил его уничтожить <...> произведение, “которое могло бы оставить пятно на его памяти...”» [Вересаев, 1992, с. 101].

Даже несколько цитат из Вересаева позволяют объяснить и мотивировать тот характер «своеволия», который якобы избрал для себя Синявский. Как видно из хроникального претекста, Синявский следовал непосредственно за Вересаевым. И в согласии с ним должен был исповедовать принцип: «Повторяю: критическое отсеивание материала противоречило бы самой задаче этой книги. Я, напротив, старался быть возможно *менее* строгим и стремился дать в предлагаемой сводке возможно все, дошедшее до нас о Пушкине, кроме лишь явно выдуманного» (курсив автора. — О. Б., Е. В.) [Вересаев, 1992, с. 9].

Поэтому, когда Синявский-Терц произносит свою знаменитую фразу: «На тоненьких эротических ножках вбежал Пушкин в большую поэзию и произвел переполох» — он только *по-пушкински* легко оформляет свое суждение и по существу оказывается, несомненно, прав. Именно легкая (и легковесная) юношеская поэзия — «стишки», в большей или в меньшей степени «достойные / недостойные» — открывали Пушкину путь в большую литературу, в Поэзию.

Права М. Розанова, когда по поводу обвинений Терца в эпатаже восклицает: «Ощущение такое, что за семьдесят лет <...> многие стали читать по складам и только буквально» [Розанова, 1990, с. 160]. Она убедительно разъясняет: «Что здесь может быть эпатирующим? Ведь если мы напишем эту сакраментальную фразу <...> другими словами, получится приблизительно так: “А. С. Пушкин, вошедший в большую поэзию своей ранней любовной лирикой, привлек всеобщее внимание”. Все нормально: вошел и привлек...» [Розанова, 1990, с. 160].

Не намереваясь атрибутировать «по Пушкину» каждое слово Синявского-Терца, между тем заметим, что его речь тонка, игрива и метафорична в традициях пушкинского времени. Рассуждая, например, о «женолюбии юности» [Терц, 1992, с. 347], Синявский действительно перенимает пуш-

кинский слог и слово и в пушкинском духе творит собственные окказионализмы: «Не плоть — эфирное тело плоти, ея Психею, нежную ауру поймал Пушкин, пустив в оборот все эти румяные и лилейные ножки, щечки, персики, плечики, отделившиеся от владелиц и закружившиеся в независимом вальсе, “как мимолетное виденье, как гений чистой красоты”» [Терц, 1992, с. 347]. Архаическая форма местоимения «ея», упоминание древнегреческой богини Психеи, забытые эпитеты «эфирное» и «лилейное», мелькание почти-пушкинских «ножек», цитатная строка — все эти признаки эксплицируют знаки и символы пушкинского мировидения, пушкинского поэтического зрения. И среди них едва заметно и очень органично вдруг мелькают «персики». С одной стороны, Синявский использует устаревшее определение женской груди — перси, с другой — весьма оригинально превращает их в метафору маленькой женской груди, похожей на персики. Подобная словотворческая вольность, интерференция, на наш взгляд, тоже сродни пушкинской, отчасти поэтической, отчасти ироничной.

Следуя той же — пушкинской — тенденции, Синявский умело архаизирует и поэтизирует речь, насыщает ее неожиданными образными выражениями. В современном языке, как известно, бытует поговорка *бегать за каждой юбкой*. Синявский погружает фразеологизм в прошлое, и он обретает у него поэтически трансформированный вид: в рассуждениях о пушкинской влюбчивости устойчивый оборот уже звучит как «волочиться за каждым шлейфом» [Терц, 1992, с. 348]; этот вариант приобретает черты историчности, ауру поэтичности и любования. В том же образном ряду оказываются и новообразования «эрудиты амурной науки» [Терц, 1992, с. 348], и рассуждения о «зефирах женского туалета» [Терц, 1992, с. 349].

Игра словами, которую затекает Синявский, — мастерски выверена и отточена. Задумываясь о любви женщин к ветреникам, рассуждая о «воздушной организации» последних, Синявский (в духе Пушкина) приходит к заключению: «С ветрениками женщине легче нащупать общий язык, попасть в тон. Короче, их *сестра* невольно чует в ветренике *брата* по духу» [Терц, 1992, с. 349]. Семантика лексем *брат* и *сестра* выходит за пределы определения кровного родства и легко вступает в разряд понятий переносных, фразеологических, игровых.

Звукопись пушкинского стиха чутко воспринимается писателем-исследователем и возрождается-воспроизводится в тексте «Прогулок...». В хронологическом порядке прослеживая творческий путь молодого поэта, Синявский обращается к первой пушкинской поэме — «Руслан и Людмила» (1820) — и не просто использует ассонанс и аллитерацию в ее описании, но умеет придать звуковому образу смысл и значение. Характеризуя особенности поэмы и используя, казалось бы, просто и удачно

аллитерированные слова — «турниры в турнюрах, кокотки в кокошниках, боярышни в сахаре, рыцари на меду, медведи на велосипеде, охотники на привале» [Терц, 1992, с. 351] — Синявский точно обрисовывает самобытность поэмы, указывает на ее простонародную образность, «русский дух», потрясший пушкинское общество. В периодике публикация поэмы Пушкина сравнивалась с появлением мужика в лаптях и армяке в благородном собрании. И Синявский актуализирует этот ракурс, достаточно только взглянуть в образы «турнира в турнюре» или представить себе «кокотку в кокошнике». Синявский-Терц, несомненно, использует здесь и прием иронизации — интертекстуальные «медведи на велосипеде» от К. Чуковского или «Охотники на привале» от В. Перова (наряду с гастрономическими «боярышни<ком> в сахаре» или «рыцарями <напр., трепангами> на меду»), при этом следует вновь за Пушкиным, обильно пронизавшим строки «Рулана и Людмилы» ироико-комическими пассажами (в том числе адресованными «побежденному-учителю» В. А. Жуковскому).

По мысли Синявского-исследователя, легкость и эротизм поэзии Пушкина через народные мотивы (по-своему «скандальной») поэмы «Рулан и Людмила» постепенно (по мере взросления) выводят поэта на конститутивную слагаемую его творческой идеи — свобода. И тогда формируется принципиальный для Пушкина «триумвират» — «поэзия, любовь и свобода» [Терц, 1992, с. 352]. Как вариант — легкость, эротизм, вольнолюбие. Именно они, в представлении Синявского, обеспечивают своеобразие и самобытность мира поэта, наделенного правом приоритетного выбора внутри «треугольника».

Требовательным критикам Терца показалось неприемлемым его определение Пушкина как «круглого» писателя: «Самый круглый в русской литературе писатель» [Терц, 1992, с. 377]. Однако, как и в ряде других случаев, постмодернистская форма выражения не исключает точности и глубины наблюдения исследователя. По Синявскому-Терцу, Пушкин «повсюду обнаруживает черту — замкнутость окружности, будь то абрис событий или острый очерк строфы, увязанной, как баранки, в рифмованные гирлянды» [Терц, 1992, с. 367]. Если за (неточным с научной точки зрения) определением «круглый» разглядеть эпитеты «циклический» и «цельный» — в смысле единства и целостности восприятия окружающего мира, то становится очевидным, каким образом в рамках пушкинско-терцевского круга возникают понятия рока и случая, рокового случая.

В диссертационной манере обращаясь к повести «Метель» (1830), Синявский умело и метафорично (не сухо и академично) передает суть «фигуры круга» [Терц, 1992, с. 357] и соотношения в нем концептов рок / случай. С его точки зрения, пушкинская метель, которая запутала героев

жениха и невесту только затем, «чтобы они, вконец заплутавшись, нашли и полюбили друг друга не там, где искали, и не так, как того хотели», поражают искусством, с каким «из метельного сумрака человеческих страстей и намерений судьба, разъединяя и связывая, самодержавно вырезает спирали своего собственного, прихотливо творимого бытия» [Терц, 1992, с. 357], то есть *рокового случая*. Опираясь на текст «Пиковой дамы» (1833), Синявский объясняет «закрученность и закругленность» фабулы другого произведения, где, по его словам, «случай <...> рубит судьбу под корень» и обеспечивает ей «научный базис» [Терц, 1992, с. 358].

Метафорическая образность языка (выразительная аллитерация «закрученность» и «закругленность», «любовники и любители», «мания и магия» и др.) не мешает вниманию к роли случая в судьбе героев Пушкина и к его художественной функции на уровне фабулы и сюжета (именно эти научные термины использует исследователь). Если специалистам-пушкинистам подобные наблюдения могут показаться знакомыми и уже утвердившими себя в пушкиноведении, то нам важнее констатировать, что логика терцевских изысканий не дилетантская, но профессиональная, литературоведческая, опосредованная логикой научных наблюдений. И если вопрос о соотносительности рока и случая может показаться специалистам-филологам знакомым и отработанным, то уже следующая теза, которую выдвигает писатель, нова и актуализируется им в плане интересующих *его* аналогий. Для Синявского-Терца (особенно в условиях тюремно-лагерной несвободы) случай есть способ философизации свободы: «Случайность знаменовала свободу рока, утратой логики обращенною в произвол и растерзанной, как пропойца, человеческой необеспеченностью» (в оригинале так. — *О. Б., Е. В.*) [Терц, 1992, с. 358]. Для него случай — это свобода, «чреватая катастрофами, сулящая приключения, учащая жить на фуфу», «единственный, никем не предусмотренный шанс выйти в люди, встретиться лицом к лицу с неизвестностью, ослепнуть, потребовать ответа, отметиться и, падая, знать, что ты не убит, а найден, взыскан перстом судьбы в вещественное поддержание случая, который уже не пустяк, но сигнал о встрече, о вечности — “бессмертья, может быть, залог”» [Терц, 1992, с. 358].

Собственная ситуация ограничения свободы (человека и художника) приводит Синявского к чувствованию той же несвободы Пушкиным — отсюда мыслительный переход к знаменитым строкам последнего: «Дар напрасный, дар случайный, / Жизнь, зачем ты мне дана?..» [Терц, 1992, с. 358]. Философские размышления Пушкина смыкаются с глубинной рефлексией Синявского и сближают (объединяют для них обоих) понятия жизни и случая, жизни-случая. И далее, в стратегиях научного изыскания,

Синявский формирует историко-литературный контекст, в котором намерен проверить убедительность достигнутого наблюдения. Он, обнаруживая обширную эрудицию, вводит в текст исторические ситуации («насморк» Наполеона под Ватерлоо), примеры из позднесредневековой литературы (Шекспир и его «Лукреция»), собственно пушкинский (авто) контекст («Граф Нулин»). И хотя (по мнению критически настроенных специалистов) вольность переходов и ассоциативность аргументирующих позиций у Синявского-Терца сомнительна, однако, на наш взгляд, «внутренний академизм» предложенных автором взаимосвязей и пересечений убедителен и основателен.

Заметим а пропос, что все «Прогулки...» — своеобразное филологическое исследование Синявского-Терца — существенным образом оснащены ссылками, сносками, указанием на источник, атрибуцией той или иной цитаты. При этом сноски и ссылки носят самый разный характер. Они могут быть погружены в текст [Терц, 1992, с. 342, 346, 406, 419 и др.], могут быть вынесены в постраничные сноски [Терц, 1992, с. 348, 355, 358 и др.]. Могут быть пояснительными [Терц, 1992, с. 348—349, 421 и др.], уточняющими [Терц, 1992, с. 358, 428 и др.], иллюстративными [Терц, 1992, с. 365 и др.], сопоставительными [Терц, 1992, с. 365, 379, 392 и др.]. Чаще всего источниковыми. Это еще раз подтверждает выдвинутое ранее суждение о том, что книга «Прогулки с Пушкиным» во многом подчинена законам организации научного (диссертационного) исследования, хотя и исполненного с эксплуатацией метафорических приемов художественного повествования. Вряд ли можно говорить о намеренности (сознательности) выбора писателем именно такого жанрового формата, однако апелляция к тактикам научного мышления дает о себе знать, она органична Синявскому.

В связи с этим важно отметить, что согласиться с именем-псевдонимом Абрам Терц и принять его только в звуковой форме можно и должно, понимать природу его реанимации необходимо. Однако всякий раз эксплицировать воровскую и преступную этимологию маски и ею оправдывать «одиозность» повествования, на наш взгляд, исследователи не должны. В авторе «Прогулок с Пушкиным» кроме весьма локальных и эпизодичных речевых оборотов ничего от Абрамки Терца нет. «Прогулки с Пушкиным» могли быть итогом размышлений только исследователя Синявского, а не Терца. При этом избранная писателем фривольно-панибратская стилистика изложения, как уже было отмечено, с одной стороны, соответствовала *легкости* стиля осмысляемого Пушкина, с другой — становилась условием обнаружения (творческой) *свободы*, которой был лишен заключенный-Синявский. Форма сказа, которая могла бы быть реализованной

в мистификации «Абрам Терц», не нашла своего воплощения. Образцовые примеры ни лесковского, ни бажовского сказа не были положены в основу наррации Терца, даже маска, подобная пушкинскому Белкину, не оказалась задействованной в тексте. На наш взгляд, в случае с «Прогулками с Пушкиным» согласиться на авторство Терца [Обсуждение ..., 1990, с. 96; и др.] означает уйти от существа вопроса, от понимания глубины созданного Синявским художественного произведения и заслуживающего внимания специалистов-пушкинистов литературоведческого текста. Маскирующий псевдоним «Абрам Терц», избранный Синявским для художественной прозы, на наш взгляд, приемлем и актуализован (и был таковым особенно в 1950—60-х), но, как показывает анализ, «маска-автор» в тексте исследовательских «Прогулок...» в качестве субъекта-нарратора не работает, «масочная» функция не только не ослаблена, но и не задействована всерьез ни в одном из пластов художественного текста.

Было бы легко, сославшись на авторство Терца, отвергнуть суждение Синявского о случае и его роли в смерти Пушкина. Однако, как понятно из повествования, Синявский, исследователь и литературовед, ученый и филолог, решительно оттесняет далеко на периферию текста мелькающий абрис Абрама Терца и сам очень взвешенно рассуждает по поводу этой важной (научной) проблемы.

О смерти Пушкина, как известно, написаны многие тома научной литературы. В недавнем прошлом в Санкт-Петербурге (СПбГУ) защищена обстоятельная докторская диссертация заведующей Мемориальным музеем-квартирой на Мойке, 12 историка Г. М. Седовой по документальным (и художественным, заметим) обоснованиям причин и условий дуэли на Черной речке [Седова, 2020]. Однако до сегодняшнего дня остаются вопросы, которые терзали современников Пушкина и продолжают оставаться неразрешенными: «Естественно ли, чтобы великий человек, в зрелых летах, погиб на поединке, как неосторожный мальчик?» (Е. Баратынский) [Терц, 1992, с. 362]. Особенно парадоксален этот вопрос в свете ставших общедоступными в последнее время сведений о том, что Дантес отличался нетрадиционной ориентацией [Седова, 2020; и др.]. Чем высокий тенор Дантеса (или нидерландского посланника Геккерена) мог оскорбить Пушкина или задеть честь его жены? Найти логичные объяснения этому парадоксу нет оснований.

Между тем Синявский (хотя и в облегченной форме) предлагает, кажется, единственно верное и убедительное объяснение — случай. «Случайный дар был заклан в жертву случаю» [Терц, 1992, с. 362]. Весь ранее предложенный Синявским анализ случайных эпизодов в творчестве Пушкина (от «Метели» до «Капитанской дочки») позволяет осознать величие и

значимость случая в жизни любого человека — реального или вымышленного, исторического или литературного. Не случайно наполеоновский насморг, по Пушкину, является основанием для осмысления причин поражения французской армии при Ватерлоо — и далее пушкинское же: «Мы все глядим в Наполеоны...» Но не в плане того, что мы все хотим походить на наполеонов, а в том смысле, что в жизни *каждого* человека царствует случайность — будь то Пушкин, Пугачев, Петр I или бедный, сошедший с ума Евгений, во время наводнения в Петербурге случайно потерявший Парашу. Напомним, что случай (перебежавший дорогу заяц) спас Пушкина от участия в восстании на Сенатской площади. То есть смерть Пушкина, по Синявскому, — та самая роковая случайность, в которой неразъединимо и необъяснимо сплетены рок и случай. И таковое объяснение, на наш взгляд, наиболее основательно и много убедительнее, чем (якобы) поиск поэтом смерти в последние годы (П. Е. Щеголев) или необходимость защиты (не) поруганной чести (Г. М. Седова). «Смерть на дуэли настолько ему соответствовала, что выглядела отрывком из пушкинских сочинений» [Терц, 1992, с. 362]. Синявский задается серьезным вопросом: «Не этот ли заключительный фортель он [Пушкин] предчувствовал в “Каменном Госте”, в “Выстреле”, в “Пиковой Даме”? Или здесь действовало старинное литературное право, по которому судьба таинственно расправляется с автором, пользуясь, как подстрочником, текстами его сочинений, — во славу и в подтверждение их удивительной прозорливости?...» [Терц, 1992, с. 363].

Пушкинистам не хочется отдавать вопрос о смерти Пушкина на откуп случаю, специалистам представляется необходимым найти весомые основания для объяснения трагедии — научные аргументы. Однако вполне вероятно, что умирающий Пушкин (по свидетельству очевидцев) потому и был спокоен, что гений (прав Синявский, действительно, провидчески) постиг законы жизни и смерти и на промыслительном уровне ощущал неизбежность / случайность ухода.

6. Выводы

Таким образом, несмотря на видимую облегченность повествования, нам представляется, что Синявский размышляя о творчестве Пушкина и на его фоне осмысляя проблемы собственной роли в литературе, в частности, актуализируя проблему «чистого искусства», заданную им уже во «введении» исследования, следует логике научной дискурсивности, последовательно и убедительно проведенной в тексте. Именно фундаментальность и академизм (при всей их внешне фривольной форме) приводят Синявского к пониманию проблем универсализма Пушкина, природы его таланта, творческой самобытности и свободы, его роли и места в русской и миро-

вой литературе (рядом с Шекспиром, Данте, Гете). Даже умение поставить Пушкина в широкий литературный контекст — признак академического мышления исследователя-писателя.

Исследовательская стратегия (методика), обращенная Синявским к Пушкину, получает перспективу в завершении его работы (в «заключении») и оказывается приложимой к нему самому, к его переходу от литературы прошлой к литературной ситуации настоящего. Вытесненный метафорикой научный академизм нужен Синявскому в «диссертации», чтобы яснее и доступнее, открытее и честнее — через Пушкина — репрезентировать собственное видение перспектив «советской» литературы, на их фоне сформулировать собственную программу, манифестировать свои творческие принципы (в том числе «чистого искусства», свободного от воли и диктата государства). Кольцевая и одновременно хронологически опосредованная композиция «Прогулок...» свидетельствует о логичности и последовательности исследовательского подхода Синявского-Терца, в которых ему настойчиво отказывала критика.

Прав был С. Бочаров, когда за «круглым столом» в «Вопросах литературы» говорил: «Я предлагаю спокойно принять “Прогулки с Пушкиным” в пушкиноведение» [Обсуждение ..., 1990, с. 83]. На наш взгляд, следует добавить: «Работа А. Д. Синявского отвечает всем требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук по специальности 10.01.01 — русская литература». Неслучайно в Сорбонне Синявский был удостоен звания профессора.

Источники

1. *Вересаев В. В.* Пушкин в жизни : систематический свод подлинных свидетельств современников / В. Вересаев. — 5-е изд., доп. [Репринт. воспроизведение изд. Академия, М.-Л., 1932 г.]. — Москва : АРТ, 1992. — 632 с.
2. *Терц А.* Прогулки с Пушкиным / А. Терц. — Париж : Syntaxis, 1989. — 207 с.
3. *Терц А.* Прогулки с Пушкиным / А. Терц. — В книге : Терц А. Собрание сочинений в 2 томах / А. Терц. — Москва : Старт, 1992. — Т. 1. — С. 339—435. ISBN 5-85215-025-8.
4. *Терц А.* Прогулки с Пушкиным / А. Терц // Вопросы литературы. — 1990а. — № 7. — С. 155—175; — № 8. — С. 81—111; — № 9. — С. 146—178.
5. *Терц А.* Прогулки с Пушкиным / А. Терц // Октябрь. — 1990б. — № 4. — С. 192—199.
6. *Терц А.* Прогулки с Пушкиным / А. Терц. — Лондон : OPI, 1975. — 182 с.
7. *Терц А.* Прогулки с Пушкиным / А. Терц. — Париж : Б.и., 1977. — 180 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архангельский А.* Обсуждение книги Абрама Терца «Прогулки с Пушкиным» / А. Архангельский // Вопросы литературы. — 1990. — № 10. — С. 104—107.

2. Бочаров С. Обсуждение книги Абрама Терца «Прогулки с Пушкиным» / С. Бочаров // Вопросы литературы. — 1990. — № 10. — С. 78—83.
3. Волгин И. Возвращение с прогулки. К урокам одного политического процесса / И. Волгин // Юность. — 1990. — № 12. — С. 58—61.
4. Генис А. Довлатов и окрестности : филологический роман / А. Генис. — Москва : Вагриус, 1999. — 304 с.
5. Гуль Р. Прогулки хама с Пушкиным / Р. Гуль // Одвуконь два : статьи. — Нью-Йорк : Мост, 1982. — С. 5—17.
6. Казак В. Лексикон русской литературы XX века / В. Казак. — Москва : Культура, 1991. — 492 с.
7. Куняев С. Обсуждение книги Абрама Терца «Прогулки с Пушкиным» / С. Куняев // Вопросы литературы. — 1990. — № 10. — С. 100—104.
8. Манн Ю. Обсуждение книги Абрама Терца «Прогулки с Пушкиным» / Ю. Манн // Вопросы литературы. — 1990. — № 10. — С. 95—100.
9. Марченко А. Обсуждение книги Абрама Терца «Прогулки с Пушкиным» / А. Марченко // Вопросы литературы. — 1990. — № 10. — С. 94—95.
10. Непомнящий В. Обсуждение книги Абрама Терца «Прогулки с Пушкиным» / В. Непомнящий // Вопросы литературы. — 1990. — № 10. — С. 77—78; 143—153.
11. Обсуждение книги Абрама Терца «Прогулки с Пушкиным» / А. Казинцев, С. Куняев, С. Небольсин, П. Вайль, А. Генис, В. Сквозников, А. Архангельский, Д. Урнов, Ю. Давыдов, И. Золотусский, С. Ломинадзе, В. Непомнящий, А. М. Марченко, Ю. Манн, С. Бочаров, И. Роднянская, Е. Сергеев // Вопросы литературы. — 1990. — № 10. — С. 77—153.
12. Орлицкий Ю. Б. Стиховая экспансия в пушкинской прозе А. Терца / Ю. Б. Орлицкий // Пушкин и поэтический язык XX века. — Москва : Наука, 1999. — 311 с.
13. Роднянская И. Обсуждение книги Абрама Терца «Прогулки с Пушкиным» / И. Роднянская // Вопросы литературы. — 1990. — № 10. — С. 85—91.
14. Розанова М. В. К истории и географии этой книги / М. В. Розанова // Вопросы литературы. — 1990. — № 10. — С. 154—161.
15. Седова Г. М. Ему было за что умирать у Черной речки / Г. М. Седова. — Санкт-Петербург : Росток, 2020. — 704 с.
16. Сергеев Е. Обсуждение книги Абрама Терца «Прогулки с Пушкиным» / Е. Сергеев // Вопросы литературы. — 1990. — № 10. — С. 83—85.
17. Солженицын А. «...Колеблет твой треножник» / А. И. Солженицын // Ленин в Цюрихе. Рассказы. Крохотки. Публицистика. — Екатеринбург : У-Фактория, 1999. — С. 635—660.

MATERIAL RESOURCES

- Tertz, A. (1975). *Walking with Pushkin*. London: OPI. 182 p. (In Russ.).
- Tertz, A. (1977). *Walking with Pushkin*. Paris. 180 p. (In Russ.).
- Tertz, A. (1989). *Walking with Pushkin*. Paris: Syntaxis. 207 p. (In Russ.).
- Tertz, A. (1992). Walking with Pushkin. In: *Collected works*. Moscow: Start. 2/1. 339—435. ISBN 5-85215-025-8. (In Russ.).
- Tertz, A. (1990a). Walking with Pushkin. *Voprosy Literatury*, 7: 155—175; 8: 81—111; 9: 146—178. (In Russ.).
- Tertz, A. (1990b). Walking with Pushkin. *Oktyabr'*, 4: 192—199. (In Russ.).

Veresaev, V. V. (1992). *Pushkin in life: a systematic collection of authentic testimonies of his contemporaries*. (5th ed.). Moscow: ART. 632 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Arkhangelskiy, A. (1990). Discussion of the book by Abram Tertz "Walks with Pushkin". *Voprosy Literaturny, 10*: 104—107. (In Russ.).
- Bocharov, S. (1990). Discussion of the book by Abram Tertz "Walks with Pushkin". *Voprosy Literaturny, 10*: 78—83. (In Russ.).
- Genis, A. (1999). *Dovlatov and surroundings: philological novel*. Moscow: Vagrius. 304 p. (In Russ.).
- Gul, R. (1982). The boor's walks with Pushkin. In: *Odvukon two: articles*. New York: Most. 5—17. (In Russ.).
- Kazak, V. (1991). *Lexicon of Russian literature of the 20th century*. Moscow: Kultura. 492 p. (In Russ.).
- Kazintsev, A., Kunyaev, S., Nebolsin, S., Vayl, P., Genis, A., Skvoznikov, V. Arkhangelskiy, A., Urnov, D., Davydov, Yu., Zolotusskiy, I., Lominadze, S., Nepomnyashchiy, V., Marchenko, A. M., Mann, Yu., Bocharov, S., Rodnyanskaya, I., Sergeev, E. (1990). Discussion of the book by Abram Tertz "Walks with Pushkin". *Voprosy Literaturny, 10*: 77—153. (In Russ.).
- Kunyaev, S. (1990). Discussion of the book by Abram Tertz "Walks with Pushkin". *Voprosy Literaturny, 10*: 100—104. (In Russ.).
- Mann, Yu. (1990). Discussion of the book by Abram Tertz "Walks with Pushkin". *Voprosy Literaturny, 10*: 95—100. (In Russ.).
- Marchenko, A. (1990). Discussion of the book by Abram Tertz "Walks with Pushkin". *Voprosy Literaturny, 10*: 94—95. (In Russ.).
- Nepomnyashchiy, V. (1990). Discussion of the book by Abram Tertz "Walks with Pushkin". *Voprosy Literaturny, 10*: 77—78; 143—153. (In Russ.).
- Orlitskiy, Yu. B. (1999). Expansion in verse in Pushkin's prose by A. Tertz. In: *Pushkin and the poetic language of the twentieth century*. Moscow: Nauka. 311 p. (In Russ.).
- Rodnyanskaya, I. (1990). Discussion of the book by Abram Tertz "Walks with Pushkin". *Voprosy Literaturny, 10*: 85—91. (In Russ.).
- Rozanova, M. V. (1990). To the history and geography of this book. *Voprosy Literaturny, 10*: 154—161. (In Russ.).
- Sedova, G. M. (2020). *He had something to die for by the Black River*. Sankt-Peterburg: Rostok. 704 p. (In Russ.).
- Sergeev, E. (1990). Discussion of the book by Abram Tertz "Walks with Pushkin". *Voprosy Literaturny, 10*: 83—85. (In Russ.).
- Solzhenitsyn, A. (1999). "...Your tripod vibrates". In: *Lenin in Zurich. Stories. Tiny ones. Journalism*. Yekaterinburg: U-Faktoriya. 635—660. (In Russ.).
- Volgin, I. (1990). Returning from a walk. To the lessons of one political process. *Yunost', [Youth], 12*: 58—61. (In Russ.).

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Бурцева М. А. Картина мира в готическом рассказе Э. Ф. Бенсона «Гейвонов канун» / М. А. Бурцева // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 192—206. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-192-206.

Burtseva, M. A. (2021). Worldview in Gothic Story by E. F. Benson “Gavon’s Eve”. *Nauchnyi dialog*, 6: 192-206. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-192-206. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-192-206

Картина мира в готическом рассказе Э. Ф. Бенсона «Гейвонов канун»

Бурцева Марина Анатольевна
orcid.org/0000-0003-2801-2604
кандидат филологических наук, доцент
donnarosa36912@mail.ru

Северо-Восточный федеральный
университет им. М. К. Аммосова
(Якутск, Россия)

Worldview in Gothic Story by E. F. Benson “Gavon’s Eve”

Marina A. Burtseva
orcid.org/0000-0003-2801-2604
PhD in Philology, Associate Professor
donnarosa36912@mail.ru

M. K. Ammosov North-Eastern
Federal University
(Yakutsk, Russia)

© Бурцева М. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются вопросы создания картины мира в рассказе английского писателя Э. Ф. Бенсона «Гейвонов канун». Сделан вывод о том, что картина мира организована двумя внешними хронотопами: хронотопом шотландской деревушки Гейвон, хронотопом Пиктовой крепости и внутренним хронотопом, сконцентрированным вокруг сознания рассказчика. Уделяется внимание функционированию форм художественного пространства и времени, выстроенных по принципу бинарных оппозиций. Показано, что повышенной семантической значимостью в повествовании обладают пространственные соотношенности внешнего и внутреннего, далекого и близкого, западного и восточного. Особое внимание уделяется роли пространственных категорий верха и низа, раскрывающим авторскую концепцию вечности inferнального зла. Доказано, что ключевыми формами художественного времени выступают традиционные для готических сюжетов дневное и ночное, светлое и темное, прошлое и настоящее. Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к жанру готической прозы, который сегодня связан, в частности, с попытками противостоять антигуманистическим, разрушительным тенденциям в жизни современного общества. Новизна исследования видится в том, что вопросы художественности готических рассказов Э. Ф. Бенсона все еще остаются недостаточно исследованными.

Ключевые слова:

Э. Ф. Бенсон; Гейвонов канун; готическая традиция; картина мира; пространство и время готического рассказа.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issues of creating a picture of the world in the story of the English writer E. F. Benson's "Gavon's Eve". It is concluded that the picture of the world is organized by two external chronotopes: the chronotope of the Scottish village of Gavon, the chronotope of the Pictish fortress and the internal chronotope, concentrated around the consciousness of the narrator. Attention is paid to the functioning of forms of artistic space and time, built on the principle of binary oppositions. It is shown that spatial correlations between external and internal, far and near, western and eastern have an increased semantic significance in the narrative. Particular attention is paid to the role of the spatial categories of up and down, revealing the author's concept of the eternity of infernal evil. It has been proven that the key forms of artistic time are day and night, light and dark, past and present, which are traditional for Gothic subjects. The relevance of the study is due to the growing interest in the genre of gothic prose, which today is associated, in particular, with attempts to resist anti-humanistic, destructive trends in the life of modern society. The novelty of the research is seen in the fact that the issues of artistry of Gothic stories by E. F. Benson is still under-researched.

Key words:

E. F. Benson; Gavon's Eve; gothic tradition; Worldview; the space and time of the Gothic story.

Картина мира в готическом рассказе Э. Ф. Бенсона «Гейвонов канун»

© Бурцева М. А., 2021

1. Готическая проза и творчество Э. Ф. Бенсона

Английская готическая литература как группа преимущественно прозаических жанров оформилась во второй половине XVIII века на основе длительной традиции и характеризуется атмосферой ужаса и тайны, связанной с изображением особых мест действия (замок, заброшенный дом, монастырь, кладбище и т. п.), а также контактами персонажей с миром сверхъестественного (появление призраков, видения, галлюцинации, кошмары и т. д.) [Полякова, 2008, с. 49]. Произведения классиков готической прозы — Х. Уолпола, А. Радклиф, М. Г. Льюиса, М. Р. Джеймса и др. — во многих отношениях подготовили «ренессанс чудесного» на рубеже XVIII—XIX веков, в условиях кризиса просветительского сознания, «в период, когда категория воображения завоевывала равноправные с разумом позиции» [Соловьева, 1988, с. 88], сыграв существенную роль в формировании эстетики романтизма, а «злодеи готических романов предвосхитили появление романтического героя-бунтаря» [Бурцев и др., 2010, с. 12].

В. Э. Вацуро определяет готический роман как целостную и хорошо структурированную систему, с обусловленными преромантической эстетикой и философией характером конфликта, расстановкой действующих лиц, иерархией мотивов и суммой повествовательных приемов [Вацуро, 2002, с. 3]. В то же время, согласно Т. М. Ковальковой, «готические произведения — открытая и подвижная система, смешанная и калейдоскопичная <...> предлагающая домысливать, дописывать, достраивать себя» [Ковалькова, 2001]. В числе конструктивных элементов этой системы следует рассматривать и готический хронотоп, традиционный ценностный центр которого — замок — допускает различные вариации своего воплощения: от древней крепости пиктов в рассказе Э. Ф. Бенсона до пространства здания Гранд Опера в романе Г. Леру [Осьмухина и др., 2019, с. 81].

По мнению Г. В. Заломкиной, «для определения специфики готического сюжета — через исследование принципов и результатов развертывания авторской концепции — предполагается изучить, прежде всего, пространственные и временные компоненты, во всем многообразии их формальных и содержательных проявлений» [Заломкина, 2003]. При этом она особо подчеркивает первостепенное значение пространственных форм: «готиче-

ское пространство, выведенное из привычного бытового ряда человеческой среды обитания, обретает сюжетообразующую силу» [Заломкина, 2003]. Ю. Б. Ясакова, со своей стороны, отмечает роль художественного времени в готическом романе, которое, будучи нерасторжимо связано с сюжетом, выступает основным средством его организации [Ясакова, 2002, с. 156]. Принимая во внимание мнение исследователей, следует остановиться на необходимости изучения художественного пространства и времени в готической литературе в их неотъемлемом и гармоничном единстве.

Готическая проза составляет значительную часть творческого наследия английского писателя, автора романов, эссе, биографий Эдварда Фредерика Бенсона (1867—1940). Его перу принадлежат несколько мистических романов: «Судебные отчеты» (1895), «Образ в песке» (1905), «Ангел горести» (1906) и др., но наибольшую художественную ценность представляют сборники рассказов «Видимое и невидимое» (1923), «Рассказы о призраках» (1928) и «Новые рассказы о призраках» (1934) [Брилова, 2010, с. 865]. Объектом аналитического исследования в настоящей статье служат особенности создания художественной картины мира в рассказе «Гейвонов канун» («Gavon's Eve», 1906), входящем в авторский сборник «Комната в башне» (1912).

В основе сюжета рассказа — таинственное происшествие, случившееся в маленькой деревушке Гейвон на севере Шотландии. Молодая девушка Катрина Гордон, возвращавшаяся в деревню из соседнего городка Инвернесс, бесследно исчезает у Гейвонского водопада. Жених Катрины, могучий деревенский молодец Сэнди, обращается за помощью к матушке Макферсон, которая считается в округе ведьмой. В ночь на пятнадцатое сентября, когда, согласно народным поверьям, нечистые силы обретают особое могущество, колдунья при помощи черной магии вызывает к жизни призрак утонувшей Катрины.

2. Система хронотопов рассказа

В тексте литературного произведения картина мира определяется системой хронотопов — пространственно-временных координат восприятия действительности, в тех случаях, когда имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом [Бахтин, 1975, с. 235]. В отношении произведения литературы «всякое вступление в сферу (художественных) смыслов совершается только через ворота хронотопов» [Бахтин, 1975, с. 406].

В системе хронотопов рассказа Э. Ф. Бенсона «Гейвонов канун» ключевыми выступают фундаментальные для общей картины мира пространственные категории: внутреннее и внешнее, верх и низ, запад и восток,

далекое и близкое, выстроенные по принципу бинарных оппозиций. К числу факторов времени в рассказе следует отнести категории: дневного и ночного, света и тьмы, прошлого и настоящего. Помимо универсальных, в рассказе действуют специфические категории инфернального пространства и времени, особенно значимые в свете готической эстетики.

Крайними пределами системы хронотопов в художественном произведении выступают наиболее генерализованные кругозоры героя (внутренний хронотоп) и мира (внешний хронотоп, обрамляющий, полагающий различного рода границы своему личностному центру) [Тюпа, 2008, с. 73]. Картина мира в рассказе «Гейвонов канун» моделируется двумя внешними хронотопами: обрамляющим повествование хронотопом деревушки Гейвон; хронотопом местности «с дурной славой» под названием *Пиктова заводь*, в которой разворачиваются мистические события; а также внутренним хронотопом, сконцентрированным вокруг сознания рассказчика, ставшего свидетелем трагического случая у подножия Гейвонского водопада в ночь на пятнадцатое сентября.

Внутренний хронотоп мировидения рассказчика доминирует в повествовании не только потому, что им обусловлена определенная точка зрения на происходящие события, но и в связи с формированием в его пределах центрального конфликта произведения: столкновения рационального сознания со сверхъестественными явлениями и, как следствие, кардинальной переменой взглядов носителя этого сознания. Характеристика рассказчика в качестве человека образованного и обладающего логическим, прагматичным складом ума находит подтверждение, прежде всего, в его высказываниях. Так, ироническое замечание относительно расположения деревушки Гейвон: «...удивительно, что хоть какая-то карта или атлас зафиксировали существование столько убогого поселения» [Бенсон, 2015, с. 908] (перевод В. Б. Полищук) — содержит специальные термины, такие как *ordnance map* («военная карта») и *scale* («масштаб») [Benson, 2006]. Научная терминология используется им и при описании ландшафта: «...стена черного базальта, возведенная, несомненно, силами природы в результате сдвига геологических пластов» [Бенсон, 2015, с. 908]. Академический подход к необычной ситуации с позиции исследователя-фольклориста: «Как вам известно, я на досуге интересуюсь местным фольклором и суевериями...» [Бенсон, 2015, с. 911] — демонстрирует и ученый собеседник рассказчика Хью, в доме которого он останавливается на время пребывания в деревне Гейвон и от которого узнает печальную предысторию происходящих событий. В домашней библиотеке Хью рассказчик также получает возможность ознакомиться с некоторыми традиционными представлениями местных жителей: «Это “Суеверия Сазерленда”, — сказал он,

вручая мне книгу» [Бенсон, 2015, с. 913] — и, таким образом, приблизиться к пониманию явлений, недоступных логическому объяснению. Ситуация столкновения рационального и иррационального в целом характерна для готической литературы (в частности, подобное противопоставление часто встречается в произведениях М. Р. Джеймса, Б. Стокера, Г. Ф. Лавкрафта и др.) и является характерной приметой жанра во второй половине XIX века.

Дискурс рассказчика и связанная с ним личностная позиция образуют самостоятельный в рамках повествования хронотоп также благодаря отделению времени сюжетного развертывания от ситуации рассказывания. Не случайно излагающий события рассказчик заявляет: *«Сейчас, после всего случившегося, я готов согласиться с ним...»* [Бенсон, 2015, с. 910], — то есть готов пересмотреть свою точку зрения «now» («сейчас»), вне временных пределов рассказанной истории. Изменение мировоззрения рассказчика происходит в рамках повествования постепенно, по мере его вовлеченности в череду таинственных и зловещих событий, разворачивающихся близ деревушки Гейвон. И хотя в начале рассказа ему был свойственен известный скептицизм: *«...в глубине души я не верил»* [Бенсон, 2015, с. 916], — очень скоро он сменяется ужасом перед inferнальным злом. В финале происходит не только кардинальная перемена взглядов рассказчика, но и разрушение его прежней системы ценностей, когда на смену рационалистической позиции приходит благоговейная вера в *«Того, перед Кем нам должно преклоняться»* [Бенсон, 2015, с. 917]. Наконец, последнее высказывание повествователя содержит знаменательную фразу о том, что Катрина и Сэнди находят последнее упокоевание на старом кладбище в Броре, *«покорные непостижимому умыслу Господа»* [Бенсон, 2015, с. 919]. Выражение *«the inscrutable designs of God»* [Benson, 2006] в сюжетном плане может быть в равной степени отнесено и к героям рассказа, и к самому рассказчику, демонстрируя их сопричастность единому божественному замыслу. В художественном плане эта фраза призвана акцентировать перемену кругозора мировидения рассказчика, его преображение в новом жизненном качестве.

3. Пространственные категории в рассказе

Художественное пространство, по Ю. М. Лотману, представляет собой модель мира данного автора, выраженную на языке его пространственных представлений [Лотман, 1988, с. 252]. Исследование художественного пространства-времени, связанное прежде всего с рассмотрением поэтики текста, позволяет выявить существенные особенности авторского мировоззрения, зафиксированные в художественной модели мира [Соколова, 2006, с. 134].

Внешнее пространство рассказа коротко обозначено на географической карте графства: *«Деревушка Гейвон, что в графстве Сазерленд, отмечена лишь на самой подробной военной карте...»* [Бенсон, 2015, с. 908], при этом особо подчеркиваются его крошечные размеры относительно территории округа и страны в целом. Подобная концентрация внимания на месте действия позволяет выделить внутреннее пространство повествования на фоне общей картины мира, обуславливающее его художественную ценность. В свою очередь, в качестве обособленного пространства в окрестностях деревни Гейвон выступает Пиктова заводь, получившая свое название благодаря расположенным здесь древним развалинам крепости пиктов. Эта местность характеризуется жителями деревни как *«по санны»* («нехорошее место») [Benson, 2006], а описываемые в рассказе мистические события закономерно разворачиваются в ее пределах.

Более существенные в смысловом отношении пространственные категории верха и низа представлены в повествовании в различных формах. Прежде всего, обращает на себя внимание описание Гейвонского водопада, поток которого *«внезапно огибает скалу и яростно обрушивается в самую заводь»* [Бенсон, 2015, с. 908]. Местность у берегов реки изображается как живописная и крайне привлекательная для рыбаков, в частности, упоминается о том, что безымянный рассказчик прибывает туда именно с этой целью и до начала тревожных событий приятно проводит время за рыбной ловлей, наслаждаясь гостеприимством добродушного хозяина. Однако использованное рассказчиком выражение *«plunges madly»* (*«яростно устремляется вниз»*) [Benson, 2006], а также последующее описание глубокой заводи, образующей под водопадом опасный водоворот, сообщает идиллическому сельскому пейзажу отчетливые негативные коннотации. Мрачную тональность повествования существенно усиливает также описание черной базальтовой скалы, стены которой почти отвесны, а вершина *«heavily serrated»* (*«сильно зазубрена»*) [Benson, 2006]. Дополнительным свидетельством опасности, которую представляют высота и строение скалы, служит в тексте упоминание о том, что никто в деревне не осмеливается взобраться на «острую как бритва» вершину скалы.

Семантически значимую соотнесенность категорий верха и низа содержит также развернутое описание древней крепости пиктов. Так, общая конструкция крепости заметно устремлена вверх: *«К главным воротам ведет лестница, сложенная из крупных каменных плит...»*, а выход из нее, соответственно, предполагает движение вниз: *«...очень круто сбегает петляющая тропинка»* [Бенсон, 2015, с. 909]. Как и в случае со скалой, описание крепости сопровождается примечательным указанием на рискованность пребывания в ее стенах. При описании крепости также впервые

упоминается о «*artificially levelled platform*» («искусственном возвышении»), «как будто выстроенном в качестве фундамента для некоего святилища» [Бенсон, 2015, с. 909], которому предстоит сыграть роковую роль в дальнейших событиях.

Пространственные категории верха и низа отчасти формируют исходную сюжетную ситуацию рассказа, включающую исчезновение девицы Катрины Гордон по дороге из Инвернесса в Гейвон «*непосредственно над Пиктовой заводью*» [Бенсон, 2015, с. 909]. По версии жителей селения, пересекая равнину по дороге, ведущей в деревню, девушка могла поскользнуться на камнях и упасть в заводь, где «*вода была неподвижна и черна и являла собой тихий, глубокий омут*» [Бенсон, 2015, с. 915].

В связи с функционированием категорий верха и низа в рассказе происходит художественное обособление первого inferнального персонажа — матушки Макферсон: «*Не припоминаете ли вы женщину, которая в неизменном одиночестве бродит у озера?*» [Бенсон, 2015, с. 913]. Дополнительным фактором выделенности героини на фоне общей картины мира в данном случае становится ее уединенный статус («*always alone*»). Затем в повествовании приводится выразительное портретное описание: «*...драхлая старуха, даже смотреть страшно. Усатая, бородастая, да еще и бормочет себе под нос. И глаз от земли никогда не подымет*» [Бенсон, 2015, с. 913]. Упоминание о том, что колдунья «*always looking at the ground*» («*всегда смотрит в землю*») [Benson, 2006], образует примечательную приземленность образа, которая устанавливает очевидную связь персонажа с хронотопом подземного демонического мира.

Вертикальная оппозиция верха и низа приобретает наибольшую семантическую значимость в центральной сцене волхования ведьмы, за которой сверху, скрытые тенью скалы, наблюдают рассказчик и Хью. Сцена открывается появлением деревенской колдуньи, силуэт которой постепенно поднимается над водами заводи: «*Там, над серой пеной, показалась сначала голова, затем согбенные плечи, а потом и вся фигура старухи...*» [Бенсон, 2015, с. 916]. Колдовские заклинания матушки Макферсон, которые она произносит с воздетыми вверх руками, демонстрируют явственную вертикальную устремленность ее слов и манипуляций: «*Заклинаю тебя именем моего и твоего повелителя, восстань из могилы и явись!*» [Бенсон, 2015, с. 917]. Во второй части сцены из глубин заводи поднимается тело Катрины Гордон: «*...над поверхностью омута показалась голова — девичья голова с мертвенно-бледным лицом*» [Бенсон, 2015, с. 917]. Появление мертвой девушки образует значимую переключку с аналогичной ситуацией более раннего появления колдуньи (и та, и другая поднимаются над водой постепенно), что позволяет рассматривать эти образы в пределах единой

инфернальной картины мира и в качестве персонажей идентичной демонической природы. Завершающим сюжетным поворотом сцены становится вертикальный прыжок несчастного юноши в темные воды заводи: *«Сэнди в два прыжка слетел по склону к заводи и бросился в бурлящую воду»* [Бенсон, 2015, с. 918].

В следующем эпизоде описывается внезапная гроза, разразившаяся над Пиктовой заводью во время колдовского ритуала, когда Сэнди выкрикивает имя Господа: *«...в тот же самый миг небо над нами прорезала молния»* [Бенсон, 2015, с. 918]. Вместе с громом и молнией *«на землю обрушился даже не ливень, а сплошная стена воды»* [Бенсон, 2015, с. 918]. Буря вынуждает затаившихся свидетелей отказаться от первоначального намерения броситься в воду вслед за Сэнди и попытаться спасти его, поскольку *«нырок в бурлящие воды омута означал неизбежную гибель»* [Бенсон, 2015, с. 918]. Короткий эпизод, описывающий сомнения и отчаяние рассказчика и его товарища, получает достаточно убедительное обоснование в событийном плане. При этом его смысловое истолкование, в свете упоминания в книге «Суеверия Сазерленда» о том, что человек, обратившийся в Гейвонов канун за помощью к темным силам, получает желаемое, но навсегда губит свою бессмертную душу (в связи с этим попытка спасения его физического тела является безнадежной), сообщает ситуации дополнительную мифологическую глубину.

Наконец, последний случай значимого функционирования в пространстве рассказа категорий верха и низа происходит в финальной сцене поисков тел погибших на дне Пиктовой заводи: *«Под самой скалой они выловили два тела, лежавших подле друг друга: Сэнди и мертвую девушку»* [Бенсон, 2015, с. 919]. Однако тела колдуньи Макферсон жителям деревни, уверенным в том, что *«...старуха от удара молнии свалилась в воду»* [Бенсон, 2015, с. 919], найти так и не удалось. Если принимать во внимание, с одной стороны, печальный исход сюжетных событий, с другой — специфику жанра готической прозы, финальная ситуация исчезновения ведьмы может расцениваться как непрямой авторский ответ на трагический вопрос о вечной природе зла.

Пространственная соотнесенность восточной и западной стороны в рассказе представлена, прежде всего, в качестве элемента внешнего хронотопа реки Гейвон, восточный берег которой описывается в повествовании как наиболее благоприятный для отдыха и рыбной ловли и, в целом, безопасный, тогда как на западном берегу находятся развалины древней крепости, вокруг которой разворачиваются зловещие события.

В эпизоде проведения колдовского ритуала упоминается о некоторых тревожных изменениях, которые претерпевает окружающий героев пей-

жаж: «...небо на востоке было ясным, однако с запада напознала тяжелая черная туча» [Бенсон, 2015, с. 915]. Небольшая пейзажная зарисовка, помимо указания на скорую перемену погоды в рамках сюжетного действия, выступает в рассказе в качестве предостерегающего символа, возвещающего о надвигающейся катастрофе. Упоминание о «черной туче, напозлающей с запада» (со стороны умирающего солнца) вводит в повествование отчетливые танатологические коннотации. При этом западу текстуально и семантически противопоставляется восточная сторона: «*На востоке, повторяю, небо все еще оставалось на диво ясным*» [Бенсон, 2015, с. 916], а образ голубя, возникающий в связи с описанием «сизого, словно голубиное крыло» цвета неба на востоке, рождает очевидные ассоциации с традиционным христианским символом Святого Духа.

Пространственные категории далекого и близкого в рассказе возникают, прежде всего, в связи с описанием окрестностей Пиктовой заводи, пользующейся в округе дурной славой. Местные жители старались обходить ее стороной, предпочитая добираться до деревни более длинным путем. Так, в частности, рассказчик упоминает: «...мой слуга, возвращаясь с рыбалки, предпочитает <...> обогнуть заводь, а не идти напрямик через крепость» [Бенсон, 2015, с. 910]. На просьбу объяснить такой странный выбор маршрута Сэнди с явной неохотой отвечает, что «*почва вокруг крепости якобы слишком уж топкая*» [Бенсон, 2015, с. 910]. При этом от рассказчика не ускользает ни ложность этого утверждения, ни общее несоответствие высказывания характеру юноши, который всегда отличался честностью и прямоотой. Неслучайным представляется и последующее глубокомысленное замечание рассказчика о том, что Сэнди «*был человек богобоязненный и не мог не понимать, что лжет мне*» [Бенсон, 2015, с. 910]. Такое противоречие между характером героя и его словами в пределах сюжетной ситуации можно расценивать как проявление естественного человеческого страха перед неведомыми темными силами, однако в художественном плане оно может демонстрировать фатальное изменение личности героя, обусловленное разрушением его прежней жизненной позиции праведности.

4. Формы времени в рассказе

Художественное время в произведении литературы носит системный характер [Николина, 2003, с. 122]. Это свойство времени проявляется в связи с организацией эстетической действительности произведения, его внутреннего мира, и одновременно с воплощением авторской концепции [Кандрашкина, 2011, с. 1217]. Формы художественного времени в рассказе Э. Ф. Бенсона организованы в соответствии с эстетикой готической лите-

ратуры, существенное значение при этом приобретают мотивы дня и ночи, света и тьмы.

Прежде всего, к темному времени суток отнесены ситуации взаимодействия героев рассказа с инфернальными персонажами. Так, деревенский силач Сэнди каждый вечер навещает одинокую старуху, которую в округе считают ведьмой: *«Ну как, вечером опять навестишь матушку Макферсон?»* [Бенсон, 2015, с. 911]. При этом рассказчиком подчеркивается обособленность жилища колдуньи, а описание визитов к ней героя сопровождается примечательным уточнением, что, кроме Сэнди, *«ни один фермер не отваживается попадаться ей на глаза, когда наступает ночь»* [Бенсон, 2015, с. 914].

Функциональное взаимодействие мотивов света и тьмы происходит в напряженной ночной сцене у Пиктовой заводи: *«В первое мгновение я ничего не разглядел — так черна и густа была тень, отбрасываемая скалой на темную воду омута»* [Бенсон, 2015, с. 916]. Внезапно ночную тьму пронзает тонкий луч света, который ширился и рос, *«покуда не превратился в лунную полосу»* [Бенсон, 2015, с. 916]. Описание лунного света включает упоминание о *«a curious bluish gleam»* (*«странным голубоватом сиянии»*) [Benson, 2006], которым он окутывает две темные фигуры — Сэнди и матушки Макферсон. Во время исполнения зловещего колдовского ритуала в заводи возникает «зыбкий огонек», разрастающийся и превращающийся в молодую утопленницу, тело которой *«поднималось все выше и выше, испуская бледный свет»* [Бенсон, 2015, с. 918].

Мотив света возникает и в следующей сцене божественного возмездия, когда удар молнии раскалывает каменную плиту и прерывает нечестивое действо. Однако сгустившаяся сразу после этого тьма не только не позволяет героям вовремя заметить исчезновение старой ведьмы, но и заставляет их отказаться от намерения прийти на помощь злосчастному юноше, бросившемуся в бурлящие воды заводи за своей мертвой невестой: *«...луч, падавший сквозь щель в скале, погас, и мы ничего не видели в крошечной тьме»* [Бенсон, 2015, с. 918]. Сюжетное взаимодействие мотивов света и тьмы в центральной сцене не включает в себе их художественную оппозицию, напротив, соотношение лунного света и непроглядной ночной тьмы образует гармоническое единство, многократно усиливающее мистическую атмосферу повествования.

Функционирование категорий прошлого и настоящего времени в рассказе определяется разграничением событий, предшествовавших центральному сюжетному эпизоду колдовского ритуала и отнесенных в прошлое, и его последствий, разворачивающихся в настоящем времени. Так, в первой половине рассказа, до начала мрачных событий, предлагается

описание живописной местности, дополненное подробностями жизни в деревушке Гейвон: «...до середины месяца не проходило и дня, чтобы хоть один обитатель дома, где я поселился, не вылавливал хотя бы одну рыбу из Пиктовой заводи» [Бенсон, 2015, с. 908]. Идиллическая сельская картина включает и ролевую линию самого рассказчика, который прежде рыбачил на этих берегах с неизменной удачей. Однако во второй половине месяца, относящейся к настоящему времени, ситуация кардинально меняется: «...после пятнадцатого числа никто уже не отваживался там рыбачить» [Бенсон, 2015, с. 908].

Еще одним фактором, позволяющим разграничить прошлое и настоящее, выступает изменение отношения главных героев к происходящим вокруг них зловещим событиям. Так, заметная перемена наблюдается в характере и поведении Сэнди, который «еще в прошлом году <...> определенно посмеивался над этими толками», а в этом году — «...смотрите-ка, и он поверил» [Бенсон, 2015, с. 910]. Примечательно, что категории прошлого и настоящего особенно обретают значение в связи с ролевой линией Сэнди. В рассказе, в частности, представлена краткая предыстория основных событий, включающая упоминание о том, что «некогда Сэнди был помолвлен с девицей из Гейвона, которая состояла прислугой в Инвернессе» [Бенсон, 2015, с. 911]. Спустя некоторое время парень написал своей невесте письмо с просьбой вернуться из города в деревню. Далее следует рассказ о таинственном исчезновении Катрины, в пределах которого образуется временной разрыв между прошлым и настоящим, поскольку «из Инвернесса девушка действительно уехала <...> Однако в Гейвоне она так и не объявилась» [Бенсон, 2015, с. 912]. В финальном эпизоде обнаружения тел на дне Пиктовой заводи снова образуется значимое соотношение временных категорий: к прошедшему времени относится предположение рассказчика о том, что, получив письмо, «Катрина Гордон, уже пребывавшая в тягости, покинула Инвернесс», а с позиции настоящего времени представлено его высказывание: «Можно лишь гадать о том, что случилось с ней далее» [Бенсон, 2015, с. 919].

5. Заключение

Таким образом, картина мира в готическом рассказе Э. Ф. Бенсона «Гейвонов канун» организована двумя внешними хронотопами: обрамляющим повествование хронотопом шотландской деревушки Гейвон, куда прибывает рассказчик, хронотопом Пиктовой крепости — «нехорошего места», в пределах которого разворачиваются зловещие мистические события, а также внутренним хронотопом, сконцентрированным вокруг сознания рассказчика, ставшего свидетелем трагического случая у подножия

черной скалы в ночь на пятнадцатое сентября. Картина мира в рассказе включает пространственные категории внешнего и внутреннего, связанные с расположением деревни на карте графства, а также обособление в ее окрестностях «местности с дурной славой»; более значимые в смысловом отношении категории верха и низа, представленные в описаниях Гейвонова водопада, развалин древней крепости пиктов и, в значительной степени, в центральном эпизоде колдовского ритуала, включающем наблюдение за ним героев с высоты черной скалы, появление тела утопленницы из глубин Пиктовой заводи и финальное обнаружение тел Сэнди и Катрины на ее дне; соотносённость светлой восточной и мрачной западной стороны, сообщающая повествованию дополнительную мифологическую глубину; категории далекого и близкого, возникающие в связи с описанием древних руин, которые местные жители стараются обходить стороной. Ключевыми категориями времени в рассказе выступают мотивы дня и ночи, света и тьмы, в частности, к темному времени суток отнесены ситуации взаимодействия героев с демоническими персонажами, а также центральная сцена колдовского ритуала, разворачивающаяся в ночном мраке, разгоняемом лунным светом. Категории настоящего и будущего времени в рассказе служат художественным средством разграничения ситуаций, предшествующих центральному событию, и его трагических последствий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин — Москва : Художественная литература, 1975. — 504 с.
2. Бенсон Э. Ф. Гейвонов канун / Э. Ф. Бенсон // Большое собрание мистических историй в одном томе. — Москва : Эксмо, 2015. — С. 908—919.
3. Брилова Л. Ю. Эдвард Фредерик Бенсон / Л. Ю. Брилова // Церковное привидение : собрание готических рассказов. — Санкт-Петербург : Азбука, 2010. — С. 865—866.
4. Бурцев А. А. История зарубежной литературы : в 2 ч. Ч. 2 (XIX—XX вв.) / А. А. Бурцев, О. И. Иванова, С. В. Тесцов. — Якутск : Изд-во Якутского ун-та, 2010. — 244 с.
5. Вацуро В. Э. Готический роман в России / В. Э. Вацуро. — Москва : Новое литературное обозрение, 2002. — 544 с.
6. Заломкина Г. В. Поэтика пространства и времени в готическом сюжете : диссертация ... кандидата филологических наук [Электронный ресурс] / Г. В. Заломкина. — Самара, 2003. — 224 с. — Режим доступа : <http://www.dslib.net/teoria-literatury/pojetika-prostranstva-i-vremeni-v-goticheskom-sjuzhete.html> (дата обращения 13.04.2021).
7. Кандрашкина О. О. Категории пространства, времени и хронотопа в художественном произведении и языковые средства их выражения / О. О. Кандрашкина // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2011. — Т. 13, № 2 (5). — С. 1217—1221.

8. Ковалькова Т. М. Готическая традиция в американской прозе 1920—30-х годов: новеллистика Х. Ф. Лавкрафта : диссертация ... кандидата филологических наук [Электронный ресурс] / Т. М. Ковалькова. — Саранск, 2001. — 206 с. — Режим доступа : <https://www.dissercat.com/content/goticheskaya-traditsiya-v-amerikanskoi-proze-1920-30-kh-godov-novellistika-khf-lavkrafta> (дата обращения 20.03.2021).

9. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь / Ю. М. Лотман. — Москва : Просвещение, 1988. — 352 с.

10. Николина Н. Н. Филологический анализ текста : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Н. Н. Николина. — Москва : Издательский центр Академия, 2003. — 256 с.

11. Осьмухина О. Ю. Специфика преломления готической традиции в романе Г. Леру «Призраки Оперы» / О. Ю. Осьмухина, А. Б. Танасейчук // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. — 2019. — № 1, Т. 1. — С. 76—84.

12. Полякова А. А. Готическая проза / А. А. Полякова // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко]. — Москва : Изд-во Кулагиной ; Intrada, 2008. — С. 49—50.

13. Соколова Т. С. К проблеме изучения художественного пространства и времени в литературном произведении / Т. С. Соколова // Studia Siavica. — 2006. — Vol. X. — S. 123—135.

14. Соловьева Н. А. У истоков английского романтизма / Н. А. Соловьева. — Москва : Изд-во Московского ун-та, 1988. — 232 с.

15. Тюпа В. И. Анализ художественного текста : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / В. И. Тюпа. — Москва : Издательский центр Академия, 2008. — 336 с.

16. Ясакова Ю. Б. «Готический» роман Анны Радклиф в контексте позднего Просвещения : диссертация ... кандидата филологических наук / Ю. Б. Ясакова. — Нижний Новгород, 2002. — 208 с.

17. Benson E. F. Gavon's Eve [Electronic resource] / E. F. Benson. — 2006. — Access mode : <http://gutenberg.net.au/ebooks06/0605171h.html#ch14> (accessed 25.10.2020).

REFERENCES

- Bakhtin, M. M. (1975). *Literature and aesthetics*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 504 p. (In Russ.).
- Benson, E. F. (2006). *Gavon's Eve*. Available at: <http://gutenberg.net.au/ebooks06/0605171h.html#ch14> (accessed 25.10.2020).
- Benson, E. F. (2015). Gavon's Eve. In: *A large collection of mystical stories in one volume*. Moscow: Eksmo. 908—919. (In Russ.).
- Brilova, L. Yu. (2010). Edward Frederic Benson. In: *Church ghost: collection of Gothic Tales*. St. Petersburg: Azbuka. 865—866. (In Russ.).
- Burtsev, A. A., Ivanova, O. I., Testsov, S. V. (2010). *History of Foreign Literature. (XIX—XX centuries)*. Yakutsk: Yakutsk University Publishing House. 2/2. 244 p. (In Russ.).
- Kandrashkina, O. O. (2011). Categories of space, time and chronotope in a work of art and linguistic means of their expression. *Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 13-2 (5): 1217—1221. (In Russ.).
- Kovalkova, T. M. (2001). *The Gothic Tradition in American Prose of the 1920s and 30s: A Novelty by H. F. Lovecraft: PhD Diss.* Saransk. 206 p. Available at: <https://>

- www.dissercat.com/content/goticheskaya-traditsiya-v-amerikanskoi-proze-1920-30-kh-godov-novellistika-khf-avkrafta (accessed 20.03.2021). (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1988). *At the school of the poetic word: Pushkin. Lermontov. Gogol*. Moscow: Prosveshchenie. 352 p. (In Russ.).
- Nikolina, N. N. (2003). *Philological analysis of the text: textbook*. Moscow: Akademiya. 256 p. (In Russ.).
- Osmukhina, O. Yu., Tanaseychuk, A. B. (2019). Specificity of reflection of gothic tradition in novel G. Leroux "Ghost of opera". *Bulletin of the Volga University named after V. N. Tatishchev, 1 (1)*: 76—84. (In Russ.).
- Polyakova, A. A. (2008). Gothic prose. In: *Poetics: a dictionary of current terms and concepts*. Moscow: Kulagina Publishing House; Intrada. 49—50. (In Russ.).
- Sokolova, T. S. (2006). On the problem of studying artistic space and time in a literary work. *Studia Slavica, 10*: 123—135. (In Russ.).
- Solov'eva, N. A. (1988). *At the origins of English romanticism*. Moscow: Publishing house of Moscow University. 232 p. (In Russ.).
- Tyupa, V. I. (2008). *Analysis of literary text: textbook*. Moscow: Akademiya. 336 p. (In Russ.).
- Vatsuro, V. E. (2002). *Gothic romance in Russia*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 544 p. (In Russ.).
- Yasakova, Yu. B. (2002). *Anna Radcliffe's "Gothic" novel in the context of the late Enlightenment: PhD Diss*. Nizhniy Novgorod. 208 p. (In Russ.).
- Zalomkina, G. V. (2003). *The poetics of space and time in a gothic plot: PhD Diss*. Samara. 224 p. Available at: <http://www.dslib.net/teoria-literatury/pojetika-prostranstva-i-vremeni-v-goticheskom-sjuzhete.html> (accessed 13.04.2021). (In Russ.).

Каплун М. В. Пьесы на сюжет о Тамирлане и Баязете на русской сцене конца XVII — начала XVIII веков : североевропейские источники / М. В. Каплун // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 207—224. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-207-224.

Kaplun, M. V. (2021). Plays on Plot of Tamerlane and Bayazet on Russian Stage of Late 17th — Early 18th Centuries: Northern European Sources. *Nauchnyi dialog*, 6: 207-224. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-207-224. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-207-224

**Пьесы на сюжет
о Тамирлане и Баязете
на русской сцене конца
XVII — начала XVIII веков:
североевропейские
источники**

Каплун Марианна Викторовна
orcid.org/0000-0003-2427-2855
ResearcherID J-5635-2018
кандидат филологических наук
старший научный сотрудник
tangosha86@mail.ru

Институт мировой литературы
им. А. М. Горького
Российской академии наук
(ИМЛИ РАН)
(Москва, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта
№ 20-012-00014 А

**Plays on Plot of Tamerlane
and Bayazet on Russian Stage
of Late 17th — Early 18th
Centuries:
Northern European Sources**

Marianna V. Kaplun
orcid.org/0000-0003-2427-2855
ResearcherID J-5635-2018
PhD in Philology, Senior Researcher
tangosha86@mail.ru

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:
The reported study was funded by RFBR,
project number 20-012-00014 А

© Каплун М. В., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена малоизученным северо-европейским источникам русских пьес на сюжет о Тамерлане и Баязете конца XVII — начала XVIII века. Материалом служили пьесы «Темир-Аксаково действо» 1675 года, не сохранившийся вариант пьесы начала XVIII века «История явная Тамерлана, хана татарского как победил салтана турского Баязета», пьесы из репертуара «английских комедиантов» XVII века, пьесы немецкого драматурга Андреаса Грифиуса и английского драматурга Никола Роу. Показано, что интермедии пьесы «Темир-Аксаково действо» могли быть взяты из малоизвестной пьесы «Комедия о Тамерлане», поставленной в Нюрнберге в 1667 году. Анализ пьесы немецкого драматурга Андреаса Грифиуса «Лев Армянин» 1656 года дает возможность говорить об общих формулах в конструировании темы свержения тирании, барочной темы изменчивости бытия в немецкой и русской драме XVII века. Привлечена к рассмотрению пьесы «История явная Тамерлана...», поставленная при дворе Петра I в 1700-х годах. Особое внимание уделяется анализу типологической общности русской пьесы с пьесой английского драматурга Никола Роу «Тамерлан» 1701 года, содержащей реальные исторические аллюзии на современность.

Ключевые слова:

пьеса о Тамерлане и Баязете; русская драматургия; немецкая драматургия; английская драматургия; придворный театр; XVII—XVIII века; барочная драма; северо-европейские источники.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the little-studied Northern European sources of Russian plays on the plot about Tamerlane and Bayazet of the late 17th — early 18th centuries. The material was the play “Temir-Aksakovo Action” in 1675, a not preserved version of the play of the early 18th century “The Clear History of Tamerlane, the Tatar Khan how he defeated Saltan of Tursk Bayazet”, plays from the repertoire of “English comedians” of the 17th century, plays by the German playwright Andreas Gryphius and the English playwright Nicholas Roe. It is shown that the interludes of the play “Temir-Aksakovo Action” could be taken from the little-known play “The Comedy of Tamerlane”, staged in Nuremberg in 1667. Analysis of the play by German playwright Andreas Gryphius “The Armenian Leo” in 1656 makes it possible to talk about general formulas in constructing the theme of the overthrow of tyranny, the baroque theme of the mutability of life in the German and Russian drama of the 17th century. The play “The Clear History of Tamerlane ...”, staged at the court of Peter I in the 1700s, has been brought into consideration. Particular attention is paid to the analysis of the typological commonality of the Russian play with the play by the English playwright Nicholas Rowe “Tamerlane” in 1701, containing real historical allusions to the present.

Key words:

play about Tamerlane and Bayazet; Russian drama; German drama; English drama; the court theater; 17th-18th centuries; baroque drama; northern European sources.

Пьесы на сюжет о Тамерлане и Баязете на русской сцене конца XVII — начала XVIII веков: североевропейские источники

© Каплун М. В., 2021

1. Введение

Пьесы на сюжет о Тамерлане и Баязете ставились на русской сцене несколько раз в эпоху правления царя Алексея Михайловича и Петра I. Пьеса «Темир-Аксаково действо» (другое название — «Малая комедия о Баязете и Тамерлане») была поставлена, вероятнее всего, в начале февраля 1675 года при дворе царя Алексея Михайловича, см.: [Еремин, 1948, с. 371; Всеволодский-Гернгросс, 1957, с. 105; Гребенюк, 1972, с. 293]. Автором пьесы являлся учитель Немецкой слободы в Москве, переводчик Посольского приказа Юрий Михайлович Гивнер (Георг Хюфнер), который заменил в театре Алексея Михайловича заболевшего Иоганна Готфрида Грегори, фактического руководителя театра [Державина, 1972, с. 6]. Пьеса была написана по-немецки и переведена толмачами Посольского приказа для постановки при русском дворе. «Комедия о Баязете и Тамерлане» является попыткой исторической реконструкции событий 1402 года, когда османский султан Баязид I Молниеносный (1389—1402) во время Ангорской битвы (битве при Анкаре) терпит поражение от среднеазиатского завоевателя Тамерлана (1336—1405) и попадает к нему в плен, где через год умирает. Пьеса «История явная Тамерлана, хана татарского как победил салтана турского Баязета», текст которой до нас не дошел, была поставлена при дворе Петра I между 1704 и 1706 годами.

Русские действия хорошо вписывались в западноевропейскую литературную традицию изображения Тамерлана в XVII—XVIII веках. Изучению западноевропейских источников «Темир-Аксакова действия» посвящен ряд крупных исследований, которые условно можно разделить на две группы. Первая — драматургия XVI—XVII веков, вторая — исторические сочинения данного периода. А. С. Булгаков в статье «Комедия о Тамерлане и Баязете (“Темир-Аксаково действо”)» указал на связь русской пьесы с трагедией в двух частях Кристофера Марло «Тамерлан Великий» (*Tamburlaine the Great*) 1590 года, в качестве доказательства приведя ряд параллелей, которые говорят о том, что в основе обоих произведений лежит общая европейская литературная традиция изображения Тамерлана, выполненного

в положительном ключе, см.: [Булгаков, 1928, с. 317—357]. А. Т. Парфенов в работе «К вопросу о первоисточниках “Темир-Аксакова действия”» исследует текстуальную связь русской комедии с третьей главой книги Жана дю Бека о Тамерлане «Война Тамерлана против Баязета — императора турок», см.: [Парфенов, 1969, с. 16—30]. Исследователи указывали на типологическое сходство в изображении Тамерлана и Баязета в русской и западной традиции, отвечающей определенным политическим реалиям своего времени. Источником пьесы, поставленной в петровское время, мог послужить обновленный перевод пьесы «Темир-Аксаково действие».

Цель данного исследования — продолжение выявления новейших североевропейских источников пьес на сюжет о Тамерлане и Баязете на русской сцене конца XVII — начала XVIII веков. Объектом исследования являются возможные немецкие, нидерландские, английские источники русских пьес XVII — начала XVIII веков, ранее не фигурировавшие в работах, посвященных компаративистскому сопоставлению русской и западной драмы на сюжет о Тамерлане и противостоянии двух правителей. Задача исследования заключается в применении типологического анализа русских пьес конца XVII — начала XVIII веков с репертуаром немецких и нидерландских трупп XVII века, наследием немецкого поэта и драматурга эпохи барокко Андреаса Грифиуса (1616—1664) и английского драматурга Николаса Роу (1674—1718).

2. «Темир-Аксаково действие» и пьесы немецких трупп XVII века

Влияние немецких интермедий из репертуара бродячих трупп «английских комедиантов» XVII века на первые русские пьесы рассматривалось в ряде исследований, посвященных истории русской драмы XVII века [Тихонравов, 1874, с. VI—XLII; Еремин, 1948, с. 368—373; Алпатов и др., 2013, с. 25—26; Каплун, 2019, с. 62—76]. Внимание исследователей, как правило, было сосредоточено на анализе интермедий пьесы «Иудиף» И. Г. Грегори 1672 года и реконструкции интермедий «Артаксерксова действия». Н. С. Тихонравов указывал на наличие шутовской персоны по имени Пикельгеринг в структуре действующих лиц «Темир-Аксакова действия» Ю. Гивнера, связывая комические выходы в русской комедии с традициями *lazzi* [Тихонравов, 1874, с. XXIII—XXIV]. Пикельгеринг — постоянный персонаж репертуара «английских комедиантов», присутствующий в ряде постановок *Wanderbühnen Drama* (драматургия немецких и нидерландских бродячих трупп). В сборнике «*Die Schauspiele der englischen Komödianten in Deutschland*» 1620 года присутствует шутовская зарисовка «*Ein lustig Pickelhärings-spiel*» [Die Schauspiele der englischen Komödianten ..., 1880, S. 235—248].

В «Темир-Аксаковом действе» в двух интермедиях присутствуют сценки с Пикельгерингом и Тельпелем. В первом действии пятого явления (в оригинале действия и сени) Пикельгеринг крадет у солдат сначала деньги, затем вино, еду: «Зде Пикельгеринг деньги у них украдет», «Зде Пикельгеринг вино украдет от них и выпьет», «Зде Пикельгеринг у них украдет жаренину» [Ранняя русская драматургия ..., т. 2, 1972, с. 71]. Во втором действии второго явления появляется Тельпель (именуемый в пьесе *Tenel*). Имя происходит от немецкого слова со значением «дуралей». Тельпель выходит на сцену с вопросом, как ему поступить на военную службу: «Однакожде и аз почтивый человек; но прошу вас, юнных вас людей: возможно ли ми также в служивых людех быти?» [Там же, с. 76]. Бывалый вояка Манес спрашивает его в комичной манере, умеет ли он «ясти и пити»? На что Тельпель отвечает «Ей, умею, когда что имею» [Там же, с. 76]. При этом Манес обращается к шутовской персоне, называя его прямо по имени: «Слушай, Тепел». Возможно, это было необходимо для того, чтобы обозначить выход шутовского персонажа для зрителя, тем самым подготовив публику к очередной интермедии. Диалог Манеса и Тельпеля строится на обыгрывании двойного смысла сказанного. Манес спрашивает Тельпеля: «Не имеешь ли сердце в теле своем?». И получает шутовской ответ: «Того не ведаю, занеже никогда видел есмь, дабы кто утробу свою велел разрезать и дал бы сердце свое осмотрети» [Там же, с. 76]. Подобные комические выпады с буквальным пониманием и натуралистичными подробностями характерны для комических персон из репертуара немецких и нидерландских трупп XVII века, см.: [Die Schauspiele der englischen Komödianten ..., 1880]. Тельпель выводит Манеса из себя достаточно простыми комическими площадными приемами. Манес спрашивает Тельпеля, оставит ли он «без спуска», если его кто-нибудь ударит, и Тельпель отвечает, что «лучше его упрошу, да меня не бьет» [Ранняя русская драматургия ..., т. 2, 1972, с. 76]. Следующая реплика Манеса готовит зрителя к предстоящей потасовке между героями: «Но когда ты кто ударит безвестно, что тебе зубы от земли збирати?» [Там же, с. 76]. Сцена с Манесом и Тельпелем дается перед появлением Тамерлана перед своими воинами и началом войны с Баязетом [Каплун, 2020, с. 196].

Как и в «Иудифи» И. Г. Грегори, в «Темир-Аксаковом действе» Ю. Гивнера шутовские сценки связаны с солдатским бытом. В «Иудифи» перед кульминационным противостоянием Юдифи и Олоферна приводится сцена шуточной казни солдата Сусаками лисьим хвостом [Ранняя русская драматургия ..., т. 1, с. 441]. Но в художественной структуре «Темир-Аксакова действия» комические эпизоды связаны не только с появлением Пикельгеринга и Тельпеля. Выходам немецких комических персон предше-

стует первое действие, пятое явление, в котором появляется безымянный Мужик с грамотой от Баязета. Между Мужиком и солдатами Тамерлана происходит длинный и, на первый взгляд, бессмысленный диалог, в котором солдаты пытаются выпытать у Мужика, кто он и почему держит путь в Царегород (Царьград). По общей тональности эта вставка могла напоминать интермедию. Солдаты находят у Мужика «жарину, хлеб и скляницу вина», которые вскоре украдет Пикельгеринг. Далее диалог приобретает комический оттенок. Солдат Леонардус выпытывает у Мужика, откуда у него золото, приняв его сначала за соль: «Стой брат! Тут соль; смотри, какая та соль белая и хорошая и будет нам, блиско на весь год, тое соли? Есть ли у тебя тое соли побольше? (Еще осматривают.) Зде болыпи соли; но та соль жолта, а не бела. А что тебе в Царегороде тою солью делати?» [Ранняя русская драматургия ..., т. 2, 1972, с. 69]. Упоминание соли в пьесе могло иметь и символический оттенок — быть знаком грядущих горьких событий, то есть казни Мужика. Недаром Мужик сразу начинает просить не казнить его: «О милостивые господа! подарите мне мой живот», «О господа! вы меня убьете до смерти» [Там же, с. 69]. Леонардус отвечает Мужiku на вопрос, кто они такие, тем же вопросом: «Ты глупой! что ты про то спрашиваешь?» [Там же, с. 70]. Мужик отвечает на выпад с явной иронией: «Сказали вы сами дураки?» [Там же, с. 70]. Леонардус парирует: «Так правду говоришь: я дурак» [Там же, с. 70]. Отметим, что в этой сцене дается далеко не шуточная, а настоящая казнь вестника Баязета, предвосхищающая дальнейшее противостояние двух властителей, и только потом зрителю предлагают посмотреть на шутовские выходки Пикельгеринга. Подобное разбавление комических интермедий в духе «Иудифи» интермедиями с далеко не шутивным концом могло быть связано с общей серьезной тональностью пьесы на сюжет исторического противостояния.

На сегодняшний день нет подробного анализа возможных источников интермедий «Темир-Аксакова действия». Ряд исследователей указывают на постановку пьесы о Тамерлане в Дрезденском театре в 1668 году, но содержание пьесы остается неизвестным [Державина, 1972, с. 11]. Однако предположение об обращении первых русских драматургов к творчеству «английских комедиантов» может быть подкреплено немецкой мемуаристикой XVII века. Особый интерес представляют дневниковые записи немецкого поэта Зигмунда фон Биркена (1626—1681), из которых можно узнать, что 25 июля 1667 года (Eintrag vom 25 Juli 1667) в театре Нюрнберга был показан ряд комедий из репертуара немецких трупп, среди которых упомянута «Комедия о Тамерлане» (*Comoedi von Tamerlan*) [Birken, 1971, S. 304; Paul, 2002, S. 173—174]. Биркен пишет, что в июле в Нюрнбергском театре были поставлены «*Comoedi von Tamerlan*», «*Comoedi von Prinz Carl*

zu Neapels u. Margaretha seiner Basen», «Comoedi von Susanna», «Comoedi vom Reichen Mann», «Comoedi vom Narrenspital», а также «Comoedi von Herrn in Alb u. Luciden, von der regirsüchtigen Stiefmutter» [Birken, 1971, S. 304]. Если проанализировать представленный на нюрнбергской сцене репертуар, можно сделать предположение, что перед немецкими зрителями были разыграны традиционные интермедии «английских комедиантов» с выходами шутовских персон. Воспоминания Биркена интересны в связи с тем фактом, что летом и осенью 1667 года пастор лютеранской кирхи Немецкой слободы в Москве и будущий автор пьес, написанных для первого русского придворного театра царя Алексея Михайловича, Иоганн Готфрид Грегори в составе русского посольства объезжал ряд германских городов с миссией сбора денежных средств среди заграничных единоверцев на нужды московской кирхи [Каплун, 2017, с. 172]. В течение своего путешествия Грегори и остальное посольство могли стать свидетелями выступлений бродячих немецких трупп в Нюрнберге и соответственно присутствовать при постановке «Комедии о Тамерлане», что впоследствии могло опосредованно сказаться на формировании художественной структуры ранних русских комедий.

3. «Темир-Аксаково действо» и драматургия Андреаса Грифиуса

Творчество немецкого драматурга эпохи барокко Андреаса Грифиуса (1616—1664) имело большое влияние на становление и развитие немецкой литературы XVII века, см.: [Старикова, 2020, с. 424—439]. О влиянии комедии дель арте на немецкий театр и русскую драматургию XVII века можно узнать из работы М. Л. Феррацци «Итальянский вклад в западноевропейские влияния на первые пьесы театра царя Алексея Михайловича», в которой упоминается и творчество Грифиуса, см.: [Феррацци, 2018, с. 6—23]. Однако до сих пор нет точного представления о влиянии драматургии Грифиуса на ранние русские драмы, написанные немцами по происхождению. В этом контексте необходимо обратиться к идейно-художественным особенностям пьесы «Темир-Аксаково действо» и барочной драме Грифиуса. В своих драмах Грифиус опирался на исторический материал, который помогал драматургу ставить этические и философские вопросы, связывая их с проблемами современности. Наиболее показательной драмой Грифиуса можно считать трагедию «Лев Армянин» (*Leo Armenius*) 1646 года [Gryphius, 1646], определившую развитие немецкой барочной драматургии [Barner, 1968, S. 325].

Особое место в драмах Грифиуса занимали предисловия, в которых Грифиус обращался к зрителю с комментариями относительно извлечения уроков из ошибок прошлого. В прологе к «*Leo Armenius*» прямо говори-

лось о намерении автора извлечь горький урок из бедственного положения страны, «погребенной под собственным пеплом и превратившейся в игральное мирской тщеты»: «Как весь наш Ваттерленд теперь погребен под собственным пеплом и превращен в место суеты; Я стараюсь познакомить вас с быстротечностью человеческого существования». В прологе Грифиус использовал витиеватый стиль в духе барокко «злые книги нельзя улучшить похвалой, а врожденная красота не нуждается в украшении»: «*INdem vnser gantzes Vatterland sich nuhmehr in seine eigene Aschen verscharret / vnd in einen Schawplatz der Eitelkeit verwandelt; bin ich geflissen dir die vergänglichlichkeit menschlicher sachen in gegenwertigem / vnd etlich folgenden Trawerspielen vorzustellen. Nicht zwar / weil ich nicht etwas anders vnd dir vielleicht angenehmers vnter händen habe: sondern weil mir noch dieses mal etwas anders vorzubringen so wenig geliebet / alß erlaubet. Die Alten gleichwohl haben diese art zu schreiben nicht so gar geringe gehalten / sondern alß ein bequemes mittel menschliche Gemütter von allerhand vnartigen vnd schädlichen Neigungen zu säubern / gerühmet; wie zu erweisen vnschwer fallen solte / wenn nicht andere vor mit solches weitläufig dargethan / vnd ich nicht Eckel trüge / dieses zu entdecken / was Niemand verborgen. Viel weniger bin ich gesonnen mit prächtigen vnd vmbschwweifenden Vorreden dieses zu rühmen / was frembdem Vrtheil nuhmehr vntergeben wird. Böse Bücher werden durch kein Lob gebessert / vnd angeborne Schönheit bedarff keiner schmincke. Gleichwol muß ich nur erinnern daß / wie vnser Leo ein Griechischer Keyser / also auch viel seinem Leser auffweisen wird / was bey jetzt regierenden Fürsten / theils nicht gelobet / theils nicht gestattet wird*» [Gryphius, 1646]. Обратимся к прологу «Темир-Аксакова» действия, в котором авторы пьесы рассуждают о возможности извлечь урок из событий далекого прошлого, «чтоб всего злодейства отстать и ко всему благому приставать»: «А кто ис того научения прошлые прилучения увидит, тому впредь в забвении не будут и во всех поступках отведование имети может в древних летех, как они в прилучиях своих стояли, как в еврейяне в ветхих летех написали про все свои прилучай, чтоб мирскому роду о всем ведомо было. А гречане многие тысячи золотых на протор положили, чтоб действия все на письме написаны были, а гисторик б тыш бы дем тем свою славу распространил, что он про все благие прилучай написал и всех людей к научению про то напоминал, потому что от таких припадков можем узнать благоумия. И для того камедия нарицаетца мастерством, потому что она не токмо живых персон в речении и ризах пока зывати, но многие потешные и разумительные дела, паче действия приводит, чтоб всего злодейства отстать и ко всему благому приставать. А что по всей вселенной творится кроме радости и печали? Едина персона радостно играет, а другая нечально играет и скоро благосчастия превратится. Во многих фило-

совских книгах чтут и в писмах их обрящут, что могут вместо комедии почитать в земле Тафельской все города и села неогорожены, а однакожь их честное житие по тому не узнать, а по всей вселенной обрящут, что старые люди временем недогадливы, так что и молодые. И так на свете и повелось — житие потому не узнать» [Ранняя русская драматургия ..., т. 2, 1972, с. 59—60]. Общность прологовой структуры у Грифиуса и Гивнера можно объяснить обращением к современности сквозь призму истории. Грифиус обращался к событиям подходившей к концу Тридцатилетней войны, посеявшей в немецких землях хаос и разруху. Пьеса Гивнера ставилась в период обострения отношений России и Турции, и историческая пьеса о сокрушительном разгроме могущественного турецкого султана Баязета в 1402 году приобретала особое звучание на русской сцене.

Помимо прологовой структуры, барочную драму Грифиуса и ранние русские пьесы объединяют элементы поэтики в изображении государей-властителей. Как указывал Б. И. Пуришев, «тираноборческие мотивы звучат почти во всех его трагедиях, начиная с «Льва Армянина...» [Пуришев, 1987, с. 245]. В «Темир-Аксаковом действе» тираном выступает турецкий султан Баязид (Баязет, Байцет). В первом действии, третьем явлении Баязет характеризует сам себя, как земного бога, жестокого и кровопролитного: «О небо, небо! Как благоузнале еси свое солнце? И что вы, мои храбрые, думаете: не будет ли Байцет мастер всего света? Занеже все благосчастливоидет и что все от страху и дрожде к ногам моим припадает. А сверх того сколько поворества объявитца, как я свой голой меч на них воздвигну и в кровь их утоплю? Присягаю на то, что я кроворазлитием и забойством не престану, покамест весь человеческой народ скажут, что Байцет бог земленой» [Ранняя русская драматургия ..., т. 2, 1972, с. 63—64]. В речи Баязета и его приближенных часто присутствует сравнение турецкого султана с Богом, который сам исполняет свои желания: «Бог сам повелевает Байцетово намерение совершить и так дивно свое хотение исполняет» [Там же, с. 65]. О кровожадности Баязета говорит и его намерение люто умертвить Тамерлана: «Тогда и никой скифетр, точию сабля сия имеет владети и прежде удовольною не быти, дондеже тот изменник Тамерлан умерщвлен будет и во 100 частей перед ногами моима разсечены лягут» [Там же, с. 79]. Баязет не признает другого повеления своему воинству, кроме «грабить и убивать»: «Что за повеление? Что воину подобает грабить, убивать также и младенца во чреве матери жива не оставлять зане аз непотребную челядь греческую ишу извезть, да и пес во всей греческой земле не останется» [Там же, с. 83]. Тамерлан, в противоположность Баязету, изображается справедливым, мудрым правителем, думающим о своих подданных. Узнав о поражении своего союзника кесаря Палеолога, Темир-Аксак прежде

всего беспокоится о подданных: «Помози, Бог! Какие страшные вести приходят из греческой земли! Я не токмо печален о своем брате и союзнике Палеологе, но и паче простых невинных душ, которые побиты от того варварского Байцета» [Там же, с. 66; Демин, 1972, с. 275—276]. В «Льве Армянине» Грифиуса изображены события заговора против византийского императора Льва V, преступно захватившего престол Константинополя. Лев V характеризуется как свирепый, алчный монарх, готовый на всё ради собственной власти, но не ради процветания государства, в котором в его правление царят предательство и страх подданных. Военачальник Михаил Бальба, при поддержке которого Лев стал императором, решает поднять мятеж против бывшего союзника, ставшего узурпатором, и после убийства императора занимает его место [Gryphius, 1646]. Ближе к финалу пьесы на первый план выходит тема возмездия, когда тирана судит не только людской суд, но и суд божий. Грифиус обрушивает на Льва V весь гнев небес, заговорщики убивают его в храме во время пасхального богослужения [Пуришев, 1987, с. 245—246].

В «Темир-Аксаковом действе» присутствуют элементы темы измены и возмездия. Пьеса открывается ремаркой о большой тревоге. Темир-Аксак просыпается с криком: «Измена! Измена! Кто меня хочет убить?» [Ранняя русская драматургия ..., т. 2, 1972, с. 61]. Тамерлан рассказывает приближенным свой сон, в котором ему пригрезился страшный воин с мечом, идущий против него: «А видел во сне я то, будто многие честные храбрые люди, которые мне обще руку дали и о помощи просили, чтоб я их от некоторых варвар, которые их многим мучением отягчают; исповедаваю вам так, что я никогда таких дородных и честных людей не видал есмь. А те все стали при моей правой руке; после сего пришлижь таковы дорожные и честные люди и в таких платях, что прежние в золоте были, так же последние в толковом платье были, а их прихождение все так, что и первые просили помощи против варвар. После прибежит наскоро к нам посреде муж сильной во всем оружию и очи ево, что свечи горят, а в руках у него большая свеча и наступил на меня крепко и был мне смел» [Там же, с. 61—62]. Тема заговора поднималась в русской драме ранее, например, в одной из первых пьес, написанных для русского театра «Артаксерксово действо», в которой рисовался не увенчавшийся успехом заговор приближенных царя Артаксеркса Багатана и Тереса против действующего монарха, свергнувшего их царицу Астинь [Ранняя русская драматургия ..., т. 1, 1972, с. 146—153]. Тема возмездия и избавления от власти тирании возникает ближе к финалу пьесы, когда Баязет получает от гонца сообщение, что неприятель уже близко и разбить войско Тамерлана быстро не удастся: «Гром! Молния! Смерть! Где брат мой, паша?» [Ранняя русская драматургия ..., т. 2, 1972,

с. 83]. Но гром с молнией в лице Тамерлана и его войска обрушиваются на самого Баязета и его войско. При этом Тамерлан первым произносит слово *возмездие* применительно к поверженному врагу: «Ныне убо ты, со всем своим государством в равенстве, *возмездие* получишь» [Там же, с. 87]. Тамерлан спрашивает у Баязета, какую «честь» тот оказал бы ему, Тамерлану, если бы Баязет выиграл сражение. Баязет отвечает, что повелел бы посадить Тамерлана в железную клетку и провезти его через все государство. Тамерлан отвечает, что Баязет осудил сам себя: «Ныне ты сам себя осудил, и надутость и высокомысленна и гордость твоя правдою моею препровождена будет» [Там же, с. 88]. Баязет проводит последние дни в клетке, а Тамерлан говорит, что так будет со всеми, обуреваемыми непомерной гордыней и жадной войны и власти: «Так, так имеет быть всем, которые гордостью непрестанно, мучительством непостижимым... И всем, которые неповедное к войне имеют желание» [Там же, с. 91]. В финале «Льва Армянина» хор придворных предупреждает о том, что кто высоко взлетел, тому больно падать, что от трона до темницы — один шаг, царям не стоит мнить себя живыми богами, поскольку мир вокруг переменчив [Gryphius, 1646]. Изменчивость окружающего мира, бренность бытия, смена настроения героев — всё это составляющие темы литературы барокко. В самом начале «Темир-Аксакова действия» Тамерлан напуган ночным кошмаром, а в конце молниеносно разбивает турецкую армию во главе с могущественным султаном Баязетом. В «Льве Армянине» Михаил Бальба брошен в тюрьму по подозрению в организации заговора против действующего монарха, а в финале освобожденный Михаил провозглашается новым императором. Идейно-художественное своеобразие русской пьесы Гивнера и драмы Грифиуса дает возможность говорить о возможном влиянии национальной немецкой драмы XVII века на раннюю русскую драму конца XVII века.

4. Русская пьеса о Тамерлане и Баязете начала XVIII века и драматургия Николааса Роу

Пьеса о Тамерлане и Баязете вернулась на сцену русского придворного театра в начале XVIII века. Как указывает Л. М. Старикова, постановка могла быть осуществлена труппой Отто Фюрста в 1704 году, ставшего во главе театрального дела на Руси [Старикова, 2017, с. 151]. Как раз в это время Петр I пожелал основать именно русский театр, а не немецкий, как было принято ранее [Тихонравов, 1874, с. XL]. До Фюрста репертуар вновь возобновленной «комедияльной храмины» под началом труппы Кунста в основном состоял из шуточных пьес по мотивам творчества «английских комедиантов» [Старикова, 2017, с. 144—145]. В 1709 году в репертуаре приезжих немецких актеров в Москве можно было обнару-

жить пьесу о Тамерлане и Баязете (в списке пьес под номером 12) [Там же, с. 145—146]. Как указывает И. З. Серман, в промежутке между 9 декабря 1705 и 13 января 1706 при дворе Петра была поставлена пьеса «История явная Тамерлана, хана татарского как победил салтана турецкого Баязета» [Серман, 2013, с. 69]. До сих пор остается открытым вопрос, в каком виде пьеса была разыграна перед Петром. Известно, что за основу, скорее всего, был взят текст «Темир-Аксакова действия» в обновленном переводе с немецкого оригинала. При дворе Петра, как и в эпоху правления Алексея Михайловича, пьеса на сюжет о Тамерлане и Баязете могла содержать аллюзии на военно-политическую ситуацию 1705—1706 годов, связанную с событиями Северной войны (1700—1721). 31 июля 1705 года союзная польско-русско-саксонская армия под командованием генерал-лейтенанта О. А. фон Пайкуля потерпела поражение близ Варшавы, см.: [Куракин, 1890]. Отметим, что «История явная Тамерлана...» не столько вписывалась в цикл панегирических аллегорических пьес, поставленных при дворе Петра, сколько была призвана поднять боевой дух в период военных неудач. В целом контекст пьесы мог соотноситься с прославлением Петра, как, например, в пьесах из цикла Северной войны: «Царство мира» 1702 года, трактовавшая войну России и Швеции как борьбу благочестия против идолопоклонничества, «Свобождение Ливонии и Ингерманландии», поставленной в феврале 1705 года, на сюжет овладения крепостью Нарва [Ранняя русская драматургия..., т. 3, 1974, с. 493, 499].

Однако вновь пробудившийся интерес к истории Тамерлана и Баязета на русской сцене мог проистекать из большого внимания к этому сюжету на Западе. В 1701 году английский драматург и поэт Николас Роу (1674—1718) пишет пьесу «Тамерлан» (*Tamerlane*), имеющую огромный успех на английской сцене. Считается, что вдохновением для Роу, как и для двух русских постановок, послужила пьеса Марло «Тамерлан Великий» [Oxberg, 1824, р. XII]. В пьесе Роу завоеватель Тамерлан олицетворял английского короля Вильгельма III, а французский король Людовик XIV соотносился с Баязетом. Известно, что Вильгельм был лично знаком с Петром, который во время Великого посольства (1697—1698) посетил принца Оранского и в Нидерландах, и в Англии [Ключевский, 1904]. В этом контексте постановка пьесы на сюжет о Тамерлане и Баязете могла иметь те же цели, что и постановка при дворе Алексея Михайловича и Вильгельма III. Петр мог соотноситься с Тамерланом, Баязет — с Карлом XII. В пьесе Роу Тамерлан предстает мудрым правителем, заботящимся о здоровье солдат: «Здоровья нашим друзьям и успехов нашей армии» (в оригинале: «Health to our friends, and to our arms success») [Rowe, 1817, р. 3]. Вильгельм III уделял большое внимание армии, ее подготовке и оснащению. Схожие цели имел

и Петр, укрепляя военную мощь империи. Тамерлан чтит дружбу, о чем говорит своему приближенному Аксале: «Добро пожаловать! ты достоин моих лавров. // Ты мой избранный брат, а это связь более священная, / Чем хрупкая связь природы. Святой дружбой! // Триумф и Слава остановились в ожидании твоего прибытия» (в оригинале: “Welcome! thou worthy partner of my laurels. // Thou brother of choice, a band more sacred / Than nature’s brittle tie. By holy friendship! // Glory and Fame stood still for thy arrival”) [Ibid., p. 4].

Тамерлан благороден даже в отношении к своим врагам: «Смелые встречают любую катастрофу / с одной мыслью. Думай о своих врагах благороднее. // Чем считать свой шанс на войне злом» (в оригинале: “The brave meet every accident / With equal minds. Think nobler of thy foes. // Than to account thy chance in war an evil”) [Ibid., p. 4]. Баязет в пьесе получает характеристику гордого, нетерпеливого и несправедливого правителя, любящего фальшивую славу и дикую силу, отравляющего всё живое и готового привести к гибели соседние государства ради личной выгоды [Ibid., p. 2—3]. В конце пьесы Тамерлан говорит о пагубных последствиях гордыни и о величии того, кто способен подчиняться высшей воле: «Взгляните на тщетные последствия земной гордыни, / Это презрение к законам Неба и всей его мощи. // Это могла забыть рука, которая сформировала его первой. / И с гордостью говорю, я сам сделал себя великим! // Но справедливы те, кто выше, заявляют о своей власти, / И научи всех королей, какое почтение им следует отдавать. / Кто правит лучше всех, тот способен к повиновению» (в оригинале: «Behold the vain effects of earth-born pride, / That scorn’d Heav’n’s laws, and all its pow’r delv’d. // That could the hand, which form’d it first, forget. // And fondly say, I made myself be great! // But justly those above assert their sway, / And teach ev’n kings what homage they should pay. // Who then rule best, when mindful to obey») [Ibid., p. 67]. Пафос пьесы Роу мог хорошо соотноситься с пьесой о Тамерлане и Баязете, поставленной при петровском дворе. Возможно, эти пьесы не имели генетической связи, но хорошо вписывались в заданную традицию архетипичного сюжета о противостоянии двух правителей, благородного властителя и предателя-тирана.

5. Заключение

Итак, русские пьесы на сюжет о Тамерлане и Баязете конца XVII — начала XVIII веков могли соотноситься с североевропейской драматической традицией. Поставленная при дворе царя Алексея Михайловича в 1675 году пьеса «Темир-Аксаково действо» по своей художественной

структуре была близка пьесам из репертуара бродячих немецких и нидерландских трупп под названием «английские комедианты». Одним из источников интермедий в пьесе можно считать «Комедию о Тамерлане», поставленную немецкой труппой в Нюрнберге в 1667 году, свидетелем постановки которой могло стать русское посольство в германские земли во главе с будущим основателем театра пастором Иоганном Готфридом Грегори. На примере пьесы «Лев Армянин» 1656 года немецкого драматурга Андреаса Грифиуса и русской постановки комедии о Тамерлане и Баязете 1675 года можно говорить о типологической общности в конструировании образа правителя-тирана в немецкой и русской драме XVII века. Подчеркнутая философичность прологов двух пьес, барочная тема зыбкости, изменчивости бытия, тема заговоров и свержения тирании — анализ всех этих аспектов дает возможность говорить о возможном влиянии национальной немецкой драмы XVII века на раннюю русскую драматургию конца XVII века. Поставленная в 1700-х годах при дворе Петра I пьеса «История явная Тамерлана, хана татарского как победил салтана турского Баязета» могла иметь типологическую связь с пьесой английского драматурга Николаса Роу «Тамерлан» 1701 года. В обеих пьесах сквозь аллюзии на сюжет о Тамерлане и Баязете давалось реальное изображение военного противостояния действующих монархов — английского короля Вильгельма III и Людовика XIV, Петра I и шведского короля Карла XII. Реальные исторические фигуры вплетались в известный сюжет, поднимая важные политические вопросы на английской и русской сцене начала XVIII века. Проведенный анализ позволяет говорить о типологической близости русских пьес о Тамерлане и Баязете с североευропейской театральной традицией XVII—XVIII веков.

Источники и принятые сокращения

1. *Ранняя русская драматургия XVII — первая половина XVIII в.* : в 5 т. Т. 1. Первые пьесы русского театра. — Москва : Наука, 1972. — 508 с.
2. *Ранняя русская драматургия XVII — первая половина XVIII в.* : в 5 т. Т. 2. Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. — Москва : Наука, 1972. — 367 с.
3. *Ранняя русская драматургия XVII — первая половина XVIII в.* : в 5 т. Т. 3. Пьесы школьных театров Москвы. — Москва : Наука, 1974. — 583 с.
4. Birken, 1971 — *Die Tagebücher des Sigmund von Birken*. 2 Bände / J. Kröll (Hrsg.). — Würzburg, 1971. — Bd. 1. — 526 S.
5. *Die Schauspiele der englischen Komödianten in Deutschland*. — Leipzig : F. A. Brockhaus, 1880. — 248 S.
6. Gryphius A. (1646). Leo Armenius. Trauerspiel [Электронный ресурс] / A. Gryphius // Projekt-Gutenberg. Argentorati. prid. Kalend. Novemb. Greg 1646. — Access mode : <https://www.projekt-gutenberg.org/gryphius/armenius/armenius.html> (accessed 20.04.2021).

7. Rowe N. Tragedy of Tamerlane / N. Rowe, Esq. Adapted for Theatrical Representation, as Performed at the Theatre Royal, Covent Garden. — London : C. Cooke, 1817. — 68 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов С. В. Европейский юмор в России XVII в. / С. В. Алпатов, С. М. Шагин // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2013. — № 4. — С. 21—33.
2. Булгаков А. С. Комедия о Тамирлане и Баязете («Темир-Аксаково действо») / А. С. Булгаков // Старинный спектакль в России. — Ленинград : Academia, 1928. — С. 317—357.
3. Всеволодский-Гернгросс В. Н. Русский театр: от истоков до середины XVIII в. / В. Н. Всеволодский-Гернгросс. — Москва : Издательство Академии наук СССР, 1957. — 262 с.
4. Гребенюк В. П. «Темир-Аксаково действо» (малая комедия о Баязете и Тамирлане) / В. П. Гребенюк // Ранняя русская драматургия XVII — первая половина XVIII в. : в 5 т. Т. 2. Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. — Москва : Наука, 1972. — С. 293—296.
5. Демин А. С. Русские пьесы 1670-х годов и придворная культура / А. С. Демин // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 27. История жанров в русской литературе X — XVII вв. — Ленинград : Наука, 1972. — С. 273—283.
6. Державина О. А. Русский театр 70—90-х годов XVII в. и начала XVIII в. / О. А. Державина // Ранняя русская драматургия XVII — первая половина XVIII в. : в 5 т. Т. 2. Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. — Москва : Наука, 1972. — С. 5—56.
7. Еремин И. П. Московский театр XVII в. / И. П. Еремин // История русской литературы : в 10 т. Т. II. Ч. 2. Литература 1590-х — 1690-х гг / АН СССР. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1948. — С. 368—373.
8. Каплун М. В. «Комедия о Давиде с Галиадам» в контексте западноевропейской драмы XVI—XVII веков / М. В. Каплун // Научный диалог. — 2020. — № 9. — С. 188—202. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-188-202.
9. Каплун М. В. Об одном стихотворении Иоганна Готфрида Грегори / М. В. Каплун // Studia Litterarum. 2017. — Т. 2, № 4. — С. 170—181. — DOI: 10.22455/2500-4247-2017-2-4-170-181.
10. Каплун М. В. Первые пьесы русского театра и эстетические взгляды пастора Иоганна Готфрида Грегори / М. В. Каплун // Герменевтика древнерусской литературы. — 2019. — № 18. — С. 12—179. — DOI: 10.23681/500015.
11. Каплун М. В. Репертуар «английских комедиантов» и первые пьесы русского театра / М. В. Каплун // Первые пьесы русского театра и эстетические взгляды пастора Иоганна Готфрида Грегори : диссертация ... кандидата филологических наук. — Москва, 2016. — С. 71—89.
12. Ключевский В. П. Курс русской истории [Электронный ресурс] / В. П. Ключевский. — Санкт-Петербург, 1904. — 1146 с. — Режим доступа : <https://runivers.ru/lib/book3102/9767/> (дата обращения 23.04.2021).
13. Куракин Б. И. Русско-шведская война. Записки. 1700—1710 / Б. И. Куракин // Архив кн. Ф. А. Куракина. Кн. 1. — Санкт-Петербург : Тип. В. С. Балашева, 1890. — С. 291—328.
14. Парфенов А. Т. К вопросу о первоисточниках «Темир-Аксакова действа» / А. Т. Парфенов // Вестник Московского гос. ун-та. Серия Х. Филология. — 1969. — № 2. — С. 16—30.

15. Пуришев Б. И. Грифиус / Б. И. Пуришев // История всемирной литературы : в 9 т. Т. 4 / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — Москва : Наука, 1987. — С. 243—248.
16. Серман И. З. Литературно-эстетические интересы и литературная политика Петра I / И. З. Серман // Свободные размышления. Воспоминания, статьи. — Москва : НЛЮ, 2013. — С. 53—100.
17. Старикова А. Андреас Грифиус — забытый драматург немецкого барокко / А. Старикова // Вопросы театра. — 2020. — № 3—4. — С. 424—439.
18. Старикова Л. М. Панорама театрально-зрелищной жизни русских столиц в Петровскую эпоху / Л. М. Старикова // Вопросы театра. Proscaenium. — 2017. — № 1/2. — С. 141—169.
19. Тихонравов Н. С. Русские драматические произведения 1672—1725 гг. : в 2 т. Т. 1 / Н. С. Тихонравов. — Санкт-Петербург : Д. Е. Кожанчиков, 1874. — С. VI—XLII.
20. Феррацци М. Итальянский вклад в западноевропейские влияния на первые пьесы театра Алексея Михайловича / М. Феррацци // Дар дружества и муз : сборник статей в честь Натальи Дмитриевны Кочетковой. — Москва ; Санкт-Петербург : Альянс-Архео, 2018. — С. 6—23.
21. Barner W. Gryphius und die Macht der Rede. Zum ersten Reyen des Trauerspiels Leo Armenius / W. Barner // Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte. — 1968. — № 42 (3). — S. 325—358.
22. Oxberry W. The new English drama with prefatory remarks, biographical sketches, and notes, critical and explanatory / W. Oxberry. — London, 1824. — Vol. 19. — 54 p.
23. Paul M. Reichsstadt und Schauspiel : Theatrale Kunst im Nürnberg des 17. Jahrhunderts / M. Paul. — Tübingen : De Gruyter, 2002. — S. 173—174.

MATERIAL RESOURCES

- Birken, 1971 — Kröll, J. (Hrsg.) (1971). *Die Tagebücher des Sigmund von Birken*. 2 Bände. Würzburg. 1: 526 S.
- Die Schauspiele der englischen Komödianten in Deutschland*. (1880). Leipzig: F. A. Brockhaus. 248 S.
- Early Russian drama 17th — first half of the 18th century. The first plays of the Russian theater*. (1972). Moscow: Nauka. 5/1. 508 p. (In Russ.).
- Early Russian drama 17th — first half of the 18th century. Russian drama of the last quarter of the 17th and early 18th century*. (1972). Moscow: Nauka. 5/2. 367 p. (In Russ.).
- Early Russian drama 17th — first half of the 18th century. Plays of Moscow school theaters*. (1974). Moscow: Nauka. 5/3. 583 p. (In Russ.).
- Gryphius, A. (1646). Leo Armenius. Trauerspiel. In: *Projekt-Gutenberg*. Available at: <https://www.projekt-gutenberg.org/gryphius/armenius/armenius.html> (accessed 20.04.2021).
- Rowe, N. (1817). Tragedy of Tamerlane. In: *Adapted for Theatrical Representation, as Performed at the Theatre Royal, Covent Garden*. London: C. Cooke. 68 p.

REFERENCES

- Alpatov, S. V., Shamin, S. M. (2013). European humor in Russia XVII. *Ancient Russia. Questions of medieval studies*, 4: 21—33. (In Russ.).

- Barner, W. (1968). Gryphius und die Macht der Rede. Zum ersten Reyen des Trauerspiels Leo Armenius. In: *Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte*, 42 (3): 325—358.
- Bulgakov, A. S. (1928) Comedy about Tamerlane and Bayazet («Temir-Aksakovo deystvo»). In: *An old show in Russia*. Leningrad: Academia. 317—357. (In Russ.).
- Demin, A. S. (1972). Russian plays of the 1670s and court culture. In: *Proceedings of the Department of Old Russian Literature. History of genres in Russian literature of the 10th — 17th centuries*. Leningrad: Nauka. 273—283. (In Russ.).
- Derzhavina, O. A. (1972). Russian theater of the 70—90s of the 17th century and the beginning of the 18th century. In: *Early Russian drama 17th — first half of the 18th century. Russian drama of the last quarter of the 17th and early 18th century*. Moscow: Nauka. 5/2. 5—56. (In Russ.).
- Eremin, I. P. (1948). Moscow theater XVII. In: *History of Russian literature. Literature 1590—1690*. Moscow; Leningrad: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR. 10/2 (2). 368—373. (In Russ.).
- Ferratsti, M. (2018). Italian contribution to Western European influences on the first plays of Alexei Mikhailovich's theater. In: *Gift of friendship and muses: a collection of articles in honor of Natalia Dmitrievna Kochetkova*. Moscow; St. Petersburg: Alliance-Arkheo. 6—23. (In Russ.).
- Grebenyuk, V. P. (1972). «Temir-Aksakovo deystvo» (small comedy about Bayazet and Tamerlane). In: *Early Russian drama 17th — first half of the 18th century. Russian drama of the last quarter of the 17th and early 18th century*. Moscow: Nauka. 5/2. 293—296. (In Russ.).
- Kaplun, M. V. (2016). The repertoire of “English comedians” and the first plays of the Russian theater. In: *The first plays of the Russian theatre and aesthetic views of pastor Johann Gottfried Gregory: PhD Diss*. Moscow. 71—89. (In Russ.).
- Kaplun, M. V. (2017). On a poem by Johann Gottfried Gregory. *Studia Litterarum*, 2 (4): 170—181. DOI: 10.22455/2500-4247-2017-2-4-170-181. (In Russ.).
- Kaplun, M. V. (2019). The first plays of the Russian theatre and aesthetic views of pastor Johann Gottfried Gregory. *Hermeneutics of Old Russian literature*, 18: 12—179. DOI: 10.23681/500015. (In Russ.).
- Kaplun, M. V. (2020). “Comedy about David with Galiad” in the context of the Western European drama of the XVI—XVII centuries. *Scientific Dialogue*, 9: 188—202. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-188-202. (In Russ.).
- Klyuchevskiy, V. P. (1904). *Russian history course*. Sankt-Peterburg. 1146 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book3102/9767/> (accessed 23.04.2021). (In Russ.).
- Kurakin, B. I. (1890). Russian-Swedish war. Notes. 1700—1710. In: *Archive of the prince. F. A. Kurakina*. St. Petersburg: Tip. V. S. Balasheva. 1. 291—328. (In Russ.).
- Oxberry, W. (1824). *The new English drama with prefatory remarks, biographical sketches, and notes, critical and explanatory*. London. 19. 54 p.
- Parfenov, A. T. (1969). On the question of primary sources «Temir-Aksakova deystva». *Moscow State Bulletin un-t. Series Philology*, 2: 16—30. (In Russ.).
- Paul, M. (2002). *Reichsstadt und Schauspiel: Theatrale Kunst im Nürnberg des 17. Jahrhunderts*. Tübingen: De Gruyter. 173—174.
- Purishev, B. I. (1987). Grifius. In: *History of World Literature*. Moscow: Nauka. 9/4. 243—248. (In Russ.).

- Serman, I. Z. (2013). Literary and aesthetic interests and literary policy of Peter I. In: *Free Reflections. Memories, articles*. Moscow: NLO. 53—100. (In Russ.).
- Starikova, A. (2020). Andreas Grifius — the forgotten playwright of the German Baroque. *Theater issues*, 3—4: 424—439. (In Russ.).
- Starikova, L. M. (2017). Panorama of theatrical and entertainment life of Russian capitals in the Peter the Great era. *Theater issues. Proscaenium*. 1/2: 141—169. (In Russ.).
- Tikhonravov, N. S. (1874). *Russian dramatic works of 1672—1725*. St. Petersburg: D. E. Kozhanchikov. VI—XLII. (In Russ.).
- Vsevolodskiy-Gerngross, V. N. (1957). *Russian theater: from the origins to the middle of the XVII c.* Moscow: Academy of Sciences of the USSR. 262 p. (In Russ.).

Лушникова Г. И. Фрагментарность современного художественного нарратива (на материале англоязычной прозы) / Г. И. Лушникова, Т. Ю. Осадчая // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 225—239. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-225-239.

Lushnikova, G. I., Osadchaya, T. Yu. (2021). Fragmentation of Modern Artistic Narrative (English-Language Prose). *Nauchnyi dialog*, 6: 225-239. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-225-239. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-225-239

Фрагментарность современного художественного нарратива (на материале англоязычной прозы)

Лушникова Галина Игоревна
orcid.org/0000-0003-1080-3184
доктор филологических наук, профессор
кафедры иностранной филологии и
методики преподавания
lushgal@mail.ru

Осадчая Татьяна Юрьевна
orcid.org/0000-0001-8566-2529
кандидат педагогических наук, доцент
кафедры иностранной филологии и
методики преподавания
osadchaya_ta@mail.ru

Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского
(Симферополь, Россия)

Fragmentation of Modern Artistic Narrative (English-Language Prose)

Galina I. Lushnikova
orcid.org/0000-0003-1080-3184
Doctor of Philology, Professor,
Department of Foreign Philology
and Teaching Methods
lushgal@mail.ru

Tatiana Yu. Osadchaya
orcid.org/0000-0001-8566-2529
PhD in Pedagogy, Associate Professor
Department of Foreign Philology
and Teaching Methods
osadchaya_ta@mail.ru

V. I. Vernadsky Crimean
Federal University
(Simferopol, Russia)

© Лушникова Г. И., Осадчая Т. Ю., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос о роли, формах и функциях фрагментарности современного художественного нарратива. Представлены результаты анализа фрагментарного повествования произведений современных англоязычных авторов (Дж. Барнса, Д. Митчелла, М. Каннинггема, И. Бэнкса, Дж. Франзена, С. Фолкса, Дж. Евгенидиса, А. Смит, Дж. Макгрегора и других). Актуальность исследования обусловлена тем, что в современной литературе постмодернистского направления нелинейность повествования, нарочитое смешение временных, локальных, описательных и других пластов приобретают широкое распространение, практически становятся нормой. Новизна исследования видится в том, что фрагментарность художественного текста изучается на разных уровнях — композиционном, содержательно-тематическом, сюжетном, идейно-образном, жанровом, повествовательном, хронотопическом. Доказано, что формы реализации фрагментарности достаточно разнообразны: ненормативное членение текста, разнородность тем и идей, отсутствие линейного развития сюжета, соединение элементов разных жанров, наличие внутренней полистилистичности, использование разных типов повествования и повествователя, нарушение единства хронотопа. Анализ конкретного материала показал, что функции фрагментарного повествования определяются каждым конкретным контекстом, ведущими из них являются воздействие на читателя, управление его вниманием, расстановка акцентов согласно писательскому замыслу, создание впечатления аутентичности и достоверности.

Ключевые слова:

художественный нарратив; англоязычная литература; фрагментарность нарратива; ненормативное членение текста; разнообразие тем; жанровое смешение; нелинейность повествования; полистилистичность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The question of the role, forms and functions of fragmentation of modern artistic narrative is considered. The results of the analysis of the fragmentary narrative of the works of contemporary English-speaking authors (J. Barnes, D. Mitchell, M. Cunningham, I. Banks, J. Franzen, S. Faulks, J. Eugenides, A. Smith, J. McGregor and others) are presented. The relevance of the study is due to the fact that in the modern literature of the postmodernist direction, nonlinearity of narration, deliberate mixing of temporal, local, descriptive and other layers are becoming widespread, practically becoming the norm. The novelty of the research is seen in the fact that the fragmentation of a literary text is studied at different levels — compositional, content-thematic, plot, ideological-figurative, genre, narrative, chronotopic. It has been proved that the forms of implementation of fragmentariness are quite diverse: irregular division of the text, heterogeneity of themes and ideas, lack of linear development of the plot, combination of elements of different genres, the presence of internal polystylism, the use of different types of narration and narrator, violation of the unity of the chronotope. The analysis of specific material showed that the functions of a fragmentary narrative are determined by each specific context, the leading ones being the impact on the reader, the management of his attention, the placement of accents according to the writer's intention, the creation of the impression of authenticity and reliability.

Key words:

artistic narrative; English-language literature; fragmented narrative; irregular division of the text; variety of topics; genre mixing; nonlinearity of the narrative; polystylism.

Фрагментарность современного художественного нарратива (на материале англоязычной прозы)

© Лушникова Г. И., Осадчая Т. Ю., 2021

1. Фрагментарность повествования в художественном тексте

Как известно, главным принципом нарративности является неразрывная взаимосвязь повествования и дискурса. Однако способы этой взаимосвязи все еще находятся в центре внимания исследователей: «... открытым остается вопрос о средствах медиации между уровнями, способах взаимодействия событий и повествования» [Жиличева, 2013, с. 25]. Исследователи полагают, что в качестве связующего для этих уровней элемента может выступать членение текста, при этом единицей членения является эпизод или фрагмент: «единицей актуального членения всякого сюжетного повествования призван служить эпизод, понимаемый как участок текста, характеризующийся единством места, времени и состава действующих лиц» [Тюпа, 2002, с. 19]; «взаимосвязь уровней манифестируется особой смыслообразующей конструкцией — системой эпизодов» [Жиличева, 2013, с. 35].

В разные эпохи представления о фрагментарности, ее формах и функциях значительно различаются: «фрагментарность в зависимости от исторического времени имеет разные мировоззренческие и эстетические основания» [Смирнова, 2021, с. 34]. В парадигме постмодернизма принцип фрагментарности выходит на первый план и служит средством выражения ее мировоззренческих установок. Один из выдающихся исследователей постмодернизма Д. Фоккема утверждает, что многие тексты постмодерна не более чем объединение не связанных между собой фрагментов: «Many Postmodernist texts are a collection of relatively unconnected fragments, which challenge the literary code that predisposes the reader to look for coherence» [Fokkema, 1984, p. 44] («Многие постмодернистские тексты представляют собой совокупность относительно не связанных между собой фрагментов, что противоречит принципу связности литературного произведения») (перевод наш. — Г. Л., Т. О.). Однако фрагментарность, по его словам, для литературы постмодерна является не только принципом построения композиции. Фрагментарность в широком смысле воплощает идею намеренного отсутствия целостности повествования, которое, с одной стороны, отражает фрагментированность потока жизни, хаос бытия, исчезновение универсализма как социальной и культурной нормы, а с другой стороны, — пере-

дает калейдоскопичное восприятие действительности человеком, видение мира как совокупности отдельных ситуаций или узоров, которые воспринимаются сознанием в каждый момент времени. Кроме того, мозаичность восприятия обусловлена фрагментарностью самой информации, которая доступна человеку: артефакты, исторические документы не всегда полны и точны, свидетельства очевидцев не всегда достоверны, понимание мотивов поведения других людей часто иллюзорно, даже собственные знания и воспоминания могут быть неточными, неполными и отчасти вымышленными.

Стремление автора к аутентичности и достоверности изображения действительности обуславливает следование принципам фрагментарности в создании произведения: «истинная картина мира представляется автору лишенной линейной логики. Фрагментарность связывается с присущим человеческому мышлению способом воспринимать мир лишь частично и изнутри» [Тарнаруцкая, 2012б, с. 5], фрагментарность «... открывает присущую живому человеку неспособность по-настоящему отличать значимое от незначимого» [Тарнаруцкая, 2012а, с. 234]. В контексте фрагментарного восприятия действительности исследователи говорят о так называемой архипелаговой структуре современного романа, когда отдельные фрагменты «... моделируют историю как архипелаг островов личностного сознания в океане воспоминаний, желаний, страхов, надежд, любовей и вин» [Кацман, 2017, с. 296].

Какие бы метафоры ни использовали исследователи для описания фрагментированного характера современного романа — калейдоскоп, мозаика, коллаж, архипелаг, — можно утверждать, что все они до определенной степени передают суть данного явления: фрагментарность — это свойство такого текста, «... разные части которого перекликаются и частично накладываются друг на друга, не образуя единого целого» [Кацман, 2017, с. 300]. Вслед за Е. В. Тарнаруцкой мы определяем фрагментарную прозу следующим образом: «главным признаком фрагментарной прозы в узком смысле является необъяснимость фабульным или ассоциативным сцеплением мотивов выбора автором тех или иных повествовательных фрагментов» [Тарнаруцкая, 2012б, с. 5]. При этом поиск читателем или исследователем общих элементов, которые имплицитно объединяют отдельные фрагменты, становится источником генерирования смыслов, способом формирования целостности текста, ключом к интерпретации всего произведения. По справедливому замечанию З. Хайнади, «посредством дискурсивного чтения за явным, эмпирическим значением первого сюжета открывается неявный, метафорический подтекст второго сюжета. Си-

мультанное возвращение от целого к частям и от частей к целому меняет, дополняет и углубляет смысл текста» [Хайнади, 2018, с. 13].

Повествование (по терминологии В. И. Тюпы, «коммуникативное событие рассказа») неразрывно связано с самим процессом наррации («референтным событием») [Тюпа, 2002, с. 31]. В восприятии нарратива читатель обращает внимание не только на отдельные части повествования, но и на фрагментирование и последовательное изложение текста, с помощью которых автор реализует свои идеи. При этом во фрагментарной прозе именно референтное событие рассказа выходит на первый план: «In certain cases, the question of how a story should be told appears to be more important than the story itself» [Fokkema, 1984, p. 46—47] («В определенных случаях вопрос о том, как должна быть рассказана история, представляется более важным, чем сама история») (перевод наш. — Г. Л., Т. О.). В связи с этим важным становится уникальное авторское расположение частей или фрагментов в соответствии с композиционной логикой романа: «в целостности романа содержится смысл, не исчерпывающийся констелляцией фрагментов. Это не пестрый конгломерат частей, а их иерархическая соподчиненность» [Хайнади, 2018, с. 8]. На решение автора о взаимном расположении и последовательности отдельных фрагментов влияют ключевые концепции, реализуемые им в том или ином произведении: «единство структуры основано не на фабуле или на знакомстве действующих лиц (они или не знакомы, или не имеют связи друг с другом), а на поэтико-философской концепции, в соответствии с которой отбирается материал» [Хайнади, 2018, с. 10].

Нарушение последовательности повествования, ретроспекция и проспекция, вставные эпизоды, прием «рассказ в рассказе» и другие формы отклонения от поступательного развертывания сюжета встречаются в произведениях мировой литературы разных эпох, однако в современных художественных произведениях фрагментарность повествования, нарочитое смешение временных, локальных, описательных и других пластов приобретают широкое распространение, практически становятся нормой. Во-первых, это можно объяснить стремлением автора к аутентичности и достоверности изображения действительности, во-вторых, поиском авторами новых литературных форм, способных привлечь, удивить и поразить читателя, в-третьих, огромным влиянием на литературное творчество кинематографического, телевизионного и интернет дискурсов. Не вдаваясь в подробный анализ причин данной тенденции в художественном нарративе, рассмотрим ее формы и функции на материале современных англоязычных прозаических произведений.

2. Формы фрагментарности на разных уровнях художественного текста

Фрагментарность, кажущееся отсутствие связности прослеживается на разных уровнях художественного текста — композиционном, содержательно-тематическом, сюжетном, идейно-образном, жанровом, повествовательном, функционально-стилистическом, хронотопическом. В ряде произведений фрагментарность проявляется на каком-либо одном уровне, в других, что встречается гораздо чаще, на нескольких уровнях одновременно. Формы нарушения последовательности на этих уровнях достаточно разнообразны.

На уровне композиции в ряде произведений прослеживается ненормативное членение текста, когда, на первый взгляд, деление на главы, начало и конец книги не имеют логических обоснований. Так, например, роман А. Азимова «Сами боги» начинается с главы 6, причем автор в примечании указывает, что это неслучайно. Роман М. Элбома «Пятеро, что ждут тебя на небесах» начинается с главы, названной «Конец». Роман Дж. Пауэлл «Джулии и Джулия. Мой год рискованной кулинарии» имеет в конце три главы, каждая из которых называется «Конец», см. об этом подробнее: [Лушникова и др., 2018, с. 50—60].

Темы, которые поднимаются во многих произведениях современности, также отличаются широтой и неоднородностью. Иногда на страницах одной и той же книги представлена целая палитра тем как общечеловеческого, глобального, так и узкого, частного характера. Так, в романе Дж. Франзена «Безгрешность» автор раскрывает темы любви и семьи, истории и политики, тему власти в тоталитарном государстве и тему власти Интернета, тему ядерной угрозы, вопросы, связанные с современной журналистикой, с ролью искусства в современном обществе, тему одиночества человека [Лушникова и др., 2020, с. 107]. Многообразием тем и идей отличаются многие другие романы: Дж. Франзен «Поправки» (темы любви, семейных отношений, международной политики), С. Фолкс «Неделя в декабре» (темы мультикультурализма, жизни в большом городе, этнической самоидентификации личности, террора), С. Инг «И повсюду тлеют пожары» (темы мультикультурализма, семьи, суррогатного материнства, усыновления), Дж. Евгенидис «А порою очень грустны» (темы семейных и любовных отношений, религии, психологических травм). Список примеров может быть продолжен.

Что касается сюжета, то в настоящее время гораздо сложнее найти примеры произведений с линейным развитием сюжетных линий, чем примеры, где это линейное развитие подвергается нарушениям, отклонениям, а также неожиданным, порой нелогичным переходам и переключениям

с одного эпизода на другой. Отсутствие событийной однородности, построение по принципу коллажа ведет к созданию нескольких практически автономных сюжетов, в каждом из которых рисуется отдельный художественный мир, построенный по своим внутренним законам. Множество сюжетных линий, кажущихся автономными, присутствует в романах Дж. Барнса, Д. Митчелла, С. Фолкса, Дж. Франзена, Р. Баха, которые представляют собой калейдоскоп историй. В романе М. Каннингема «Часы» отчетливо выделяются три сюжетные линии: разные персонажи показаны в разное время и в разных местах. Повествование прерывается, переходит от одного персонажа к другому, от одной сюжетной линии к другой, связь между которыми прослеживается далеко не сразу. В романе Й. Бэнкса «Мост» сосуществуют три сюжетно не связанные между собой мира: современный Эдинбург; вымышленное тоталитарное государство, располагающееся на огромном Мосту в океане; сказочная страна, населенная варварами. Трех главных героев объединяют сновидения, в которых они видят друг друга, а три мира объединяет образ Моста, который является символом связи между реальным и вымышленным мирами.

Несколько художественных миров создаются в произведениях магического реализма, где развитие сюжетов протекает в параллельных плоскостях — частях, главах, фрагментах, посвященных реальным и ирреальным событиям, либо действиям, происходящим в реальности и увиденным во снах, в действительном и воображаемом времени и пространстве, в жизни и после жизни. В качестве примера можно привести романы Дж. Кэрролла «Кости луны», О. Ниффенггер «Жена путешественника во времени», Г. Форман «Если я останусь», Э. Сиболд «Милые кости», дилогию Ч. Паланика «Проклятые», «Обреченные», трилогию Р. Риггза «Дом странных детей», «Город пустых. Побег из дома странных детей», «Библиотека душ. Нет выхода из дома странных детей».

Отдельные художественные миры определяют и набор действующих лиц, который в современном художественном произведении может быть очень разноплановым, в одной книге иногда парадоксальным образом соединяются персонажи, принадлежащие разным культурам, эпохам, психологическим типам, социальным слоям. В уже упоминавшемся выше романе Дж. Франзена «Безгрешность» действующими лицами являются молодая девушка, ищущая свой путь в жизни, ведущая отшельнический образ жизни ее мать, писатель, журналистка, скваттеры, глава мировой интернет компании, политические функционеры и многие другие. Иногда живые люди на равных общаются с машинами, андроидами, как, например, в романе И. Макьюэна «Машины как я». Показательным в этом отношении является роман Дж. Барнса «История мира в 10 ½ главах», в котором каж-

дая из глав отображает художественный мир разных эпох, а набор действующих лиц представляет собой людей разных социальных слоев, культур и даже представителей мира насекомых. Наиболее необычным среди прочих является мир, в котором жук-древоточец рассказывает свою версию о Всемирном потопе.

Разнородность, фрагментарность на перечисленных выше уровнях закономерно ведет к контаминации жанров в одном и том же произведении. Причем разные части или главы произведения могут быть написаны в жанрах, кардинально отличающихся друг от друга, соединять элементы нескольких из них. Так, в традиционные жанры, например, любовного, исторического и других романов включаются такие элементы, как гротеск, гипербола, фантастика, детектив и другие. Такое соединение явилось причиной появления гибридных жанров: психологический детектив (романы Р. Ренделл, М. Х. Кларк, Р. Гэлбрейт), романтический детектив (Р. Гэлбрейт «Дурная кровь»), детектив-триллер (М. Пессл «Ночное кино», Т. Ричмонд «По ее следам»), психологический триллер (Д. Тартт «Маленький друг», «Тайная история», А. Михаэлидес «Безмолвный пациент», С. Фолкс «Энглби», К. Фуллер «Горький апельсин»), любовно-исторический роман (И. Стоун «Любовь вечна», Дж. Гарвуд «Роковое сокровище») и др. На стыке художественного и документального дискурсов возник такой жанр, как художественно-документальная проза, включающий такие подвиды, как автофикшн, биофикшн, вымышленная биография / автобиография, в английском варианте *biofiction*, *docufantasy*, *historical fiction* и др. Примерами могут служить романы Э. Грили «Сентябрьская песня», Р. Баха «Ангелы на полставки», П. Теру «Моя тайная история», «Моя другая жизнь», Э. Гилберт «Есть, молиться, любить» и др.

Еще одним вариантом фрагментарности на уровне жанровых образований является соединение в одном произведении поэтических и прозаических текстов, их внутренняя полистилистика. Например, А. Байетт в произведении «Обладание», помимо жанровой полифонии, обращается к различным поэтическим текстам, что значительно усложняет структуру произведения: «поэтические эпизоды в “Обладании” усиливают впечатление о внешней фрагментарности произведения за счет сочетания различных жанров: поэм на сюжеты мифов и легенд, исторических поэм, мифической поэмы, близкой к сказке, множества стихотворений лирического и мифологического содержания. Помимо этого, стихотворные произведения романа обладают внутренней полистилистикой» [Антонова, 2008, с. 13—14]. Интересно отметить, что введение поэтических эпиграфов позволяет А. Байетт использовать фрагментарность и на смысловом уровне текста, что вносит дополнительные оттенки: «достаточно объемные эпи-

графы <...> создают коллажность на смысловом уровне, представляя одно и то же событие или идею в разных измерениях: мифологическом, викторианском и современном» [Антонова, 2008, с. 16].

Интересным в отношении фрагментарности жанровых форм представляется роман Дж. Барнса «Попугай Флобера», в котором автор использует различные жанры не только художественной прозы, но и документальных источников, например, воспоминания друзей Флобера, записки самого писателя и некоторые другие: «словари, лексикон, железнодорожный путеводитель, апокрифы, письмо, экзаменационные билеты добавляют новые и новые варианты точек зрения на фигуру писателя» [Казанская, 2015, с. 102]. В другом романе Дж. Барнса «Шум времени» автор использует всего одну повествовательную перспективу: все события воспринимаются через призму сознания главного героя — композитора Дмитрия Шостаковича. Несмотря на формальное единство перспективы, романное пространство чрезвычайно фрагментировано: «рецензенты насчитали в нем около 230 фрагментов — “моментальных снимков”, виньеток, экскурсов в прошлое, побочных эпизодов и аллюзивных афоризмов, ложных финалов, тонких различий, каламбуров, внезапных откровений и т. д» [Анцыферова, 2018, с. 72]. Подобная форма фрагментарности позволяет автору показать сложность и противоречивость внутреннего мира композитора, переданного через разговоры, как будто звучащие в его сознании: «нарратив миметически воспроизводит внутреннюю нестабильность самооощущения героя, раздирающие его противоречия» [Анцыферова, 2018, с. 72].

Фрагментарность повествования может создаваться и благодаря соединению в одном и том же произведении разных типов повествования и повествователя. Многие современные авторы не ограничиваются каким-либо одним типом, включая в произведение повествование и от первого, субъективного, и от третьего, объективного, лица, наделяя разных персонажей функцией рассказчика и отводя им роль представления событий и характеров. В результате смены повествователя писатель предлагает целый спектр мнений и мировоззрений, показывая разные эпизоды, а иногда одни и те же эпизоды с разных точек зрения, что создает особое многоголосие, полифонию произведения, открывая читателю больше возможностей для определения своего видения описываемого.

Наиболее яркими примерами соединения разных типов повествования являются роман Дж. Барнса «Как это было», где рассказ ведется от лица каждого из героев, даже второстепенных, роман В. Ван Драанен «Привет, Джули», показывающий одни и те же события глазами двух подростков, роман Г. Флинн «Исчезнувшая», где каждый из супругов по-своему описывает происходящее, раскрывая свои тайные помыслы. Романы, в которых

действуют несколько повествователей, позволяют посмотреть на происходящее с разных сторон, содержат тонкие психологические наблюдения. Так, в романе К. Стокетт «Прислуга» автор «поручает» повествование трем фокальным персонажам (афро-американским и белой женщинам), что дает возможность раскрыть со стороны и изнутри проблемы расовой дискриминации в Америке, в романе Д. Лоджа «Терапия» главный герой ведет дневник от себя и от лица других персонажей, стараясь угадать мысли и чувства окружающих его людей, в романе Д. Сеттерфилд «Тринадцатая сказка» повествование ведется то от лица главной героини, писательницы, то от лица ее биографа, что соединяет личное, субъективное мнение и беспристрастное мнение, какое должен выражать биограф.

Нарушение единства хронотопа также довольно частое явление в современной художественной прозе. Расслоение временных и локальных пластов, перенос из настоящего времени в прошедшее и / или будущее, из одной географической точки в другую / другие, перенос из реального пространства в ирреальное уже стали вполне привычными для современного читателя. Примеры таких произведений, причем написанных в разных жанрах, достаточно многочисленны, назовем лишь несколько из них: Н. Спаркс «Ночи в Роданте» (любовный роман), Т. Пратчетт «Ведьмы за границей» (фэнтези), А. Смит «There but For The» (спонтанная проза), М. Элбом «Пятеро, что ждут тебя на небесах» (дидактическая проза), О. Ниффенеггер «Жена путешественника во времени» (магический реализм).

Части и главы в некоторых художественных произведениях по содержанию, тематической направленности, подбору персонажей, жанровой принадлежности и другим параметрам настолько разнородны, что зачастую воспринимаются критиками и читателями как отдельные новеллы или рассказы, объединенные в циклы. Так, некоторые исследователи (А. Зверев [Зверев, 1994], L. Kelly [Kelly, 1993], F. Jameson [Jameson, 2013]) подвергают сомнению тот факт, что широко известные произведения Дж. Барнса «История мира в 10 1/2 главах» и Д. Митчелла «Облачный атлас» можно назвать полноценными романами. Один из исследователей романа «Облачный атлас» использует для характеристики его фрагментарного характера следующие метафоры: «лифт, который останавливается на нескольких крайне непохожих друг на друга этажах на пути к далекому будущему», «несколько путеводителей и мемуаров, посвященных разным эпохам и странам, в беспорядке расположенных на книжной полке». Наиболее точной, по нашему мнению, является следующая метафора: «случайным образом подобранная серия незаконченных рукописей»: «the unsystematic stacking of unfinished manuscripts which might have remained buried in various drawers stimulates that unconscious part of the dream work, <...> in

which <...> it impels us to invent as many connections and cross-references as we can think of in an ongoing process [Jameson, 2013, p. 303] («случайным образом подобранная серия незаконченных рукописей, которые могли бы остаться незамеченными; чтение этих рукописей включает воображение читателя, позволяет ему невольно находить в них множество взаимосвязей и делать ряд сопоставлений») (перевод наш. — Г. Л., Т. О.). Нужно отметить, что другие исследователи, как и сами авторы, настаивают на том, что эти произведения являются романами, обладающими общим замыслом, идейной образностью, мотивами и проблематикой: «Барнс создаёт роман из сюжетно самостоятельных глав, связанных общей проблематикой памяти, истории, понимании места человека в мире и повторяющимися образами и мотивами путешествия, моря, корабля, времени, деления на чистых и нечистых [Жосу и др., 2019, с. 124].

3. Функции фрагментарного повествования

Функции фрагментарного повествования разнообразны и определяют каждый конкретным контекстом. К общей и самой главной функции относится организация представления материала, способ подачи информации и, как следствие, управление читательским восприятием, когда внимание акцентируется на определенных моментах, устанавливается иерархия значимости эпизодов, персонажей, событий, авторских комментариев. Перемещение во времени и пространстве, разрыв хронологического и локального единства во многих случаях позволяют автору подняться над действительностью, решать глобальные вопросы бытия, вне зависимости от конкретного времени и места действия.

В произведениях любых жанров, а в детективах, триллерах, приключенческой прозе в особенности, фрагментарное повествование служит динамичности, усилению напряженности, созданию эффекта саспенс. Типичными примерами данной функции фрагментарности могут служить романы С. Кинга, Дж. Сеймура, И. Рэнкина, Дж. Дивера и другие.

Нарушение последовательности повествования часто служит для имитации спонтанности, кажущейся неподготовленности речи автора, фиксации его разрозненных мыслей и чувств, а также как будто необработанной, случайно услышанной речи персонажей. Эта функция фрагментарности в большей степени характерна для спонтанной прозы (рассказы Дж. Оутс, Дж. Макгрегора, романы Дж. Харрис, А. Смит).

4. Заключение

Таким образом, практически во всех случаях в первую очередь нарушается причинная, психологическая и темпоральная связь фрагментов,

однако данный прием не разрушает ткань повествования: «фрагментарная проза демонстрирует, что причинная и темпоральная связь не являются обязательными для истории, так как эти категории во фрагментарной прозе последовательно разрушаются, но история при этом не подвергается разрушению» [Транаруцкая, 2012б, с. 5].

Каким бы ни было фрагментарное повествование, безусловно, для того, чтобы произведение представляло собой завершенное целое, в любом тексте необходимо действие не только центробежных, но и центростремительных сил, то есть необходимо наличие категории связности. По мнению И. Г. Минераловой, «“отрывочность” повествования играет, как это ни парадоксально, и смыслообразующую роль. “Алогизм” повествования переносится и на суть описываемых событий. <...> С другой стороны, “фрагментарность” — своеобразный “портрет истории болезни” героя, героев, теряющего рассудок человечества» [Минералова, 2016, с. 40].

Кроме того, чтобы произведение сложилось, разнородные фрагменты должны быть мастерски соединены. Здесь представляется уместным привести слова известного японского писателя Харуки Мураками о принципах взаимодействия фрагментарности и связности, которые он использовал в своем творчестве: «... я ввел в повествование множество разрозненных фрагментов — какие-то эпизоды, образы, сцены, фразы — и попытался увязать их в один трехмерный узел. Второй принцип — я пытался выстраивать связи между фрагментами в неконвенциональном логическом пространстве, где не было места литературным клише» [Мураками, 2020, с. 125]. Такими наиболее сильными узлами или скрепами в сколь угодно фрагментарном тексте являются повторы на разных уровнях — лексическом, образном, идейно-тематическом, иногда связующим элементом служит художественная деталь, а также присутствие одного и того же персонажа или наличие какой-либо связи (родственной, дружественной и пр.) между персонажами.

Обзор наиболее ярких произведений современной англоязычной художественной литературы позволяет говорить о возрастающей тенденции к фрагментарности нарратива, которая прослеживается на разных текстовых уровнях и в разных композиционно-речевых формах.

Фрагментарное повествование обеспечивает разнообразные функции, ведущей из которых является воздействие на читателя, управление его вниманием при прочтении текста, расстановка акцентов согласно писательскому замыслу. Важной функцией фрагментарности также можно назвать стремление автора придать повествованию аутентичность и достоверность, поскольку подобный принцип имитирует способ человеческого сознания воспринимать мир: фрагментарно, частично, изнутри; рассмат-

ривать и оценивать отдельные ситуации, не имея возможности обобщать и видеть действительность во всей ее полноте. Процесс соотнесения отдельных частей текста и целого, поиск объединяющих элементов, определение авторских концепций, которые обуславливают различные приемы фрагментирования, — все это позволяет читателю не только глубоко понять смысл произведения, но и в известной мере стать его соавтором.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова Н. А. Полистилистика романа А. С. Байетт «Обладание» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / Н. А. Антонова. — Воронеж, 2008. — 24 с.
2. Анцыферова О. Ю. О нарративе тоталитаризма в творчестве Джулиана Барнса / О. Ю. Анцыферова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2018. — Том 10. — Вып. 1. — С. 69—78. — DOI: 10.17072/2037-6681-2018-1-69-78.
3. Жиличева Г. А. Нарративные стратегии в жанровой структуре романа (на материале русской прозы 1920—1950-х гг.) : монография / Г. А. Жиличева. — Новосибирск : НГПУ, 2013. — 317 с.
4. Жосу З. К. Особенности композиции романа Дж. Барнса «История мира в 10 ½ главах» / З. К. Жосу, Н. А. Шарова // Диалог языков и культур в современном образовательном пространстве : материалы Международной научно-практической конференции. — Воронеж, 2019. — С. 124—128.
5. Зверев А. Послесловие к роману Дж. Барнса «История мира в 10 ½ главах» / А. Зверев // Иностранная литература. — 1994. — № 1. — С. 229—231.
6. Казанская В. Г. Рецепция исторического прошлого в романе Джулиана Барнса «Попугай Флобера» / В. Г. Казанская // Идеи. Поиски. Решения : сборник статей VII Международной научно-практической конференции. — Минск, 2015. — С. 101—105.
7. Кацман Р. Иерусалим : диссипативный роман Дениса Соболева / Р. Кацман // Новое литературное обозрение. — 2017. — № 1 (143). — С. 291—312.
8. Лушникова Г. И. Контаминация жанровых форм в романе Дж. Франзена «Безгрешность» / Г. И. Лушникова, Т. Ю. Осадчая // Филология и человек. — 2020. — № 3. — С. 98—110.
9. Лушникова Г. И. Современная англоязычная литература: традиции и эксперимент : монография / Г. И. Лушникова, Т. Ю. Осадчая. — Москва : ИНФРА-М, 2018. — 170 с.
10. Минералова И. Г. Анализ художественного произведения: стиль и внутренняя форма : учебное пособие / И. Г. Минералова. — Москва : Флинта : Наука, 2016. — 256 с.
11. Мураками Х. Писатель как профессия / Х. Мураками. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.
12. Смирнова Н. Н. О фрагментарности в литературе / Н. Н. Смирнова // Studia Litterarum. — 2021. — Том 6, № 1. — С. 32—51.
13. Тарнаруцкая Е. В. Монтаж и фрагментарная проза: к вопросу о разграничении техник / Е. В. Тарнаруцкая // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2012а. — Том 14, № 2. — С. 230—234.

14. Тарнаруцкая Е. В. Проблема нарративности во фрагментарной прозе (на материале литературы XX века) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.08 / Е. В. Тарнаруцкая. — Самара, 2012б. — 21 с.
15. Тюпа В. И. Очерк современной нарратологии / В. И. Тюпа // Критика и семиотика. — 2002. — № 5. — С. 5—31.
16. Хайнади З. Фрагментарная целостность. Роман «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова / З. Хайнади // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия. 8. Литературоведение. — 2018. — № 1 (17). — С. 5—14.
17. Fokkema D. W. Literary History, Modernism, and Postmodernism / D. W. Fokkema. — Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 1984. — 71 p.
18. Jameson F. The Historical Novel Today, or, Is It Still Possible / F. Jameson // The Antinomies of Realism. — London : Verso, 2013. — P. 259—314.
19. Kelly L. The Ocean, The Harbour, The City: Julian Barnes' A History of the World in 10 ½ Chapters / L. Kelly // Études Britanniques Contemporaines. — 1993. — No. 2. — P. 1—10.

REFERENCES

- Antonova, N. A. (2008). *Polystylistics of the novel by A. S. Bayette "Possession": author's abstract of PhD Diss.* Voronezh. 24 p. (In Russ.).
- Antsyferova, O. Yu. (2018). About the narrative of totalitarianism in the works of Julian Barnes. *Bulletin of Perm University. Russian and foreign philology*, 10/1: 69—78. DOI: 10.17072/2037-6681-2018-1-69-78. (In Russ.).
- Fokkema, D. W. (1984). *Literary History, Modernism, and Postmodernism*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. 71 p.
- Haynadi, Z. (2018). Fragmentary integrity. The novel "A Hero of Our Time" M. Yu. Lermontov. *Bulletin of the Volgograd State University. Series. 8. Literary criticism*, 1 (17): 5—14. (In Russ.).
- Jameson, F. (2013). The Historical Novel Today, or, Is It Still Possible. In: *The Antinomies of Realism*. London: Verso. 259—314.
- Katsman, R. (2017). Jerusalem: a dissipative novel by Denis Sobolev. *New literary review*, 1 (143): 291—312. (In Russ.).
- Kazanskaya, V. G. (2015). Reception of the historical past in the novel by Julian Barnes "Flaubert's Parrot". In: *Ideas. Search. Solutions: a collection of articles of the VII International Scientific and Practical Conference*. Minsk. 101—105. (In Russ.).
- Kelly, L. (1993). The Ocean, The Harbor, The City: Julian Barnes' A History of the World in 10 ½ Chapters. *Études Britanniques Contemporaines*, 2: 1—10.
- Lushnikova, G. I., Osadchaya, T. Yu. (2018). *Modern English-language literature: traditions and experiment*. Moscow: INFRA-M. 170 p. (In Russ.).
- Lushnikova, G. I., Osadchaya, T. Yu. (2020). Contamination of genre forms in the novel by J. Franzen "Sinlessness". *Philology and man*, 3: 98—110. (In Russ.).
- Mineralova, I. G. (2016). *Analysis of a work of art: style and internal form: a tutorial*. Moscow: Flinta: Nauka. 256 p. (In Russ.).
- Murakami, H. (2020). *Writer as a profession*. Moscow: Eksmo. 320 p. (In Russ.).
- Smirnova, N. N. (2021). About fragmentarity in literature. *Studia Litterarum*, 6/1: 32—51. (In Russ.).

- Tarnarutskaya, E. V. (2012a). Editing and fragmentary prose: on the issue of differentiation of techniques. *Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 14/2: 230—234. (In Russ.).
- Tarnarutskaya, E. V. (2012b). *The problem of narrative in fragmentary prose (based on the literature of the twentieth century)*: author's abstract of PhD Diss. Samara. 21 p. (In Russ.).
- Tyupa, V. I. (2002). Essay on modern narratology. *Criticism and semiotics*, 5: 5—31. (In Russ.).
- Zhilicheva, G. A. (2013). *Narrative strategies in the genre structure of the novel (based on the material of Russian prose of the 1920—1950s)*. Novosibirsk: NGPU. 317 p. (In Russ.).
- Zhosu, Z. K., Sharova, N. A. (2019). Features of the composition of J. Barnes's novel "History of the world in 10 ½ chapters". In: *Dialogue of languages and cultures in the modern educational space*: materials of the International Scientific and Practical Conference. Voronezh. 124—128. (In Russ.).
- Zverev, A. (1994). Afterword to the novel by J. Barnes "History of the world in 10 ½ chapters". *Foreign literature*, 1: 229—231. (In Russ.).

Сухих О. С. Мотивы повести А. С. Пушкина «Пиковая дама» в романе А. В. Иванова «Ненастье» / О. С. Сухих, И. С. Юхнова // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 240—250. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-240-250.

Sukhikh, O. S., Yuhnova, I. S. (2021). Motives of Story “Queen of Spades” by Alexander Pushkin in Novel “Bad Weather” by Alexander Ivanov. *Nauchnyi dialog*, 6: 240-250. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-240-250. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-240-250

Мотивы повести

А. С. Пушкина «Пиковая дама» в романе А. В. Иванова «Ненастье»

Сухих Ольга Станиславовна
orcid.org/0000-0002-1670-880X
доктор филологических наук, доцент
ruslitxx@list.ru

Юхнова Ирина Сергеевна
orcid.org/0000-0003-2835-3070
ResearcherID AAD-1355-2020
доктор филологических наук, профессор
yuhnova_nngu@mail.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

Motives of Story “Queen of Spades” by Alexander Pushkin in Novel “Bad Weather” by Alexander Ivanov

Olga S. Sukhikh
orcid.org/0000-0002-1670-880X
Doctor of Philology, Associate Professor
ruslitxx@list.ru

Irina S. Yuhnova
orcid.org/0000-0003-2835-3070
ResearcherID AAD-1355-2020
Doctor of Philology, Professor
yuhnova_nngu@mail.ru

National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

© Сухих О. С., Юхнова И. С., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются повесть А. С. Пушкина «Пиковая дама» и роман А. В. Иванова «Ненастье» с точки зрения литературных взаимосвязей, используется метод интертекстуального анализа. Целью исследования становится выявление параллелей в проблематике, мотивной структуре и системах образов этих произведений. Анализируются взаимосвязи произведения А. Иванова и непосредственно с текстом «Пиковой дамы», и с эпиграфом к ней. Результаты исследования позволяют сделать выводы о том, что пушкинскую повесть и роман А. В. Иванова связывает образ ненастья как фон развития действия. Отмечается, что в обоих произведениях художественно реализована тема смены эпох, причём прошлое осмысливается как время гораздо более яркое и наполненное смыслом, чем настоящее. Исследуемые произведения объединяет также сюжетобразующий мотив игры с судьбой, а он, в свою очередь, связан с темой страсти к деньгам. Кроме того, общность можно отметить в характерах героев и принципах их репрезентации; в определённой мере сходны судьбы и характеры героинь произведений. Сопоставление с пушкинской повестью помогает увидеть в романе А. Иванова «Ненастье» глубокую философскую проблематику.

Ключевые слова:

роман А. Иванова «Ненастье»; интертекстуальность; сопоставление эпох; мотив игры с судьбой.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The novel by A. Pushkin "The Queen of Spades" and the novel by A. V. Ivanov "Bad weather" from the point of view of literary relationships is examined in the article, the method of intertextual analysis is used. The aim of the study is to identify parallels in the problematic, motivational structure and systems of images of these works. The article analyzes the relationship between the work of A. Ivanov and directly with the text of "The Queen of Spades", and with the epigraph to it. The results of the research allow us to conclude that the image of bad weather as a background for the development of action connects the Pushkin story and the novel by A. V. Ivanov. It is noted that in both works the theme of the change of epochs is artistically realized, and the past is interpreted as a time much brighter and more meaningful than the present. The studied works are also united by the plot-forming motive of playing with fate, which, in turn, is associated with the theme of passion for money. In addition, commonality can be noted in the nature of the characters and the principles of their representation; to a certain extent, the fates and nature of women characters of the works are similar. Comparison with Pushkin's story helps to see deep philosophical problems in A. Ivanov's novel "Bad Weather".

Key words:

A. Ivanov's novel "Bad Weather"; intertextuality; comparison of epochs; the motive of the game with fate.

Мотивы повести А. С. Пушкина «Пиковая дама» в романе А. В. Иванова «Ненастье»

© Сухих О. С., Юхнова И. С., 2021

1. Введение

Понимание художественного текста как диалога, восходящее к идеям М. М. Бахтина, Ю. Кристевой, Ю. М. Лотмана и других известнейших исследователей, развивается и по сей день, поскольку в произведении всегда обнаруживаются «прошлые смыслы» [Бахтин, 1979], в свою очередь, обретающие интересные грани в соотношении со смыслами новыми; в тексте проявляется не один субъект высказывания, и с каждым из них соотносится своя художественная система [Фатеева, 2000].

Роман А. Иванова «Ненастье» — это картина постсоветской эпохи, художественно осмысленная автором в разных аспектах. И наиболее глубоко проникнуть в суть этой картины можно при условии понимания филологического вертикального контекста [Ахманова и др., 1977; Гюббенет, 1991] романа, тех литературных взаимосвязей, которые лежат в основе созданного писателем образа времени. Не случайно само слово *текст*, как отмечал Ю. Лотман, имеет «этимологию переплетения» [Лотман, 1998, с. 436]. В свете «переплетения» одного текста с другим всегда можно увидеть его содержание более многомерно.

В романе «Ненастье» есть явные и неявные переключки со многими текстами русской классики, и особую роль, на наш взгляд, играют в этой интертекстуальной картине параллели с повестью А. С. Пушкина «Пиковая дама».

2. Мотив ненастья

Прежде всего, эти произведения объединяет мотив ненастья, именно он «вводит» читателя в текст: в романе А. Иванова мы видим его воплощение и в названии, и в подзаголовке («В каком ненастье ты пропал без вести, солдат?»), а пушкинская повесть начинается с упоминания о ненастье в эпиграфе:

А в ненастные дни
Собирались они
Часто.
Гнули — бог их прости! —

От пятидесяти
На сто.
И выигрывали,
И отписывали
Мелом.
Так в ненастные дни
Занимались они
Делом [Пушкин, 1981, с 207].

Ненастье в этих строках становится *фоном развития и игры, и человеческих страстей*. Так и в произведении А. Иванова ненастье — сквозной мотив, постоянно сопровождающий действие. Это и пространственный образ: события разворачиваются вокруг дачного кооператива Деревня Ненастье, — но это и обобщённый образ жизненных невзгод, и психологическое состояние безысходности. Сюжет романа фактически строится на том, что герой стремится уехать из Ненастья, увезти оттуда любимую женщину и одновременно преодолеть безысходность, поспорить с судьбой.

3. Мотив различия эпох

Пушкинский эпиграф к «Пиковой даме» может быть истолкован с различных точек зрения [Ильин-Томич, 1989], и в контексте сопоставления с романом А. Иванова особенный интерес представляет интерпретация стихотворения-эпиграфа как *ритмической цитаты*. Ритм эпиграфа ассоциируется с ритмом агитационной песни Бестужева и Рылеева «Ах, где те острова...» [Ильин-Томич, 1989, с. 103] или другой их песни — «Ты скажи, говори» [Эйдельман, 1986], которая звучит более радикально:

Ты скажи, говори,
Как в России цари
Правят.
Ты скажи поскорей,
Как в России царей
Давят...

Н. Эйдельман считает, что эта ритмическая цитата работает на *сопоставление эпох*: трудясь над «Пиковой дамой», Пушкин «в ненастные дни» 1833 года вспоминал декабристов, которые прежде тоже «собирались часто» и «занимались делом», за которое пожертвовали всем, но пришли новые «ненастные дни», настали времена других людей, других, уже совсем не романтических интересов и совершенно иных дел [Эйдельман, 1986].

В романе А. Иванова сопоставление разных эпох тоже имеет концептуальное значение и, кроме того, выполняет организующую функцию в сюжетно-композиционном построении. В произведении два основных хронологических плана: 1990-е годы и 2008 год (гораздо меньше романного «пространства» занимает время службы героев в Афганистане, хотя этот период связан с важным сюжетным «узлом»: именно тогда завязались их взаимоотношения). На протяжении каждого временного отрезка развивается свой сюжетный цикл. Первый хронологический период для главного героя Германа Неволлина связан с поражениями и победами, с конфликтами и дружбой, с борьбой за свои права, за «место под солнцем», второй же — с ощущением уже прошедшей жизни, предпрешённости дальнейшего «серого» существования, и герой стремится этот ход событий переломить, совершить поступок, который всё изменит, поможет найти счастье и ему, и, главное, его любимой женщине Танюше Куделиной: «Всё, что могло сбыться, у него уже сбылось, а чему не бывать — тому и не бывать, аминь; но непрошеное равновесие судьбы оказалось невыносимо, и Герман нарушил его, сдвинув на карабине флажок предохранителя» [Иванов, 2015, с. 7].

Пушкин, если принять версию Н. Эйдельмана, начинает эпиграф с противительного союза, чтобы актуализировать *антитезу двух эпох*, причём характеристика первой из них остаётся в подтексте, она создаётся «от обратного» — через противопоставление. Первая эпоха — декабристская — это время ярких, впечатляющих действий, противостояния героев-борцов государственной системе, романтически окрашенной битвы за правду. Вторая — 1830-е годы — это время унылого и давящего «ненастья», без поэтического окрыления и романтизированных надежд, в этот период место возвышенной борьбы за идеалы занимает для многих иное «дело» — стяжательство, обустройство своего «места под солнцем».

А. Иванов проводит сходное сопоставление времён. В его изображении 90-е годы, несмотря на все их эксцессы, несли в себе некое живое начало. В эту эпоху, конечно, были и жестокость, и цинизм (самым ярким примером становится сцена разгона рынка), но были и верность, и самоотверженность, и смелое противостояние властям в борьбе за справедливость, и «афганская идея» Лихолетова, которая тоже по-своему романтизирована (чего стоят, например, непоколебимая уверенность Лихолетова в том, что «афганец афганца не закажет», его упрямое нежелание нанести противнику «упреждающий удар», его слова: «Работаю я за деньги, но если меня посадят или убьют — то за идею» [Иванов, 2015, с. 62]). А 2008 год — время антиромантическое, эпоха торжества тех, кто может переступить любую моральную границу ради выгоды. Новый хозяин города Щebetовский

выигрывает выборы руководителя организации бывших «афганцев», под названием «Коминтерн», потому что одним платит, другим раздаёт квартиры, третьих продвигает по службе, и почти все с этим смиряются и, более того, с готовностью этим пользуются. Именно поэтому эпоха 2000-х годов, когда все что-то покупают и кому-то продаются, представляется Герману временем пустым и бутафорским. Об этом он задумывается, когда приезжает на вокзал и вспоминает, как в 1993 году он с товарищами (по плану Лихолетова, который тот сумел передать из-за решётки) захватывал станцию, чтобы заставить власти выпустить из СИЗО арестованных друзей: «Одноэтажное здание вокзала с арочными окнами сейчас было заново оштукатурено и покрашено в прянично-розовый цвет. А тогда оно было облупленное... Что ж, нынче время такое, пряничное и розовое — и сладко, и вроде даже сытно, но не еда...» [Иванов, 2015, с. 20—21]. Таким образом, как в «Пиковой даме», так и в «Ненастье» выражается авторская *ирония по отношению к наступившей «деловой» эпохе*.

4. Герман и Германин

Если обратиться к литературной ономастике, то имя главного героя «Ненастья» — *Герман*, а также его прозвище *Немец* тоже прочитываются как отсылка к «Пиковой даме». Эти произведения объединяет и принцип *репрезентации характеров* главных героев: каждый из них воспринимается окружающими иллюзорно, но перед читателем раскрывается совершенно иначе. Пушкинского Германина офицеры-игроки считают расчётливым и хладнокровным человеком, они связывают это с его немецким происхождением и объясняют этими чертами его неучастие в игре. Однако за внешним спокойствием скрываются «сильные страсти и огненное воображение» [Пушкин, 1981, с. 215]. Героя романа «Ненастье» окружающие воспринимают как «тихое ничто» [Иванов, 2015, с. 27], на первый взгляд это обыватель, заурядный «маленький человек» конца XX века [Ноговицын, 2015], но в действительности перед нами личность, способная на поступок. Речь идёт даже не о самом по себе ограблении броневика, которое, впрочем, немало удивляет Басунова или Щebetовского, привыкших видеть в Германе лишь «долдона» и исполнителя приказов. Речь — о способности сломать привычный ход жизни и пойти на огромный риск, а также о поэтической мечте подарить «земной рай» любимой женщине.

5. Мотив противостояния человека судьбе

Названные выше сходные черты героев выводят нас на общий для двух произведений *мотив противостояния человека и фатума*. Судьбы обоих персонажей складываются до определённого момента не слишком

удачно, но и не трагически, однако оба не смиряются со спокойной, но «серой» жизнью, бросают вызов сложившимся обстоятельствам. Обоим представляется при этом, что изменить судьбу поможет лишь финансовое благополучие. Правда, герой «Пиковой дамы» действует исключительно из корыстных соображений: он мечтает о богатстве и использует увлечшуюся им Лизу, чтобы завладеть секретом графини и выиграть огромную сумму, в то время как герой романа А. Иванова задумывает ограбление не ради денег как таковых, а ради того, чтобы подарить другую, более светлую жизнь своей Танюше. Таким образом, в первом случае влюблённая женщина превращается в средство, в «инструмент» для решения финансовой задачи, во втором же случае всё наоборот. Тем не менее оба пути ведут к преступлению, к нарушению моральной нормы и, как следствие, к «ненастыю» в душах героев.

6. Мотив страсти к деньгам

В обоих произведениях реализуется *мотив страсти к деньгам*. Германн в повести А. С. Пушкина с самого начала одержим этой страстью, которая съедает его душу и ограничивает интересы: «Постепенно отчуждаясь от живой жизни и погружаясь в стихию страсти, Германн воздвигает между собой и другими людьми некое подобие стены...» [Мартьянова, 2014, с. 55]. Как писал Г. Гуковский, «Пиковая дама» — это повесть о власти денег над личностью [Гуковский, 1957], причём власть эта настолько сильна, что превращается в страшную тёмную силу, — не случайно исследователи, например Ю. Манн, упоминают в связи с «Пиковой дамой» фаустовскую тему [Манн, 1969]. Германн настолько самозабвенно отдаётся своей мечте, что в его образе можно увидеть даже некое поэтически-возвышенное начало, поскольку такая яркая страсть, пусть и к прозаичному предмету, сама по себе уже в определённом смысле романтизирована, как уже отмечалось в критике [Raskolnikoff]. Германн же в романе А. Иванова поддаётся подобной страсти постепенно. И в этом определённую роль сыграло то, что он благодаря случайности завладел гораздо большей суммой, чем рассчитывал. Эта сюжетная деталь вновь вызывает ассоциацию с пушкинским эпиграфом, в котором игроки увеличивают куш «от пятидесяти на сто». В определённый момент у Германа возникает такое чувство, что он, взяв деньги, уже не в силах с ними расстаться, как будто наступил на мину и не может с неё сойти. Когда ему нужно бежать из Ненастыя, он сам себе приводит различные аргументы против этого, не решаясь откровенно признать: по сути, он просто не может оставить без присмотра огромную сумму денег.

7. Мотив «неведомой силы», движущей героем

В пушкинской повести Германн идёт по Петербургу, думая о рассказанной Томским истории и о перспективе выигрыша, и мистическим образом оказывается около дома графини, а потом то же самое происходит снова. В романе А. Иванова Герман несколько раз собирается уехать из Ненастья и вновь возвращается туда, как будто не в силах разорвать какую-то мистическую связь. Можно, конечно, объяснить случайностью путь пушкинского героя, а привязанность ивановского Германа к Ненастью истолковать как банальную жадность, но в обоих случаях за этими поверхностными объяснениями стоит нечто более глубокое и иррациональное. В повести А. С. Пушкина мы читаем: «Германн затрепетал <...> Он стал ходить около дома, думая об его хозяйке и о чудной её способности <...> пошёл опять бродить по городу и опять очутился перед домом графини***. Неведомая сила, казалось, привлекала его к нему» [Пушкин, 1981, с. 216]. В романе А. Иванова тоже героем управляет подобная неведомая сила: «Да уж, Ненастье... То ли здесь погибель души, а то ли белый свет без Ненастья — как храм без креста» [Иванов, 2015, с. 139]; «...он не может уйти из Ненастья. Ну никак, хоть ты сдохни. Из него словно душу высасывает. Что его тянет обратно? Страх за мешки с наличкой? Любовь к Танюше? Память о прожитых в Багуеве годах? Да не важно. Просто он не может уйти» [Иванов, 2015, с. 230]. Оба писателя раскрывают в своих произведениях сходные мотивы, показывая влияние страстей на душу и разум человека, акцентируя внимание на роли *иррационального начала* в объяснении ключевых для сюжетного развития поступков героев.

8. Характеры и судьбы героинь

Если параллели в изображении главных персонажей повести А. С. Пушкина и романа А. В. Иванова достаточно чётко просматриваются, то и в *женских образах* можно отметить определённое сходство: перед нами фигуры своего рода бедных родственниц. Лиза в «Пиковой даме» живёт и воспитывается в доме графини «из милости» и вынуждена терпеть её придирки, пренебрежительные взгляды завсегдатаев светских гостиных; Танюша в «Ненастье» — нелюбимый ребёнок, презираемый родными. Лизе единственным выходом из унижительного положения видится замужество, и она всей душой стремится к этому шагу; Танюша названа в романе А. Иванова «Вечной Невестой», она тоже как будто ждёт выхода в какую-то иную жизнь.

Однако в пушкинской повести образ Лизаветы Ивановны постепенно снижается, лишается «однозначности, оказываясь двойственным и даже двусмысленным» [Красухин, 1997, с. 65]. Если вначале Пушкин акцен-

тирует «сентиментально-элегическую настроенность героини, ее жажду идиллического любовного общения» [Болотникова, 2016, с. 10], возвышающую её в глазах читателя, особенно на фоне цинизма её избранника, то финал откровенно ироничен по отношению к героине: судьба её складывается благополучно и обыкновенно, и она воспитывает в своём доме бедную родственницу — эта деталь ставит Лизавету Ивановну в один ряд с графиней, которая в молодости была способна на страсти и авантюры, а впоследствии превратилась в сварливую старуху. В романе же А. Иванова эволюция образа героини совершенно иная. Сначала в её жизни всё тоскливо-обыкновенно, «бесцветно», а к финалу любовь делает её способной на яркий поступок: она спасает Германа, вступая в схватку с сильным и жестоким противником. Она преодолевает «ненастье» в своей душе, в своей судьбе, и в её жизни появляется смысл, именно поэтому, как пишет в своей статье «Выход из ненастья» А. Жучкова [Жучкова, 2017], неудачное преступление Германа превращается в экзистенциальную победу.

9. Заключение

Таким образом, пушкинское слово органично входит в систему художественных средств писателя начала XXI века: в романе А. В. Иванова «Ненастье» просматриваются отчётливые параллели с повестью А. С. Пушкина «Пиковая дама» в мотивной структуре, проблематике, системе образов. Мотив ненастья, который является фоновым в обоих произведениях, помогает ввести читателя в обстановку действия. Значительную роль играет в произведениях и А. С. Пушкина, и А. В. Иванова мотив сопоставления двух времён: романтизированного и антиромантического. Он даёт читателю возможность осмыслить ироническое отношение авторов к «деловой» эпохе, с её давящей обстановкой. Не случайна перекличка имён героев: Германа и Германна — это связано и с принципом репрезентации их характеров, и с тем, что оба пытаются противостоять судьбе, вступить в опасную игру с ней. Объединяет героев и ощущение мистической, неведомой силы, влияющей на них, в их поступках просматривается нечто иррациональное. Кроме того, сопоставление образов этих персонажей выводит читателя на мысль о том, какую власть могут иметь деньги над человеком. Образы героинь — «бедных родственниц» — также во многом сходны, что оттеняет различие их эволюции в произведениях.

Взгляд на роман, написанный в XXI веке, через призму интертекстуальности может помочь открыть в нём глубокие пласты содержания, которые связаны с вечными вопросами смысла жизни, власти страстей, добра и зла. А это делает произведение не просто криминальным романом и не только картиной смены эпох, но и философской историей о человеке и судьбе.

Источники и принятые сокращения

1. *Иванов А. Ненастье* / А. Иванов. — Москва : АСТ, 2015. — 640 с.
2. *Пушкин А. С. Пиковая дама* / А. С. Пушкин // Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 томах : том 5. — Москва : Правда, 1981. — С. 207—231.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахманова О. С.* «Вертикальный контекст» как филологическая проблема / О. С. Ахманова, И. В. Гюббенет // Вопросы языкознания. — 1977. — № 3. — С. 47—54.
2. *Бахтин М. М.* К методологии гуманитарных наук / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров — Москва : Искусство, 1979. — С. 361—373.
3. *Болотникова О. Н.* «Дева у окна» и «стук у врат» : семантика мотивов окна и двери в русской литературе 1800—1830-х гг. / О. Н. Болотникова // Вестник Томского государственного университета. — 2016. — № 405. — С. 5—15.
4. *Гуковский Г. А.* Пушкин и проблемы реалистического стиля / Г. А. Гуковский. — Москва : ГИХЛ, 1957. — 416 с.
5. *Гюббенет И. В.* Основы филологической интерпретации художественного текста / И. В. Гюббенет. — Москва : Изд-во МГУ, 1991. — 205 с.
6. *Жучкова А.* Выход из ненастья / А. Жучкова // Вопросы литературы. — 2017. — № 2. — С. 83—95.
7. *Ильин-Томич А. А.* «Пиковая дама означает...» / А. А. Ильин-Томич // «Столетия не сотрут...» : русские классики и их читатели / сост. А. А. Ильин-Томич. — Москва : Книга, 1989. — С. 85—160. — ISBN: 5-212-00025-4
8. *Красухин Г. В.* Пушкин—Болдино, 1833 : новое прочтение : Медный всадник, Пиковая дама, Анджело, Осень / Г. В. Красухин. — Москва : Флинта, 1997. — 192 с.
9. *Лотман Ю. М.* Текст в тексте / Ю. М. Лотман // Об искусстве / Сост. М. Ю. Лотман. — Санкт-Петербург : Искусство, 1998. — С. 423—436.
10. *Манн Ю.* Русская философская эстетика / Ю. Манн. — Москва : Искусство, 1969. — 304 с.
11. *Мартьянова С. А.* Образ Германна в повести А. С. Пушкина «Пиковая дама» : национальное и общечеловеческое / С. А. Мартьянова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2014. — № 2 (2). — С. 53—57.
12. *Ноговицын Г.* Несчастное «Ненастье» Алексея Иванова [Электронный ресурс] / Г. Ноговицын // «Звезда» : Интернет-журнал. — 10.05.2015. — Режим доступа : <http://zvzda.ru/articles/730f0d5ac765> (дата обращения : 11.12.2017).
13. *Фатеева Н. А.* Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. — Москва : Агар, 2000. — 280 с.
14. *Эйдельман Н. Я.* Две тетради : (заметки пушкиниста) / Н. Я. Эйдельман // Пути в незнаемое : писатели рассказывают о науке : сб. 20 / Сост. Б. Г. Володин. — Москва : Советский писатель, 1986. — С. 284—316.
15. *Raskolnikoff F.* Иррациональное в Пиковой даме / F. Raskolnikoff // Revue des études slaves. — 1987. — Т. 59. — Fascicule 1—2. — P. 247—261.

MATERIAL RESOURCES

- Ivanov, A. (2015). *Bad weather*. Moscow: AST. 640 p. (In Russ.).
Pushkin, A. S. (1981). The Queen of Spades. *Pushkin A. S. Sobr. cit.: in 10 volumes*. (5). Moscow: Pravda, 207—231. (In Russ.).

REFERENCES

- Akhmanova, O. S., Gyubbenet, I. V. (1977). «Vertical context» as a philological problem. *Questions of linguistics*, 3: 47—54. (In Russ.).
Bakhtin, M. M. (1979). To the methodology of the humanities. In: S. G. Bocharov (ed.). *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow: Art. 361—373. (In Russ.).
Bolotnikova, O. N. (2016). «The Virgin at the Window» and «Knock at the Gates»: Semantics of Window and Door Motifs in Russian Literature in the 1800s—1830s. *Bulletin of the Tomsk State University*, 405: 5—15. (In Russ.).
Eidelman, N. Ya. (1986). Two notebooks: (notes of a Pushkinist). In: B. G. Volodin (ed.). *Paths to the unknown: writers talk about science: sat. 20*. Moscow: Soviet writer. 284—316. (In Russ.).
Fateeva, N. A. (2000). *Counterpoint of intertextuality, or Intertext in the world of texts*. Moscow: Agar. 280 p. (In Russ.).
Gukovsky, G. A. (1957). *Pushkin and the problems of realistic style*. Moscow: GIHL. 416 p. (In Russ.).
Gyubbenet, I. V. (1991). *Fundamentals of philological interpretation of literary text*. Moscow: Moscow State University Publishing House. 205 p. (In Russ.).
Ilyin-Tomich, A. A. (1989). «The Queen of Spades means...». In: A. A. Ilyin-Tomich (ed.). *«Centuries will not erase...»: russian classics and their readers*. Moscow: Kniga. 85—160. ISBN: 5-212-00025-4 (In Russ.).
Krasukhin, G. V. (1997). *Pushkin—Boldino, 1833: new reading: The Bronze Horseman, The Queen of Spades, Angelo, Autumn*. Moscow: Flinta. 192 p. (In Russ.).
Lotman, Yu. M. (1998). Text in the text. In: Yu. M. Lotman (ed.). *About art*. St. Petersburg: Art. 423—436. (In Russ.).
Mann, Y. (1969). *Russian philosophical aesthetics*. Moscow: Art. 304 p. (In Russ.).
Martyanova, S. A. (2014). The image of Hermann in the story of A. S. Pushkin «The Queen of Spades»: national and universal. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University N. I. Lobachevsky*, 2 (2): 53—57. (In Russ.).
Nogovitsyn, G. (2015). Unhappy «Bad weather» Alexey Ivanov. *«Star»: Internet magazine*. Available at: <http://zvzda.ru/articles/730f0d5ac765> (date accessed: 11.12.2017).
Raskolnikoff F. (1987). Irrational in the Queen of Spades. *Revue des études slaves*, 59(1—2): 247—261. (In Russ.).
Zhuchkova, A. (2017). Exit from bad weather. *Questions of literature*, 2: 83—95. (In Russ.).

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Толкачева С. В. Символика времени в русском свадебном фольклоре Удмуртии / С. В. Толкачева // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 251—266. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-251-266.

Tolkacheva, S. V. (2021). Symbols of Time in Russian Wedding Folklore of Udmurtia. *Nauchnyi dialog*, 6: 251-266. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-251-266. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-251-266

Символика времени в русском свадебном фольклоре Удмуртии

Толкачева Светлана Викторовна
orcid.org/0000-0002-9362-3017
кандидат филологических наук
старший научный сотрудник
отдела филологических исследований
svetlana-tolk@mail.ru

Удмуртский институт
истории, языка и литературы
Удмуртского федерального
исследовательского центра
Уральского отделения
Российской академии наук
(Ижевск, Россия)

Symbols of Time in Russian Wedding Folklore of Udmurtia

Svetlana V. Tolkacheva
orcid.org/0000-0002-9362-3017
PhD in Philology
Senior Researcher
Department of Philological Research
svetlana-tolk@mail.ru

Udmurt Institute
of History, Language and Literature
of the Udmurt Federal Research Center
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Izhevsk, Russia)

© Толкачева С. В., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена исследованию системы художественных образов русского свадебного фольклора современной Удмуртской Республики. Актуальность работы обусловлена тем, что временные процессы собственно свадебного ритуала, а также семейно-родовые и природные ритмы впервые рассмотрены на примере свадебного фольклора, бытующего на территории современной республики. Особое внимание уделено образам небесных светил, царства растений, зоо- и орнитоморфным образам, символике звуковых сигналов. Продемонстрировано, что центральным художественным образом, связанным с показом времени, является солнце. В результате анализа установлено, что семантически образы вечерней зари, утренней зари и ночи обладают значительным сходством. Рассмотрен вопрос о возможном делении ночи на два временных периода — *тёмную*, не соответствующую свадебной ситуации, и *светлую*, упорядочивающую течение ритуального времени. Показано, что образ ночи является символом первого супружеского общения. Установлено, что упоминание в песнях трубы и колокола подчёркивает сакральный статус свадебного обряда. Отмечено, что в свадебных песнях символика звучания колокола и трубы смыкается с символикой солнца. Выявлено, что в описании временных процессов могут присутствовать категории нравственности.

Ключевые слова:

русский свадебный фольклор; Удмуртия; заря; ночь; солнце; временные процессы; колокол; труба.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the study of the system of artistic images of Russian wedding folklore of the modern Udmurt Republic. The relevance of the work is due to the fact that the temporal processes of the wedding ritual itself, as well as family-clan and natural rhythms are first considered on the example of wedding folklore that exists in the territory of the modern republic. Particular attention is paid to the images of heavenly bodies, the kingdom of plants, zoo- and ornithomorphic images, the symbolism of sound signals. The sun is shown to be the central artistic image associated with the display of time. As a result of the analysis, it was found that semantically, the images of evening dawn, morning dawn and night have significant similarities. The question of the possible division of the night into two time periods is considered — a *dark* one, which does not correspond to a wedding situation, and a *light* one, which regulates the course of ritual time. It is shown that the image of the night is a symbol of the first conjugal intercourse. It has been established that the mention of the trumpet and the bell in the songs emphasizes the sacred status of the wedding ceremony. It is noted that in wedding songs, the symbolism of the sound of the bell and trumpet merges with the symbolism of the sun. It was revealed that in the description of emporal processes there may be categories of morality.

Key words:

Russian wedding folklore; Udmurtia; dawn; night; the sun; temporary processes; bell; trumpet.

Символика времени в русском свадебном фольклоре Удмуртии

© Толкачева С. В., 2021

1. Введение

«Обрядовое время, один из главных параметров свадебного обряда, задается одновременно жизненным ритмом (семейно-родовым циклом, основанным на смене поколений...) и ритмом природным (сезонно-годовым циклом...). Кроме того, свадебный обряд как ритуальный процесс обладает и своим собственным временным измерением, обусловленным продолжительностью и синтагматическим структурным членением обряда... Свадебный обряд разрывает обычное течение времени, заменяя обыденное время сакральным» [Гура, 2012, с. 574—575].

Точно обозначенная корифеем российской этнолингвистики А. В. Гурой специфика отображения временных процессов в восточнославянском свадебном ритуале непосредственно проявляется в русском свадебном фольклоре Удмуртии. В текстах традиционной свадьбы течение времени обозначается на самых разнообразных уровнях. В песнях и причитаниях широко распространены указания на календарные циклы — годовые, недельные, суточные, а также упоминания о начале событий и их возможном завершении. В приговорках дружки акцентируется сиюминутное время проводимого в данный момент ритуала. Основные персонажи свадебного обряда — невеста, её отец, поезжане (называемые в песнях также и *боярами*), жених — являются и главными героями свадебного фольклора, в котором используется символика, связанная со временем.

Настоящая статья посвящена исследованию системы художественных образов русского свадебного фольклора Удмуртии, в которой задействуются временные процессы собственно свадебного ритуала, а также жизненные («семейно-родовые») и природные («сезонно-годовые») ритмы (термины А. В. Гуры). В статье сделан акцент на образах небесных светил, царства растений, зоо- и орнитоморфных образах, на символике звуковых сигналов.

2. Небесные светила: солнце, месяц, звёзды

В русском свадебном фольклоре Удмуртии временные акты всегда связываются с определенными художественными образами. Среди них наиболее часто используется образ солнца. В свадебных песнях и причитаниях

солнце выступает и как небесное светило, и как синонимом света, маркируя «светлое» время суток. Солнце является аллегорией Божественного начала, первичного по отношению ко всему существующему, оно движется само и дает импульс ко всеобщему движению. Оно — источник роста и расцвета людей, растений.

В некоторых свадебных песнях в композиционном плане упоминание солнца является как бы отправной точкой для развития сюжета, после чего уже могут сопоставляться, иногда в оппозиции друг к другу, другие времена суток, например, утро и вечер.

Коррелируют с солнцем образы месяца, звёзд. Однозначные параллели между образами солнца, месяца и звёзд и персонажами свадебного обряда не прослеживаются. И солнце, и месяц, и звёзды могут быть эпитетами и невесты, и жениха, а также перечисляться в описании одного персонажа / события. Например, *звездыня* — жених, *звёздочка* — и жених, и невеста (все тексты свадебного фольклора в статье приводятся в сокращении):

*Перекатна-то солнышко,
Перехожой светёл мисец.
Перелётная звёздочка,
Переезжа наша гостыюшка,
Наша гостыюшка Аннушка,
Наша гостыя Ивановна ...* (Гордина) [Архив УдмФИЦ УрО РАН, д. 485].

*Месяц по небу, да, царь — по городу...
<...> Что у месяца да, у пресветлова,
Одна звездыня да само яркия.
У царя в полку да человека нет,
Он уехал жа во иной город,
Он засватал же сибе девицу...* [Болдырева и др., 2018, с. 257—258].

Зачастую упоминание о наличии солнца или о его отсутствии определяет эмоциональный настрой фрагмента песни или причитания. Присутствие солнца предвещает добрые события, его отсутствие может знаменовать начало трудностей. Сходную семантику имеет образ месяца:

*На дворе-то было тихой да,
Не ветру было, не вихорю да,
Не частова-мелкова дожжычка да,
Не яснава-краснова солнышка да.
Не гостит гостыя езжалая да,
Свет и Анна-та Ивановна да
Собирается под злат венец.*

<...> Она прощаца с отцом-матерью да,
<...> — Ой ты, мамонька родимая,
Не одну ли дочь в изгон дала?
Не одну ле избидела?... [Болдырева и др., 2018, с. 208—209].

3.1. Время недельное, суточное. Заря

В многочисленной группе свадебных текстов употребляется терминология недельного и суточного цикла. В них может обозначаться, в частности, день недели (среда, пятница), время суток (утро, вечер, день, ночь, заря), использоваться понятие «рано» или «поздно», констатироваться текущий момент ритуала (например, *сегодня, в один день угадали*).

Упоминание дней недели в свадебном фольклоре — достаточно редкое явление. Например, в песне «Возносиял миня сударь батюшко», записанной в селе Сергино Базезинского района Удмуртской Республики, указываются *злочасные середа* и *пятница* как дни рождения героини песни:

Возносиял миня сударь ба(аа^аа^а)тюшко.
По(о)роди(и)ла миня родная ма(а^ааа)тушка.
Во(о) злоча(а)сной день да во се(э^еэ^е)реду.
[Да во в] середу, всё во в ня(эаэ)тницу [Толкачева, 2013, с. 50].

Свойство сиюминутной констатации обрядового времени присуще приговоркам дружки:

<...> — Здоровы, сват и сватья!
Сегодня ли у вас свадьба?
Сколько думали и мечтали —
В один день свадьбу угадали... [Татаринцев, 1991, с. 51].

Понятие «рано» используется в свадебном фольклоре в двух смысловых значениях — утреннего времени и временного периода жизни девушки-невесты. Например, в песне «Ты, ребина ле, ребнушка» у невесты спрашивается, зачем она пошла *в замуж «рано»*:

— Ты, ребина ле, ребинушка,
Тонка-долга-жаровая.
Ты когда, рябина, выросла да?
Ты когда, рябина, выцвела?
— Я-де выросла при дождике,
Я-де выцвела при солнышке.
— Ты, Наталья ле, Натальюшка,
Ты зачем рано в замуж пошла? [Стародубцева, 1999, с. 60—61].

Чаше понятие «рано» соответствует утренней заре, а «поздно» — вечерней заре (см. также текст песни «Што вечор перепёлка» в данной статье):

Ой, не роскачай звонки колоколы.

Ой, не роздувай, холодён ветерок.

Ой, не розбуди у Ивана жену, у Ивановича.

Ой, вчера поздно во пиру была.

Поутру рано сына родила... [Болдырева и др., 2018, с. 239].

Упоминание времени суток в некоторых фольклорных текстах непосредственно отражает время проведения описываемой обрядовой ситуации. В большинстве же текстов обозначения времени суток не связаны с суточным ритмом реальных событий. Отсылка к утреннему и вечернему времени семантически связывается с «переходным» временем жизненного цикла человека — с его молодостью и, соответственно, с готовностью вступления в супружеские отношения. Согласно исследованию Т. Н. Бунчук, «народные представления о времени, то есть человеческой или животной зрелости, связаны с репродуктивным периодом, возможностью и готовностью иметь потомство» [Бунчук, 2017, с. 25]:

На дворе, дворе вечеряется,

Да красно солнышко закатается <...>

Да добрые молодцы коней поят, <...>

Да красные девушки воду носят... [Шуклина, 2012, с. 31].

В ряде песен вечер и утро противопоставляются, создавая дуальные оппозиции, что подчёркивает основные драматургические линии свадебного обряда — изменение статуса невесты и её переезд в дом жениха. При описании в одном тексте и вечерней, и утренней зари сначала указывается местоположение девушки / невесты на вечерней заре, а затем произошедшие пространственные и социальные изменения на утренней заре. Эти пространственные и социальные «модуляции» обусловлены целью свадебного обряда. Вечером девушка / *гостюшка* прощается с родными, с *батюшкой*, собирается в путь, а утром она оказывается или на *чужой стороне*, или с *чужими людьми*. Н. В. Кургузова доказывает, что «вечер в свадебной лирике осознаётся как граница земной жизни невесты, жизни в своем доме...» [Кургузова, 2007, с. 84]:

Перекатна-то солнышко <...>

<...> в вечеру она у батюшка в гостях.

С-по утру-ту ранёшенько,

С-по утру на чужой стороне.

Учужова чуженина... (Гордина) [Архив УдмФИЦ УрО РАН, д. 485].

3.2. Время суток. Обед. Ночь

В песне «А то не сизая павушка», текст которой приводится в статье далее, упоминаются такие временные категории, как *век*, *ноченька*, *обед*. Реальное время суток из них могут обозначать *ночь* и *обед*. Причём обеденное время по семантике сходно с утренней зарёй. В песне описывается, что с *обеда*, после того, как дочь ночует у отца одну ночь, за ней приезжают *боаре*.

В некоторых песнях описывается только одно время суток, но диспозиция может чётко прочерчиваться и как бы «внутри» него. Например, *тёмной* ночи противопоставляется ночь *светлая*, *мисяшная* (то есть на небе присутствует месяц). В песне «На угоре стоит ёлочка», композиционно выстроенной по принципу повторения одной ситуации со сменой набора персонажей в каждом эпизоде, используется образ ночи. В тех варьированных повторениях рефрена, которые не соответствуют ситуациям свадьбы и воссоединения молодых людей, ночи обозначаются как *тёмные*. В последнем проведении рефрена, где описано присутствие рядом с девушкой молодого человека, ночи называются *светлыми*, *мисяшными*:

*На угоре стоит ёлочка да,
Всё под ёлочкой — светёлышко(э).
Во светёле красна девица сидит да,
Она мылася, белилося да,
Цветное платье снаряжалоса да.
Всё пришёл свекорушко.
Всё зовёт, зовёт-де Марьюшку домой да.
— Не пойду я, не послушаю тебя(э).
Ночи тёмные, осенниё(э).
Грязи чёрные, загусливые(э), ой.
Реки быстры, переходу на них нет(э)...
<...> На угоре стоит ёлочка да,
Под горой стоит светёлочка.
Во светёле красна девица сидит да,
<...> Всё пришёл жо к ей Алёшинька.
Он зовёт, зовёт, зовёт иё домой.
— Всё пойду я, и послушаю тибя.
Ночи светлые, ночи мисяшныё да,
Грязи чисты...
Реки тихи, переходу на их есть.*

(Елисеева, Гудочкина, Скурихина, Снигирева)
[Архив УдмФИЦ УрО РАН, д. 485].

В данной песне обращает на себя внимание параллелизм между образом ночи, ландшафтными образами «грязь», «реки» и образом осени как элементом календарного природного цикла. Образ осени в песне «На угоре стоит ёлочка» является символом «переходного» времени года, что созвучно цели свадебного обряда. Он передает темноту осенних ночей и указывает на период трансформации растений от плодородия к увяданию.

Таким образом, семантически образы вечерней зари, утренней зари и ночи обладают значительным сходством. Тем не менее среди обозначенных временных промежутков ночь выделяется тем, что может являться символом первого супружеского общения. В песне «На угоре стоит ёлочка» ночь разделяется на *тёмную*, то есть не соответствующую требуемой ситуации, и *светлую*, упорядочивающую течение времени. Сходные выводы сформулированы Н. В. Кургузовой: «Упоминание ночи в качестве времени сватовства соответствуют восприятию заключения брака участниками обряда как тайного дела...» [Кургузова, 2007, с. 82].

4. Время, проявляющееся через образы царства растений.

Образы из мира животных (конь, птицы)

Временные процессы в свадебном фольклоре могут передаваться при помощи образов растительного мира, зоо- и орнитоморфных образов.

Из представителей животного мира наиболее часто привлекаются для указания на течение времени образы птиц и коня. Образы *соловья*, *перепёлки*, *канарейки*, *сокола* / *соколов* символизируют невесту, жениха / поезжан. Обычно задействуются парные образы птиц, например, *соловей* и *канарейка*, *соловеюшко* и *сера утица*. В свадебных песнях щебетание птиц тесно связывается с вечерней зарей и иногда с ночью, они *свистят*, *воспевают*. На утренней заре о щебете птиц уже не упоминается, их *не слышать*.

Ещё один поворот «птичьей» темы может быть связан с тем, что в ряде текстов птицы не только поют, но аллегорически исполняют функции жениха и невесты. Например, к птице, символизирующей невесту, или собственно к невесте, на вечерней заре прилетает *сокол*, то есть жених (или *соколы*, то есть *поезжане*), и *забирает* её:

*Что у нас кинарейка да утром рано песни пела,
А поутру ее рано, не слышать ее стало!
Знать, соколы прилетали да кинарейку с собой взяли <...>
Как у нас млада Татьяна вечером Богу молилась.
Поутру-то ее рано не слышать в дому стало!
Знать, бояре приезжали... [Шуклина, 2012, с. 38—39].*

Таким образом, на примере образов птиц, символизирующих главных персонажей свадебного обряда, прослеживается семантика временных периодов — зари вечерней, зари утренней и ночи. Ночь, даже если она не упоминается и как бы «пропускается» в повествовании, разделяет вечернюю зарю и утреннюю зарю и становится ключевым, поворотным временным интервалом в жизни птиц («Соколу её ручили, / Ясному её на веки...»):

Што вечор перепёлка да поздно в зеленом пела.

Поутру-ту её рано не слышать её стало.

Поутру-ту приезжали, перепёлку с собой взяли.

Соколу её ручили, ясному её на веки...

(Юшкова) [Архив УдмФИЦ УрО РАН, д. 522].

Образ коня отображает обрядовое время в свадебном фольклоре более косвенным образом, чем птицы или растения. «В русском свадебном песенном фольклоре Удмуртии конь выступает символом проводника в “иной” мир, помощником в прохождении как инициационных границ между мирами, так и реальных, “физических” преград» [Стародубцева, 1999, с. 21—22]. Чаше конь упоминается как спутник жениха, *поезжан* / *бояр*, или ассоциируется с молодыми людьми — *молодцами*:

А то не сизая павушка

По сениям новым ходит,

<...> Родна батюшка пробуждает:

— Ох, ты встань да проснись,

Родный батюшка,

Мне не век же у вас вековати,

Одну ноченьку ночевати,

Еще завтра пожить до обеду.

А с обеду наедут бояре

Да с воронами со конями,

Да со красными со санями,

Да со писанными со дугами,

Да увезут, увезут красну девуку... [Шуклина, 2012, с. 32—33].

В песне «Кругом, кругом солнышко обошло» описывается, как параллельно движению солнца происходят свадебные события: *бояре*, которые также объезжают рядом с солнцем, совершают ряд символических действий, обозначающих брачные отношения. Они *ломают у берёзы верх* и *выбрасывают его на большую дороженьку коню под копыта*. Вероятно,

в данной песне, образ коня напрямую соотносится с женихом и первыми супружескими отношениями, а время совершения этого акта семантически приближено к ночи:

*Кругом, кругом солнышко обошло, обошло.
Рядом, рядом бояра объехали, объехали.
У белой берёзонки постояли, постояли.
У белы-кудрявыё верх сломили, верх сломили.
На большу дороженьку выбросили, выбросили.
Коню под копытичко бросили, бросили.
Топчи, топчи, доброй конь, вершину, вершину.
Постой, стой, берёза, без верху, без верху.
Живи, живи, батюшко, без дочери, без дочери...*

[Толкачева, 2013, с. 50—51].

Своеобразная параллель песне «На угоре стоит ёлочка» — песня «Ой, с дубу на дуб». Начинается она с необычного для данной фольклорной традиции образа: *с дубу на дуб пала роса*. Этой пейзажной зарисовкой косвенно указывается на то, что действие происходит на заре (поскольку роса появляется ранним утром). В это время, согласно сюжету, из терема в терем ходят девушки с девицей. К девушке для выбора трижды подводят разных коней — свёкра, свекрови и молодого человека. Персонажи девица и кони становятся героями в ситуации трёх вариантов выбора. Песня завершается после «правильного» для данной обстановки выбора.

В данной песне есть ещё один необычный для местной фольклорной традиции образ. Не девушка выбирает нужного ей коня, то есть коня жениха, а сами кони «выбирают» невесту для своего хозяина. Кони свекрови и свёкра отвергают невесту: *«конь не ступит, не шагнёт, и невесту не везёт!»* Только конь жениха *«и ступит, и шагнёт, и Наталью увезёт!»* В данной песне конь выступает в роли спутника жениха и является собственно символом жениха:

*Ой, с дубу на дуб, с дубу на дуб
Роса пала-перепадывала!
С терему на терем, с терему на терем
Тут и девки шли, да красные шли!
Ой, промеж собой, промеж собой
Красну девицу вели, красну девицу вели!...
Ой, подвели коня, коня свекрова —
Конь не ступит, не шагнет и невесту не везет!*

<...> Ой, подвели коня да свекровкина —
Конь не ступит, не шагнет и невесту не везет!
<...> Ой, подвели коня свет Иванова —
Конь и ступит, и шагнет, и Наталью увезет! [Шуклина, 2012, с. 66].

В песне «Ой, с дубу на дуб» временные процессы представлены в двух аспектах. Во-первых, указывается на время суток — на *росу*, то есть образ, сопутствующий заре. Во-вторых, троекратный повтор ситуации связан с семейно-родовым циклом — с жизненным ритмом. Взаимный выбор девицы и коня трактуется традицией как упорядочивающий течение времени семейно-родового жизненного цикла поступок, приводящий к супружеству.

Временные процессы в свадебном фольклоре ярко проявлены посредством символизации растений. В русском свадебном фольклоре Удмуртии рост, расцвет и увядание, разрушение растительности чаще связаны с образом невесты. Например, в приведённых ранее примерах это можно наблюдать в песнях «На угоре стоит ёлочка», «Кругом, кругом солнышко обошло», в которых под *ёлочкой* и *берёзонькой* подразумевается невеста.

В песне «В огороде стоит маковка» указывается на девичью честь и первые супружеские отношения девушки посредством образа проходящего по огороду *молодца*, по которому *никто не ходил никогда*. В песне «В огороде стоит маковка» *молодец* высказывает своей матери восхищение *маковкой*, то есть невестой, из огорода. Ситуацию первого знакомства *молодца* с девушкой подчёркивают привлечение символики двух цветов — алого и зелёного, указание на собственно временной фактор (*никто никогда*) и процессуальность человеческой жизни через пространственные образы огорода и *маковки* (цветка — символа краткого, яркого периода созревания и готовности к супружеству):

*В огороде стоит маковка,
Что алым она алёшенька <...>
Зеленым-зеленёшенька, <...>
Тут никто не ходил никогда...* [Болдырева и др., 2018, с. 204].

В свадебных песнях символические образы растений применяются также для характеристики жениха. В тех случаях, когда они показывают временные процессы, они сходны с образами, типичными для невесты. Например, в свадебной песне «Березничёк невеличёк» из села Сергино Бале-зинского района проводится параллель между березняком, который вырастает при дожде и цветет при солнышке, и юношей:

Березничёк невеличёк, вью, вью, невеличёк.
Когда / когда вырос, когда / когда вырос, вью, вью, когда / когда вырос?

Вырос, вырос при дождычке, вью, вью, при дождычке.

Выцвел, выцвел при солнышке, вью, вью, при солнышке.

Иишо кто жо да у нас холост, вью, вью, у нас холост?

Холост-холост неженатой, вью, вью, неженатой / неженатый.

Сам-од белый-кудреватой, вью, вью, кудреватой...

[Толкачева, 2013, с. 47].

5. Символика звуковых сигналов: колокол и труба

Временные процессы могут подчёркиваться и усиливаться образами, связанными с сакральными звуками. В некоторых свадебных песнях встречается указание на музыкальный инструмент — трубу и на колокол. Так, в песне «Ты, труба ле ты, трубанька» противопоставляется звучание трубы *без времени* и *в пору-время*. Описание звучания трубы *без времени*, хотя и помещено в начало песни, но не имеет значение положительного, «правильного» действия. Олицетворяют восстановление порядка и как бы «запускают» действие сюжета звуки *трубоньки в пору-время неизменное*. Эпитеты *поры-времени* — *не лукавда, не измена* — подчёркивают важность такой категории, как нравственность, то есть необходимого «чистого», «возвышенного» настроя для проведения свадебного ритуала:

Ты, труба е ты, трубанька,

Не труби, труба, безь время.

Воструби-ко порой-времём да.

Порой-время, не изменой да.

Порой-правдой, не лукавдой да.

Подовай-ко голосочик да.

Через темнинькой лесочик да.

Через зеленой садочик да.

Всё невестиному батюшку (Гордина) [Архив УдмФИЦ УрО РАН, д. 485].

В текстах свадебных песен подчёркивается, что как трубы, так и колокола должны использоваться согласно устоявшимся канонам. Только тогда их звучание будет способствовать благоприятному течению событий:

— *Эх, вы, дружки ли, дружиньки,*

Дружки — ясные сокола? <...>

*Вы (й)ударьте во колокола,
Трою-двою во звончетыё.
Не ступайте-ко хробыско <...>
На(а³)перёд идёт дружинька,
А за дружинькой — князь молодой... [Стародубцева, 1999, с. 54—55].*

В свадебном величании крёстного жениха «Не розбушуй, холодён вечер» за мотивом звучания *звонких колоколов* следует мотив посещения молодой женой вечернего пира и беседы, после чего у нее рождается сын. Данная последовательность сюжетных мотивов раскрывает взаимосвязи семантики колокола, вечернего и ночного суточного времени, супружеских отношений:

*Не розбушуй, не розбушуйи
Холодён ветер, холодён вете...
Не роскачай звонки колокола.
Не розбуди молодую жену...
— Там надо будет сказать, чью.
Свет и Валю-душу Олександровну.
Ох, вечер она,
Во пиру была, во беседушке.
Со пиру пришла — сына родила... [Болдырева и др., 2018, с. 241—242].*

Упоминание в песнях трубы и колокола указывает на мощь, драматизм и ритуальный «общественно» важный статус свадебного обряда. В ряде моментов, например, в упорядочивании жизненных процессов, в создании отправных точек для возможности развития сюжета, символика звучания колокола и трубы в свадебных песнях может частично смыкаться с символикой солнца.

Упоминание о звуковых сигналах, и собственно оригинальное звучание труб, колоколов, ружей, шумовых инструментов и некоторые другие специфические звуковые эффекты, подающиеся в определённое ритуальное время, выполняют одну из задач свадьбы — гармонизируют и вписывают в подчинённые общине рамки процесс создания новой семьи [Стародубцева, 1999, с. 23—24]. Исследователь русской свадебной традиции Удмуртии В. Г. Болдырева отмечает, что «узловые, наиболее значимые этапы свадьбы оказываются “покрытыми” своеобразным звуковым полотном, “сотканным” из разных звуков...» [Болдырева и др., 2018, с. 107].

На территории современной Удмуртии с русской традиционной культурой сходное отношение к сакральным звукам колокола и колокольчиков

отмечено у удмуртов, бесермян. Согласно исследованиям И. М. Нуриевой, в удмуртской свадьбе «колокольчики, бубенчики являются необходимым атрибутом свадьбы, во время которой также используются в катартической функции» [Нуриева, 2018, с. 23]. Е. В. Попова отмечает, что у бесермян «среди звуков освоенного пространства особое место занимает колокольный звон, отчасти как звуковой символ села, прихода, имеющий и магические, защитные функции <...> Звон колокола <...> мог “отогнать” духов. Он <...> оповещал о службе, был временным ориентиром...» [Попова, 2017, с. 100].

6. Выводы

Итак, в русском свадебном фольклоре Удмуртии обрядовое время показано несколькими способами — временными символами природными (солярными, календарными) и жизненными (семейно-родовыми), зоо- и орнитоморфными образами, символическими образами мира растений, ритуальными звуковыми сигналами. Центральным художественным образом, связанным с репрезентацией времени, становится солнце. Семантически образ солнца приближается к образам трубы и колокола, которые также подчёркивают сакральный статус свадебного обряда.

Использование образов вечерней и утренней зари маркирует время расставания невесты с родными и отчим домом и её переезда в семью жениха.

Образы вечерней зари и ночи обладают семантическим сходством. При этом образ ночи является символом первых супружеских отношений и может делиться на два периода — *тёмную*, соответствующую времени выбора, и *светлую*, время, когда должны взаимоотношения с супругом уже установились.

В ряде песен («На угоре стоит ёлочка», «Ой, с дубу на дуб») категория времени проявляется в описании повторяющихся процессов с меняющимися персонажами и «декорациями». При повторении рефренов могут варьироваться суточное время, сезоны года, природные стихии, элементы ландшафта. В подобных свадебных песнях, а также в песнях, в которых упоминаются звуковые сигналы колокола и трубы («Эх, вы, дружки ли, дружиньки», «Ты, труба е ты, трубанька»), описание временных процессов дополняется актуализацией категории нравственности.

Информанты

Гордина — Гордина Акусья Алексеевна, 1912 г. р., дер. Гаревская Базезинского района Удмуртской Республики.

Гудочкина — Гудочкина Пасковья Калиновна, 1932 г. р., дер. Самки Глазовского района Удмуртской Республики, уроженка дер. Камень.

Елисеева — Елисеева Матрёна Андреевна, 1927 г. р., дер. Самки Глазовского района Удмуртской Республики.

Снигирева — Снигирева Аграфена Андреевна, 1935 г. р., дер. Самки Глазовского района Удмуртской Республики.

Скурихина — Скурихина Мария Мартимьяновна, 1938 г. р., дер. Самки Глазовского района Удмуртской Республики, уроженка дер. Камень.

Юшкова — Юшкова Галина Егоровна, 1924 г. р., дер. Ендовка Каракулинского района Удмуртской Республики, уроженка дер. Котово.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив УдмФИЦ УрО РАН — *Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук* (Ижевск, Россия). Д. 485, 522.

2. Болдырева В. Г. Русская свадьба Среднего Прикамья / В. Г. Болдырева, С. В. Толкачева. — Ижевск : Шелест, 2018. — 302 с.

3. Бунчук Т. Н. Народное мировидение в диалектной семантике общерусского слова время / Т. Н. Бунчук // Научный диалог. — 2017. — № 8. — С. 21—32. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-8-21-32.

4. Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре : семантика и символика / А. В. Гура. — Москва : Индрик, 2012. — 936 с.

5. Кургузова Н. В. Вечерняя заря в русских свадебных песнях и причитаниях / Н. В. Кургузова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Аспирантские тетради. — 2007. — № 10 (31). — С. 82—85.

6. Нуриева И. М. Музыкальный язык удмуртского ритуала : Время. Пространство. Текст / И. М. Нуриева. — Ижевск : АлкиД, 2018. — 157 с.

7. Попова Е. В. Тишина и звук в традиционной картине мира бесермян / Е. В. Попова // Вестник Удмуртского университета. — 2017. — Т. 27. — № 1. — С. 98—103.

8. Татаринцев А. Г. Русский фольклор Удмуртии / А. Г. Татаринцев. — Ижевск : Удмуртия, 1990. — 368 с.

9. Стародубцева С. В. Ох, распечальное моё сердечко (песни из репертуара Н. Е. Власовой) / С. В. Стародубцева. — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1999. — Вып. 1. — 226 с.

10. Толкачева С. В. Русский музыкальный свадебный фольклор Удмуртии : учебно-методическое пособие / С. В. Толкачева. — Ижевск : Удмуртский университет, 2013. — 60 с.

11. Шуклина Т. А. Свадьба / Т. А. Шуклина. — Глазов : ГТПИ, 2012. — 96 с.

REFERENCES

Archive of UdmFIC UB RAS — *Scientific-Sectoral Archive of the Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences* (Izhevsk, Russia). D. 485, 522. (In Russ.).

Boldyreva, V. G., Tolkacheva, S. V. (2018). *Russian wedding of the Middle Kama region*. Izhevsk: Shelest. 302 p. (In Russ.).

Bunchuk, T. N. (2017). Traditional World-View in Dialect Semantics of Russian Word 'vremya' [time]. *Nauchnyi dialog*, 8: 21—32. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-8-21-32. (In Russ.).

- Gura, A. V. (2012). *Marriage and wedding in Slavic folk culture: semantics and symbolism*. Moskva: Indrik. 936 p. (In Russ.).
- Kurguzova, N. V. (2007). Evening dawn in Russian wedding songs and laments. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 10 (31): 82—85. (In Russ.).
- Nurieva, I. M. (2018). *Musical language of the Udmurt ritual: Time. Space. Text*. Izhevsk: AlkiD. 157 p. (In Russ.).
- Popova, E. V. (2017). Silence and sound in the traditional worldview of the besermyan. *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*, 27 (1): 98—103. (In Russ.).
- Shuklina, T. A. (2012). *Wedding*. Glazov: GGPI. 96 p. (In Russ.).
- Starodubtseva, S. V. (1999). *Oh, my sweet heart (songs from the repertoire of N. E. Vlasova)*. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. 1. 226 p. (In Russ.).
- Tatarintsev, A. G. (1990). *Russian folklore of Udmurtia*. Izhevsk: Udmurtiya. 368 p. (In Russ.).
- Tolkacheva, S. V. (2013). *Russian wedding music and folklore of the Udmurt Republic: textbook*. Izhevsk: Udmurtskiy universitet. 60 p. (In Russ.).

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Ушакова Е. В. Двойничество в романе М. Спарк «Пособники и подстрекатели» / Е. В. Ушакова // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 267—279. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-267-279.

Ushakova, E. V. (2021). Duplicity in Novel by M. Spark “Aiding and Abetting”. *Nauchnyi dialog*, 6: 267-279. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-267-279. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-267-279

Двойничество в романе М. Спарк «Пособники и подстрекатели»

Ушакова Елена Вячеславовна

orcid.org/0000-0002-7235-3126

кандидат филологических наук, доцент
ushakova@mail.ru

Московский финансово-промышленный
университет «Синергия»
(Москва, Россия)

Duplicity in Novel by M. Spark “Aiding and Abetting”

Elena V. Ushakova

orcid.org/0000-0002-7235-3126

PhD in Philology, Associate Professor
ushakova@mail.ru

Moscow University
for Industry and Finance “Synergy”
(Moscow, Russia)

© Ушакова Е. В., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Выявляется специфика функционирования феномена двойничества в романе английской писательницы М. Спарк «Пособники и подстрекатели» (2000). Научная новизна состоит в том, что данное произведение впервые рассматривается в этом ракурсе. Представлен обзор ряда существующих подходов к феномену двойничества в современном литературоведении. Автор анализирует пары главных героев романа, которые являются двойниками, раскрывающимися в сходных ситуациях, связанными с темами мошенничества, преступления. Показано, что в романе «Пособники и подстрекатели» персонажи выполняют роли как антагонистов, так и карнавальных двойников. Особое внимание уделяется присущему творчеству М. Спарк сочетанию в произведениях сатирической направленности и постмодернистской игры, находящей отражение в смене повествовательной перспективы, многозначности и неопределенности финала. Раскрывается смысл названия произведения в контексте реализации мотива двойничества, выявляются основные нравственные проблемы, поставленные в романе. Автор приходит к выводу, что посредством использования двойников Спарк описывает пороки общества и моральную деградацию человека.

Ключевые слова:

двойничество; М. Спарк; сатира; постмодернизм.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article reveals the specifics of the functioning of the phenomenon of duplicity in the novel by the English writer M. Spark "Aiding and Abetting" (2000). The scientific novelty lies in the fact that this work is viewed from this angle for the first time. An overview of a number of existing approaches to the phenomenon of duality in modern literary criticism is presented. The author analyzes pairs of the main characters of the novel, who are doubles, revealed in similar situations related to the themes of fraud and crime. It is shown that in the novel "Aiding and Abetting" the characters play the roles of both antagonists and carnival counterparts. Particular attention is paid to the combination inherent in M. Spark's work in the works of satirical orientation and postmodern play, which is reflected in the change of the narrative perspective, ambiguity and uncertainty of the finale. The meaning of the title of the work is revealed in the context of the realization of the motive of duality, the main moral problems posed in the novel are revealed. The author comes to the conclusion that through the use of doubles, Spark describes the vices of society and the moral degradation of a person.

Key words:

duplicity; Muriel Spark; satire; postmodernism.

Двойничество в романе М. Спарк «Пособники и подстрекатели»

© Ушакова Е. В., 2021

1. Введение

Концепция двойничества разрабатывалась многими исследователями на протяжении нескольких столетий. Это многоаспектное явление, требующее переосмысления на каждом историческом этапе, так как возможны новые открытия его нюансов, соответствующих той или иной культурной парадигме или же исследовательскому подходу.

О. М. Фрейденберг рассматривает реализацию мотива двойничества в древнегреческих мифах, связывая его с архаическим двоemiрием, принципом бинарности, в частности, проявляющимся в делении на пространство жизни и смерти: «Прохождение героев (в оригинале так. — *E. V.*) фазы смерти и позднейшее отделение этой второй временной функции породило образ двойника, который получил мощный отклик в обряде, сказании и литературе. Сперва герой двоичен; затем его вторая часть, брат или друг, становится самостоятельной» [Фрейденберг, 1997, с. 210] Двойничество в общем смысле представляет собой древний феномен и «находит свое воплощение в конкретных моделях языка культуры от архаического мифа и ритуала до стереотипов современного сознания, которые воплощаются в различных дискурсивных практиках, где бинарная картина мира опосредуется идеологическим, политическим, художественным или иным контекстом» [Агранович и др., 2014, с. 9].

Идеи двойничества и собственно образа двойника активно проявились в романтической литературе: «*doppelganger*» присутствует в произведениях романтиков: Жан-Поля, Э. Т. А. Гофмана, А. Шамиссо, Э. По. Мотив двойничества, связанный с концепцией двоemiрия, подробно анализирует Н. Берковский, отмечая особую функцию двойника, которого он называет «подтекстовым человеком»: «Подтекстовый человек не только просвечивает сквозь человека, каким он дан в тексте, но вылезает наружу и занимает место рядом со своим подлинником, становится тоже действующим лицом и даже состязается с тем и смещает того, кому он вначале был обязан своим существованием» [Берковский, 2001, с. 476]. Часто это второе, темное «я» героя, воплощение скрытой части его сознания, которое начинает вести свою особую жизнь. Так происходит и в романах писателей второй половины XIX века Р. Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и

мистера Хайда», О. Уайльда «Портрет Дориана Грея», Ф. М. Достоевского «Двойник», «Братья Карамазовы» и других.

Важную роль в осмыслении темы двойничества сыграла диалогическая концепция М. М. Бахтина: «It is very significant that Bakhtin's dialogical concept, through the prism of which the scientist analyzed the phenomenon of dualism, had a noticeable influence on subsequent interpretations of the twin myths and was perceived by modern researchers» [The Duality Phenomenon ..., 2019, p. 186] (Весьма показательно, что диалогическая концепция Бахтина, через призму которой ученый анализировал феномен двойничества, оказала заметное влияние на последующие интерпретации близнецных мифов и была воспринята современными исследователями). Исследователь связал появление двойников с природой карнавального смеха, выявил типы пародирующих двойников, которые особенно часто встречаются в произведениях Ф. М. Достоевского [Бахтин, 1986].

Опираясь на концепцию М. Бахтина, С. Агранович и И. Саморукова определяют двойничество в широком смысле как языковую структуру, «в которой образ человека корректируется одним из исторических вариантов бинарной модели мира» [Агранович и др., 2001, с. 4], а также выявляют особенности двойничества как элемента поэтики, представив классификацию типов двойников: антагонисты (их отношения основаны на конкуренции и противоборстве), карнавальные пары (взаимозамещающие и взаимодополняющие друг друга), близнецы (внешне конфликтующие, но конфликт этот мнимый) [Агранович и др., 2001].

Это явление довольно часто обнаруживается не только в современной литературе, но и в кинематографе [Shiloh, 2011], поскольку одним из распространенных сюжетных ходов является раскрытие или обнаружение истинной личности преступника (романы Ч. Паланика «Бойцовский клуб» и его экранизация, художественные фильмы «Помни» (2000), «Идентификация» (2004)).

Во второй половине XX века появляется постмодернистская концепция, которая по-иному раскрывает феномен двойничества, указывая на его ироническую, игровую составляющую как отражение представлений о неопределенности мира и утраты идентичности личностью [Slethaug, 2003]. Постмодернистская трактовка двойничества «подтверждает расщепление знака, расщепление "я" и расщепление текста» [Джумайло, 2010, с. 164]. Однако, подчеркивает В. Г. Новикова, и в литературе периода «расцвета «постмодернистской чувствительности», возведшей децентризм в некий культ, и в настоящее время в литературном процессе обнаруживаются произведения с отчетливо выраженной аксиологической бинарной оппозицией» [Новикова, 2019, с. 166].

Феномен двойничества в литературе рассматривается исследователями достаточно широко: выявляются различные варианты его проявления (раздвоение сознания героя, противопоставление персонажей, обладающих внутренним и / или внешним сходством, множественность личности, смена идентичности, двойная жизнь персонажа и т. д.). Он также связан с категориями маски и зеркала и их представлением в художественном тексте. Как указывает О. Ю. Осьмухина, анализируя осмысление этого явления М. Бахтиным, «феномен зеркала здесь непосредственно связывается с категориями “другого” (выступающего фактически в качестве “я-двойника” и превращающего “других” в объекты собственного видения), “внеаходимости”, “самообъективации”, которые впоследствии станут доминантными в диалогической концепции ученого» [Осьмухина, 2008].

Изучение феномена двойничества является актуальным для современного литературоведения. Возможны разные подходы к определению данного явления: от широкого культурологического до более узкого литературоведческого, основанного на анализе двойничества как элемента поэтики произведения («Двойничество в литературе — это важный элемент поэтики» [Агранович и др., 2001, с. 4]), которым мы будем руководствоваться в нашем исследовании.

Тема двойничества по-разному реализуется в английской литературе XX — начала XXI веков и интерпретируется исследователями: она может быть представлена как ресурс постмодернистской исповедальности [Джумайло, 2010], возврат к классической рациональности, бинарному архетипу [Новикова, 2019] или же «трагедия человека в постмодернистском мире» [Лунина, 2010, с. 885].

Целью данной статьи является рассмотрение особенности функционирования мотива двойничества в одном из последних романов английской писательницы М. Спарк «Пособники и подстрекатели» (Aiding and Abetting, 2000), в чьем творчестве своеобразно переплетены постмодернистская игра и сатирическая направленность. На сатиру как определяющий модус творчества Спарк («satire as her dominant mode» [Gregson, 2005, p. 2]), указывают ряд исследователей: М. В. Шлянникова, И. Грегсон, Д. Милн [Шлянникова, 2005; Gregson, 2005; Miln, 2010]. Однако важно учитывать, что в сатирической прозе могут быть использованы и «постреалистические приемы», к которым С. М. Коновалов относит «эклектичность, интертекстуальность, часто связанную с пародированием, игру с читателем, прием смены рассказчика, прием readymade и др.» [Коновалов, 2020, с. 33].

Феномен двойничества играет важную роль и в сатирической литературе, выполняя особую функцию иронического дублирования. При этом

автор отходит от прямого осуждения, позиция его часто скрыта, а образы двойников, как бы отражаясь друг в друге, помогают раскрыть идею произведения, отразить существующие пороки человека и общества.

2. Герои-двойники в романе М. Спарк «Пособники и подстрекатели»

Можно выделить следующие формы двойничества: основанные на удвоении, дублировании, появлении схожих персонажей, и представляющие раздвоенное сознание, то есть опирающиеся на утрату цельности героем. На наш взгляд, художественное пространство романа «Пособники и подстрекатели» (2000) М. Спарк населяют в основном герои-двойники первого типа. Причем часто создание своего двойника — это инициатива самого персонажа, извлекающего определенную выгоду из такого двойственного положения. На первых же страницах читатель знакомится с психотерапевтом Хильдегард Вольф, использующей необычную методику работы с пациентами: она не выслушивала их, а, наоборот, рассказывала о своей жизни. Так в романе работает прием зеркального отражения: пациент и психотерапевт как бы меняются местами, становятся двойниками друг друга, когда сложно сказать, какую роль играет каждый. Более того, как выясняется, героиня была мошенницей, скрывающей свою истинную личность под новой маской. А известна она была как лжестигматик из Мюнхена Беата Паппенхайм, так как ей удалось ввести многих людей в заблуждение, создавая иллюзию своей святости. Опасаясь разоблачения, героиня была вынуждена создать себе новую личность — доктора Хильдегард Вольф.

Обратимся к именам персонажа: они не случайно выбраны автором. Дело в том, что Берта Паппенгейм была известной пациенткой З. Фрейда, процесс лечения которой как случай Анны О. описан им в работе «Очерках об истерии» (1885). Фамилия, которую она себе берет впоследствии, Вольф, тоже ироническая отсылка к наследию австрийского психоаналитика, поскольку в исследовании «Из истории одного детского невроза» З. Фрейд называет пациента *человек-волк*, анализируя особенности его болезни. Опять возникает мотив зеркального отражения: психотерапевт — пациент, так как имя героини связано именно с историями больных. И парадоксальное поведение ее как врача-психолога, который не слушает истории пациентов, а рассказывает свои, и аллюзия, заключенная в настоящем и вымышленном именах, — все эти игровые детали оказываются связаны с мотивом двойничества.

К доктору Вольф (она же Беата Паппенхайм) на прием приходят два внешне очень похожих пациента, каждый из которых может оказаться лордом Луканом. Так, вымышленная история мошенничества Вольф смыка-

ется с криминальной историей убийства, действительно произошедшего в Англии.

В 1974 году британского лорда Лукана обвинили в убийстве няни его детей и покушении на бывшую жену. Этот сюжет до сих пор продолжает привлекать внимание писателей, поскольку сбежавший подозреваемый так и не найден, не была разгадана тайна его исчезновения. В произведениях, опубликованных уже после выхода в свет романа М. Спарк, — романах Х. Роуз «Человек-бабочка» (*The Butterfly Man*, 2005), Ф. Берри «Двойная жизнь» (*A Double Life*, 2018) — художественно переосмысливается одно из самых известных преступлений XX века. У каждого из авторов возникает своя версия произошедшего.

М. Спарк показывает Лукана как жестокого и хладнокровного убийцу, пользующегося своим высоким положением в обществе и связями с пособниками и подстрекателями для того, чтобы избежать наказания. Автор руководствуется предположением о том, что случилось с лордом спустя двадцать пять лет со дня убийства. По версии писательницы, друзья помогли Лукану бежать из страны и начать тайную жизнь за границей.

Именно Лукан, а также его двойник Уокер становятся пациентами Хильдегард, причем каждый из них настаивает на том, что именно он — настоящий. Появление двойника аристократа рационально обосновано: так легче всего скрыться от полиции, причем вполне вероятно, что внимание привлечет не сам Счастливчик Лукан (или Лаки Лукан, как его называют), а нанятый им человек, играющий роль. Только вот определить, кто есть кто, не так просто: автор играет с читательскими ожиданиями. На первый взгляд, кажется, можно верить словам Уокера, когда он признается, что только исполняет роль преступника, но даже в финале произведения остается некоторый элемент сомнения: «The question of identity and of identification is quite slippery in this novel, and is repeatedly brought up in relation to Lucan, as well as other characters» [Kawamoto, 2008, p. 27] (Вопрос об идентичности и идентификации довольно неоднозначен в этом романе, и он неоднократно поднимается в связи с образом Лукана, а также других персонажей).

Итак, в самом начале романа возникают два типа героев-двойников: Беата Паппехайм — Хильдегард Вольф и Лукан — Уокер. Между этими парами персонажей есть важное сходство: И Лукан — Уокер и Вольф — Паппенхайм стремятся скрыть свое криминальное прошлое, причем преступления, которые они совершили, можно назвать преступлениями крови: и в прямом, и в переносном смысле. Лукан, вспоминая об убийстве, постоянно упоминает кровь, которая была повсюду, и, узнав секрет Хильдегард, которая изображала ранее святую — стигматика, дает свой ком-

ментарий: «— Вы покрывали ладони, бок и ступни своей менструальной кровью, доктор Вольф. <...> Он произнес это почти доверительным тоном, словно желая сказать: мы вместе в этом кровавом бизнесе» [Спарк, 2004]. Сама Вольф также подчеркивает сходство ситуаций: «Меня разыскивают за мошенничество точно так же, как вас за убийство» [Спарк, 2004]. Двойники в романе Спарк, согласно классификации исследователей И. В. Самоуковой и С. З. Агранович, выступают и как конкурирующие антагонисты, с одной стороны, и как взаимодополняющие карнавальные пары [Агранович и др., 2001].

В романе автор показывает двойственность не только героев, но и ситуаций и мотивов действий персонажей. В частности, не совсем понятно, для чего к доктору обращаются Уокер и Лукан: чтобы шантажировать ее и получить деньги? или же им действительно нужна помощь психиатра? Читатель должен сам домыслить сюжет, выбрать ту возможность, которая ему представляется более реальной, однако сделать это не так просто, поскольку Спарк постоянно меняет угол зрения на события, повествовательный фокус смещается, так что не всегда сразу понятно, кто является рассказчиком в определенный момент, возникает эффект мультиперспективности. Более того, неоднородность и фрагментарность повествования подчеркивается включением в роман отрывков из газетных статей, расследований, причем в них фактическое и вымышленное переплетаются, происходит характерное для постмодернистской литературы намеренное размывание границ между фактом и вымыслом.

Само слово *двойник* несколько раз упоминается в тексте. Его произносят Лаки Лукан: «Мне так часто грозила опасность, особенно при получении денег, которые друзья предоставляли в мое распоряжение, что я решил найти двойника»; Лейси Туикнем, которая хочет написать о нем книгу (сама героиня может быть рассмотрена как двойник автора романа): «Не такой уж это человек, чтобы кто-то захотел стать его двойником»; а также сам повествователь в рассуждениях об Уокере: «Ему казалось, что он был идеальным *doppelganger* графа, его двойником, его вторым “я”» [Спарк, 2004]. То есть мотив двойничества акцентируется в самом тексте романа как один из наиболее значимых ключей к пониманию авторского замысла.

При всей схожести ситуаций и образов Хильдегард и Лукана нельзя не отметить существенные различия, касающиеся проблемы самоидентификации, обретения или даже изобретения своей личности. В этом смысле Вольф является женским двойником, дополняющим образ Лукана и одновременно противопоставленным ему. Она, решившись скрыться от возможных разоблачений, создает новую личность, причем настолько вживается в роль психотерапевта, что становится как будто другим человеком:

«Теперь она была готова поклясться, что Беата Паппенхейм из прошлого была совершенно “другим лицом”, не имевшим с ней ничего общего» [Спарк, 2004]. И впоследствии, спасаясь от шантажа Уокера-Лукана, она меняет внешность и начинает новый этап своей жизни, тогда как Лукан, несмотря на вероятные пластические операции, не может полностью измениться, так как нуждается в помощи своих пособников и подстрекателей, помогающих ему материально, и поэтому попадает в зависимость от своего двойника Уокера.

Мотив утраты идентичности и неопределенности реализован в романе в связи с парными персонажами Уокер — Лукан. Одна из версий происхождения предполагает, что оба пациента психотерапевта могут быть самозванцами, цель которых получать деньги от друзей-аристократов — пособников и подстрекателей: «Лукан — это же просто имя в газетах. Его, возможно, и в живых нет» [Спарк, 2004]. Действительно, даже в реальных заметках СМИ часто появлялась информация о похожих на Лукана людях в разных уголках земного шара, но, поскольку прошло уже более сорока лет со дня совершения преступления, узнать его было весьма затруднительно. В целом в романе раскрывается проблема узнавания в прямом и переносном смысле, ставится вопрос о границах познания и понимания.

3. Пособники и подстрекатели

Кто же такие пособники и подстрекатели? Почему так назван роман? По версии Спарк, именно друзья-аристократы помогли Лукану скрыться с места преступления и обосноваться за границей. Причем сделано это было не из личной симпатии, а из социальной солидарности: «Они, по-видимому, остались верны ему только из-за их общей социальной принадлежности. Я вижу совсем немного признаков того, что какие-то друзья, сообщники и подстрекатели Лукана хоть сколько-нибудь считались с Луканом как с человеком» [Спарк, 2004].

Спарк показывает, как классовые привилегии защищают виновных, неслучайно название книги связано именно с теми людьми, которые, по версии автора романа, помогли сбежать Лукану. «Дело в том, что он задавал тон, совершал поступки и жил так, как, он считал, положено жить и поступать людям его положения. Его кредо было: “Я — седьмой граф, я — аристократ, следовательно, могу поступать так, как мне нравится, и моя особа неприкосновенна”» [Спарк, 2004]. Высокомерие, жестокость и ограниченность аристократа-преступника проявляется в его высказываниях, которые кажутся абсурдными и нелепыми, так, вспоминая об убийстве няни, он замечает иронически: «Если бы это оказалась моя жена, крови бы

столько не было... Видимо, такая особенность присуща людям из низших слоев общества» [Спарк, 2004].

Сатирическое изображение псевдоаристократизма Лукана пронизывает роман, достигая апофеоза в неожиданном финале. Автор саркастически описывает влияние Лаки Лукан и Уокер на сыновей вождя (который также является пособником героя) африканского племени, в которое они попадают: «Трое сыновей вождя очень преуспели под их руководством. Они научились брать барьеры на лошадях, они, в лучших традициях джентльменов, научились жульничать при игре в покер и баккара» [Спарк, 2004]. Очередной сюжетный парадокс показывает, что, несмотря на высокомерие и снобизм, Лукан выбирает своим двойником простого слугу, который блестяще исполняет порученную ему роль: «...главными чертами их беглого родственника были “доблесть и честь”. На самом деле ни то, ни другое никак не соответствовало его истинным качествам, но Уокер, не принадлежащий к знати джентльмен-любитель, старательно копировал и выставлял напоказ именно эти воображаемые достоинства Лукана. Ему казалось, что он был идеальным *doppelganger* графа, его двойником, его вторым “я”» [Спарк, 2004.].

Так, сам Уокер становится одним из пособников преступника, о чем ему сообщает Хильдегард Вольф: «Уокер, если вы Лукан, то в таком случае вас разыскивает полиция по обвинению в убийстве и в покушении на убийство. Если же вы — двойник Лукана, то виновны в пособничестве и подстрекательстве преступника, который длительное время скрывается от правосудия» [Спарк, 2004.]. При этом Уокер настолько привыкает играть роль, что даже после смерти Лаки Лукана он возвращается к лицедейству, на этот раз более невинному, изображая Санта-Клауса: «Уокер думал о том, что большую часть жизни он только и делает, что изображает кого-то. Он был превосходным дворецким в Мексике, больше десяти лет играл роль Лаки Лукана в Центральной Африке, а недавно еще и в Париже, и вот теперь стал Санта-Клаусом в универмаге “Бон Марше”» [Спарк, 2004.].

4. Заключение

Художественное пространство романа наполнено парными персонажами-двойниками. Возникает целая цепь таких взаимных отражений: Бета Паппенхайм — Хильдегард Вольф; Уокер — Лаки Лукан; Лейси Туикнем — автор романа; а также другие безликие и многоликие пособники и подстрекатели. Двойничество персонажей носит подчеркнуто игровой ироничный характер, служит средством саморазоблачения героев. Писатель как будто «держит перед героями некое сатирическое зеркало, а сами герои сатирически отражаются в сознании друг друга» [Федяева, 2004, с. 204].

Абсурдный и гротескный финал романа, как и ряд его сюжетных ситуаций, содержит некоторую неопределенность: повествуется о том, что представители африканского племени съели настоящего Лукана, приняв за его двойника Уокера. Но читатель задается вопросом: действительно ли погиб настоящий лорд, или же опять произошла подмена, и преступнику удалось ускользнуть в очередной раз. Какой из двойников смог спастись от полиции и продолжать жить, избрав для себя новую маску?

Персонажи, сюжетные ситуации произведения отражаются как будто в сатирических кривых зеркалах, однако очертания этих отражений узнаваемы. И, хотя автор отстраняется, используя игровой постмодернистский инструментарий, этические дилеммы, связанные с моральной деградацией героев, органично вплетаются в повествование. В романе «Пособники и подстрекатели» представлено не явное расщепление личности под влиянием обстоятельств, не противоречия внутреннего мира, способствующие разделению страдающего сознания, а высокомерие и жестокость, самозванство и мошенничество, ведущие к созданию или реальных двойников, или новой личности. Очевидна ироническая направленность произведения, присущая и другим романам М. Спарк, в которых преобладает диалогическая сатира, предполагающая взаимное саморазоблачение героев при отсутствии ярко выраженной авторской оценки. Мотив двойничества, таким образом, связан с темами обмана, преступления и ответственности за пособничество, а также служит средством сатирического изображения проблем утраты нравственных ценностей и моральной деградации.

Источники и принятые сокращения

1. *Спарк М.* Передел. Пособники и подстрекатели [Электронный ресурс] / М. Спарк. — Москва, 2004. — 366 с. — Режим доступа : <https://www.litmir.me/br/?b=25504&p=1> (дата обращения: 28.04.2021).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агранович С. З.* Двойничество / С. З. Агранович, И. В. Саморукова // Миф как объект и/или инструмент интерпретации : сборник научных статей. — Самара : Медиа-Книга, 2014.
2. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — Москва : Искусство, 1986. — 445 с.
3. *Берковский Н. Я.* Романтизм в Германии / Н. Я. Берковский. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2001. — 512 с.
4. *Джумайло О. А.* Двойничество персонажей как ресурс постмодернистской исповедальности : роман Мартина Эмиса «Информация» / О. А. Джумайло // Вестник Пермского университета. Серия. Российская и зарубежная филология. — 2010. — № 6. — С. 163—171.

5. Коновалов С. М. О сатире / С. М. Коновалов // ART LOGOS. — 2020. — № 2. — С. 24—35.
6. Лунина В. Л. Тема двойничества (на материале романа Мартина Эмиса «Успех») / В. Л. Лунина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2010. — № 4 (2). — С. 883—885.
7. Новикова В. Г. Бинарный архетип в романе Бена Элтона «Два брата» / В. Г. Новикова // Научный диалог. — 2019. — № 11. — С. 164—172. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-164-172.
8. Осьмухина О. Ю. Зеркало (зеркальность) [Электронный ресурс] / О. Ю. Осьмухина // Знание. Понимание. Умение. — 2008. — № 1 (2). — Режим доступа: [http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1\(2\)/Osmukhina/](http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1(2)/Osmukhina/) (дата обращения: 28.04.2021).
9. Федяева Т. А. Диалог и сатира: на материале русской и австрийской сатиры первой половины XX века : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Т. А. Федяева. — Москва, 2004. — 335 с.
10. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра / О. М. Фрейденберг. — Москва : Лабиринт, 1997. — 448 с.
11. Шляникова М. В. Жанровая эволюция романов М. Спарк : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / М. А. Шляникова. — Казань, 2005. — 195 с.
12. Apostolou F. Seduction and Death in Muriel Spark's Fiction / F. Apostolou. — Connecticut, Lnd : Greenwood Press, 2001. — 121 p.
13. Gregson I. Muriel Spark's caricatural effects / I. Gregson // Essays in Criticism. — 2005. — Volume 55, January № 1. — P. 1—16.
14. Hynes J. The Art of the Real. Muriel Spark's novels / J. Hynes // Contemporary British Women Writers. — London : Palgrave Macmillan, 1993. — P. 161—187.
15. Kawamoto R. Crime and creativity: the anti-imagination novels of Muriel Spark / R. Kawamoto // Hitotsubashi Journal of Arts and Sciences. — 2008. — № 49. — P. 25—35.
16. McQuillan M. Theorizing Muriel Spark: Gender, Race, Deconstruction / M. McQuillan. — Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002. — 245 p.
17. Miln D. Muriel Spark's crimes of wit / D. Miln // Edinburgh companion to M. Spark. — Edinburgh, 2010. — P. 110—121.
18. Ranger G. Tall, tall stories: identity and generic instability in Muriel Spark's *Aiding and Abetting* (2000) / G. Ranger // *Generic Instability and Identity in the Contemporary Novel*. — Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2010. — P. 117—129.
19. Shiloh I. The Double, the Labyrinth and the Locked Room. Metaphors of Paradox in Crime Fiction and Film / I. Shiloh. — New York : Peter Lang, 2011. — 186 p.
20. Slethaug G. E. The Play of the Double in Postmodern American Fiction / G. E. Slethaug. — Carbondale : Southern Illinois University Press, 1993. — 248 p.
21. *The Duality Phenomenon in 1920—1930's Small Prose of Vladimir Nabokov: Peculiarities of the Embodiment* / O. Y. Osmukhina, A. B. Tanaseichuk, S. P. Gudkova, M. A. Troshtina // Journal of History Culture and Art Research. — 2019. — № 8 (1). — P. 183—195.

MATERIAL RESOURCES

Spark, M. (2004). *Redistribution. Companions and instigators*. Moscow. 366 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=25504&p=1> (accessed: 28.04.2021). (In Russ.).

REFERENCES

- Agranovich, S. Z., Samorukova, I. V. (2014). Duality. In: *Myth as an object and/or a tool of interpretation: a collection of scientific articles*. Samara: Media-Kniga. (In Russ.).
- Apostolou, F. (2001). *Seduction and Death in Muriel Spark's Fiction*. Connecticut, Lnd : Greenwood Press. 121 p.
- Bakhtin, M. M. (1986). *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow: Art. 445 p. (In Russ.).
- Berkovsky, N. Ya. (2001). *Romanticism in Germany*. St. Petersburg: Azbuka-classic. 512 p. (In Russ.).
- Dzhumailo, O. A. (2010). Duality of characters as a resource of postmodern confession: Martin Amis's novel "Information". *Bulletin of Perm University. Series. Russian and foreign philology*, 6: 163—171. (In Russ.).
- Fedyaeva, T. A. (2004). *Dialogue and satire: on the material of Russian and Austrian satire of the first half of the 20th century*: Doct. Diss. Moscow. 335 p. (In Russ.).
- Freidenberg, O. M. (1997). *Poetics of plot and genre*. Moscow: Labyrinth. 448 p. (In Russ.).
- Gregson, I. (2005.). Muriel Spark's caricatural effects. *Essays in Criticism*, 55/1: 1—16.
- Hynes, J. (1993). The Art of the Real. Muriel Spark's novels. In: *Contemporary British Women Writers*. London : Palgrave Macmillan. 161—187.
- Kawamoto, R. (2008). Crime and creativity: the anti-imagination novels of Muriel Spark. *Hito-subashi Journal of Arts and Sciences*, 49: 25—35.
- Konovalov, S. M. (2020). About satire. *ART LOGOS*, 2: 24—35. (In Russ.).
- Lunina, V. L. (2010). The theme of duality (based on the novel by Martin Amis "Success"). *Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N. I. Lobachevsky*, 4 (2): 883—885. (In Russ.).
- McQuillan, M. (2002). *Theorizing Muriel Spark: Gender, Race, Deconstruction*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 245 p.
- Miln, D. (2010). Muriel Spark's crimes of wit. In: *Edinburgh companion to M. Spark*. Edinburgh. 110—121.
- Novikova, V. G. (2019). Binary archetype in the novel "Two brothers" by Ben Elton. *Scientific dialogue*: 11: 164—172. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-164-172. (In Russ.).
- Osmukhina, O. Y., Tanaseichuk, A. B., Gudkova, S. P., Trostina, M. A. (2019). The Duality Phenomenon in 1920—1930's Small Prose of Vladimir Nabokov: Peculiarities of the Embodiment. *Journal of History Culture and Art Research*, 8 (1): 183—195.
- Osmukhina, O. Yu. (2008). Mirror (specularity). In: *Knowledge. Understanding. Skill: 1 (2)*. Available at: [http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1\(2\)/Osmukhina/](http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1(2)/Osmukhina/) (accessed: 28.04.2021). (In Russ.).
- Ranger, G. (2010). Tall, tall stories: identity and generic instability in Muriel Spark's Aiding and Abetting (2000). In: *Generic Instability and Identity in the Contemporary Novel*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing. 117—129.
- Shiloh, I. (2011). *The Double, the Labyrinth and the Locked Room. Metaphors of Paradox in Crime Fiction and Film*. New York : Peter Lang. 186 p.
- Shlyannikova, M. V. (2005). *Genre evolution of M. Spark's novels*. PhD Diss. Kazan. 195 p. (In Russ.).
- Slethaug, G. E. (1993). *The Play of the Double in Postmodern American Fiction*. Carbondale: Southern Illinois University Press. 248 p.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

Алдар Амаголонович Ширапов, стажер-исследователь (Улан-Удэ)
Александр Александрович Насонов, канд. истор. наук (Кемерово)
Алексей Дмитриевич Попов, канд. истор. наук (Челябинск)
Анастасия Николаевна Соболева, канд. истор. наук (Улан-Удэ)
Анна Максимовна Плеханова, д-р истор. наук (Улан-Удэ)
Виктор Юрьевич Апрыщенко, д-р истор. наук (Ростов-на-Дону)
Иван Иванович Ковлеков, д-р техн. наук (Якутск)
Ирина Васильевна Яркова, канд. истор. наук (Тюмень)
Ксения Андреевна Беспалова, младший научный сотрудник (Екатеринбург)
Людмила Николаевна Сулова, канд. истор. наук (Тюмень)
Максим Анатольевич Васильченко, канд. истор. наук (Москва)
Наталья Анатольевна Лагошина, младший научный сотрудник
(Ростов-на-Дону)
Наталья Ивановна Бурнашева, д-р истор. наук (Якутск)
Наталья Евгеньевна Архипова, канд. истор. наук (Нижний Новгород)
Полина Валерьевна Абрамова, канд. культурологии (Кемерово)
Роза Гафаровна Буканова, д-р истор. наук (Уфа)
Роман Отмарович Райнхардт, канд. экон. наук (Москва)
Татьяна Ивановна Кимеева, д-р культурологии (Кемерово)
Юрий Сергеевич Никифоров, канд. истор. наук (Вологда, Ярославль)
Ярослав Вацулик, канд. истор. наук (Брно, Чешская Республика)

Апрыщенко В. Ю. Переселение британских и ирландских католиков в континентальную Европу в XVI — XVIII веках / В. Ю. Апрыщенко, Н. А. Лагошина // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 281—301. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-281-301.

Apyrshchenko, V. Yu., Lagoshina, N. A. (2021). Resettlement of British and Irish Catholics to Continental Europe in 16th—18th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 6: 281-301. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-281-301. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-281-301

Переселение британских и ирландских католиков в континентальную Европу в XVI — XVIII веках

Апрыщенко Виктор Юрьевич

orcid.org/0000-0001-5365-1534

доктор исторических наук, профессор
кафедры зарубежной истории и
международных отношений,
директор Института истории и
международных отношений
victorapr@sfedu.ru

Лагошина Наталья Анатольевна

orcid.org/0000-0002-7712-3469

младший научный сотрудник
lagoshina@sfedu.ru

Южный федеральный университет
(Ростов-на-Дону, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 19-39-90024 от 27.08.2019 г.
(номер внутренней регистрации
РФФИ/19-53-ИС)

Resettlement of British and Irish Catholics to Continental Europe in 16th—18th Centuries

Victor Yu. Apyrshchenko

orcid.org/0000-0001-5365-1534

Doctor of History, Professor,
Department of Foreign History
and International Relations,
Director of the Institute of History
and International Relations
victorapr@sfedu.ru

Natalia A. Lagoshina

orcid.org/0000-0002-7712-3469

junior research scientist
lagoshina@sfedu.ru

Southern Federal University
(Rostov-on-Don, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR,
project number 19-39-90024
dated August 27, 2019 (RFBR internal
registration number / 19-53-IS)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется проблема крупномасштабного переселения британских и ирландских католиков в континентальную Европу в XVI—XVIII веках. Актуальность исследования обусловлена тем, что религиозные школы католиков в Европе рассматривались как образцы благочестивых сообществ, основы, на которых были построены зарождающиеся в Англии традиции веротерпимости, стабильности и коммерческого процветания. Отмечается, что это подпитывало аргументы сторонников либеральных религиозных реформ в Великобритании XIX века. Новизна исследования видится в том, что изучение передвижения католиков в Европу позволяет выявить степень влияния религиозных школ на британскую политику и общественное мнение, понять, каким образом функционировало, адаптировалось и осуществляло коммуникацию сообщество экспатриантов в изгнании. Доказано, что переселение было наиболее интенсивным в елизаветинский период и в начале правления Стюартов, но его влияние на религиозную жизнь в Британии и Ирландии ощущалось в течение более длительного периода, вплоть до конца XVIII века. Авторы приходят к выводу о том, что для католиков, оставшихся в Англии, религиозные учреждения в Европе были не только источником поставки миссионерских священников и религиозной литературы, но и связующим звеном с континентальной Контрреформацией.

Ключевые слова:

Ирландские католики в Европе; британская диаспора в XVI—XVIII веках; религиозные школы; якобитизм.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The problem of large-scale migration of British and Irish Catholics to continental Europe in the 16th—18th centuries is investigated. The relevance of the study is due to the fact that the religious schools of Catholics in Europe were seen as examples of pious communities, the foundations on which the emerging traditions of religious tolerance, stability and commercial prosperity were built in England. It is noted that this fueled the arguments of the supporters of liberal religious reforms in the UK in the 19th century. The novelty of the study is seen in the fact that the study of the movement of Catholics to Europe makes it possible to reveal the degree of influence of religious schools on British politics and public opinion, to understand how the expatriate community in exile functioned, adapted and communicated. Migration has been proven to be most intense during the Elizabethan period and early Stuart reign, but its impact on religious life in Britain and Ireland was felt over a longer period, until the end of the 18th century. The authors conclude that for Catholics who remained in England, religious institutions in Europe were not only a source of supply of missionary priests and religious literature, but also a link with the continental Counter-Reformation.

Key words:

Irish Catholics in Europe; the British diaspora in the 16th—18th centuries; religious schools; Jacobitism.

Переселение британских и ирландских католиков в континентальную Европу в XVI—XVIII веках

© Апрыщенко В. Ю., Лагошина Н. А., 2021

1. Происхождение и изучение переселения католиков

Период между XVI и XIX веками знаменуется ростом передвижения населения в Европе по религиозным причинам. Религиозные и политические столкновения последователей англиканской церкви с английскими католиками привели к оттоку последних на европейский континент. Переселение католиков являлось преимущественно клерикальным явлением, объединяющим епископов, священников, богословов, мужчин и женщин — членов различных религиозных орденов и студентов-богословов, вынужденных покинуть родину в ответ на религиозные гонения в Англии, Шотландии и Ирландии в XVI веке. Английские, шотландские и ирландские религиозные школы и колледжи на европейском континенте, оставившие обширное наследие в источниках, свидетельствуют о последовательных волнах переселений из Британии и Ирландии. Многочисленных послушников этих заведений можно представить как первую британскую диаспору.

Переезд английских, шотландских и ирландских католиков в Европу в XVI—XVIII веках — хронологически и географически обширное явление — не привлекал всестороннего внимания современной академической науки [Highley, 2002, p. 37—50]. Отсутствие интереса к данной проблеме объяснимо. Традиционно Англия изображалась в качестве предшественницы демократии, поэтому антикатолическая политика в Ирландии не получила достаточного освещения в историографии XX века [Mill, 1837, p. 44].

После первой научной конференции по изучению английского якобитизма как серьезной угрозы вильямитскому и ганноверскому режимам в 1979 году возрос интерес зарубежных историков к переселению католических якобитов. Несмотря на это, степень приверженности католической Ирландии якобитскому движению в значительной степени не исследована. С 2005 года представители транснационального подхода в истории положили начало всестороннему исследованию оттока населения из Британии и Ирландии в глобальном общемировом контексте. Ряд современных работ, посвященных изучению национальной идентичности и социальных сетей католических диаспор по всему миру, вновь сделали актуальным осмысление процессов переселения и адаптации католиков, многие аспекты

которых, будучи помещенными в более широкий контекст, подверглись существенному пересмотру.

Несмотря на обширное количество работ, посвященных миграционным процессам в глобальном контексте, передвижение католиков из Британии и Ирландии и их адаптация в европейском обществе Нового времени до сих пор остаются неизученными. Целью данной работы является изучение факторов и особенностей переселения католиков из Британии и Ирландии в Европу в XVI—XVIII веках.

2. Образование католической диаспоры

С 1550-х по 1790-е годы происходит значительный отток религиозных групп из Великобритании и Ирландии [De Voltaire, 1733, р. 34—36, 44—45], вызванный религиозными войнами, нехваткой продовольствия и рабочих мест в регионах, поиском религиозной безопасности и возможностей трудоустройства за рубежом. Привлечение квалифицированной рабочей силы в европейские государства на ранних этапах промышленного развития привело к оттоку специализированных рабочих.

Самой крупной католической общиной в Европе была ирландская. Отток населения из Ирландии начался в конце 1580-х годов и был вызван религиозными гонениями на ирландских католиков. Военные, торговые и религиозные сообщества ирландских переселенцев обосновались в Испании с 1590-х годов. Ирландские священники совместно со своими духовными учениками, стремящиеся к поддержанию католической церкви Ирландии в долгосрочной перспективе, основали братство Святого Патрика в Лиссабоне, чтобы обеспечить создание учебного заведения для приема ирландских студентов [Morrissey, 1978, р. 242—260]. С 1592 до 1605 года Лиссабонский колледж управлялся советом, выбранным из числа членов братства. Ирландские купцы оказывали финансовую поддержку многим студентам, прибывшим из Ирландии. Образование колледжей в Лиссабоне и Саламанке, а также ряда студенческих общежитий в Испанских Нидерландах стало решающим шагом в создании сети религиозных институтов вытесненных католиков. Духовенство, обученное в семинариях, возвращалось обратно в Ирландию и с середины 1610-х годов начало оказывать реальное пастырское влияние [O'Connor, 2008, р. 74—105]. В 1606 году иезуиты сообщили, что после того, как лорд-президент Манстера обязал крестьян в Дангарване посещать службы в государственной церкви, католический землевладелец не разрешил им вернуться на свои земли, пока они не получат прощение католической церкви. В 1612 году англиканский епископ Фернса и Олдлохлина Т. Рэм сообщил, что «бедняки не посещают службы государственной церкви, потому что, если они примут англикан-

скую веру, ни один католический купец не наймет их в качестве моряков и ни один католический землевладелец не даст им земли в аренду» [Brady, 1869, p. 15].

После основания колледжей в Лиссабоне и Саламанке аналогичные учреждения и религиозные школы были открыты в Сантьяго-де-Компостеле, Севилье и Мадриде. Ирландские доминиканцы обосновались в Лиссабоне и Бильбао, а францисканцы — в Левене. Ирландские монахи также размещались в испанских школах своих орденов, особенно в доминиканских и францисканских монастырях в Мадриде, Бильбао и Севилье. Ирландская клерикальная община экспатриантов в Европе представляла собой стратегически распределенную церковную сеть. Религиозные учреждения, основанные ирландскими католиками в Европе, выполняли образовательную функцию: в них проходили обучение переводчики, эксперты богословия и уполномоченные для различных трибуналов инквизиции в XVII и XVIII веках. В них также обучались военные и мирские священники [Hazard, 2007, p. 181—197], которые играли решающую роль в передаче подданных инквизиции либо по обвинению в ереси, либо, что гораздо чаще, для примирения с церковью.

Религиозная служба привлекала самых образованных ирландских священнослужителей. С 1620-х годов выпускник ирландского колледжа в Саламанке иезуит М. Уоддинг был инспектором мексиканской инквизиции. Его родственник, августинский монах Р. Уоддинг, читал лекции в Коимбромском университете и служил там теологическим советником трибунала. Ирландские клерикальные сети и религиозные институты возникали как временное убежище для изгнанных священников, которые видели в них основу для восстановления католицизма в Ирландии. В результате Лондонского мира 1604 года Испания отказалась от помощи воинственному ирландскому духовенству в восстановлении католической религии в Ирландии, однако организованное католическое присутствие, возглавляемое представителями городской элиты, католической знати и гэльской аристократии, сохранилось и продолжилось до конца XVIII века [Catholic communities ..., 2009, p. 249—264].

Ирландское духовенство в Европе не было изолированной общиной, а являлось частью местной церковной системы. Клерикальные группы, купеческие семьи и иностранные военные подразделения тесно сотрудничали с испанской и португальской церквями. С середины XVI века ирландские переводчики, священники и католические миряне сопровождали испанских комиссаров при осмотре прибывающих судов и грузов. Со временем целью подобных осмотров стало не столько обнаружение протестантских книг, сколько взимание платы за обыск, что обеспечивало цен-

ный источник дохода для местных трибуналов [Catholic communities ..., 2009, p. 249—264]. Сопровождение инквизиторов было лишь одной административной ролью ирландцев. Они также были переводчиками для своих британских коллег, выступая в качестве посредников между прибывающими протестантами и испанскими властями.

Посредническая роль ирландцев в инквизиции привела к заметным изменениям в социальном статусе небольшого числа прибывающих ирландцев. Уже в начале XVII века некоторые из них прекратили взаимодействие со своими родственниками в Ирландии, чтобы полностью интегрироваться в принимающее общество. Для этой избранной группы испанское покровительство было существенно важным, но оно, в свою очередь, зависело от ряда дополнительных условий, включая социальное и семейное положение, уровень дохода и покровительство соотечественников. Некоторые из наиболее успешных случаев интеграции имели место в Вице-королевстве Новая Испания. Например, к 1637 году потомок ирландских переселенцев Д. Мерфи достаточно ассимилировался, и это подтверждает тот факт, что его заявление на должность фамилиара инквизиции было утверждено [O'Connor, 2008, p. 27—48].

Отток католиков из Англии начался в 1530-х годах при короле Генрихе VIII, когда последователи католического епископа Дж. Фишера покинули страну. Он увеличивался в масштабах в результате преследования католиков в елизаветинский период, усилился после Порохового заговора 1605 года, гражданских войн 1640-х годов, Папистского заговора 1678—1681 годов и Славной революции 1688 года. Институциональная инфраструктура образовательных колледжей и религиозных школ в Европе была создана «диаспорой католических преподавателей из Оксфорда и Кембриджа и католическими учителями гимназий» [Beales, 1963, p. 8—9]. Переселение английских преподавателей относится к 1534 году, времени появления Акта о супрематии, который вводил необходимость присяги англиканской церкви в университетах, отказавшихся от верности католической религии. В результате преподаватели отправились в Ирландию, Шотландию, Париж, Саламанку, Болонью, Падую и Лёвен. Но вскоре они начали основывать свои собственные учреждения. Первой католической школой на континенте была школа Св. Урсулы для девочек в Лёвене, основанная в 1548 году канониссами Св. Августина. После введения клятвы верности в Англии в 1563 году число католических учителей, следовавших на континент, увеличилось. Вследствие этой волны переселения были основаны многие колледжи, самым известным из которых был английский колледж в Дуэ [Ibid., p. 17—18].

Английский колледж, или католическая семинария в Дуэ, основанная в 1561 году оксфордскими учеными и богословами, был присоединен к французскому университету Дуэ, который имел общеевропейское влияние как выдающийся центр неолатинской литературы. Этот университет был основан в период присутствия большого количества английских католиков, проживающих в Дуэ, после вступления на престол Елизаветы I и восстановления протестантизма в Англии. Среди них был первый ректор университета Р. Смит, который учился в Оксфорде и привил в новом университете оксфордскую традицию обучения. Основатель колледжа, профессор богословия из Ланкашира У. Аллен, стремился создать католический университет для приема католиков из Оксфорда и Кембриджа. Цель Аллена состояла в том, чтобы собрать вместе выдающихся английских католиков, живущих в изгнании в разных странах континента, и предоставить им условия для продолжения исследований и обучения нового состава английского католического духовенства, готового к возвращению на родину. Всего через несколько лет после основания личность и влияние Аллена привлекли в колледж более 150 студентов. С 1570-х годов колледж превратился в семинарию для священников, которые должны были вернуться на родину по окончании обучения. Кроме теологии, в нем было 4 факультета: каноническое и гражданское право, медицина и искусство, — которые принимали студентов-мирян. В университете не существовало возрастных ограничений: обучаться могли как юноши, так и пожилые люди. Колледж был первой семинарией, учрежденной Тридентским собором, и вскоре после своего основания получил одобрение папы. Он также был взят под защиту испанского короля Филиппа II, который выделил на нужды колледжа ежегодный грант в размере 200 дукатов [Ibid., p. 16, 43]. По образцу новой семинарии для английской общины в 1579 году был создан Английский колледж в Риме. Его первые студенты прибыли сюда из Дуэ в 1577 году, через два года папа Григорий XIII издал учредительную буллу [Ibid., p. 115—116]. Папа предоставил новому английскому колледжу ежегодный грант и имущество, включая аббатство Сан-Савино в Пьяченце. Десять лет спустя, когда путешествие католиков через Францию в Рим было прервано из-за религиозных войн, были основаны колледжи в Севилье и Вальядолиде, а в 1600 году — шотландский колледж в Риме, еще один университет. Преследование школьных учителей в Англии потребовало создания школ, ориентированных на обучение детей католиков, в первую очередь иезуитской школы в Сент-Омере, основанной в 1593 году.

Университет Дуэ был в центре внимания католиков, прибывших в Европу из Британии и Ирландии. Вскоре после основания английского колледжа в 1593 году к университету присоединился шотландский иезуитский

колледж из Парижа, а в 1596 году ирландский колледж [Ibid., p. 129]. Дуэ был убежищем католического духовенства и профессуры, и со временем эта роль только возрастала. Создание английской Францисканской провинции в 1618 году, английской провинции иезуитов в 1620 году свидетельствует о возрождении английского католического образования в Европе, сосредоточенного в Дуэ. В центре внимания английской католической диаспоры также находился английский колледж в Риме, семинария для юношей от четырнадцати до двадцати пяти лет. Пятая часть его выпускников-священников были иезуитами [Beales, 1963, p. 80—81; Underwood, 2012, p. 349—374].

Объявление католицизма вне закона шотландским парламентом в 1560 году послужило причиной переселения католиков. Тесные политические связи между Францией и Шотландией сделали Париж самым важным местом для шотландских католиков. После создания шотландского колледжа в Дуэ (1593) и Риме (1600) последовало открытие еще одного колледжа в Мадриде в 1627 году [Halloran, 1997, p. 184]. Как и в случае с основанием английского и ирландского колледжей на континенте, шотландские учреждения были предназначены для обучения следующего поколения священников с целью отправки с проповеднической миссией на родину [Halloran, 1997, p. 189]. Шотландские колледжи просуществовали до конца XVIII века. Эти учреждения не только объединяли шотландских католиков на континенте, но и играли важную роль в сохранении материального наследия шотландского католицизма, сохраняя католические архивы и артефакты. После основания шотландского католического колледжа архив кафедрального собора Глазго перевезли в Париж [Klueting, 2015].

Обратному передвижению иезуитов и священников семинарий способствовал Английский закон 1581 года (An act against Jesuits) [Statutes of the Realm, 1963, p. 706], предписывающий студентам колледжей за границей возвращаться на родину в течение шести месяцев. Данный закон предусматривал наказание сыновьям эсквайров, отправившимся за границу для получения образования, и лишал их возможности наследования земельных владений и титулов. Закон короля Якова I 1603 года (An Act for the due execution) [Stephens, 1845, p. 506] повторял предусмотренные наказания. Последующие законодательные акты преследовали ту же цель, включая законы Вильгельма III (An Act for the further preventing) [Statutes of the Realm, 1820, p. 586—587], положившие начало уголовному законодательству в Англии, которое возлагало финансовое бремя на католическую общину, приводя к истощению средств многих колледжей за границей.

Переселение католиков на континент увеличивало количество сторонников изгнанного Стюарта после 1660 года, что, в свою очередь, привело

к преследованию католиков английским парламентом, включая попытку принятия законопроекта, который предусматривал наказание за получение образования за границей или отправку за границу денег для поддержки колледжей. Только роспуск парламента королем сорвал принятие законопроекта [Beales, 1963, p. 109—114]. Папистский заговор, придуманный и фальсифицированный бывшим студентом Сент-Омера Т. Оутсом, привел к серии судебных разбирательств в Англии, Уэльсе и Шотландии с 1678 по 1681 годы и казни авторитетов католической церкви и католических джентри, обвиненных в организации антиправительственного заговора. Революция 1688 года привела к негативным последствиям для католиков [Sowerby, 2013, p. 416], а уголовное законодательство узаконило их дальнейшие преследования, особенно в Ирландии.

В период восстаний якобитов, особенно с 1715 по 1745 годы, отток католиков из Британии и Ирландии, подпитывающийся якобитской идеологией, принял массовый характер. В течение непродолжительного периода царствования король Яков II предоставлял субсидии министерства финансов шотландским колледжам в Дуэ, Париже и Риме [Beales, 1963, p. 233]. После изгнания он неоднократно посещал бенедиктинский монастырь Св. Эдмунда в Париже, который стал ведущим центром якобитского движения. Бенедиктинцы, в свою очередь, поддерживали династию Стюартов [Clark, 2012, p. 168—222]. Руководство Шотландского колледжа в Париже взяло на себя ведущую роль в подготовке якобитского заговора. Его глава в 1682—1713 годах, католический священник Л. Иннес, посвятил большую часть жизни якобитской дипломатии, «большинство его учеников стали сторонниками якобитского движения, а не священниками» [Ibid., p. 175].

Статистические данные и основные сведения о католических религиозных школах и семинариях в Европе были представлены перед Обществом антикваров в Лондоне настоятелем английской чартерной школы в Ньюпорте, а позднее секретарем Королевской академии в Брюсселе и членом Королевского общества в Лондоне Т. Манном 24 мая 1798 года. Он представил неполный перечень религиозных школ [Mann, 1800, p. 251—273], отметив большой масштаб переселения, продолжавшийся в течение нескольких столетий. В конце XVIII века учителя из Дуэ вернулись на родину, чтобы создать колледж Ушоу в Дареме и колледж Св. Эдмунда в Уэйре, Хартфордшир. Последователями школы иезуитов в Сент-Омере был основан колледж Стоунигерст в Ланкашире в 1794 году; Монашеская община бенедиктинцев монастырей Св. Лоуренса и Св. Грегори, вернувшись в Англию в 1795 году, основала католические школы в Амплфорт и Даунсайде.

Каталог сорока четырех религиозных школ Манна примечателен тем, что длинный перечень указывает на определенные особенности переселения католиков, такие как географическое распространение движения: от Праги на востоке до Сантьяго на западе, от Кельна на севере до Севильи на юге. Сведения в каталоге демонстрируют большое разнообразие религиозных орденов, высокую степень участия аристократии и джентри в их создании и финансировании. Главной функцией большинства религиозных школ было предоставление светского образования католикам, не стремящимся построить религиозную карьеру. Согласно информации, указанной в каталоге, основание новых колледжей, семинарий, монастырей и религиозных школ происходит с 1560-х по 1660-е годы. Большинство этих учреждений продолжало свою работу, пока не было разрушено «всепоглощающей французской революцией» в 1790-х годах, и лишь несколько закрылось в предыдущие десятилетия [Ibid., p. 261]. Они выполняли целый ряд функций, которые оставались жизненно важными для нужд англичан, валлийцев, шотландцев и ирландцев. Повсеместное разрушение религиозных школ в Европе в 1790-х годах нанесло серьезный ущерб письменным источникам, поэтому последующее исследование их функций затруднено.

3. Влияние католических колледжей в Европе

На колледжи в изгнании католики возлагали большие надежды. В 1597 году английский иезуит написал о двух надеждах на «преобразование нашей страны». Первой был «высокий уровень доверия, который наши агенты имеют в Риме и Испании. Вторая опора наших надежд заключается в постоянном обращении нашей нации к семинариям, следовании священников своим миссиям и обеспечении образования духовенства для возвращения на родину. До появления ограничительных законов у нас были только две семинарии, с тех пор мы имеем восемь. В Дуэ живет 70 ученых, в Сент-Омере — 120, в Вальядолиде — 80, в Севилье — 63, в Сент-Лукаре — 65, а в Лиссабоне — две резиденции, приспособленные для наших миссий. Если раньше на родину возвращалось только семь или восемь человек в год, то сейчас их насчитывается от 40 до 50, а число искателей приключений и рабочих в Англии превышает 500 человек, помимо около 150 членов нашего общества [иезуитов], 100 капуцинов и других религиозных деятелей» [Calendar of State Papers ..., 1869, p. 356].

Международная сеть религиозных школ играла центральную роль в поддержании английской государственности и национального самосознания, резко контрастирующего с образом Англии, а затем Великобритании как «замкнутого мира, убежища осажденного протестантизма», разработанного протестантскими авторами на основе «изоляционизма и исклю-

чительности» [Netzloff, 2007, p. 245]. Напротив, католические изгнанники считали Британию и Ирландию неотъемлемой частью западного христианского мира [British and Irish emigrants ..., 2010, p. 297—314]. Студенты колледжей разделяли коллективную идентичность. Диаспоры объединяли трудности и страдания, перенесенные на родине и в изгнании. Отнесение себя к сообществам переселенцев использовалось изгнанными католиками как средство самоопределения. Об их коллективной идентичности свидетельствует культ мученичества и традиция поминовения мучеников, существующая в религиозных учреждениях, таких как Английский колледж в Риме, насчитывающий сорок одного студента, ставшего мучеником в английской миссии [Williams, 2008, p. 12, 17].

Существование английских, шотландских и ирландских религиозных школ за границей усилило устоявшуюся протестантскую антипатию к католикам и монашеству в начале XVII века. Школы представляли «разнообразие орденов и религий, установленных отцами церкви, несмотря на запрет Священного Писания» [Hildrop, 1735, p. 37]. Католики хорошо понимали роль этих учреждений, и один из основателей выступил в их защиту еще в 1581 году [Allen, 1581, p. 57; Dodd, 1713, p. 31]. К 1620-м годам возрастающее количество религиозных школ в Европе представляло серьезную угрозу в глазах протестантских подданных [Owen, 1626, p. 92]. По мнению настоятеля Солсберийского собора в 1714 году, «совершенно очевидно, что тирания папства и папистские извращения христианской веры и богослужения обязаны своим возвышением и поддержкой главным образом монашеству» [Geddes, 1714, p. 307—497]. Религиозные школы за рубежом отражали идеалы различных монашеских орденов, однако убежденных протестантов более всего волновала политическая деятельность колледжей.

Английское общество часто предупреждалось об угрозе, которую представляли религиозные школы. Один памфлетист в 1703 году обратился к магистратам со списком семинарий и религиозных школ за границей, находящихся на попечении английских католиков. «Их сила за границей очевидна из числа их религиозных школ» [The Present Danger ..., 1703, p. 3], список которых он затем представил «по памяти двух или трех джентльменов» [Ibid., p. 5]. Как отмечает автор послания, «из числа лиц, находящихся в них, можно легко определить, что эти заведения заполнены больше, чем университеты Англии, Шотландии и Ирландии. То, что эти монастыри и религиозные школы основаны для уничтожения правительства, законов и свобод англичан, очевидно из заговоров, организованных в этих местах. Священники и эмиссары, получившие там образование, поклялись низвергнуть протестантскую религию в Англии» [Ibid., p. 6].

Дж. Хилдроп напоминал своим соотечественникам в 1735 году: «Наши законы очень мудро запрещают обучение детей изгнанников в иностранных семинариях под страхом больших конфискаций. Если бы они строго соблюдались, такие конфискации принесли бы правительству большую прибыль! После того, как они были рассеяны по Реймсу и Риму, их несколько колледжей стали ульями, откуда выпускались все те рои эмиссаров, которые время от времени наводняли нашу страну и среди которых формировались заговоры с целью свержения нашей церкви и правительства. Необходимые меры предосторожности побуждают нас строже следить за этими рассадниками крамолы. Их финансирование должно быть остановлено, а обучение в иностранных колледжах — исключено или обложено большими штрафами» [Hildrop, 1735, p. 46, 48].

Несмотря на то, что противостояние с протестантским режимом придавало видимость единства католического сообщества в Европе, внутри сообщества постоянно вспыхивали конфликты, особенно между католическим духовенством и иезуитами. С конца XVI века в некоторые зарубежные колледжи проникли правительственные шпионы [Guilday, 1914, p. 14—18], и некоторые из их выпускников предавали своих коллег, чтобы продвинуть собственную карьеру [Beales, 1963, p. 44—45, 53]. Самым известным был английский заговорщик Т. Оутс, принятый в английский колледж в Вальядолиде 1 июня 1677 года и исключенный 30 октября [Williams, 1986, p. 47]. Религиозные школы принадлежали разным орденам, которые обычно не сотрудничали. Небольшие учреждения не удостоивались щедрого финансирования и покровительства. Их способность влиять на общественное мнение в Англии ограничивалась официальными преследованиями, иногда приводившими к мученической смерти священников и школьных учителей.

Английские, валлийские, шотландские и ирландские католики вступали в соперничество между собой по этническому признаку, а также боролись за благосклонность и стратегические приоритеты княжеских или церковных покровителей [Buelmann, 2012, p. 79—105]. Английский колледж в Риме был основан в 1578 году валлийцем О. Льюисом для английских и валлийских студентов, между которыми нередко возникали конфликты. Он выразил опасения, что шотландцы и ирландцы вскоре потребуют допуска к обучению, как предполагал английский католический священник Р. Персонс, «сдвинут англичан со своих мест» [Ibid.]. В 1579 году английские студенты действительно были изгнаны, но обратились к папе и успешно заменили своего валлийского ректора итальянским иезуитом на основании национальной несовместимости. Колледжи в Вальядолиде и Дуэ, поддерживаемые испанскими пожертвованиями, официально находились под

покровительством испанцев, но их студенты были разделены. В 1767 году ирландские католики в Испании сумели объединить пожертвования пустующего шотландского колледжа в Вальядолиде с ирландским колледжем в Алькале, совершив переворот, с трудом отмененный ректором английского колледжа в Вальядолиде [Williams, 1986, p. 92—95]. По мнению современника, «разногласия внутри католических общин Испании приводят к столкновению временных и постоянных членов семинарий, иезуитов с францисканцами и доминиканцами, старых англичан и старых ирландцев, недавно прибывших католиков и постоянно проживающих в изгнании, испанских чиновников и гэльской знати» [The Irish in Europe ..., 2001, p. 49—64]. В 1704 году орден иезуитов, который укомплектовал римские колледжи, предложил объединить английские, шотландские и ирландские колледжи в целях повышения эффективности, однако представители трех организаций согласились во мнении, что «три нации никогда не смогут мирно существовать в одном колледже», и это предложение ни к чему не привело [Halloran, 1997, p. 74].

Примерно половина прибывших студентов была рукоположена и возвратилась с миссией в свои родные страны [McCluskey, 2000, p. 35]. Большинство историков сходятся во мнении, что численность католиков Англии и Шотландии значительно сократилась между 1558 и 1794 годами. В 1650 году в Генте насчитывалось сорок английских бенедиктинских монахинь и пятнадцать сестер-мирянок. К 1794 году их число сократилось до тринадцати монахинь и девяти сестер [Annals of the English ..., 1894, p. 70]. В 1591 году Р. Парсонс утверждал, что число учащихся в английском колледже в Вальядолиде «вскоре достигнет 60». Однако после исчезновения в середине XVIII века и затем во время возрождения в конце столетия колледж насчитывал от шестнадцати до двадцати четырех студентов [Williams, 1986, p. 22, 109]. Количество студентов, обучающихся в этих религиозных школах, никогда не было большим, со временем по ряду причин оно заметно снизилось. Многие колледжи были изначально малы: шотландский колледж, основанный в Мадриде в 1627 году, как известно, отправил обратно в Шотландию только семнадцать священников за 140 лет до того, как иезуиты были изгнаны из Испании в 1767 году. Вероятно, по этим причинам английские колледжи в Мадриде и Севилье после 1767 года были присоединены к колледжу в Вальядолиде [Tanner, 1695, p. 267].

4. Католические сообщества в изгнании

Кроме работы в сфере образования и религиозной службы, британских и ирландских католиков привлекала военная карьера. Служба ирландских католиков в качестве наемников континентальных армий Испании, Ав-

стрии и Франции имеет давнюю историю. Служба в войсках короля Испании началась после восстания, начатого в 1594 году Х. О'Нилом, графом Тироном. Служба ирландских военных в испанской армии устраивала испанцев, которым все больше не хватало местных военных кадров. В течение XVII—XVIII веков Ирландия служила местом вербовки испанской монархии, в то время как Габсбурги боролись за сохранение своих раздробленных владений на Пиренейском полуострове. Необходимость установления контроля над многонациональным государством в сочетании с периодами обострения англо-испанских отношений объясняют сохраняющийся интерес испанцев к Ирландии. По мере усиления протестантского интереса к Ирландии роль континентальных европейских армий менялась. В 1580-х — 1590-х и начале 1600-х годов борьба против растущей власти Тюдоров широко приветствовалась и поощрялась в испанской армии. После заключения Лондонского мирного договора та же испанская армия, приняв на службу за границей воинственных ирландских противников Тюдоров и Стюартов, помогла разрядить военную обстановку в Ирландии в пользу правящего режима. Со временем ирландские военные, маргинализированные вследствие введения уголовного законодательства, отправлялись на военную службу в Испанию на постоянной основе. Не только воинственные противники британского правительства, но и сыновья обеспеченных католических семей могли сделать достойную военную карьеру за границей. Континентальные католические державы во главе с Испанией стали играть косвенную роль в стабилизации, а затем и в поддержании власти Стюартов и католических интересов в Ирландии. В католических королевствах ирландцы признавались и принимались как религиозные беженцы [British and Irish emigrants ..., 2010, p. 134]. Завоевание Ирландии Оливером Кромвелем позволило Карлу II в изгнании собрать ряд ирландских полков под защитой Франции, и они сохранили свою идентичность до 1660-х годов. Около 12 000 ирландских солдат покинули родину по условиям Лимерикского договора 1691 года и были завербованы в ирландские полки испанской армии или — преимущественно — в Ирландскую бригаду французской армии. Впоследствии ирландские военные поступали в ряды континентальных армий с явным намерением добиться реставрации Стюартов и восстановления своих прав [De Mesa, 2014, p. 213—216]. В общей сложности «к бригадам за время их существования присоединились 450 000 человек», в то время как «в 1720-х и 1730-х гг. в европейские армии поступало до 1000 солдат в год» [Pittock, 1994, p. 119].

Последние ирландские полки на испанской службе были расформированы только в 1818 году. Католическое дворянство продолжало вербовку в Ирландии. У ирландских католиков были веские причины искать

военную помощь за границей. Победа короля Вильгельма III в Ирландии привела к созданию ирландской католической (якобитской) армии, сформированной и финансируемой Яковом II в изгнании (расформированной в 1697 году, но вновь сформированной в 1701 году) и находящейся под непосредственным командованием короля Людовика XIV. Не только ирландцы составляли военную католическую диаспору: «К 1740-м гг. во Французской Королевской шотландской армии насчитывалось 5000 шотландцев» [Pittock, 1994, p. 126]. После битвы при Фонтенуа в мае 1745 года, в ноябре того же года, в Шотландии высадились в поддержку восстания Карла Эдуарда войска из королевского шотландского полка Лорда Драммонда, добровольцы из Ирландской бригады и всадники из полка Фицджереймса. Один из двух кораблей принца Чарльза был перехвачен королевским флотом, другие были захвачены в море. После поражения якобитского восстания 1745 года три шотландских полка были объединены с ирландской бригадой в 1762 году, а в 1779 году полк Т. Диллона, один из трех, все еще находившихся на французской службе, отправился в Америку вместе с частью полка Уолша. Французская революция открыла католикам возможность служить в британской армии.

Католические купцы, производители и работники предприятий, многие из которых состояли на иностранной службе, способствовали развитию торговли в европейских государствах. Католик из Стретфорда Дж. Холкер был одним из первых в мире агентов промышленного шпионажа. Он приобрел должность в армии принца Чарльза, когда она следовала через его город в 1745 году, сражался за короля и впоследствии служил в якобитском полку во французской армии. Согласно воспоминаниям уэльской писательницы Э. Трейл, посеща Париж с С. Джонсоном в 1775 году, Холкер привез Манчестерскую мануфактуру сюда из Англии в негодовании против правительства, которое не помиловало его за предательство 1745 году [Clark, 2012, p. 169—222] Его нанял глава торгового комитета Даниэл-Чарльз Трудайн для оживления хлопковой промышленности Руана. Вернувшись в Ланкашир, Холкер агитировал квалифицированных рабочих эмигрировать во Францию, забрав с собой машины и оборудование. В результате этого успеха в 1756 году Холкер был назначен на должность генерального инспектора по иностранным делам и продолжил агитацию рабочих промышленных предприятий и мануфактур, содействуя оттоку католиков из Англии в более широком масштабе. От его деятельности зависела французская тяжелая химическая промышленность, начавшая интенсивно развиваться. Эта работа была продолжена его сыном и преемником, преуспевающим текстильным торговцем-промышленником Дж. Холкером, который способствовал внедрению новых технологий производства из Англии

[Ibid.]. Деятельность католиков послужила катализатором развития французской экономики, и к 1789 году «Франция достигла технологического паритета со своим соперником» [British and Irish emigrants ..., 2010, p. 103].

5. Заключение

Переселение британских и ирландских католиков в континентальную Европу не представляло собой единого и согласованного процесса. Вследствие обширного географического охвата движения региональным католическим сообществам приходилось подстраиваться под местные политические условия. Католическая диаспора объединяла представителей знати, военных, политиков, торговцев, ученых и священнослужителей. Передвижение католиков контролировалось представителями церковной элиты, являясь в социологическом плане элитарным явлением. Духовенство выполняло важную руководящую роль в сообществах католиков, способствовало интеграции клерикальных общин в европейские религиозные структуры, а также стремилось создать собственные институты.

Католики прибывали в Европу с унаследованными от предков социальными убеждениями, которые оказались устойчивыми в европейском обществе. Поступление на службу в континентальные колледжи зависело от происхождения, социального статуса, веры и одобрения церковной властью. Некоторые переселенцы ассимилировались в принимающих обществах, но многим другим не удавалось овладеть необходимыми механизмами для успешной интеграции. Для выживания в европейском обществе Старого порядка католики объединялись в профессиональные и религиозные сообщества, создавали сети семинарий, монастырей и религиозных школ. Колледжи были разделены по национальному признаку: англичане, шотландцы и ирландцы имели собственные учреждения.

Региональные и этнические различия между переселенцами оказались препятствием для объединения религиозных школ с целью увеличения католического влияния на родине. Эти учреждения существовали до Французской революции, после которой последовали разрушение ряда религиозных школ и возвращение католиков с континента в Великобританию и Ирландию. Упадок якобитского движения в 1740-х годах лишил диаспору политического определения и привел к постепенной отмене антикатолического законодательства в течение следующей половины столетия. Вербовка ирландских военных на французскую службу заметно сократилась, а эмигрировавшие торговцы, финансисты и политики все больше ассимилировались в европейском обществе. Католические переселенцы в Европе не достигли своей главной цели — политической эмансипации на родине. Зарубежные семинарии помогали поддерживать католицизм внутри

страны, но не способствовали его расширению. Несмотря на то, что английские, шотландские и гэльские колледжи готовили священников к возвращению на родину для миссионерских целей, многие католики не вернулись в родные страны после окончания обучения, а построили карьеру в Европе. Для военных католиков, представителей торгового сообщества и духовенства существовали устойчивые механизмы инкорпорации, позволяющие осуществлять движение по социальной и профессиональной лестнице. Большое значение при этом имели семейные и деловые связи, а брак являлся важнейшим инструментом инкорпорации.

Источники

1. *Allen W.* An Apologie and True Declaration of the Institution and endeouours of the two English Colledges, the one in Rome, the other now resident in Rhemes : against certaine sinister informations giuen vp against the same / W. Allen // Mounts in Henault. — 1581. — 119 p.
2. *Annals of the English Benedictines of Ghent* : now at St. Mary's Abbey, Oulton in Staffordshire. Printed for Private Circulation. — 1894. — 206 p.
3. *Brady W.* Essay on the English state church in Ireland / W. Brady. — London : Longmans, Green, Reader & Dyer, 1869. — 424 p.
4. *Calendar of State Papers, Domestic Series, of the Reign of Elizabeth, 1595—1597*, preserved in Her Majesty's Public Record Office / ed. by M. Green. — London : Longman, Brown, Green, Longmans, & Roberts, 1869. — Vol. 4. — 762 p.
5. *De Voltaire F. A.* Letters Concerning the English Nation / F. A. De Voltaire. — London : C. Davis and A. Lyon, 1733. — 253 p.
6. *Dodd C.* The History of the English College at Doway, from its first Foundation in 1568, to the Present Time / C. Dodd. — London : Bernard Lintott, 1713. — 46 p.
7. *Geddes M.* A View Of all the Orders of Monks and Friars in the Roman Church / M. Geddes, J. Adams // Miscellaneous tracts. — London : J. Churchill, at the Black Swan in Paternoster Row, 1714. — 586 p.
8. *Hildrop J. A.* Caveat against Popery : being A seasonable Preservative against Romish Delusions and Jacobitism, now industriously spread throughout the Nation / J. Hildrop. — London : J. Roberts, in Warwick-Lane, 1735. — 56 p.
9. *Mann A.* A short Chronological Account of the Religious Establishments made by English Catholics on the Continent of Europe / A. Mann // Archaeologia, or Miscellaneous Tracts relating to Antiquity. — London : T. Bensley, Bolt Court, Fleet Street, 1800. — Vol. 13. — 596 p.
10. *Mill J.* The Principles of Toleration / J. Mill. — London : H. Hooper, 1837. — 44 p.
11. *Owen L.* The Running Register : Recording a true relation of the state of the English Colledges, Seminaries and Cloysters in all forraine parts / L. Owen. — London : Printed for Robert Milbourn, 1626. — 118 p.
12. *The Present Danger of Popery in England.* — London, 1703. — 36 p.
13. *Statutes of the Realm.* Vol. 4, part. 1. — London : Dawsons of Pall Mall, reprinted 1963. — 862 p.
14. *Statutes of the Realm* / ed. by Raithby J. — 1820. — Vol. 7 : 1695—1701. — 1820. — 750 p.

15. *Stephens, A.* The Statutes Relating to the Ecclesiastical and Eleemosynary Institutions of England, Wales, Ireland, India, and the Colonies / A. Stephens. — London : John W. Parker, West Strand, 1845. — Vol. 1. — 1312 p.

16. *Tanner T.* Notitia Monastica or a Short History of Religious Houses in England and Wales / T. Tanner. — Oxford : A. and J. Churchill, 1695. — 432 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Beales A.* Education Under Penalty : English Catholic Education from the Reformation to the Fall of James II 1547—1689 / A. Beales. — London : University of London / Athlone Pr, 1963. — 306 p. — ISBN 978-0-4851-1062-3.

2. *British and Irish emigrants and exiles in Europe, 1603—1688* / ed. by D. Worthington. — Boston : Brill. — 2010. — 361 p. — ISBN 978-9-0474-4458-9.

3. *Bueltmann T.* Globalizing St George : English associations in the Anglo-world to the 1930s / T. Bueltmann, D. MacRaid // *Journal of Global History*. — 2012. — Vol. 7. — Pp. 79—105. — DOI: 10.1017/S1740022811000593.

4. *Catholic communities in Protestant states : Britain and the Netherlands c. 1570—1720* / ed. by B. Kaplan et al. — Manchester : Manchester University Press, 2009. — 274 p. — ISBN 978-0-7190-9993-9.

5. *Clark J.* Samuel Johnson : the last choices, 1775—1784 / J. Clark // *The Politics of Samuel Johnson*. Basingstoke / J. Clark, Howard Erskine-Hill. — Basingstoke : Palgrave, 2012. — 230 p. — ISBN 978-0-2303-5599-6.

6. *De Mesa E.* The Irish in the Spanish armies in the seventeenth century / E. de Mesa. — Woodbridge : The Boydell Press, 2014. — 260 p. — ISBN 1843839512.

7. *Guilday P.* The English Catholic Refugees on the Continent 1558—1795 / P. Guilday. — London : Longmans, Green, and Company, 1914. — 480 p. — ISBN 978-1-1724-1841-1.

8. *Halloran B.* The Scots College Paris 1603—1792 / B. Halloran. — Edinburgh : John Donald Publishers Ltd, 1997. — 280 p. — ISBN 0-85976-462-1.

9. *Hazard B.* A new company of crusaders like that of St John Capistran : interaction between Irish military units and Franciscan chaplains, 1579—1654 / B. Hazard // *Extranjeros en el ejército: militares irlandeses en la sociedad española, 1580—1818*. — Madrid : Ministerio de Defensa, 2007. — Pp. 181—197.

10. *Highley C.* “The lost British lamb” : English Catholic exiles and the problem of Britain / C. Highley // *British Identities and English Renaissance Literature*. — Cambridge : Cambridge University Press, 2002. — Pp. 37—50. — ISBN 0521782007.

11. *Klueting H.* Catholic Confessional Migration [Electronic resource] / H. Klueting // *European History Online (EGO)*. Published by the Leibniz Institute of European History (IEG), Mainz 2015-07-30. — Access mode : http://www.ieg-ego.eu/kluetingh-2012-en_ (accessed 20.09.2020).

12. *McCluskey R.* The Scots College Rome, 1600—2000 / R. McCluskey. — Edinburgh : John Donald Press, 2000. — 177 p. — ISBN 0859765245.

13. *Morrissey T.* The Irish student diaspora in the sixteenth century and the early days of the Irish college at Salamanca / T. Morrissey // *Recusant History*. — 1978. — Vol. 14. — Pp. 242—260. — DOI: 10.1017/S003419320000501X.

14. *Netzloff M.* The English Colleges and the English Nation : Allen, Persons, Verstegan, and Diasporic Nationalism / M. Netzloff // *Catholic Culture in Early Modern England*. —

Notre Dame : University of Notre Dame Press, 2007. — Pp. 236—260. — ISBN 978-0-2680-7682-5.

15. *O'Connor T.* Irish Jansenists 1600—1670 : Religion and Politics in Flanders, France, Ireland and Rome / T. O'Connor. — Dublin : Four Courts Press, 2008. — 416 p. — ISBN 978-1-8518-2992-7.

16. *Pittock M.* Poetry and Jacobite Politics in Eighteenth-Century Britain and Ireland / M. Pittock. — Cambridge : Cambridge University Press, 1994. — 258 p. — DOI: 10.1017/CBO9780511519093.

17. *Sowerby S.* Making Toleration : The Repealers and the Glorious Revolution. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2013. — 416 p. — ISBN 978-0-6740-7309-8.

18. *The Irish in Europe 1580—1815* / ed. by T. O'Connor. — Dublin : Four Courts Press, 2001. — 219 p. — ISBN 1851825797.

19. *Underwood L.* Youth, religious identity, and autobiography at the English Colleges in Rome and Valladolid, 1592—1685 / L. Underwood // *Historical Journal*. — 2012. — Vol. 55. — Pp. 349—374. — DOI: 10.1017/S0018246X12000052.

20. *Williams M.* St Albans College Valladolid : Four Centuries of English Catholic Presence in Spain / M. Williams. — New York : St. Martin's Press, 1986. — 288 p. — ISBN 978-0-3126-9736-5.

21. *Williams M.* The Venerable English College Rome : A History. — Leominster : Gracewing, 2008. — 345 p. — ISBN 978-0-8524-4048-3.

MATERIAL RESOURCES

Allen, W. (1581). An Apologie and True Declaration of the Institution and endeouours of the two English Colledges, the one in Rome, the other now resident in Rhemes: against certaine sinister informations giuen vp against the same. In: *Mounts in Henault*. 119 p.

Annals of the English Benedictines of Ghent: now at St. Mary's Abbey, Oulton in Staffordshire. (1894). In: *Printed for Private Circulation*. 206 p.

Brady, W. (1869). *Essay on the English state church in Ireland*. London: Longmans, Green, Reader & Dyer. 424 p.

Calendar of State Papers, Domestic Series, of the Reign of Elizabeth, 1595—1597, preserved in Her Majesty's Public Record Office, 4. (1869). London: Longman, Brown, Green, Longmans & Roberts. 762 p.

De Voltaire, F. A. (1773). *Letters Concerning the English Nation*. London: C. Davis and A. Lyon. 253 p.

Dodd, C. (1713). *The History of the English College at Doway, from its first Foundation in 1568, to the Present Time*. London: Bernard Lintott. 46 p.

Geddes, M., Adams, J. (1714). A View Of all the Orders of Monks and Friars in the Roman Church. In: *Miscellaneous tracts*. London: J. Churchill, at the Black Swan in Paternoster Row. 586 p.

Hildrop, J. (1735). *A Caveat against Popery: being A seasonable Preservative against Romish Delusions and Jacobitism, now industriously spread throughout the Nation*. London: J. Roberts, in Warwick-Lane. 56 p.

Mann, A. (1800). A short Chronological Account of the Religious Establishments made by English Catholics on the Continent of Europe. In: *Archaeologia, or Miscella-*

neous Tracts relating to Antiquity, 13. London: T. Bensley, Bolt Court, Fleet Street. 596 p.

Mill, J. (1837). *The Principles of Toleration*. London: H. Hooper. 44 p.

Owen, L. (1626). *The Running Register: Recording a true relation of the state of the English Colledges, Seminaries and Cloysters in all forraine parts*. London: Printed for Robert Milbourne. 118 p.

Statutes of the Realm, 4 (1). London: Dawsons of Pall Mall, reprinted 1963. 862 p.

Raithby, J. (ed.) (1820). *Statutes of the Realm, 7: 1695—1701*. 750 p.

Tanner, T. (1695). *Notitia Monastica or a Short History of Religious Houses in England and Wales*. Oxford: A. and J. Churchill. 432 p.

The Present Danger of Popery in England. (1703). London. 36 p.

The Statutes Relating to the Ecclesiastical and Eleemosynary Institutions of England, Wales, Ireland, India, and the Colonies, 1. (1845). London: John W. Parker, West Strand. 1312 p.

REFERENCES

Beales, A. (1963). *Education Under Penalty: English Catholic Education from the Reformation to the Fall of James II 1547—1689*. London: University of London/Athlone Pr. 306 p. — ISBN 978-0-4851-1062-3.

Bueltmann, T., MacRaid, D. (2012). Globalizing St George: English associations in the Anglo-world to the 1930s. *Journal of Global History*, 7: 79—105. DOI: 10.1017/S1740022811000593.

Clark, J., Howard Erskine-Hill. (2012). Samuel Johnson: the last choices, 1775—1784. In: *The Politics of Samuel Johnson*. Basingstoke. Basingstoke: Palgrave. 230 p. ISBN 978-0-2303-5599-6.

De Mesa, E. (2014). *The Irish in the Spanish armies in the seventeenth century*. Woodbridge: The Boydell Press. 260 p. ISBN 1843839512.

Guilday, P. (1914). *The English Catholic Refugees on the Continent 1558—1795*. London: Longmans, Green, and Company. 480 p. ISBN 978-1-1724-1841-1.

Halloran, B. (1997). *The Scots College Paris 1603—1792*. Edinburgh: John Donald Publishers Ltd. 280 p. ISBN 0-85976-462-1.

Hazard, B. (2007). A new company of crusaders like that of St John Capistran: interaction between Irish military units and Franciscan chaplains, 1579—1654. In: *Extranjeros en el ejército: militares irlandeses en la sociedad española, 1580—1818*. Madrid: Ministerio de Defensa. 181—197.

Highley, C. (2002). “The lost British lamb”: English Catholic exiles and the problem of Britain. In: *British Identities and English Renaissance Literature*. Cambridge: Cambridge University Press. 37—50. ISBN 0521782007.

Kaplan, B. (ed.). (2009). *Catholic communities in Protestant states: Britain and the Netherlands c. 1570—1720*. Manchester: Manchester University Press. 274 p. ISBN 978-0-7190-9993-9.

Kluebing, H. Catholic Confessional Migration. In: *European History Online (EGO). Published by the Leibniz Institute of European History (IEG), Mainz 2015-07-30*. Available at: <http://www.ieg-ego.eu/kluebingh-2012-en>. (accessed 20.09.2020).

McCluskey, R. (2000). *The Scots College Rome, 1600—2000*. Edinburgh: John Donald Press. 177 p. ISBN 0859765245.

- Morrissey, T. (1978). The Irish student diaspora in the sixteenth century and the early days of the Irish college at Salamanca. *Recusant History*, 14: 242—260. DOI: 10.1017/S003419320000501X.
- Netzlöff, M. (2007). The English Colleges and the English Nation: Allen, Persons, Verstegan, and Diasporic Nationalism. In: *Catholic Culture in Early Modern England*. Notre Dame: University of Notre Dame Press. 236—260. ISBN 978-0-2680-7682-5.
- O'Connor, T. (2001). *The Irish in Europe 1580—1815*. Dublin: Four Courts Press. 219 p. ISBN 1851825797.
- O'Connor, T. (2008). *Irish Jansenists 1600—1670: Religion and Politics in Flanders, France, Ireland and Rome*. Dublin: Four Courts Press. 416 p. ISBN 978-1-8518-2992-7.
- Pittock, M. (1994). *Poetry and Jacobite Politics in Eighteenth-Century Britain and Ireland*. Cambridge: Cambridge University Press. 258 p. DOI: 10.1017/CBO9780511519093.
- Sowerby, S. (2013). *Making Toleration: The Repealers and the Glorious Revolution*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 416 p. ISBN 978-0-6740-7309-8.
- Underwood, L. (2012). Youth, religious identity, and autobiography at the English Colleges in Rome and Valladolid, 1592—1685. *Historical Journal*, 55: 349—374. DOI: 10.1017/S0018246X12000052.
- Williams, M. (1986). *St Albans College Valladolid: Four Centuries of English Catholic Presence in Spain*. New York: St. Martin's Press. 288 p. ISBN 978-0-3126-9736-5.
- Williams, M. (2008). *The Venerable English College Rome: A History*. Leominster: Gracewing. 345 p. ISBN 978-0-8524-4048-3.
- Worthington, D. (2010). *British and Irish emigrants and exiles in Europe, 1603—1688*. Boston: Brill. 361 p. ISBN 978-9-0474-4458-9.

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Архипова Н. Е. Иоанно-дамаскинское церковно-певческое братство в Нижнем Новгороде в начале XX века / Н. Е. Архипова // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 302—316. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-302-316.

Arkhipova, N. E. (2021). John Damascus's Church-Singing Brotherhood in Nizhny Novgorod at Beginning of 20th Century. *Nauchnyi dialog*, 6: 302-316. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-302-316. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-302-316

Иоанно-дамаскинское церковно-певческое братство в Нижнем Новгороде в начале XX века

Архипова Наталья Евгеньевна
orcid.org/0000-0002-2770-680X
кандидат исторических наук, доцент
кафедры философии и
социально-правовых наук
arx78@mail.ru

Волжский государственный университет
водного транспорта
(Нижний Новгород, Россия)

John Damascus's Church- Singing Brotherhood in Nizhny Novgorod at Beginning of 20th Century

Natalia E. Arkhipova
orcid.org/0000-0002-2770-680X
PhD in History, Associate Professor,
Department of Philosophy and
Social and Legal Sciences
arx78@mail.ru

Volga State University of Water Transport
(Nizhny Novgorod, Russia)

© Архипова Н. Е., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается организация, состав, финансовое состояние и деятельность Иоанно-Дамаскинского певческого братства. Актуальность исследования связана с необходимостью возрождения духовно-нравственных ценностей в современном российском обществе. Новизна исследования состоит в том, что впервые по данным хроники церковной прессы реконструировано функционирование братства, хор которого состоял из представителей городского духовенства, а дирижеры были профессиональными музыкантами. Автор отмечает, что, несмотря на увеличение числа исполнителей в мирное время, нестабильный состав хора не позволил ему достигнуть высокого исполнительского мастерства. Показано, что братство выполняло организаторскую, миссионерскую, духовно-просветительскую, благотворительную функции. Доказано, что работа братства способствовала активизации концертно-хоровой деятельности в городе, помогала сохранять древнюю певческую традицию, с одной стороны, а с другой, знакомила слушателей с современной духовной музыкой. Подчеркивается, что в условиях расширения секуляризации в начале XX века, организованные братством благотворительные духовные концерты, помогали поддерживать, укреплять и развивать у слушателей религиозно-нравственные чувства, мысли, настроения. Сделан вывод о том, что ухудшающиеся условия жизни в годы войны, а затем революционные события остановили функционирование организации.

Ключевые слова:

братство любителей древнего пения, хор, духовные концерты, знаменный распев, благотворительность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The organization, composition, financial condition and activities of the John Damascus's singing brotherhood are considered. The relevance of the study is associated with the need to revive spiritual and moral values in modern Russian society. The novelty of the research lies in the fact that for the first time, according to the chronicle of the church press, the functioning of the brotherhood was reconstructed, the choir of which consisted of representatives of the city clergy, and the conductors were professional musicians. The author notes that, despite the increase in the number of performers in peacetime, the unstable composition of the choir did not allow them to achieve high performing skills. It is shown that the brotherhood performed organizational, missionary, spiritual, educational, charitable functions. It is proved that the work of the brotherhood contributed to the activation of concert and choral activities in the city, helped to preserve the ancient singing tradition, on the one hand, and introduced the audience to modern sacred music on the other hand. It is emphasized that in the conditions of the expansion of secularization at the beginning of the 20th century, charitable spiritual concerts organized by the brotherhood helped to maintain, strengthen and develop religious and moral feelings, thoughts, moods in listeners. It is concluded that the deteriorating living conditions during the war years, and then revolutionary events stopped the functioning of the organization.

Key words:

brotherhood of lovers of ancient singing, choir, sacred concerts, znamenny chant, charity.

Иоанно-дамаскинское церковно-певческое братство в Нижнем Новгороде в начале XX века

© Архипова Н. Е., 2021

1. Введение

Сегодня в условиях ослабления духовной составляющей жизни, при ориентации на потребительский стиль актуальность приобретает духовно-нравственное воспитание, одним из важных средств которого является музыка. Она питает своей духовной энергией человека, приподнимая его над жизненной суетой, преобразуя его душу. По мнению А. Ф. Лосева, из всех молитв только музыка по значению приближается к «умной молитве», саму молитву он называл «музыкой небесной любви», говорил о принадлежности музыки к Божественной сфере [Лосев, 1990, с. 493]. В то же время часть общества сегодня проявляет интерес к концертам духовной музыки, возрождается практика древнего знаменного пения во многих монастырях и приходах, организуются школы знаменного пения, которое считается православным каноническим в силу его древности. Знаменный распев, или крюковое пение, — тип церковного хорового пения на Руси в XI—XVII веках, основанного на одноголосном исполнении. Источник его — византийская литургическая практика. Мелодии знаменного распева использовали в своих сочинениях П. И. Чайковский, С. В. Рахманинов и другие композиторы.

Интерес к древнему пению появился в Нижнем Новгороде более века назад и выразился в создании Иоанно-Дамаскинского церковно-певческого братства. В настоящей статье определим состав братства, направления его работы, роль братства в духовной жизни нижегородцев в начале XX века. Нижняя хронологическая граница исследования — 1911 год — начало фактической деятельности братства. В качестве верхней границы можно назвать 1916 год, так как в следующем году братство существовало только формально, не занимаясь репетиционной и концертной работой, хотя официального упразднения организации не произошло. Время реального окончания деятельности остается неизвестным.

Сведения о деятельности певческого братства, собраниях и концертах содержатся в епархиальном периодическом издании «Нижегородский церковно-общественный вестник», на материалах которого попытаемся реконструировать функционирование организации. Также здесь печатались отзывы о концертах, анализ выступлений как самими членами братства,

так и сторонними слушателями. В Центральном архиве Нижегородской области хранится фонд Иоанно-Дамаскинского братства, но его опись включает в себя только одно дело — «Устав» общества. Данный документ издан отдельной брошюрой.

2. Организация и состав братства

В начале 1911 года представители нижегородского духовенства выступили с инициативой создания хора для исполнения древних церковных песнопений, о чем подали заявление епархиальному начальству, которое было удовлетворено. Для собраний его членов был предоставлен Дом братства св. Георгия. Во главе хора встал дирижёр с музыкальным образованием, регент 1 разряда, Иван Николаевич Казанцев, окончивший придворную певческую капеллу. Он безвозмездно приступил к работе. В хор вошло 25 человек из духовенства, могли присоединяться и другие любители пения. Попытка создания подобной организации предпринималась в Н. Новгороде восемью годами ранее, когда при архиерейском доме в течение трех лет существовало певческое общество, но, не выработав устава, распалось. На сей раз устав был создан и утвержден епархиальной властью 28 января 1912 года [Из местной ..., 1911б].

Согласно «Уставу Нижегородского Иоанно-Дамаскинского Церковно-певческого Братства», находившегося под покровительством Нижегородского епископа, цели организации состояли в следующем: исполнение церковно-духовных песнопений, современных церковных произведений; поддержка и развитие в народе интереса к духовному пению, доставление духовного утешения; знакомство слушателей с древними напевами и их переложениями; организация духовных концертов с приглашением столичных и провинциальных хоров, лекторов по церковному пению; собрания для бесед по церковно-певческим вопросам; сохранение древнего пения, рукописей [Устав ..., § 2—5].

Стать членами братства могли и мужчины, и женщины в двух статусах — покровители и собственно исполнители. Первые могли помогать братству своими знаниями, влиянием или финансовыми средствами [Устав ..., § 7].

Во главе братства стояли Совет и общее собрание членов, которое собиралось 1 раз в год или по необходимости. Общее собрание большинством голосов избирало Совет, рассматривало и утверждало предложения Совета по развитию певческого дела, избранию членов братства, утверждало сметы [Устав ..., § 6—11].

Совет братства состоял из председателя, избираемого на 3 года, его заместителя и 6 членов (избираемых на 1 год), в том числе дирижера хора,

а к ним трех кандидатов. Спустя год после начала деятельности братства, когда был утвержден Устав, на собрании братства 15 марта 1912 года единогласно были избраны председателем священник Н. Н. Росляков и его товарищем Н. И. Левицкий, а в совет общества — И. Н. Казанцев (дирижёр), регент 1-ого разряда Л. Н. Соколов, 4 священника: Ф. А. Миловский, С. Н. Плотников, П. М. Ремизов, П. А. Фаминский, 3 кандидата (заместители) — священники В. Г. Хомич, И.П. Преображенский, И. А. Авров [Из местной ..., 1912a].

Члены Совета выбирали двух помощников дирижера, делопроизводителя и казначея. Совет проводил собрания ежемесячно в течение зимнего сезона и по необходимости. Он заведовал всеми делами братства, проверял отчеты, вел переписку, производил расходы, проверял финансы, созывал общее собрание 4 декабря (по ст. стилю) в день преп. Иоанна Дамаскина [Устав ..., § 12—17]. Совет назначал время и место проведения спевков, концертов. Как правило, члены братства собирались каждую неделю для репетиций, кроме летнего периода. Программы публичных хоровых исполнений представлялись на утверждение епископа, а в случае необходимости — местной администрации.

3. Деятельность братства

27 марта 1911 года состоялся первый концерт нового хора кружка любителей древнего пения, как его называли в газетных заметках, совместно с хором Покровской церкви под управлением И. Н. Казанцева. Концерт был устроен в пользу сирот Епархиального женского училища и нуждающихся воспитанниц. Зал дома братства св. Георгия был полон. Здесь присутствовали представители светской и духовной власти: епископы Иоаким и Геннадий, вице-губернатор, губернский предводитель дворянства, почётные лица из местного купечества. Интерес к мероприятию был обусловлен в первую очередь участием известного в городе хора Покровской церкви, который отличался «новизной и разумностью репертуара», талантом дирижёра И. Н. Казанцева, ученика школы Е. С. Азеева и протоиерея М. А. Лисицына. Основой церковного творчества Азеева являлись обработки древних распевов в соответствии со строгим стилем гармонии. М. А. Лисицын — критик-публицист, один из ведущих теоретиков и идеологов Нового направления духовной музыки, способствовавший систематизации современного духовно-музыкального творчества [Артемова, 2014, с. 137]. Так, благодаря участию известного хора горожане получили возможность познакомиться с начинающими исполнителями. Хор духовенства Иоанно-Дамаскинского братства исполнил песнопения знаменного распева («Царю Небесный», «Покаяния», «От юности моя»), в том числе

в переложении дирижера Казанцева. Церковная пресса отмечала, что «впечатление от хора духовенства отрадное, есть солидные голоса», но добавляла, что «есть над чем поработать» [Из местной ..., 1911a].

Братство выступало инициатором и организатором духовных концертов силами соединенных хоров с благотворительными целями. Первый такой концерт состоялся 8 декабря 1911 года в доме братства Св. Георгия; в нем приняли участие Иоанно-Дамаскинский хор под управлением И. Н. Казанцева, хор Покровской церкви и архиерейский хор под управлением Л. Н. Соколова. Каждый хор исполнял свою программу. Общий сбор от концерта составил около 648 рублей, расход — около 178 рублей. Остальные 470 рублей были направлены в адрес беднейших лиц духовного звания, пострадавших от неурожая [Благотворительный ..., 1911]. Церковный вестник отметил данный концерт в качестве важного события в церковно-певческой жизни города, поскольку в нем приняли участие главные музыкальные силы Н. Новгорода. Несмотря на трудность объединения большого количества певцов — от 150 до 200 человек — концерт имел художественный успех. В исполнении «Херувимской» древнего напева Г. Ф. Львовского (соль-минор), «Блажен муж» Киевской Лавры (переложение В. А. Фатеева) мужским хором «слышалась задушевность древней мелодии», а в последнем произведении — «много национального, гармонично сочетавшегося с церковностью напева». «Хор звучал уверенно, задушевно», а местами «могуче» [Отчет ..., 1911].

Весной 1912 года Совет братства постановил из собранных от концертов денег отправить необходимую сумму к Пасхе нуждающемуся духовенству Сергачского и Лукояновского уездов, преимущественно низшим членам причта. В распоряжение комитета по оказанию помощи голодающему духовенству в Нижегородской епархии с 14 января по 25 марта 1912 года поступило 775 рублей, из них 607 рублей от двух концертов Иоанно-Дамаскинского братства [Местная хроника ..., 1912].

Деятельностью братства интересовались в провинции. С открытием навигации 1912 года хор любителей древнего пения по благословению епископа Иоакима отправился в с. Городец для знакомства слушателей с древними и новейшими напевами, где 15 апреля был дан концерт тремя соединенными хорами. Зал библиотеки-читальни был полон. Присутствовало всё местное духовенство, также сюда приехали любители пения из окружающих сел (Катунки, Василева и др.). Совет братства выразил благодарность агенту пароходного общества «По Волге», устроившему льготный проезд хористам [Из местной ..., 1912a; Из местной ..., 1912b].

В ноябре того же года в Доме братства Св. Георгия в пользу воюющих славян Балкан с большим художественным успехом прошли три духовных

концерта с участием четырех хоров: Иоанно-Дамаскинского, архиерейского, соборного и хора Покровской церкви. Один из этих концертов состоялся по инициативе братства специально для учащихся средних учебных заведений бесплатно. Юные слушатели составили до 1000 человек [Тетратр ..., 1912].

Развитие деятельности Иоанно-Дамаскинского хора шло неравномерно. В 1912 году церковная пресса отмечала спетость братского хора, хороший звук. В следующем году член братства священник Ф. Миловский указывал на то, что, несмотря на удачный подбор репертуара и энергичность дирижёра, исполнение оставляло желать лучшего, отсутствовали полная стройность и организованность. Это объяснялось «недостаточной спетостью и заметной убылью прежних исполнителей и наплывом новых» [Из местной ..., 1913а]. Для большого успеха требовался постоянный состав хора.

Общество старалось своей деятельностью привлечь новых членов в свой состав. За первые 2 года братство провело всего 7 концертов в Н. Новгороде и один в Городце. Число членов за это время увеличилось в 2 раза: с 25 до 50 человек. Они же являлись исполнителями хора. Вступление в братство в 1913 году нижегородского музыканта и композитора В. В. Дианина внесло большое оживление в работу кружка. Репетиционный процесс стал сопровождаться использованием фисгармонии, что значительно облегчило разучивание номеров.

Помимо ведения концертной деятельности, члены братства изучали творчество знаменитых духовных композиторов. Священник Ф. Миловский читал братчикам и всем желающим лекции о жизни и творчестве Г. Ф. Львовского, перелагателя древних церковных распевов, регента Петербургского митрополичьего хора, о деятельности композиторов С. В. Смоленского, А. Т. Гречанинова [Акт ..., 1912; Миловский, 1913б]. Композитор В. В. Дианин рассказывал о происхождении музыкальных гармоний и значении древних церковных напевов [Из местной ..., 1913б].

Хор приобретал все большую известность в городе. Однако братчики сомневались в длительном функционировании организации в силу обремененности священников служебными обязанностями. В первой половине сезона 1913—1914 годов было только 4 собрания-спевки, однако все они достаточно аккуратно посещались исполнителями, число которых с каждым собранием росло [Из местной ..., 1913б].

Духовный концерт Дамаскинского, соборного и архиерейского хоров 2 марта 1914 года в доме братства Св. Георгия, проведенный в пользу голодающих галичан, принёс около 313 рублей с учётом расходов на хоры, типографию, афиши, прислугу [Отчёт ..., 1914]. При этом исполнение произведений современных композиторов (С. Смоленского, В. Самсоненко,

А. Кастальского, А. Гречанинова, А. Архангельского) вызвало критику на страницах церковного вестника. По мнению протоиерея Н. Спасского, все композиторы в своих духовных сочинениях ошибочно подражали русской народной песне или оперному пению, стремясь «внести новый, декадентский, стиль в русскую церковную музыку». Протоиерей сетовал на то, что слова древнехристианского гимна «Свете тихий» или песни «Воскресение Христово видевше» прикрывались «плясовой музыкой». «Жалко святых слов!» — восклицал Спасский. Особенно в статье досталось композитору А. А. Архангельскому, главному инспектору Св. Синода по устройству церковных хоров: «Все его произведения бессодержательны и основаны только на звуковых эффектах, да и то заимствованных из оперы». Спасский отмечал, что русский храм — не костёл, поэтому на первом месте в духовном пении должно быть слово, а на втором — музыка как «служительница слова Божия» [Спасский, 1914]. Таким образом, недовольство вызвали западноевропейские влияния на духовную музыку русских композиторов. Русский знаменный распев был всегда сосредоточен на Слове, то есть Смысле. Современный специалист по древнерусской музыке В. И. Мартынов считает даже этот вид богослужебного пения не музыкой и пением, а формой молитвы. Она требует от исполнителя и слушателя внутреннего самоуглубления, растворения в смыслах Слова при минимуме внешних средств выражения. В противоположность этому романтическая музыка содержит меньше мысли, но максимум воображения, чувства, экзальтированности и внешних средств выражения. С развитием в обществе конца XIX — начала XX веков секуляризационных процессов эта музыка становилась все более востребованной людьми, удаляющимися от Бога, но по-прежнему нуждающимися в определенной форме духовности [Кузякина, 2011, с. 28].

Совет Иоанно-Дамаскинского певческого братства организовал грандиозный духовный концерт соединённых нижегородских церковных хоров и братского под управлением известного московского композитора и дирижёра П. Г. Чеснокова. Концерт состоялся 30 марта 1914 года, в Вербное воскресенье, в новом большом зале Нижегородского общественного собрания на ул. Б. Покровская. В процессе личных переговоров с ним одного из членов братства дирижёр определил программу концерта. Она включала три эпохи церковного пения XIX — начала XX веков: первая была представлена именами Д. С. Бортнянского, П. И. Турчанинова, А. Ф. Львова, вторая — именами М. Глинки, Н. Римского-Корсакова, П. Чайковского, третья — новая — А. Кастальским, А. Гречаниновым и П. Чесноковым. Сбор от концерта направлялся в пользу хоров [Из местной ..., 1914]. Концерт собрал много ценителей церковной музыки, приехавших даже из про-

винции. Событие освещалось в статье священника Ф. Миловского, члена Совета братства, и получило положительную оценку. В хоре участвовало не менее 150 певцов. Однако члены Дамаскинского братства были представлены только двенадцатью — пятнадцатью исполнителями. Возможно, это объяснялось трудностью посещения духовными лицами ежедневных продолжительных репетиций под управлением Чеснокова, так как на 6-ой неделе поста у священников было много дел в своих приходах. В результате 5 репетиций Чеснокова с общим хором сформировалась «безукоризненная дисциплина и полное подчинение всем указаниям дирижёра». Концерт прошёл с большим художественным успехом. Любители хорового исполнения давно не слышали «такое могучее пение», по отзыву священника Ф. Миловского. «Верую» Гречанинова по требованию публики исполнялось дважды. Сбор от концерта тоже оказался немалым и составил около 650 рублей. Сожаление вызывало то, что программа концерта не внесла ничего нового в нижегородский церковно-певческий репертуар, поскольку всё уже исполнялось и на сцене, и на клиросе.

Композитор и регент Чесноков выступил и в роли наставника для руководителей и участников хоров. В товарищеской беседе он «говорил о важной миссии регента, сравнивая его с солнцем, а певцов — с цветами». Чтобы заинтересовать хор, «регенту нужно постоянно учиться, следить за церковно-певческой литературой, по возможности, посвящать в эту сферу своих певцов». Чесноков советовал певцам сплотиться в одну дружную семью, обратив внимание на пример Москвы, где у певцов имелся хороший капитал и приют для своих престарелых членов. Пребывание в Нижнем такого крупного композитора, как Чесноков, всколыхнуло церковно-певческую среду и общество и показало, как нужно работать регентам и серьёзно относиться к певческому делу [Миловский, 1914].

4. Финансовое состояние братства

Братство не располагало большими финансовыми средствами. Так, отчет за 1913 год показал, что в кассе организации находилось от 20 до 30 рублей. В начале года братство было озабочено поиском сумм на приобретение необходимой нотной библиотеки. Но к концу года она значительно пополнилась частично на средства братства, полученные в ходе концертов, частично за счет нотных изданий, пожертвованных Ф. Г. Львовским (сыном композитора Г. Ф. Львовского), нижегородским музыкантом М. В. Ворониным и др. [Миловский, 1913а; Миловский, 1913б]. Источником рукописей древних распевов для хора были церковные архивы. Также братство обращалось к духовенству епархии с просьбой присылать рукописные старинные ноты.

Еще в начале сезона 1912 года Совет братства решил заказать икону своего покровителя преподобного Иоанна Дамаскина для размещения ее в зале Дома братства св. Георгия. Из-за отсутствия денег в следующем году братчики открыли добровольную подписку на сбор средств для написания иконы, которая была создана только к 5-летию деятельности организации в художественной мастерской Крестовоздвиженского монастыря [Из местной ..., 1912б; Торжественный ..., 1915].

5. Деятельность братства в годы Первой мировой войны

5-ый сезон деятельности братства был омрачен началом Первой мировой войны. Это внесло свои коррективы в его работу. Епархиальный дом был занят под лазарет, и теперь каждый новый сезон перед Советом вставала проблема поиска места для собраний и репетиций. Известно, что в конце сезона 1914—1915 годов спевки проходили в архиерейской приёмной комнате [Из местной ..., 1916в; Из местной ..., 1916г].

В годы войны у духовенства появились новые обязанности: окормлять лазареты, служить там молебны, вести беседы, чтения с ранеными, совершать всенощные бдения накануне праздников. Это отвлекало священников — членов братства — от певческой деятельности. С другой стороны, братство не могло остаться в стороне и не реагировать на новые условия жизни. В самом начале войны оно пожертвовало на нужды Епархиального лазарета 25 рублей. Очень небольшая сумма, но братство более ничем не располагало. Например, в 1916 году в братской кассе лежало всего 95 рублей [Отклики ..., 1914; Из местной ..., 1916б].

В период Первой мировой войны члены братства выступали с песнопениями перед ранеными в лазарете Георгиевского дома [Общее ..., 1915], участвовали в совместных концертах с архиерейским и соборным хорам в зале Дворянского собрания в пользу Красного Креста [Духовный ..., 1915], для сбора средств на пасхальные подарки воинам, на выдачу пособий к Рождеству бедным семьям лиц, взятых на войну [Торжественный ..., 1915].

В военные годы особо отмечался непостоянный состав хора братства. Это негативно влияло на уровень спетости и усложняло труд дирижёра. Критику снова вызывало исполнение хорами современной духовной музыки А. Д. Кастальского и А. А. Архангельского, поражающей своей «новизной», подходящей, как писалось, более «для эстрады, чем для храма». Наблюдалось охлаждение публики к духовным концертам, уменьшение сборов. Это можно объяснить загруженностью основной части нижегородцев бытовыми проблемами в условиях сложного социально-экономического положения города в годы войны [Из местной ..., 1916а; Архипова, 2014].

19 мая 1916 года на собрании Совета церковно-певческого братства под председательством священника Петропавловской церкви Владимира Хомича слушали прошение некоего Дьячкова епископу Иоакиму с предложением услуг быть регентом Нижегородского Архиерейского хора и организовать при нем курсы для желающих заниматься музыкальной грамотой с приложением примерного устава. Данное прошение и устав епископ доверил рассмотреть Совету Иоанно-Дамаскинского Братства. Идея об основании общенародного хора при архиерейской кафедре и учреждении церковно-певческих курсов для подготовки опытных руководителей была признана «благовременной и приемлемой». Однако о дальнейших действиях в этом направлении ничего не известно [Из местной ..., 1916б]. В связи с вызовом в действующую армию председателя Совета братства священника В. Хомича, согласно изъявленному им желанию, Совет передал все дела братства товарищу председателя священнику Ф. Миловскому [Отъезд ..., 1916].

Сезон 1916—1917 годов был для певческого братства бездеятельным. Так, в январе 1917 года были назначены 3 собрания, но 2 из них не состоялись по причине сильных морозов, а на третье явилось только несколько человек. Дело в том, что большинство исполнителей хора были заняты вечерними подработками на частных занятиях, другие — отправились на фронт. Поэтому собираться на репетиции не было возможности. В таких условиях сначала было принято решение временно приостановить работу хора, затем решили все-таки «организоваться» к концу поста и провести несколько репетиций, чтобы выступить совместно с соборным хором на благотворительном концерте в Вербное воскресенье. Для проведения концерта был еще один повод — 25-летие регентской деятельности члена братства М. В. Воронина [В Иоанно-Дамаскинском ..., 1917]. Однако в следующих выпусках церковного вестника за 1917 год какие-либо сведения о концертах братства отсутствуют.

6. Выводы

Итак, хор братства состоял из духовенства, то есть не из профессионалов, а из любителей, которые владели основами церковного пения. Руководящий состав — дирижеры — были профессиональными музыкантами. В мирное время число хористов выросло в 2 раза. Однако высокому исполнительскому уровню помешала нестабильность кадров, явившаяся следствием многочисленных служебных обязанностей священников. Братство стало инициатором и организатором общих выступлений с другими нижегородскими церковными хорами, сыграло роль в активизации их концертной деятельности. Значимым культурным событием для города стал концерт под управлением столичного композитора П. Чеснокова.

В работе Иоанно-Дамаскинского церковно-певческого братства можно выделить несколько сторон. Как известно, музыка есть тот уникальный вид искусства, влияние которого на душу и сознание человека трудно переоценить по силе этого воздействия. Несмотря на недолгий период деятельности (6 лет), концертная деятельность Иоанно-Дамаскинского братства способствовала поддержанию, укреплению и развитию у нижегородцев и гостей города религиозно-нравственных чувств и мыслей, религиозного настроения, особенно в тогдашних условиях охлаждения к церковной жизни. Через восприятие на братских концертах духовной музыки, текстов служебных песнопений, где отражены события Священной истории, слушатель попадал в атмосферу церковного богослужения, возвращался к мыслям о Боге, вере. Очевидна миссионерская функция братства. Духовно-просветительская сторона деятельности общества состояла в знакомстве слушателей как с древними распевами, так и с церковными песнопениями современных композиторов. Это способствовало сохранению канонической певческой традиции с ее особым вниманием к тексту, смыслу и приобщению к новым направлениям современной духовной музыки. Однако последняя была неоднозначно воспринята церковной общественностью из-за ее ориентации на звуковые эффекты светской музыки.

Еще одна сторона деятельности организации — благотворительная, особенно в сложных условиях военного времени. К сожалению, материальные возможности братства были очень скромными.

Становлению братства в качестве ведущей организации в церковно-музыкальной сфере Н. Новгорода помешала война, а затем революция. Состав хора стал еще более подвижным и сокращался. Организация фактически была вынуждена приостановить свою деятельность из-за нехватки исполнителей, занявшихся решением насущных проблем или уехавших на фронт. В дальнейшем в связи с революционными событиями работа братства, вероятно, так и не возобновилась.

Источники

1. *Акт Иоанно-Дамаскинского братства* // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 16 декабря. — 1912.
2. *Благотворительный духовный концерт* // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 4 декабря. — 1911.
3. *В Иоанно-Дамаскинском церковно-певческом братстве* // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 12 февраля. — 1917.
4. *Духовный концерт* // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 22 марта. — 1915.
5. *Из местной епархиальной хроники* // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 25 марта. — 1912а.

6. *Из местной епархиальной хроники* // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 9 февраля. — 1914.
7. *Из местной епархиальной хроники* // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 27 марта. — 1916а.
8. *Из местной епархиальной хроники* // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 29 мая. — 1916б.
9. *Из местной епархиальной хроники* // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 9 ноября. — 1916в.
10. *Из местной епархиальной хроники. Духовный концерт* // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 3 апреля. — 1911а.
11. *Из местной епархиальной хроники. Духовный концерт соединённых хоров* // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 17 марта. — 1913а.
12. *Из местной епархиальной хроники. Иоанно-Дамаскинское братство* // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 1 декабря. — 1913б.
13. *Из местной епархиальной хроники. Иоанно-Дамаскинское братство любителей древнего пения* // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 2 сентября. — 1912б.
14. *Из местной епархиальной хроники. Иоанно-Дамаскинское церковное певческое братство* // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 21 декабря. — 1916г.
15. *Из местной епархиальной хроники. Кружок исполнителей древнего церковного пения* // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 1911б. — 20 марта.
16. *Из местной епархиальной хроники. Поездка в с. Городец* // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 22 апреля. — 1912в.
17. *Местная хроника. На голодающее духовенство* // Нижегородский листок. — 9 апреля. — 1912.
18. *Миловский Ф. Из Иоанно-Дамаскинского братства любителей древнего пения* // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 20 января. — 1913а.
19. *Миловский Ф. Из местной епархиальной хроники* // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 20 апреля. — 1914.
20. *Миловский Ф. Из местной епархиальной хроники. Праздник в Иоанно-Дамаскинском братстве* // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 8 декабря. — 1913б.
21. *Общее собрание членов Иоанно-Дамаскинского братства* // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 15 февраля. — 1915.
22. *Отклики духовенства, церквей и монастырей на нужды войны* // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 28 сентября. — 1914.
23. *Отчёт о концерте в пользу беднейшего духовенства Нижегородской Епархии, бывшем 8 декабря сего года. Еще о духовном концерте 8 декабря* // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 18 и 24 декабря. — 1911.
24. *Отчёт по устройству духовного концерта 2 марта 1914 г.* // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 16 марта. — 1914.
25. *Отъезд в армию* // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 5 июня. — 1916.
26. *Спасский Н. Современное церковное пение / Н. Спасский* // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 9 марта. — 1914.
27. *Театр и музыка* // Нижегородский листок. — 6 ноября. — 1912.
28. *Торжественный молебен и акт Иоанно-Дамаскинское Церковно-певческого братства* // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 6 декабря. — 1915.

29. *Устав* Нижегородского Иоанно-Дамаскинского Церковно-певческого братства. — Н. Новгород : Типография И. Серкина, б/г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артемova Е. Г.* Протоиерей М. А. Лисицын идеолог Нового направления духовной музыки / Е. Г. Артемova // Вестник ПСТГУ. Серия 5: Вопросы истории и теории христианского искусства. — 2014. — № 1 (13). — С. 136—148.
2. *Архипова Н. Е.* Работа органов городского самоуправления Нижнего Новгорода в социальной сфере в годы первой мировой войны / Н. Е. Архипова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 6—1 (44). — С. 15—18.
3. *Кузякина Т. И.* Музыка и духовный мир человека / Т. И. Кузякин // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2011. — № 17 (2). — С. 23—33
4. *Лосев А. Ф.* Музыка как предмет логики / А. Ф. Лосев // Из ранних произведений. — Москва : Правда, 1990. — 550 с.

MATERIAL RESOURCES

- Ioanno-Damaskinskiy Brotherhood Act. (1912). *Nizhny Novgorod church and public bulletin, 16 december.* (In Russ.).
- Charity theological concert. (1911). *Nizhny Novgorod church and public bulletin, 4 december.* (In Russ.).
- Charter of the Nizhny Novgorod Ioanno-Damaskinskiy church-singing brotherhood.* N. Novgorod: Typography I. Serkina. (In Russ.).
- Departure for the army. (1916). *Nizhny Novgorod church and public bulletin, 5 June.* (In Russ.).
- Church concert. (1915). *Nizhny Novgorod church and public bulletin, 22 march.* (In Russ.).
- From the local diocesan chronicle. (1912a). *Nizhny Novgorod church and public bulletin, 25 march.* (In Russ.).
- From the local diocesan chronicle. (1914). *Nizhny Novgorod church and public bulletin, 9 february.* (In Russ.).
- From the local diocesan chronicle. (1916a). *Nizhny Novgorod church and public bulletin, 27 march.* (In Russ.).
- From the local diocesan chronicle. (1916b). *Nizhny Novgorod church and public bulletin, 29 may.* (In Russ.).
- From the local diocesan chronicle. (1916c). *Nizhny Novgorod church and public bulletin, 9 november.* (In Russ.).
- From the local diocesan chronicle. Church concert. (1911a). *Nizhny Novgorod church and public bulletin, 3 april.* (In Russ.).
- From the local diocesan chronicle. Church concert connected choirs. (1913a). *Nizhny Novgorod church and public bulletin, 17 march.* (In Russ.).
- From the local diocesan chronicle. Ioanno-Damaskinskiy Brotherhood. (1913b). *Nizhny Novgorod church and public bulletin, 1 december.* (In Russ.).
- From the local diocesan chronicle. Ioanno-Damaskinskiy Brotherhood of amateurs of ancient singing (1912b). *Nizhny Novgorod church and public bulletin, 2 september.* (In Russ.).

- From the local diocesan chronicle. Ioanno-Damaskinskiy church singing brotherhood. (1916d). *Nizhny Novgorod church and public bulletin, 21 december*. (In Russ.).
- From the local diocesan chronicle. A trip to the village Gorodets. (1912c). *Nizhny Novgorod church and public bulletin, 22 april*. (In Russ.).
- From the local diocesan chronicle. Circle of performers of ancient church singing. (1911b). *Nizhny Novgorod church and public bulletin, 20 march*. (In Russ.).
- General meeting of members of the Ioanno-Damaskinskiy brotherhood. (1915). *Nizhny Novgorod church and public bulletin, 15 february*. (In Russ.).
- In the Ioanno-Damaskinskiy church-singing brotherhood (1917). *Nizhny Novgorod church and public bulletin, 12 february*. (In Russ.).
- Local chronicle. On the starving clergy. (1912). *Nizhegorodskiy listok, 9 april*. (In Russ.).
- Milovskiy, F. (1913a). From the Ioanno-Damaskinskiy Brotherhood of amateur of ancient singing. *Nizhny Novgorod church and public bulletin, 20 January*. (In Russ.).
- Milovskiy, F. (1913b). From the local diocesan chronicle. Celebration in the Ioanno-Damaskinskiy Brotherhood. *Nizhny Novgorod church and public bulletin, 8 december*. (In Russ.).
- Milovskiy, F. (1914). From the local diocesan chronicle. *Nizhny Novgorod church and public bulletin, 20 april*. (In Russ.).
- Report on the concert in favor of the poorest clergy of the Nizhny Novgorod Diocese, which was on December 8 this year. More about the sacred concert on December 8. (1911). *Nizhny Novgorod church and public bulletin, 18 (24) december*. (In Russ.).
- Report on the arrangement of a spiritual concert on March 2, 1914. (1914). *Nizhny Novgorod church and public bulletin, 16 march*. (In Russ.).
- Responses of the clergy, churches and monasteries to the needs of the war. (1914). *Nizhny Novgorod church and public bulletin, 28 September*. (In Russ.).
- Solemn prayer service and act to Ioanno-Damaskinskiy church-singing brotherhood. (1915). *Nizhny Novgorod church and public bulletin, 6 december*. (In Russ.).
- Spasskiy, N. (1914). Contemporary church singing. *Nizhny Novgorod church and public bulletin, 9 march*. (In Russ.).
- Theater and music. (1912). *Nizhegorodskiy listok, 6 november*. (In Russ.).

REFERENCES

- Arkipova, N. E. (2014). The work of the city government of Nizhny Novgorod in the social sphere during the First World War. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice, 6—1 (44)*: 15—18. (In Russ.).
- Artemova, E. G. (2014). Archpriest M. A. Lisitsyn is the ideologist of the New Direction of Sacred Music. *Bulletin of PSTGU. Series 5: Questions of History and Theory of Christian Art, 1 (13)*: 136—148. (In Russ.).
- Kuzyakina, T. I. (2011). Music and the theological world of man. *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts, 17 (2)*: 23—33. (In Russ.).
- Losev, A. F. (1990). Music as a subject of logic. In: *From early works*. Moscow: Pravda. 550 p. (In Russ.).

Беспалова К. А. Французские военнопленные на юге Советской России весной и летом 1919 года / К. А. Беспалова // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 317—331. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-317-331.

Bespalova, K. A. (2021). French Prisoners of War in South of Soviet Russia in Spring and Summer of 1919. *Nauchnyi dialog*, 6: 317-331. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-317-331. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-317-331

Французские военнопленные на юге Советской России весной и летом 1919 года

Беспалова Ксения Андреевна

orcid.org/0000-0001-8391-8017

младший научный сотрудник
лаборатория эдиционной археографии
ksenia.bespalova@urfu.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда (проект
№ 20-78-10014 «От Согласия к Пакту:
франко-русские / франко-советские
отношения в период 1890—1930-х гг.»)

French Prisoners of War in South of Soviet Russia in Spring and Summer of 1919

Ksenia A. Bespalova

orcid.org/0000-0001-8391-8017

Junior Researcher
Laboratory of Traditional Archeography
ksenia.bespalova@urfu.ru

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

The research is sponsored by a grant
of the Russian Science Foundation,
Grant 20-78-10014 “From Entente to Pact:
French-Russian / French-Soviet relations
during the period of 1890—1930s”

© Беспалова К. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается сюжет о пребывании в плену на юге России французских военнослужащих в период завершения интервенции стран Антанты (весна-лето 1919 года). Актуальность исследования обусловлена необходимостью пересмотра устоявшейся в отечественной историографии точки зрения о добровольном и массовом переходе французских военных на сторону большевиков. Автор останавливается на обстоятельствах пленения и период содержания в плену иностранцев. Особое внимание уделяется попытке большевиков распространить идеи левого движения и привлечь пленных в ряды Красной армии. Отмечается, что данная деятельность проводилась посредством создания коммунистических групп при Иностранной коллегии в Одессе. На примере работы сотрудников Французской коммунистической группы удалось выявить агитационно-пропагандистские методы склонения компатриотов на сторону большевиков. Новизна исследования видится в том, что для реконструкции способов агитации автором были привлечены материалы архива Министерства обороны Франции, которые позволяют определить круг агитаторов и конкретизировать методы вербовки иностранцев. Автором доказано, что массового перехода на сторону большевиков не было, агитаторам удалось склонить лишь единицы пленных французов и большинство военнослужащих остались верны данной присяге.

Ключевые слова:

Гражданская война; интервенция; военнопленные; Французская коммунистическая группа; генерал Франше д'Эспере.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines the plot about the stay of French servicemen in captivity in the south of Russia at the end of the intervention of the Entente countries (spring-summer 1919). The relevance of the study is due to the need to revise the point of view established in Russian historiography about the voluntary and massive transition of the French military to the side of the Bolsheviks. The author dwells on the circumstances of captivity and the period of detention of foreigners. Particular attention is paid to the attempt by the Bolsheviks to spread the ideas of the left movement and attract prisoners to the ranks of the Red Army. This activity was carried out through the creation of communist groups at the Foreign Collegium in Odessa. Using the example of the work of the French Communist Group employees, it was possible to identify agitation and propaganda methods of persuading the compatriots to the side of the Bolsheviks. The novelty of the study is seen in the fact that for the reconstruction of the methods of campaigning, the author involved materials from the archives of the French Ministry of Defense, which make it possible to determine the circle of agitators and concretize methods of recruiting foreigners. The author proved that there was no mass transition to the side of the Bolsheviks, the agitators managed to persuade only a few prisoners of the French and most of the servicemen remained faithful to this oath.

Key words:

Civil War; intervention; prisoners of war; French Communist Group; General Franchet d'Espere.

Французские военнопленные на юге Советской России весной и летом 1919 года

© Беспалова К. А., 2021

1. Историография, источники и постановка проблемы

Одесская эвакуация военных сил Антанты в апреле 1919 года стала переломным моментом Гражданской войны на юге России. Вместе с уходом союзных войск канули надежды белого движения на внешнюю помощь в борьбе против большевиков. В частности, белые генералы возлагали большие надежды на помощь со стороны Франции, поскольку данная территория являлась зоной влияния этой страны по Англо-французской конвенции от 23 декабря 1917 года о разделе России. Французские представители присутствовали в южных городах России, а именно в Одессе, Киеве, Севастополе, и всеми силами пытались влиять на ситуацию в этом регионе.

Спешное оставление Северного Причерноморья войсками стран Антанты и, в особенности, скорый вывод французских войск (4—7 апреля 1919 года) и сегодня представляются любопытными сюжетами истории интервенции. Эти события породили в историографии хрестоматийную точку зрения о буквальном бегстве интервентов с южных территорий современных России, Украины и акватории Черного моря. Эта точка зрения сложилась, в первую очередь, благодаря советским историкам. Основные причины этого «бегства» исследователи видели в том, что десятки тысяч французских солдат, осознав, что были обмануты империалистическими правительствами [Жаров и др., 1960, с. 118.], отказались сражаться против войск Красной армии. Историки утверждали, что французские моряки неоднократно уклонялись от выполнения приказов своих офицеров [Зак, 1989, с. 56, 63; Дело трудящихся всего мира, 1957, с. 162], братались с русскими солдатами [Дело трудящихся всего мира, 1957, с. 164], демонстрируя братскую солидарность [Ле Рамей и др., 1976, с. 8], а после добровольно оставались в России и вступали в ряды Красной армии. Излюбленным сюжетом советской историографии, свидетельствующим о единодушии французских военных, был ряд стихийных мятежей французских моряков после эвакуации основных французских сил [Зак, 1989, с. 74, 81]. Эти мятежи переросли в столкновения матросов и офицеров на линкорах «Жан Бар», «Франс», «Жюстис», «Мирабо», «Вольтер» и крейсерах «Дю Шела», «Вальдек-Руссо». Однако современные историки, пересматривая оценки

событий весны 1919 года, полагают, что экстренная эвакуация французов была связана отнюдь не с волнениями в рядах военных, но с целым комплексом причин [Шубин, 2018; Пученков, 2013], с которым столкнулись бывшие союзники. Уставшие от войны французские солдаты, многие из которых были мобилизованы еще в период Первой мировой войны, были вынуждены находиться на «непонятной войне после войны» [Шубин, 2018, с. 335], которой не желали [Munholland, 1981, p. 55], а миф о восстаниях солдат и моряков был порожден советской историографией [Попов, 2019, с. 278].

После объявленной эвакуации военные столкновения между смешанными греко-французскими войсками и Красной армией еще продолжались. В ходе этих сражений красноармейцы нередко брали в плен иностранных солдат. Причиной того служило стремление большевиков пополнить ряды Красной армии за счет пленников, которые сформировали бы интернациональные полки. Так, Одесса стала одним из важных пунктов формирования интернациональных частей. В этом городе был образован 1-й интернациональный полк, включивший многочисленных иностранных военных, в том числе и французских [Цвилюк, 1987, с. 225]. Мобилизации солдат в интернациональные подразделения способствовала работа иностранных коммунистических групп [Цвилюк, 1987, с. 225]. В апреле 1919 года с установлением Советской власти в Одессе при Губкоме КП(б) У была воссоздана Иностранная коллегия, которая включила в себя ряд национальных групп [Гражданская война, 1983, с. 226]. Это были английская, сербская, немецкая, французская, немецкая и другие коммунистические ячейки. Реконструкция методов Французской коммунистической группы нам позволяет продемонстрировать различные способы вербовки иностранцев. Современниками сообщалось, что французские коммунисты практиковали настоящий террор против их соотечественников [SHD/T, 7 NN 2013, p. 121], что позволяет поставить под сомнение убеждение о добровольном переходе иностранных военных на сторону большевиков.

Источниковую базу данного исследования составляют телеграммы и отчеты представителей французской разведки о ситуации на Украине. При этом наиболее информативным источником являются рапорты главнокомандующего союзными войсками на юге России — генерала Луи-Феликса Мари-Франсуа Франше д'Эспере (1856—1942). Указанные материалы хранятся в фондах архива Министерства обороны Франции, преимущественно в «Деле французского коммуниста Жака Садуля» [SHD/T, 7 NN 2013]. Дело представляет собой досье на бывшего капитана Французской военной миссии, направленного в Россию в 1917 году. Летом 1918 года Ж. Садуль покинул ряды миссии и перешел на службу к большевикам, за что

в 1919 году военным судом Франции ему заочно был вынесен смертный приговор. Досье на Жака Садуля собиралось французской разведкой с 1918 по 1924 годы и было использовано во время судебного процесса по делу о дезертирстве в апреле 1925 года, после его возвращения на родину. Поскольку Ж. Садуль являлся одним из главных пропагандистов в среде французских военнослужащих и гражданских лиц, проживающих на территории России, в деле встречаются свидетельства современников и отчеты разведслужб о методах и масштабе проводимой им агитационной работы. Немалую долю составляют источники, свидетельствующие о деятельности Ж. Садуля именно на юге России, в том числе о его агитационной работе в рядах французских военных. Автором также привлечены отчеты экономического отдела Генерального штаба армии Франции на юге России, занятом Добровольческой армией, доклады генерала Франше д'Эспере о ситуации и потребностях армии генерала А. Деникина [SHD/T, 7 N 802], отчеты об обстановке на Украине в целом. Кроме того, использованы выписки из материалов газет, радио и телефонограммы, касающиеся внешней политики Советского государства, состояния Красной армии и масштабов большевистской пропаганды [SHD/T, 7 N 799].

2. Места и обстоятельства пленения французских военных

По свидетельствам французских солдат и моряков, их пленение происходило в разных населенных пунктах Причерноморья: в Бендерах были схвачены солдаты из Первой дивизионной артиллерийской группы пехоты; несколько французских моряков были пленены в Одессе [SHD/T, 7 NN 2013, р. 69—70]; в селе Еремеевка 5 апреля при выполнении задания 11 солдат были атакованы и схвачены 50 красными кавалеристами [SHD/T, 7 NN 2013, р. 636]; в Овидиополе 12 апреля были пленены еще несколько человек [SHD/T, 7 NN 2013, р. 638]. Кроме того, были и другие места пленения, такие как Николаев и берег Днестра [Body, 2003, р. 97]. После ареста все пленники были лишены личных вещей, в том числе и ценностей, и были доставлены в Одессу. Там они были временно зачислены на довольствие в 1-й интернациональный полк, включавший солдат всех национальностей [SHD/T, 7 NN 2013, р. 71]. О количестве военнопленных источники сообщают противоречивые сведения. По данным французского генерала Франше д'Эспере, пленников было около 40 человек [SHD/T, 7 NN 2013, р. 62]. Эти же цифры подтверждают и некоторые другие источники [Masson, 1982, р. 428]. Однако один из сотрудников Французской коммунистической группы М. Боди (1894—1984) сообщал, что пленных французов было гораздо больше, около сотни [Body, 2003, р. 97]. На наш взгляд, французский коммунист преувеличивает или включает в это число

всех увиденных им пленных иностранцев, поскольку такое существенное количество пленников являлось бы большой потерей для французских войск во время локального конфликта.

Важно отметить, что пленные французы были не только на юге страны, но и в центральной России. В 1918—1919 годах между правительствами Франции и России велись переговоры об обмене французских военнопленных на солдат Русского экспедиционного корпуса, находившихся в годы Первой мировой войны во Франции. Нарком иностранных дел РСФСР Г. Чичерин заявлял, что французская репатриация возможна только в том случае, если для этого будут соблюдены все договоренности [SHD/T, 7 N 799]. Договоренности включали в том числе и условия содержания русских пленных, и их скорую репатриацию. Положение пленников осложнялось перешедшими во враждебное состояние франко-русскими отношениями после отъезда официальных представителей союзных стран из России 25 июля 1918 года [Галкина, 2020, с. 208]. Что касается положения пленников юга страны, то из Киева, Одессы, Харькова и Николаева были также выдворены консулы нейтральных государств, а вместе с ними исчезли и все возможные гарантии по спасению пленников. К тому же успехи Добровольческой армии могли бы заставить большевиков принять более жесткие меры по отношению к ним, и пленные могли бы попросту погибнуть в ответных репрессиях на антибольшевистские действия других правительств [SHD/T, 7 N 799]. Очевидно, что большевики содержали в плену иностранных военных для оказания давления на враждебно настроенные к ним правительства других стран, а также для обеспечения гарантий возвращения русских солдат на родину.

3. Публикационная деятельность Французской коммунистической группы как метод привлечения военных в Красную армию

Возвращаясь к методам вербовки соотечественников, используемым Французской коммунистической группой, отметим, что одним из способов привлечения в ряды Красной армии являлась агитационно-пропагандистская работа. По материалам источников, главных пропагандистов было несколько: два бывших сотрудника французской военной миссии — *Жак Садуль, организатор и руководитель пропаганды, Марсель Боди, его секретарь, а также Стелла Коста, журналистка из Бельгии* (информант несколько ошибается, поскольку Стелла Коста была уроженкой Люксембурга), *некто Жозеф, которого представляли как француза, другие — как русского* (речь идет о Жозефе Давуане, который, будучи французским матросом, бежал с корабля и изъявил желание вступить в интернациональ-

ные войска [Цвилюк, 1987, с. 175], отсюда и его определение как не то француза, не то русского) и *майор Кукарский или Кокарский, бывший военный из Иностранного легиона* [SHD/T, 7 NN 2013, р. 71]. Стремясь как можно шире внедрить идеи большевиков, агитаторы издавали в Одессе и Киеве газеты «Le communist» и «Drapeau rouge» на нескольких иностранных языках и распространяли их по линии фронта; также подготавливались листовки с воззваниями к французским военным о присоединении к революционной борьбе. Нередко в этих материалах приводились примеры единодушия французских солдат и моряков с русским народом [Цвилюк, 1987, с. 169] с целью воздействия на чувства читающих. Печатавшиеся статьи были направлены на поднятие революционных настроений [Южакова, 1975, с. 210], зачастую высказывалось осуждение внешней политики Франции. Любопытно, но брошюры часто содержали орфографические ошибки и выглядели как переводы русских текстов [Masson, 1982, р. 323]. Это свидетельствует о том, что подготовкой материалов для газет и листовок для французской аудитории занимались не только французские агитаторы, но лица, слабо владеющие французским языком, хотя тексты позиционировались как обращения французов к французам. Тем не менее статьи и призывы широко распространялись агитаторами среди военнопленных, в городах, где дислоцировались иностранные военные, по линии фронта и доходили до Салоник, Константинополя и Марселя — до тех пунктов, где формировались войска Антанты для отправки на юг России.

4. Агитационно-пропагандистская активность Французской коммунистической группы среди военнопленных

Другим способом привлечения военных на сторону большевиков была устная агитация. Сотрудники Французской коммунистической группы организовывали собрания для франкоговорящего населения южных городов и военнослужащих. Так, например, в Киеве каждый вторник имели место пропагандистские конференции среди членов французской колонии [SHD/T, 7 NN 2013, р. 84]. В Одессе похожие мероприятия проводились в Муниципальном театре, в казармах военнослужащих и непосредственно в бюро Французской коммунистической группы на Николаевском бульваре (ныне Приморский). Заключение были обязаны посещать коммунистические мероприятия [SHD/T, 7 NN 2013, р. 84], и нередко для этого красноармейцы применяли силу [SHD/T, 7 NN 2013, р. 72]. Во время личных встреч с иностранными солдатами французские коммунисты стремились донести до них истинные (на их взгляд) мотивы интервентов [Coeuré, 2014, р. 94],

их приглашали поддержать Советскую Россию и, напоминая о революционном прошлом Франции, призывали быть достойными сынами Парижской коммуны [Цвилюк, 1987, с. 168]. За всеми этими лестными и воодушевляющими призывами стояло стремление пропагандистов привлечь как можно больше adeptов в ряды Красной армии. Хотя, конечно же, с точки зрения французских властей, не разделявших левую идею, агитаторы занимались откровенным склонением французских солдат к предательству [SHD/T, 7 NN 2013, р. 61] и дезертирству. Нередко для привлечения в ряды Красной армии агитаторами использовались заведомо ложные сведения. Пленников обманывали, например, сообщали им, что немцы выиграли войну [SHD/T, 7 N 799], или на вопросы, почему им не дают присоединиться к отплывающим на родину компатриотам, отвечали, что французское командование отказалось их брать на борт, поскольку они заражены большевизмом [SHD/T, 7 NN 2013, р. 638].

Помимо этого, военнопленных вынуждали участвовать в смотрах, манифестациях, чтобы таким образом создать видимость многочисленности и интернациональности коммунистического движения [SHD/T, 7 NN 2013, р. 69—70]. Например, по случаю празднования 1 мая в Киеве прошла демонстрация большевиков, включающая русских, украинцев, чехов, поляков и французов. Источники свидетельствуют, что, запуганные шефами Французской коммунистической группы, иногда — угрозами лишения пропитания [SHD/T, 7 N 802], французские пленные шли конце шествия и провозглашали коммунистические лозунги «Долой республиканскую буржуазию» и «Да здравствует коммунизм!» На униформу некоторых был прикреплен маленький красный бантик [SHD/T, 7 NN 2013, р. 84], символизирующий идейную принадлежность левому движению. Пленники надевали эти «отличительные знаки», поскольку в обмен на фотоснимки с данными атрибутами им обещали освобождение из плена [SHD/T, 7 NN 2013, р. 638]. В Одессе при праздновании Дня взятия Бастилии 14 июля пленники приняли участие в шествии под «Интернационал»; проходя перед фотоаппаратами, они должны были выкрикивать «Да здравствует Интернационал!» Цель этих мероприятий заключалась в стремлении компрометировать французских солдат перед их офицерами и впечатлить местное население, демонстрируя многочисленность иностранцев, примкнувших к большевикам [SHD/T, 7 NN 2013, р. 72].

Более того, в военные части являлись большевистские агитаторы, в том числе и хорошо владеющие французским языком [Жаров и др, 1960, с 120]. Проводя активную пропаганду, они стремились уговорами и убеждениями мобилизовать военнопленных для вступления в Красную армию [SHD/T, 7 NN 2013, р. 635], что, по свидетельству источников, для пленников было

равносильно смерти [SHD/T, 7 N 799]. Также пленникам предлагали вступить в интернациональный батальон в Одессе или наняться на военные заводы в Николаеве [SHD/T, 7 NN 2013, р. 637], где их работа была бы вознаграждена [SHD/T, 7 NN 2013, р. 636]. Других же призывали остаться в штабе *генерала* Григорьева (Судя по всему, ошибка в источнике: речь идет об атамане Григорьеве [SHD/T, 7 NN 2013, р. 638]). Но, как гласят источники, на эти предложения, даже подкрепленные финансовыми выгодами, пленники отвечали отказом. Им казалось, что русские были готовы силой [SHD/T, 7 NN 2013, р. 637] сделать из них агентов большевиков [SHD/T, 7 N 799]. С уговорами приходили несколько раз [SHD/T, 7 NN 2013, р. 638], давая время для размышлений, затем угрожали, что при следующем визите всех пленников отсортируют на коммунистов и некоммунистов и первые будут отпущены и вознаграждены, а другие останутся в тюрьме [SHD/T, 7 NN 2013, р. 637]. На окончательный отказ военных предать данную присягу часто применялись наказания без суда и следствия [SHD/T, 7 N 799]. За отказ от соблазнительных предложений военнопленных отправляли на допросы, нередко содержали в скучных условиях с минимальным питанием, отправляли в тюрьмы или в землянки без одеял и доступа кислорода [SHD/T, 7 NN 2013, р. 637—638], расстреливали тех, кто был глубоко враждебен большевизму [Masson, 1982, р. 435].

5. Отношение французских агитаторов к пленным компатриотам

Несмотря на свидетельства современников о порой бесчеловечных методах мобилизации заложников в ряды Красной армии, нужно сказать, что, судя по всему, эти показания несколько преувеличены. В целом с заключенными обращались достойно, и они даже могли свободно перемещаться по городу [Masson, 1982, р. 435]. Этот факт, конечно, не отрицает того, что проявления бесчинства со стороны французских агитаторов имели место быть, но, в то же время говорит о том, что эти случаи были единичными. Кроме того, важно отметить, что со стороны сотрудников Французской коммунистической группы имелось проявление заботы о компатриотах [Зак, 1989, с. 66]. По воспоминаниям М. Боди, он в сопровождении коллег приходил в тюрьму к пленникам с хлебом [Body, 2003, р. 100], чтобы подкормить заключенных. Также на пропитание французских солдат группой выделялись средства: например, в июле 1919 года было выделено 3320 рублей [РГАСПИ, ф. 502, оп. 1, д. 6, л. 74.]. Более того, в Киеве были сформированы комитеты для помощи заложникам. Эти ассоциации, обладая весьма значительным капиталом, снабжали дополнительным питанием пленников и выделяли на каждого по 100 рублей в месяц для покрытия покупок свежего мяса, белья, чистой и теплой одежды [SHD/T, 7 NN 2013,

р. 87]. Для облегчения пребывания в плену заложников и их скорейшего освобождения была привлечена организация Красного креста Дании в Москве. Эта организация сообщала о находящихся в России приблизительно 400 иностранцах (французы, шведы, голландцы), которые должны были покинуть Россию к 25 мая [SHD/T, 7 N 799]. Показателен пример помощи Красного креста в истории пленения французского военного врача Андре Кампера, трудившегося в военном санитарном учреждении. В марте 1919 года он с небольшим медперсоналом был схвачен и привезен в Киев. После его отказа участвовать в Первомайской демонстрации и прицепить к униформе все тот же маленький красный бантик [SHD/T, 7 NN 2013, р. 84] врач значился контрреволюционером и провокатором. Однако его арест был произведен не сразу, а в ночь с 26 на 27 мая. Он был арестован и приведен в бюро Чрезвычайной комиссии, где было принято решение о его расстреле без предварительного опроса. О его судьбе заботилась сестра милосердия, мадемуазель Жанна Жиле, которая ходатайствовала о его защите. После проведенного допроса врача он был перемещен на 12 дней в Лукьяновскую тюрьму в Киеве. Две недели спустя его снова допросили и вновь приговорили к расстрелу. Узнав об этом, мадемуазель Жиле и две ее коллеги просили одного из французских коммунистов (имя не сообщается) повлиять на главу коммунистической группы Жака Садуля, освободить Андре Кампера и других пленников. На свою просьбу они получили отказ, мотивированный тем, что А. Кампер был «сыном старшего офицера, у него за плечами 3 года университета и таких 99 из 100 расстреливают» [SHD/T, 7 NN 2013, р. 84]. Ожидая окончательного приговора, Кампер содержался в тюрьме, откуда его время от времени выводили на сельскохозяйственные работы, а именно для труда на картофельном поле. Через посредничество организации Красного креста во время этих работ сестрам милосердия было разрешено передавать А. Камперу пищу и книги. Во время этих передач при порой лояльных сотрудниках охраны тюрьмы девушкам удавалось обмениваться парой слов с военным врачом и поддержать его боевой дух. Также по ходатайству советского политического деятеля, одного из членов миссии Красного креста во Франции, Д. Мануильского мадемуазель Жиле смогла добиться разрешения на посещение доктора и его перевода в лагерь для пленных. В этом лагере пленники были разделены на тех, кого ожидал расстрел, и на тех, кого собирались переправить в Москву. Кампер оказался в числе тех, кого ожидал перевод. 30 августа его вместе с остальными военнопленными посадили на корабль в Киеве и отправили в Москву, где его распределили в лагерь [SHD/T, 7 NN 2013, р. 85—87]. Но, несмотря на перевод в очередной лагерь, сестрам милосердия удалось спасти военного врача от неминуемой смерти.

6. Переговоры об освобождении узников

Переговоры между Францией и Россией явно затягивались. Большевики удерживали пленных в качестве гарантии, прикрываясь соглашением между министром иностранных дел Франции Стефаном Пишоном (1857—1933) и Г. Чичериным, согласно которому русские солдаты должны быть репатриированы на родину без компенсации [Masson, 1982, p. 432], а французские представители, видя неуважение советской стороны к самым элементарным международным правилам [Masson, 1982, p. 436], стремились как можно скорее вывезти из России французских граждан. В этой связи была необходима помощь со стороны нейтральных консульств. Тимон Генрих Фоккер, назначенный 20 января 1919 года генеральным консулом Голландии в Киеве [Попенко, 2005, с. 188—197], согласился быть на Украине одним из уполномоченных от союзников для этой миссии [SHD/T, 7 N 799]. Благодаря помощи консула удалось достигнуть договоренностей, и советские власти согласились на выдачу около 40 военнопленных [Masson, 1982, p. 428—429]. Освобождение заключенных проводилось поэтапно. Часть французских военных была отпущена на свободу в мае 1919 года и передана командованию военно-морских сил Франции в Одессе [SHD/T, 7 NN 2013, p. 635]. Кроме того, еще 550 человек были посажены на борт «Михайловича» и «Бориса» под защитой миноносцев «Протет», «Хусард» и «Сюип», но, нужно отметить, что в это число входят не только французские военнопленные, но, очевидно, другие иностранцы, в том числе и гражданские лица. Второй этап эвакуации был запланирован на конец мая и должен был коснуться еще около двухсот проживающих на Украине иностранцев, которые не смогли ранее добраться до Одессы. Но запланированная эвакуация была отложена, по причине опасения, на этот раз французской стороны, что вместе с эвакуируемыми иностранцами на борт кораблей попадут «сомнительные» элементы или агенты большевиков [Masson, 1982, p. 428—429]. Но, тем не менее, эвакуация состоялась, и все желавшие покинуть территорию России и Украины были эвакуированы. В июле два миноносца «Скарп» и «Бамбара» погрузили на свой борт еще 27 французских солдат и высадили их в Константинополе [SHD/T, 7 NN 2013, p. 71].

7. Заключение

Подводя итоги агитационно-пропагандистской работы французской коммунистической группы среди французских военнопленных, нужно сказать, что эта деятельность все же имела некоторые результаты. В мае 1919 года на Украине против перешедшего в оппозицию атамана Н. Григорьева в составе сводной группы советских войск сражались некоторые

французские интернационалисты [Жаров и др., 1960, с. 102]. В Киеве был образован Интернациональный коммунистический автоброневой дивизион из французских солдат, знакомых с техникой. Историк Л. В. Южакова сообщает о 53 французах, добровольно вступивших в этот дивизион [Южакова, 1975, с. 211]. Общественный и политический деятель М. С. Маргулис, ссылаясь в своих воспоминаниях на данные, предоставленные ему в частной беседе бывшим министром вооружения Франции А. Тома, указывает на 231 солдата, перешедших к большевикам [Маргулис, 1923, с. 7]. Эти же данные приводит советский исследователь деятельности Французских коммунистических групп Л. М. Зак [Дело трудящихся всего мира, 1957, с. 165]. Однако эти данные, на наш взгляд, несколько преувеличены. В большинстве своем солдаты оставались верны присяге [Пученков, 2013, с. 143], и лишь немногие переходили на сторону большевиков и вступали в ряды Красной армии. Генерал Ф. Д'Эспере по итогам опроса возвращённых пленников в Константинополе сообщал имена нескольких примкнувших к большевикам: Гильбер, Руго, Талми [SHD/T, 7 NN 2013, р. 69—70]. Кроме того, среди дезертировавших были следующие: *«2 или 3 алжирца Второй инженерной [части] поддались угрозам и были включены в Красную армию. Их имена не были сообщены; 4 моряка, один из которых известен под именем Мишель, другой Жан, вернулись в Одессу на службу к большевикам, в секретную полицию [очевидно, имеется в виду работа при Чрезвычайной комиссии]; сообщается о 7—8 других [французских военных] в Киеве, которые будут нагружены техническим обслуживанием бронированного поезда; некий военнослужащий по имени Бастьен, из Второй инженерной [части], 17 класса стал очень усердным помощников [Марселя] Боди; Анри Себастьян, дезертир Четвертого зуава, выходец из Марокко, перешел к большевикам и стал одним из агентов пропагандистов [на] фронте, но после был убит свои командиром, который ему приказал стрелять по красным»*. Итого генерал сообщает примерно о двадцати дезертировавших военнослужащих. Кроме того, Ф. Д'Эспере сообщает еще о десятке военных, которые, *«уступив давлению против них, ... поступили на службу [к] большевикам в Одессе, но быстро пожалели об их решении и отказались вступать в Красную армию»* [SHD/T, 7 NN 2013, р. 73]. Тем не менее эти сведения серьезно отличаются от данных, которыми располагал А. Тома, и еще более далеки от высказывания В. И. Ленина о том, что *«путем агитации и пропаганды у Антанты были отняты ее собственные войска»* [Ленин, 1974, с. 125].

Подводя итог положению военнопленных на юге России, нужно сказать, что их количество в масштабах армии было незначительным, а их

пребывание в плену продолжалось недолго, и большинство из них было отпущено на свободу в мае — июле 1919 года. Содержание их в неволе служило для большевиков дополнительным рычагом давления во франко-русских переговорах об обмене военнопленными. Немалую помощь в этой непростой ситуации оказало посредничество нейтральных консулов и сестер милосердия организации Красного креста, стремящихся облегчить участь пленников. Кроме того, сотрудники Французской коммунистической группы, используя разные и порой жестокие инструменты для склонения военных на сторону врага, очевидно пытались угодить советским властям, но, тем не менее, и французские коммунисты проявляли человечность по отношению к компатриотам. Что касается эффекта от их агитационной работы, то он был незначительным, и большинство французских военных остались верны данной ими присяге.

Источники и принятые сокращения

1. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. — Москва : Издательство политической литературы, 1974. — Том 40. — 537 с.
2. *Ле Рамей Ж.* Восставшие на Чёрном море: воспоминания и документы / Ж. Ле Рамей, П. Воттеро. — Москва : Прогресс, 1976. — 272 с.
3. *Маргулис М. С.* Год интервенции / М. С. Маргулис. — Берлин : Издательство И. Гжебина, 1923. — Книга 2: Апрель — сентябрь 1919 г. — 321 с.
4. РГАСПИ — *Российский* государственный архив социально-политической истории. Ф. 502. Оп. 1. Д. 6. Л. 74.
5. *Body M.* Au cœur de la Révolution: mes années de Russie. 1917—1927 / M. Body. — Paris : Max Chaleil, 2003. — 303 p.
6. SHD/T — *Service historique de la Défense*, Terre, GR 7 NN 2013.
7. SHD/T — *Service historique de la Défense*, Terre, GR 7 N 802.
8. SHD/T — *Service historique de la Défense*, Terre, GR 7 N 799.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Галкина Ю. М.* Французская военная миссия в России в событиях 1917—1918 гг. / Ю. М. Галкина // *Русский Сборник: исследования по истории России* / ред.-сост. О. Р. Айрапетов. — Москва : Модест Колеров, 2020. — Том 28. — С. 162—212.
2. *Гражданская война и военная интервенция в СССР* : энциклопедия / гл. ред. С. С. Хромов. — Москва : Советская энциклопедия, 1983. — 704 с.
3. *Дело трудящихся всего мира: факты, документы, очерки о братской помощи и солидарности трудящихся зарубежных стран с народами Советского Союза* / ред. М. А. Вистинецкий. — Москва : Госполитиздат, 1957. — 386 с.
4. *Жаров Л. И.* Интернациональные части Красной армии в боях за власть Советов в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны в СССР / Л. И. Жаров, В. М. Устинов. — Москва : Военное издательство Министерства обороны союза ССР, 1960. — 160 с.
5. *Зак Л. М.* Дружба рождалась в борьбе / Л. М. Зак. — Москва : Мысль, 1989. — 228 с.

6. Попенко Я. В. Діяльність дипломатичного представництва Директорії УНР в Бельгії та Нідерландах у 1919—1921 роках / Я. В. Попенко // Наукові праці історичного факультету Запорізького держ. ун-ту. — 2005. — № 19. — С. 188—197.

7. Попов Г. Г. Интервенция / Г. Г. Попов. — Москва : Вече, 2019. — 480 с.

8. Пученков А. С. «Большой город дает возможность развернуться»: из истории французской интервенции в Одессе / А. С. Пученков // Труды исторического факультета СПбГУ. — 2013. — № 14. — С. 125—157.

9. Цвиллюк С. А. Защищая дело Октября: зарубежные интернационалисты в Одессе. 1917—1920 гг. / С. А. Цвиллюк. — Одесса : Маяк, 1987. — 272 с.

10. Шубин А. В. Французская интервенция на Украине 1918—1919 гг. в контексте Российской революции / А. В. Шубин // Французский ежегодник 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. — Москва : Институт всеобщей истории РАН, 2018. — С. 315—339.

11. Южакова Л. В. Пролетарский интернационализм в деятельности Французской коммунистической группы РКП(б) / Л. В. Южакова // Вопросы научного коммунизма. — 1975. — № 7. — С. 205—214.

12. Coeuré S. Pierre Pascal. La Russie entre christianisme et communism / S. Coeuré. — Lausanne : Les éditions noir sur blanc, 2014. — 416 p.

13. Masson P. La marine française et la Mer Noire (1918—1919) / P. Masson. — Paris : Service historique de la marine, 1982. — 669 p.

14. Munholland J. Kim. The French army and intervention in Southern Russia, 1918—1919 / J. Kim Munholland // Cahiers du monde russe et soviétique. — 1981. — Vol. 22, №1. — P. 43—66.

MATERIAL RESOURCES

Body, M. (2003). *Au cœur de la Révolution: mes années de Russie. 1917—1927*. Paris: Max Chaleil. 303 p. (In French).

Le Ramey, J, Vottero, P. (1976). *The Black Sea Risen: Memoirs and Documents*. Moscow: Progress. 272 p. (In Russ.).

Lenin, V. I. (1974). *Complete works, 40*. Moscow: Publishing house of political literature. 537 p. (In Russ.).

Margulis, M. S. (1923). *Year of intervention, 2: April — September 1919*. Berlin: Z. I. Gzhebin Publishing House. 321 p. (In Russ.).

RGASPI — *Russian State Archive of Social and Political History*. F. 502. Op. 1. D. 6. L. 74. (In Russ.).

SHD/T — *Service historique de la Défense, Terre, GR 7 N 799*. (In French).

SHD/T — *Service historique de la Défense, Terre, GR 7 N 802*. (In French).

SHD/T — *Service historique de la Défense, Terre, GR 7 NN 2013*. (In French).

REFERENCES

Coeuré, S. (2014). *Pierre Pascal. La Russie entre christianisme et communism*. Lausanne: Les éditions noir sur blanc. 416 p. (In French).

Galkina, Yu. M. (2020). French military mission in Russia in the events of 1917—1918. In: *Russian Collection: research on the history of Russia*, 28. Moscow: Modest Kolerov. 162—212. (In Russ.).

- Khromov, S. S. (ed.). (1983). *Civil war and military intervention in the USSR*: encyclopedia. Moscow: Soviet Encyclopedia. 704 p. (In Russ.).
- Masson, P. (1982). *La marine française et la Mer Noir (1918—1919)*. Paris : Service historique de la marine. 669 p. (In French).
- Munholland, J. Kim. (1981). The French army and intervention in Southern Russia, 1918—1919. *Cahiers du monde russe et soviétique*, 22/1: 43—66. (In French).
- Popenko, Ya. V. (2005). Activities of the diplomatic mission of the Directory of the Ukrainian People's Republic in Belgium and the Netherlands in 1919—1921. *Scientific works of the historical faculty of the Zaporizhia state. un-tu*, 19 : 188—197.
- Popov, G. G. (2019). *Intervention*. Moscow: Veche. 480 p. (In Russ.).
- Puchenkov, A. S. (2013). “The Big City gives an opportunity to turn around”: from the history of the French intervention in Odessa. *Proceedings of the Faculty of History of St. Petersburg State University*, 14 : 125—157. (In Russ.).
- Shubin, A. V. (2018). French intervention in Ukraine in 1918—1919 in the context of the Russian revolution. In: *French Yearbook 2018: Intercultural contacts during the period of foreign occupation*. Moscow: Institute of General History of the Russian Academy of Sciences. 315—339. (In Russ.).
- Tsvilyuk, S. A. (1987). *Defending the cause of October: foreign internationalists in Odessa. 1917—1920*. Odessa : Mayak. 272 p. (In Russ.).
- Vistinetskiy, M. A. (ed.). (1957). *The cause of the working people of the whole world: facts, documents, essays on fraternal assistance and solidarity of the working people of foreign countries with the peoples of the Soviet Union*. Moscow: Gospolitizdat. 386 p. (In Russ.).
- Yuzhakova, L. V. (1975). Proletarian internationalism in the activities of the French communist group of the RCP(b). *Questions of scientific communism*, 7: 205—214. (In Russ.).
- Zak, L. M. (1989). *Friendship was born in struggle*. Moscow: Mysl. 228 p. (In Russ.).
- Zharov, L. I., Ustinov, V. M. (1960). *International units of the Red Army in the battles for the power of the Soviets during the years of foreign military intervention and the Civil War in the USSR*. Moscow: Military publishing house of the Ministry of Defense of the USSR. 160 p. (In Russ.).

Бурнашева Н. И. Государственное управление горной отраслью промышленности Якутии в 1920-е годы : принципы и приоритеты развития / Н. И. Бурнашева, И. И. Ковлеков // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 332—346. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-332-346.

Burnasheva, N. I., Kovlekov, I. I. (2021). State Management of Mining Industry of Yakutia in 1920s: Principles and Development Priorities. *Nauchnyi dialog*, 6: 332-346. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-332-346. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-332-346

Государственное управление горной отраслью промышленности Якутии в 1920-е годы: принципы и приоритеты развития

Бурнашева Наталия Ивановна¹

orcid.org/0000-0002-7045-8717

доктор исторических наук
ведущий научный сотрудник отдела
истории и арктических исследований
n_burnasheva@mail.ru

Ковлеков Иван Иванович²

orcid.org/0000-0002-5121-8240

доктор технических наук
профессор кафедры горного дела
Kovlekov@mail.ru

¹ Институт гуманитарных исследований
и
проблем малочисленных народов
Севера
Сибирского отделения
Российской академии наук
(Якутск, Россия)

² Северо-Восточный федеральный
университет имени М. К. Аммосова
(Якутск, Россия)

State Management of Mining Industry of Yakutia in 1920s: Principles and Development Priorities

Natalia I. Burnasheva¹

orcid.org/0000-0002-7045-8717

Doctor of History
Leading Researcher, Department
of History and Arctic Research
n_burnasheva@mail.ru

Ivan I. Kovlekov²

orcid.org/0000-0002-5121-8240

Doctor of Technical Sciences
Professor, Department of Mining
Kovlekov@mail.ru

¹ The Institute for Humanities Research and
Indigenous Studies of the North
of the Siberian branch
of the Russian Academy of Sciences
(Yakutsk, Russia)

² M. K. Ammosov North-Eastern
Federal University
(Yakutsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется становление системы государственного управления промышленностью в СССР, развернувшееся на основе первых декретов советской власти. Актуальность исследования обусловлена созвучностью значимых в прошлом проблем добывающей отрасли с современными, проявившимися в условиях коренной трансформации позиций государства по отношению к недрым богатствам. Показано, что в 1920-е годы в стране начались процессы ликвидации местного предпринимательства, переход к централизованной, планомерно-регулируемой системе управления экономикой, состоялись укрупнение и государственная монополизация ее добывающей отрасли. На основе документальных источников, раскрывается процесс создания добывающей отрасли в Якутской АССР, прослежен ход принятия последовательных решений, соответствующих выбранным принципам и приоритетам развития региона. Представленные результаты отражают особенности и специфику местных реалий, в условиях которых принимались непростые решения, исходящие из насущных экономических интересов республики. Установлено, что предпринятые в 1920-е годы усилия республиканской власти по организации, выбору приоритетов в распределении сил и ресурсов доказали впоследствии свою эффективность, способствовали формированию системы государственного управления, действующей на принципах хозяйственной самостоятельности региона.

Ключевые слова:

государственное управление; промышленное производство; горнодобывающая промышленность; индустриализация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article considers the issue of the formation of state management system of industry in the USSR, which was developed on the basis of the first decrees of the Soviet government. The relevance of the study is due to the consonance of the past problems of the mining industry with the modern ones, which manifested themselves in the conditions of a radical transformation of the state's position in relation to mineral resources. It is shown that in the 1920s in the country, the processes of liquidation of local entrepreneurship, the transition to a centralized, planned-regulated system of economic management, within which there was an enlargement and state monopolization of its mining industry began. The novelty of the research lies in the fact that, on the basis of documentary sources, the process of creating an mining industry in the Yakut ASSR is revealed, the course of making consistent, logically grounded decisions corresponding to the chosen principles and priorities of the development of the region is traced. The presented results reflect the peculiarities and specifics of local realities, in the conditions of which difficult decisions were made, proceeding from the vital economic interests of the republic. It was found that the efforts of the republican authorities to organize, select priorities in the distribution of human resources, undertaken in the 1920s subsequently proved their effectiveness, contributed to the formation of a public administration system operating on the principles of economic independence of the region.

Key words:

public administration; industrial production; mining industry; industrialization.

Государственное управление горной отраслью промышленности Якутии в 1920-е годы: принципы и приоритеты развития

© Бурнашева Н. И., Ковлеков И. И., 2021

1. Введение

Изучение исторического опыта формирования индустриальной базы социалистического государства актуально для решения многих сегодняшних проблем системы государственного управления российской экономикой. Растущий интерес исследователей к вопросам становления горнодобывающего производства в 1920-е годы, стремление выяснить механизмы эффективного управления социалистической промышленностью, оценить роль и место добывающей отрасли в экономике СССР связаны прежде всего с тем, что в настоящее время роль и отношение государства к управлению процессами недропользования вызывают неоднозначную, и далеко не положительную, реакцию в обществе. По мнению исследователей, с начала 1990-х годов государство еще не определилось с подходами в управлении сферой недропользования, которые могли бы способствовать выработке соответствующих современным вызовам методов и инструментов государственной политики в стратегическом планировании и освоении недровых богатств. В результате этого в настоящее время в России оказалась практически утраченной важная роль государства в долгосрочном планировании целого направления экономического развития — ее минерально-сырьевого комплекса, являющегося главным источником доходов бюджета страны.

В своих исследованиях российские ученые обсуждают обширный круг проблем, касающихся как теоретико-методологических аспектов изучения роли государства в управлении горнодобывающим сектором экономики, так и определения практических шагов, необходимых для выхода страны из кризиса [Колесников и др., 2016; Медведев, 2017; Усков, 2011]. Суть обсуждаемых вопросов современного этапа развития промышленного комплекса страны сводится преимущественно к проблеме выбора стратегической позиции между западной (основанной на частной собственности) и советской (государственной) моделями управления российской экономикой. Исследователи согласны в том, что, судя по итогам развития отрасли за последние десятилетия, выбор западной модели развития, который сделала Россия в 1990-е годы, оказался тупиковым. Это проявляется

сегодня прежде всего в значительном спаде прироста запасов полезных ископаемых, который произошел в системе поиска и разведки месторождений полезных ископаемых на территории страны. Показательны затраты России на геологоразведочные работы по твердым полезным ископаемым в сравнении с общемировыми; они составляют всего 3 %, тогда как в Канаде — 12 %, США — 8 %, Мексике — 6 %, Чили — 5 %, Китае — 4 % [Жукова и др., 2019, с. 70]. На сегодняшний день в стране не сформирована единая база данных об обеспеченности минерально-сырьевого комплекса запасами полезных ископаемых, о состоянии и размещении запасов полезных ископаемых по регионам, не разработаны единые технологические принципы освоения месторождений, затормозился процесс обновления технологий извлечения из недр и обогащения полезного компонента [Жукова и др., 2019, с. 70—72].

Существующая явная разобщенность отдельных элементов российского горнодобывающего комплекса, действующего в просторах огромных территориальных масштабов страны, при одновременной слабости его транспортной, информационно-коммуникационной и социальной инфраструктуры, делает перспективы быстрого выхода отрасли на уровень создания современных, конкурентноспособных и высокотехнологичных комплексов промышленного кластера весьма призрачными. Поэтому в современных условиях экономического развития России практически единственным и рациональным выходом из сложившейся ситуации является путь возрождения сильной централизованной государственной системы управления промышленным производством, основанный на разумном сочетании использования передовых технологий с ранее наработанным страной опытом системного экономического строительства. В добывающих отраслях экономики выход на новый уровень развития предполагает комплексность в выборе методов и средств развития горнодобывающего производства, максимальный учет уровня его состояния на местах, разнообразия географических, климатических и других особенностей российских регионов [Дерюшев и др., 2010; Николаев, 2006]. При этом ключевой составляющей перехода к новым условиям хозяйствования и выбора приоритетных принципов управления горнодобывающим комплексом страны должна стать опора на богатейший опыт, приобретенный страной в ходе формирования государственного подхода к управлению промышленным производством, ярко продемонстрировавший свою реальную мощь и высокую эффективность созданием в СССР крупнейшего горнодобывающего комплекса мирового уровня по добыче полезных ископаемых, включая алмазы, золото, уголь, газ, нефть и другие виды минерального сырья.

2. Становление советской системы управления промышленностью

Основы будущего быстрого экономического развития СССР были заложены в самом начале существования советского государства, когда смена политической власти в России в октябре 1917 года коренным образом изменила отношение к вопросам управления экономическим развитием страны. С принятия основополагающих законодательных актов в молодой советской республике стала активно внедряться государственная система регулирования хозяйственной жизни, которая даже в годы НЭП смогла удержать в своих руках основные рычаги управления экономикой. Усилия государства в этом направлении были направлены на установление контроля над промышленным производством, в результате которого, наряду с частной и кооперативной, в стране развернулось формирование государственного сектора кустарной, мелкой и крупной промышленности. Ее основу составили промышленные заведения, активно переводившиеся в ведение государственных учреждений — Советов народного хозяйства (СНХ) методами национализации, реквизиций и конфискации собственности предприятий у прежних хозяев. Конечно же, в силу массовости начавшегося процесса на местах, при одновременной ограниченности сил и средств на их содержание и эксплуатацию национализированные предприятия чаще всего сразу передавались в аренду органам кооперации [НА РС (Я), ф. 51, оп. 1, д. 18, л. 35].

Одним из первых документов, определивших государственную политику в отношении промышленных предприятий, явилось постановление ВЦИК «О мерах содействия кустарной промышленности» от 26 апреля 1919 года. В нем практически впервые было раскрыто толкование понятия «кустарная промышленность», включившее как трудовые артели, так и предприятия отдельных кустарей, обслуживаемые их личным трудом, без применения наемного труда [Решения ..., 1967, с. 146—147]. Пути укрепления государственного контроля над промышленным производством были даны в декрете СНК РСФСР «О регулировании кустарных промыслов и ненационализированной промышленности» от 7 сентября 1920 года, в соответствии с которым власть значительно ограничила частнокапиталистические тенденции в мелкой промышленности [Директивы, 1957, с. 180—186]. В условиях проводимой на тот период политики «военного коммунизма» данный документ предусмотрел реальную перспективу полной национализации мелких промышленных предприятий, которые пока еще находились во владении частных лиц или обществ, имели число рабочих свыше пяти при наличии механического двигателя или десяти без такового. Особая значимость декрета от 7 сентября 1920 года проявилась в фактическом завершении процесса централизации управления мелкой

промышленностью. На базе отдела кустарной промышленности Наркомзема и кустарно-кооперативного управления ВСНХ РСФСР, ранее являвшихся основными регуляторами деятельности мелкого промышленного производства, в 1920 году оформился единый государственный орган в составе ВСНХ — Главное управление по делам кустарной промышленности и промысловой кооперации (Главкустпром), в котором сконцентрировалась вся деятельность советского государства по контролю и регулированию кустарного и мелкого промышленного производства в стране.

Становление промышленности сопровождалось активным процессом формирования совершенно нового подхода к определению целей, задач и принципов управления производством [Гапсаламов, 2012, с. 5—11]. При этом система хозяйственных органов по управлению промышленностью довольно быстро получила распространение и начала внедряться и на региональном уровне. Уже с конца 1920 года функции по управлению промышленностью на местах были вверены Губернским кустарным комитетам (губкустпромам), создававшимся при губернских ревкомах и губСНХ. В разработанной для них Инструкции было установлено: «Губкустпром является единственным местным органом, регулирующим кустарно-ремесленную и мелкую промышленность» [НА РС (Я), ф. 286, оп. 16, д. 76, л. 3 об.]. Государство строго определило задачи губкустпромов в деле организации кустарной и мелкой ремесленной промышленности, которые заключались в регулировании деятельности всех органов, учреждений, предприятий, занятых в организации работы промышленных заведений на территории данной губернии. Они сосредоточили в себе также и основные требования по ведению учета действующих производств, выпуска изделий, по сбору сведений о потребностях в сырье, его распределению, регулированию работы с заказчиками и потребителями выпускаемой продукции [НА РС (Я), ф. 286, оп. 16, д. 76, л. 8]. Постепенно в ходе реализации установленных требований на местах происходил процесс формирования специального аппарата управления промышленностью, который сосредоточил в себе весь имеющийся кадровый потенциал управленцев — государственных служащих, ответственных за учет, снабжение, контроль работы предприятий. Данный процесс одновременно сопровождался кардинальными изменениями во внутренней функциональной сути системы управления производством, что проявилось прежде всего в направленности и стиле работы его аппарата. Первые кадры управленцев, состоявшие, как правило, из числа специалистов (инженеров, геологов), то есть людей, владеющих навыками практической работы и знаниями основ технологических процессов, стали заменять служащие, в функциональные обязанности которых входили отныне чисто организационные и управленческие задачи [НА РС (Я), ф. 51, оп. 1, д. 34, л. 3—4; оп. 2, д. 56, л. 1].

Со времени образования СССР в промышленности начались изменения в структуре управления промышленностью, в результате которых вся промышленность стала подразделяться на общесоюзную, республиканскую и местную [Николаев, 2006, с. 17—18]. Постановлением ЦИК СССР от 5 января 1932 года был упразднен ВСНХ СССР, на основе которого было образовано три отраслевых промышленных наркомата: тяжелой, легкой и лесной промышленности. В итоге в начале 1930-х годов в СССР завершился процесс формирования основы централизованной отраслевой системы управления промышленностью, действовавшей до конца 1950-х годов. Вместе с тем характерной чертой новой системы управления стали не только преобразования ее структуры, но также гибкость и подвижность в изменении ее функциональных полномочий. Так, попытки непосредственного управления предприятиями, практиковавшиеся в период «военного коммунизма», в начале НЭП переходили в область контроля, производственные предприятия все чаще проявляли стремление к переходу на самообеспечение. Подобные явления экономической жизни уже современниками тех событий оценивались как явные свидетельства начавшихся трансформаций, в ходе которых, например, еще недостаточно сформированная в местной промышленности «хозяйственная вертикаль» уже настоятельно нуждалась в замене «горизонтальными» рыночными связями [Вуколова, 2012].

Развитие промышленности в 1920—1930-е годы форсированно шло в направлении укрепления тенденции укрупнения и монополизации общественного производства. Провозглашенным в октябре 1917 года Декретом о земле все прежние акты и договоры признавались утратившими силу, а природные ресурсы, включая землю и недра, были национализированы и объявлены собственностью государства [Кочегарова, 2013]. В условиях разрухи и экономического кризиса в стране объявленная государством собственность на природные ресурсы превращалась в надежный первоначальный капитал для создания основ промышленности [Прилуков, 2016, с. 262]. В результате ожесточенных политических дискуссий в сфере промышленного производства страны приоритеты в экономике были отданы отраслям тяжелой промышленности, в которых ключевым звеном вполне обоснованно была определена добывающая промышленность. Она оставалась фактически единственной отраслью, которую советское государство на тот сложный момент могло использовать в качестве первоначального стартового капитала и создания устойчивой основы для сохранения и пополнения бюджета. Этим существенным моментом в 1920-е годы и был определен выбор приоритетов в развитии территорий на региональном уровне. При этом преобладающей стала тенденция направления главных

хозяйственных усилий на разработку и решение стратегических целей развития региона, базирующихся на реальном ресурсном потенциале края, ориентированных на разработку месторождений полезных ископаемых и создание вокруг них крупных промышленных центров с развитой транспортной, продовольственной и социальной инфраструктурой.

3. Добывающая промышленность в системе республиканского управления

Первые мероприятия по организации местных органов управления промышленностью получили довольно полное отражение в сохранившихся документах, касающихся начального периода деятельности (июнь 1920 года) Якутского губернского ревкома и созданного при нем губСНХ. Как видно из них, с этого времени в Якутии начался процесс подведения под единое управленческое начало всех имеющихся на территории губернии кустарных промышленных производств. Перемены в политике по отношению к промышленности, заявленные в решении Сибирского экономического совещания и опубликованные в газете «Советская Сибирь» 3 августа 1921 года [НА РС (Я), ф. 49, оп. 1, д. 126, л. 67], послужили сигналом к определению позиции и Якутского ревкома в этом вопросе. Осенью 1921 года на одном из заседаний губревкома был заслушан вопрос о восстановлении и развитии кустарного и промышленного производства, перспективах его развития и проблемах управления отраслью в крае [НА РС (Я), ф. 49, оп. 1, д. 169, л. 15]. Но более целенаправленная практическая работа по формированию системы государственной промышленности в Якутии началась весной и летом 1922 года в ходе формирования республиканского правительства и упразднения системы губСНХ. Вдохновителями и организаторами новой политики в экономике Якутии выступили первые государственные руководители республики М. К. Аммосов, П. А. Ойунский и И. Н. Барахов.

В апреле 1922 года в результате начавшейся работы по формированию правительства Якутской АССР и преобразованию структуры управления экономикой функции управления промышленностью были переданы учрежденному республиканским правительством Наркомату торговли и промышленности (НКТПром), в составе которого был образован промышленный отдел. В течение 1922—1924 годов, когда основное внимание республиканской власти сосредоточилось на развитии золотопромышленности, основные материальные и денежные средства промышленным отделом стали направляться преимущественно на развитие только присоединенного к республике Алданского района, что заметно ограничивало интересы других промышленных предприятий. Такой однобокий подход к управле-

нию предприятиями впоследствии был признан правительством республики ошибочным, не способствовавшим формированию единой республиканской политики по отношению к промышленности в целом. В целях исправления такого положения дел бюро Якутского обкома РКП (б) 27 декабря 1924 года вынесло решение с рекомендацией выделения из состава НКТПрома самостоятельного учреждения — Промышленного управления (упром), призванного укрепить и централизовать систему управления промышленностью в республике [Автономная ..., 1926, с. 71; Forsyth, 1992, р. 258—259]. В ведение промуправления перешли местный трест «Алдан-золото», золотые прииски бывшего Зейского горного округа, переданные центром в собственность республики, Якутская городская электростанция, ряд промышленных мастерских, рыбный, соляной и другие кустарно-промысловые производства. В функции нового органа вошли и полномочия по осуществлению горноэкономической оценки месторождений ископаемого сырья и организации сопутствующих мероприятий в области развития горного дела [НА РС (Я), ф. 807, оп. 1, д. 1, л. 6; Филиал на РС (Я), ф. 3, оп. 3, д. 238, л. 31].

Первоочередным и наиболее важным экономическим вопросом для новых органов управления являлся выбор приоритетов в развитии промышленности, а также определение оптимальных путей восстановления существующих производств и строительства новых предприятий. Руководство Якутской АССР постаралось осуществить процесс выбора приоритетов с максимальной объективностью, поставив во главу угла экономические интересы края, в связи с чем решения принимались коллегиально, проходили согласование на самых разных уровнях государственных и партийных органов и учитывали мнение общественности. Характерной особенностью процесса обсуждения вопросов развития промышленности в крае было и стремление опереться на мнения ученых, специалистов и результаты предварительных научных исследований. При этом окончательный выбор приоритетного пути развития промышленности Якутии должен был стать итогом широких обсуждений и тщательного изучения существующих мнений. Такая открытость в выборе путей к будущим преобразованиям объяснялась отсутствием предыдущего опыта, а также крайне критичным на тот момент уровнем развития экономики, восстановление которой было невозможно осуществить без мобилизации сил всего населения края.

При выборе будущих перспектив развития правительство Якутской АССР руководствовалось прежде всего стремлением выяснить реальные возможности разработки естественных недровых богатств в условиях общего экономического кризиса и крайне низкого уровня развития промышленного производства. Согласно предварительным оценкам, «горнопро-

мышленность в Якутии отсутствовала совершенно», а существовавшие с давних времен отдельные попытки кустарничества местного населения были настолько малопродуктивны, что, «кроме ничтожного количества выплавки крицы, выплавленного свинца и серебра, намытого золота, да бедного использования естественных скоплений поваренной соли», край не получал ничего. В то же время, по имеющимся у властей «немногочисленным научно-литературным, архивным и опросным сведениям», местные природные минеральные ресурсы были «весьма велики» и требовали «исключительно серьезного внимания» [НА РС (Я), ф. 807, оп. 1, д. 1, л. 5]. На основе этого, исходя из имеющихся факторов, к которым были отнесены «непреодолимые» объективные климатические, географические и естественные особенности, руководство республики выделило пять основных отраслей производства, способных принести быструю производственную отдачу: горное дело, скотоводство, пушной промысел, рыболовство и лесная промышленность. Из перечисленного «первостепенное место по праву» могло занять только горное дело, имеющее в республике достаточный потенциал для создания базовой основы добывающей и обрабатывающей промышленности. Важными аргументами в пользу такого утверждения послужили также отдаленность края и необъятные его размеры, которые при отсутствии легкодоступных путей сообщения являлись главными препятствиями для доставки продукции горной промышленности из других районов страны и никак не могли бы в полной мере обеспечить потребности края в них.

Еще одним важным вопросом для обсуждения являлась приоритетность в разработке месторождений полезных ископаемых. При этом не подвергалась сомнению значимость для Якутской АССР развития золотодобывающей отрасли промышленности, что объяснялось тем, что добыча золота, начавшись на территории Якутской области еще в 1840-е годы по инициативе частных предпринимателей, на протяжении долгого времени выступала здесь «единственной представительницей крупной добывающей промышленности», а население дореволюционной Якутии активно привлекалось к работе на частных золотых приисках Олекминской и Витимской систем. С момента перевода Алданской золотодобывающей промышленности в статус общесоюзного предприятия (1925) Якутская АССР взяла курс на создание республиканской золотодобывающей отрасли, которая должна была составить прочный фундамент развития всей экономики края.

Помимо добычи золота, республика обладала достаточными, издавна известными ресурсами и других полезных ископаемых, из которых предстояло выбрать наиболее перспективный. В основу выбора приоритетно-

сти промышленной разработки месторождений был положен критерий, исходящий из экономических интересов и практической целесообразности добычи того или иного вида минерального сырья. По состоянию на осень 1922 года по степени важности основные отрасли горнопромышленности правительством республики были распределены следующим образом: 1) железные руды; 2) серебросвинцовые руды; 3) уголь; 4) соль, золото и платина. Такое ранжирование обосновывалось данными разведки железорудных районов междуречья Буотамы и Амги; обследованиями и экспертизой групп серебросвинцовых месторождений в районе Верхоянского хребта в системе р. Яны; обследованием и рекогносцировочными оценками угленосных площадей по рр. Алдан и Лена; рекогносцировочными и регистрационными поисковыми работами по р. Виллой на каменные соляные источники, уголь, железо, золото и платину. Но во второй половине 1920-х годов в вопросе важности и приоритетности промышленной разработки месторождений полезных ископаемых произошли кардинальные перемены, что проявилось, прежде всего, в том, что выбор между железорудной и угольной промышленностью все больше стал склоняться к первоочередному развитию угледобывающего производства. Основной причиной этого стала необходимость обеспечения зарождающейся золотодобывающей промышленности, которая остро нуждалась в энергии и топливе. С другой стороны, уголь был крайне необходим для развития речного транспорта, превращавшегося в один из главных и наиболее доступных его видов. Вместе с тем благодаря научным исследованиям и геологическим изысканиям, предпринятым республикой, получили подтверждение крупные объемы каменноугольных залежей, расположенные по берегам р. Лены (на протяжении от г. Якутска до ее устья), а также по рр. Виллой и Алдан [НА РС (Я), ф. 807, оп. 1, д. 1, л. 9; Кузнецов и др., 1929].

Еще одной характерной особенностью периода становления системы управления промышленностью Якутии было усиление влияния на нее партийных органов. Одним из проявлений этого в деятельности промышленных предприятий республики стало выстраивание политики в отношении негосударственных форм собственности. В середине 1920-х годов наметилась политика ограничения и вытеснения кооперации из сферы промышленного производства, что первоначально объяснялось желанием направить усилия кооперативных органов на развитие торговли и сбыта. Наконец, согласно выписке из протокола заседания бюро Якутского областного комитета РКП (б) от 11 марта 1924 года, было заявлено, что кооперация, имея ограниченные оборотные средства, недостаточные для выполнения основных задач снабжения населения, не должна участвовать в эксплуатации золотых приисков, требующих оттягивания значительной части капи-

тала [НА РС (Я), ф. 286, оп. 16, д. 297, л. 15]. Практически сразу же последовало вынесение решения коммунистической фракции Якутского союза кооперативов «Холбос» от 13 марта 1924 года, согласно которому дальнейшее участие кооперативных организаций в эксплуатации золотых приисков товарищества Якзолото признавалось невозможным и рекомендовалось принять меры к ликвидации приисков, обслуживаемых кооперацией. Основанием для этого являлось несоответствие деятельности по добыче золота, требующей значительных финансовых затрат, к осуществлению непосредственных задач кооперации по удовлетворению потребительских нужд населения [НА РС (Я), ф. 286, оп. 12, д. 3, л. 6]. С этого момента государственная добывающая промышленность получила монопольное право на разработку месторождений полезных ископаемых в республике.

Таким образом, в сложный период политических перемен, вызванных революционными событиями 1917 года, российское государство нашло внутренние силы и возможности в кратчайшие сроки не только возродить былой уровень хозяйственного развития страны, но и создать совершенно уникальную модель государственного управления горнодобывающим промышленным производством. Благодаря ей в 1920-е годы была создана индустриальная основа будущей социалистической экономики, которая вовлекла в начавшиеся преобразования даже такие отдаленные и окраинные регионы огромной страны, как Якутия. Создание системы, основанной на централизации государственного управления, оказало решающую роль в мобилизации производственных и людских ресурсов регионов в переходе на совершенно новый уровень их экономического развития.

Источники и принятые сокращения

1. НА РС (Я) — *Национальный архив Республики Саха (Якутия)*. Ф. 49 (Якутский губернский революционный комитет). Оп. 1. Д. 126. Л. 67; Д. 169. Л. 15 ; Ф. 51 (Якутский губернский Совет народного хозяйства). Оп. 1. Д. 18. Л. 35; Д. 34. Л. 3—4; Оп. 2. Д. 56. Л. 1 ; Ф. 286 (Якутский республиканский союз потребительских обществ «Холбос» и его районные отделения). Оп. 12. Д. 3. Л. 6; Оп. 16. Д. 76. Л. 3 об., 8; Д. 297. Л. 15 ; Ф. 807 (Центральный Совет народного хозяйства Якутской АССР). Оп. 1. Д. 1. Л. 5, 6, 9.
2. *Филиал НА РС (Я)*. Ф. 3 (Якутский областной комитет КПСС). Оп. 3. Д. 238. Л. 31.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Автономная Якутия, 1924—1925: отчеты и обзоры к 4 Всеякутскому съезду Советов*. — Якутск : Госплан ЯАССР, 1926. — 308 с.
2. *Вуколова К. А.* Губернские советы народного хозяйства и предприятия: эволюция взаимоотношений при переходе к нэп (на примере Челябинского завода «Столл») / К. А. Вуколова // *Вестник Челябинского государственного университета*. — 2012. — № 34 (288). — С. 73—75.

3. Гапсаламов А. Р. Эволюция системы управления промышленностью СССР (1917—1991): историографический обзор / А. Р. Гапсаламов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2012. — № 6. — С. 5—11.
4. Дерюшев А. В. Управление угольной промышленностью Кузбасса в 1920—1990 гг. / А. В. Дерюшев, Е. А. Гузьева // Вестник Кузбасского государственного технического университета. — 2010. — № 2 (78). — С. 139—149.
5. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. — Москва : Политиздат, 1957. — Т. 1. 1917—1928. — 879 с.
6. Жукова И. В. Месторождение как объект управления горнодобывающей отрасли промышленности / И. В. Жукова, Ю. И. Бакулин // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. — 2019. — № 1 (115). — С. 69—75.
7. Колесников И. Н. Индустриализация в Советском Союзе: экономические аспекты / И. Н. Колесников, В. В. Мельников // Социальная политика и социология. — 2016. — Том 15, № 3 (116). — С. 39—45.
8. Кочегарова Е. Д. Золотопромышленная политика в СССР: этапы становления и развития (1923—1991 гг.) / Е. Д. Кочегарова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 6—1 (32). — С. 88—91.
9. Кузнецов В. Н. Ископаемые угли низовьев Лены / В. Н. Кузнецов, П. Т. Сафронов // Материалы по геологии и полезным ископаемым ЯАССР. Горные богатства Якутии / под ред. П. В. Грунвальд. — Якутск : Якутская горнотехническая контора, 1929. — № 3. — С. 6—26.
10. Медведев А. А. Анализ особенностей системы государственного управления промышленностью в Советском Союзе и России на региональном уровне / А. А. Медведев // Актуальные вопросы современной науки : сборник научных трудов / под ред. С. С. Чернова. — Новосибирск: Центр развития научного сотрудничества, 2017. — С. 178—188.
11. Николаев А. А. Органы управления государственной промышленностью в Сибири: функции и сферы регулирования (декабрь 1919—1932 гг.) / А. А. Николаев // Гуманитарные науки в Сибири. — 2006. — № 2. — С. 15—19.
12. Прилуков А. Н. Концепция минералопользования как рыночная реинкарнация традиционных отечественных воззрений на процессы освоения минерального сырья / А. Н. Прилуков // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). — 2016. — № 2. — С. 260—274.
13. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сборник документов за 50 лет. — Москва : Политиздат, 1967. — Т. 1. — 1917—1928. — 783 с.
14. Усков В. А. Первоначальное накопление на социалистическую индустриализацию в СССР, 1925—1928 гг.: региональный аспект / В. А. Усков // Социально-экономические явления и процессы. — 2011. — № 9 (31). — С. 181—185.
15. Forsyth J. A history of the peoples of Siberia : Russia's north Asian colony, 1581—1990 / J. Forsyth. — Cambridge : Cambridge University Press, 1992. — 438 p.

MATERIAL RESOURCES

Branch of NA RS (Y). F. 3 (Yakutsk Regional Committee of the CPSU). (In Russ.).
NA RS (Y) — *National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia)*. F. 49 (Yakutsk Provincial Revolutionary Committee). F. 51 (Yakutsk Provincial Council of National Economy). F. 286 (Yakut Republican Union of Consumer Societies “Holbos” and its regional branches). F. 807 (Central Council of the National Economy of the Yakut ASSR). (In Russ.).

REFERENCES

- Autonomous Yakutia, 1924—1925: reports and reviews for the 4th All-Yakutsk Congress of Soviets*. 1926. Yakutsk: State Planning Committee of the YaASSR. 308 p. (In Russ.).
- Decisions of the party and government on economic issues: a collection of documents for 50 years, 1. 1917—1928*. (1967). Moscow: Politizdat. 783 p. (In Russ.).
- Deryushev, A. V., Guzyaeva, E. A. (2010). Management of the coal industry of Kuzbass in 1920—1990. *Bulletin of the Kuzbass State Technical University*, 2 (78): 139—149. (In Russ.).
- Directives of the CPSU and the Soviet government on economic issues. Collection of documents, 1. 1917—1928*. (1957). Moscow: Politizdat. 879 p. (In Russ.).
- Forsyth, J. (1992). *A history of the peoples of Siberia: Russia's north Asian colony, 1581—1990*. Cambridge: Cambridge University Press. 438 p.
- Gapsalamov, A. R. (2012). Evolution of the industrial management system of the USSR (1917—1991): a historiographic review. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, 6: 5—11. (In Russ.).
- Kochegarova, E. D. (2013). Gold industrial policy in the USSR: stages of formation and development (1923—1991). *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*, 6/1 (32): 88—91. (In Russ.).
- Kolesnikov, I. N., Melnikov, V. V. (2016). Industrialization in the Soviet Union: economic aspects. *Social policy and sociology*, 15/3: 39—45. (In Russ.).
- Kuznetsov, V. N., Safronov, P. T. (1929). Fossil coals of the lower reaches of the Lena. In: *Materials on geology and useful minerals of the YaASSR. Mountain wealth of Yakutia*, 3. Yakutsk: Yakutsk Mining Office. 6—26. (In Russ.).
- Medvedev, A. A. (2017). Analysis of the peculiarities of the system of public administration of industry in the Soviet Union and Russia at the regional level. In: *Actual problems of modern science: collection of scientific papers*. Novosibirsk: Center for the Development of Scientific Cooperation. 178—188. (In Russ.).
- Nikolaev, A. A. (2006). Governmental bodies of state industry in Siberia: functions and areas of regulation (December 1919—1932). *Humanities in Siberia*, 2: 15—19. (In Russ.).
- Prilukov, A. N. (2016). The concept of mineral use as a market reincarnation of traditional domestic views on the processes of development of mineral raw materials. *Mining information and analytical bulletin (scientific and technical journal)*, 2: 260—274. (In Russ.).

- Uskov, V. A. (2011). Initial accumulation for socialist industrialization in the USSR, 1925—1928: regional aspect. *Socio-economic phenomena and processes*, 9 (31): 181—185. (In Russ.).
- Vukolova, K. A. (2012). Provincial councils of the national economy and enterprises: the evolution of relationships during the transition to NEP (Chelyabinsk plant “Stoll”). *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 34 (288): 73—75. (In Russ.).
- Zhukova, I. V., Bakulin, Yu. I. (2019). Deposit as an object of management of the mining industry. *Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics*: 1 (115): 69—75. (In Russ.).

Васильченко М. А. Богдан Павлу и его деятельность в России (1915—1919 гг.) / М. А. Васильченко, Я. Вацулик // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 347—360. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-347-360.

Vasilchenko, M. A., Vaculik, Ya. (2021). Bohdan Pavlu and His Activities in Russia (1915—1919). *Nauchnyi dialog*, 6: 347-360. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-347-360. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-347-360

Богдан Павлу и его деятельность в России (1915—1919 гг.)

Васильченко Максим Анатольевич¹

orcid.org/0000-0002-6588-5650
кандидат исторических наук,
доцент кафедры фундаментальных
юридических и социально-
гуманитарных дисциплин
maks-vasilchenko@mail.ru

Вацулик Ярослав²

orcid.org/0000-0002-1720-7767
кандидат исторических наук (PhD)
профессор кафедры истории
Педагогического факультета
vaculik@ped.muni.cz

¹ Московский финансово-
промышленный университет
«Синергия»
(Москва, Россия)

² Университета имени Т. Г. Масарика
(Брно, Чешская Республика)

Bohdan Pavlu and His Activities in Russia (1915—1919)

Maxim A. Vasilchenko¹

orcid.org/0000-0002-6588-5650
PhD in History Associate Professor
Department of Fundamental Legal and
Social and Humanitarian Disciplines
maks-vasilchenko@mail.ru

Jaroslav Vaculik²

orcid.org/0000-0002-1720-7767
PhD in History, Professor,
Department of History
of the Pedagogical Faculty
vaculik@ped.muni.cz

¹ Moscow University
for Industry and Finance “Synergy”
(Moscow, Russia)

² Masaryk University
(Brno, Czech Republic)

© Васильченко М. А., Вацулик Я., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению политической деятельности одного из видных деятелей чешского и словацкого национального движения Богдана Павлу, сыгравшего значительную роль в Гражданской войне в России. Материалом служили документы личного происхождения и официальные документы, содержащие информацию о деятельности чешско-словацких организаций в России. Авторы рассматривают эволюцию политических воззрений Б. Павлу, его отношение к царскому правительству. Показано, как внешние обстоятельства влияли на поддержку курса Т. Г. Масарика. Особое внимание уделяется деятельности Б. Павлу в период Гражданской войны в России. Новизна исследования обусловлена тем, что впервые комплексно изучаются общественно-политические взгляды одного из лидеров чешского национального движения в России. Актуальность исследования обусловлена отсутствием консенсуса в российском обществе относительно роли иностранной интервенции в событиях 1917—1922 годов. Доказано, что деятельность Б. Павлу способствовала консолидации чешского и словацкого национального движения в России. Подчеркивается, что именно он сформулировал содержание понятия «чехословак», которое легло в основу идеи о создании единого государства для двух народов.

Ключевые слова:

Б. Павлу; Чехословацкий корпус; Т. Г. Масарик; Чехословацкий национальный совет; В. Гирса; Чехословакия; Гражданская война; интервенция; меморандум.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the study of the political activity of one of the prominent figures of the Czech and Slovak national movement Bohdan Pavlu, who played a significant role in the Civil War in Russia. The material was documents of personal origin and official documents containing information on the activities of sCzech-Slovak organizations in Russia. The author pays attention to the evolution of political views of B. Pavlu, his attitude to the tsarist government. It is shown how external circumstances influenced the support of the course of T. G. Masaryk. Particular attention is paid to the activities of B. Pavlu during the Civil War in Russia. The novelty of the research is due to the fact that for the first time the socio-political views of one of the leaders of the Czech national movement in Russia are comprehensively studied. The relevance of the study is due to the lack of consensus in Russian society on the role of foreign intervention in the events of 1917—1922. It is proved that B. Pavlu's activities contributed to the consolidation of the Czech and Slovak national movement in Russia. It is emphasized that it was he who formulated the concept of "Czechoslovakia", which formed the basis for the idea of creating a single state for the two peoples.

Key words:

B. Pavlu; Czechoslovak Corps; T. G. Masaryk; Czechoslovak National Council; V. Girsas; Czechoslovakia; Civil War; intervention; memorandum.

Богдан Павлу и его деятельность в России (1915—1919 гг.)

© Васильченко М. А., Вацулик Я., 2021

1. Введение

События Гражданской войны в России начала XX века невозможно представить без участия национальных воинских формирований, созданных в годы Первой мировой войны. Самым многочисленным и хорошо оснащенным из них считается Чехословацкий корпус, созданный на базе Чешской дружины в 1914 году. Успешные военные действия в 1914—1916 годах на Юго-Западном фронте, выполнение боевых задач в рамках военных действий под Зборовым летом 1917 года стали предпосылками для развёртывания одноимённой бригады в Чехословацкий корпус.

В 1917 году активизируются контакты между Чехословацким национальным советом, созданным Т. Г. Масариком в Париже, и общественными чешскими организациями, которые стояли у истоков создания национального воинского формирования из чехов и словаков в 1914—1915 годах. Нестабильность фронта и тыла между февралем и октябрём 1917 года привели к тому, что Чехословацкий национальный совет, борющийся за создание независимого от Австро-Венгрии государства, создал отделение для России, которое стало политическим руководством для личного состава корпуса.

Важно отметить, что Чехословацкий корпус в процессе своего развития прошел длительный путь от национального воинского формирования, подконтрольного России и способствующего ее геополитическим интересам, до ядра будущего независимого войска Чехословакии, создаваемого при поддержке стран Антанты. Уместно определить данный процесс, как *автономизация*.

В отечественной историографии проблематика Чехословацкого корпуса как воинского формирования-участника Гражданской войны разработана достаточно подробно [Валиахметов, 2005]. В настоящее время изучаются проблемы, сопутствующие основным военно-политическим сюжетам Гражданской войны. Проблемы повседневности, культурного и экономического взаимодействия, вопросы организации снабжения частей корпуса рассматривались в работах [Новиков, 2000, Новиков, 2002, Санин, 2011, Васильченко, Панин, 2020].

Особое направление в историографии связано с изучением личностей участников войны. Важное место в этом занимает личность Р. Гайды, чей

незаурядный талант авантюриста и генерала стал предметом научного осмысления в работах многих историков [Петров, 2004, Салдугеев, 2015]. Кроме того, в последние годы вышли статьи о других командующих военными группами Чехословацкого корпуса [Петров, 2004]. Особенно стоит отметить два монографических исследования о деятельности чешских и словацких солдат в годы Гражданской войны: [Захаров, 2019, Рыбков, 2017].

Важной вехой в изучении чешского и словацкого национально-освободительного движения стал выход сборника документов [ЧСК, т. 1; ЧСК, т. 2]. Примечательно, что в 2014 году в Саратове вышел сборник документов и материалов, находящихся в архивах Саратова, Самары, Ульяновска, Казани [Рыбков, 2014].

Несмотря на постоянный интерес исследователей к перипетиям истории Чехословацкого корпуса, некоторые вопросы остаются вне исследований. Одной из ключевых тем, которая требует первостепенного осмысления, — это роль политической надстройки Чехословацкого корпуса — Чехословацкого национального совета (ЧНС) и его отделения для России. Именно этот орган принимал важнейшие политические решения в период с марта по осень 1918 года, на его основе формировались первые политические органы Чехословакии, именно он отвечал за взаимодействие с антибольшевистскими силами Поволжья, Урала и Сибири. Однако механизм принятия решений и его функционирование до настоящего времени в отечественной историографии изучены слабо. Еще в меньшей степени исследованы биографии лидеров Чехословацкого национального совета. Причина этого кроется в следующем. Для советской историографии их личности не представляли особого интереса, так как они все были окрашены негативными чертами пособников буржуазных стран — организаторов иностранной интервенции. В конце XX века, после смены историографической парадигмы проявился значительный интерес к деятельности представителей партии социалистов-революционеров и представителей российской социал-демократии, которые принимали активное участие в создании воинских формирований в период весны-лета 1918 года. Кроме того, разрабатывались темы о лидерах белой Сибири — А. В. Колчаке, Г. М. Семенове и др.

Неисследованность персоналий чешского и словацкого национального движения была обусловлена следующими причинами. В российской эмигрантской историографии подавляющее большинство работ содержали обвинения лидеров ЧНС в России в предательстве российских национальных интересов после прихода к власти А. В. Колчака и отказа чешских и словацких солдат сражаться за диктаторский режим. Поэтому для русской

эмиграции история политических деятелей Чехословакии времен гражданской войны в России особого интереса не представляла. Часто авторы использовали фамилии политических деятелей, чтобы выразить позицию чехов и показать эволюцию их политических взглядов от поддержки социал-демократии на фронте летом 1918 года до поддержки на словах, при формировании директории и резкой критике усиления политической реакции после ноября 1918 года. В связи с этим можно выделить работы Г. К. Гинса [Гинс, 2008] и С. П. Мельгунова [Мельгунов, 2004].

Другая причина неразработанности темы — это отсутствие доступа к источникам, так как часть материалов находится в чешских архивах, а восстановить объективные сведения о прошлом на материалах только федеральных или региональных архивах не представляется возможным. Издание указанных выше сборников документов [ЧСК, т. 1; ЧСК, т. 2] дает возможность существенно расширить источниковую базу и реконструировать основные этапы жизненного пути ключевых участников событий, притом не только тех, кого можно отнести к военной и политической элите чешского и словацкого национально-освободительного движения.

К числу подобных деятелей можно отнести Б. Павлу, который был ближайшим доверенным лицом Т. Г. Масарика в Сибири. Он — автор меморандума, который обозначил водораздел между интересами чешского и словацкого национального движения и сыграл важную роль в эвакуации частей корпуса из России. Позднее Б. Павлу был представителем Чехословакии в РСФСР и СССР. Однако специализированных исследований, посвященных его личности и деятельности, до сих пор не было. Это связано с тем, что известный дипломат погиб в автомобильной катастрофе в 1938 году и не оставил после себя воспоминаний о своей деятельности в России, хотя его эгодокументы могли стать базисом для изучения роли личности в истории и значения этой фигуры для становления советско-чехословацких отношений 1918—1934 годов.

В белоэмигрантской историографии он представлен негативной фигурой, как выразитель всего антироссийского. В связи с этим можно указать работы Г. К. Гинса, очень нелестно оценивавшего личность Б. Павлу, и С. П. Мельгунова, указывавшего на то, что чешский деятель не только выступал открытым противником диктатуры, но и был известен в качестве личного врага А. В. Колчака.

С целью комплексного анализа деятельности Б. Павлу в России необходимо рассмотреть деятельность дипломата до участия в чешском и словацком национальном освободительном движении, выявить причины его вступления в Чехословацкий национальный совет и проследить основные этапы его деятельности. Предметом исследования является личность

Б. Павлу как выразителя интересов чешского и словацкого национально-освободительного движения. Объект исследования — его деятельность и эволюция его представлений о роли и месте чехословацких легионеров в Гражданской войне в России.

2. Деятельность Б. Павлу до антисоветского выступления

О деятельности Богдана Павлу до участия в заграничной акции известно очень мало. Он родился 3 марта 1883 года в Южной Моравии в местечке Спешов в районе Бланско. По национальности — словак. Долгое время изучал право в университетах Австро-Венгрии, но освоение курса не закончил. Стал известен как литератор и журналист, сотрудник ряда изданий, таких как «Народный листок» и «Время». Был офицером запаса в Австро-Венгрии, поэтому с начала Первой мировой войны был призван на Русский фронт. В ноябре 1914 года был взят в плен и 27 декабря вступил в Чешскую дружину [ЧСК, т. 2, с. 978]. Он был направлен в Петроград, где принимал участие в национальном движении. В июне 1915 года он становится редактором издания «Чехословак». В письме от 6 июня 1915 года он писал: «с журналом я продвинулся так далеко, что первый номер уже собран и жду разрешения к печати, что зависит от нескольких цензур. Надеюсь, не позднее следующей недели я смогу рассылать “Чехословак”» [ЧСК, т. 1, с. 193]. Его периодическое издание было разрешено царским правительством, и выход журнала стал фактором, который сплотил чешское движение в России.

Б. Павлу активно включился в процесс обсуждения политического будущего чешских и словацких земель. Он занимал в тот период умеренные промонархические позиции. Стоит отметить, что при его участии обсуждался проект создания единого чешско-польского государства, которое имело бы единую территорию и входило в Российскую империю.

31 марта 1915 года Б. Павлу пишет письмо Д. Н. Вергуну, в котором указывает на возможность обсуждения проекта чешско-польского государства, и отмечает, что ранее они уже касались этого вопроса. По его мнению, поляков и чехов, отдаляло друг от друга отношение к католицизму. Он выражал следующую точку зрения: чехи желают русско-польского примирения, так как «путь к русским от нас ведет по польской национальной территории и этот роковой спор неблагоприятен и для нашего славянского клина» [ЧСК, т. 1, с. 153].

Стоит отметить, что в то время чешское и словацкое национальное движение рассматривало будущее своей страны исключительно совместно с Россией. В 1914 году в ходе двух аудиенций чешские и словацкие представители выразили надежду, что победа России в войне позволит войти

под покровительство российской короны. В этот период Б. Павлу, будучи словаком по национальности, активно использует имперскую риторику. «Нужно знать Россию. И мерить ее иным мерилом, чем другие страны. Что другие не снесут, Русь выдержит, только сотрясётся» [ЧСК, т. 1, с. 153]. Он считал, что «королевство будет возобновлено, но со Словакией автономной» [ЧСК, т. 1, с. 153]. Однако в письмах своему товарищу Й. Коутяку он неоднократно жалуется на медлительность работы общественных организаций в решении проблем развёртывания и увеличения чешских воинских формирований. Под влиянием внешних факторов Б. Павлу понимает, что проблемы чешского и словацкого национального движения должны решаться самими чехами. В своих письмах эту мысль он высказывает очень аккуратно, завуалированно: «В этой ситуации зреет и наша пшеница» [ЧСК, т. 1, с. 259]. Словацкий журналист принимал активное участие в освобождении пленных. Лояльность Б. Павлу официальной власти не осталась незамеченной. Из его характеристики следует, что он «принадлежит к лучшим чехословацким журналистам и организаторам», а его газета «Чехословак» способствовала правильной славянской ориентации чешско-словацких военнопленных [ЧСК, т. 1, с. 327]. Он имел собственные соображения и по религиозным вопросам. В письмах Б. Павлу указывал на то, что существует необходимость церковной самостоятельности через самостоятельную православную церковь Чехии и Словакии. «У нас будет зародыш церковной самостоятельности и национальной организации, которую не удалось создать гуситам, что было основной причиной их слабости» [ЧСК, т. 1, с. 330].

Однако в 1916 году его политические взгляды и симпатии несколько меняются. 12 марта 1916 года он отправляется в Лондон и Париж. Если верить корреспонденции в этот период, то Б. Павлу провел там несколько месяцев [ЧСК, т. 1, с. 295]. Находясь в Париже, он становится сторонником Чехословацкого национального совета, руководителем которого является Т. Г. Масарик. В Париже он устанавливает связи с М. Р. Штефаником, которого информирует о положении дел в России [ЧСК, т. 1, с. 963]. По протекции последнего его назначают заместителем Й. Дюриха, против которого он начинает вести политическую борьбу [ЧСК, т. 1, с. 427].

Она ужесточается в преддверии выборов в Чехословацкий национальный совет, которые должны были пройти в феврале 1917 года. В январе Й. Дюрих обвиняет Б. Павлу в том, что он причислялся к «кучке лиц, сочувствующих Масарику» [ЧСК, т. 1, с. 466]. Стоит отметить, что царское правительство изменило свое отношение к деятельности Б. Павлу. 23 января 1917 года А. Ю. Геровский, эксперт по австро-венгерским и балканским делам, в письме руководителю Особого политического отдела МИД

М. Г. Приклонскому в письме описывал австрофильские идеи Павлу в 1912 году, когда он публично высказывал идею о необходимости сохранения Австрии для чехов. По мнению МИД, его нельзя допускать в Совет [ЧСК, т. 1, с. 605]. Несмотря на все протесты, он был избран в состав Совета за № 14 и вошел в информационно-пропагандистскую коллегию как редактор «Чехословака» [ЧСК, т. 1, с. 683]. Его избрание упрочило положение сторонников Т. Г. Масарика. 25 марта 1917 года на имя Б. Павлу поступают сообщения о признании ЧСНС в войсках. 25 апреля III Съезд чехословацких обществ утверждает Т. Г. Масарика главой всего национально-освободительного движения, а ЧСНС — единственным органом всего заграничного движения.

Политические взгляды Б. Павлу прошли значительный путь эволюции. Имея знания в области права и практический опыт редактора газеты, он принимал активное участие в создании единого информационного пространства в чешском и словацком национальном движении. Под влиянием проблем во взаимоотношениях с царским правительством взгляды Б. Павлу были переориентированы на Запад, так как, будучи сам военнопленным, он понимал необходимость решения комплекса проблем этой категории участников военных действий. Он видел в Т. Г. Масарике потенциал для объединения всего национального движения и легко перешел от идей промонархическим к идеям республиканским.

3. Деятельность в период Гражданской войны в России

Б. Павлу занял центральное место в чешской политике времен Гражданской войны. До момента обострения противоречий между чехами и органами советской власти на местах он занимал второстепенные позиции в чешском национальном движении. Его подпись стоит под документом от 17 января 1918 года — под присягой членов Чехословацкого национального совета [ЧСК, т. 2, с. 38] с призывом продолжать борьбу с Австро-Венгрией. Павлу вошел в состав руководящего органа ЧНС [ЧСК, т. 2, с. 37]. Звездным часом для Б. Павлу можно считать майские дни 1918 года, когда он направил в Совнарком РСФСР телеграмму, где было указано следующее: «Распоряжения иных представителей чехословацких органов являются недействительными. Что касается приказа представителя Чехословацкого совета Максы и военного комиссара С. Аралова о выдаче оружия, то съезд единодушно принял решение оружие до Владивостока не отдавать» [ДМИСЧО, с. 83—84].

В июне 1918 года в Челябинске Б. Павлу был переизбран в состав чехословацкого национального совета и получил должность первого заместителя председателя. Именно в этом качестве он являлся выразителем

официальных настроений чехословацких политических кругов в России. Б. Павлу официально объявил в печати о возвращении Чехословацкого корпуса на фронт, которое произошло по решению Антанты в августе 1918 года, однако он пытался всячески завуалировать это решение и в своей статье активно использовал патриотическую риторику. 23 августа 1918 года Б. Павлу был провозглашен почетным членом второго Челябинского совещания как председатель Чехословацкого национального совета [Гинс, 2008, с. 117].

Б. Павлу как представитель Чехословацкого корпуса был почетным делегатом Уфимского совещания. 12 сентября 1918 года он выступил с речью, в которой от имени чешских войск приветствовал создание единого правительства, он требовал уйти от всех разногласий и сформировать единую власть [Мельгунов, 2004, т. 1, с. 309]. 23 сентября от имени представителей иностранной интервенции он обратился к участникам Директории с приветственным словом [Гинс, 2004, с. 162]. Можно отметить, что представитель чехословаков в большей степени симпатизировал эсерам и поддерживал новое правительство. Поэтому свержение Директории и приход к власти А. В. Колчака воспринимался им как переход к открытой диктатуре. С. П. Мильгунов характеризует Б. Павлу как личного противника А. В. Колчака [Мельгунов, 2004, т. 1, с. 97]. Чехи негативно отнеслись к приходу А. В. Колчака к власти. Причина этого была связана с угрозой чешской военной самостоятельности [Васильченко, 2019]. Перестройка системы управления войсками вызвала отрицательное отношение как чешских легионеров, так и представителей Антанты. В период существования Сибирского правительства между ним и Национальным советом, а после Директорией и Национальным советом было заключено соглашение «в отношении особых прав и положения генерала Сырового», который не подчинялся Верховному главнокомандованию и был самостоятельным главнокомандующим [РГВА, Ф. 39499, Оп. 1, Д. 45, Л. 26].

М. К. Дитерихс считал, что руководство корпуса не будет исполнять постановления нового правительства без согласия со стороны союзников. Изменения в политической ситуации привели к активизации переговоров между представителями Французской военной миссии и командующим Западным фронтом Я. Сыровым. В ходе переговоров было выяснено, что Чехословацкий национальный совет выразил озабоченность в связи с государственным переворотом в Омске и сообщил, что считает невозможным «продолжать борьбу на фронте в связи с новым политическим руководством в России» [РГВА, Ф. 1198к, Оп. 1, Д. 1028, Л. 1—2].

Несмотря на это, чешский государственный деятель пытался выполнять директивы Антанты по реализации планов противогерманского фрон-

та. Так, летом-осенью 1919 года, когда войска А. И. Деникина подходили к Москве, Б. Павлу предложил интересую идею о том, что Чехословацкий корпус возможно использовать для удара через Пермь и Поволжье для поддержки войск ВСЮР [Мельгунов, 2004, т. 2, с. 356—357].

Летом 1919 года как политический руководитель и глава Особого корпуса в России Б. Павлу выступил против делегатов II съезда Чехословацкого корпуса в Екатеринбурге [ЧСК, т. 2, с. 622—623]. На съезде в Иркутске в июне 1919 года деятельность Б. Павлу вновь вызвала недовольство у солдат [Васильченко, Панин, 2020, с. 18].

13 ноября 1919 года из-под пера Б. Павлу и В. Гирсы выходит меморандум, в котором они извещали представителей иностранных держав о позиции чехов относительно Гражданской войны в России [Мильгунов, 2004, т. 1, с. 517]. Как полагал С. П. Мельгунов, составление меморандума было вызвано разложением фронта и тыла [Мельгунов, 2004, т. 1, с. 583]. Генерал К. В. Сахаров высказывает мнение, что меморандум появился в связи не столько с реакционной внутренней политикой А. В. Колчака, сколько с приказом атаману Г. М. Семенову задержать продвижение чешских эшелонов [Сахаров, 1023, с. 238]. Стоит отметить, что «белые» мемуаристы исследуют причины, побудившие чехов издать этот меморандум, со своих позиций, с позиции общей антибольшевистской борьбы, не учитывая логику чешского национально-освободительного движения, главной целью которого было создание национального государства. Именно в логике данного движения и действовал Б. Павлу в России. Необходимо учитывать, что еще до образования республики он был издателем «Чехословака». До него написание было либо через дефис, либо раздельно, можно говорить, что он искусственно создал данную общность, близкую по культуре, языку, традициям. В этом обвиняли его и противники Т. Г. Масарика. Так Ф. Дедина писал, что «чехословак — новая вымышленная национальность Павлу» [ЧСК, т. 2, с. 33]. Поэтому провозглашение Чехословакии 28 октября 1918 года было итогом национальной борьбы и находка Чехословацкого корпуса с точки зрения национальных интересов.

Стоит напомнить, что Т. Г. Масарик после прихода к власти большевиков неоднократно запрещал вмешиваться в дела в России [ЧСК, т. 1, с. 877], позднее логика конфликта вынудила чехов взяться за оружие, подчинить свои национальные интересы союзным войскам и ждать решения о создании государства с согласия держав Антанты. Поэтому логическим продолжением политики невмешательства являлся данный меморандум. Причины его обнаружения заключались не только в неприязни чехов в диктатуре, но и в том, что 4 ноября 1919 года М. Жанен получил из Праги телеграмму от Т. Г. Масарика, в которой говорилось, что «Чехос-

ловакия не должна вмешиваться в дела России» [ЧСК, т. 2, с. 711]. М. Жанен ссылался на то, что без решений правительства Чехословакии он не может единолично распоряжаться судьбой чехов. Они с марта 1919 года производили охрану Транссибирской железнодорожной магистрали и оказывали большую услугу России [ЧСК, т. 2, с. 711]. В письме министру иностранных дел Чехословакии Э. Бенешу главнокомандующий союзными войсками в Сибири М. Жанен характеризовал несколько дней спустя положение при эвакуации Омска следующими словами: «Ярость внизу и, по-видимому, “итальянская забастовка” внизу... Ситуация действительно трудная» [ЧСК, т. 2, с. 712]. Таким образом, меморандум был опубликован в условиях, когда уже существовал конфликт между чехами и русскими антибольшевистскими силами.

Реакция на меморандум со стороны А. В. Колчака была очень неожиданной. Верховный Правитель России посчитал позицию чехов личным оскорблением, он указывал на то, что Б. Павлу и В. Гирса вступили на путь «политического интриганства и шантажа» [ЧСК, т. 2, с. 714]. Более того, в письме главе британской военной миссии генералу А. Ноксу он писал, что Б. Павлу «не имел полномочия от чешского правительства» и не имел права подписывать данный документ. Вместе с тем он просил союзников отозвать данных представителей и направить других, которые «умели бы вести себя прилично» [ЧСК, т. 2, с. 715].

Отзыв дипломатических представителей ставил под удар отношения между правительством А. В. Колчака и Чехословакией. Председатель Совета Министров В. Н. Пепеляев рекомендовал не разрывать дипломатических отношений с чехами, так как это негативно сказалось бы на процессе формирования кабинета [ЧСК, т. 2, с. 717].

В ноябре 1919 года миссия Б. Павлу в России завершилась.

4. Заключение

Итак, Богдан Павлу сыграл важную роль для истории чешского и словацкого национально-освободительного движения. В России он прошел путь от военнопленного и издателя до одного из лидеров Чехословацкого корпуса, взявшего на себя ответственность за судьбу общественного объединения в период обострения противоречий между органами Советской власти и личным составом Корпуса. Он принимал участие в консолидации антибольшевистских сил на территории Урала, Сибири. Его политические взгляды можно характеризовать как близкие к идеям социал-демократии. Личная переписка Б. Павлу свидетельствует об эволюции его представлений о России. Он отошел от идей панславизма и возвышения роли России в славянских отношениях и склонился к позиции невмешательства во вну-

тренные дела государства. В своей деятельности в России он руководствовался идеями Т. Г. Масарика о миссии Чехословацкого корпуса в России, часто встречая сопротивление не только русских генералов, но и самих легионеров.

После возвращения из России умения и навыки Б. Павлу были востребованы в молодой республике. В 1920—1922 годах он продолжает активно участвовать в развитии словацкой прессы, выпуская «Словацкий дневник» в Братиславе. Имея значительный опыт международной работы, Б. Павлу был призван в дипломатический корпус. Он был посланником в Болгарии и Дании, занимал ряд постов в МИД Чехословакии. Хорошее знание русского языка и традиций России позволило ему стать посланником в СССР. Б. Павлу участвовал в нормализации советско-чехословацких отношений, формируя условия для подписания комплекса договоров о сотрудничестве между странами в 1935 году. В 1937 году Б. Павлу становится заместителем министра иностранных дел. Жизнь талантливого дипломата оборвалась трагически. 12 мая 1938 года, находясь в рабочей командировке, он погиб в автомобильной катастрофе на территории Королевства Югославия.

Источники и принятые сокращения

1. Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак : поворотный момент русской истории 1918 — 1929 гг. / Г. К. Гинс. — Москва : Айрис Пресс, 2008. — 670 с. — ISBN 978-5-8112-3010-5.
2. ДИМЧСО — *Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений* : т. 1. — Москва : Наука, 1973. — 552 с.
3. РГВА — *Российский государственный военный архив*. — Ф. 39499 : Оп. 1 : Д. 45 : Л. 26, Ф. 1198к : Оп. 1 : Д. 1028 : Л. 1—2.
4. Рыбков А. Г. Чехословацкий корпус в Поволжье, 1918—1920 : документы и материалы / А. Г. Рыбков. — Саратов : Саратовский гос. социально-экономический институт (фил.) «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2014. — 183 с. — ISBN 978-5-4345-0285-6.
5. ЧСК, т. 1 — *Чешско-Словацкий* (Чехословацкий) корпус, 1914—1920 : документы и материалы : т. 1 : чешско-словацкие воинские формирования в России, 1914—1917 гг. / сост. К. А. Абрамян [и др.]. — Москва : Новалис, 2013. — 1016 с. — ISBN 978-5-902291-39-8.
6. ЧСК, т. 2 — *Чешско-Словацкий* (Чехословацкий) корпус, 1914—1920 : документы и материалы : т. 2 : чехословацкие легионы и Гражданская война в России, 1918—1920 гг. / сост. А. Р. Ефименко. — Москва : Кучково поле, 2018. — 1024 с. — ISBN 978-5-9950-0934-4.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валиахметов А. Н. Чехословацкий корпус в России (1917—1920) : автореферат диссертации... кандидата исторических наук : 07.00.09 / А. Н. Валиахметов. — Казань : Казан. гос. ун-т, 2005. — 23 с.

2. Васильченко М. А. Колчаковский государственный переворот и политика невмешательства офицеров Чехословацкого корпуса во внутренние дела России / М. А. Васильченко // Славянский сборник. — 2019. — № 17. — С. 117—121.
3. Васильченко М. А. Протестное движение в Чехословацком корпусе и чрезвычайный съезд в Иркутске на завершающем этапе Гражданской войны в России / М. А. Васильченко, Е. В. Панин // Манускрипт. — 2020. — Т. 13. — Вып. 5. — С. 17—21.
4. Драгомирецкий В. С. Чехословаки в России : 1914—1920 / В. С. Драгомирецкий. — Париж—Прага : [б. и.], 1928. — 221 с.
5. Захаров А. М. Двоюродные братья : славянские добровольческие вооруженные формирования в России / А. М. Захаров. — Санкт-Петербург : РГПУ, 2019. — 496 с. — ISBN 978-5-8064-2609-4.
6. Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака : в 2 книгах : книга первая : части I, II / С. П. Мельгунов. — Москва : Айрис-пресс, 2004. — 576 с. — ISBN 5-8112-0546-5.
7. Новиков П. А. Изменчивые мотивы людей : Восточная Сибирь в гражданской войне / П. А. Новиков // Вестник Евразии. — 2002. — № 4. — С. 104—127.
8. Новиков П. А. Части Чехословацкого корпуса в Восточной Сибири (май—август 1918 года) / П. А. Новиков // Белая армия : Белое дело. — 2000. — № 7. — С. 5—17.
9. Петров А. А. Генерал-лейтенант М. К. Дитерихс / А. А. Петров // Исторические портреты : А. В. Колчак, Н. Н. Юденич, Г. М. Семенов / ред. А. С. Кручинин. — Москва : Астрель, 2004. — С. 294—348.
10. Петров А. А. Генерал-лейтенант Р. Гайда / А. А. Петров // Исторические портреты : А. В. Колчак, Н. Н. Юденич, Г. М. Семенов / ред. А. С. Кручинин. — Москва : Астрель, 2004. — С. 58—116.
11. Рыбков А. Г. Чехословацкий корпус в Поволжье : 1918 год : исторические очерки / А. Г. Рыбков. — Саратов : Саратовский гос. социально-экономический ин-т (фил.) «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2017. — 219 с. — ISBN 978-5-4345-0424-9.
12. Салдугеев Д. В. Радоло Гайда : военачальник и политик / Д. В. Салдугеев // Наука ЮУрГУ : материалы 67-й научной конференции / ред. С. Д. Ваулин. — Челябинск : ЮУрГУ НИУ, 2015. — С. 1841—1848.
13. Санин А. В. Участие Чехословацкого корпуса в белом терроре / А. В. Санин // Военно-исторический журнал. — 2011. — № 5. — С. 25—27.
14. Сахаров К. В. Белая Сибирь : внутр. война 1918—1920 гг. / К. В. Сахаров. — Мюнхен : [б. и.], 1923. — 324 с.

MATERIAL RESOURCES

- ChSK, t. 1 — Abramyan, K. A. (ed.). (2013). *Czech-Slovak (Czechoslovak) corps, 1914—1920: documents and materials: vol. 1: the Czech-Slovak military forces in Russia, 1914—1917*. Moskva: Novalis. 1016 p. ISBN 978-5-902291-39-8. (In Russ.).
- ChSK, t. 2 — Efimenko, A. R. (ed.). (2018). *Czech-Slovak (Czechoslovak) corps, 1914—1920: documents and materials: vol. 2: Czechoslovak legions and the Civil War in Russia, 1918—1920*. Moskva: Kuchkovo pole. 1024 p. ISBN 978-5-9950-0934-4. (In Russ.).
- DIMChSO — *Documents and materials on the history of the Soviet-Czechoslovak relations: vol. 1*. (1973). Moskva: Nauka. 552 p. (In Russ.).

- Gins, G. K. (2008). *Siberia, the Allies and Kolchak: the turning point of Russian history in 1918—1929*. Moskva: Ayris Press. 670 p. ISBN 978-5-8112-3010-5. (In Russ.).
- RGVA — *Russian state military archive*. F. 39499: Op. 1: D. 45: L. 26, F. 1198k: Op. 1: D. 1028: L. 1—2. (In Russ.).
- Rybkov, A. G. (2014). *The Czechoslovak Corps in the Volga region, 1918—1920: documents and materials*. Saratov: Saratovskiy gos. sotsial'no-ekonomicheskii in-t (fil.) «REU im. G. V. Plekhanova». 183 p. ISBN 978-5-4345-0285-6. (In Russ.).

REFERENCES

- Dragomiretskiy, V. S. (1928). *Czechs in Russia: 1914—1920*. Parizh—Praga: [b. i.]. 221 p. (In Russ.).
- Mel'gunov, S. P. (2004). *The tragedy of Admiral Kolchak: in 2 books: book one: parts I, II*. Moskva: Ayris-press. 576 p. ISBN 5-8112-0546-5. (In Russ.).
- Novikov, P. A. (2000). Parts of the Czechoslovak corps in Eastern Siberia (May—August 1918). *Belaya armiya: Beloe delo*, 7: 5—17. (In Russ.).
- Novikov, P. A. (2002). Changeable motives of people: Eastern Siberia in the civil war. *Bulletin of Eurasia*, 4: 104—127. (In Russ.).
- Petrov, A. A. (2004). Generalno-leutnant M. K. Dieterichs. In: A. S. Kruchinin (ed.). *Historical portraits: A. V. Kolchak, N. N. Yudenich, G. M. Semenov*. Moskva: Astrel'. 294—348. (In Russ.).
- Petrov, A. A. (2004). Lieutenant-General R. Gaida. In: A. S. Kruchinin (ed.). *Historical portraits: A. V. Kolchak, N. N. Yudenich, G. M. Semenov*. Moskva: Astrel'. 58—116. (In Russ.).
- Rybkov, A. G. (2017). *Czechoslovak Corps in the Volga region: 1918: historical essays*. Saratov: Saratovskiy gos. sotsial'no-ekonomicheskii in-t (fil.) «REU im. G. V. Plekhanova». 219 p. ISBN 978-5-4345-0424-9. (In Russ.).
- Sakharov, K. V. (1923). *White Siberia: ext. the war of 1918—1920*. Myunkhen: [b. i.]. 324 p.
- Saldugeev, D. V. (2015). Radola Gayda: military commander and politician. In: S. D. Vaulin (ed.). *Science YuUrGU: proceedings of the 67th scientific conference*. Chelyabinsk: YuUrGU NIU. 1841—1848. (In Russ.).
- Sanin, A. V. (2011). Participation of the Czechoslovak Corps in the white terror. *Military-historical journal*, 5: 25—27. (In Russ.).
- Valiakhmetov, A. N. (2005). *Czechoslovak Corps in Russia (1917—1920)*: PhD Diss. 07.00.09. Kazan: Kazan. gos. un-t. 23 p. (In Russ.).
- Vasilchenko, M. A. (2019). Kolchakovsky coup and the policy of non-interference of officers of the Czechoslovak corps in the internal affairs of Russia. *Slavic collection*, 17: 117—121. (In Russ.).
- Vasilchenko, M. A., Panin, E. V. (2020). Protest movement in the Czechoslovak corps and the extraordinary Congress in Irkutsk in the final stages of the Civil war in Russia. *Manuscript*, 13 (5): 17—21. (In Russ.).
- Zakharov, A. M. (2019). *Cousins: slavic volunteer armed formations in Russia*. Sankt-Peterburg: RGPU. 496 p. ISBN 978-5-8064-2609-4. (In Russ.).

Кимеева Т. И. Интерпретация и реконструкция традиционной обрядности с позиции семиотического подхода (на примере шорского обряда шачыг) / Т. И. Кимеева, П. В. Абрамова, А. А. Насонов // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 361—377. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-361-377.

Kimeeva, T. I., Abramova, P. V., Nasonov, A. A. (2021). Interpretation and Reconstruction of Traditional Rituals on Semiotic Approach (Shor Rite 'Shachig'). *Nauchnyi dialog*, 6: 361-377. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-361-377. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-361-377

Интерпретация и реконструкция традиционной обрядности с позиции семиотического подхода (на примере шорского обряда шачыг)

Кимеева Татьяна Ивановна
orcid.org/0000-0002-6036-4418
доктор культурологии, доцент
tat-kimeeva@mail.ru

Абрамова Полина Валерьевна
orcid.org/0000-0003-2558-4500
кандидат культурологии
polinavabramova@gmail.com

Насонов Александр Александрович
orcid.org/0000-0002-3037-6434
ResearcherID U-8012-2017
кандидат исторических наук, доцент
nas.kemgik@gmail.com

Кемеровский государственный
институт культуры
(Кемерово, Россия)

Interpretation and Reconstruction of Traditional Rituals on Semiotic Approach (Shor Rite 'Shachig')

Tatiana I. Kimeeva
orcid.org/0000-0002-6036-4418
Doctor of Cultural Studies
Associate Professor
tat-kimeeva@mail.ru

Polina V. Abramova
orcid.org/0000-0003-2558-4500
PhD in Cultural Studies
polinavabramova@gmail.com

Alexander A. Nasonov
orcid.org/0000-0002-3037-6434
ResearcherID U-8012-2017
PhD in History, Associate Professor
nas.kemgik@gmail.com

Kemerovo State
University of Culture
(Kemerovo, Россия)

© Кимеева Т. И., Абрамова П. В., Насонов А. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Обосновывается положение, согласно которому сохранение обряда как объекта этнокультурного наследия в современных условиях возможно через приведение его в музейное состояние. Утверждается, что этот процесс должен базироваться на фиксации обряда в период его бытования в естественной социокультурной среде, результаты которой были отражены в полевых дневниках этнографов, хранящихся в музейных архивах. Авторы указывают на основное отличие «наследника традиции» от «носителя традиции», заключающееся во фрагментарности и дискретности имеющегося у последнего сведений, недостаточных для воссоздания комплексного образа традиционного обряда. Потенциал предложенной методики интерпретации и реконструкции традиционной обрядности раскрывается на примере шорского обряда шачиг. Авторы анализируют современные национально-общественные вариации интерпретации этнографических сведений об обряде первой трети XX века. Показано, что поверхностная обработка информации, содержащейся в источниках, и неверная расшифровки кодов приводит к трансформации описаний всех элементов и вещественной составляющей обряда. В качестве научно обоснованной альтернативы предлагаются реконструкция и интерпретация данного обряда с позиции семиотического подхода, базирующиеся на комплексном анализе всех его элементов (акциональных, вербальных, предметных) и учитывающие темпоральную и локальную характеристики.

Ключевые слова:

традиционная культура; традиционная обрядность; семиотический подход; интерпретация; реконструкция; семантика обряда; трансляция наследия; шорцы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The position is substantiated according to which the preservation of the rite as an object of ethnocultural heritage in modern conditions is possible through bringing it into a museum state. It is argued that this process should be based on the fixation of the rite during the period of its existence in the natural socio-cultural environment, the results of which were reflected in the field diaries of ethnographers stored in museum archives. The authors point to the main difference between the “inheritor of tradition” and the “bearer of tradition”, which is the fragmentation and discreteness of the information available to the latter, which is insufficient to recreate the complex image of the traditional rite. The potential of the proposed methodology for interpreting and reconstructing traditional rituals is revealed on the example of the Shor rite ‘Shachig’. The authors analyze modern national-social variations in the interpretation of ethnographic information about the rite of the first third of the XX century. It is shown that the superficial processing of the information contained in the sources and the incorrect decoding of the codes leads to the transformation of the descriptions of all elements and the material component of the rite. As a scientifically grounded alternative, reconstruction and interpretation of this rite from the standpoint of a semiotic approach is proposed, based on a comprehensive analysis of all its elements (actional, verbal, objective) and considering temporal and local characteristics.

Key words:

traditional culture; traditional rituals; semiotic approach; interpretation; reconstruction; the semantics of the rite; broadcasting heritage; Shors.

Интерпретация и реконструкция традиционной обрядности с позиции семиотического подхода (на примере шорского обряда шачыг)

© Кимеева Т. И., Абрамова П. В., Насонов А. А., 2021

1. Введение

Исчезновение объектов традиционной культуры в среде бытования является одной из актуальных проблем развития современного социокультурного пространства. Этот процесс на сегодняшний день усугубляется тем, что данные объекты востребованы представителями коренных этносов, однако приобщение к искаженным, а не исторически существовавшим образцам приводит к утрате подлинных смыслов и в итоге их подмене псевдотрадициями. Данное противоречие нивелирует культурное разнообразие, препятствует сохранению национальной самобытности и, следовательно, способствует неэффективности реализации государственного курса развития национально-культурных автономий как формы трансляции этнокультурного наследия.

Помимо практических аспектов, данная проблема имеет научное измерение. Описанные обстоятельства трансляции этнокультурного наследия могут расцениваться как недостаточная изученность возможностей интерпретации и реконструкции объектов традиционной культуры, а следовательно, как мотивация исследователей к поиску новых научно обоснованных методов. В связи с этим целью статьи является обоснование теоретических основ и выявление возможностей интерпретации и реконструкции традиционной обрядности с позиций семиотического подхода.

2. Теоретические аспекты проблемы реконструкции традиционной обрядности

В отечественном гуманитарном знании проблематика семиотики относительно традиционной обрядности рассматривалась советскими и позже российскими этнографами. Научные разработки в данной области базируются на ряде положений семиотики теоретиков мировой философской мысли XX века. Тезис относительно оформления культурного явления в виде знака и символа обозначен Э. Кассирером, определение своеобразного смысла которого возможно через анализ духовной структуры [Кассирер, 2002, с. 11]. Теоретическое обоснование коммуникативного акта как первоэлемента семиотического анализа предложено Ф. де Соссюром [Сос-

сюр, 1999, с. 348]. Суждения о знаке как первоэлементе семиотического образования, наделенном материальными качествами, принадлежащими «ему самому по себе», представлены в трудах Ч. С. Пирса и Ч. У. Морриса [Пирс, 2000, с. 27]. В том же ключе рассуждает о семиотике У. Эко, по мнению которого, в статус знака объект может быть возведен исключительно в процессе семиотической практики, так как определяющую роль в семиотике играет прагматический аспект коммуникации, в котором значительное место отводится интерпретации задействованных в нем объектов [Эко, 1998, с. 24].

Семиотический подход к исследованию одного из базовых элементов традиционной культуры применен отечественным этнографом Ю. В. Бромлеем, полагавшим, что прочтение знаков и значений в структуре традиционной культуры предоставляет возможность воссоздания «картины мира» [Бромлей, 1973, с. 60]. Следует отметить, что в научной дискуссии относительно традиционной обрядности, развернувшейся на страницах журнала «Советская этнография», С. А. Арутюновым акцентировалось внимание на значимости обряда, взаимосвязи в его структуре стереотипизованных форм поведения с практической деятельностью представителей этноса, что отличает его от ритуала, объемлющего несколько иные формы поведения, имеющие не практическое, а символическое значение [Арутюнов, 1981, с. 97]. На способность этноса к выработке единого условного «языка» как системы определенных взаимосвязанных значений, обозначений, символов и др., обеспечивающих коммуникативность культуры, традицию, указывал К. В. Чистов [Чистов, 1981, с. 107].

Рассматривая культуру как семиотическую систему, Ю. М. Лотман ввел универсальное понятие «текста культуры», осознание которого возможно при определении смысла заложенной в информационных полях музейного предмета информации, то есть «прочтении культурного кода», когда явление культуры понимается как «совокупность текстов или сложно построенный текст» [Лотман, 1992, с. 135]. Введенное Ю. М. Лотманом понятие «семиосфера» представляет собой собственно интерпретацию культурного пространства, в котором происходит реализация процессов коммуникации.

Семиосфера традиционного культового обряда, в соответствии с трактовкой данного термина Ю. М. Лотманом, может быть представлена как некоторый единый мир с организованной структурой составляющих его обрядовых актов, действий, вербального кода, овеществленных компонентов [Окладникова, 2006, с. 84]. В структуре семиосферы обряда заключены подлежащие интерпретации смыслы. С раскрытием смыслов связаны понятия «знак» и «культурный код». «Знак» в широком смысле принято

понимать как определенное явление или материальный объект, каждому из которых при определенных условиях соответствует конкретное «значение», представляющее собой «культурный код».

Для анализа традиционного обряда как семиотического образования представляют интерес труды А. К. Байбурина, акцентирующего внимание на том, что для обряда как многозначного и синкретического явления характерен целый набор кодов, различающихся планом выражения, среди которых, что важно для визуальной семиотики, им выделены предметный и вещевой коды [Байбурин и др., 1998, с. 245—246].

С. Т. Махлина характеризует «код» как совокупность знаков и систему определенных правил, при помощи которых закодированная в знаках информация, может храниться, обрабатываться, передаваться. При этом «...всякий код представляет собой систему закономерных связей между несущими информацию элементами плана выражения и передаваемыми с их помощью элементами плана содержания» [Махлина, 2013, с. 35—36]. А. Н. Балаш считает, что избранные из предметной среды вещи при контакте с ними человека обладают способностью формировать вокруг себя свою семиосферу при условии раскрытия их знаковой природы [Балаш, 2013, с. 22].

В начале XX века был сделан акцент на теоретическое обоснование визуальной семиотики. Ф. де Соссюром был намечен ориентир на визуальную коммуникацию при обосновании положений семиотики. Он полагал, что включение в пространство семиосферы овеществленных компонентов расширяет ее сферу [Соссюр, 1999, с. 311]. В середине XX века Ю. М. Лотманом предложено семиотическое определение визуализации, связанное с творческим отображением мира с помощью искусства, с превращением в иконические (зрелищные) знаки его образов, с раскрытием значений этих образов [Лотман, 1973, с. 11]. В XXI веке визуальная семиотика как часть общей семиотики становится объектом внимания следующего поколения философов и культурологов. А. А. Жигарева обосновывает причину обращения исследователей к визуальным проявлениям в культуре развитием «символического восприятия человека» [Жигарева, 2011, с. 273].

Вышесказанное позволяет применить методику визуальной семиотики к исследованию обряда — объекта этнокультурного наследия, структура которого основана на мифологической семантике. По мнению исследователя русских магических обрядов В. Ф. Филатовой, структура обрядов в целом является четко организованной, ее элементы взаимосвязаны и взаимозависимы, что обосновано их функционированием внутри обрядовой семиосферы. При анализе обрядов необходимо учитывать их связь «с общезыковой знаковой системой, с текстами вторичной моделирующей

системы (мифологией, этикетом, народным эпосом, народной лирикой и т. п.)). Причем «...смыслы, содержащиеся в них, перетекают из одной сферы в другую, из одного жанра в другой, дополняя, обогащая друг друга и образуя единое смысловое поле» [Филатова, 2012, с. 75].

Примечательно, что в этом контексте с конца 1970-х годов в отечественном музееведении определяются направления в изучении объектов этнокультурного наследия в рамках семиотического подхода. Исследуется коммуникативная функция музейного предмета в экспозиции и собственно его аксиологическая сторона. Значительный вклад в раскрытие семиотической природы музейного предмета внесен Н. А. Никишиным, который рассматривал его как «знак» — элемент знаковой системы (музейной экспозиции, образующей особую упорядоченную знаковую систему) [Никишин, 1989, с. 11]. А. К. Байбурин отмечал, что включенной в музейное собрание вещи, вырванной из реального контекста и получившей статус «знака», «предписано» демонстрировать свои семиотические возможности в зависимости от толкования значений интерпретантом [Байбурин, 2004, с. 81].

Исследование обряда должно предусматривать включение в его структуру овеществленных компонентов и их интерпретацию на основе научной методики. Перспективным направлением может считаться герменевтика, ориентированная на интерпретацию религиозных практик в целом и обряда, в частности. Герменевтика как искусство толкования основывается на философской теории интерпретации литературных текстов. Естественно, что толкование допускает определенный процент субъективности и отступление от традиционного стереотипа. С 1990-х годов по настоящее время намеченные направления в исследовании коммуникативной функции музейного предмета и его семиотической интерпретации развивались в рамках отечественного музееведения, хотя ориентир на его визуальное исследование только обозначился. В настоящее время обоснована методика семиотической интерпретации музейных предметов с акцентом на его визуальное исследование [Кимеева, 2019, с. 195].

Область научных исследований семиотики, включающая изучение знаков и знаковых систем, которые способны хранить и передавать информацию, охватывает в данном случае и сферу смыслового значения различных элементов обряда — семантику предметов и ритуалов.

3. Проблемы трансляции и интерпретации традиционной обрядности

Обряд в условиях функционирования в среде бытования ориентировался на регулирование внутринатических связей, способствуя воспроизводству этнической специфики и трансляции культурного опыта. Содержательная сторона обряда базировалась на традиционной мифологии,

элементы которой воплощались в визуальных образах и трактовались вербально, образуя в комплексе определенную знаковую систему.

В связи с утратой функции воспроизводства в среде бытования обряд приобрел статус исчезающего объекта нематериального культурного наследия, в связи с чем возникает проблема его сохранения как уникального явления традиционной культуры. Предотвращению полной утраты обрядовых традиций, которые подвержены этому в большей степени, чем материальные объекты, может способствовать их актуализация музейными средствами. В свою очередь последняя подразумевает приведение объекта культурного наследия в музейное состояние, то есть музеефикацию. При этом необходима опора на фиксацию обряда в период его бытования в естественной социокультурной среде, результаты которой, сохраняемые в музеях в виде записей в полевых дневниках и пр., должны учитываться при его интерпретации в условиях современности.

Причиной преобладания данного метода является не только утрата большинства традиций в среде бытования, но и отсутствие носителей этих традиций. Принципиальным моментом при актуализации традиционной обрядности является разграничение понятий «носитель традиции» и «наследник традиции». «Наследник» принципиально отличается от «носителя» тем, что он не осуществляет передачу традиции, для него традиционные знания не представляют непреложной ценности, каковой они являются для носителя. Наличие наследников традиции не способствует ее сохранению. Сведения, которыми обладают наследники традиции, как правило, фрагментарны, дискретны и недостаточны для воссоздания комплексного образа традиционного обряда. В публикациях этнографов и культурологов, исследующих региональное этнокультурное наследие. Притом, отмечаются две тенденции презентации обряда: интерпретация без опоры на фиксацию обряда в естественной социокультурной среде и некорректная интерпретация зафиксированных в период бытования традиции данных [Кимеев, 2018, с. 208].

Утраченный объект культурного наследия может быть актуализирован единственным способом: на основе зафиксированных ранее, когда объект еще функционировал в среде бытования, материалах, осуществляется интерпретация, а затем реконструкция обряда. Именно в рамках визуальной семиотики возможно наиболее полно и корректно воссоздать такой объект культурного наследия, как обряд, имеющий знаковую природу. При этом важен комплексный подход: исследование материальной, акциональной, вербальной сторон обряда на основе всех имеющихся видов источников: письменных, вещественных, фото- и изобразительных источников. Каждая из обозначенных сторон обряда интерпретируется как с формальной,

так и с содержательной стороны. На основе полученных результатов может быть осуществлена реконструкция обряда.

В этом контексте стоит разграничить понятия «традиция», «неотрадиция» и «псевдотрадиция». Традиция транслируется от поколения к поколению в естественной социокультурной среде, воспроизводится иррационально, без реальной мотивации, является непреложной ценностью. Неотрадиция транслируется на базе социокультурных институтов, создается с целью формирования этнокультурной идентичности, но, в отличие от псевдотрадиции, на основе подлинной традиции.

Таким образом, исследование обряда в рамках семиотического подхода предполагает изучение всех его элементов с ориентацией на их семиотическое единство. На основе герменевтического подхода осуществляется толкование смыслов, заключенных как в овеществленных компонентах обряда, так и в действиях, вербальных формах, неразрывно связанных с ними, а также исследование смыслов, которыми наделяются место и время проведения ритуала. На основе проведенного исследования обряд может быть реконструирован, а уже после этого осуществлена его актуализация. В противном случае может иметь место некорректная интерпретация традиционного обряда.

4. Этнографическая фиксация и особенности национально-общественной интерпретации шорского обряда шачыг

Интерпретация объектов наследия в рамках семиотического подхода может быть рассмотрена на примере шорского обряда шачыг. По данным этнографов, последний раз он проводился в 30-х годах XX века. На сегодняшний день этот обряд полностью утрачен в среде бытования, сведения о нем хранятся в собраниях Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) Российской академии наук (РАН) и Новокузнецкого краеведческого музея (НКМ). Имеются фрагментарные сведения об обряде в записях В. И. Вербицкого и В. В. Радлова. В коллекции Кунсткамеры хранятся предметы, связанные с обрядом. Архив НКМ располагает зарисовками и описанием К. Евреинова, иллюстрирующими ритуальную атрибутику и место проведения обряда [Евреинов, 1935, л. 1]. Наиболее полное описание обряда представлено в полевых дневниках Н. П. Дыренковой, которая в 1927 году в ходе экспедиции исследовала обряд весеннего жертвоприношения шачыг (шачыл) у шорцев, проживавших на юге Западной Сибири в улусах по рекам Мрассу и Кондоме. Обряд совершался во время ледохода. Для его проведения выбиралось место на крутом берегу реки, каждая семья готовила жертвенный напиток — настойку из ячменя абырку. Затем мужчины рода собирались на ритуальном месте, каждый

приносил с собой берестяной сосуд с абырткой. Молодой представитель рода, предварительно собравший со всех мужчин перья глухаря, а с женщин — ленты чалама, связывал из них гирлянду и перевозил ее на другой берег реки. Там гирлянда привязывалась на березу. На другом берегу реки мужчины, принесшие абыртку в туесах, выставляли их в ряд, сливая из каждого ритуальный напиток в один жертвенный сосуд. После этого старший в роду или шаман осуществлял моление духам, которое заключалось в том, что все представители рода ходили по ходу солнца по кругу, обращаясь во время движения ко всем горам и рекам, испрашивая обилия рыбы и зверя, удачи на охотничьем промысле, при перечислении каждой из гор или рек все присутствующие выкрикивали: «Шок». Старший в роду кропил духам из ритуальной чаши. Моление завершалось гаданием — подбрасыванием чаши вверх. По характеру падения чаши определяли, каким будет следующий год. Если она опрокидывалась вверх дном, то предстоял удачный год, жертвы духам было достаточно, падение дном вниз сулило неудачу в промысле, духи требовали еще жертву. Во время подбрасывания чаши, пока та не упала на землю, все присутствующие должны были поднять с земли предварительно разбросанные кусочки бересты кастак, обозначающие долю на счастье. Кастак хранили весь год в укромном месте дома [Дыренкова, 2012, с. 189—193].

Обряд не привлекал внимание исследователей и представителей этнокультурных центров до начала XXI века. За период, отделяющий момент фиксации обряда от современности, в памяти представителей этноса и их потомков он был полностью утрачен. Это иллюстрируют результаты экспедиций 1980—2000 годов, проводимых этнографами Кемеровского государственного университета под руководством В. М. Кимеева. В 2002 году в рамках общей тенденции возрастающего интереса к традиционной культуре представителями шорских национальных объединений решено было возродить обряд в виде традиционного праздника, получившего название Чыл-пажы (Чал-пажи). Он стал проводиться сначала в г. Новокузнецке, а затем в историко-культурном и природном музее-заповеднике «Томская Писаница». Н. М. Печениной, Л. А. Тенешевой была издана брошюра, где содержалось описание праздника и процесса его ревитализации. После этого праздник вошел в программу ежегодных мероприятий «Томской Писаницы», получил распространение в других музеях и этнокультурных центрах Кемеровской области. Согласно описанию, во время праздника разжигались три костра в соответствии со сторонами света. Маленький «черный» костер в виде колодца — на западе, большой — на востоке, а также один костер для приготовления пищи (сторона света не указана). Обряд проводился на заходе солнца. Участники обряда становились

вокруг костра и говорили моление духам (фрагмент текста, зафиксированный Н. П. Дыренковой). Для обряда также готовились ленты чалама синего, желтого, белого и черного цветов. Для каждого цвета было придумано свое значение: небо, солнце, все светлое и все плохое, соответственно. «Плохая» черная лента завязывалась узлами и сжигалась в «черном» костре. После этого костер нужно было «закрыть», обойдя его три раза против солнца. Затем остальные ленты повязывались на березу, при этом загадывались желания [Печенина и др., 2012, с. 6—8].

Анализ проведенных мероприятий и описания обряда, приведенного в брошюре, позволяет сделать вывод, что с традиционным обрядом, зафиксированным этнографами, он практически не имеет ничего общего. А схожие элементы наделяются совершенно иным значением. На наш взгляд, это обусловлено тем, что на первоначальном этапе реконструкции утраченного объекта этнокультурного наследия имели место серьезные упущения. И, прежде всего, неправильно истолкована семантика ключевых элементов обряда. В брошюре отмечается, что обряд восстановлен на основе сведений, полученных от информаторов. Однако список информаторов и экспертов вызывает вопросы. Он состоит всего из десяти человек, а представитель самого преклонного возраста в данном списке 1932 года рождения. Соответственно, он родился уже после того, как обряд перестал функционировать в среде бытования. Можно допустить, что информация об обряде была получена им от старших членов сообщества. Таким образом, данный респондент является наследником традиции, что влечет указанные выше трудности при использовании информации, полученной в результате его опроса, для интерпретации и реконструкции обряда. В данном случае сведения настолько фрагментарны, что вряд ли могут стать исчерпывающей основой для реконструкции. Остальные респонденты родились настолько поздно, что их привлечение в качестве информаторов следует поставить под сомнение. Кроме того, авторы брошюры ссылаются на этнографов, зафиксировавших обряд (Н. П. Дыренкову, К. А. Евреינוва), но при воссоздании обрядовых действий и интерпретации их семантики ссылки на материалы указанных исследователей отсутствуют.

5. Научные интерпретация и реконструкция шорского обряда шачыг с позиции семиотического подхода

Значимость исследования обряда, утраченного в среде бытования, определяется недостаточной изученностью данного объекта этнокультурного наследия и одновременно востребованностью его культурологических проекций для презентации в рамках региональной культуры и музейной деятельности. Актуализация обряда, включение его в современную со-

циокультурную среду предполагает его реконструкцию на основе данных фиксации и презентацию. В музееведческих исследованиях используется дефиниция «репрезентация», то есть «опосредованное, «вторичное» представление первообраза и образа, идеальных и материальных объектов, их свойств, отношений и процессов» [Энциклопедия ..., 2009].

При актуализации элементы обряда должны воспроизводиться на основе исследования подлинных источников как взаимосвязанное целое ключевых актов, образующий непосредственно обряд. В семиотическом плане обряд должен быть проанализирован как совокупность культурных кодов. Любая актуализация полностью утраченного в среде бытования объекта предполагает его реконструкцию. Реконструкция же может осуществляться только на подлинных источниках (в данном случае — материалах музейных собраний). Обряд представляет собой единство акциональной, вербальной, предметной составляющей, кроме того, он приурочен к определенному времени и привязан к месту. Каждый элемент имеет сакральное значение.

Любой ритуал всегда связан с определенным предметным комплексом. Этнографы, фиксируя обряд, как правило, стараются сохранить предметы, с ним связанные, и включить их в фонды музея. При реконструкции обряда информация, извлеченная из данных предметов, помогает воссоздать его структуру и семантику. Музейные предметы в этом случае рассматриваются как знаки, имеющие семиотический статус и содержащие в себе множество символических значений, раскрываемых посредством применения метода интерпретации. Каждый предмет, который представлен в обряде, также наделяется ритуальным значением. В обряде могут использоваться как предметы, изготовленные специально для ритуала, так и утилитарные предметы, наделяемые особым значением. Например, во время обряда шачыг использовались туеса и чаша, которые применялись исключительно в данном ритуале. В остальное время они хранились отдельно от остальной утвари [Евреинов, 1935, л. 1]. Атрибутика, заключающая в себе ритуальное значение, представлена в обряде шачыг гирляндой чалаба из лент и перьев глухарей.

Действия, совершаемые во время обряда, не имеют утилитарного значения, более того, с практической точки зрения они бесполезны, но символичны. Вместе с тем характер совершения действия также значим с точки зрения семантики. В шорском обряде шачыг выделяются следующие акты: приготовление жертвенного напитка абыртка для всех представителей рода в большом туесе (из корней кандыка или ячменя каждая семья готовила напиток и сливала в общий сосуд); связывание родовой культовой гирлянды чалаба (из собранных с каждого члена рода предметов: перьев глухарей —

с мужчин, лоскутных лент — с женщин); перевозка молодым представителем рода гирлянды на противоположный ритуальному месту берег реки и развешивание ее на избранной березе; кормление духов природы старшим в роду (кропление абырткой из чашки берестяной ложкой в процессе движения участников с востока по ходу солнца); гадание с ритуальной чашей (по ее падению дном вверх или наоборот определяли, каким будет год); заполучение удачи на текущий год (сбор предварительно разбросанных в месте проведения обряда кусочков бересты кастак) [Дыренкова, 2012, с. 158, 161—179]. Семиотический подход подразумевает интерпретацию смыслов каждого обрядового акта, и, по замечанию Т. И. Гавриловой, «реконструкция смысла подразумевает поиск не единого назначения символа, а некоторого возможного ряда таких назначений» [Гаврилова, 2016, с. 17].

В данном контексте может быть и истолкована жертва духам в виде гирлянды чалаба из перьев глухаря и лент. Перья глухаря передают мужчины, они могут трактоваться как убитые на охоте животные. Подвешивая чалаба на крону березы, участники обряда как бы возносят ее в небесный мир, а значит — все взятое у природы возвращается ей. Ленты же чалаба, которые дают женщины, — вотивный дар. Жертва духам очень часто в культуре коренных народов Сибири приносится именно в виде лоскутов ткани. Движение вокруг березы осуществляется с востока на запад. Это также символично. Восток — начало года, запад — его конец.

Вербальная сторона также символична, она связана с совершаемыми действиями и с используемыми во время обряда предметами. Во-первых, название праздника прямо указывает на его значение. «Это родовое моление горам и водам (тагларга сугларга) носило название “шачыл” — букв. кропление (от “шач” — разбрасывать, кропить, брызгать, рассыпать, делать возлияния)» [Дыренкова, 1940, с. 439, 341]. Ритуальные тексты также ориентированы на то, чтобы попросить у духов благополучия, задоблив их принесенной жертвой.

Обряд привязан к определенному локусу. Шачыг совершался на берегу реки, напротив горы, у подножия которой росли березы. Каждая составляющая здесь значима. Так как обряд направлен на почитание духов гор-рек, то выбор места логичен. Береза, с одной стороны, неразрывно связана с горой, с другой стороны, может быть истолкована как символ мироздания, триединая модель мирового пространства. Неслучайно ленту чалаба привязывают к кроне березы, так как это олицетворение верхнего мира [Дьяконова, 2001]. Во время моления представитель рода также обращается к духам верхнего мира, обходя березу. И приносимая жертва предназначается духам, обитающим там. Выливание же на корни березы

остатков жертвенной браги в конце ритуала символизирует жертву духам нижнего, подземного мира.

Обряд проводится весной, когда заканчивается ледоход, что символизирует начало нового года, пробуждение природы. Однако сезонная привязка обрядов обычно обоснована традиционными занятиями. У шорцев таковые — охота и собирательство. Отсчет нового года начинается именно с весны, это можно объяснить тем, что весь предыдущий год человек пользовался благами природы (собственно дарами духов тех самых гор-рек), теперь же по окончании сезона охоты после того, как все дары он у природы забрал, необходимо задобрить духов, чтоб они были благосклонны и в следующем году.

В случае организации праздника Чыл-пажы в результате поверхностной обработки информации, содержащейся в источниках, и, как следствие, неверной расшифровки кодов, заключенных в обрядовых действиях и его предметной составляющей, произошла трансформация всех обрядовых действий и вещественной составляющей обряда. В нем появился костер как символ очищения, хотя ни в одном из дошедших до наших дней описаниях этнографами обряда подобных сведений нет. Это вполне логично, так как воздается жертва духам гор-рек посредством кропления абырткой, дух огня на данном празднике не почитается. Вотивная жертва — лента чалаба — также превратилась в атрибут очищения: на черных лентах завязывают узлы, символизирующие грехи, а после ленты сжигаются в костре. Причем бросание лент в костер символизирует именно их уничтожение, а не принесение жертвы духам. Появление такого атрибута обряда, как костер, сместило семантику с почитания духов гор-рек на почитание духа огня.

Все обрядовые акты, зафиксированные этнографами, из обряда исчезли, так как не соответствовали сконструированной заново семантике. Изменилось даже название обряда. Из шачыг он стал *Чыл-пажы*, что означает «голова года». Само словосочетание, положенное в основу нового названия праздника, встречается в культовых текстах, зафиксированных Н. П. Дыренковой, но в контексте оно указывает лишь на темпоральную отнесенность. Однако фрагмент вербальной составляющей данного обряда, относящегося к весеннему циклу и семантически восходящего к ситуации «старения» мира и необходимости его «обновления», был извлечен из обрядового контекста. Чыл-пажы сегодня повсеместно празднуется в Кемеровской области и Республике Хакасия, хотя никем из этнографов никогда не фиксировался. Из текста шаманского камлания, зафиксированного Н. П. Дыренковой, преодолевшей для изучения обряда шачыг километры непроходимой весенней дороги по тайге, современными создателями

неотрадий был «вырван» фрагмент, завершающийся словами: «Чистое кропление мы совершаем; Голову года мы поднимаем».

Отметим также сезонную отнесенность обряда: он был приурочен к строго определенному времени — окончанию ледохода, когда духи гор и рек пробуждаются после зимы. В неотрадиционной трактовке праздник Чыл-пажы стал проводиться в день весеннего равноденствия и получил новую семантическую коннотацию — стал праздником рождения новых лучей солнца.

На приведенном примере можно проследить, каким образом искажаемая интерпретация источников (или отсутствие их интерпретации) может привести к полной трансформации обряда при попытке его ревитализации. Поэтому в рамках семиотического подхода необходимо осуществить комплексный анализ всех элементов обряда (акциональных, вербальных, предметных), принимая во внимание их знаковую природу и используя комплекс источников, а также важно учесть темпоральную и локальную отнесенность,.

6. Заключение

Итак, в условиях исчезновения традиционной обрядности в среде бытования возрастает общественная и научная потребность в ее интерпретации и реконструкции на основе этнографических данных. В современных условиях обозначилось две вариации решения этой задачи. Одна из них предполагает вольную трактовку исторических сведений, что в итоге способствует появлению неотрадии и утверждению соответствующих ей форм презентации наследия в публичном пространстве. Другая вариация, опирающаяся на сохранившиеся в музейных собраниях данные фиксации обряда в период его бытования в естественной социокультурной среде, базируется на научных методологических подходах. В последнем случае особый акцент делается на работе исследователей с информацией, полученной от носителей традиции. Одним из результативных способов реализации научно обоснованной вариации выступает применение семиотического подхода. В этом ракурсе традиционный обряд воспринимается в качестве взаимосвязанного целого ключевых актов, совокупности культурных кодов. В этой связи интерпретация и реконструкция шорского обряда шачыг с позиции семиотического подхода подразумевает детальный анализ информации, извлеченной из музейных предметов, на основе которой воссоздается структура и семантика обряда. Особое значение имеют анализ акциональных, вербальных и предметных элементов, а также учет темпоральных и локальных характеристик.

Источники и принятые сокращения

1. *Дыренкова Н. П.* Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы / Н. П. Дыренкова. — Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2012. — 408 с.
2. *Дыренкова Н. П.* Шорский фольклор / Н. П. Дыренкова. — Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1940. — 449 с.
3. *Евреинов К. А.* Рукопись 1935 г. / К. А. Евреинов // Архив Новокузнецкого краеведческого музея. Д. 6. Оп. 1. Л. 1.
5. *Печенина Н. М.* «Чал-пажи» — Новый год по-шорски. Праздник, который изгоняет вражду и дарит людям мир и любовь / Н. М. Печенина, Л. А. Тенешева. — Новокузнецк : СибЛогоТранс, 2012. — 20 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнов С. А.* Обычай, ритуал, традиция / С. А. Арутюнов // Советская этнография. — 1981. — № 2. — С. 97—99.
2. *Байбурин А. К.* Код(ы) и обряд(ы) / А. К. Байбурин, Г. А. Левинтон // Кодови словенских культура. — 1998. — № 3. — С. 239—257.
3. *Байбурин А. К.* Этнографический музей: семиотика и идеология / А. К. Байбурин // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. — 2004. — № 1 (33). — С. 81—86.
4. *Балаш А. Н.* Вещь в музее : размышления о судьбе «предмета музейного значения» / А. Н. Балаш // Вопросы музеологии. — 2013. — № 1 (7). — С. 19—24.
5. *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография / Ю. В. Бромлей. — Москва : Наука, 1973. — 285 с.
6. *Гаврилова Т. И.* К вопросу о семиотическом аспекте изучения и описания обрядов семейного цикла / Т. И. Гаврилова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Лингвистика и педагогика. — 2016. — № 1 (18). — С. 13—20.
7. *Дьяконова В. П.* О значении реки и воды в культуре тюркоязычных народов Саяно-Алтая [Электронный ресурс] / В. П. Дьяконова // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. — Омск, 2001. — Режим доступа : http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-02-025222-6/978-5-02-025222-6_04.pdf (дата обращения 11.02.2021).
8. *Жигарева А. А.* Концепции визуализации: становление, развитие и формы проявления / А. А. Жигарева // Научные проблемы гуманитарных исследований. — 2011. — № 7. — С. 273—281.
9. *Кассирер Э.* Философия символических форм. В 3 т. Т. 2 : Мифологическое мышление / Э. Кассирер ; пер. с нем. С. А. Ромашко. — Москва ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2002. — 280 с.
10. *Кимеев В. М.* Формирование обрядности шорцев под влиянием соседних народов — хакасов, алтайцев, русских сибиряков : ретроспектива и современность / В. М. Кимеев // Алтай — Западная Сибирь в XIX — начале XX вв.: население, хозяйство, культура : сборник статей. — Горно-Алтайск : Издательство БНУ РА НИИА им. С. С. Суразакова, 2018. — С. 207—212.
11. *Кимеева Т. И.* Семиотическая интерпретация музейных предметов как основа актуализации нематериального наследия в музее / Т. И. Кимеева // Мировые тренды и музейная практика в России : сборник статей Международной научной конференции. — Москва : Издательство РГГУ, 2019. — С. 195—202.
12. *Лотман Ю. М.* Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю. М. Лотман. — Таллин : Ээсти Раамат, 1973. — 92 с.

13. Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры / Ю. М. Лотман. — Таллин : Александра, 1992. — 472 с.
14. Махлина С. Т. Семиотика — модный бренд в культуре / С. Т. Махлина // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. — 2013. — Т. 198. — С. 35—36.
15. Никишин Н. А. «Язык музея» как универсальная моделирующая система музейной деятельности / Н. А. Никишин // Музееведение. Проблемы культурной коммуникации в музейной деятельности : сборник статей. — Москва : Типография Смоленского облуправления издательств им. В. И. Смирнова, 1989. — С. 7—16.
16. Окладникова Е. А. Семиозис музейного предмета / Е. А. Окладникова // Радловские чтения — 2006 : тезисы докладов. — Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2006. — С. 73—91.
17. Пирс Ч. С. Начала прагматизма / Ч. С. Пирс ; пер. с англ. В. В. Кирющенко, М. В. Колопотина. — Санкт-Петербург : Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ ; Алетейя, 2000. — 318 с.
18. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр ; пер. с фр. С. В. Чистяковой. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. — 432 с.
19. Филатова В. Ф. О семиотическом описании магии / В. Ф. Филатова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. — 2012. — № 8 (127). — С. 75—84.
20. Чистов К. В. Традиция, «традиционные общества» и проблема варьирования / К. В. Чистов // Советская этнография. — 1981. — № 2. — С. 105—107.
21. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко ; пер. с итал. А. Г. Погоняйло, В. Г. Резник. — Москва : Петрополис, 1998. — 432 с.
22. Энциклопедия эпистемологии и философии науки [Электронный ресурс] // Академик, сайт. — Москва : Канон+ ; Реабилитация, 2009. — Режим доступа : https://epistemology_of_science.academic.ru/695/репрезентация (дата обращения 21.04.2021).

MATERIAL RESOURCES

- Dyrenkova, N. P. (1940). *Shor folklore*. Moscow; Leningrad: Publisher AN SSSR. 449 p.
- Dyrenkova, N. P. (2012). *Turks of Sayan-Altai. Articles and ethnographic materials*. St. Petersburg: MAE RAN. 408 p. (In Russ.).
- Evreinov, K. A. (1935). Manuscript 1935. In: *Archive of the Novokuznetsk Museum of Local Lore*. (In Russ.).
- Pechenina, N. M., Tenesheva, L. A. (2012). «Chal-pazhi» — *New Year in Shor style. A holiday that drives out enmity and gives people peace and love*. Novokuznetsk: SibLogo-Trans. 20 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Arutyunov, S. A. (1981). Custom, ritual, tradition. *Sovetskaya etnografiya*, 2: 97—99. (In Russ.).
- Balash, A. N. (2013). A Thing in a Museum: Reflections on the Fate of a “Museum Object”. *The Problems of Museology*, 1 (7): 19—24. (In Russ.).
- Bayburin, A. K., Levinton, G. A. (1988). Code (s) and rite (s). In: *Kodovi slovenskikh kultura*, 3: 239—257. (In Russ.).

- Bayburin, A. K. (2004). Ethnographic Museum: semiotics and ideology. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kulture*, 1 (33): 81—86. (In Russ.).
- Bromley, Yu. V. (1973). *Ethnicity and ethnography*. Moscow: Nauka. 285 p. (In Russ.).
- Cassirer, E. (2002). *Philosophie der symbolischen Formen*. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga. 3/2. 280 p. (In Russ.).
- Chistov, K. V. (1981). Tradition, “traditional societies” and the problem of variation. *Sovetskaya etnografiya*, 2: 105—107. (In Russ.).
- D'yakonova, V. P. (2001). On the importance of the river and water in the culture of the Turkic-speaking peoples of the Sayano-Altai. In: *Historical Yearbook. Special issue*. Omsk. Available at: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-02-025222-6/978-5-02-025222-6_04.pdf (accessed 11.02.2021). (In Russ.).
- Eco, U. (1998). *La struttura assente*. Introduzione alla ricerca semiologica. Moscow: Petropolis. 432 p. (In Russ.).
- Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science. (2009). In: *Akademik*. Moscow: Kanon+; Reabilitatsiya. Available at: https://epistemology_of_science.academic.ru/695/reprezentatsiya (accessed 21.04.2021). (In Russ.).
- Filatova, V. F. (2012). About the semiotic description of magic. *Scientific news of the Belgorod state university. Series: Philosophy. Sociology. Laws*, 8 (127): 75—84. (In Russ.).
- Gavrilova, T. I. (2016). On the problem of the semiotic aspect in the study and description of family-cycle rites. *Proceedings of the Southwest state university. Series: Linguistics and pedagogics*, 1 (18): 13—20. (In Russ.).
- Kimeev, V. M. (2018). Formation of Shor rituals under the influence of neighboring peoples — Khakass, Altai, Russian Siberians: retrospective and modernity. In: *Altai — Western Siberia in the XIX — early XX centuries: population, economy, culture: collection of articles*. Gorno-Altaysk: Publisher BNU RA NIIA im. S. S. Surazakova. 207—212. (In Russ.).
- Kimeeva, T. I. (2019). Semiotic interpretation of museum objects as the basis for the actualization of intangible heritage in the museum. In: *World trends and museum practice in Russia: collection of articles of the International Scientific conference*. Moscow: Publisher RGGU. 195—202. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1973). *Semiotics of Cinema and Problems of Cinema Aesthetics*. Tallin: Eesti Raamat. 92 p. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1992). *Selected articles. Articles on semiotics and typology of culture*. Tallin: Aleksandra. 3/1. 472 p. (In Russ.).
- Makhlina, S. T. (2013). Semiotics — a modern brand in culture. In: *Proceedings of the St. Petersburg State University of Culture and Arts*. 198: 35—36. (In Russ.).
- Nikishin, N. A. (1989). “Museum language” as a universal modeling system of museum activities. In: *Museology: problems of cultural communication in museum activities: collection of articles*. Moscow. 7—16. (In Russ.).
- Okladnikova, E. A. (2006). Semiosis of a museum item. In: *Radlov readings — 2006: abstracts*. St. Petersburg: MAE RAN. 73—91. (In Russ.).
- Peirce, Ch. S. (2000). *Issues of pragmatism*. St. Petersburg: SPbGU; Aleteyya. 318 p. (In Russ.).
- Saussure, F. de. (1999). *Cows de linguistique generate*. Ekaterinburg: Ural University Publishing House. 432 p. (In Russ.).
- Zhigareva, A. A. (2011). Visualization concepts: formation, development and forms of manifestation. *Scientific problems of humanitarian research*, 7: 273—281.

Никифоров Ю. С. Между инновацией и догматизмом : партхозактив как актор взаимодействия регионов и центра в контексте трансформации социально-экономической сферы СССР 1970-х — начала 1980-х годов / Ю. С. Никифоров // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 378—391. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-378-391.

Nikiforov, Yu. S. (2021). Between Innovation and Dogmatism: 'Party Economic Functionaries' as an Actors of Interaction between Regions and Center in Context of Transformation of Socio-Economic Sphere of USSR in 1970s — Early 1980s. *Nauchnyi dialog*, 6: 378-391. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-378-391. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-378-391

Между инновацией и догматизмом: партхозактив как актор взаимодействия регионов и центра в контексте трансформации социально-экономической сферы СССР 1970-х — начала 1980-х годов

Никифоров Юрий Сергеевич^{1,2}

orcid.org/0000-0002-4253-4532

ResearcherID L-7980-2016

кандидат исторических наук, доцент

Nikifor2108@yandex.ru

¹ Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (Ярославль, Россия)

² Вологодский государственный университет (Вологда, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 19-18-00269 «Трансформация российского общества 1950—1990-х гг.: классовый генезис и эволюция экономического устройства»

Between Innovation and Dogmatism: 'Party Economic Functionaries' as an Actors of Interaction between Regions and Center in Context of Transformation of Socio-Economic Sphere of USSR in 1970s — Early 1980s

Yury S. Nikiforov^{1,2}

orcid.org/0000-0002-4253-4532

ResearcherID L-7980-2016

PhD in History, Associate Professor

Nikifor2108@yandex.ru

¹ Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia)

² Vologda State University (Vologda, Russia)

Acknowledgments:

The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 19-18-00269 "Transformation of Russian society in the 1950s-1990s: class genesis and evolution of the economic structure"

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируются идеи руководителей советских предприятий из разных регионов страны, касающиеся социально-экономического развития СССР, высказанные на совещании в Москве в 1983 году. Подробно изучаются социально-психологические характеристики советских хозяйственных руководителей регионального уровня, привлеченных для обсуждения проблем «совершенствования хозяйственного механизма». Источниковая база исследования включает документы Российского государственного архива социально-политической истории и Центра документации новейшей истории Ярославской области, данные устной истории (интервью представителей региональной власти 1970—1980-х годов) и научной литературы. Утверждается, что мнения директоров крупнейших предприятий принимались во внимание партийными функционерами с тем же уровнем доверия, что и заключения представителей научного сообщества. Делается вывод, что в идеях партийно-хозяйственного актива совмещались инновационный характер мышления и догматические паттерны советской идеологии. Отмечается, что деятельность партийно-хозяйственного актива способствовала формированию в СССР 1970—1980-х годов своеобразной протобуржуазии. Подчеркивается, что идеи партхозактива о расширении прав предприятий и материального стимулирования были проявлением скрытых капиталистических тенденций. Делается вывод, что главным фактором эффективного взаимодействия регионального партийного хозяйственного актива с Москвой были тесные неформальные отношения.

Ключевые слова:

СССР; партийно-хозяйственный актив; инновация; догматизм; социальная политика; протобуржуазия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The ideas of heads of Soviet enterprises from different regions of the country concerning the socio-economic development of the USSR, expressed at a meeting in Moscow in 1983, are analyzed. The socio-psychological characteristics that were inherent in the Soviet economic leaders at the regional level, who were involved in discussing the problems of 'improving the economic mechanism', are studied in detail. The source base of the study includes documents from the Russian State Archive of Socio-Political History and the Center for Documentation of the Recent History of the Yaroslavl Region, oral history data (interviews with representatives of the regional authorities of the 1970s-1980s, which were personally conducted by the author of the article) and scientific literature. It is argued that the opinions of directors of the largest enterprises were perceived by party officials with the same level of trust as the opinions of representatives of the scientific community. It is concluded that the ideas of the party and economic activists intertwined the innovative nature of thinking with the dogmatic patterns of Soviet ideology. It is noted that the activities of the party and economic activists contributed to the formation of a kind of proto-bourgeoisie in the USSR in the 1970s-1980s. It is emphasized that the ideas of the party active on expanding the rights of enterprises and material incentives were a manifestation of latent capitalist tendencies. It is concluded that the main factor in the effective interaction of the regional 'party economic functionaries' with Moscow was close informal relations.

Key words:

USSR; party economic functionaries; innovation; dogmatism; social politics; protobourgeoisie.

Между инновацией и догматизмом: партхозактив как актор взаимодействия регионов и центра в контексте трансформации социально-экономической сферы СССР 1970-х — начала 1980-х годов

© Никифоров Ю. С., 2021

1. Актуальность и теоретико-методологические аспекты изучения советской технократической элиты: понятия, источники, методы

Партийно-хозяйственный актив (далее — партхозактив) — советскую технократическую элиту, руководителей крупнейших промышленных предприятий — можно смело идентифицировать как значимых акторов во взаимодействии регионов и центра в контексте социально-экономического развития СССР 1970-х — начала 1980-х годов.

Актуальность обращения к изучению деятельности партхозактива обусловлена значимостью роли, которую сыграли представители так называемого «надпроизводственного» менеджмента в последующей трансформации экономического устройства и генезисе отечественного социума [Безнин и др., 2020] в конце горбачевской «перестройки» и, по крайней мере, в первой половине 1990-х годов. В частности, ряд исследователей обращают внимание на так называемую «директорскую приватизацию» [Елисеева, 2021, с. 12; Волосов, 2013, с. 163]. Н. В. Елисеева в одной из статей говорит о «номенклатурной приватизации» 1987—1991 годов, когда произошла «передача имущества отдельным предприятиям (а по факту — директорам этих предприятий) на основе права хозяйствования и управления финансовыми потоками» [Елисеева, 2021, с. 12]. Вероятно, уже к началу 1980-х годов представители крупного партхозактива становились все более влиятельными фигурами. Несмотря на наличие в историографии значительного слоя публикаций по соответствующей проблематике [Волосов, 2013; Коленникова, 2010; Лейбович, 2017; Hanson, 2003], их роль представляется явно недооцененной.

Учитывая дискуссионность и неоднозначность используемых в работе терминов, важно остановиться на дефинициях некоторых из них. Так, термин *инновация* трактуется вслед за Й. Шумпетером как «любое изменение с целью внедрения и использования новых видов потребительских товаров, новых производственных, транспортных средств, рынков и форм организации в промышленности» [Цит. по: Елисеева, 2021, с. 10].

Понятие «государственники», часто присутствующее в интервью представителей региональной власти [Никифоров, 2018, с. 26], отражает обобщенный образ советских хозяйственных руководителей. Эти термины активно используются и в научной литературе как устойчивая метафора для обозначения высшей хозяйственной элиты — директоров заводов эпохи СССР. Так, один из исследователей указывает, что «они (директора. — Ю. Н.) были “государственниками” по своему положению и фактически представляли советское государство и партию на руководимых ими объектах» [Коленникова, 2010, с. 128]. Другой автор, исследуя генезис термина *красные директора*, подчеркивал различие между его первоначальным содержанием («им называли коммунистов, направленных по решению ВКП(б) на рубеже 1920-х годов руководить промышленными предприятиями, строительными организациями, государственными учреждениями») и последующими трактовками периода современной России в применении к другой категории лиц, несущими негативные коннотации («выражение “красные директора” стало упоминаться с легкой руки журналистов в начале 1990-х годов и было связано с первым этапом приватизации») [Волосов, 2013, с. 162].

В настоящей статье предпринята скромная попытка решить *двойную исследовательскую задачу*, связанную с изучением советской технократической элиты 1950—1980-х годов. С одной стороны, на основе данных устной истории [Томпсон, 2003] и историографии предполагается реконструировать наиболее важные социально-психологические характеристики, присущие советским хозяйственным руководителям регионального уровня; при этом авторы не претендуют на полноту конструирования обобщенного портрета этой управленческой общности. С другой стороны, с опорой на рассекреченные архивные документы, главным образом, Российского государственного архива социально-политической истории (далее — РГАСПИ), будет охарактеризован обобщенный спектр идей и предложений, касающихся социально-экономического развития СССР, высказанных на одном из совещаний в Москве в 1983 году представителями важнейших советских предприятий из разных регионов страны.

Исследование построено на сочетании классического источниковедческого анализа архивных документов и междисциплинарных методов устной истории (неформализованное интервью). Источниковая база исследования, обусловленная обозначенными выше научными задачами, включает в себя 2 основные группы.

Во-первых, анализировались рассекреченные архивные документы. В фонде бывшего председателя Совмина СССР Н. И. Рыжкова РГАСПИ содержится брошюра «Предложения руководителей промышленных пред-

приятий по вопросу совершенствования хозяйственного механизма от 11 февраля 1983 г.» [РГАСПИ, ф. 653, оп. 1, д. 48, л. 5—22], отпечатанная ограниченным тиражом в 30 экземпляров. Этот интересный документ свидетельствует, что мнения директоров крупнейших государственных предприятий принимались во внимание партийными функционерами, по крайней мере, с той же мерой серьезности, что и заключения представителей экспертного научного сообщества — профильных НИИ и Академий [Никифоров, 2020]. Кроме того, были привлечены документы из фонда Ярославского обкома КПСС (Ф. 272) Центра документации новейшей истории Ярославской области [ЦДНІЯО, ф. 272, оп. 270, д. 625].

Во-вторых, изучались данные устной истории, полученные автором статьи в ходе полуструктурированного интервью; они были опубликованы в форме учебного издания [Никифоров, 2018]. В 2017—2018 годах нами было проведено интервью с представителями советской и партийной власти Ярославского региона 1960—1980-х годов: профессором Н. П. Ворониным (в 1980-е годы — ректор ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, секретарь по идеологии Ярославского обкома КПСС), С. Н. Овчинниковым (в 1970—1980-е годы — заместитель председателя Ярославского облисполкома), И. А. Толстоуховым (в 1986—1990 годах — 1-й секретарь Ярославского обкома КПСС).

2. Партхозактив: социально-психологические характеристики в свете историографии и данных устной истории

Е. Н. Волосов выделил характерный ряд *деловых и профессиональных качеств советских хозяйственных руководителей*, которые сформировались в контексте введения в 1966—1979 годах новых показателей отчетности. По его мнению, «от простого обывателя либо партийного “начетчика”» партхозактив отличал более практический тип мышления — «понимали суть терминов “прибыль”, “доход”, “убытки”, “неплатежи”, а также других слов из рыночного лексикона» [Волосов, 2013, с. 162]. По словам исследователя, «технократической элите приходилось предпринимать чудеса изворотливости и предприимчивости, чтобы держать предприятия на плаву, выполнять и перевыполнять государственные планы» [Там же]. Данные устной истории конкретизируют этот тезис исследователя. Вероятно, «чудеса изворотливости и предприимчивости» включали в себя умение директора предприятия устанавливать неформальные контакты с высшими руководителями в Москве. В интервью представителей региональной власти большое внимание уделяется фактору *личных связей* при решении ресурсных проблем региона во взаимодействии с Москвой. Так, бывший секретарь Ярославского обкома КПСС, профессор Н. П. Воронин

подчеркивал характерные черты региональных хозяйственных руководителей во взаимоотношениях с центром: «контакты носили одновременно и личный, и деловой характер», «критерий был один — целесообразность и, безусловно, личные связи» [Никифоров, 2018, с. 27]. По словам другого, еще более статусного интервьюируемого — И. А. Толстоухова, бывшего 1-го секретаря Ярославского обкома КПСС (1986—1990), очень примечательным в плане влияния личных контактов на решение вопросов был эпизод, связанный с пожаром 1974 года на Ярославском шинном заводе. И. А. Толстоухов в интервью отмечал, что «для ликвидации последствий пожара директор Шинного завода Герой социалистического труда В. П. Чесноков подключил личные связи. Он позвонил председателю Совмина СССР А. Н. Косыгину, с которым был знаком по работе в Ленинграде» [Никифоров, 2018, с. 58—59]. Косыгин ответил Чеснокову: «К вечеру набросай, что нужно, и перезвони». Результат не заставил себя ждать. Уже на следующий день в Ярославль по железной дороге прибыл целый состав военных, техники, механизмов. В результате сгоревший сборочный цех шинного завода восстановили за полгода [Там же]. Этот фрагмент интервью, описывающий один из кризисных эпизодов в жизни крупного регионального предприятия, достаточно рельефно показывает важнейший фактор эффективности во взаимодействии регионального партхозактива с Москвой — *тесные неформальные отношения с высокопоставленными фигурами в высшем руководстве СССР*.

Данные устной истории также позволяют существенно дополнить социально-психологический портрет корпуса советских директоров важными характеристиками морально-нравственного плана, демонстрирующими декларируемую норму и отдельные девиации. Так, в интервью бывшего крупного партийного работника, профессора Н. П. Воронина подчеркивались честность и альтруизм хозяйственных руководителей: «Никакого преувеличения личных интересов не было. Говорят о коррупции... Раньше воровать было стыдно» [Никифоров, 2018, с. 26]. Конечно же, это утверждение интервьюируемого требует критичного восприятия. Контент другого интервью — с С. Н. Овчинниковым (в 1970—1980-е годов — заместителем председателя Ярославского облисполкома) содержит свидетельства о *девиациях в поведении* директоров некоторых крупных предприятий: «Были попытки отдельных хозяйственных руководителей использовать свое высокое служебное положение для получения каких-либо благ. Однако превышение установленных лимитов строго пресекалось региональным партийным руководством. Зарплаты директоров заводов были ограничены фиксированной цифрой — не более 1000 рублей. Приведу только 2 примера. Директора крупнейших предприятий Ярославля — А. М. Добрынин (Ярославский моторный завод) и В. П. Чесноков (Ярославский шинный за-

вод) получили повышенные зарплаты, превышающие установленную норму: излишек попросили вернуть в кассу завода. Директор ЯШЗ был также вынужден вернуть в заводской гараж автомашину ЗИС» [Никифоров, 2018, с. 53]. Этот объемный фрагмент интервью показывает, что не только внутренний контроль (совесть), но и жесткий партийный надзор (КПСС), а также *страх партхозактива за карьеру* были существенными факторами, сдерживающими склонность отдельных хозяйственных руководителей к материальному стяжательству. Завершая реконструкцию наиболее важных социально-психологических характеристик советских хозяйственных руководителей регионального уровня, следует сказать, что «директора не были случайно назначенными людьми. Они “вырастали”, шагая по ступеням иерархии, нередко начиная с низов — от рабочего или мастера. Назначению на должность предшествовало обязательное согласование с краевым комитетом КПСС и соответствующим отделом ЦК КПСС» [Коленникова, 2010, с. 128]. Действительно, директора крупнейших заводов входили в номенклатуру ЦК КПСС. Так, к примеру, показательна ситуация в Ярославле — одном из крупнейших промышленных центров Нечерноземья: «За Центром в лице ЦК КПСС оставалось последнее слово и при назначении руководителей ключевых промышленных предприятий региона — Ярославского шинного завода, Ярославского моторного завода, Ярославского радиозавода, Рыбинского производственно-конструкторского объединения моторостроения... директоров объединений «Лакокраска» и «Ярославрезинотехника» [Кищенко и др., 2018, с. 55; ЦДНЯО, ф. 272, оп. 270, д. 625, л. 4].

3. Социально-экономические тренды развития СССР в размышлениях региональных хозяйственных руководителей 1980-х годов

Обращаясь к контенту архивных документов РГАСПИ, содержащих сведения о социально-экономических идеях партхозактива, отметим, что тезис об инновационном мышлении отдельных представителей советской технократической элиты получил развитие в научной литературе. Так, исследователь Е. Н. Волосов подчеркивал «неоднократные попытки внедрения инновационных методов в управлении и планировании, исходившие от представителей технократической элиты» [Волосов, 2013, с. 162]. Прежде всего, важно взглянуть на круг персон из числа хозяйственных руководителей регионов СССР, которые были привлечены для обсуждения проблем «совершенствования хозяйственного механизма» на совещание в Москве в 1983 году. В число приглашенных входили главный инженер завода «Электросила» Ю. В. Арошидзе (Ленинград), директор Калинин-

ского хлопчатобумажного комбината Б. С. Беляев — будущий министр текстильной промышленности РСФСР (1988—1990), герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР, директор Харьковского тракторного завода В. В. Библик, директор «Киришнефтеоргсинтез» В. Н. Бровко (Ленинградская область), директор кондитерской фабрики «Красный октябрь» А. Н. Даурский, директор Киевского производственного объединения полимерного машиностроения «Большевик» В. А. Извеков, В. В. Королев (Ульяновский завод тяжелых и уникальных станков), Н. Р. Мелентьев (Щекинский производственное объединение «Азот», Тула), И. Д. Нагаевский («Ждановтяжмаш»), С. С. Новожилов (производственное объединение «Полимир», Витебск), Б. Н. Одлис (Онежский тракторный завод, Петрозаводск), Н. Ф. Платонов («1-й Московский часовой завод»), О. И. Тищенко («Челябинский металлургический завод»), А. Н. Шариков (Новолипецкий металлургический завод») [РГАСПИ, ф. 653, оп. 1, д. 48, л. 6]. Обращает на себя внимание, что в числе приглашенных директоров были представители разных по направленности предприятий не только в отраслевом плане, но и в ракурсе инноваций. С одной стороны, присутствовали *директора индустриальных гигантов*, что вполне объяснимо. С другой стороны, были хозяйственные руководители не самых крупных предприятий, которые, вероятно, были в авангарде научно-технического прогресса и внедрения интенсивных способов экономического роста, в том числе (и прежде всего) повышения производительности труда. Так, очевидно, что неслучайным было приглашение Н. Р. Мелентьева от Щекинского производственного объединения «Азот». Как известно, с 1967 года Щекинский химический комбинат стал инициатором уникального экономического эксперимента, известного как «Щекинский метод / эксперимент», связанного не только с ростом производительности труда, но и с небывалым для СССР процессом оптимизации кадров — сокращением персонала: уменьшение численности работников (за счёт освоения нескольких профессий и материального стимулирования) шло при росте объёма выпускаемой продукции. ЦК КПСС специальным Постановлением от 6 октября 1969 года «Об опыте работы партийного комитета Щекинского химического комбината по мобилизации коллектива трудящихся на увеличение объемов производства за счет роста производительности труда» [Коммунистическая партия ..., 1986, с. 426—428] рекомендовал опыт щёкинских химиков для внедрения в других отраслях промышленности СССР.

Итак, что же предлагал партхозактив в ходе совещания у Н. И. Рыжкова? Тезисы, которые высказали руководители ключевых предприятий СССР, были систематизированы в документе по направлениям. В области

планирования директора предлагали «сократить число директивных показателей» (Тищенко, Извеков, Арошидзе) [РГАСПИ, ф. 653, оп. 1, д. 48, л. 7]. В аналогичной редукционной форме звучало пожелание «красных директоров» «сократить многообразие форм социалистического соревнования» [РГАСПИ, ф. 653, оп. 1, д. 48, л. 21—22]. Эти предложения явно входили в противоречие с отдельными *«практиками советской экономики»*, описывая которые, А. Юрчак отмечал, что «организация бесперебойного производства... часто зависела от способности руководителя предприятия избежать проблем снабжения, которыми страдала социалистическая экономика» [Юрчак, 2014, с. 76]. В свою очередь О. А. Каленникова подчеркивала, что «мотивация поведения руководителей социалистических предприятий определялась... тотальным дефицитом, желанием иметь в запасе достаточно трудовых и материальных ресурсов, а также внутренним побуждением к расширению предприятия» [Каленникова, 2010, с. 128]. Например, в интервью И. А. Толстоухова отмечается, что «у директора Рыбинского объединения моторостроения П. Ф. Дерунова был даже в постоянном распоряжении специальный самолет, чтобы можно было оперативно привести какие-либо срочные комплектующие детали. Директора старались всегда держать большой контингент рабочих» [Никифоров, 2018, с. 58]. Реализация описанной стратегии, по мнению А. Юрчака, была связана с тем, что партхозактив был «вынужден... придумывать *альтернативные экономические отношения* — раздувание бюджета, приписки, накопление избыточного сырья, бартер с другими предприятиями». Как следствие, складывалась парадоксальная ситуация: «план выполнялся на уровне формы, но его буквальный смысл (удовлетворение конкретной общественной потребности) подчас искажался до неузнаваемости» [Юрчак, 2014, с. 76].

В сфере *экономического стимулирования производства* партийный хозяйственный актив настаивал на том, чтобы «разрешить предприятиям объединять все средства премирования в единый фонд» [РГАСПИ, ф. 653, оп. 1, д. 48, л. 9, л. 12].

В области внедрения *новой техники, технологии, технического перевооружения* директора жаловались на «чрезмерно часто изменяющиеся ГОСТы» [РГАСПИ, ф. 653, оп. 1, д. 48, л. 13]. В сфере *совершенствования управления и организации труда* предлагали унифицировать «существующие формы статистической отчетности и ограничить круг инспекций, проверяющих предприятия» [РГАСПИ, ф. 653, оп. 1, д. 48, л. 14—15]. Традиционно много предложений было в области *улучшения материально-технического обеспечения* [РГАСПИ, ф. 653, оп. 1, д. 48, л. 15].

Однако самый широкий круг составляли предложения, направленные на *расширение прав предприятий, совершенствование оплаты тру-*

да, материального стимулирования, установление различных льгот и преимуществ. В частности, предлагалось установить предельный размер премий руководящим и инженерно-техническим работникам, а само премирование производить по трем показателям: «за выполнение плана поставок — 60 %, за рост производительности труда — 20 %, за экономию материальных затрат — 20 %» [РГАСПИ, ф. 653, оп. 1, д. 48, л. 17—19]. Они подчеркивали, что «премия по результатам года, т.н. 13-я зарплата не эффективна. Необходимо заменить ее выплатой за выслугу лет» [РГАСПИ, ф. 653, оп. 1, д. 48, л. 20].

В ходе совещания партхозактива поднималось значительное число социальных вопросов. О. А. Коленникова, касаясь *роли советских хозяйственных руководителей в реализации социальной политики в СССР*, отмечала, что «...директора были не просто производственниками... они решали социальные задачи территорий, на которых находились их предприятия: строили жилье, дома культуры, пионерлагеря...». По ее словам, «социальная инфраструктура была необходима директорам: с помощью соцкультбыта закрепляли работников на предприятиях, обеспечивая производство необходимыми трудовыми ресурсами, борясь с текучестью кадров» [Коленникова, 2010, с. 128]. Некоторые вопросы этой категории носили вполне рациональный и рутинный характер — «предусмотреть нормы спецодежды» [РГАСПИ, ф. 653, оп. 1, д. 48, л. 21] и др. Другие из предлагаемых решений носили, с одной стороны, откровенно репрессивный и антирабочий характер («законодательством предусмотреть меры по борьбе с летунами... Лиц, не работающих более 6 мес., лишать предыдущего стажа») [РГАСПИ, ф. 653, оп. 1, д. 48, л. 21—22], демонстрируя косный догматизм мышления и ретроградство. С другой стороны, эти высказывания директорского корпуса были обусловлены реалиями советской плановой экономики и нарастающим дефицитом рабочих кадров для промышленных предприятий. Так, значительная часть партхозактива на совещании настаивала на том, что «после получения жилья работники должны проработать не менее 5 лет» [Там же]. О масштабах и значимости для директорского корпуса проблемы «*бегства рабочих*» с предприятия после получения такого существенного социального блага, как бесплатная квартира от завода, свидетельствуют ретроспективно и источники личного происхождения. В мемуарах руководителей советских промышленных гигантов, опубликованных спустя годы, в постсоветский период, этот сюжет часто затрагивается. Так, П. Ф. Дерунов, много лет проработавший директором Рыбинского авиастроительного завода, писал по этому поводу: «Мы видели, что наши работники, получив квартиры в домах, построенных ближе к другим заводам, переходили работать туда» [Дерунов, 1998, с. 118].

4. Заключение

Таким образом, специфическим актором идеолого-политического обеспечения трансформации советского (1950—1980-е годов) общества в рамках властного вектора был партхозактив — влиятельные хозяйственные руководители наиболее значимых промышленных предприятий СССР. Рассекреченные документы РГАСПИ, данные историографии и устной истории свидетельствуют о значимости партхозактива в идеолого-политической подготовке трансформационных процессов в социально-экономической сфере СССР 1980-х годов.

Итак, проведенный сравнительный анализ данных устной истории и историографии позволил провести реконструкцию противоречивой картины профессиональных и личных качеств советских хозяйственных руководителей 1970—1980-х годов. С одной стороны, в оценках исследователей и интервьюируемых преобладают такие характеристики советской технократической элиты, как честность и альтруизм. С другой стороны, те же источники указывают на серьезные девиации (прежде всего, стяжательство) в поведении директоров некоторых крупных предприятий. Рост масштаба этих негативных девиаций, вероятно, сдерживался, главным образом, страхом за карьеру и партийным контролем.

Проанализированные данные устной истории свидетельствуют о том, что важнейшим фактором эффективного взаимодействия регионального партийного хозяйственного актива с Москвой были тесные неформальные отношения с высокопоставленными фигурами в высшем руководстве СССР, в союзных и республиканских структурах властного центра. Роль этого фактора особенно возрастала в период возникновения кризисных / экстремальных ситуаций в жизни регионального предприятия.

Анализ контента архивных документов показал, что в идеях и предложениях партхозактива причудливо переплетался инновационный характер практического мышления с догматическими паттернами, сформировавшимися под влиянием советской идеологии. Так, предлагая сократить число директивных показателей и многообразие форм «социалистического соревнования», представители партийного хозяйственного актива (директора предприятий) выступили активными творцами новых альтернативных экономических отношений в рамках «классических» практик советской плановой системы. Настаивая на объединении всех средств премирования в единый фонд экономического стимулирования производства, они потенциально способствовали усилению хозяйственной автономности предприятия посредством концентрации финансовых ресурсов в руках директора. Безусловно, инновационный характер мышления партийного хозяйственного актива проявился в борьбе с излишней бюрократизацией, в стремле-

нии внедрять новую технику и технологии, совершенствовать организацию труда, улучшать материально-техническое обеспечение. Расширение прав предприятий, совершенствование оплаты труда и материального стимулирования, установление различных льгот и преимуществ, на которых настаивали представители технократической элиты, могут рассматриваться как проявления скрытых нарастающих капиталистических тенденций. По-сталински жесткие способы решения проблемы «бегства рабочих» с предприятий, которые звучали на совещании партхозактива в Москве 1983 года и позднее упоминались в мемуарах директоров заводов, напротив, свидетельствовали об элементах догматизма в мышлении советской технократической элиты. Наконец, весьма перспективной для будущих исследований задачей представляется анализ роли советских хозяйственных руководителей в реализации социальной политики в СССР.

В связи с концепцией существования госкапитализма в СССР следует сказать, что партийно-хозяйственный актив в значительной степени способствовал формированию в СССР 1970—1980-х годов своеобразной протобуржуазии, которая, по словам М. А. Безнина и Т. М. Димони, «укрепляла положение в системе совместного пользования и распоряжения капиталами, приближая возможность овладения ими» [Безнин и др., 2019, с. 449]. Можно предположить, что после 1991 года крупнейшие представители партийного хозяйственного актива СССР 1970—1980-х годов в значительной степени пополнили состав новой российской элиты — экономической (бизнес) и политической (федеральные и региональные структуры власти).

Источники и принятые сокращения

РГАСПИ — *Российский государственный архив социально-политической истории*. Ф. 653 (Рыжков Николай Иванович). Оп. 1. Д. 48.

ЦДНІЯО — *Центр документации новейшей истории Ярославской области*. Ф. 272 (Ярославский обком КПСС). Оп. 270. Д. 625.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безнин М. А. «Надпроизводственный» менеджмент в советской экономике (1930—1980-е годов) / М. А. Безнин, Т. М. Димони // *Вопросы истории*. — 2020. — № 10—2. — С. 42—60. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi25.

2. Безнин М. А. Советская протобуржуазия: генезис высшего класса российского общества / М. А. Безнин, Т. М. Димони // *Новейшая история России*. — 2019. — Т. 9, № 2. — С. 437—453. — DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.209.

3. Волосов Е. Н. «Красные директора» в постсоветское время: кризис идентичности / Е. Н. Волосов // *Известия Иркутского государственного университета*. Серия: Политология. Религиоведение. — 2013. — № 2—1. — С. 161—170.

4. Дерунов П. Ф. Моторостроители / П. Ф. Дерунов. — Рыбинск : Рыбинский Дом печати, 1998. — 200 с.

5. Елисеева Н. В. Реформа как предмет исторического анализа / Н. В. Елисеева // Преподавание истории и обществознания в школе. — 2021. — № 1. — С. 3—16. — DOI: 10.47639/2074-4935_2021_1_3.

6. Кищенко М. С. «Сильному мужику все кланяются»? константы или новации в структуре и практиках советской региональной элиты 1950—1970-х годов / М. С. Кищенко, Ю. С. Никифоров, Д. В. Тумаков // Вестник Костромского государственного университета. — 2018. — Т. 24, № 4. — С. 53—59.

7. Коленникова О. А. Изменение социально-экономических установок директоров промышленных предприятий в ходе реформ / О. А. Коленникова // Общественные науки и современность. — 2010. — № 6. — С. 124—133.

8. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 11. 1961—1965. — Москва : Политиздат, 1986. — С. 426—428.

9. Лейбович О. Л. Охота на красного директора / О. Л. Лейбович. — Пермь : Титул, 2017. — 317 с.

10. Никифоров Ю. С. «В народном хозяйстве обостряются процессы, на которые мы не можем закрывать глаза»: проблемы СССР первой половины 1980-х годов (по материалам фонда Н. И. Рыжкова) / Ю. С. Никифоров // Научный диалог. — 2020. — № 9. — С. 405—419. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-405-419.

11. Никифоров Ю. С. Новейшая отечественная история в зеркале интервью региональной элиты: от СССР к России через призму культурной памяти / Ю. С. Никифоров. — Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. — 79 с.

12. Томпсон П. Голос прошлого / П. Томпсон. — Москва : Весь мир, 2003. — 368 с.

13. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось : последнее советское поколение / А. Юрчак. — Москва : НЛЮ, 2014. — 664 с.

14. Beznin M. A. Collective capitalist property in the institutional structure of Russia in the 1930s—1980s / M. A. Beznin, T. M. Dimoni // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. — 2020. — Vol. 13, № 4. — P. 186—201. — DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.11.

15. Hanson Ph. The rise and fall of the Soviet economy / Ph. Hanson. — London : Longman, 2003. — 279 p.

MATERIAL RESOURCES

RGASPI — *Russian State Archive of Social and Political History*. (Ryzhkov Nikolay Ivanovich). (In Russ.).

TsDNIYaO — *Documentation Center for the Contemporary History of the Yaroslavl Region*. (Yaroslavl Regional Committee of the CPSU). (In Russ.).

REFERENCES

Beznin, M. A., Dimoni, T. M. (2019). A soviet proto-bourgeoisie: genesis of the upper class of russian society. *Modern history of Russia*, 9 (2): 437—453. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.209. (In Russ.).

Beznin, M. A., Dimoni, T. M. (2020). Collective capitalist property in the institutional structure of Russia in the 1930s—1980s. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 13 (4): 186—201. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.11. (In Russ.).

Beznin, M. A., Dimoni, T. M. (2020). “Over-production” management in the soviet economy (1930—1980). *Voprosy istorii (Issues of History)*, 10—2: 42—60. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi25. (In Russ.).

- Derunov, P. F. (1998). *Motorostroiteli*. Rybinsk: Rybinsk House of Printing. 200 p. (In Russ.).
- Eliseeva, N. V. (2021). Reform as a subject of historical analysis. *Teaching of history and social science at school*, 1: 3—16. DOI: 10.47639/2074-4935_2021_1_3. (In Russ.).
- Hanson, Ph. (2003). *The rise and fall of the Soviet economy*. London: Longman. 279 p.
- Kishchenkov, M. S., Nikiforov, Yu. S., Tumakov, D. V. (2018). «Everyone cringes before the big shot», oh really?: Constants or innovations in structure and practices of the soviet regional elite of the 1950s—70s. *Vestnik of Kostroma state university*, 24 (4): 53—59. (In Russ.).
- Kolennikova, O. A. (2010). Changes in the socio-economic attitudes of directors of industrial enterprises in the course of reforms. *Social sciences and modernity*, 6: 124—133. (In Russ.).
- The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions from trips, conferences and plenums of the Central Committee. 1961—1965*. (1986). Moscow: Politizdat. 11. 426—428. (In Russ.).
- Leybovich, O. L. (2017). *The hunt for the red director*. Perm: Titul. 317 p. (In Russ.).
- Nikiforov, Yu. S. (2018). *The latest Russian history in the mirror of interviews with the regional elite: from the USSR to Russia through the prism of cultural memory*. Yaroslavl: RIO YaGPU. 79 p. (In Russ.).
- Nikiforov, Yu. S. (2020). “In the National Economy, Processes, to which we Cannot Close Our Eyes, are Aggravated”: Problems of USSR in the First Half of the 1980s (Materials of the N. I. Ryzhkov Foundation). *Nauchnyi dialog*, 9: 405—419. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-405-419. (In Russ.).
- Tompson, P. (2003). *Voice of the past*. Moscow: Ves’ mir. 368 p. (In Russ.).
- Yurchak, A. (2014). *It was forever until it was over. The last Soviet generation*. Moscow: NLO. 664 p. (In Russ.).

Плеханова А. М. Становление банковского дела в Западном Забайкалье в XIX веке : купеческие инициативы / А. М. Плеханова, А. А. Ширапов // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 392—407. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-392-407.

Plekhanova, A. M., Shirapov, A. A. (2021). Formation of Banking in Western Transbaikalia in 19th Century: Merchant Initiatives. *Nauchnyi dialog*, 6: 392-407. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-392-407. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-392-407

Становление банковского дела в Западном Забайкалье в XIX веке: купеческие инициативы

Плеханова Анна Максимовна
orcid.org/0000-0002-6573-4262
доктор исторических наук, доцент,
заместитель директора
по научной работе
plehanova.am@mail.ru

Ширапов Алдар Амаголонович
orcid.org/0000-0002-5910-3501
стажер-исследователь
agmaren@mail.ru

Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии Сибирского отделения
Российской академии наук
(Улан-Удэ, Россия)

Благодарности:
Статья подготовлена
в рамках государственного задания
(проект «Россия и Внутренняя Азия:
динамика геополитического,
социально-экономического и
межкультурного взаимодействия
(XVII–XXI вв.)», № 121031000243-5)

Formation of Banking in Western Transbaikalia in 19th Century: Merchant Initiatives

Anna M. Plekhanova
orcid.org/0000-0002-6573-4262
Doctor of History, Associate Professor,
Deputy Director for Research
plehanova.am@mail.ru

Aldar A. Shirapov
orcid.org/0000-0002-5910-3501
Research Assistant
agmaren@mail.ru

The Institute for Mongolian, Buddhist and
Tibetan Studies of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Ulan-Ude, Russia)

Acknowledgments:
The article was prepared within
the framework of the state assignment
(the project “Russia and Inner Asia:
dynamics of geopolitical, socio-economic
and intercultural interaction
(XVII–XXI centuries)”,
№ 121031000243-5)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлен анализ вклада регионального купечества в процесс формирования системы кредитно-финансовых учреждений на территории Западного Забайкалья. На основе отчетной и делопроизводственной документации, хранящейся в фондах Государственных архивов Республики Бурятия и Иркутской области, Российского государственного исторического архива, реконструирована история как успешных, так и потерпевших неудачу попыток создания банковских институтов в регионе. Установлено, что в основе создания региональной банковской системы лежала не государственная, а частная инициатива; ключевую роль в процессе сыграло купечество. По мнению авторов, в процессе организации банков и ссудных касс представители купечества ориентировались не только на получение прибыли, а предусматривали использование части доходов на благотворительные цели. Выявлено, что купеческие инициативы были продиктованы не только желанием расширить возможности предпринимательской активности, но и стремлением содействовать развитию родного края. Сделан вывод о том, что забайкальское купечество сыграло важную роль в социально-экономическом развитии Западного Забайкалья и стало главной движущей силой в деле интеграции экономики региона в общероссийскую финансовую систему.

Ключевые слова:

Западное Забайкалье; купечество; экономика; банки; ссудная касса; благотворительность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

An analysis of the contribution of regional merchants to the process of forming a system of credit and financial institutions in the territory of Western Transbaikalia is presented in the article. The history of both successful and unsuccessful attempts to create banking institutions in the region has been reconstructed on the basis of reporting and office-work documentation stored in the funds of the State Archives of the Republic of Buryatia and the Irkutsk Region, the Russian State Historical Archive. It was found that the creation of the regional banking system was based not on the state, but on the private initiative; the key role in the process was played by the merchants. According to the authors, in the process of organizing banks and loan offices, representatives of the merchants were guided not only by making a profit, but envisaged the use of part of the proceeds for charitable purposes. It was revealed that merchant initiatives were caused not only by the desire to expand the opportunities for entrepreneurial activity, but also by the desire to contribute to the development of the native land. It is concluded that the Transbaikalian merchants played an important role in the socio-economic development of Western Transbaikalia and became the main driving force in integrating the region's economy into the all-Russian financial system.

Key words:

Western Transbaikalia; merchants; economy; banks; loan office; charity.

Становление банковского дела в Западном Забайкалье в XIX веке: купеческие инициативы

© Плеханова А. М., Ширапов А. А., 2021

1. Введение

Мамонтовы, Морозовы, Рукавишниковы, Рябушинские, Третьяковы, Хлудовы и многие другие не менее известные фамилии российского купечества неразрывно связаны с историей России. Представители династии Мамонтовых известны как одни из первых частных строителей железных дорог в России. «Русский Морган» — Н. А. Второв, организовав в 1914 году общество химической промышленности «Руссокракса», положил начало созданию российской химической промышленности, меценат и филантроп К. Т. Солдатенков внес неоценимый вклад в развитие отечественного книгоиздательства, П. Т. Третьяков обессмертил свое имя, открыв в 1892 году всемирно известную картинную галерею.

Купцы оставили заметный след во многих областях жизни Российской империи, в том числе внесли весомый вклад в становление и развитие ее банковского сектора. Более других заинтересованные в появлении на территории державы эффективно действующей финансовой системы, способной обеспечить стабильное кредитование их бизнеса, купцы зачастую становились инициаторами создания банков как в столичных городах, так и в регионах империи. Важную роль в организации финансово-кредитных институтов на территории Западного Забайкалья также сыграло местное бизнес-сообщество.

К началу XIX столетия в Западном Забайкалье сформировалась собственная модель развития региональной экономики. Благодаря своему географическому положению — на границе России со странами Внутренней Азии — регион активно участвовал в развитии международной торговли, в первую очередь — в крайне выгодных экспортно-импортных операциях с Китаем. Основными торговыми центрами региона были г. Верхнеудинск и Кяхтинская слобода. Вплоть до конца XIX века именно Кяхта, а не административная столица региона — Верхнеудинск, была важным узлом российско-китайской торговли, через который уже во второй половине XVIII века проходило около 70 % всего экспорта Цинской империи [Балдано, 2018, с. 96]. 88 % от общего объема российско-китайской торговли составляла торговля чаем [Скворцова, 2018, с. 93—94]. На 50-е годы XIX века пришелся настоящий расцвет Кяхты, ее торговый оборот состав-

лял более 30 млн рублей в год. В 1862 году здесь насчитывалось 165 торговых лавок, 276 купцов, при общем количестве жителей — 5430. Из-за уровня благосостояния Кяхтинскую слободу в те годы называли поселком миллионеров [Попова, 2013, с. 34].

Именно на территории Кяхтинской слободы назрела мысль о необходимости создания собственного банка, первого в регионе. Растущие обороты торговли требовали расширения деловой активности местных предпринимателей, что было невозможно без увеличения размера оборотных капиталов. Дать необходимые для бизнеса средства мог только банк.

Для предпринимателей Западного Забайкалья банковские операции не являлись абсолютно незнакомым делом. В располагавшейся по соседству столице Приангарья — Иркутске — уже с 1836 года действовал банк при Сиропитательном заведении имени Елизаветы Медведниковой [ПСЗРИ, 1837, т. 11, № 9332]. Данное финансово-кредитное учреждение было создано на пожертвованный местными купцами братьями И. Л. и Л. Л. Медведниковыми капитал с целью выдачи кредитов предпринимателям, на доходы от которых содержался детский приют [Плотникова, 2019, с. 124]. Деятельность Медведниковского банка была достаточно успешной, предоставляемыми услугами пользовался широкий круг лиц. Кяхтинские предприниматели, несомненно, были знакомы с работой данного финансово-кредитного учреждения, тем более что сами создатели банка — братья Медведниковы — проводили торговые операции на территории Кяхтинской слободы [Шахеров, 2014, с. 674].

2. Попытка создания Кяхтинского городского общественного банка

Прошение о разрешении учредить Кяхтинский городской общественный банк было направлено местными предпринимателями в адрес Комитета министров Российской империи летом 1844 года. В качестве образца планировалось использовать модель устройства Медведниковского банка — создание благотворительного заведения (богадельни) и кредитного учреждения при нем для финансирования его расходов. В качестве уставного капитала кяхтинские купцы смогли собрать значительную сумму — 25 тыс. руб. Особенно заметную роль в деле организации банка сыграл купец I гильдии А. И. Котельников, который обязался единолично выстроить на свои средства здание для размещения в нем богадельни. Для этого им был разработан проект здания и выделено на строительные работы 13 тыс. руб. [ПСЗРИ, 1845, т. 19, № 18099].

С целью достижения успеха своего предприятия кяхтинские купцы решили заручиться поддержкой члена Правительствующего сената И. Н. Толстого, производившего ревизионную проверку в Восточной Си-

бири в 1843—1846 годы [Матханова, 2012, с. 57]. Проект заинтересовал И. Н. Толстого. Более того, отмечая единодушие, с которым местное купечество выступило за идею создания богадельни и банка, он предложил начать реализацию проекта как можно раньше. По мнению сенатора, столь положительное начинание купцов не должно было остаться без поощрения, в связи с чем он ходатайствовал о награждении А. И. Котельникова золотой медалью для ношения на Аннинской ленте, а всему кяхтинскому купечеству просил Императорское Величество выразить монаршее благоволение. Николай I благожелательно отнесся к идее создания Кяхтинского городского общественного банка. Монарх повелел купцам составить проект положения о богадельне и банке, А. И. Котельникову дозволил приступить к строительству здания богадельни (с награждением по завершению строительства). Кяхтинскому купеческому сообществу было выражено Монаршее Его Императорского Величества благоволение [ПСЗРИ, 1845, т. 19, № 18099].

По всей видимости, банк в Кяхте так и не был создан, виной чему послужило стихийное бедствие. Пожар, случившийся на следующий год после получения императорского дозволения, почти полностью стер с лица земли Кяхтинскую слободу и г. Троицкосавск. Сгорели более ста жилых домов. В огне погибли здания таможни, полиции, ратуши, гостиных рядов и др. Общий ущерб составил огромную сумму в 1 млн 143 тыс. руб. серебром [Журнал за 1844, 11, с. 119—121]. Ввиду огромных финансовых потерь кяхтинское купечество, вероятно, решило отложить идею о создании городского общественного банка до лучших времен.

3. Кредитно-финансовые учреждения Западного Забайкалья в 1870—1880-е годы: ссудная касса Курбатова и Верхнеудинский городской общественный банк

Финансовая реформа Александра II, в рамках которой предпринимателям было позволено создавать частные коммерческие банки, стала поворотным пунктом в истории финансово-кредитной системы Российской империи. Однако Западное Забайкалье долгое время оставалось в стороне от бума создания новых финансово-кредитных учреждений, охватившего страну. К началу 1880-х годов на территории региона действовало только одно учреждение, кредитовавшее население на полуофициальной основе. Согласно условиям завещания умершего в 1872 году купца I гильдии А. М. Курбатова, в ведение Верхнеудинской городской управы поступили принадлежавшие ему акции на право владения 1/5 части Гостиных дворов. По воле купца доход, получаемый от сдачи в аренду указанной коммерческой недвижимости, был направлен для льготного кредитования горожан.

Ссуды выдавались под 6 % годовых, в размере от 5 до 300 руб., сроком на 4 года [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 964, л. 1].

Подобное финансовое учреждение кредитные запросы бизнес-сообщества столицы Западного Забайкалья удовлетворить никак не могло ввиду небольшого размера ссуды и общей незначительности капитала. В 1893 году, спустя 21 год с момента основания ссудного капитала, его размер составлял чуть больше 15 тыс. руб. [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 964, л. 9]. Купцы были вынуждены прибегать к услугам финансово-кредитных учреждений, располагавшихся в соседних регионах страны. В Иркутске, помимо Медведниковского банка, с 1865 года действовало отделение Государственного банка [Гаврилова и др., 2019, с. 19], услугами которого пользовались не только купцы, но и муниципальные власти. По состоянию на 1883 год на счетах банка хранились средства Верхнеудинского городского капитала в сумме 29 654 руб. [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 365, л. 2]. В 1873 году в Иркутске открыл свои двери офис Сибирского торгового банка — одного из наиболее крупных и авторитетных частных коммерческих учреждений Российской империи [Шахеров, 2014, с. 693]. Однако для устойчивого развития и расширения дел региональному предпринимательству требовался собственный банк.

Первое прошение об учреждении городского банка власти Верхнеудинска, состоявшие в основном из представителей купечества, направили в адрес министра финансов Российской империи в 1872 году [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 352, л. 2об]. Однако на указанную просьбу, равно как и на аналогичную 1878 года, были получены отрицательные ответы. Преодолеть многочисленные бюрократические преграды и добиться открытия собственного городского общественного банка власти Верхнеудинска смогли только осенью 1881 года [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 352, лл. 1, 1об., 2].

Верхнеудинские купцы не только активно содействовали созданию банка, но и принимали непосредственное участие в его управлении. Первым и единственным директором Верхнеудинского городского общественного банка стал избранный на эту должность в декабре 1881 года купец II гильдии П. В. Гирченко. Товарищами-заместителями директора стали купец II гильдии Д. А. Меншиков и мещанин П. А. Фролов [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 352, л. 5об]. Несмотря на достаточно успешный начальный этап работы (капитал банка по итогам 1883 года увеличился почти втрое), очень скоро учреждение настигли тяжелые испытания. С 1884 года начался процесс снижения доли процентных бумаг в капитале банка, произошло сокращение вкладов клиентов. Объем всех операций в 1884 году по сравнению с предыдущим продемонстрировал снижение на значительную сумму в 250 051 руб. [Кальмина, 2017, с. 82] Главной причиной столь серьезного

спада стало принятие изменений и дополнений к Нормальному положению о городских общественных банках, согласно которым устанавливался жесткий контроль за их деятельностью со стороны государства [ПСЗРИ, 1886, т. 3, № 1526]. Банки обязывались отправлять в адрес Министерства финансов все сведения об их деятельности, вводились существенные ограничения на проводимые операции. Клиенты могли кредитоваться лишь в строго ограниченном размере: ссуда не могла **превышать □ от суммы** капитала банка [ПСЗРИ, 1886, т. 3, № 1526]. В принципе, данные ограничения преследовали благую цель: не допустить ситуацию, когда кредит получали бы несколько крупных торговцев, а не большое число мелких предпринимателей. Однако в случае с Верхнеудинским банком эти изменения сыграли крайне негативную роль, так как изначально он был ориентирован на работу именно с крупными клиентами [Кальмина, 2017, с. 81—82]. В 1886 году история первого банка Западного Забайкалья завершилась, однако деятельные представители местного купечества не оставили попыток создать столь необходимый региональной экономике финансово-кредитный институт и вскоре предприняли новые действия.

4. Временное отделение Государственного банка — кузница кадров для банковской системы Западного Забайкалья. П. Т. Трунев — генератор идей, финансист, меценат

Смена вектора внешней политики империи с западного направления в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона предопределила пристальное внимание самодержавия к развитию своих отдаленных окраин — Сибири и Дальнего Востока. Главным инструментом в деле модернизации их экономического пространства стал Великий Сибирский путь, связавший воедино европейскую и азиатскую части страны. Реализация этого проекта позволила удвоить население Сибири и Дальнего Востока и обеспечить выход местных товаров на зарубежные рынки [Муравьева, 2001, с. 44]. Получило новый импульс развития и Западное Забайкалье. В Верхнеудинске количество производственных предприятий за 10 лет (с 1893 по 1903 годы) возросло с 13 [Обзор за 1893 год, вед. 2] до 23 [Обзор за 1903 год, вед. 5]. Значительные изменения в этот период пережила и финансово-кредитная система города. Если в 1890 году в Верхнеудинске не было ни одного офиса банка, то к 1912 году в городе работали отделения Русско-Азиатского и Сибирского торгового банков, общество взаимного кредита, действовал агент Ярославско-Костромского земельного банка.

Подобный успех на фоне прошлых неудач объяснялся тем, что впервые за долгие годы частные начинания купечества были активно поддержаны правящими кругами Российской империи. Понимая необходимость

модернизации экономики региона, власти державы благожелательно относились к проектам, направленным на реализацию указанной задачи. Была поддержана идея А. М. Михайловского (директора Иркутского отделения Государственного банка) об открытии временного — на период действия ярмарки — отделения банка в Верхнеудинске, в котором было крайне заинтересовано забайкальское купечество [Паликова, 2012, с. 102]. В связи с кратким сроком действия ярмарки перед предпринимателями остро стояла проблема ограниченности объемов денежной массы, что нередко вынуждало их производить торговые операции посредством примитивного обмена товарами (чаще всего обмену подлежали китайские товары и пушнина) [Паликова, 2012, с. 102]. Открытие отделения Государственного банка могло решить эту проблему.

17 декабря 1893 года Центральным отделением Государственного банка было разослано во все конторы и филиалы учреждения письмо, в котором сообщалось об открытии временного офиса Госбанка в Верхнеудинске на время действия ярмарки — с 15 января по 10 февраля 1894 года [ГАИО, ф. 154, оп. 1, д. 5, л. 21]. Офис временного отделения располагался в доме купца А. Лосева рядом с центром ярмарочной торговли — Базарной площадью. За аренду офиса городские власти Верхнеудинска, пожелавшие оказать содействие организации банка, платили 350 руб., что было весьма значительной суммой [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 1038, л. 16].

Деятельность Государственного банка оказала положительное влияние на развитие кредитно-сберегательного дела в регионе. Даже в условиях особого положения, связанного с событиями русско-японской войны, прибыль временного отделения составила 9,5 тыс. руб. [Улан-Удэ ..., 2016, с. 149]. Благодаря его деятельности местные предприниматели, вошедшие в состав Учетно-Ссудного комитета, смогли познакомиться с тонкостями банковского рабочего процесса. Данные комитеты действовали согласно ст. 60 Устава Государственного банка. Открывались они при его конторах и отделениях. Главной их задачей было определение размера кредита, который мог быть открыт частным лицам, фирмам и учреждениям. Комитеты оценивали благонадежность предъявляемых к учету векселей, залогов и залогов по ссудам. За исключением директоров отделений и контролеров банков, членами комитетов были местные купцы и промышленники [ПСЗРИ, 1898, т. 14, № 10767]. Так, членом Учетно-Ссудного комитета в 1894—1897 годах был верхнеудинский купец II гильдии П. Т. Трунев [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 1178, л. 16]. Знания и опыт, полученные им во время работы в составе комитета, сподвигли П. Т. Трунева подать 25 февраля 1895 году заявление на имя городского головы А. В. Овсянкина о возбуждении ходатайства перед Правительством Российской империи об откры-

тии в г. Верхнеудинске постоянно действующего офиса Государственного банка [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 1038, л. 1]. На состоявшемся 14 марта 1895 года заседании городской думы собравшимся было представлено заявление П. Т. Трунева, в котором необходимость организации местного филиала банка обосновывалась в первую очередь строительством Забайкальской железной дороги. Выступающий доказывал, что «существующее в настоящее время, почти главное занятие жителей, извоз по главному тракту Иркутск—Чита», с открытием железнодорожного сообщения должен «прекратиться и потому следует серьезно позаботиться о создании новых занятий, взамен извоза, кои бы давали средства к жизни, а именно поддержанием существующей и созданием вновь заводской и фабричной промышленности, разного рода ремесел и развития земледелия, что опять таки говорит за неотложность открытия в Верхнеудинске постоянного отделения Государственного банка, дабы дать свободный и дешевый кредит» [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 1038, л. 12об]. По мнению П. Т. Трунева, открытие отделения «по своей вероятности с избытком окупит расходы на его содержание ввиду открытия Забайкальской железной дороги», «увеличения населения и размера торговли и промыслов» [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 1038, л. 12об]. Дополнительным аргументом заявителя было «счастливое местоположение» Верхнеудинска — в наиболее густонаселенной части Западного Забайкалья, возле судоходной реки Селенга, облегчающей торговое сообщение с Монголией, что, несомненно, «обещало развитие в недалеком будущем» [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 1038, л. 12об]. Городская дума поддержала ходатайство П. Т. Трунева с поправкой лишь в одном моменте. Труневым предлагалось открытие в Верхнеудинске агентства Государственного банка, а члены думы решили, что «открытие в Верхнеудинске агентуры Государственного Банка как производящей банковские операции в незначительном размере далеко не удовлетворит потребности местного населения в кредите», а потому более целесообразно «ходатайствовать об открытии в Верхнеудинске постоянного Отделения Государственного банка» [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 1038, л. 12об]. К сожалению, столь многообещающий и необходимый региону проект не был поддержан руководством империи, и вместо полноценного отделения Верхнеудинск смог получить только сберегательную кассу, открытую в 1895 году [Русские банки ..., 1896, с. 8]. Появление же на территории Западного Забайкалья своего кредитно-финансового учреждения было отодвинуто почти на три года — до открытия в 1898 году агентства, впоследствии получившего статус отделения Русско-Китайского банка [Русские банки ..., 1899, с. 32]. Во главе отделения на протяжении практически всего периода его работы стоял П. Т. Трунев (предположительно с 1902 по 1917 годы), сумевший, таким образом, ре-

ализовать свой замысел об учреждении в регионе своего финансово-кредитного учреждения. Под его руководством отделение Русско-Китайского (с 1910 года — Русско-Азиатского) банка смогло достичь значительных успехов в своей деятельности, внося значительный вклад в развитие экономики Западного Забайкалья. Благодаря сотрудничеству с Н. Л. Капельманом, занимавшимся поставками материалов и продовольствия на строительство Забайкальской железной дороги, отделение смогло принять непосредственное участие в реализации важнейшего в истории региона инфраструктурного проекта [ГАРБ, ф. 224, оп. 1, д. 8, лл. 48, 49]. Верхнеудинский филиал регулярно выделял средства на неотложные нужды города. В 1913 году 25 руб. было ассигновано «на покупку для Верхнеудинска полицейских собак», 52 руб. — на наградные почтальонам, разносчикам телеграмм, городовым и монтерам телефонной сети [РГИА, ф. 630, оп. 1, д. 276, л. 49]. Во время Первой мировой войны Верхнеудинским отделением Русско-Азиатского банка направлялись средства на «оказание помощи семьям призванных на войну» — 30 руб., на устройство «убежища инвалидов войны» — 25 руб., на подарки казакам-забайкальцам — 10 руб., Верхнеудинской Торговой школе — 200 руб. [РГИА, ф. 630, оп. 1, д. 276, л. 136].

5. Вклад И. В. Титова в становление банковского дела

Еще одной знаковой фигурой в истории становления банковской системы Западного Забайкалья является И. В. Титов — уроженец Верхнеудинска, купец II гильдии, городской голова (1907—1915 годы). Именно с его именем связаны попытки создания в Верхнеудинске финансово-кредитного учреждения, ориентированного не на крупных торговцев и промышленников, а на широкие слои городского населения. Сначала И. В. Титов направил усилия на воссоздание в Верхнеудинске собственного городского общественного банка. На состоявшемся 4 июня 1909 года заседании городской думы им был сделан доклад, в котором обосновывалась идея организации финансово-кредитного учреждения, подотчетного местным муниципальным властям. По мнению городского головы, «существенной необходимостью для населения города Верхнеудинска, в особенности для лиц со средним достатком, является учреждение городского общественного банка, где бы каждый житель, предъявивший благонадежное поручительство, имел бы возможность взять ссуду в необходимом для него размере для поддержания своего хозяйства» [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 2592, л. 8]. В городе же на тот момент не было финансово-кредитного учреждения, «доступного для жителей», поскольку услугами отделения Русско-Китайского банка могли воспользоваться лишь коммерсанты, а агенты Ярославско-Костромского ориентировались в своей работе на крупных домовладель-

цев. В качестве уставного капитала планируемого учреждения Титовым предлагалось использовать 18 000 руб., полученные от продажи Военному ведомству 75 десятин городской земли [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 2592, лл. 8, 8 об]. Дума поддержала проект и 29 июля 1909 года отправила ходатайство на имя военного губернатора Забайкальской области о разрешении отрыть в Верхнеудинске городской общественный банк [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 2592, л. 11]. Однако три года документ практически оставался без движения, и только 8 марта 1912 года Министерство финансов Российской империи постановило отказать в ходатайстве. Основанием для отрицательного решения послужила статья 1 «Положения о городских общественных банках» от 13 января 1912 года, согласно которой банк мог быть учрежден лишь в случае наличия уставного капитала в размере 10 000 руб. [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 2592, л. 43] Почему же располагая капиталом в 18 000 руб., предназначенным для организации городского банка, Верхнеудинск получил отказ? Дело в том, что к 1912 году от 18 000 руб. осталась существенно меньшая сумма, так как еще в 1910 году городские власти были вынуждены позаимствовать из капитала будущего банка 10 000 руб. на уплату квартирных денег офицерам 1-го Сибирского железнодорожного батальона и проведение мероприятий, направленных на борьбу с холерой. Возместить взятые средства городские власти ввиду хронического дефицита бюджета не смогли [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 2592, лл. 29, 29 об].

Другой, более успешной, попыткой И. В. Титова создания доступного для населения Верхнеудинска финансово-кредитного учреждения стала организация Верхнеудинского общества взаимного кредита (ВОВК). Для этой цели Титовым была проделана поистине колоссальная работа. Им был разработан устав ВОВК, проведены многочисленные беседы с верхнеудинскими торговыми людьми и получена поддержка проекта со стороны уездного начальства. В качестве консультанта И. В. Титовым был привлечен известный читинский финансист И. В. Громов, который, помимо помощи в организации общества, смог, пользуясь своими связями в финансовом мире Дальнего Востока, обеспечить ВОВК начальным капиталом в размере 25 тыс. руб. [Плеханова и др., 2020, с. 50—51] Однако, как и в случае с проектом городского общественного банка, дело по созданию ВОВК затянулось на годы, и только в середине 1911 года оно смогло начать свою деятельность. Исходя из списков членов общества, где по состоянию на 1912 год значились торговцы, промышленники, домовладельцы, сельские хозяева, государственные служащие и мелкие ремесленники, можно сделать вывод, что идея И. В. Титова о создании финансово-кредитного учреждения, чьи услуги были бы доступны широким слоям населения, оказалась успешной. Верхнеудинское общество взаимного кредита смог-

ло развернуть весьма эффективную деятельность, достойно конкурируя на финансовом рынке Западного Забайкалья с отделениями Русско-Азиатского и Сибирского торговых банков, обладавших несравнимо большими ресурсами и возможностями [Плеханова и др., 2020, с. 52—54].

6. Ссудная касса госпожи И. В. Голдобиной-Кукель — социальный проект

Наиболее необычным и представляющим интерес предприятием по организации на территории Западного Забайкалья финансово-кредитного учреждения стал проект, предусматривавший открытие в Верхнеудинске ссудной кассы. Автором данной идеи была вдова известного верхнеудинского купца I гильдии И. В. Голдобина — Е. И. Голдобина-Кукель, направившая 24 апреля 1895 года в городскую управу ходатайство об учреждении богадельни «для призрения безродных, неимущих, престарелых, слепых и увечных граждан обоего пола». По замыслу Голдобиной, на выделяемый ею капитал в размере 15 000 руб. необходимо было организовать при городской управе ссудную кассу «для выдачи капиталов в ссуды под векселя или разные залоги» и на доходы от этой деятельности содержать богадельню [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 1026, л. 1]. Согласно условиям, выдвинутым Е. И. Голдобиной-Кукель, ссуды предполагалось выдавать желающим под 6 % годовых. На полученный доход планировалось содержать кассу, а 5 % прибыли направлять на нужды богадельни [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 1026, л. 1]. Удержание в свою пользу какого-либо процента от прибыли госпожа Голдобина-Кукель не предусматривала. Верхнеудинская городская дума, обсудив на заседании 10—11 сентября 1896 года поступившее предложение, с благодарностью его приняла [Тригуб, 2009, с. 67].

7. Заключение

В долгом и сложном процессе формирования банковской системы Западного Забайкалья купечество сыграло ключевую роль. Руководствуясь в своих поступках не только желанием расширить возможности своей предпринимательской активности, но и стремлением содействовать развитию родного края, именно представители местного купечества стали главной движущей силой в деле интеграции экономики региона в общероссийскую финансовую систему. Несомненно, что без их деятельных и настойчивых усилий процесс создания банковской системы в регионе был бы еще более затруднительным. При этом необходимо отметить, что в своем стремлении создать финансово-кредитное учреждение представители купечества преследовали цели не только чисто делового характера, такие как получение надежного источника кредитования. При организации того или иного бан-

как предусматривалось использование части доходов для развития различных социально направленных проектов — богаделен, школ, для помощи различным организациям. Не все проекты верхнеудинского и кяхтинского купечества по организации финансово-кредитных учреждений были воплощены в жизнь, однако те, что были созданы, сыграли важную роль в социально-экономическом развитии Западного Забайкалья.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРБ — *Государственное* автономное учреждение культуры Республики Бурятия «Государственный архив Республики Бурятия» Ф. 10. Верхнеудинская городская управа, г. Верхнеудинск. Оп. 1. Д. 352, 365, 964, 1026, 1038, 1178, 2592; Ф. 224. Верхнеудинское отделение. Оп. 1. Д. 8.
2. ГАИО — *Областное* государственное казенное учреждение «Государственный архив Иркутской области» Ф. 154. Иркутское отделение Государственного банка, г. Иркутск Иркутской губернии. Оп. 1. Д. 5.
3. *Журнал* Министерства внутренних дел. — Санкт-Петербург : Типография Министерства внутренних дел, 1845. — Ч. 11. — 504 с.
4. *Обзор* Забайкальской Области за 1893 год. — Чита : Типография Забайкальского Областного Правления, 1894. — 54 с.
5. *Обзор* Забайкальской Области за 1903 год. — Чита : Типография Забайкальского Областного Правления, 1904. — 126 с.
6. ПСЗРИ — *Полное* собрание законов Российской Империи : Собрание Второе. Том 11. Отделение 1. — Санкт-Петербург : Типография 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1837.
7. ПСЗРИ — *Полное* собрание законов Российской Империи : Собрание Второе. Том 19. Отделение 1. — Санкт-Петербург : Типография 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845.
8. ПСЗРИ — *Полное* собрание законов Российской Империи : Собрание Третье. Том 3. Отделение 2. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1886.
9. ПСЗРИ — *Полное* собрание законов Российской Империи : Собрание Третье. Том 14. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1898.
10. РГИА — *Федеральное* казенное учреждение «Российский государственный исторический архив». Ф. 630. Русско-Азиатский банк. Оп. 1. Д. 275.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балдано М. Н. Великий чайный путь : история формирования и перспективы возрождения / М. Н. Балдано // Проблемы социально-экономического развития Сибири. — 2018. — № 4. — С. 93—99.
2. Гаврилова Н. И. Государственный банк в Иркутске : от Российской империи до настоящего времени : к 150-летию со дня основания / Н. И. Гаврилова, В. П. Шахеров. — Иркутск : Отгис, 2019. — 372 с.
3. Голубев А. К. Русские банки : справочные и статистические сведения о всех действующих в России государственных, частных и общественных кредитных учреждениях : год первый / А. К. Голубев. — Санкт-Петербург : Лештуковская паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1896. — 254 с.

4. Голубев А. К. Русские банки. Справочные и статистические сведения о всех действующих в России государственных, частных и общественных кредитных учреждениях : год третий / А. К. Голубев. — Санкт-Петербург : Лештуковская паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1899. — 252 с.

5. Кальмина Л. В. Верхнеудинский общественный банк в контексте финансовой политики самоуправления / Л. В. Кальмина // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. — 2017. — Т. 21. — С. 79—85.

6. Матханова Н. П. Новые источники о ревизии Восточной Сибири сенатором И. Н. Толстым («Дневник» В. Д. Filosofova и письма Н. М. Голицына) / Н. П. Матханова // Гуманитарные науки в Сибири. — 2012. — № 4. — С. 56—62.

7. Муравьева Л. А. Экономический подъем в России 90-х годов XIX века / Л. А. Муравьева // Финансы и кредит. — 2001. — № 18. — С. 36—44.

8. Паликова Т. В. Города Забайкалья второй половины XIX — начала XX в.: источники и историография / Т. В. Паликова. — Улан-Удэ : Издательство Бурятского государственного университета, 2015. — 328 с.

9. Плеханова А. М. Верхнеудинское общество взаимного кредита : история создания и начальный этап деятельности в условиях трансграничья (1911—1913) / А. М. Плеханова, А. А. Ширапов // Гуманитарный вектор. — 2020. — Т. 15 — № 3. — С. 48—56.

10. Плотникова Е. В. Банк при Сиропитательном доме Е. Медведниковой : правовой аспект и процесс борьбы за независимость от Иркутской городской думы в первой половине XIX — начале XX в. / Е. В. Плотникова // Известия Лаборатории древних технологий. — 2019. — Т. 15. — № 1. — С. 123—132

11. Попова И. Ф. Торговля России и Китая через Кяхту и Маймайчен / И. Ф. Попова // Mongolica. — 2013. — Т. 11. — С. 28—36.

12. Сковрцова Л. А. Кяхта в системе русско-китайских торгово-экономических отношений / Л. А. Сковрцова // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. — 2018. — № 15. — С. 92—95.

13. Тригуб Г. Я. Участие городских самоуправлений Забайкальской области в приросте населения (последняя четверть XIX — начало XX в.) / Г. Я. Тригуб // Ойкумена. Регионоведческие исследования. — 2009. — № 4. — С. 65—71.

14. Улан-Удэ — 350 : история и современность / отв. ред. Б. В. Базаров. — Иркутск : Оттиск, 2016. — Т. 1. — 369 с.

15. Шахеров В. П. Становление кредитной системы в Иркутской губернии в XVIII — первой половине XIX века / В. П. Шахеров // Историко-экономические исследования. — 2014. — Т. 15. — № 4. — С. 668—694.

MATERIAL RESOURCES

GAIO — *Regional State Treasury Institution “State Archives of the Irkutsk Region”* (In Russ.)

GARB — *State Autonomous Institution of Culture of the Republic of Buryatia “State Archives of the Republic of Buryatia”* (In Russ.)

Journal of the Ministry of Internal Affairs. St. Petersburg; Printing house of the Ministry of Internal Affairs, 1845. no. 11. 504 p. (In Russ.)

PSZRI — *Complete collection of laws of the Russian Empire: Second Collection*. St. Petersburg: Printing House of the 2nd Branch of His Imperial Majesty’s Own Chancellery, 1837. vol. 11(1). (In Russ.)

- PSZRI — *Complete collection of laws of the Russian Empire: Second Collection*. St. Petersburg; Printing house of the 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1845. vol. 19(1). (In Russ.)
- PSZRI — *Complete collection of laws of the Russian Empire: Third Collection*. St. Petersburg; State Printing House, 1886. vol. 3(2). (In Russ.)
- PSZRI — *Complete collection of laws of the Russian Empire: Third Collection*. St. Petersburg; State Printing House, 1898. vol. 14. (In Russ.)
- Review of the Trans-Baikal Region for 1893*. Chita; Printing house of the Trans-Baikal Regional Board, 1894. 54 p. (In Russ.)
- Review of the Trans-Baikal Region for 1903*. Chita; Printing house of the Trans-Baikal Regional Board, 1904. 126 p. (In Russ.)
- RGIA — *Federal State Institution "Russian State Historical Archive"* (In Russ.)

REFERENCES

- Baldano, M. N. (2018). The Great Tea Route: History of Formation and Prospects for Revival. *Problems of social and economic development of Siberia*, 4: 93—99. (In Russ.).
- Bazarov, B. V. (ed.). (2016). *Ulan-Ude — 350: History and Modernity*. Irkutsk; Imprint. 1: 369 p. (In Russ.).
- Gavrilova, N. I., Shaherov V. P. (2019). *State Bank in Irkutsk: from the Russian Empire to the Present: To the 150th anniversary of its foundation*. Irkutsk; Imprint. 372 p. (In Russ.).
- Golubev, A. K. (1896). *Russian banks. Reference and statistical information about all state, private and public credit institutions operating in Russia: first year*. St. Petersburg; Leshtukovskaya steam printing house of Yablonskiy P. O. 254 p. (In Russ.).
- Golubev, A. K. (1899). *Russian banks. Reference and statistical information about all state, private and public credit institutions operating in Russia: third year*. St. Petersburg; Leshtukovskaya steam printing house of Yablonskiy P. O. 252 p. (In Russ.).
- Kalmina, L. V. (2017) Verkhneudinsk public bank in the context of the financial policy of the autocracy. *Irkutsk State University Bulletin. Series Political Science*, 21: 79—85. (In Russ.).
- Matkhanova, N. P. (2012). New sources on the revision of Eastern Siberia by Senator I. N. Tolstoy ("Diary" of Filosofov V. D. and letters to N. M. Golitsyn). *Humanities in Siberia*, 4: 56—62. (In Russ.).
- Muravyova, L. A. (2001) Economic recovery in Russia in the 90s of the XIX century. *Finance and Credit*, 18: 36—44. (In Russ.).
- Palikova, T. V. (2015). *The cities of Transbaikalia in the second half of the 19th — early 20th centuries: sources and historiography*. Ulan-Ude; Publishing house of the Buryat State University. 328 p. (In Russ.).
- Plekhanova, A. M., Shirapov A. A. (2020). Verkhneudinskoe Mutual Credit Society: History of Creation and Initial Stage of Activity in Cross-Border Conditions (1911—1913). *Humanitarian Vector*, 15(3): 48—56. (In Russ.).
- Plotnikova, E. V. (2019). Bank at the Orphanage House of E. Medvednikova: the legal aspect and the process of the struggle for independence from the Irkutsk City Duma in the first half of the 19th— early 20th centuries. *Bulletin of the Laboratory of Ancient Technologies*, 15(1): 123—132. (In Russ.).
- Popova, I. F. (2013). Trade between Russia and China through Kyakhta and Maymaychen. *Mongolica*, 11: 28—36. (In Russ.).

- Shaherov, V. P. (2014). The formation of the credit system in the Irkutsk province in the 18th — first half of the 19th century. *Historical and Economic Research*, 15 (4): 668—694. (In Russ.).
- Skvortsova, L. A. (2018). Kyakhta in the system of Russian-Chinese trade and economic relations. *Proceedings of Young Scientists of Altai State University*, 15: 92—95. (In Russ.).

Попов А. Д. «Маршруты дружбы»: организация международного туризма в странах социалистического лагеря в 1950—1980-х годах / А. Д. Попов // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 408—425. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-408-425.

Popov, A. D. (2021). “Routes of Friendship”: Organization of International Tourism in Countries of Socialist Camp in 1950-1980s. *Nauchnyi dialog*, 6: 408-425. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-408-425. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-408-425

**«Маршруты дружбы»:
организация
международного
туризма в странах
социалистического лагеря
в 1950—1980-х годах**

Попов Алексей Дмитриевич

orcid.org/0000-0001-5672-1198

Scopus Author ID 57190138295

Researcher ID Q-2159-2017

кандидат исторических наук
аффилированный научный сотрудник
проекта «Дружба по расчету:
стимулы и обоснования интеграции
европейских стран СЭВ»
popalex79@mail.ru

Челябинский
государственный университет
(Челябинск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 19-78-10023

**“Routes of Friendship”:
Organization of International
Tourism in Countries
of Socialist Camp
in 1950-1980s**

Aleksei D. Popov

orcid.org/0000-0001-5672-1198

Scopus Author ID 57190138295

Researcher ID Q-2159-2017

PhD in History

Affiliated Researcher of the project

“Friendship of convenience:
impetus and justification of the Integration
of the CMEA’s European member-
countries”
popalex79@mail.ru

Chelyabinsk State University
(Chelyabinsk, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded
by Russian Science Foundation,
project № 19-78-10023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Охарактеризованы институциональные основания, организационные особенности, основные тенденции и проблемы сотрудничества европейских стран-членов Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) в сфере международного туризма во второй половине 1950-х — 1980-е гг. На конкретных примерах показана формула выстраивания двухстороннего сотрудничества в данной сфере, а также организационные принципы и основные направления работы специальных ежегодных Совещаний туристических операторов и государственных органов в сфере туризма. Особое внимание уделено описанию механизмов взаиморасчетов между соцстранами за оказанные взаимные туристические услуги, в том числе в безвалютной форме. На основе анализа публикаций советского периода и архивных источников автором сделан вывод о том, что для масштабного международного туристического обмена между европейскими социалистическими странами был характерен синкретизм хозяйственно-экономических и идеологический подходов, причём Советский Союз играл не столько роль «старшего брата» с правом решающего голоса, сколько идейного «ментора». Подчеркивается, что, несмотря на декларирование системных преимуществ «туризма по-социалистически», в целом для него были характерны многочисленные организационные сложности.

Ключевые слова:

международный туризм; сфера услуг; Совет экономической взаимопомощи; социалистическая интеграция; безвалютный обмен; холодная война.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The institutional foundations, organizational features, the main trends and problems of cooperation between European member states of the Council for Mutual Economic Assistance (CMEA) in the field of international tourism in the second half of the 1950s — 1980s are described in the article. Specific examples show the formula for building bilateral cooperation in this area, as well as organizational principles and main directions of work of special annual meetings of tourist operators and government agencies in the field of tourism. Particular attention is paid to the description of the mechanisms of mutual settlements between socialist countries for the rendered mutual tourist services, including in a non-currency form. Based on the analysis of publications of the Soviet period and archival sources, the author concluded that syncretism of economic, economic and ideological approaches was characteristic of large-scale international tourist exchange between European socialist countries, and the Soviet Union played not so much the role of a “big brother” with a decisive vote as an ideological “mentor”. It is emphasized that, despite the declaration of the systemic advantages of “socialist tourism”, in general, it was characterized by numerous organizational difficulties.

Key words:

international tourism; services sector; Council for Mutual Economic Assistance; socialist integration; non-currency exchange; Cold War.

«Маршруты дружбы»: организация международного туризма в странах социалистического лагеря в 1950—1980-х годах

© Попов А. Д., 2021

1. Введение

В 1959 году на конференции бюро путешествий стран народной демократии в Бухаресте был поднят вопрос о создании кругосветного туристического маршрута, который проходил бы исключительно через территории стран социалистической ориентации, расположенных в Европе, Азии и Латинской Америке [Советское ..., 2007, с. 98]. По всей видимости, успешная реализация такой инициативы должна была символически продемонстрировать целостность и непрерывность социалистического пространства, а также его амбиции на глобальное лидерство. Несмотря на то, что эта идея так и не была воплощена в жизнь, в период мирового «туристического бума» 1960—1980-х годов страны социалистического блока смогли создать масштабную систему туристического обмена, а также заметно упрочить свои позиции в мировом международном туризме. Если в 1960 году доля туристов из европейских соцстран в мировом туристическом потоке составляла всего 6,5 %, то к 1983 году этот показатель уже превысил 25 %. В абсолютных цифрах ежегодное количество пересекавших национальные границы туристов из европейских соцстран увеличилось с 4,6 млн чел. в 1960 году до 72 млн чел. в 1983 году [Мироненко, 1986, с. 46—47].

Впрочем, основная часть зарубежных туристических поездок представителей стран соцлагеря организовывалась в его пределах. Например, в 1970 году во всех европейских странах-членах Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) среди посещающих их туристов преобладали гости из социалистических стран, удельный вес которых составлял от 53—56 % (Болгария, ГДР) до 85—88 % (Венгрия, Польша) [Мироненко и др., 1981, с. 159]. Авторы советского периода объясняли такую относительную «замкнутость» туристических потоков искусственными барьерами и препятствиями для социалистических туристов со стороны капиталистических стран в условиях «холодной войны» [Исмаев, 1976, с. 11—12], тогда как современные авторы обращают внимание на сдерживающее влияние высокой стоимости таких туров, а также на различные формы административные ограничения и квотирование выезда, см.: [Орлов и др., 2016, с. 33—98, 158—167].

В данной статье предпринята попытка охарактеризовать организационные основы и ключевые проблемы сотрудничества стран-членов СЭВ в сфере международного туризма. Прежде всего, это будет способствовать пониманию того, насколько «туризм по-социалистически» был уникальным феноменом, а насколько он развивался в русле общемировых тенденций. Кроме того, безусловный интерес представляет вопрос о роли СССР во взаимных туристических контактах: была ли она доминирующей (роль «старшего брата») или речь шла о равноправном партнерстве? В опубликованных обобщающих работах по истории въездного [Советское ..., 2007; Орлов и др., 2018] и выездного [Орлов и др., 2016; Gorsuch, 2011] туризма в Советском Союзе данным вопросам до настоящего времени не было уделено системного внимания.

2. Институциональные основания: уровень двухсторонних контактов

В Советском Союзе действовал принцип государственной монополии внешней торговли, который в том числе распространялся на торговлю туристическими услугами. Со времен первых пятилеток основным туроператором международного уровня являлось ВАО «Интурист», основную часть клиентов которого в довоенный период составляли туристы из развитых капиталистических стран Запада. После создания в 1964 году первого государственного органа в данной сфере — Управления по иностранному туризму при Совете Министров СССР — «Интурист» вошел в его структуру на правах Хозяйственного управления. Симбиоз управленческой и хозяйственной деятельности в рамках одной организации наблюдался и после того, как в 1969 году данное Управление было преобразовано в Главное управление по иностранному туризму при Совете министров СССР, а затем в 1983 году — в Государственный комитет СССР по иностранному туризму [Орлов, 2018, с. 104—106].

В европейских странах народной демократии, где ранее существовал коммерческий туристический рынок с многочисленными хозяйствующими субъектами, во второй половине 1950-х — начале 1960-х годов также формируются крупные туристические организации, подконтрольные государству, доминирующие в данном виде внешнеэкономической деятельности и являющиеся основными партнерами советского «Интуриста»: Бюро путешествий «Балкантурист» (Болгария), Бюро путешествий и транспорта «Ибус» (Венгрия), Бюро путешествий (Райзебюро) ГДР, Бюро путешествий «Орбис» (Польша), Бюро путешествий «Карпачь» (Румыния), Бюро путешествий «Чедок» (Чехословакия). Однако, помимо этого, туристический обмен на так называемой безвалютной основе осуществлялся и по линии других организаций, прежде всего молодежных и профсоюзных. Так,

после создания в СССР в 1958 году Бюро международного молодежного туризма (БММТ) «Спутник», аналогичные структуры (БММТ «Орбита» в Болгарии, «Экспресс» в Венгрии, «Югендтурист» в ГДР, Бюро молодежного туризма при ЦК Союза коммунистической молодежи Румынии, Бюро путешествий чехословацкой молодежи и студентов) возникают и в других европейских странах. Несколько сложнее оказался случай Польши, где в 1960—1980-е годы различными направлениями международного молодежного туризма параллельно занимались три бюро: «Альматур», «Харцтур» и «Ювентур» [РГАСПИ, ф. М-5, оп. 1, д. 615, л. 1].

В работах советских исследователей подчеркивалось, что социалистическая интеграция в сфере туризма была направлена на увеличение объема и разнообразия структуры туристско-рекреационных услуг, ликвидацию параллелизма и противоречий в туристской политике, а также обмен опытом и проведение совместных исследований в данной сфере [Мироненко и др., 1981, с. 156]. Основой развития туристских связей между соцстранами являлись двухсторонние соглашения, которые с середины 1960-х годов обычно имели пятилетний срок действия, причем по итогам каждого года стороны подписывали итоговые протоколы, отражавшие основные показатели развития туристских связей в этот год и состояние сальдо туристского баланса. Эти соглашения разрабатывались на основе более широких принципиальных положений, закрепленных в Договорах о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи [Квартальнов и др., 1990, с. 15, 65—69]. Например, соглашение между СССР и ГДР о сотрудничестве в области туризма на 1971—1975 годы в своей преамбуле отсылало к Договору о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве между этими странами, заключенному в 1964 году. Данное соглашение предусматривало совместную деятельность по организации взаимных поездок, обмен опытом в сфере туризма и гостинично-ресторанного дела, реализацию консолидированной позиции в международных организациях по туризму [Соглашение ..., 1971, с. 58—59].

Затем заключались соглашения на уровне хозяйствующих субъектов, которые конкретизировали масштабы туристического обмена на валютной и безвалютной основе, а также те направления туристического сотрудничества, которые стороны считали приоритетными. В ходе реализации подписанных соглашений представители туристических организаций социалистических стран регулярно проводили двухсторонние встречи, на которых обсуждались вопросы их выполнения и обращалось внимание на имеющиеся проблемы в обслуживании (вплоть до вопроса переноски багажа туристов на вокзалах или отмены мероприятий культурной программы из-за закрытия театра на ремонт), см., например: [ГАРФ, ф. Р-9520, оп. 1, д. 2465, л. 15—18]. Изучение материалов таких переговоров показы-

вает, что зачастую они были напряженными и туристические организации СССР не имели какого-то решающего влияния на их результаты. Например, в 1979 году делегация Главного управления по иностранному туризму не смогла добиться от немецкой стороны положительного решения по вопросу об увеличении квот на посещение советскими туристами наиболее популярных туристских центров ГДР — Берлина, Дрездена и Лейпцига [ГАРФ, ф. Р-9612, оп. 3, д. 1339, л. 10].

На двухстороннем уровне значительное внимание уделялось также вопросам сокращения туристических формальностей. В период с середины 1950-х до конца 1960-х годов для участников групповых и индивидуальных поездок между соцстранами был введен ускоренный порядок получения виз, также был установлен льготный курс обмена валюты туристами в стране посещения [РГАЭ, ф. 679, оп. 2, д. 1304, л. 3]. В 1969—1971 годах Советский Союз заключил двухсторонние соглашения о взаимных посещениях на безвизовой основе со всеми европейскими социалистическими странами [Квартальнов и др., 1990, с. 69—70].

3. Институциональные основания: многостороннее сотрудничество

Кроме двухсторонних договоров, появляются также институциональные инструменты многостороннего сотрудничества стран-членов СЭВ. С 1957 года начинает ежегодно проводиться Совецание туристских организаций социалистических стран (СТОСС), которое в 1962 году было переименовано в Совецание бюро путешествий социалистических стран (СБПСС). После создания в первой половине 1960-х годов в ряде социалистических стран, в том числе в Советском Союзе, специальных государственных органов по международному туризму, с 1966 года, помимо СБПСС, начинает действовать также Совецание правительственных органов по туризму социалистических стран (СПОТУРСС) [Международные ..., 1970, с. 3—4, 19].

Поскольку в СССР государственный орган по управлению иностранным туризмом (Управление, затем — Главное управление, затем — Государственный комитет) одновременно занимался и практической туроператорской деятельностью, то он был представлен и в СТОСС/СБПСС, и в СПОТУРСС. Аналогичной была ситуация и с Восточной Германией, которую на обоих уровнях представляло «Райзебюро ГДР». В других странах государственное управление в сфере туризма и туроператорская деятельность были институционально разделены. Поэтому, например, в работе СТОСС / СБПСС от Венгрии участвовало бюро путешествий «Ибус», а в работе СПОТУРСС — Государственный совет по туризму ВНР. После своего создания СПОТУРСС давало более общие рекомендации по основ-

ным направлениям сотрудничества в сфере туризма, тогда как на СБПСС обсуждались практические механизмы их реализации [ГАРФ, ф. Р-9612, оп. 3, д. 1652, л. 2].

Заседания СТОСС / СБПСС, как и заседания СПОТУРСС, проходили ежегодно, поочередно в каждой из стран, принимавших участие в их работе на постоянной основе. Какого-либо отдельного бюджета они не имели. Каждая из делегаций самостоятельно покрывала свои расходы на участие, а общие организационные расходы несла принимающая сторона (например, для СТОСС в 1957 г. — Чехословакия, в 1958 г. — Болгария, в 1959 г. — Венгрия, в 1960 г. — Румыния, в 1961 г. — СССР и т. д. по принципу ротации). Также отсутствовали какие-либо выборные органы этих Совещаний, не было и штата постоянных сотрудников — ежегодно состав делегаций обновлялся, а роль председательствующего на заседаниях выполнял глава делегации принимающей страны. Рабочим языком обычно являлся русский язык, но в СПОТУРСС в качестве второго официального использовался также немецкий язык [Международные ..., 1970, с. 4, 19].

Анализ документов Совещаний показывает, что представители всех европейских соцстран принимали в них регулярное участие, тогда как Монголия, КНДР, Социалистическая Республика Вьетнам и даже имеющая большой туристический потенциал Куба участвовали в их работе ситуативно. На начальном этапе деятельности СТОСС в 1957—1959 годах в их заседаниях участвовали также представители Албании и Китайской Народной Республики. Однако после обострения политической конфронтации между руководством этих двух стран и СССР их участие в работе СТОСС прекратилось. Также эпизодический интерес к работе СТОСС / СБПСС проявляла Югославия, что обычно совпадало с периодом «потепления» советско-югославских отношений [ГАРФ, ф. Р-9612, оп. 1, д. 421, л. 1, 44—46, оп. 3, д. 961, л. 1].

Фактически до конца существования социалистического блока именно эти ежегодные Совещания оставались единственными наднациональными структурами по вопросам туризма в рамках СЭВ. Ещё в начале 1960-х годов обсуждалось создание постоянной подкомиссии по вопросам туризма в рамках Комиссии СЭВ по внешней торговле. При этом среди приоритетов её будущей деятельности ставились задачи, которые впоследствии так и не были полностью решены вплоть до конца 1980-х годов: введение единых цен на туристские услуги во всех странах СЭВ; утверждение единой классификации объектов размещения; унификация туристской статистики и форм финансово-расчетных документов в сфере туризма [РГАЭ, ф. 561, оп. 17, д. 8, л. 1—2, 8—9]. Несмотря на то, что инициатива создания такой подкомиссии в структуре аппарата СЭВ была поддержана практически всеми странами социалистического блока (кроме Румынии), она так и не

была реализована. Судя по всему, создание в 1966 году СПОТУРСС как раз являлось альтернативным вариантом решения задач, которые потенциально ставились перед данной подкомиссией, см.: [Международные ..., 1970, с. 4].

Также не имело реальных последствий и обсуждение в 1989 году по инициативе Болгарии вопроса о создании Восточноевропейской туристической ассоциации, которая должна была стать альтернативой западноевропейским интеграционным процессам в сфере туризма и придать некие новые импульсы для взаимодействия стран распадающегося социалистического блока [ГАРФ, ф. Р-9612, оп. 3, д. 2119, л. 3, 7].

4. Основные направления и проблемы сотрудничества соцстран в сфере международного туризма

Об основных направлениях взаимодействия между соцстранами в сфере международного туризма дают представление названия постоянных и временных комиссий, действовавших в рамках СТОСС / СБПСС: «Восток-Запад» (по обмену опытом и сотрудничеству в работе на рынках капиталистических стран); по рекламе и пропаганде; по проведению конгрессов; по индивидуальному туризму; по транспорту; по паспортным, визовым и таможенным формальностям; по расчетам за туристские услуги; по обмену опытом в деятельности гостиниц и ресторанов; по подготовке и работе гидов-переводчиков и сопровождающих, по молодежному туризму и др. При этом обсуждение всех возникающих вопросов должно было строиться на принципах «полного равноправия, глубокого уважения к особенностям и традициям каждого народа» [РГАЭ, ф. 679, оп. 2, д. 1304, л. 4], а принятые решения носили консультативно-декларативный характер и не имели обязательной юридической силы.

Для западного рынка международных путешествий в 1950—1980-е годы был характерен не только стремительный рост количества туристов, но и создание крупных туристических компаний и гостиничных сетей, усиление экономической конкуренции в данной сфере. В этой «борьбе за клиентов» значительно увеличились вложения в рекламное сопровождение продажи туров, что соответствовало общей логике развития массовой потребительской культуры, см.: [Kando, 1980, р. 172—264]. Поэтому социалистические страны вынуждены были активизировать свое сотрудничество по привлечению туристов из капиталистических стран, чтобы снизить транзакционные издержки и совместно проводить дорогостоящие рекламно-информационные кампании в прессе и на телевидении, на различных международных выставках и ярмарках, где они часто были представлены единым стендом [ГАРФ, ф. Р-9612, оп. 3, д. 1875, л. 4—6]. Но

поскольку в таком случае на одной информационной площадке было представлено несколько альтернативных вариантов путешествий в разные страны, то фактически в глазах западных потребителей они выступали как конкуренты.

Проблему могло бы решить намеченное ещё в конце 1950-х годов создание совместных «сквозных» туров с посещением сразу нескольких стран для западных туристов, однако вплоть до конца 1980-х годов значительного распространения они так и не получили. Например, представленная на Брюссельском международном салоне по туризму в 1976 году линейка совместных туров с посещением нескольких европейских стран (East European Travel Board) не вызвала интереса у западных туроператоров из-за отсутствия единой рекламной концепции и высокой стоимости [ГАРФ, ф. Р-9612, оп. 3, д. 1171, л. 2, 44]. Работа по разработке этих маршрутов выявила и ряд организационно-технических трудностей, связанных с сопровождением групп гидами-переводчиками: стороны разошлись во мнении, должен ли группу на всем пути следования сопровождать один гид или они должны меняться в каждой из посещаемых стран. Кроме того, критике со стороны делегаций отдельных стран (Болгария, ГДР) подверглись такие варианты маршрутов, которые предусматривали неравное количество дней пребывания в посещаемых странах, тогда как затраты по их разработке и рекламному продвижению осуществлялись на паритетной основе [ГАРФ, ф. Р-9612, оп. 3, д. 961, л. 1—2].

Определенные противоречия проявлялись и в процессе выбора форм организации путешествий. Представители Советского Союза даже в случае туристического обмена с братскими социалистическими странами всегда последовательно отстаивали безусловный приоритет организованного группового туризма по путевкам туристических организаций, см., например: [ГАРФ, ф. Р-9612, оп. 3, д. 778, л. 11—12]. Такая позиция аргументировалась тем, что при организованном туризме легче планировать масштабы туристских обменов, а также можно обеспечить более равномерную нагрузку на туристско-рекреационные территории и объекты инфраструктуры, в том числе «гармонизируя» сезонные диспропорции в посещении [Коваленко, 1980, с. 149—151]. Безвалютный обмен в рамках молодежного туризма также осуществлялся на групповой основе, в обязательном порядке назначался руководитель, который в том числе должен был обеспечивать высокий уровень дисциплины в группе [РГАСПИ, ф. М-5, оп. 1, д. 423, л. 5]. Есть все основания предполагать, что одним из ключевых факторов такой приверженности идеям организованного туризма являлось стремление более жестко контролировать перемещение и контакты как иностранцев на территории СССР, так и советских граждан

за рубежом, см.: [Орлов и др., 2016, с. 195—240; Орлов и др., 2018, с. 201—272; Попов, 2018]. В то же время удельный вес организованных туристов из-за рубежа, посещавших отдельные соцстраны, не был преобладающим. Например, в Болгарии на рубеже 1970—1980-х годов он составлял всего около 25 % [Коваленко, 1980, с. 147]. Именно в Болгарии для размещения туристов не только социалистических, но и капиталистических государств активно использовался частный жилой фонд, что вызывало резкую критику со стороны «Интуриста» [ГАРФ, ф. Р-9612, оп. 3, д. 778, л. 12]. Только в 1988—1989 годах на фоне происходивших в СССР «перестроечных» явлений позиция советской стороны по данному вопросу меняется. Именно тогда многократно возрос объем двухстороннего индивидуального туризма между СССР и Болгарией, Венгрией, Румынией, Польшей, причем фактически эти поездки уже представляли собой так называемые «шопинг-туры» («челночные» туры) и не несли какой-либо идеологической нагрузки, как это было ранее [ГАРФ, ф. Р-9612, оп. 3, д. 2025, л. 8].

Ещё одной проблемой сотрудничества соцстран в туристической сфере, которая проявлялась более остро, чем в традиционных отраслях экономики, являлась разница подходов к самому понятию «туризм» и связанным с ним статистическим показателям. Изучение документов Секретариата СЭВ показывает, что на протяжении нескольких десятилетий предпринимались попытки унифицировать статистические показатели и используемую терминологию в сфере туризма, однако в полной мере это так и не было сделано. В итоге даже в 1970—1980-е годы существовали разные подходы к тому, какие категории путешествующих относить к туристам и как считать их количество (по числу пересечений границы, по числу проведенных в стране пребывания дней, по количеству ночевки) [РГАЭ, ф. 561, оп. 7, д. 450, л. 9—13; д. 668, л. 3—6]. Разные подходы и методики подсчета затрудняют оценку масштабов туристических потоков между социалистическими странами. Даже советские документы 1950—1960-х годов и 1970—1980-х годов трудно сопоставить, поскольку в первом случае учет обычно велся только по количеству туристов, которые пересекли границу, а во втором — по проведенным им в стране пребывания так называемым тутордням, подробнее см.: [Орлов и др., 2018, с. 151—160].

Если в сфере распределения сырьевых ресурсов или кредитных средств среди стран-членов СЭВ Советский Союз мог занимать доминирующие позиции (см., например: [Попов, 2020]), то в сфере туристических услуг об определяющей его роли говорить не приходилось. Например, по состоянию на 1967 год СССР, имеющий колоссальную территорию и природно-рекреационный потенциал, принимал на 22 % меньше иностранных туристов, чем Венгрия, а отправлял за границу на 39 % меньше своих

граждан. А в сравнении с Чехословакией разрыв был просто колоссальным: Советский Союз принимал в 3,5 раз меньше туристов и более чем в 2 раза отставал от этой страны по количеству выездов за рубеж [РГАЭ, ф. 679, оп. 2, д. 1304, л. 11]. В 1977 году по количеству посещений иностранными туристами из всех 7 европейских соцстран СССР находился на предпоследнем месте, лишь незначительно опережая Румынию, а по показателям выездного туризма опережал только Болгарию и Румынию [Ropers, 1986, s. 112—113].

Кроме того, очень чувствительно относясь к вопросам идеологического порядка, Советский Союз уступал ряду европейских социалистических стран как в общей культуре обслуживания потребителей, так и в научно-технических разработках, связанных с туристско-рекреационной и гостинично-ресторанной деятельностью. Даже когда в самом СССР в 1970-е годы началось достаточно активное внедрение автоматизированных систем управления (АСУ), в том числе в сфере транспорта, внутреннего туризма, санаторно-курортных услуг и проч., советская сторона не спешила делиться этими разработками со своими партнерами по социалистическому лагерю, а тем более заниматься их интегрированием. Например, в феврале 1972 года в Констанце проходили заседания комиссии СБПСС по обмену опытом в деятельности гостиниц и ресторанов, во время которой представители ГДР и Чехословакии (которых активно поддержала польская делегация) выступили с инициативой создания единой для всех европейских социалистических стран электронной системы бронирования мест в гостиницах на основе тех разработок, которые уже применялись в их практике. Было очевидно, что это являлось реакцией на создание таких систем бронирования в странах Западной Европы и США. Предложение оказалось неожиданным и слишком революционным, остальные делегации первоначально не смогли даже четко сформулировать позицию по данному вопросу из-за отсутствия соответствующих директив. В ходе длившегося неделю обсуждения выяснилось, например, что, помимо информационно-технических проблем, связанных с реализацией этой инициативы, в европейских странах-членах СЭВ отсутствует единство подходов в классификации объектов размещения и без их унификации дальнейшее продвижение сотрудничества в этом направлении невозможно. По итогам обсуждения советская сторона приняла решение о том, что вопрос об использовании АСУ в сфере туризма не следует включать в повестку следующих заседаний СБПСС и его постановка является преждевременной [ГАРФ, ф. Р-9612, оп. 3, д. 665, л. 20—24, 98—100]. По линии международного молодежного безвалютного обмена наблюдалась сходная картина: ГДР, Польша и Чехословакия предлагали определенные инициативы по со-

вместному внедрению различных автоматизированных систем, но СССР занимал в этих вопросах выжидательную позицию [РГАСПИ, ф. М-5, оп. 1, д. 615, л. 1, 5, 8].

В целом на основе анализа документов СТОСС / СБПСС можно констатировать, что внутри социалистического блока наблюдались тенденции, характерные для мирового туристического рынка второй половины 1950-х — 1980-х годов: резкое повышение туристической мобильности («туристический бум»), значительное увеличение масштабов приморского летнего отдыха и автотуризма, а также событийного туризма и т. д. В то же время достаточно слабыми, в сравнении с развитыми капиталистическими странами, были позиции социалистических стран на мировом туристическом рынке в таких направлениях, как круизный и деловой (конгрессный) туризм [ГАРФ, ф. Р-9612, оп. 3, д. 1652, л. 6].

5. Особенности взаиморасчетов между соцстранами в сфере туризма

В 1955 году, который считается годом возрождения иностранного (выездного) и начальным этапом зарубежного (выездного) туризма в Советском Союзе, на уровне ЦК КПСС было принято решение о том, что цены на путевки для туристов из стран народной демократии определяются «путем заключения соглашений с соответствующими государственными туристическими организациями этих стран на уровне цен, которые будут назначены этими туристическими организациями для советских туристов, выезжающих в соответствующую страну народной демократии» [РГАНИ, ф. 5, оп. 30, д. 1139, л. 66]. Таким образом, уже на начальном этапе развития туристических связей со странами социалистического блока был заложен принцип искусственного поддержания ценового паритета, в то время как реальная стоимость обслуживания зависела от многих факторов и могла существенно отличаться. Это подтверждает тот факт, что важность международного туризма, во всяком случае, для советской стороны, во многом обосновывалась идеологическими установками, а не хозяйственно-экономической целесообразностью.

Впоследствии, когда взаимные туристические поездки приобрели очень значительные масштабы, советскими авторами высказывалась явно политически ангажированная идея о том, что основным критерием экономической эффективности развития международного туризма в соцстранах является максимальное удовлетворение растущих потребностей их граждан в совершении туристических поездок за рубеж. Причем рост потребностей в путешествиях объяснялся как улучшением материального благосостояния, так и возрастающими культурно-образовательным уровнем [Блинов, 1980, с. 21]. Кроме того, само содержание поездок советских

туристов в соцстраны или путешествий граждан этих стран в СССР было наполнено различными ритуалами «конструирования дружбы» (встречи / проводы, вечера дружбы, фестивали дружбы и т. д.), в том числе направленными на совместную «проработку прошлого» через посещение мемориальных объектов и различные коммеморативные практики, см., например: [Орлов и др., 2016, с. 301—307]. В ходе одного из первых заседаний СТОСС представитель советской делегации прямо заявил, что в отношении развития туризма между странами народной демократии следует основной упор делать не на рекламу (как это принято в капиталистических странах), а на информацию и пропаганду [ГАРФ, ф. Р-9612, оп. 1, д. 420, л. 2]. Впоследствии в рамках СПОТУРСС действовала комиссия по пропаганде и информации, одной из важнейших задач которой назывался постоянный обмен опытом работы «по противодействию попыткам протаскивания буржуазной идеологии и морали по каналам иностранного туризма». В то же время туристические путешествия для граждан соцстран, особенно молодежи, следовало использовать для «воспитания пролетарского интернационализма, классовой оценки событий, дружбы и солидарности» [ГАРФ, ф. Р-9612, оп. 3, д. 1875, л. 3, 7].

Экономисты стран соцлагеря понимали, что, помимо идеологической риторики, необходимы четкие формулы расчета реальной экономической эффективности международного туризма на национальном уровне, поэтому предлагали достаточно разнообразные методики и подходы к этому вопросу, подробнее см.: [Блинов, 1980, с. 21—27]. В структуре «Интуриста» имелось три отдела, занимающихся вопросами организации туристического обмена с европейскими странами социалистического лагеря: отдел ГДР, отдел ПНР, ЧССР, отдел стран Юго-Восточной Европы. При валютных расчетах они осуществлялись в форме инкассо, причем с советской стороны данные операции производились через Внешторгбанк СССР. При этом сложность ситуации заключалась в том, что в рамках организованного туризма эти платежи осуществлялись в так называемых переводных рублях, что было более быстро и выгодно для хозяйствующих субъектов, тогда как при совершении неорганизованных поездок без путевки расчет велся с использованием порядка так называемых неторговых платежей. В таком случае стоимость обслуживания туристов рассчитывалась с помощью определенных коэффициентов, в результате чего в середине 1960-х годов цена того же комплекса услуг могла составлять в 2—3 раза меньшую сумму, чем при расчете в переводных рублях. Однако впоследствии валютно-финансовые механизмы подвергались корректировке с целью выравнивания этого разрыва, подробнее см.: [Алексин, 1978, с. 18—21; РГАЭ, ф. 679, оп. 2, д. 1304, л. 4—10].

Очень большое значение для развития данного направления сотрудничества между соцстранами имел 1964 год. Во-первых, именно тогда стороны отказались от предоплаты за туристические услуги («туризм по ваучерам») и перешли к принципиально новому формату взаимного обмена туристами с последующим сведением платежного баланса по итогам года, двух лет или даже пятилетки [РГАЭ, ф. 679, оп. 2, д. 1304, л. 3]. Во-вторых, в 1964 году на совещании в польском курортном городе Закопане было подписано так называемое Закопанское соглашение, определившее долгосрочные принципы и конкретные механизмы сотрудничества молодежных туристических организаций соцстран на основе двухстороннего безвалютного обмена. В конце 1970-х годов, спустя 15 лет после введения в действие «закопанской системы», один из руководителей БММТ «Спутник» называл её «надежной конструкцией здания нашего молодежного туристского сотрудничества, здания, которое стоит крепко, на основательном фундаменте, представляющем собой отношения наших стран, братских партий и союзов молодежи» [РГАСПИ, ф. М-5, оп. 1, д. 615, л. 23].

Распространение безвалютного обмена туристами между социалистическими странами, с одной стороны, действительно способствовало активизации взаимного туризма, с другой стороны, обуславливало определенные проблемы, в частности, связанные с диспропорцией въездных и выездных туристических потоков, что особенно остро проявлялось в случае с балканскими социалистическими странами. Так, в 1980 году на основе безвалютного обмена по линии БММТ «Спутник» Болгарию посетило 36,7 тыс. советских туристов, тогда как в ответ «Орбита» смогла направить в Советский Союз только 9,8 тыс. молодых болгарских туристов. Похожая ситуация наблюдалась и в 1978—1979 годах. Партнеры пришли к соглашению, что в 1981 году болгарская сторона приложит все усилия для ликвидации этих диспропорций и выравнивания туристического баланса [РГАСПИ, ф. М-5, оп. 1, д. 690, л. 13—15]. Однако следует понимать, что балансировка достигалась не относительно абсолютного количества туристов, а относительно проведенного ими в стране посещения количества туродней. Например, БММТ «Спутник» и «Югендтурист» в 1985 году имели паритет взаимного обмена на уровне 433 тыс. туродней, но при этом в ГДР направлялось 26,5 тыс. молодых советских туристов, а в Советский Союз — 33,5 тыс. юных представителей Восточной Германии, поскольку для первых средняя продолжительность поездки была определена в 16 дней, а для вторых составляла 13 дней [РГАСПИ, ф. М-5, оп. 3, д. 714, л. 1]. Ещё одной проблемой безвалютного обмена являлась необходимость поддержания примерно одинакового качества получаемых туристами услуг в обменивающихся странах. Вследствие отсутствия еди-

ной классификации объектов размещения, о чем уже говорилось выше, молодежные туристические организации в 1974 году разработали общие для всех соцстран индикаторы, по которому тот или иной объект можно было отнести к определенному классу обслуживания [РГАСПИ, ф. М-5, оп. 1, д. 423, л. 1об.].

6. Заключение

На основе вышеизложенного можно прийти к выводу, что для организации туристических обменов внутри социалистического блока был характерен синкретизм коммерческих и идеологических подходов. Неравномерность социалистического блока (природно-географическая, экономическая, социокультурная) обуславливала и несбалансированность, неравномерность туристических потоков. Причем Советский Союз не мог доминировать в данной сфере над своими партнерами ни по масштабу въездного / выездного международного туризма, ни по уровню развития соответствующей материально-технической базы, ни по внедрению научно-технических разработок и сервисных технологий индустрии гостеприимства. Кроме того, во многом нерешенным оставался вопрос унификации терминологического аппарата, статистических показателей и организационных подходов в сфере туризма, тем более что непроектная сфера в принципе являлась весьма неудобным объектом анализа для социалистической политэкономии. По всей видимости, именно этой разностью подходов, а также несколько «маргинальным» положением международного туризма как отрасли социалистической экономики объясняется тот факт, что на уровне СЭВ степень институциональной интеграции здесь была не такой глубокой, как в вопросах сырьевых, энергетических или промышленных поставок. На протяжении нескольких десятилетий основной формой реализации многостороннего сотрудничества между соцстранами в сфере туризма являлись ежегодные Совещания, не имеющие собственных штатов, бюджета и постоянного места дислокации, а все их решения носили консультативный характер.

Роль СССР в вопросах как двухстороннего, так и многостороннего туристического сотрудничества с европейскими странами-членами СЭВ не была доминирующей. Можно согласиться с утверждением М. А. Липкина, что на практике доктрина «ограниченного суверенитета» в первую очередь распространялась на сам Советский Союз. Имея амбиции глобального политического, экономического и идеологического лидерства его государственно-партийное руководство для сохранения единства социалистического блока вынуждено было скорее жертвовать, а не приобретать какие-то материальные преференции [Липкин, 2019, с. 158]. Однако именно СССР

традиционно выступал в роли идеологического «ментора», а также нередко занимал консервативную или даже откровенно «охранительную» позицию относительно некоторых новых организационных форм туристического обмена, когда видел в них угрозу сокращения контроля над туристами, хотя само расширение туристических связей внутри социалистического блока, безусловно, входило в число его генеральных приоритетов. Похожую консервативно-выжидательную позицию советская сторона занимала и в вопросах внедрения некоторых более прогрессивных подходов и сервисных технологий обслуживания туристов, тогда как различным технологиям «конструирования дружбы» уделялось значительно большее внимание.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. Р-9520 (Центральный совет по туризму и экскурсиям ВЦСПС). Оп. 1. Д. 2465. Л. 15—18; Ф. Р-9612 (Учреждения по руководству иностранным туризмом в СССР). Оп. 1. Д. 420. Л. 2; Д. 421. Л. 1, 44—46; Оп. 3. Д. 665. Л. 20—24, 98—100; Д. 778. Л. 11—12; Д. 961. Л. 1—2; Д. 1171. Л. 2, 44; Д. 1339. Л. 10; Д. 1652. Л. 2, 6; Д. 1875. Л. 3—7; Д. 2025. Л. 8; Д. 2119. Л. 3, 7.
2. РГАНИ — *Российский государственный архив новейшей истории*. Ф. 5 (Аппарат ЦК КПСС). Оп. 30. Д. 1139. Л. 66.
3. РГАСПИ — *Российский государственный архив социально-политической истории*. Ф. М-5 (Бюро международного молодежного туризма «Спутник»). Оп. 1. Д. 423. Л. 1—2, 5; Д. 615. Л. 1, 5, 8, 23; Д. 690. Л. 13—15; Д. 714. Л. 1.
4. РГАЭ — *Российский государственный архив экономики*. Ф. 561 (Секретариат Совета экономической взаимопомощи, 1949—1991 гг.). Оп. 7. Д. 450. Л. 9—13; Д. 668. Л. 3—6; Оп. 17. Д. 8. Л. 1—2, 8—9; Ф. 679 (Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов СССР). Д. 1304. Л. 2—11.
5. *Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Германской демократической республики о сотрудничестве в области туризма // Внешняя торговля. — 1971. — № 2. — С. 58—59.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексин В. П. Совершенствование системы расчетов как один из важных резервов повышения эффективности иностранного туризма / В. П. Алексин // *Проблемы иностранного туризма в СССР : сб. трудов. Вып. 2. — Москва, 1978. — С. 16—26.*
2. Блинов А. В. Методы расчета экономической эффективности иностранного туризма в социалистических странах / А. В. Блинов // *Проблемы иностранного туризма в СССР : сб. трудов. Вып. 3. — Москва, 1980. — С. 20—28.*
3. Исмаев Д. К. Европейское сотрудничество и туризм / Д. К. Исмаев // *Проблемы иностранного туризма в СССР : сб. трудов. Вып. 1. — Москва, 1976. — С. 5—21.*
4. Квартальнов В. А. Методика и организация международного туристского обмена советских профсоюзов : в 2 ч. Ч. 2 / В. А. Квартальнов, И. В. Зорин, Г. Ф. Науменко. — Москва : ЦРИБ Турист, 1990. — 82 с.
5. Коваленко Ю. В. Некоторые вопросы совершенствования планирования иностранного туризма в социалистических странах / Ю. В. Коваленко // *Проблемы иностранного туризма в СССР : сб. трудов. Вып. 3. — Москва, 1980. — С. 146—152.*

6. Липкин М. А. Совет Экономической Взаимопомощи: исторический опыт альтернативного глобального мироустройства (1949—1979) / М. А. Липкин. — Москва : Весь мир, 2019. — 160 с.

7. *Международные туристические организации* (краткий сборник). — Москва, 1970. — 101 с.

8. МIRONENKO Н. С. Рекреационная география / Н. С. МIRONENKO, И. Т. Твердохлебов. — Москва : Изд-во МГУ, 1981. — 208 с.

9. МIRONENKO Н. С. География туристских потоков зарубежных европейских стран — членов СЭВ: оценка сдвигов и прогноз развития / Н. С. МIRONENKO // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 7. — Москва, 1986. — С. 46—57.

10. Орлов И. Б. Сквозь «железный занавес». Руссо туристо: советский выездной туризм, 1955—1991 / И. Б. Орлов, А. Д. Попов. — Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. — 351 с.

11. Орлов И. Б. Сквозь «железный занавес». See USSR! Иностранцы туристы и призрак потемкинских деревень / И. Б. Орлов, А. Д. Попов. — Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. — 485 с.

12. Попов А. А. Экономические мотивы сотрудничества стран СЭВ в сфере добычи ископаемых ресурсов (1950-е — 1980-е гг.) / А. А. Попов // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. — 2020. — Т. 4, № 2. — С. 196—204. — DOI 10.35634/2587-9030-2020-4-2-196-204.

13. Попов А. Д. Казус Кости Гуманкова: интерпретации представлений о «чести» и «достоинстве» в советском выездном туризме / А. Д. Попов // Новое литературное обозрение. — 2018. — № 3 (151). — С. 120—136.

14. *Советское зазеркалье. Иностранный туризм в СССР в 1930—1980-е годы* / В. Э. Багдасарян, К. А. Мазин, И. Б. Орлов, А. А. Федупин, Й. Й. Шнайден. — Москва : ФОРУМ, 2007. — 256 с.

15. Gorsuch A. All This Is Your World: Soviet Tourist at Home and Abroad after Stalin / A. Gorsuch. — New York : Oxford University Press, 2011. — 222 p.

16. Kando T. Leisure and popular culture in transition / T. Kando. — St. Louis : C.V. Mosby Company, 1980. — 343 p.

17. Ropers N. Tourismus zwischen West und Ost: Ein Beitrag zum Freiden? / N. Ropers. — Frankfurt-am-Main : Campus Verlag, 1986. — 285 s.

MATERIAL RESOURCES

Agreement between the Government of the Union of Soviet Socialist Republics and the Government of the German Democratic Republic on cooperation in the field of tourism (1971). *Russian Foreign Economic Journal*, 2: 58—59. (In Russ.).

GARF — *State Archives of the Russian Federation*. (In Russ.).

RGAE — *Russian State Archives of Economics. (Secretariat of the Council for Mutual Economic Assistance, 1949—1991)*. (In Russ.).

RGANI — *Russian State Archives of Contemporary History. (Apparatus of the Central Committee of the CPSU)*. (In Russ.).

RGASPI — *Russian State Archive of Social and Political History. (Bureau of International Youth Tourism “Sputnik”)*. (In Russ.).

REFERENCES

- Aleksin, V. P. (1978). Improvement of the settlement system as one of the important reserves for increasing the efficiency of foreign tourism. In: *Problems of foreign tourism in the USSR: collection of works*. Moscow. 2: 16—26. (In Russ.).
- Bagdasaryan, V. E., Mazin, K. A., Orlov, I. B., Fedulin, A. A., Shnaydgen, Y. Y. (2007). *Soviet through the looking glass. Foreign tourism in the USSR in the 1930—1980s*. Moscow: FORUM. 256 p. (In Russ.).
- Blinov, A. V. (1980). Methods for calculating the economic efficiency of foreign tourism in socialist countries. In: *Problems of foreign tourism in the USSR: collection of works*. Moscow. 3: 20—28. (In Russ.).
- Gorsuch, A. (2011). *All This Is Your World: Soviet Tourist at Home and Abroad after Stalin*. New York: Oxford University Press. 222 p.
- International tourism organizations (short collection)*. (1970). Moscow. 101 p. (In Russ.).
- Ismaev, D. K. (1976). European cooperation and tourism. In: *Problems of foreign tourism in the USSR: collection of articles. works*. Moscow. 1: 5—21. (In Russ.).
- Kando, T. (1980). *Leisure and popular culture in transition*. St. Louis: C.V. Mosby Company. 343 p.
- Kovalenko, Yu. V. (1980). Some issues of improving the planning of foreign tourism in the socialist countries. In: *Problems of foreign tourism in the USSR: collection of works*. Moscow. 3: 146—152. (In Russ.).
- Kvartalnov, V. A., Zorin, I. V., Naumenko, G. F. (1990). *Methodology and organization of international tourist exchange of Soviet trade unions*. Moscow: TsRIB Turist. 2/2: 82 p. (In Russ.).
- Lipkin, M. A. (2019). *Council for Mutual Economic Assistance: Historical Experience of an Alternative Global World Order (1949—1979)*. Moscow: Ves' mir. 160 p. (In Russ.).
- Mironenko, N. S., Tverdokhlebov, I. T. (1981). *Recreational geography*. Moscow: Izd-vo MGU. 208 p. (In Russ.).
- Mironenko, N. S. (1986). Geography of Tourist Flows of Foreign European Countries — CMEA Members: Assessment of Shifts and Development Forecast. In: *Questions of economic and political geography of foreign countries*. Moscow. 7: 46—57. (In Russ.).
- Orlov, I. B., Popov, A. D. (2016). *Through the Iron Curtain. Russo Turisto: Soviet Outbound Tourism 1955—1991*. Moscow: Publishing house HSE University. 351 p. (In Russ.).
- Orlov, I. B., Popov, A. D. (2018). *Through the Iron Curtain. See the USSR! Foreign tourists and the ghost of Potemkin villages*. Moscow: Publishing house HSE University. 485 p. (In Russ.).
- Popov, A. A. (2020). Economic motives of cooperation of CMEA countries in raw material production (1950s — 1980s). *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*, 4 (2): 196—204. DOI 10.35634/2587-9030-2020-4-2-196-204. (In Russ.).
- Popov, A. D. (2018). The case of Kostia Gumankov: interpretations of notions about “honor” and “dignity” in soviet international tourism. *Russian Studies in Literature*. 3 (151): 120—136. (In Russ.).
- Ropers, N. (1986). *Tourismus zwischen West und Ost: Ein Beitrag zum Freiden?* Frankfurt-am-Main: Campus Verlag. 285 S.

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Райнхардт Р. О. Дипломатическая служба итальянского дипломата Дж.-К. де Лудольфа (1805—1861) / Р. О. Райнхардт // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 426—435. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-426-435.

Reinhardt, R. O. (2021). Diplomatic Service of Italian Diplomat J.-C. de Ludolf (1805–1861). *Nauchnyi dialog*, 6: 426–435. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-426-435. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-426-435

Дипломатическая служба итальянского дипломата Дж.-К. де Лудольфа (1805–1861)

Райнхардт Роман Отмарович
orcid.org/0000-0002-0890-8844
кандидат экономических наук
доцент кафедры дипломатии
don.reinhardt@mail.ru

Московский государственный
институт международных отношений
(университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

Diplomatic Service of Italian Diplomat J.-C. de Ludolf (1805–1861)

Roman O. Reinhardt
orcid.org/0000-0002-0890-8844
PhD in Economics, Associate Professor
Department of Diplomacy
don.reinhardt@mail.ru

Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

© Райнхардт Р. О., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос о периодизации и установлении хронологических рамок этапов дипломатической службы Дж.-К. де Лудольфа, с 1805 года представлявшего за рубежом Неаполитанское королевство, а после его объединения с Сицилийским в 1816 году и до упразднения в 1861 году — Королевство Обеих Сицилий. Показано, что, несмотря на многолетнюю работу Лудольфа на российском направлении в различных качествах, освещение роли и места его фигуры во внешнеполитических процессах носит весьма фрагментарный характер в отечественной историографии. С целью первичной реконструкции ключевых вех дипломатической карьеры указанного исторического лица проведена работа с зарубежными источниками: материалами Государственного архива Неаполя, мемуарами его дочери, а также биографическими трудами. Путем анализа и систематизации представленной в них информации выделены и кратко охарактеризованы четыре периода дипломатической активности Лудольфа. Очерчены его важнейшие достижения на каждом из соответствующих этапов, при этом отмечено, что длительное пребывание по служебной линии в Российской Империи оказало значимое влияние на профессиональное становление дипломата. Выявлено, что Санкт-Петербург стал первой и последней точкой его карьерного пути, на протяжении которого он успел поработать там в должности атташе, полномочного посланника и посла по особым поручениям.

Ключевые слова:

дипломатическая служба; история дипломатии; Лудольф; посольство Неаполя в России; дипломатический корпус.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issue of periodization and establishment of chronological frames of the stages of the diplomatic service of J.-C. de Ludolf, who represented the Kingdom of Naples abroad from 1805, and after its unification with the Sicilian Kingdom in 1816 and until the abolition in 1861 — the Kingdom of the Two Sicilies. It is shown that, despite Ludolf's many years of work in the Russian direction in various qualities, the coverage of the role and place of his figure in foreign policy processes is very fragmentary in Russian historiography. With the aim of the initial reconstruction of the key milestones in the diplomatic career of this historical person, study of foreign sources: materials from the State Archives of Naples, the memoirs of his daughter, as well as biographical works was carried out. By analyzing and systematizing the information presented in them, four periods of Ludolf's diplomatic activity are highlighted and briefly characterized. His most important achievements at each of the respective stages are outlined, while it is noted that a long stay in the service line in the Russian Empire at least had a significant impact on the professional development of a diplomat. It was revealed that St. Petersburg became the first and last point of his career path, during which he managed to work there as an attaché, plenipotentiary envoy and ambassador-at-large.

Key words:

diplomatic service; history of diplomacy; Ludolf; Embassy of Naples in Russia; diplomatic corps.

Дипломатическая служба итальянского дипломата Дж.-К. де Лудольфа (1805–1861)

© Райнхардт Р. О., 2021

1. Введение

Дипломатическая служба Джузеппе-Константино графа фон (де) Лудольф (1787—1875, далее — Лудольф), занимавшего с 1824 по 1832 годы должность посланника Королевства Обеих Сицилий при Императорском дворе в Санкт-Петербурге, до сих пор не находила комплексного отражения в отечественной историографии. Отдельные сведения, представленные в несистематизированном виде и относящиеся скорее в истории семьи Лудольф в целом, одним из видных представителей которой он, несомненно, являлся, были опубликованы в сочинении Е. Скаммакка дель Мурго [Скаммакка дель Мурго, 2013]. Тем не менее данные, содержащиеся в названном труде, носят в большей степени генеалогический характер и раскрывают лишь некоторые наиболее яркие страницы биографии дипломата [Зонова и др., 2014]. Более того, они интересны скорее в историко-культурологическом ключе в контексте связей Лудольфа, его близких и дальних родственников с выдающимися историческими фигурами России, в том числе с А. С. Пушкиным.

Так, уже во введении автор делает акцент на родственной связи графов Лудольф с бабушкой жены поэта Н. Н. Гончаровой — Е. фон Липхарт [Скаммакка дель Мурго, 2013, с. 6]. В связи с этим следует также отметить, что Лудольф неоднократно, пусть и не подробно, отмечался в трудах пушкиноведов. Его можно встретить в перечне знакомых [Черейский, 1988, с. 242] и, например, в детальном (по датам) описании жизни и творчества литератора [Летопись ..., 1999, с. 136]. Поводом к такому эпизодическому упоминанию послужило их общение в конце 1829 — начале 1830 годов в рамках совместного участия в великосветских мероприятиях российской столицы. В частности, неаполитанский посланник фигурирует в списке лиц, которым А. С. Пушкин намеревался направить свои визитные карточки к новому 1830 году [Рукою ..., 1935, с. 322, 325]. Этим, собственно, и ограничивается описание личности и деятельности Лудольфа не только в литературоведческих, но и, что немаловажно, в исторических русскоязычных трудах.

Детальную информацию о нем не находим ни в классических сочинениях, посвященных позднеалександровской и николаевской эпохам [Тати-

щев, 1889], ни в аналогичных тематических работах современных исследователей [Высочков, 2012, с. 244; Кудрявцева, 2018]. Вместе с тем, как будет показано далее, исследование его дипломатической карьеры может представлять интерес не только в общеисторическом контексте, но и с точки зрения более глубокого последующего анализа истории европейской и, в частности, неаполитанской внешней политики указанного периода. Данное обстоятельство, обуславливающее целесообразность введения в научный оборот новых, прежде всего, архивных материалов, определяет научную новизну настоящей работы.

Специальный архивный фонд, содержащий, вероятно, ценные сведения о Лудольфе и его предках-дипломатах, значится в инвентарном описании Неаполитанского общества истории отечества (*Società Napoletana di Storia Patria* — SNSP). Однако, к сожалению, наряду с другими фондами он был серьезно поврежден в ходе бомбардировок времен Второй мировой войны и до сих пор находится в состоянии реконструкции и инвентаризации. Продолжающаяся пандемия в очередной раз замедлила данные процессы, в связи с чем обращение к данному фонду в настоящее время, равно как и в ближайшей обозримой перспективе, не представляется возможным.

Зато другим богатым ресурсом служат фонды, относящиеся к периоду правления Сицилийских Бурбонов Государственного архива Неаполя [ASN, Archivio Borbone]. Помимо них, ценным источником личного происхождения предстают мемуары дочери дипломата [Ludolf, 1877]. Также представляет интерес труд итальянского историка Дж. Галлавреси, носящий биографический характер [Gallavresi, 1905]. С опорой на указанные материалы нами была предпринята попытка первичной реконструкции основных этапов дипломатической карьеры Лудольфа при особом внимании к ее российскому отрезку.

2. Ключевые вехи и этапы дипломатической карьеры Дж.-К. Лудольфа

Потомственный дипломат Дж.-К. Лудольф родился 24 июня 1787 года в Стамбуле, где его отец, а до него дед, служили послами Неаполя при Османской Порте (дед — первым в истории королевства). Таким образом, Лудольфов вполне можно отнести к дипломатическим династиям. Это явление было довольно распространенным в дипломатической службе государств Апеннинского полуострова, особенно его южной части [Зонова, 2018, с. 12]. Корни семейного древа Лудольфов берут свое начало в Тюрингии [Ludolf, 1887, p. 12]. В 1712 году им было пожаловано дворянство Священной Римской империи, а в 1734 году они переехали в Неаполь, где

поступили на службу королю Неаполя и Сицилии Карлу VII (с 1759 года король Испании Карл III) [ASN, Archivio Borbone, n. 818].

В 1794 году родители направили Лудольфа вместе с его старшим братом в Вену для получения образования. В 1800 году, окончив военный колледж, он ненадолго вернулся в Стамбул, откуда в 1801 году отправился в Санкт-Петербург для продолжения обучения. Таким образом, впервые Лудольф ступил на российскую землю четырнадцатилетним подростком [Gallavresi, 1905, p. 7]. В 1805 году он начал свою работу в качестве атташе неаполитанского посольства под началом А. Мареска Доннорсо, герцога ди Серракаприола.

Последний был выдающимся дипломатом своего времени и в некотором роде рекордсменом на посту полномочного посланника, представлявшим Бурбонов при российском Императорском дворе с 1782 года вплоть до кончины в 1822 году. В течение длительной службы в Санкт-Петербурге он снискал доверие Императорской фамилии и репутацию умеренного, но последовательного русофила [ASN, Archivio Borbone, n. 1052]. В 1788 году Серракаприола женился вторым браком на дочери видного екатерининского сановника князя А. А. Вяземского [ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 111, д. 104, с. 458]. Тот факт, что супругой неаполитанского посланника стала русская княгиня, ведущая свою родословную от Владимира Мономаха, не мог не сказаться на атмосфере, царившей в диппредставительстве. Судя по всему, под влиянием в том числе и этого фактора молодой атташе Лудольф вскоре перешел на военную службу русскому Императору.

В 1807 году он в качестве улана принял участие в битве под Фридрихсдорфом и получил ранение в шею [Gallavresi, 1905, p. 16]. После разгрома русской армии наполеоновскими войсками и подписания Тильзитского мира, одно из положений которого предусматривало отстранение от службы Александру I ранее принятых на нее иностранцев из числа легитимистов, Лудольф вернулся к отцу в Стамбул. Тем временем власть над Неаполем перешла к Жозефу Бонапарту, старшему брату Наполеона. Данную смену на неаполитанском троне Россия также официально признала вследствие разгрома в Пруссии и заключения мира с французами.

Впрочем, Лудольфы со свойственным им политическим чутьем при формальной лояльности к Бонапартам и их сторонникам не спешили полностью дистанцироваться от Бурбонов. Подтверждением этому служит направление Лудольфом-старшим своего сына на Сицилию, где в 1809 году состоялась свадьба Луи-Филиппа Орлеанского (будущего короля Франции в 1830–1848 годах) с Марией Амалией, дочерью царствующего короля Сицилии Фердинанда III [ASN, Archivio Borbone, n. 1140]. Присутствие Дж.-К. Лудольфа на праздничной церемонии бракосочетания двух монар-

ших особ во многом позволило впоследствии сохранить крепкие позиции семьи после реставрации. Тем не менее вплоть до восстановления власти Бурбонов в Неаполе в 1816 году, придерживаясь скорее выжидательной линии, молодой человек не занимал официальных должностей, но путешествовал сначала по Средиземноморью (Испания, Марокко, Мальта, Греция), затем по Англии, Австрии и Венгрии.

В 1816 году после объединения Неаполитанского и Сицилийского королевств в Королевство Обеих Сицилий Лудольф был назначен главой дипломатического представительства новообразованного государства в Стамбуле. В свою очередь, его отец, ранее представлявший там Бурбонов, возглавил миссию в Лондоне. Тем самым Лудольф-младший не только продолжил семейную традицию, став неаполитанским посланником при Порте в третьем поколении, но и возобновил прерванную десятью годами ранее дипломатическую карьеру [Gallavresi, 1904, с. 26]. К новому месту работы он отправился с супругой Т. Вайссенхоф, на которой женился ранее в том же году.

В столице Османской империи супружеская чета Лудольфов пребывала до 1821 года, когда на фоне революционных волнений на родине и под предлогом неприятия нового конституционного строя посланник самостоятельно решил вернуться в Неаполь [ASN, Archivio Borbone, n. 1392]. Однако вскоре после его возвращения, в марте того же года абсолютная монархия Фердинанда I была полностью восстановлена при поддержке австрийских войск, направленных в королевство по решению Лайбахского конгресса. Приостановивший действие конституции король направил Лудольфа в качестве своего спецпредставителя в Вену для переговоров с находившимся там А. Руффо. Их целью было убедить этого стойкого и последовательного легитимиста также приехать в Неаполь для занятия там высоких государственных должностей [Gallavresi, 1905, р. 35]. С данной миссией Лудольф справился успешно, в результате чего А. Руффо был назначен государственным секретарем, затем председателем совета министров и министром иностранных дел. Лудольф же, находясь при дворе Фердинанда I и ведя активную светскую жизнь, фактически продолжал выполнять функции посла по особым поручениям.

Тем не менее очередной формальный перерыв в дипломатической карьере Лудольфа продлился до мая 1824 года, соответствующего его назначению посланником Неаполя в Санкт-Петербурге. Таким образом, спустя почти двадцать лет дипломат вернулся в город, где прошла его юность и начался трудовой путь. На посту посланника в России он проработал до конца 1832 года. Несмотря на то, что этот период был отмечен значительной турбулентностью как в государстве пребывания (междоусобица, вос-

стание декабристов, русско-турецкая война), так и в международных отношениях в целом (революции 1830 года в Европе, реакция на них великих держав), работа Дж.-К. Лудольфа в Санкт-Петербурге проходила довольно спокойно [Gallavresi, 1905, p. 45]. Вместе с супругой он вращался в светских кругах, приобщался к местной культуре (в частности, к охоте на медведя), посещал оперу и близко сходилась с видными общественными деятелями, в том числе, как отмечалось выше, с А. С. Пушкиным [Лепопись ..., 1999, с. 136]. Словом, воплощал стереотипы классического посланника первой половины XIX века [Зонова, 2018, с. 12].

В декабре 1832 года последовало назначение Лудольфа полномочным посланником Королевства Обеих Сицилий при Святом Престоле, которое допустимо расценивать как вершину его дипломатической карьеры [Gallavresi, 1905, p. 47]. Действительно, выше могла быть только должность главы внешнеполитического ведомства. Формально он занимал свой пост до 1861 года, когда королевство перестало существовать в результате вхождения в состав объединенной Италии.

Данный этап дипломатической службы Лудольфа был не только самым продолжительным в его биографии, но и, судя по результатам, самым плодотворным [ASN, Archivio Borbone, n. 1468-69]. Его подробное описание и анализ выходят за рамки формата настоящей работы, в связи с чем видится целесообразным лишь кратко перечислить некоторые основные достижения дипломата. Во-первых, на рубеже 1830—1840-х годов Лудольф принимал активное участие в переговорах по вопросам демаркации границ Папской области и Королевства Обеих Сицилий, что внесло вклад в устранение имевшихся противоречий в этой сфере между сторонами. Во-вторых, его посредничество в переговорах папы Григория XVI с Мальтийским орденом способствовало обретению последним экстерриториальной штаб-квартиры в Риме. В-третьих, после бегства папы Пия IX в Гаэту вследствие революционных событий 1848—1849 годов Лудольф непосредственно участвовал в достижении консенсуса между европейскими державами о восстановлении старого порядка, который дал понтифику возможность вернуться в Ватикан. Более того, в ходе данной «репатриации» он лично сопровождал папу на пути в Рим [ASN, Archivio Borbone, n. 1469; Gallavresi, 1905, p. 52—57].

На закате существования Королевства Обеих Сицилий Лудольф достаточно искусно проявил себя в ходе дипломатического кризиса 1856 года, когда над Неаполем нависла прямая угроза англо-французской военной интервенции. Слаженными действиями европейских дипломатов, в том числе неаполитанского посланника в Риме, данный сценарий удалось предотвратить [Cataluccio, 1951]. После кончины Фердинанда II в 1859 году

престол занял Франциск II. Именно он направил Дж.-К. Лудольфа с последней в его многолетней карьере миссией в Санкт-Петербург для извещения Александра II о восшествии на трон нового суверена династии Бурбонов и просьбе о поддержке со стороны России в складывавшейся трудной ситуации. Помочь молодому монарху на данном этапе Рисорджименто было уже сложно, тем не менее спецпредставитель, уже хорошо и давно известный Императорскому двору, был принят с почестями и даже награжден Орденом Святого Благоверного Князя Александра Невского.

Эта высокая награда пополнила и без того богатую коллекцию знаков отличия Дж.-К. Лудольфа иностранными государствами, в которых ему довелось работать. Примечательно, что начавшаяся в Санкт-Петербурге яркая карьера неаполитанского дипломата там же и завершилась. Уже в 1860 году отряды Гарибальди высадились на западе Сицилии и вскоре захватили власть над островом и бывшим королевством. После объединения Италии Лудольф, в том числе и в силу возраста, отстранился от дипломатической активности и политической жизни. Уйдя на заслуженный отдых, он проводил время в кругу семьи и скончался 21 июня 1875 года в возрасте без малого 88 лет [Gallavresi, 1905, с. 58].

4. Выводы

Исходя из приведенного анализа, имеет смысл выделить следующие этапы дипломатической службы Дж.-К. Лудольфа. Первый — 1805—1806 годы, атташе посольства Неаполитанского королевства в России. Второй — 1816—1821 годы, посланник Королевства Обеих Сицилий в Османской империи. Третий — 1824—1832 годы, посланник Королевства Обеих Сицилий в России. Четвертый — 1832—1861 годы, посланник Королевства Обеих Сицилий при Святом Престоле.

В промежутках между данными периодами, а иногда и параллельно основным должностным обязанностям он нередко выполнял особые поручения представителей династии Бурбонов — короля Неаполя Фердинанда IV (он же с 1816 года король Обеих Сицилий Фердинанд I) и его преемников на троне Франциска I, Фердинанда II и Франциска II — в качестве их специального представителя. В течение службы удостоился многочисленных наград иностранных государств. Наиболее деятельно в силу должностного положения, но также личных качеств и накопленного к тому времени опыта проявил себя на последнем этапе дипломатической карьеры на посту посланника в Ватикане.

Характерно, что, начав свой трудовой путь в Санкт-Петербурге, Лудольф там же и завершил его. Более того, в промежутке между первым и вторым этапом службы успел принять участие в военной кампании против

наполеоновских войск на стороне России и был ранен. Проявляя гибкость и лояльность, полезные в дипломатическом ремесле, в то же время последовательно симпатизировал консерваторам, легитимистам и отличался умеренно русофильскими взглядами. В ходе пребывания в Санкт-Петербурге познакомился с русской культурой и поддерживал контакты с ее выдающимися представителями, в том числе с А. С. Пушкиным. С учетом этих факторов думается, что многолетний опыт работы в столице Российской Империи оказал значимое влияние на становление Лудольфа как высококлассного профессионального дипломата.

Таким образом, путем введения в оборот новых материалов, в том числе архивных документов, ранее не фигурировавших в отечественном научном дискурсе, нами была проведена периодизация и общее описание дипломатической службы Дж.-К. де Лудольфа. Полагаем, что дальнейшее и более детальное исследование работы дипломата на выделенных этапах может внести дополнительный вклад в понимание его роли в европейской внешней политике первой половины и начала второй половины XIX столетия.

Источники и принятые сокращения

1. *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина* : в 4 томах. Т. III. (1829—1832) / научный редактор Я. Л. Левкович. — Москва : Слово, 1999. — 624 с.
2. *Рукою Пушкина* : несобранные и неопубликованные тексты / подготовлено к печати: М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. — Москва ; Ленинград : Academia, 1935. — 926 с.
3. ЦГИА СПб — *Центральный* государственный исторический архив Санкт-Петербурга.
4. *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение / Л. А. Черейский. — Ленинград : Наука, 1988. — 544 с.
5. ASN — *Archivio di Stato Napoli*. Archivio Borbone. N. 818, 1052, 1140, 1392, 1468, 1469.
6. *Gallavresi G.* Le comte Joseph-Constantin Ludolf: un ambassadeur italien sous l'ancien régime / G. Gallavresi. — Paris : Société d'histoire diplomatique, 1905. — 60 p.
7. *Ludolf E.* Aperçu sur la vie du comte Joseph-Constantin Ludolf : hommage à sa mémoire par sa fille Éléonore / E. Ludolf. — Verona : tip. J. Civelli, 1877. — 155 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Высочков Л. В.* Будни и праздники Императорского двора / Л. В. Высочков. — Санкт-Петербург : Питер, 2012. — 496 с.
2. *Зонова Т. В.* Дипломатия : модели, формы, методы / Т. В. Зонова. — Москва : Аспект Пресс, 2018. — 348 с.
3. *Зонова Т. В.* Графы Лудольф : свидетели и творцы истории / Т. В. Зонова, Д. Д. Шебалин // *Обозреватель-Observer*. — 2014. — № 5 (292). — С. 125—127.

4. Кудрявцева Е. П. Дипломатия и дипломаты эпохи Николая I / Е. П. Кудрявцева // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2018. — Т. 20. — № 3—2. — С. 275—283.
5. Скаммакка дель Мурго Е. Графы Лудольф / Е. Скаммакка дель Мурго. — Москва : ИП Астапов, 2013. — 400 с.
6. Татищев С. С. Император Николай и иностранные дворы / С. С. Татищев. — Санкт-Петербург : типография И. Н. Скороходова, 1889. — 459 с.
7. Cataluccio F. La crisi diplomatica del Regno delle Due Sicilie dopo la guerra in Crimea / F. Cataluccio // Archivio Storico Italiano. — 1951. — № 397 (109). — P. 162—192.

MATERIAL RESOURCES

- ASN — *Archivio di Stato Napoli*. Archivio Borbone. N. 818, 1052, 1140, 1392, 1468, 1469. (In Italian).
- Chereisky, L. A. (1988). *Pushkin and his entourage*. Leningrad: Nauka. 544 p. (In Russ.).
- Gallavresi, G. (1905). Le comte Joseph-Constantin Ludolf: un ambassadeur italien sous l'ancien régime. Paris: Société d'histoire diplomatique. 60 p. (In French).
- Ludolf, E. 1877). Aperçu sur la vie du comte Joseph-Constantin Ludolf: hommage à sa mémoire par sa fille Éléonore. Verona: tip. J. Civelli. 155 p. (In French).
- Tarkhova, N. A., Levkovich Ya. L. (1999). *Chronicle of the life and work of Pushkin A. S. (1829—1832)*. Moscow: Slovo. 4/3. 624 p. (In Russ.).
- TsGIA SPb — *Central State Historical Archives of St. Petersburg*. (In Russ.).
- Tsyavlovsky, M. A., Modzalevsky, L. B., Zenger, T. G. (1935). *By the hand of Pushkin: Uncollected and unpublished texts*. Moscow; Leningrad: Academia. 926 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Cataluccio, F. (1951). La crisi diplomatica del Regno delle Due Sicilie dopo la guerra in Crimea. *Archivio Storico Italiano*, 397 (109): 162—192. (In Italian).
- Kudryavtseva, E. P. (2018). Diplomacy and diplomats of the era of Nicholas I. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 20 (3-2): 275—283. (In Russ.).
- Skammacca del Murgo, E. (2013). *Counts of Ludolph*. Moscow: IP Astapov. 400 p. (In Russ.).
- Tatishchev, S. S. (1889). *Emperor Nicholas and Foreign Courts*. St. Petersburg: I. N. Skorokhodov's printing house. 459 p. (In Russ.).
- Vyskochkov, L. V. (2012). *Everyday life and holidays of the Imperial Court*. St. Petersburg: Peter. 496 p. (In Russ.).
- Zonova, T. V. (2018). *Diplomacy: models, forms, methods*. Moscow: Aspect Press. 348 p. (In Russ.).
- Zonova, T. V., Shebalin, D. D. (2014). The Counts of Ludolph: Witnesses and Makers of History. *Observer*, 5 (292): 125—127. (In Russ.).

Соболева А. Н. Изба-читальня как сельский культурный центр в Бурят-Монгольской АССР в 1920—1930-е годы / А. Н. Соболева // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 436—447. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-436-447.

Soboleva, A. N. (2021). Izba-Reading Room as a Rural Cultural Center in Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic in 1920-1930s. *Nauchnyi dialog*, 6: 436-447. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-436-447. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-436-447

Изба-читальня как сельский культурный центр в Бурят-Монгольской АССР в 1920—1930-е годы

Соболева Анастасия Николаевна

orcid.org/0000-0002-9861-1162

кандидат исторических наук,
научный сотрудник отдела
истории, этнологии и социологии
soboleva03_88@mail.ru

Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии Сибирского отделения
Российской академии наук
(Улан-Удэ, Россия)

Благодарности:

Статья подготовлена
в рамках государственного задания
(проект «Россия и Внутренняя Азия:
динамика геополитического,
социально-экономического и
межкультурного взаимодействия
(XVII–XXI вв.)», № 121031000243-5)

Izba-Reading Room as a Rural Cultural Center in Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic in 1920-1930s

Anastasia N. Soboleva

orcid.org/0000-0002-9861-1162

PhD in History, Researcher
Department of History,
Ethnology and Sociology
soboleva03_88@mail.ru

The Institute for Mongolian, Buddhist and
Tibetan Studies of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Ulan-Ude, Russia)

Acknowledgments:

The article was prepared within
the framework of the state assignment
(the project “Russia and Inner Asia:
dynamics of geopolitical, socio-economic
and intercultural interaction
(XVII–XXI centuries)”,
№ 121031000243-5)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются особенности возникновения и функционирования изб-читален в Бурят-Монгольской АССР в 1920—1930-е годы. Проанализированы мероприятия советской власти, местных ячеек коммунистической партии и актива комсомола, направленные на укрепление изб-читален на территории республики. Подробно исследуются основные проблемы организации и деятельности изб-читален, уделяется внимание разнообразным методам работы для привлечения населения к новым формам советской культуры. Актуальность исследования обусловлена тем, что изучение роли и места избы-читальни в региональном культурном пространстве позволит внести вклад в создание масштабной объективной картины культурной революции, состоявшейся в СССР в 1920—1930-е годов. Научная новизна заключается в том, что в оборот вводится ряд неопубликованных ранее источников, собранных непосредственно для данного исследования. Это позволило выделить некоторые детали, которые ранее не смогли найти отражение в других работах. В результате исследования определено, что изба-читальня, несмотря на возникавшие трудности (слабая материальная база, дефицит подготовленных кадров, низкая квалификация работников, культурно-языковые отличия, настороженное отношение местного населения к мероприятиям советской власти) постепенно сумела завоевать симпатии взрослого населения и стать опорным пунктом культурно-просветительной работы на селе.

Ключевые слова:

Бурят-Монгольская АССР; изба-читальня; культурная политика; досуговое учреждение; агитационно-массовая работа.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The features of the emergence and functioning of reading rooms in the Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic in the 1920s-1930s are considered. The author analyzes the measures taken by the Soviet government, local cells of the Communist Party and Komsomol activists aimed at strengthening izba-reading rooms on the territory of the republic. The main problems of the organization and activities of izba-reading rooms are investigated in detail, attention is paid to various methods of work to attract the population to new forms of Soviet culture. The relevance of the study is due to the fact that the study of the role and place of the izba-reading room in the regional cultural space will make an important contribution to the creation of a large-scale objective picture of the cultural revolution that took place in the USSR in the 1920s-1930s. The scientific novelty lies in the fact that a number of previously unpublished sources are put into circulation, collected directly for this study. This made it possible to highlight some details that previously could not be reflected in other works. As a result of the study, it was determined that the izba-reading room, despite the difficulties that arose (weak resource base, a shortage of trained personnel, low qualifications of workers, cultural and linguistic differences, a wary attitude of the local population towards the events of the Soviet government) gradually managed to win the sympathy of the adult population and become a reference point of cultural and educational work in the village.

Key words:

Buryat-Mongolian ASSR; izba-reading room; cultural policy; leisure institution; mass propaganda work.

Изда-читальня как сельский культурный центр в Бурят-Монгольской АССР в 1920—1930-е годы

© Соболева А. Н., 2021

1. Введение

С приходом большевиков к власти произошла смена приоритетов в культурном развитии страны. Центральное место в конструируемой духовности занимала «пролетарская социалистическая культура», важным объектом которой являлся «новый человек», преданный коммунистическим идеям и своему государству. Локомотивами в этом деле стали образовательный процесс и библиотечная работа. 26 декабря 1919 года Совет Народных Комиссаров РСФСР утвердил нормативно-правовой акт «О ликвидации безграмотности среди населения», а 3 ноября 1920 года — «О централизации библиотечного дела».

Главным культурным учреждением села ввиду отсутствия библиотек стала изда-читальня, которая должна была не только заниматься выдачей книг, но и участвовать в организации широкой пропаганды коммунистических идей.

В статье рассматривается, как эта задача реализовывалась в Бурят-Монгольской АССР — одном из национальных регионов, где, помимо всесоюзных тенденций, имелись свои особенности: низкий уровень образования, территориальная разбросанность, культурно-языковые различия, нехватка подготовленных кадров и пр. В советской историографии основное внимание исследователей было сосредоточено на успехах мероприятий партийных органов по повышению культурно-образовательного уровня трудящихся [Ремизова, 1962; Фрид, 1941]. Сегодня эти процессы требуют современного осмысления без идеологических рамок и на основе новых источников, а изучение региональных особенностей [Болотина, Кондратьева, 2014; Бондоренко, 2017; Бородулина, 2019; Головина, 2015; Мороз, 2020; Николашин и др., 2014; Номогоева, 2015; Спешилова, 2018; Хисамутдинова и др., 2018; Шаламов, 2009] позволит внести вклад в создание масштабной объективной картины культурной революции, происходившей в СССР в 1920—1930-е годы.

Источниковой базой исследования послужили документы из фондов Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Республики Бурятия, впервые введенные в научный оборот, и другие материалы, содержащие ценные фрагменты воспоминаний участников

описываемых событий, что позволяет наиболее полно раскрыть проблемы, описать трудности, возникавшие в данной сфере в указанный период.

2. Организация изб-читален: основные трудности и пути решения

На начало 1920-х годов Бурят-Монгольская АССР представляла собой регион взаимодействия различных конфессиональных и этнических групп (русских, бурят, старообрядцев), которые проживали в непосредственной близости друг от друга, но при этом сохраняли свой традиционный уклад жизни. Многие из них не воспринимали установления советской власти и были оппозиционно настроены к любым ее мероприятиям, в том числе и к открытию изб-читален.

Показательным примером является упоминание в газете «Бурят-Монгольская правда» о событиях в Окино-Ключевской волости, где была организована одна из первых изб-читален. На воротах ограды у селькома заблаговременно было вывешено объявление о том, что скоро в селе состоится открытие избы-читальни, куда приглашаются все желающие. Вскоре после размещения объявление заплели так, что ничего невозможно было прочесть, а потом и вовсе его сорвали. На открытие пришла только местная молодежь, и то под улюлюканье взрослых и стариков [Отношение населения ..., 1924, с. 4]. В улусе Батхан Дырейстуйского сомона присланный для организации избы-читальни культармеец был выгнан из улуса [ГАРБ, ф.п-1, оп. 1, д. 88, л. 44].

Подобные события не были единичными, в условиях советизации они носили массовый характер. Имели место и открытые конфликты между приезжими комсомольцами и местной молодежью. На первых порах организаторы изб-читален прибегали к острой критике «отсталости» и «темноты», чем вызывали враждебное отношение населения. Местная молодежь срывала плакаты и украшения со стен изб-читален, а во время постановки спектаклей била стекла. Иногда камни летели и в приезжих избачей [Окино-Ключевская ..., 1926, с. 6].

Для урегулирования конфликтов и смягчения недовольства крестьян нужно было провести большую разъяснительную работу, которая началась с культурного шефства города над селом. Культбригады выезжали в сельскую местность, где устраивали различные просветительские мероприятия, проводили митинги и собрания, участвовали в организации изб-читален, распространяли газеты и книги, беседовали с крестьянами.

Повышению лояльного отношения местного населения к мероприятиям советской власти способствовало и то, что активная часть молодежи направлялась на обучение в г. Верхнеудинск, вступала в комсомольские ячейки, а затем возвращалась в свои села для работы в учреждениях куль-

туры. Так, в с. Тарбагатай старообрядческое население начало осознать пользу избы-читальни только после того, как она «нащупала актив среди местного комсомола» [Старообрядческое население ..., 1926, с. 3]. Позже в одном из партийных отчетов упоминалось, что такие действия привели к культурной смычке города с селом [ГАРФ, ф. п-81, оп. 1, д. 701, л. 289].

В 1923—1924 годах на территории Бурят-Монгольской АССР была создана целая сеть изб-читален, состоящая из 99 внебюджетных учреждений, к началу 1925 году добавилось еще 56 бюджетных учреждений [ГАРБ, ф. р-248, оп. 1, д. 1, лл. 38—40].

Избы-читальни республики не имели достаточных средств по бюджету и обладали слабой материально-технической базой. У большинства из них не было собственных помещений, поэтому они располагались в крестьянских избах, школах и иных хозяйственных зданиях. Например, в с. Куйтун изба-читальня занимала небольшую комнату без печи в одном из старых крестьянских домов. А в Адон-Челонском хошуне под избы-читальню отводилась комната в местной школе, она имела 5—6 кроватей, на которых после занятий отдыхали приезжие учителя [Изба-спальня ..., 1926, с. 8]. Примерно в таком же положении находились избы-читальни и в других селах. Не часто можно было встретить уютную, теплую и оборудованную избы-читальню, располагающую к занятиям. В основном в них было тесно, холодно, а вечерами темно [ГАРФ, ф. а-1565, оп. 2, д. 321, л. 14]. К тому же не хватало мебели, книг, канцелярских принадлежностей.

Для сбора средств на необходимые нужды во многих избах-читальнях стали проводиться платные спектакли и устраиваться танцевальные вечера, далеко не всегда получавшие одобрение местного населения. Многие говорили: «Не видим смысла посещать избы-читальню. Нам нет дела до спектаклей и танцулек. Была бы польза, покажите нам ее на деле» [Изба-читальня ..., 1924, с. 3].

Острой проблемой, кроме слабой материально-технической базы, являлся дефицит подготовленных, образованных кадров. Заведующими избами-читальнями были в основном комсомольцы-активисты и демобилизованные красноармейцы, не имеющие должной квалификации и обладающие слабой теоретической подготовкой. В 1926—1927 годах в Бурятии учтено 107 избачей [ГАРБ, ф. р-60, оп. 3, д. 23, л. 6]. Понимая, что надо устраивать громкие читки и вести беседы, они не знали, как это осуществить на практике. «Избачи ждут, что к ним сразу придет много народу, и считают, что работать с двумя нет никакого смысла» [Там же, л. 7], а вот «как завлечь основную массу крестьян в избы-читальню, они пока этого не понимают» [Изба-читальня ..., 1924, с. 3]. Заведующий избой-читальней в Мухоршибирском районе отмечал: «Быть избачом очень тяжело, потому

что не хватает нужных знаний. Мы должны вести большую разностороннюю культпросветработу: разъяснять крестьянам непонятные вопросы, проводить интересные мероприятия, приглашать агрономов и т. д. А для этого самому нужно быть образованным» [Что нам пишут ..., 1929, с. 92].

Мало было избачей со знанием бурятского языка. К 1926 году ситуация изменилась, чему способствовал целенаправленный прием на работу в госучреждения представителей коренной национальности в процессе политики «коренизации». Немалую роль в этом направлении сыграла первая бурятская советско-партийная школа, открывшаяся в 1924 году в г. Верхнеудинске. К 1928 году в республике работу вело уже четыре подобных школы со 170 учащимися, половину из которых составляла бурятская молодежь.

7 февраля 1930 года Совет Народных Комиссаров издал постановление «Об избах-читальнях», где говорилось о наделении избачей правами и льготами, предоставленными учителям сельских школ первой ступени. Отныне по закону им полагались: ставка наравне с учителем, надбавка за выслугу лет, дом или служебное помещение, снабжение товарами первой необходимости, выделение гужевого транспорта при поездках между селами. Такое материальное поощрение вызвало положительный эффект и привело к снижению имеющейся остроты с кадрами.

3. Основные направления работы изб-читален

Избы-читальни при нормальном функционировании совмещали несколько видов направлений в своей деятельности: выдача справок, консультирование, проведение бесед, участие в агитационных кампаниях, постановка художественной самодеятельности и т. д. Главным из них было чтение газет «Труд», «Скотовод и пахарь», «Беднота», «Крестьянская газета», «Крестьянка», «Бурят-Монгольская правда», «Буркомсомолец». Для малограмотных и неграмотных устраивались громкие читки.

Новая жизнь ставила много вопросов перед крестьянами, найти ответы на которые помогали справочные столы, отвечавшие на общеобразовательные, юридические и экономические вопросы. Избач из с. Залари делился воспоминаниями: «Крестьяне не сразу осознали пользу избы-читальни, называя ее сборищем шумной молодежи, тогда я вывесил объявление, что здесь бесплатно выдают всякого рода справки, а по воскресеньям будут устраиваться беседы с приглашенными агрономами. После этого ко мне стало приходить взрослое население, радовавшееся, что теперь не надо будет прибегать к помощи «аблакатов» [Как я устроил ..., 1926, с. 6].

Справочный стол приобрел особенно большое значение с началом призыва бурят на военную службу. По всем вопросам, касающимся при-

зыва (о льготах, порядке призыва и т. д.), призывники или их родители обращались к избачу и получали ответ. По такому же принципу были открыты и столы жалоб, где крестьянин мог подать жалобу на неправильные действия того или иного лица. В изданных в 1925 году методических материалах указывалось, что необходимо давать ответы на все запросы, поступающие от крестьян, повышая тем самым спрос на избы-читальни [ГАРФ, ф. а-1565, оп. 1, д. 106, л. 17].

Значительное внимание в своей работе избы-читальни уделяли распространению сельскохозяйственных знаний. Восстановление крестьянских хозяйств и преодоление разрухи после Гражданской войны требовали внедрения передового опыта и более совершенных агротехнических новшеств в жизнь сел и улусов. Знакомство крестьян с ними осуществлялось различными мероприятиями. Устраивались доклады на темы «Советское хозяйство», «О работе тракторов», «Лошадь требует ухода», «Как правильно чистить хлева» и пр. При Курумканской избе-читальне открылись месячные агрономические курсы с практической работой по скотоводству, а при Мухоршибирской избачом был засеян культурными травами и корнеплодами опытно-показательный участок для того, чтобы заинтересованные крестьяне могли в дальнейшем применять их в своих посевах.

Для максимального привлечения внимания сельского населения к работе избы-читальни популяризировались новые сельскохозяйственные праздники, например, праздник урожая. В Аларской избе-читальне в честь праздника урожая избачом совместно с приглашенным агрономом была подготовлена сельскохозяйственная выставка, одна половина которой была посвящена выращенному урожаю (его принесли местные крестьяне), а другая — подобранной литературе по сельскому хозяйству. После просмотра выставки участвующим крестьянам раздали небольшие премии за сельскохозяйственные достижения [Выставка к празднику ..., 1926, с. 3].

Наглядной формой сельскохозяйственной агитации были импровизированные судебные заседания, где в роли обвиняемых оказывались крестьяне, противящиеся нововведениям и отказывавшиеся повышать свою трудовую культуру. Например, в с. Новая Брянь в роли такого крестьянина выступил комсомолец, который отрицал пользу различных машин в хозяйстве — сепараторов, культиваторов, сеялок, — считая их «бесовскими хитростями». А после увидел, что у соседа дела идут лучше с использованием этих машин [Не отрицай пользу ..., 1927, с. 4].

Значительное внимание избы-читальни уделяли работе среди женщин, находя деликатные предлоги для их привлечения, потому что реализация советской гендерной политики осуществлялась в обстановке острого социального конфликта. Так, во многих учреждениях устраивались «Дни

крестьянки», открывались домоводческие кружки, где женщины знакомились с обработкой молочной продукции, выпечкой хлеба и т. д.

В 1927 году Народный комиссариат просвещения республики обследовал восемь изб-читален Верхнеудинского и Боханского аймаков и отметил, что «хорошо ведется работа с женским населением в Осинской изб-читальне, потому что заведующий использует такую форму работы, как посиделки, предоставляя девушкам часть избы-читальни для совместного выполнения работы по плетению, вязанию и вышиванию» [ГАРБ, ф. р-60, оп. 3, д. 22, л. 20].

Открывались специальные кружки по охране материнства и младенчества, где большое внимание уделялось беседам о профилактике опасных заболеваний. В Бурят-Монгольской АССР нехватка медицинских учреждений и медработников активизировала увеличение таких лечебных практик, как шаманское и знахарство лечение. «Мы совместно с фельдшерами начали проводить беседы с женщинами о необходимости осмотра грудного ребенка, но они все равно боялись приносить детей на консультацию», — вспоминала комсомолка М. Соснина. «Тогда мы стали привлекать матерей подарками. Например, из куса цветного ситца мы сшили распашонки. Первым посетителем, получившим подарок, был ребенок с пупочной грыжей. Убедившись, что после консультации ребенок жив и здоров, местные женщины начали приносить своих детей» [Соболева и др., 2018, с. 269].

Начало сплошной коллективизации сельского хозяйства поставило новые задачи культурно-просветительной работы. Так, для популяризации грамотности и усиления мотивации вступления в колхозы совершались культпоходы. Избачи больше не сидели на месте и не ждали прихода крестьян, они сами приглашали людей в избы-читальни. Для этого ходили по дворам, посещали животноводческие фермы и полеводческие станы. Благодаря таким действиям избы-читальни постепенно превращались в сельские клубы, где можно не только было почитать газету, но и послушать беседу, получить справку, написать письмо, заняться художественной самодельностью [ГАРФ, ф. а-1565, оп. 7, д. 33, л. 24].

К концу 1930-х годов избы-читальни приступили к реализации нового направления работы — военно-оборонного, призванного ознакомить население с международной обстановкой и популяризировать военнотехнические знания. Корреспондент газеты «Бурят-Монгольская правда» О. Луговая писала: «Зайдешь в избы-читальню и тут же подумаешь — не во фронтовой ли обстановке ты очутился? Посреди зала устроена винтовка, на стене — цель. Недалеко группа слушает объяснение. Не то избач объясняет чертежи орудия, не то план наступления» [Комсомольцы готовят-

ся ..., 1932, с. 3]. Распространенными становятся кружки Осоавиахима, Красного Креста, МОПРа и пр.

4. Заключение

Таким образом, в 1920—1930-е годы в Бурят-Монгольской АССР, как и по всей стране, формировались основы новой советской системы культурно-просветительной работы. Ее ключевым проводником на селе стала изба-читальня, главной задачей которой являлась готовность познакомить крестьян с новыми культурными практиками через разнообразные формы работы: просветительную, образовательную, пропагандистскую, коммуникативную, досуговую, благодаря которым в деревню стали проникать многие социокультурные начинания, делающие ее более открытой и цивилизованной. Но нельзя не отметить, что такое многообразие направлений в деятельности изб-читален было вызвано и тем, что с их помощью большевистское руководство стремилось построить в деревне новое общество, разделяющее коммунистические идеалы и ценности.

Первые мероприятия изб-читален отталкивали консервативное взрослое население региона, но ориентация их практической деятельности на потребности местного населения помогла завоевать авторитет и стать в дальнейшем опорным пунктом культурно-просветительной работы на селе. Одновременно с этим имелись и недостатки в их работе: слабая материально-техническая база, финансовые проблемы, дефицит подготовленных кадров, низкая квалификация работников.

Источники и принятые сокращения

1. *Выставка к празднику урожая* // Бурят-Монгольская правда : газета. — 1926. — 27 октября. — С. 3.

2. ГАРБ — Государственный архив Республики Бурятия. Ф.П—1. Бурятский республиканский комитет Коммунистической партии РСФСР (октябрь 1921 г. — август 1991 г.). Оп. 1. Д. 88. Л. 44; Ф.Р—60. Министерство образования и науки Республики Бурятия (1922—2001). Оп. 3. Д. 22. Л. 20. Д. 23. Л. 6—7; Ф.Р—248. Совнарком Бурят-Монгольской АССР. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 38—40.

3. ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. П—81. Высшие органы государственной власти РСФСР. Оп. 1. Д. 701. Л. 289; Ф. А—1565. Главное управление профессионального образования Наркомата просвещения РСФСР. Оп. 1. Д. 106. Л. 17. Оп. 2. Д. 321. Л. 14, Оп. 7. Д. 33. Л. 24.

4. *Изба-спальня* // Бурят-Монгольская правда : газета. — 1926. — 25 сентября. — С. 8.

5. *Изба-читальня* // Бурят-Монгольская правда : газета. — 1924. — 16 февраля. — С. 3.

6. *Как я устроил избу-читальню в с. Залари* // Бурят-монгольская правда : газета. — 1926. — 24 января. — С. 6.

7. *Комсомольцы* готовятся дать отпор Чемберлену // Бурят-Монгольская правда : газета. — 1932. — 18 марта. — С. 3.
8. *Не отрицай* пользу сельхозтехники в хозяйстве // Бурят-Монгольская правда : газета. — 1927 г. — 10 октября. — С. 4.
9. *Окино-Ключевская* волостная изба-читальня // Бурят-Монгольская правда : газета. — 1926 г. — 28 марта. — С. 8.
10. *Отношение* населения к избе-читальне // Бурят-Монгольская правда : газета. — 1924. — 18 мая. — С. 4.
11. *Старобрядческое* население осознало пользу избы-читальни // Бурят-Монгольская правда : газета. — 1926. — 18 февраля. — С. 3.
12. *Что нам* пишут корреспонденты с мест // Просвещение Бурятии : журнал. — 1929. — № 1 (3). — С. 92.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Болотина Г. К.* Избы-читальни — культурные и политические центры села (региональный аспект) / Г. К. Болотина, Т. Н. Кондратьева // Документ в контексте универсальных практик : сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции, посвященной истории отечественного образования. — Санкт-Петербург : Печатник, 2014. — С. 204—208.
2. *Бондаренко С. И.* Отношение крестьян к избам-читальням в 1920-е годов (по материалам Западной Сибири) / С. И. Бондаренко // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). — 2017. — № 2 (12). — С. 197—199.
3. *Бородулина С. Ф.* Изба-читальня как опорный пункт культурно-просветительской работы в Удмуртии в 1920-е годов / С. Ф. Бородулина // Актуальные тенденции социальных коммуникаций : история и современность : сборник научных статей. — Ижевск : Удмуртский университет, 2019. — С. 322—325.
4. *Головина Э. Т.* Особенности функционирования изб-читален на Ставрополье в 1920—1930-е годов / Э. Т. Головина // Гуманитарные и юридические исследования. — 2015. — № 4. — С. 31—36.
5. *Мороз А. И.* Избы-читальни Восточного Забайкалья в 1920-е годов / А. И. Мороз // Журнал исследований социальной политики. — 2020. — Т. 18. — № 1. — С. 21—36. — DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-1-21-36.
6. *Николашин В. П.* Избы-читальни российской провинции 1920-х годов как трансляторы советских ценностей / В. П. Николашин, В. В. Кулачков // Былые годы. — 2014. — № 34 (4). — 651—654.
7. *Номогова В. В.* Изба-читальня в первые годы советской власти (на примере Бурятии) / В. В. Номогова // Вестник Бурятского государственного университета. — 2015. — № 7. — С. 76—81.
8. *Ремизова Т. А.* Культурно-просветительная работа в РСФСР (1921—1925 годов) / Т. А. Ремизова. — Москва : Академия наук СССР, 1962. — 256 с.
9. *Соболева А. Н.* «Раскрепощение националки»: работа с женским населением Бурят-Монголии в 1920-е годы / А. Н. Соболева, С. В. Хомяков // Манускрипт. — 2018. — № 12. — Ч. 2. — С. 268—271.
10. *Спешилова Е. В.* Деятельность сельских культурно-просветительных учреждений Приморья в 1923—1925 годов / Е. В. Спешилова // Гуманитарные исследования

в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. — 2018. — № 1. — С. 73—77. — DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-1/73-77

11. Фрид Л. С. Очерки по истории развития политико-просветительной работы в РСФСР (1917— 1929 годов) / Л. С. Фрид. — Ленинград : Наука, 1941. — 184 с.

12. Хисамутдинова Р. Р. Избы-читальни как центр просвещения сельского населения Южноуральских областей в 1930-е годы / Р. Р. Хисамутдинова, Д. К. Кукаева // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. — 2018. — № 1 (25). — С. 189 —202. — DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2018.25.18>

13. Шаламов В. А. Изба-читальня как форма повседневного досуга сельских жителей Ангаро-Енисейского региона в 20—30 годов XX в. / В. А. Шаламов // Интеллектуальные и материальные ресурсы Сибири : материалы региональной научно-практической конференции. — Иркутск: БГУЭП, 2009. — С. 38 — 44. — ISBN 978-5-7253-1942-2

MATERIAL RESOURCES

Exhibition for the harvest festival. In: *Buryat-Mongolian truth: newspaper*. — 1926. — October 27. — 3 p. (In Russ.).

GARB — *The State Archives of the Republic of Buryatia*. F. P.1. Buryat Republican Committee of the Communist Party of the Russian Federation (October 1921—August 1991). (In Russ.).

GARF — *The State Archives of the Russian Federation*. F. P-81. The highest authorities of the RSFSR. The General Directorate of Vocational Education of the RSFSR Education Narcotics Department. (In Russ.).

The hut-bedroom. In: *Buryat-Mongolian truth : newspaper*. — 1926. — September 25. — 8 p. (In Russ.).

Hut-reading room. In: *Buryat-Mongolian truth : newspaper*. — 1924. — February 16. — 3 p. (In Russ.).

As I have arranged a reading in c. Zalari. In: *Buryat-Mongolian truth: newspaper*. — 1926. — 24 January. — 6 p. (In Russ.).

Komsomolci prepare to fight back Chamberlain. In: *Buryat-Mongolian truth: newspaper*. — 1932. — 18 March. — 3 p. (In Russ.).

Do not deny the benefit of agricultural machinery in the economy. In: *Buryat-Mongolian truth : newspaper*. — 1927. — October 10. — 4 p. (In Russ.).

Okino-Klyuchevsky parish hut-reading room. In: *Buryat-Mongolian truth: newspaper*. — 1926. — March 28. — 8 p. (In Russ.).

The attitude of the population to the hut. In: *Buryat-Mongolian truth: newspaper*. — 1924. — May 18. — 4 p. (In Russ.).

The Old Believers realized the benefit of the hut-reader. In: *Buryat-Mongolian truth: newspaper*. — 1926. — February 18. — 3 p. (In Russ.).

What correspondents from the field write to us. *Buryatia Enlightenment: magazine*. — 1929. — № 1 (3). — 92 p. (In Russ.).

REFERENCES

Bolotina, G. K. (2014). Izba-reading — cultural and political centers of the village (regional aspect). In: Kondratieva T. N. (ed.) *Document in the context of universal practices*. St. Petersburg: Printer. 204—208. (In Russ.).

- Bondarenko, S. I. (2017). the attitude of the peasants to the reading rooms huts in the 1920s (on the materials of Western Siberia). *Scholars notes (Altai State Academy of Culture and Arts)*, 2 (12): 197—199. (In Russ.).
- Borodulina, S. F. (2019). Izba Reading as a stronghold of cultural and educational work in Udmurtia in the 1920s. In: *Current trends of social communications: history and modernity : a collection of scientific articles*. Izhevsk: Udmurtia University. 322—325. (In Russ.).
- Fried, L. S. (1941). *Essays on the history of the development of political and educational work in the RSFSR (1917-1929)*. Leningrad: Nauka. 184 p. (In Russ.).
- Golovin, E. T. (2015). Features the functioning of the hut-readen in Stavropol in the 1920s—1930s. *Humanitarian and legal research*, 4: 31—36. (In Russ.).
- Hisamutsdinova, R. R., Kukaev, D. K. (2018). House-Reading as a center of education of rural population of the Southern Urals regions in the 1930s. In: *Herald of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 1 (25): 189—202. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2018.25.18>. (In Russ.).
- Moroz, A. I. (2020) Izba-reading-reader of the Eastern Baikal in the 1920s. *Journal of Social Policy Research*, 18 (1): 21—36. DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-1-21-36. (In Russ.).
- Nikolashin, V. P., Kulachkov, V.V. (2014). Izba-reading of the Russian province of the 1920s as translators of Soviet values. *Bylye gody*, 34 (4): 651— 654. (In Russ.).
- Nomogueva, V. V. (2015). Izuba-reading in the first years of Soviet power (case of Buryatia). *Gazette of Buryat State University*, 7: 76—81. (In Russ.).
- Remisova, T. A. (1962). *Cultural and educational work in the RSFSR (1921—1925)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR. 256 p. (In Russ.).
- Shalamov, V. A. (2009) Elected as a form of daily leisure activities of rural residents of the Angaro-Yenisey region in 1920—30s. In: *Intellectual and Material Resources of Siberia*. Irkutsk: BGUEP. 38—44. ISBN 978-5-7253-1942-2. (In Russ.).
- Soboleva, A. N., Khomyakov, S. V. (2018). “Emancipation of the National”: work with the female population of Buryat-Mongolia in the 1920s. *Manuscripts*, 12: 268—271. (In Russ.).
- Speshilova, E. V. (2018). Activity of rural cultural and educational institutions of Sea Shore in 1923—1925. *Humanitarian research in Eastern Siberia and the Far East*, 1: 73—77. DOI: [dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-1/73-77](https://doi.org/10.24866/1997-2857/2018-1/73-77). (In Russ.).

Суслова Л. Н. Повседневная жизнь населения Сибирской губернии в контексте реформ Петра I в первой четверти XVIII века / Л. Н. Суслова, И. В. Яркова, Р. Г. Буканова // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 448—466. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-448-466.

Suslova, L. N., Yarkova, I. V., Bukanova, R. G. (2021). Everyday Life of Population of Siberian Province in Context of Peter's I Reforms in First Quarter of 18th Century. *Nauchnyi dialog*, 6: 448-466. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-448-466. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-448-466

Повседневная жизнь населения Сибирской губернии в контексте реформ Петра I в первой четверти XVIII века

Суслова Людмила Николаевна¹

orcid.org/0000-0002-2426-2967

кандидат исторических наук, доцент
lmsuslova@yandex.ru

Яркова Ирина Васильевна¹

orcid.org/0000-0002-6574-3695

кандидат исторических наук, доцент
irina_19714@mail.ru

Буканова Роза Гафаровна²

orcid.org/0000-0002-3147-3666

доктор исторических наук, профессор
brg777.50@mail.ru

¹ Тюменский государственный университет
(Тюмень, Россия)

² Уфимский юридический институт МВД России (Уфа, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Тюменской области в рамках научного проекта № 20-49-720013\20

Everyday Life of Population of Siberian Province in Context of Peter's I Reforms in First Quarter of 18th Century

Ludmila N. Suslova¹

orcid.org/0000-0002-2426-2967

PhD in History, Associate Professor
lmsuslova@yandex.ru

Irina V. Yarkova¹

orcid.org/0000-0002-6574-3695

PhD in History, Associate Professor
irina_19714@mail.ru

Roza G. Bukanova²

orcid.org/0000-0002-3147-3666

Doctor of History, Professor
brg777.50@mail.ru

¹ University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

² Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
(Ufa, Russia)

Acknowledgments:

The research was funded by RFBR and Tyumen Region, project number 20-49-720013\20

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению эволюции культуры повседневности населения Сибирской губернии в первой четверти XVIII века, характеристике развития традиционных форм материальной культуры сибиряков и новых черт повседневной жизни, возникших под влиянием реализации петровских реформ на территории Западной Сибири. Изучается материальная культура, досуг и быт населения Сибирской губернии в первой четверти XVIII века. Охарактеризованы традиции строительства жилых домов, изготовления одежды, уровень медицинского обслуживания и здравоохранения, досуговые занятия населения Западной Сибири первой четверти XVIII века. Проведен анализ комплекса законодательных и делопроизводственных источников Государственного архива в г. Тобольске. Среди них важное место занимают указы, регламентирующие организацию медицинской помощи населению, документы, отражающие мероприятия местных властей в отношении занятия шведских военнопленных в Тобольске винокурением. Показано, что петровские модернизационные процессы в области культуры, нравов и быта слабо отразились на традициях строительства домов, изготовления одежды, повседневных занятий большинства крестьянского населения Сибирской губернии и местных нерусских народов. Сделан вывод о том, что основные изменения, затронувшие область повседневной культуры, связаны с реализацией военных и административных преобразований Петра I, появлением на территории губернии пленных шведов, реализацией губернской реформы, изменением системы местного администрирования, появлением медицинских профессиональных кадров и учреждений здравоохранения.

Ключевые слова:

Сибирская губерния; культура; повседневность; досуг; быт; нравы; петровские реформы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the study of the evolution of the culture of everyday life of the Siberian province population in the first quarter of the 18th century, the characteristics of the development of traditional forms of material culture of Siberians, and new features of everyday life that arose under the influence of the implementation of Peter's reforms on the territory of Western Siberia. Changes in the material culture, leisure and life of the population of the Siberian province in the first quarter of the 18th century are considered, the traditions of building houses, making clothes, the level of medical care and health care, leisure activities of the population of Western Siberia in the first quarter of the 18th century are described. The study was carried out on the basis of an analysis of the complex of legislative and office-work sources of the State Archives in Tobolsk. Among them, an important place is occupied by decrees regulating the organization of medical care for the population, documents reflecting the actions of local authorities in relation to the occupation of Swedish prisoners of war in Tobolsk by distilling. The authors of the article show that Peter's modernization processes in the field of culture, customs and everyday life had little effect on the traditions of building houses, making clothes, and everyday activities of the majority of the peasant population of the Siberian province and local non-Russian peoples. It is concluded that the main changes affecting the area of everyday culture are associated with the implementation of the military and administrative reforms of Peter I, the appearance of captured Swedes on the territory of the province, the implementation of the provincial reform, a change in the local administration system, the emergence of medical professional personnel and health care institutions.

Key words:

Siberian province; culture; everyday life; leisure; daily routine, customs, Peter's reforms.

Повседневная жизнь населения Сибирской губернии в контексте реформ Петра I в первой четверти XVIII века

© Суслова Л. Н., Яркова И. В., Буканова Р. Г., 2021

1. Введение

Предметом нашего исследования является влияние петровских реформ на культуру и быт населения Сибири в первой четверти XVIII века. В данной статье предпринята попытка систематизировать имеющийся материал по истории материальной культуры, быта и досуга населения Тобольского края в указанный период.

К изучению отдельных аспектов избранной темы обращались П. А. Словцов, Н. М. Ядринцев, П. Н. Буцинский [Словцов и др., 1995 и др.]. Вопросами реализации правительственной политики в области становления профессиональной медицины в Сибири XVIII века занимались М. О. Акишин, Э. Р. Исаков, С. Г. Аксенов, Н. Л. Хаит, Е. В. Шуляк, М. Б. Мирский, Ф. Д. Фахрутдинова [Акишин, 2004; Исаков и др., 2012; Хаит, 2016; Шуляк, 2019; Мирский, 2005; Фахрутдинова, 2011 и др.]. Изучению особенностей материальной культуры населения в процессе земледельческой колонизации Западной Сибири и межкультурной коммуникации с представителями местных народов на основе археологических и этнографических изысканий посвятили свои труды О. Н. Шелегина, В. Б. Богомолов, Л. В. Татаурова [Шелегина, 1992; Богомолов и др., 2013 и др.]. Изменения нравов и форм досуга служилого населения Сибирской губернии под влиянием проникновения элементов европейской культуры рассмотрены Д. А. Гоголевым, Г. Ф. Корзухиной, И. В. Курукиным, А. В. Харинским, Г. В. Шебалдиной, В. В. Шевцовым [Гоголев, 2006; Корзухина, 1963; Курукин и др., 2005; Харинский, 1995; Шебалдина, 2005; Шевцов, 2004 и др.].

Исследование проведено на основе опубликованных и архивных (неопубликованных) материалов. К первой группе следует отнести указы Петра I, опубликованные в Полном собрании законов Российской Империи. К числу неопубликованных документов относятся делопроизводственные материалы и административно-хозяйственная учетная документация, касающиеся деятельности пленных шведов. Процесс исследования основан на комплексном использовании сравнительно-исторического и проблемно-хронологического методов.

2. Традиции и новации материальной культуры населения Тобольской губернии первой четверти XVIII века

Основу повседневной жизни, обыденных социальных действий населения Западной Сибири составляли традиции строительства жилых и хозяйственных построек, изготовления одежды и утвари, которые были принесены за Урал первыми русскими крестьянами-переселенцами [Шелегина, 1990, с. 5]. По сравнению с европейской Россией, где леса и земли было недостаточно, в Сибири строили более крупные дома. Они отличались от юрт, полуземлянок аборигенного населения Сибири. Возводимые дома имели деревянные полы, печи и окна из слюды, с обязательной постройкой бани как характерного элемента быта русского населения в Сибири, имевшего лечебно-гигиеническое предназначение [История Сибири ..., 1968, с. 177—178]. Строительные приемы русского населения Тобольской губернии в XVIII веке были аналогичны традициям европейской части страны. Дома ставили «на стулья», стойки или камни. О. Н. Шелегина отмечает, что самым распространенным в XVIII веке строительным приемом было соединение бревен в венцы («в обло» или в «угол»). Такая технология предотвращала промерзание углов дома в условиях низких зимних температур. Применялся и традиционный способ печной кладки [Шелегина, 1990, с. 5—7]. Внутренняя структура жилого дома русских крестьян Сибири включала деление пространства на передний красный угол горницы и женский печной, а также наличие таких характерных для всей России элементов интерьера, как полати, голбец, лавки, полки, стол и т. д. [Шелегина, 1999]. Наряду с использованием общероссийских традиций обустройства жилых помещений русские крестьяне-переселенцы сохраняют и приемы, характерные для определенных территорий проживания. Исследователями обнаружены зафиксированные в описях имущества крестьян-сибиряков начала XVIII века коробья, используемые на Русском Севере для хранения имущества. Также к традициям Русского Севера тяготеет само наличие, а также использование названий таких предметов «неподвижной» мебели, как голбец, грядка, залавок [Шелегина, 1996].

Своеобразным проявлением межкультурной коммуникации и адаптации к новым жизненным условиям явились вошедшие в употребление у русских жителей в Сибири киргизские полсти (кошмы) и казахские сыр-маки (узорные коврики). В. Б. Богомолов, Л. В. Тагаурова и Е. В. Кравец, реконструировавшие на основе археологических материалов костюм русского населения Западной Сибири, пришли к выводу о том, что особенностью западносибирского крестьянского мужского и женского костюма XVIII века являлось значительное разнообразие составляющих его элементов. Наряду с распространенными армяками, кафтанами, телогреями,

шубами и пр. в Западной Сибири первой четверти XVIII века встречались и элементы костюма, вышедшие из употребления в европейской части России. К ним относились убрusy, высокие мужские шапки, зипуны с покроем «в скобку». Эти виды одежды носили сибирские старообрядцы [Богомолов и др., 2013, с. 28—35].

Исследования О. Н. Шелегиной также подтверждают наличие в гардеробе женщин Тобольской губернии начала XVIII века северорусских элементов одежды, слабо представленных в европейской России. Речь идет об изготовлении для повседневного ношения так называемых *дубасов*, холщовых сарафанов, окрашенных в «дубе» (коре ольховой и березовой); передника, «верхника». Еще одной характерной особенностью развития крестьянского костюма в Западной Сибири явилось включение в него элементов одежды и обуви, традиционных для коренных народов и необходимых в суровых климатических условиях, такие как *кисы*, *пимы* с чулками из оленьего меха, *унты* из бараньей шкуры [Шелегина, 1992, с. 53]. Аналогичные процессы взаимовлияния русского и татарского костюма на юге Тюменской области подробно исследованы в диссертации Ф. Д. Фахрутдиновой [Фахрутдинова, 2011]. Таким образом, этнографические и археологические изыскания позволяют сделать вывод о распространении среди большинства крестьянского населения Сибирской губернии первой четверти XVIII века традиционных видов одежды. Нововведения европейской моды петровской эпохи затронули незначительную часть служилого населения и представителей местной администрации Сибирской губернии.

3. Развитие медицины в Сибирской губернии первой четверти XVIII века

Из всех сфер повседневной жизни сибирского населения в первой четверти XVIII века заметнее всего влияние петровских преобразований проявилось в области здравоохранения. Как обстоятельно показал в своем труде М. Б. Мирский, начало этому процессу положили целая серия законодательных актов и инициатив Петра I [Мирский, 2005, с. 12—14, 129—130]. Историко-правовое исследование, проведенное Э. Р. Исхановым и С. Г. Аксеновым, позволяет сделать вывод о том, что государственному регулированию в первой четверти XVIII века подвергся целый комплекс направлений деятельности, относящийся к развитию системы здравоохранения [Исхаков и др., 2012, с. 4—10].

Указы Петра I регламентировали такие вопросы, как качество медицинского обслуживания, мероприятия, направленные на предотвращение инфекционных заболеваний; создание аптек и профессиональных кадров фармацевтов, развитие системы военной и гражданской медицины.

Становлению системы здравоохранения при Петре I положила начало реорганизация его управления. В 1707 году в дополнение к московскому Аптекарскому приказу была учреждена Аптекарская канцелярия в Санкт-Петербурге. В 1716 году была введена «должность архиатора — руководителя всей медицины России» [Акишин, 2004, с. 23—28]. По указу, изданному 14 августа 1721 года, управление «гошпиталями и аптеками», а также всеми медиками России было поручено вновь образованной Медицинской канцелярии [Там же].

Обозначим наиболее важные законодательные акты Петра I в этой сфере. Созданию благоприятных санитарно-гигиенических условий проживания населения посвящен указ, изданный 25 мая 1718 года на имя Санкт-Петербургского генерал-полициймейстера, ставший правовым прецедентом для всех городов империи. Указ возлагал на полицию и избираемых из числа местных жителей караульщиков, старост, десятских обязанность контроля над строительством домов «по указу», поддержанием чистоты на улицах городов, организацией торговых заведений, качеством продаваемых продуктов, «дабы отнюдь нездорового какого харчу не продавали» [ПСЗРИ, т. V, № 3203, с. 569—571].

Первоочередным направлением правительственной политики в области здравоохранения являлась поддержка военной медицины. В главах 33—34 Воинского устава 30 марта 1716 года определялись штаты медицинского персонала в воинских частях, очерчен круг их профессиональных обязанностей, устанавливалась ответственность полевых докторов и лекарей за их халатное исполнение и врачебные ошибки [ПСЗРИ, т. V, № 3006, с. 244—248].

Указы Петра I от 25 мая 1706 года, 4 ноября 1715 года, глава 34 Воинского устава 1716 года были посвящены организации медицинских учреждений, созданию в Москве военного госпиталя, госпиталей при церквях, полковых лазаретов («или шпиталей») и тем самым были нацелены на совершенствование организации больничного дела [ПСЗРИ, т. V, № 2955, с. 181; № 3006, с. 246—247]. Становлению медицины для гражданского населения в провинции способствовал указ Петра I от 16 января 1712 года, который предписывал учредить по всем губерниям госпитали «для увечных» [ПСЗРИ, т. IV, № 2467, с. 779]. Источники финансирования создаваемых медицинских учреждений определялись целым рядом указов: с 3 июня 1714 года установлено содержание лазаретов в размере отчисления половины венечных сборов [ПСЗРИ, т. V, № 2821, с. 114], с 4 ноября 1715 года на содержание лазаретов отчислялась сумма в размере ста рублей, взимаемая за поставление в дьяки [ПСЗРИ, т. V, № 2911, с. 158], с 1721 года из жалованья государственных служащих производились выче-

ты на содержание медицинских учреждений [ПСЗРИ, т. VI, № 3867, с. 466]. В следующем году был определен еще один финансовый источник: конфискованные дома и имущество старообрядцев [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И156, оп. 12, д. 1, л. 194—199].

Ряд мер был направлен на подготовку медицинских профессиональных кадров из числа соотечественников. Этому в немалой степени способствовало создание в 1710 году лекарской школы в военном госпитале в Москве. Получила развитие и медико-социальная помощь: именным указ, объявленный Петром I из Сената 4 ноября 1715 года, предусматривал строительство при церквях «гошпиталей для приема и содержанию незаконнорожденных» и подкинутых младенцев [ПСЗРИ, т. V, № 2955, с. 181; Исхаков и др., 2012, с. 4—10].

Появлению на территории края квалифицированных медиков предшествовало использование населением лечебных свойств растений, минералов и продуктов животного происхождения. Традиционным способом избавления от болезни было обращение к знахарям и шаманам [История Сибири ..., 1968, с. 178]. Более холодный, по сравнению с европейской Россией, климат Сибири способствовал распространению среди населения таких болезней, как цинга, оспа и других болезней, которые из-за отсутствия прививания и квалифицированной медицинской помощи приобретали характер эпидемий.

При Петре I развитие медицины в Сибири было неразрывной частью правительственной политики в стране. Отдаленность территории Сибири от европейской части России была фактором, замедляющим государственную инициативу. В начале XVIII века профессиональных медиков включали в состав военных экспедиций. В 1715—1718 годах хирург Томас Гарвин сопровождал официальное посольство в Пекин [Мирский, 1995, с. 41—44]. Врачей также назначали в свиту направляемых из центра в провинцию влиятельных воевод. Известно, что тобольский воевода князь М. Я. Черкасский пользовался услугами доктора Готфрида Георга Херургуса. Как сообщает М. Б. Мирский, этот, по-видимому, первый в Сибири высококвалифицированный врач провел в Тобольске 4 года, с 6 мая 1702 года до 1706 года [Мирский, 1995, с. 41—44].

В результате реформирования армии в 1720 году в Омской, Семипалатинской и Усть-Каменогорской крепостях при военных гарнизонах были открыты крупные лазареты [История Сибири ..., 1968, т. 2, с. 177]. В их штате, в условиях дефицита отечественных медицинских кадров, в качестве лекарей состояли и шведские военнопленные [Словцов и др., 1995, с. 293].

Военные медики появились и в гарнизонных полках Сибири, вакансии эти заняли пленные шведские лекари. Так, в 1717 году лекарь Вилим

Мискин получил 40 рублей «за лечение больных солдат». В том же году лекарь Индрик Блат получил 20 рублей [Акишин, 2004, с. 23—28].

Н. Л. Хаит, на основе архивных материалов изучившая организацию медицинской помощи населению Сибири в XVIII столетии, приходит к выводу, что становление материальной базы сибирской медицины — организация госпиталей, аптек, обеспечение медицинскими кадрами — проходило очень медленно и намного отставало от развития медицины в европейской России. Это обуславливалось отдаленностью края, обширностью территории, а также очень низкой обеспеченностью врачебными кадрами. Население лечилось народными средствами, использовало лечебные свойства зверобоя, сосновой хвои, черемши, березовых почек, малины, шиповника, белены и других растений [История Сибири ..., 1968, т. 2, с. 177—178]. Отсутствие благоустроенных больниц, медицинского снабжения, необходимого штата вспомогательного медицинского персонала — все это ставило в очень тяжелые условия врачей, работавших в Сибири в XVIII веке. Существенные перемены в системе здравоохранения в Сибири произошли лишь в 20—80-е годы XVIII века [Хаит, 2016, с. 144].

4. Досуг и нравы населения Тобольской губернии

Охарактеризуем виды досуга, получившие распространение в рассматриваемый период. Исследователи областнического направления XIX века А. П. Щапов, П. А. Словцов, С. С. Шашков были невысокого мнения о нравственной стороне представителей сибирского русского общества. Безнравственность, многоженство, разврат, процветавший в русском обществе Сибири XVII века, имели место и в первой четверти XVIII столетия. Историк, этнограф С. С. Шашков в исторической очерке «Рабство в Сибири» изображает рабское состояние сибирских народов XVII — первой половине XVIII веков и описывает бунты и восстания, какими они отвечали на насилие прищельцев, заключая: «Прищельцы здесь ввели рабство и угнетение», «начиная от воевод, кончая последним мужичишкою захватывали для этой цели совершенно мирных дикарей» [Шашков, 1869]. Рабы добывались путем захвата, пленения, обмана, заклада и торговли. Их вывозили за границу, привозили и в центральную Россию. В Березове семилетних мальчиков продавали по 25 копеек, девочек по 20 копеек. Правительство Петра I боролось против рабства, но безрезультатно. Торговля и мена «инородца» составляла выгодную статью для наживы русского населения Сибири. Казаки, направленные за ясаком, вместо подводчиков брали остяцких девушек и дорогой насиловали их [Словцов, 1995, с. 295].

Рассмотрим игровой досуг служилого населения. В нем, по мнению Г. Ф. Корзухина, значительное место занимали игры в карты, шашки, ко-

сти и шахматы [Корзухина, 1963, с. 95]. Формы игрового досуга служилых людей Томска проанализированы В. В. Шевцовым. Опираясь на результаты археологических исследований в историческом центре Томска, можно сделать вывод о распространении в изучаемый период игр в кости, шахматы. Археологические находки позволяют заключить, что жителям была известна игра в шашки, имевшая название *тавлеи* или *лодыги*. Чаще всего игры устраивались в кабаках. Азарт побуждал игроков к потреблению спиртных напитков, что приводило к росту кабацких и таможенных сборов [Шевцов, 2004, с. 195—199].

Европеизация, характерная для петровской эпохи, приобщение к достижениям и культуре европейской цивилизации приводили к тому, что население страны, в том числе и Сибири, приобретало и так называемые «вредные привычки»: пристрастие к курению табака, алкоголя. Большинство современных исследователей считают, что табак, впервые появившийся в Сибири в XVII веке, привозился из Китая [Харинский, 1995, с. 214].

По мнению Г. Ф. Сафронова, правительство России, опасаясь снижения сбора ясака, запрещало русским сибирякам торговать с инородцами «заповедным» товаром (в том числе табаком) и менять его на пушнину, но табачная торговля процветала [Сафронов, 1980, с. 74—76]. Как правило, табак приобретался у бухарских и русских купцов, приезжающих в сибирские города из Китая. Размах незаконной табачной торговли заставил правительство разрешить ее официально в конце XVII века. По данным В. А. Александрова, через Нерчинскую таможенную с 1690 по 1697 годы было ввезено в Сибирь 100 пудов табака, что в два раза превышало размер ввезенного чая [Александров, 1984, с. 219].

Наряду с государственной и частной продажей спиртных напитков, в городах Сибири, как и в Европейской части страны, на протяжении XVII — XVIII веков практиковалась «винная дача», когда спиртное выдавалось властями населению бесплатно. Шведские мемуаристы характеризовали пьянство русских как «дикое», а дни русских праздников как «самые тяжелые дни», в которые было опасно выходить на улицу [Шебалдина, 2005, с. 65]. Вино в качестве жалования выдавалось практически во всех городах Западной Сибири. Например, на Верхотурье за первые шесть месяцев 1704 года было выдано 22,5 ведер вина, во вторую половину года — 74,75 ведер. Вино выдавалось преимущественно служилым и ясачным людям. Из Тобольска вино везли в «непашенный» Сургут и Березов. Вино выдавалось служилым людям в дни светских праздников или церковных, к которым относились Пасха, Рождество и др. Так, в конце октября 1709 года всем жителям Тобольска было выдано винное жалование в честь дошедшего в город известия о победе над шведским королем [Раев, 2003].

Крупное винное жалование от 50 до 300 ведер выдавалось в начале XVIII века светским и церковным властям на местах: сибирскому и тобольскому митрополиту Филофею, сургутскому стольнику и воеводе В. К. Толстому, князю М. Я. Черкасскому. К другим статьям и целям винного жалования относились выдачи вина ясачным инородцам в награду за уплату ясака и посольские дела. Чиновники, принимавшие послов, были обязаны устраивать пиры с целью выведывания тайных сведений, поэтому администрация выдавала винное жалование постоянно. С 1716 года запрет на винокурение был снят при условии уплаты особого промыслового налога с мощностей аппаратов [Курукин и др., 2005, с. 83].

Откупная система в Сибири начала формироваться еще в XVII веке. Основную массу откупов в конце XVII — начале XVIII веков составляли мелкие статьи в несколько десятков рублей, которые откупали местные служилые и посадские люди. Более крупные откупа — в несколько сот рублей — брали торговые люди и купцы-гости из европейской части страны, осуществлявшие в Сибири свою торгово-промысловую деятельность. Откупа шведам давались на продажу меда и вина. Например, 1 февраля 1715 года сибирский губернатор М. П. Гагарин разрешил продажу меда и вина в Тюмени пленным шведам ротмистрам «Карлу Балку, Пелврагу, Аплигену и полковому кватермистру Ислебену, черкасенину Григорью Новицкому» при условии уплаты в сибирскую казну 500 рублей в год [Гоголев, 2006, с. 20—22]. В мае 1721 года на откуп шведским пленникам «капитану Давбы Толсин, да прапорщику Самоил Лимбер, да прапорщику Августову Бурману» выданы на откуп в течение года производство «ис своего солоду и хмелю» и продажа пива в Тюменском уезде «на Кармаках на пагосте в Успенском селе и в Переваловой деревне». Размер откупа составил 6 рублей.

Архивные документы содержат множество сведений, касающихся быта шведских военнопленных в Западной Сибири в первой половине XVIII века: «Иноземцы расселились по квартирам тобольских и тюменских всяких чинов людей». Конечно, свобода у них была относительной. Чтобы шведы не сбежали, за ними вели присмотр специально назначенные лица. Каждый пленный получал из казны по две деньги и полтора четверика ржи в месяц. Шведам разрешалось зарабатывать на жизнь. Те, кто никаким искусствам и наукам не был обучен, торговали вином и пивом, получали от этого немалую выгоду, хотя случались и казусы: «Сего 1716 года августа 8 день били челом Великому Государю шведские полоненные прапорщики Таврило Люн, Лярс Галберий, — писал подьячий. — Продают они из откупу в Тюменском уезде — на Кармацком погосте вино и пиво. В прошлом 1716 году в сентябре месяце, приехав к ним в ночи,

беглые солдаты Василий Парников, Василий Курбатов, Семен Тагилец да Карнацкого погоста житель Иван Годенов, тобольский беглой ямщик Иван Макаров. Просили у них вина и пива. Им не дали, зато их вышеозначенные беглые солдаты били, увечили смертными побоями. У избы окна и двери изрубили топорами и хотели зажечь. Взяли у них грабежом денег два рубля двадцать четыре алтына да вина по цене рубль на шесть алтын, пива на три алтына на две деньги, коробью с пожитками и закладное, которое они имали у посторонних людей, — всего по цене на шесть рублей. На вышеозначенных воров полоненники били челом прежнему тюменскому коменданту господину Зубову. Но он-де, комендант, из караула вышеозначенных воров свободил и указу никакого не учинил. По сему названных разбойников надобно сыскать и подлинное их дело прислать в Тобольск губернатору Сибири князю Гагарину» [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. и701, оп. 1, д. 2, л. 152—152об].

В том же 1716 году в приказную избу пришла весьма многочисленная делегация: от детей боярских, казаков, пашенных и оброчных крестьян, служивых татар и бухарцев. Подьячий записал челобитную, обращенную к Державнейшему царю-государю: «Шведы в домах наших живут нечинно. Рабов твоих, государь, всячески скверными словами и блудным воровством бесчестят. Мы, рабы твои, по твоему государеву указу, всякого чина служивые люди, бываем по разным государевым службам и посылках не престанно. И мы, тяглые люди, бываем по отъезжым пашням по вся дни. А в домах шведы с нашими женами и детьми остаются. Всемиловитый государь, вели им, шведам, на их деньги казармы построить. Жить бы им, шведам, в казарме поскольку человек ваше величество укажет, чтоб нам, рабам твоим, от шведского утеснения и бесчестия впредь в конец не разоритца» [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. и701, оп. 1, д. 2, л. 152—152об].

Шведы «варили» вино, пиво, продавали табак, мед. Так, документ «Отрывок из дела об отдаче производства и продаже пива в Тюменском уезде шведским пленникам» говорит о пивном купле.

Документы Тобольского архива — «Челобитная шведского пленника капитана Юргена Енгилгарта» (июль 1716 г.), «Допросные речи Томской приказной палаты» (июль 1716 г.), «Доношение томского таможенного головы Алексея Гречанина об исполнении наказа из Томской приказной палаты о выемке «заповедного продажного питья, вина, меда и табака, пива у шведов» (1715 г.) — содержат сведения о занятии шведских пленников винокурением.

В первом документе, в «Доношении томского таможенного головы Алексея Гречанина об исполнении наказа из Томской приказной палаты» о выемке «заповедного продажного питья, вина, меда и табака, пива у шве-

дов» говорится: «.. и сего декабря в 21 день...по вышеписанному великого государя указу томския таможенныя голова Алексею Гречанину взял с собой таможенные целовальников ... вынял наразных пустых фатерах... у шведов взятоворовского винокуренной посуды три трубы виннокуренныя белого железа две боченки да скляница и с которых досмотру настороноу вылили вино да две мерки жестяные чем то воровское вино продавали дана фатерье же ... у шведских полоняников продажною заповедного питья, вина, в сулейке взято да в бочонке да ставленого меду сырцу в бадье да листового табаку три фунта. А что вина и ставленого меду мерою в бадье не ведает меду сырцу весу того он Алексей...» [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. и701, оп. 1, д. 2, л. 152—152об].

Во втором документе, «Челобитная шведского пленника капитана Юргена Енгилгарта», шведский пленник Юрген Енгилгарт сообщает о «взятке у него меду сырцу пареного...и в том своем разорение...учинилось...», капитан направил челобитную об отдаче ему меду сырцу пареного на томского таможенного голову Алексея Гречанина и на губернатора Сибири Матвея Петровича Гагарина; кроме того, швед обвинял Алексея Гречанина в недостатке чашек хрустальных и китайских и другой посуды [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. и701, оп. 1, д. 2, л. 156—157].

В третьем документе, «Допросные речи Томской приказной палаты», говорится: «1716 год июля 15 числа в Томску в приказной палате... дворянин Алексей Качанов допрашивал шведцкого пленника капитана Юргина, а в допросе сказал ...Алесей ...дан ему ... из приказной палаты .указ...а в том указе написано велено ему...в Томску у шведских пленников смотреть всякого воровства и заповедное вино и табак, мед и пиво вынимать для того ведано уинилось в томской приказной палате ...и на кружечных дворах в питейной продаже...остановка и в сборе денежной казне умоление и потому...он Алексей усматривал, что де многие томские жители и шведы опричь кружечного двора непрестанно бывают пьяны. А выходят с постоянных фатер шведских пленников и декабря 30 числа в четвертом часу дни Шелбон Алексей ...Иван Цицерин ... из того де двора вышли пьяные томские жители и шведы. И он де Алексей увидя их пьяных поворотился в гору и докладывал коменданту Михаилу Колычеву. И он де Михайло Колычев ...велел ему Алексею идти для досмотру взяв с собой людей и приказных деньшаков. И он де Алексей взял с собой таможенных целовальников Прокофья Самойлова, Афанасия Федосеева, приказных деньшаков Матвея Брагина, Ивана Белоусова...и с теми людьми на ...квартиру челобитчику капитану Юргену для выемки ходил и пришед обыскивал и по досмотру и по обыску явилось у него пленника заповедное питье, вино, табак, мед и пиво де вышеписанное заповедное велел он Алексей везти на

санях...в город, а их шведов везти в приказную палату, а вышеписанного де вина, табаку и меду и никакой посуды он Алексей в дом себе не бировал и чашек китайских и хрустальных не видал и брать де ему Алексею неколе, потому что он челобитчик и иные шведы в тоже время введены были с поличным с фатер своих в приказную палату и вымоичное было принесено при них шведах и ему де Алексею делать было не с кем и неколей и тем де он челобитчик поклепал его Алексея напрасно. А у кого, что заповедного питья и табаку, меду — подал в томскую приказной палате заручное доношение...» [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. и701, оп. 1, д. 2, л. 144—145об].

Существует мнение, что сибирский губернатор М. П. Гагарин симпатизировал и покровительствовал шведам. За годы своего правления сановник раздал пленникам из государственной казны свыше 15 тыс. руб. Благотворительность вызвала великий гнев Петра I, так как Северная война и так истощила денежные запасы. Исследователь Г. В. Шебалдина выделяет 3 основных этапа массового перехода каролинов на русскую службу. Первый этап связан с событиями, наступившими непосредственно сразу после пленения, когда на русскую службу в добровольно-принудительном порядке перешли воины трех немецких полков и большая группа рядовых шведской армии. Второй этап обусловлен тяжелыми материальными условиями первых лет пребывания в Сибири (1711—1713 гг.). На русскую военную службу тогда шли, как правило, каролины не шведского происхождения. Третий этап тесно связан с периодом активного строительства новых органов власти в России (1717—1719 гг.), в частности коллегий. Характерными чертами этого периода была активная политика русских властей и заранее оговоренная пленными временность службы, дающая возможность свободного возвращения на родину после окончания войны.

И здесь хотелось бы обратить внимание еще на один момент. Переход каролина на новую службу не расценивался остальными пленными как предательство: служба иностранному государству была характерной чертой того времени. Гораздо большего осуждения и презрения со стороны пленных каролинов заслуживал тот, кто, меняя место службы, менял веру. Негативное отношение к этим людям и отторжение их из общества остальных находит подтверждение в мемуарах самих участников событий.

Все вышеизложенное позволяет сформулировать вывод, что религиозное единство пленных каролинов и сформированная под его серьезным влиянием культурно-историческая общность определяли основу их самоидентификации в сибирском обществе [Шебалдина, 2005, с. 154].

За переход на российскую службу пленным шведам выдавали ежемесячно «по два рубля с полтиною, провианту муки ржаной и овса». Иногда

переход на службу сопровождался переходом в православную веру и сменой имени на русское: «Новокрещенный швед Терентий Перевалов просит отпустить его из Тюмени до Тобольска, а из Тобольска на Колыванские заводы (на Алтай) за казенным железом. Просит он из Тюменской канцелярии дать ему паспорт и уплатить печатные пошлины». Другой новокрещенный швед ездил на Ирбитскую ярмарку, за что уплатил пошлину 50 рублей с покупных товаров. Чиновники и офицеры, взятые в плен в Прибалтике, отправлялись в сибирскую ссылку вместе со своими семьями, женами и детьми. После заключения Ништадтского мирного договора 1721 года шведские военнопленные получили право возвращения на родину, но около четырехсот человек пожелали остаться в Тобольской губернии.

В трудах исследователей часто встречаются упоминания об активном употреблении алкогольных напитков городским населением Сибири, что объясняется суровыми климатическими условиями [Словцов и др., 1995, с. 208]. Но стоит отметить, что крестьяне нечасто употребляли спиртные напитки, так как большую часть времени они тратили на сельскохозяйственные работы, работу на государство, различные домашние заботы. Кроме того, пьющего крестьянина могли перевести в бобыли или он мог пойти «по миру».

Говоря о влиянии шведов на Сибирь в первой половине XVIII века, можно привести высказывание Г. В. Шебалдиной: «...нельзя отрицать цивилизаторскую роль Каролингов с их более развитой бытовой культурой и более совершенными практическими умениями и навыками». Вольно или невольно пленные шведские военнопленные способствовали ускорению освоения сурового края, знакомству с элементами западноевропейской культуры. Тем не менее Г. В. Шебалдина справедливо полагает, что их деятельность в большинстве случаев не носила целенаправленного цивилизаторского характера, а являлась результатом необходимости приспособления к многолетнему пребыванию в русском плену» [Шебалдина, 2005, с. 170].

5. Заключение

Таким образом, экономическое развитие края, интенсивный рост народонаселения в конце XVII — первой половине XVIII веков сопровождались существенными сдвигами в области культуры. В первой четверти XVIII века под влиянием масштабного реформирования всех сторон государственной и общественной жизни Тобольский край, как и вся Сибирь, включается в единое общероссийское русло развития. В то же время в результате взаимодействия культуры пришлого русского населения и культуры древних обитателей края формируется уникальный в своем своеобразии

зии региональный вариант материальной и духовной культуры и досугово-межкультурного общежития.

Русские переселенцы за Урал бережно сохраняли традиции возведения жилых и хозяйственных построек, изготовления мужской и женской одежды, домашней утвари. Одновременно с этим происходило усвоение некоторых традиций у коренного населения: появляются новые элементы в костюме, домашнем обиходе.

О повседневном свободном времяпровождении крестьян-сибиряков известно очень мало, но в досуге служилого населения особое место занимали игры — в кости, шахматы, шашки и карты. Особо следует отметить влияние военнопленных на культуру и быт сибиряков. Пленные шведы организовали частную школу, кукольный театр, лечили местных жителей, участвовали в научных экспедициях. Шведы, не обладавшие ремеслом, занимались торговлей. Архивные документы позволяют заключить, что шведы занимались производством пива и вина. Правительство запрещало продажу крепких напитков вне кружечных дворов, но так как употребление пива и вина среди населения пользовалось популярностью, продажа вина и пива была прибыльным делом.

Источники и принятые сокращения

1. ГБУТО ГА в г. Тобольске — *Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске*. Ф. И701. Кондинский Троицкий монастырь. — Оп. 1. Указы из Тобольской духовной консистории, переписка с Исетской канцелярией, описи имущества монастыря. Д. 2; Ф. И156. Тобольская Духовная Консистория. Оп. 12. Указы Святейшего Правительствующего Синода (1722—1755). Д. 1.
2. ПСЗРИ — *Полное собрание законов Российской империи : Собрание Первое*. С 1649 по 12 декабря 1825 г. Т. IV: 1700—1712: [№ 1740—2619]. — Санкт-Петербург : Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. — 881 с.
3. ПСЗРИ — *Полное собрание законов Российской империи : Собрание Первое*. С 1649 по 12 декабря 1825 г. Т. V: 1713—1719 : [№ 2620—3479]. — Санкт-Петербург : Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. — 780 с.
4. ПСЗРИ — *Полное собрание законов Российской империи : Собрание Первое*. С 1649 по 12 декабря 1825 г. Т. VI: 1720—1720 : [№ 3480—4136]. — Санкт-Петербург : Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. — 615 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишин М. О. Государство и становление профессиональной медицины в Сибири XVIII века / М. О. Акишин // Пятые Татищевские чтения. Духовность и нравственность на Урале в прошлом и настоящем : тезисы докладов и сообщений, Екатеринбург, 22—23 апреля 2004 г. — Екатеринбург : ИИиА УрО РАН, 2004. — С. 23—28.
2. Александров В. А. Россия на Дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в) / В. А. Александров. — Хабаровск : Книжное издательство, 1984. — 275 с.

3. Богомолов В. Б. Реконструкция костюма русских Западной Сибири по археологическим материалам XVII — XVIII веков / В. Б. Богомолов, Л. В. Татаурова, Е. В. Кравец // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 12 (303). История. — С. 28—35.

4. Волков М. Я. Очерки истории промыслов России, вторая половина XVII — первая половина XVIII в.: винокуренное производство : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / М. Я. Волков. — Москва, 1979. — 336 с.

5. Гололев Д. А. Шведы и винокурение в Тюмени в первой четверти XVIII в. / Д. А. Гололев // AUS Siberian — 2006. Научно-информационный сборник. — Тюмень : ИПЦ Экспресс, 2006. — С. 20—22.

6. История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. Т. 2 / ред. А. П. Окладников. — Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1968. — 486 с.

7. Исхаков Э. Р. Государственно-правовое регулирование здравоохранения в период правления Петра I / Э. Р. Исхаков, С. Г. Аксенов // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2012. — № 4 (22). — С. 4—10.

8. Корзухина Г. Ф. Из истории игр на Руси / Г. Ф. Корзухина // Советская археология. — 1963. — № 4. — С. 85—102.

9. Курукин И. В. «Государево кабацкое дело»: очерки питейной политики и традиций в России / И. В. Курукин, Е. А. Никулина. — Москва, 2005 — 381 с.

10. Мирский М. Б. Медицина в России в X—XX вв. / М. Б. Мирский. — Москва : РОССПЭН, 2005. — 631 с.

11. Мирский М. Б. Очерки истории медицины в России XVI—XVIII вв. / М. Б. Мирский. — Владикавказ : Рекламно-издательское агентство Госкомиздата РСО-А, 1995. — 170 с.

12. Раев Д. В. Кружечные дворы городов Западной Сибири в конце XVII — начале XVIII вв. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Д. В. Раев. — Новосибирск, 2003. — 223 с.

13. Сафронов Г. Ф. Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в. / Г. Ф. Сафронов. — Москва : Наука, 1980. — 144 с.

14. Слобцов П. А. Историческое обозрение Сибири / П. А. Слобцов, В. А. Крещик. — Новосибирск : Вен-Мер, 1995. — 676 с.

15. Фахрутдинова Ф. Д. Народный костюм как отражение взаимодействия в XIX — начале XX века : диссертация ... кандидата культурологии / Ф. Д. Фахрутдинова. — Челябинск, 2011. — 150 с.

16. Хаит Н. Л. К вопросу об организации медицинской помощи населению и популяризации медицинских знаний в Сибири в XVIII в. / Н. Л. Хаит // Проблемы социально-экономического развития Сибири. — 2016. — № 4 (26). — С. 140—145.

17. Харинский А. В. О появлении курительных трубок и табака в Прибайкалье / А. В. Харинский // Байкальская Сибирь в древности. — Иркутск : Иркутский государственный университет, 1995. — С. 207—217.

18. Шашков С. С. Рабство в Сибири : исторический очерк [Электронный ресурс] / С. С. Шашков // Дело. — 1869. — № 1, отд. 1. — С. 163—187; № 3, отд. 1. — С. 1—32.

19. Шебалдина Г. В. Шведские военнопленные в Сибири. Первая четверть XVIII века / Г. В. Шебалдина. — Москва : Российский государственный университет, 2005. — 209 с.

20. Шевцов В. В. Формы игрового досуга в среде служилого населения Томского острога / В. В. Шевцов // Города Сибири XVII — начала XX в. Вып. 2. История повсед-

невности : сборник научных статей / под ред. В. А. Скубневского, Ю. М. Гончарова. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. — С. 195—199.

21. Шелегина О. Н. Историко-этнографические аспекты адаптации русского населения в условиях освоения новых территорий / О. Н. Шелегина // Историческое познание: традиции и новации : материалы Международной теоретической конференции. Ижевск, 26—28 окт. 1993 г. Ч. 1. — Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 1996. — С. 113—120.

22. Шелегина О. Н. Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX вв. / О. Н. Шелегина. — Новосибирск : Наука, 1992. — 256 с.

23. Шелегина О. Н. Русские крестьяне Западной Сибири : особенности материальной культуры в XVIII — первой половине XIX века [Электронный ресурс] / О. Н. Шелегина // Культурологические исследования в Сибири. — Омск. — 1999. — № 2. — Режим доступа : <https://www.sites.google.com/site/treningmyvmeste/home/russkie/osobennosti-materialnoj-kultury> (дата обращения 6.02.2021).

24. Шелегина О. Н. Специфика историко-культурных процессов в западносибирской деревне феодального периода / О. Н. Шелегина // Общественно-политическая мысль и культура сибиряков в XVII — первой половине XVIII вв. / под ред. Н. А. Миненко. — Новосибирск : Издательство Новосибирского университета, 1990. — С. 3—29.

25. Шуляк Е. В. Развитие здравоохранения Сибири в XVIII — первой половине XIX в. / Е. В. Шуляк // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. — 2019. — Т. 5, № 2. — С. 121—132. — DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-2-121-132.

MATERIAL RESOURCES

GBUTO GA in Tobolsk — *State budgetary institution of the Tyumen region State Archives in Tobolsk. Kondinsky Trinity Monastery.* (In Russ.).

PSZRI — *Complete collection of laws of the Russian Empire: Collection First. From 1649 to 12 December 1825.* (1830). St. Petersburg: Type. II Branch of Own E.I.V. Chanceries. 4. 881 p. (In Russ.).

PSZRI — *Complete collection of laws of the Russian Empire: Collection First. From 1649 to 12 December 1825.* (1830). St. Petersburg: Type. II Branch of Own E.I.V. Chanceries 5. 780 p. (In Russ.).

PSZRI — *Complete collection of laws of the Russian Empire: Collection First. From 1649 to 12 December 1825.* (1830). St. Petersburg: Type. II Branch of Own E.I.V. Chanceries. 6. 615 p. (In Russ.).

REFERENCES

Akishin, M. O. (2004). State and formation of professional medicine in Siberia in the 18th century. In: *Fifth Tatishchev Readings. Spirituality and morality in the Urals in the past and present: abstracts of reports and messages.* Yekaterinburg: IliA UrO RAN. 23—28. (In Russ.).

Aleksandrov, V. A. (1984). *Russia at the Far Eastern borders (the second half of the XVII cent.).* Khabarovsk: Knizhnoe izdatelstvo. 275 p. (In Russ.).

- Bogomolov, V. B., Tataurova, L. V., Kravets, Ye. V. (2013). A reconstruction of the native costume of russian inhabitants in Western Siberia (applied to archaeological materials of XVII—XVIII centuries). In: *Chelyabinsk State University Bulletin*, 12 (303): 28—35. (In Russ.).
- Fakhrutdinova, F. D. (2011). *Folk costume as a reflection of interaction in the 19th — early 20th centuries: PhD Diss.* Chelyabinsk. 150 p. (In Russ.).
- Gogolev, D. A. (2006). *Swedes and distilling in Tyumen in the first quarter of XVII t.* In: *AUS Siberian — 2006. Scientific information collection.* Tyumen: IPTs Ekspress. 20—22. (In Russ.).
- Iskhakov, E. R., Aksenov, S. G. (2012). State legal regulation of health care during the reign of Peter I. *Legal science and law enforcement practice*, 4 (22): 4—10. (In Russ.).
- Khait, N. L. (2016). On the question of the organization of medical care for the population and the popularization of medical knowledge in Siberia in the 18th century. *Problems of social and economic development of Siberia*, 4 (26): 140—145. (In Russ.).
- Kharinskiy, A. V. (1995). About the appearance of smoking pipes and tobacco in the Baikal region. In: *Baikal Siberia in antiquity.* Irkutsk: Irkutsk State University. 207—217. (In Russ.).
- Korzukhina, G. F. (1963). From the history of games in Russia. *Soviet archeology*, 4: 85—102. (In Russ.).
- Kurukin, I. V., Nikulina, E. A. (2005). *“Gosudarevo Tavern Business”: Essays on Drinking Policy and Traditions in Russia.* Moscow. 381 p. (In Russ.).
- Mirskiy, M. B. (1995). *Essays on the history of medicine in Russia in the 16—18 centuries.* Vladikavkaz: Goskomizdat PCO-A. 170 p. (In Russ.).
- Mirskiy, M. B. (2005). *Medicine in Russia in the 10—20th centuries.* Moscow: ROSSPEN. 631 p. (In Russ.).
- Okladnikov, A. P. (1968). *History of Siberia from ancient times to the present day.* Leningrad: Nauka. Leningrad branch. 5/2. 486 p. (In Russ.).
- Raev, D. V. (2003). *Lace courtyards of the cities of Western Siberia in the late 17th — early 18th centuries: PhD Diss.* Novosibirsk. 223 p. (In Russ.).
- Safronov, G. F. (1980). *Russian crafts and trading in northeast Asia in the 17th — mid 19th centuries.* Moscow: Nauka. 144 p. (In Russ.).
- Shashkov, S. S. (1869). Slavery in Siberia: A Historical Outline. In: *Delo.* (In Russ.).
- Shebaldina, G. V. (2005). *Swedish prisoners of war in Siberia. First quarter of the 18th century.* Moscow: Russian State University. 209 p. (In Russ.).
- Shelegina, O. N. (1990). Specificity of historical and cultural processes in the West Siberian village of the feudal period. In: *Social and political thought and culture of Siberians in the 17th — first half of the 18th centuries.* Novosibirsk: Novosibirsk University Publishing House. 3—29. (In Russ.).
- Shelegina, O. N. (1992). *Essays on the material culture of Russian peasants in Western Siberia in the 18th — first half of the 19th centuries.* Novosibirsk: Nauka. 256 p. (In Russ.).
- Shelegina, O. N. (1996). Historical and ethnographic aspects of the adaptation of the Russian population in the context of the development of new territories. In: *Historical knowledge: traditions and innovations: materials of the International theoretical conference.* Izhevsk: Publishing house of the Udmurt University. 113—120. (In Russ.).

- Shelegina, O. N. (1999). Russian peasants of Western Siberia: features of material culture in the 18th — first half of the 19th century. *Cultural research in Siberia, Omsk*. Available at: <https://www.sites.google.com/site/treningmyvmeste/home/russkie/osobennosti-materialnoj-kultury> (accessed 6.02.2021). (In Russ.).
- Shevtsov, V. V. (2004). Forms of play leisure among the service population of the Tomsk prison. In: *Cities of Siberia XVII — early XX century. History of everyday life: collection of scientific articles*. Barnaul: Publishing house Alt. un-ta. 2. 195—199. (In Russ.).
- Shulyak, E. V. (2019). The development of healthcare in Siberia in the 18th — first half of the 19th century. *Bulletin of the Tyumen State University. Humanities research. Humanitates*, 5 (2): 121—132. DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-2-121-132. (In Russ.).
- Slovtsov, P. A., Kreschik, V. A. (1995). *Historical review of Siberia*. Novosibirsk: Ven-Mer. 676 p. (In Russ.).
- Volkov, M. Ya. (1979). *Essays on the history of Russian crafts, second half of the 17th — first half of the 18th century: distillery production: Doct. Diss.* Moscow. 336 p. (In Russ.).

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года
Индексируется в WoS <Emerging Sources Citation Index>
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в международную базу ERIH с 11 июня 2015 года.
Идентификационный номер журнала в ERIH – 485900.
Включен в Международный реестр периодических изданий Global Serials Directory Ulrichs Web
Размещается на платформах EBSCO, НЭБ-РИНЦ (eLibrary), на сайте журнала и др.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России»
Обязательные экземпляры журнала отправляются в ИТАР-ТАСС (Российскую книжную палату), Российскую государственную библиотеку, Роспечать и др.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru
Сайт: <http://www.nauka-dialog.ru/>

Группы научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК**Научные специальности в рамках групп научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК**

10.01.00 Литературоведение	10.01.01 Русская литература 10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) 10.01.08 Теория литературы. Текстология 10.01.09 Фольклористика 10.01.10 Журналистика
10.02.00 Языкознание	10.02.01 Русский язык 10.02.03 Славянские языки 10.02.04 Германские языки 10.02.19 Теория языка 10.02.20 Сравнительно-историческое и сопоставительное языкознание
07.00.00 Исторические науки и археология	07.00.02 Отечественная история 07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода) 07.00.07 Этнография, этнология и антропология 07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования 07.00.15 История международных отношений и внешней политики

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля. Издаётся с 2012 года.

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащённость научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **60** дней. Издательство берет на себя обязательство опубликовать статью не позднее четырех месяцев с момента получения положительной рецензии на статью. Сроки публикации 2—4 месяца.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ

Шрифт Times New Roman, 14 pt (при использовании дополнительных шрифтов они должны быть представлены в редакцию в электронном виде). Межстрочный интервал — полуторный. Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25.

В начале статьи слева без отступа указывается УДК (для получения обращаться к сотрудникам библиотек).

Ниже (через строку) с выравниванием по левому краю без отступа полужирным шрифтом приводится название статьи.

Далее — сведения об авторе / авторах (шрифт — 11 pt) по образцу:

© **Иванова Анна Ивановна** (2021), orcid.org/0000-0001-3815-8615, доктор филологических наук, доцент кафедры славистики филологического факультета, Белградский государственный университет (Белград, Сербия), ivanova@mail.ru.

Аннотация – шрифт 12 pt (не менее 150 слов), выравнивание «по ширине», абзацный отступ 1,25 (с использованием клише: *Рассматривается вопрос... Уделяется внимание... Представлены результаты сопоставительного анализа... Поднимается вопрос о... Особое внимание уделяется... Новизна исследования видится в том, что... Актуальность исследования обусловлена... Приводятся определения... Автор останавливается на... Доказано, что... Предлагается классификация... Выполнен обзор... Представлена авторская разработка... Описан опыт многолетней работы автора ... и под.*).

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–9 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Основной текст – выравнивание «по ширине», абзацный отступ автоматический — 1,25. Структурирование статьи подразумевает деление текста на смысло-

вые части. Каждый подраздел должен иметь краткий тематический заголовок. Если исследование имеет характер эксперимента, то структурировать статью допускается по модели, традиционной для публикаций в международных изданиях: Введение, Методика, Результаты и обсуждение, Выводы.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001a; Иванов, 2001b]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора ..., 1994], [Методика расчета ..., 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Список литературы приводится после текста статьи, составляется по алфавиту, нумеруется, предваряется словом «Литература», выполняется шрифтом 12 pt. Сначала в алфавитном порядке приводится перечень работ на русском языке (кириллица), затем, также по алфавиту, работ на иностранных языках (латиница). Список литературы должен свидетельствовать о том, что автор знаком с научной литературой по теме статьи, поэтому рекомендуется включать в библиографический список не менее чем 15 позиций, в том числе желательно, если позволяет область исследования, представлять библиографические описания зарубежных публикаций по данной теме. Если статья написана с использованием лексикографических источников (словарей), архивных материалов, картотек, то они подаются отдельным списком перед списком литературы под заголовком «Источники и принятые сокращения».

Библиографические описания выполняются по ГОСТ Р 7.0.9-2009 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическое обеспечение издательских и книготорговых процессов. Общие требования» (<http://www.gosthelp.ru/gost/gost48640.html>). Фамилия автора книги или (при его отсутствии) первое слово названия книги выделяется курсивом. При наличии у книги двух или трех авторов первым элементом библиографической записи указывают только имя первого автора. Имена всех авторов приводят за косой линией. Если авторов четыре и более, описание книги начинают с заголовка, а за косой линией приводят имя первого автора с пометкой «[и др.]». Необходимо указывать изда-

тельство, в котором выпущена книга. Обязательно указывается общее количество страниц в книге либо диапазон страниц, на которых размещена, например, статья в журнале.

ПРИМЕРЫ:

Источники и принятые сокращения

1. Женщина — председатель колхоза // За Родину : газета. — 1946. — № 10. — С. 1.
2. КСРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров (хранится в Институте лингвистических исследований Российской академии наук, Санкт-Петербург).
3. Николаев А. Председатель во хмелю / А. Николаев // Сталинский призыв : газета. — 1953. — № 126 (990). — С. 4.
4. ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. — Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1967—2008. — Вып. 1—20.
5. СПГ — Словарь пермских говоров / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. — Пермь : Книжный мир, 2000—2002. — Вып. 1—2.
6. ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.
7. ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф.4. (Обком КПСС). Оп.53. Д.187. Лл. 2, 6.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. — Москва : Искусство, 1986. — 329 с.
2. Вьюговская Е. Схемы выдвижения в стандартизированном интервью / Е. Вьюговская, А. Ипатова, Д. Рогозин // Телескоп : журнал социологических и маркетинговых исследований. — 2012. — № 4. — С. 40—45.
3. Карасик В. И. Религиозный дискурс / В. И. Карасик // Языковая личность : проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики : сборник научных трудов. — Волгоград : Перемена, 1999. — С. 5—19.
4. Матвеева А. С. Служебное деловое письмо : теория, история, трансформация в условиях информатизации общества : автореферат диссертации ... кандидата педагогических наук : 05.25.02 / А. С. Матвеева. — Краснодар, 2012. — 22 с.
5. Мунье Э. Персонализм : краткое введение к вопросу [Электронный ресурс] / Э. Мунье. — Режим доступа : http://anthropology.rchgi.spb.ru/munie/munie_s1.html.
6. Некоторые перспективы исследования смысловых образований личности / А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь, Б. В. Зейгарник, В. А. Петровский, Е. В. Субботский, А. У. Хараш, Л. С. Цветкова // Вопросы психологии. — 1979. — № 4. — С. 118—127.
7. Собкин В. С. Психологический анализ уровней литературного развития старшеклассников : диссертация .... кандидата психологических наук / В. С. Собкин. — Москва, 1982. — 169 с.
8. Garibaldi L. Mussolini e il Professore : Vita e diari di Carlo Alberto Biggini / L. Garibaldi (ed.). — Milano : Mursia, 1983. — 362 p.

9. Giglio C. Dodecaneso / C. Giglio // Oriente moderno. — 1929. — № 8. — P. 347.
10. Rosselli A. Come l'Italia conquista il Dodecanneso [Electronic resource] / A. Rosselli. — Access mode : <http://www.anpi.it/militari/rodi.html>.

Англоязычные сведения о статье и ее авторах готовятся редакцией после принятия статьи к публикации (авторские переводы не принимаются) и размещаются в конце статьи.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала <http://www.nauka-dialog.ru/>. Справку можно получить по тел. **(343)3458984, 89120458984.**

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то УКАЗЫВАЙТЕ номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Berezovich, E. L., Leontyeva, M. O.</i> Vocabulary for Lower Back and Lumbar Pain in Russian Dialects: an Overview	9
<i>Bespalova, E. A., Elnikova, A. V.</i> Biblical Phraseological Units with an Anthroponym in Modern Media Texts	29
<i>Ioanesyan, E. R.</i> Typology of Words and Constructions with a High Degree of Meaning	43
<i>Kazakov, G. A.</i> Lexical Aspects of Russian Bible Translations	59
<i>Koneva, N. V., Starodumova, E. A.</i> Textual Bond ‘krome togo’ [moreover]: Contextual Modifications	78
<i>Lavrova, S. Yu., Ermakova, L. A.</i> Character’s Inner Speech as Effective Way of Literary Discourse Organization (Novel “The Remains of the Day” by Kazuo Ishiguro)	92
<i>Nikitin, O. V.</i> “It Turns Out Glavlit Has Not Yet Signed Off on Ostrovsky Dictionary...” (Correspondence of N. S. Ashukin and S. I. Ozhegov 1940—1960s)	113
<i>Selemeneva, O. A.</i> System of Mythonyms in Poetry of Ivan Bunin	136
<i>Seagal, K. Ya.</i> Metalanguage Attitude and Syntax of Secondary Text (Poetic Parodies by A. A. Ivanov)	151

LITERARY STUDIES. JOURNALISM. FOLKLORE 172

<i>Bogdanova, O. V., Vlasova, E. A.</i> Multi-Genre Strategies of “Walking with Pushkin” by A. Terts (A. Sinyavsky)	173
<i>Burtseva, M. A.</i> Worldview in Gothic Story by E. F. Benson “Gavon’s Eve”	192
<i>Kaplun, M. V.</i> Plays on Plot of Tamerlane and Bayazet on Russian Stage of Late 17 th — Early 18 th Centuries: Northern European Sources	207
<i>Lushnikova, G. I., Osadchaya, T. Yu.</i> Fragmentation of Modern Artistic Narrative (English-Language Prose)	225
<i>Sukhikh, O. S., Yukhnova, I. S.</i> Motives of Story “Queen of Spades” by Alexander Pushkin in Novel “Bad Weather” by Alexander Ivanov	240
<i>Tolkacheva, S. V.</i> Symbols of Time in Russian Wedding Folklore of Udmurtia	251
<i>Ushakova, E. V.</i> Duplicity in Novel by M. Spark “Aiding and Abetting”	267

HISTORICAL SCIENCES

<i>Apriyshchenko, V. Yu., Lagoshina, N. A.</i> Resettlement of British and Irish Catholics to Continental Europe in 16 th —18 th Centuries.	281
--	-----

<i>Arkipova, N. E.</i> John Damascus's Church-Singing Brotherhood in Nizhny Novgorod at Beginning of 20 th Century	302
<i>Bespalova, K. A.</i> French Prisoners of War in South of Soviet Russia in Spring and Summer of 1919	317
<i>Burnasheva, N. I., Kovlekov, I. I.</i> State Management of Mining Industry of Yakutia in 1920s: Principles and Development Priorities	332
<i>Vasilchenko, M. A., Vaculik, Ya.</i> Bohdan Pavlu and His Activities in Russia (1915—1919)	347
<i>Kimeeva, T. I., Abramova, P. V., Nasonov, A. A.</i> Interpretation and Reconstruction of Traditional Rituals on Semiotic Approach (Shor Rite 'Shachig')	361
<i>Nikiforov, Yu. S.</i> Between Innovation and Dogmatism: 'Party Economic Functionaries' as an Actors of Interaction between Regions and Center in Context of Transformation of Socio-Economic Sphere of USSR in 1970s — Early 1980s	378
<i>Plekhanova, A. M., Shirapov, A. A.</i> Formation of Banking in Western Transbaikalia in 19th Century: Merchant Initiatives	392
<i>Popov, A. D.</i> "Routes of Friendship": Organization of International Tourism in Countries of Socialist Camp in 1950-1980s	408
<i>Reinhardt, R. O.</i> Diplomatic Service of Italian Diplomat J.-C. de Ludolf (1805–1861)	426
<i>Soboleva, A. N.</i> Izba-Reading Room as a Rural Cultural Center in Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic in 1920-1930s	436
<i>Suslova, L. N., Yarkova, I. V., Bukanova, R. G.</i> Everyday Life of Population of Siberian Province in Context of Peter's I Reforms in First Quarter of 18th Century	448

ПОДПИСКА

на журнал

«Научный диалог»

Уважаемые читатели!

На журнал «Научный диалог» можно оформить подписку.

Подписной индекс **29255**
в Объединенном каталоге «Пресса России».

Вы можете подписаться онлайн через
Интернет-каталог «Пресса по подписке».

Вы можете также заказать редакции любой
из уже вышедших номеров журнала, сделав запрос
в адрес редакции: **nauka-dialog@mail.ru.**

Опубликованные в журнале материалы представлены
в Международном каталоге периодических изданий

Global Serials Directory Ulrichs Web
(www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/)

Компьютерная верстка и дизайн:
Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 15.06.2021. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 27,6. Тираж 500 экз. Заказ 15/06-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.
Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2021
Свободная цена